ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

5. ПРИ 1872.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречист. вор. д. Шиловой.

1872.

ВЪ РЕДАКЦІИ РУССКАГО АРХИВА МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ПЕРВЫЕ ВОСЕМЬ ТОМОВЪ

СБОРНИКА

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Томъ I. Рескрипты и письма Императрицы Екатерины II на имя гр. А. Г. Орлова.— Бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой.—О мемуарахъ герцога Карла Фридриха, отца Императора Петра III. Барона М. А. Корфа.—Письма Императрицы Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ.—Письма Императрицы Екатерины II къ г-жѣ Жоффренъ.—Письмо Императрицы Екатерины II къ преосвященному Псковскому. — Письмо Вольтера къ Императрицѣ Екатеринѣ II. Письмо маркиза де Лафайета къ барону Гримму. Письмо фельдмаршала графа Суворова къ статсъ-секретарю Турчанинову.—Донесеніе Императрицѣ Екатеринѣ II сенаторовъ Державина, Храповицкаго и Новосильцова о бюджетѣ 1794 года. — Письма графа Аракчеева.—Учебныя книги и тетради Великаго Князя Александра Павловича.—Дневная записка путешествія Императрицы Екатерины II въ Могилевъ. — Переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи Іезуитскаго новиціата. Князя М. А. Оболенскаго.

Томъ II. Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ первые годы царствованія Императора Александра I. Статья К. К. Злобина.—Новые документы по дѣлу Новикова.—Собственноручная записка графа Поццо ди Борго о немъ самомъ, 1-го Іюля нов. ст. 1804 года.—Депеши графа Литты, посланника Мальтійскаго ордена въ С.-Петербургѣ.—Извлеченіе изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова.—Записка барона Т. Димсделя о пребываніи его въ Россіи.—Собственноручное письмо Императора Петра II.—Историческая записка о происхожденіи и послѣдствіяхъ моей (барона Фридриха Мельхіора Гримма) преданности Императрицѣ Екатеринѣ II, до кончины Ея Величества. — Законодательная Коммиссія при Императорѣ Петрѣ II, 1728 года. Статья Д. В. Полѣнова.—Записка Императрицы Екатерины II графу Ивану Чернышеву.

Томъ III. Записка Трощинскаго о министерствахъ.—Записка графа Іоанна Каподистріа о его служебной дѣятельности.— Отвѣтное письмо графа Іоанна Каподистріа Петро-Бею, вождю Спартанцевъ.—Инструкція, данная Императрицею Екатериною II-ю, генералъ-маіору фонъ-Ребиндеру. — Шесть писемъ Императора Александра I-го къ княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской.— Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи.

Томъ IV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Часть I.

Томъ V. Письма Императора Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу. Сообщено Е. И. В. Государемъ Цесаревичемъ Наслѣдникомъ. — Проектъ кн. М. Н. Волконскаго о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ.—Бумаги князя Н. В. Репнина.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе Императрицы Екатерины II.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ Императору Александру I.—Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевскомъ бунтѣ. Сообщено

ПИСЬМА И РЕСКРИПТЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й КЪ МОСКОВСКИМЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ *.

VI. КЪ М. М. ИЗМАЙЛОВУ.

1.

Божіею милостію Мы Екатерина II, Императрица и Самодержица и пр.

Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику Измайлову.

Будучи увѣрены объ усердіи вашемъ къ службѣ нашей, избрали мы васъ до будущаго впредъ соизволенія нашего къ заступленію мѣста главнокомандующаго въ престольномъ нашемъ градѣ Москвѣ и по всей тамошней губерніи. Въ слѣдствіе сего, поручая вамъ сіе начальство съ полною довѣренностію нашею, на такомъ основаніи, какъ оное вашимъ предмѣстникамъ поручено было и какъ о томъ учрежденіями нашими предписано, повелѣваемъ вамъ принять дѣла до него касающіяся отъ предмѣстника вашего генерала князя Прозоровскаго, присутствовать по прежнему Сената нашего въ 5-мъ департаментѣ, когда вы время имѣть будете или же дѣла онаго востребуютъ, увѣдомлять насъ еженедѣльно и во всемъ прочемъ исполнять предписанія прежнимъ главнокомандующимъ данныя. Что касается до войскъ подъ командою генерала князя Прозоровскаго бывшихъ, оныя указали мы препоручить генералу князю Долгорукову.

Данъ въ С.п.бургѣ.
Марта 21-го дня 1795.

*) См. выше, стр. 217 и 441. Писанное собственноручно означено вносными знаками. *П. Б.*

2.

Михайло Михайловичъ.

Благодарю васъ за поздравленіе, приносимое по случаю дня рожденія моего. Я никогда не сомнѣвалась въ вашемъ ко мнѣ усердіи, такъ какъ и вы не должны сомнѣваться въ моемъ къ вамъ благоволеніи.

Въ С.п.бургѣ.
Апрѣля 24, 1795.

3

Михайло Михайловичъ.

Препровождая при семъ прошеніе, дошедшее къ намъ на почтѣ изъ Москвы, отъ дочери умершаго Грузинскаго гусарскаго полку полковника князя Шаликова, дѣвицы княжны Елисаветы Шаликовой, изъясняющей состояніе ея, обремененное бѣдностію и болѣзньми, повелѣваемъ вамъ, по удостовѣреніи, что подлинно сія дѣвица въ такомъ состояніи находится, предложить Приказу Общественнаго Призрѣнія Московской губерніи, яко мѣсту, обязанному по должности его пещись о призрѣніи подобныхъ просительницъ, дабы онъ опредѣлилъ ей изъ доходовъ своихъ нѣкоторое ежегодное содержаніе.

Въ С.п.бургѣ.
Апрѣля 28, 1795.

4.

Михайло Михайловичъ.

Препровождая при семъ прошеніе, поданное намъ отъ вдовы Московскаго купца Ивана Антипова Степаниды Антиповой, въ коемъ она изъясняетъ, что Московской купецъ Иванъ Ярцевъ, купивъ у нея каменныя харчевни и лавочныя мѣста въ Москвѣ состоящія за 1,300 рублей, выманилъ у нея обманомъ купчую на оныя совершенную и, заплатя въ число договорной суммы въ разныя времена только 268 рублей, въ достальныхъ заперся и отъ разбирательства въ Совѣстномъ Судѣ отрекся, повелѣваемъ вамъ, призвавъ ихъ къ себѣ, стараться убѣжденіемъ совѣсти Ярцева довести его до удовлетворенія просительницы. Буде же симъ средствомъ не предуспѣете примирить ихъ, тогда тяжбу ихъ предложить Московскому Совѣстному Суду на разборъ и рѣшеніе по правиламъ должности его, въ учрежденіяхъ нашихъ о управленіи губерній начертаннымъ.

Въ С.п.бургѣ.
Мая 3. 1795.

5.

Михайло Михайловичъ.

Получивъ съ одной стороны прошеніе отъ статскаго совѣтника и Московскаго Воспитательнаго Дома опекуна Гогеля съ жалобою на правящаго должность преемника главнаго попечителя, тайнаго совѣтника графа Миниха, который будтобы безвинно, не изслѣдовавъ поведенія его по службѣ и не пріемля никакихъ оправданій, отрѣшилъ его отъ должности оберъ-директора и отъ присутствія въ Опекунскомъ Совѣтѣ, а съ другой донесеніе помянутаго тайнаго совѣтника графа Миниха съ представленіемъ записки, изображающей разныя по Воспитательному Дому упущенія, разстройство и злоупотребленія, кои приписываетъ онъ означенному Гогелю и за которыя, равно какъ и за неповиновеніе, принужденъ онъ былъ отрѣшить его отъ всѣхъ дѣлъ, препровождаемъ при семъ къ вамъ списки съ означенныхъ бумагъ, желая, чтобъ вы безпристрастно изслѣдовали истину содержащихся въ нихъ показаній и намъ донесли подробно какъ о томъ, такъ и о подлинномъ состояніи казны Воспитательнаго Дома и всѣхъ его заведеній. Дозволяемъ при томъ вамъ, если вы признаете нужнымъ, пригласить наличныхъ въ Москвѣ пребывающихъ почетныхъ благотворителей и попечителей и съ ними купно сіе дѣло разсмотрѣть, исправя всѣ безпорядки и упущенія, какія тутъ найтиться могутъ и стараясь всемѣрно, дабы толь полезное и для блага подданныхъ нашихъ устроенное заведеніе ни въ какой части не потерпѣло ни малѣйшаго вреда и ущерба, но сохранялось бы во всемъ по учрежденіямъ, нами конфирмованнымъ. О тѣхъ же, которые въ нарушеніи оныхъ, а тѣмъ паче во злоупотребленіи должности и общей довѣренности окажутся виновными, представить намъ, дабы могли мы подвергнуть ихъ законному сужденію.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 28. 1795.

6.

Михайло Михайловичъ.

Видя изъ донесенія тайнаго совѣтника Дмитріева-Мамонова, что Приказъ Общественнаго Призрѣнія Московской губерніи положенную на содержаніе Екатерининской больницы сумму 16,211 рублей въ теченіи прошлаго года

отпускалъ съ великими затрудненіями, а нынѣшній годъ по многимъ домогательствамъ и съ помощію вашею едва только 1500 рублей доставилъ, повелѣваемъ истребовать отъ онаго Приказа объясненіе о причинахъ толь неисправнаго отпуска денегъ на такую статью, которая, относясь къ призрѣнію больныхъ неимущихъ, составляетъ одну изъ главныхъ его попеченій. А между тѣмъ подтвердите кому слѣдуетъ, чтобъ сумма, опредѣленная на содержаніе помянутой больницы, съ лучшею впредъ исправностію доставляема была, если не находится въ томъ какихъ либо намъ неизвѣстныхъ препятствій, о которыхъ не оставьте намъ донести.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 31, 1795.

7

Михайло Михайловичъ.

Не видя изъ представленія вашего о карточныхъ игрокахъ, коихъ вы по дѣламъ Волжина и Шетиловича допрашивали, кто они таковы и чьи тѣ домы, гдѣ были сборища для карточной игры, я желаю, чтобъ вы доставили мнѣ объ нихъ, не исключая ни одного, имянной списокъ. Впрочемъ какъ взнесенные уже тѣми игроками 23,000 рублей, такъ и по взысканіи съ нихъ остальныхъ 1300 рублей, прикажите отдать въ Московскій почтамтъ въ замѣнъ похищенной изъ онаго комисаріатской суммы, которая тогда же комисаріату изъ почтовыхъ доходовъ заплачена.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюня 4, 1795.

8.

Михайло Михайловичъ.

Препровождая при семъ прошеніе, дошедшее къ намъ отъ двухъ сестеръ жены корнета Сергѣя Лаврова Анны и дѣвицы Татьяны Раевской, съ представленіемъ, — какими неправедными средствами присвоила себѣ жена умершаго брата ихъ гвардіи прапорщика Дмитрія Раевскаго Катерина родовое, просительницамъ по наслѣдству принадлежащее имѣніе, повелѣваемъ предложить оное Московскому Совѣстному Суду на разборъ и рѣшеніе, по правиламъ должности его въ учрежденіяхъ нашихъ изображеннымъ. Относительно же преступленія помянутой вдовы Раевской, которая будто бы засѣкла до смерти двухъ человѣкъ и въ томъ приговоромъ Уѣзднаго Суда уже обвинена, прикажите дѣло сіе уголовнымъ порядкомъ производить со всею законною строгостью безъ малѣйшаго продолженія времени, поруча наблюденіе за онымъ стряпчему уголовныхъ дѣлъ.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 7, 1795.

9.

Михайло Михайловичъ.

Прилагая при семъ прошеніе жены отставнаго гвардіи-поручика Петра Михнева Аѳимьи Михневой, изображающее несчастное состояніе ея и дѣтей ея по причинѣ, что мужъ ея, не страстію къ игрѣ влекомый, но обдержимый болѣзнію ипохондрическою, руководствомъ племянника своего, нѣкоторой соединенной компаніи проигралъ въ карты до 60,000 рублей, въ томъ числѣ наличныхъ до 17,000 рублей, а въ прочей суммѣ далъ закладную и векселя, по коимъ и взысканіе съ него уже чинится, повелѣваемъ вамъ о обстоятельствахъ сего происшествія чрезъ кого надлежитъ изслѣдовать немедленно, и буде найдется показаніе просительницы справедливо, то въ уничтоже-

піи карточныхъ долговъ поступить по послѣднему нашему вамъ данному указу, остановя между тѣмъ взысканіе оныхъ. По окончаніи же сего дѣла не оставьте донести намъ объ ономъ, увѣдомя, изъ кого состоитъ та соединенная компанія, на которую жена Михнева приноситъ жалобу.

Въ Царскомъ Селѣ,
Іюля 7. 1795.

10.

Михайло Михайловичъ.

Разсмотрѣвъ взнесенный отъ васъ докладъ, повелѣваемъ: 1) по ветхости деревяннаго обруба, сдѣланнаго на лѣвомъ берегу по теченію рѣки Москвы противу Кремля и непрочности починки онаго, обдѣлать тотъ берегъ дикимъ камнемъ по планамъ отъ васъ представленнымъ, расположа сію работу лѣтъ на пять и обратя на оную въ первые годы какъ тѣ 70,000 рублей, кои остались отъ суммы, вырученной за продажу стараго въ Москвѣ гостиннаго двора, такъ и имѣющійся въ вѣдомствѣ вашемъ по Кремлевской Экспедиціи дикой камень, безъ всякаго употребленія остающійся. А сколько не доставать будетъ къ совершенному окончанію помянутой работы денегъ, объ ономъ, по удостовѣреніи практическомъ, во что̀ каждая сажень таковой каменной обдѣлки обойдется, представить намъ исчисленіе. Въ уменьшеніе же издержекъ дозволяемъ надобный бутъ брать изъ фундамента бывшей стѣны Бѣлаго Города, засыпая тотчасъ по вынутіи буту ямы и выравнивая по прежнему мѣста. 2) Пустаго на Моховой улицѣ мѣста, Кремлевской Экспедиціи принадлежащаго, не продавать, 3) По оказавшемуся въ Кремлѣ въ корпусѣ Сытнаго Двора въ трехъ крайнихъ комнатахъ поврежденію, угрожающему паденіемъ, разобрать оныя комнаты до нижняго этажу, въ предупрежденіе, дабы проѣзжающимъ и проходящимъ какого либо вреда отъ того причиниться не могло.

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 7. 1795.

11.

Михайло Михайловичъ.

Находящихся въ Москвѣ коллежскихъ ассессоровъ Павла Іевлева и Дмитрія Малимонова, секундъ-маіора Роштейна, подпоручика Аѳанасія Волжина и секретаря Луку Попова, которые, какъ по произведенному слѣдствію оказалось, не взирая на законную строгость, съ какою запрещены въ имперіи нашей всякія азартныя и разорительныя игры, не только продолжали таковыя игры, но при оныхъ употребляли всѣ средства хитрости и обмана для вовлеченія другихъ въ пагубныя свои сѣти, повелѣваемъ, какъ людей провождающихъ праздную и развратную жизнь и совершенно вредныхъ обществу, удалить изъ столицы нашей, отправя ихъ на житье въ уѣздные города «Вологодской и Вятской губерній», съ тѣмъ, чтобъ городничіе тѣхъ городовъ имѣли за поведеніемъ ихъ наблюденіе, внеся притомъ имена ихъ въ публичныя вѣдомости, дабы всякъ отъ обмана ихъ остерегался. Что̀ же касается до отобранныхъ у Волжина управою Благочинія векселей, закладныхъ и ломбардныхъ билетовъ суммою на 159000 рублей, такожъ разныхъ бриліантовыхъ и золотыхъ вещей, оныя всѣ, яко стяжаніе неправеднымъ образомъ снисканное и ему непринадлежащее, отдать въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія Московской губерніи на употребленія полезныя и богоугодныя. Впрочемъ не оставьте

подтвердить всѣмъ тѣмъ, кои въ представленномъ отъ васъ спискѣ поименованы, дабы они отъ упражненія въ разорительныхъ играхъ всемѣрно воздержались подъ страхомъ нашего гнѣва и неизбѣжнаго взысканія по законамъ.

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 7. 1795.

12.

Михайло Михайловичъ.

Два гусарскіе эскадрона, которые по указу нашему отъ 20 Іюня прошлаго 1788 года сформированы въ Москвѣ для городовой стражи и въ пособіе тамошней полицейской командѣ, повелѣваемъ принять въ свое вѣдомство для употребленія въ ту службу, для коей они первоначально назначены.

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 7. 1795.

13.

Михайло Михайловичъ

По представленію вашему повелѣваемъ находящемуся при Московскихъ водяныхъ работахъ подполковнику Антону Герарду, употребленному вами къ наблюденію обдѣлки камнемъ берега Москвы-рѣки, производить прежде получаемое имъ жалованье по 650 рублей на годъ, доколѣ онъ обрѣтаться будетъ при помянутой работѣ, изъ суммъ на оную опредѣленныхъ, изъ которыхъ и слѣдующее ему за прошедшее время жалованье выдать.

Въ С. П. бургѣ.
Декабря 7. 1795.

14.

«Михайло Михаиловичь. Изъ письма вашего отъ 20 Марта сего года увѣдомилась я увѣрительно о подлинности болѣзни графа П. Потемкина и что надежда худа, чтобъ онъ выздоровѣлъ. Вслѣдствіе чего предписываю я вамъ у доктора навѣдываться почаще объ немъ и мнѣ увѣдомить о выздоровленіи, либо о смерти его. Въ семъ послѣднемъ случаѣ вы не оставите, отдѣливъ домашнихъ его бумагъ отъ тѣхъ касательно службы и должностей его, сихъ послѣднихъ прикажите члену или секретарю Тайной Экспедиціи забравъ и запечатавъ, прислать немѣшкатно ко мнѣ. Пребываю къ вамъ доброжелательна. Екатерина.

Марта 29 ч.
1796.

15.

Михайло Михайловичъ.

По содержанію препровождаемаго при семъ прошенія Рижскаго купца Ивана Хлѣбникова, донесите намъ о причинахъ, по коимъ прикащики его въ Москвѣ заключены въ тюрьму, купеческія дѣла и книги запечатаны и имѣніе его взято въ вѣдомство полиціи; а между тѣмъ не оставьте подтвердить тому мѣсту, до котораго принадлежитъ разборъ сего дѣла, чтобъ по оному немедленно законное рѣшеніе учинено и обиженному справедливое удовлетвореніе доставлено было.

Въ С.п.бургѣ.
Апрѣля 5. 1796.

16.

Михайло Михайловичъ.

Изъ приложеннаго при семъ прошенія, полученнаго мною на почтѣ изъ Москвы отъ солдатской жены Матрены Шипилиной, увидите вы, какимъ образомъ потеряла она 200 рублей, и что хотя слѣды сей пропажи отысканы, но она осталась безъ удовлетворенія. Я посылаю вамъ 200 рублей, которые отдайте просительницѣ и при томъ рекомендуйте ей, чтобъ

она впредъ деньги свои лучше беречь умѣла.

Въ С.п.бургѣ.
Апрѣля 7. 1796.

17.

Михайло Михайловичъ.

Доставьте намъ свѣдѣніе, много ли по сю пору пропущено въ Москвѣ сквозь цилиндръ какихъ матерій и сколько собрано за то Городовою Думою денегъ? Да и впредъ таковыя свѣдѣнія ежемѣсячно къ намъ присылайте.

Въ С п.бургѣ.
Мая 13. 1796.

18.

Михайло Михайловичъ.

О кончинѣ графа Ѳедора Григорьевича Орлова свѣдала я неинако какъ съ крайнемъ сожалѣніемъ по мѣрѣ признанія, какое сохраняла я всегда къ знаменитымъ заслугамъ его. Я поручаю вамъ о таковыхъ чувствахъ моихъ объявить братьямъ покойнаго и увѣрить ихъ о непремѣнномъ моемъ къ нимъ доброжелательствѣ.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 27. 1796.

19.

Михайло Михайловичъ.

Видѣвъ изъ донесенія вашего отъ 19-го сего мѣсяца распоряженіе, какое вы учинили къ сохраненію и разбору снесеннаго, увеличившеюся въ Москвѣ рѣкѣ водою, въ большомъ количествѣ лѣса, находимъ оное основательнымъ и одобреніе наше заслуживающимъ.

Касательно причиненныхъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ отъ бывшаго въономъ пожара поврежденій, прикажите Московской Казенной Палатѣ, освидѣтельствовавъ оныя, сочинить вѣрныя смѣты и намъ донести, сколько на исправленіе всего того потребно будетъ денегъ, которыя мы отпустить укажемъ, дабы починка помянутаго монастыря въ нынѣшнее еще лѣто учинена быть могла.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 27. 1796.

20.

Михайло Михайловичъ.

По содержанію прилагаемой при семъ выписки изъ прошенія присланнаго къ генералъ-рекетмейстеру изъ Москвы отъ находящагося тамъ подъ стражею Суздальскаго пѣхотнаго полку прапорщика Василія Трубникова, повелѣваемъ вамъ учинить строгое и вѣрное изысканіе, подлинно ли производились надъ нимъ и другими на съѣзжемъ дворѣ полицейскимъ маіоромъ Моложининовымъ жестокія истязанія и всякому мѣсту запрещенная пытка, при допросахъ по случаю происшедшаго убійства дворовой купецкаго президента Грунина дѣвки, стараясь дойти до истины показуемаго Трубниковымъ чрезъ тѣхъ людей, на коихъ онъ ссылается, такъ какъ и чрезъ священника, дѣлавшаго увѣщанія преступникамъ; и что̀ по вашему изысканію найдется, да и вообще что̀ происходитъ по дѣлу о помянутомъ убійствѣ, донесите намъ обстоятельно.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 30. 1796.

21.

Михайло Михайловичъ.

Препровождая при семъ прошеніе, дошедшее къ намъ на почтѣ отъ живущихъ въ Москвѣ двухъ сестеръ дѣвицъ княженъ Туркистановыхъ, коимъ они жалуются на бѣдность и неимѣніе никакого способа къ про-

питанію, повелѣваемъ вамъ, если подлинно по удостовѣренію вашему найдутся онѣ въ толь недостаточномъ состояніи, имѣя при томъ поведеніе хорошее, въ такомъ случаѣ предложить Московскому Приказу Общественнаго Призрѣнія, чтобъ онъ, по примѣру здѣшняго, опредѣлилъ имъ изъ доходовъ своихъ необходимо нужное на пищу, одежду и квартиру содержаніе.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюня 10. 1796.

22.

Михайло Михайловичъ.

На возобновленіе сгорѣвшихъ Московской округи въ дворцовой деревнѣ Панкахъ, прикосновенной къ селу Люберцамъ, 58-и дворовъ, для рожденія внука нашего великаго князя Николая Павловича, всемилостивѣйше жалуемъ тѣмъ крестьянамъ на каждый дворъ по 25-и рублей, всего 1450 рублей, которые мы повелѣли доставить къ вамъ изъ нашего кабинета.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 1. 1796.

23.

Михайло Михайловичъ.

Разсмотрѣвъ дѣло о продажѣ запрещенныхъ книгъ, производившееся въ Московскихъ присутственныхъ мѣстахъ и учиненныя въ оныхъ рѣшенія, коими, по мѣрѣ преступленій, сообразно съ законами, приговорены къ разнымъ наказаніямъ, купцы: Никита Кольчугинъ, Иванъ Переплетчиковъ, Матвѣй Глазуновъ, Тимофей Полежаевъ, Иванъ Козыревъ, Иванъ Луковниковъ, Павелъ Вавиловъ, университетскій переписчикъ Водопьяновъ, купцы же Петръ Заикинъ, Василій Глазуновъ и Семенъ Ивановъ, повелѣваемъ, призвавъ сихъ осужденныхъ въ Московскую Уголовную Палату и прочтя имъ тамо сдѣланные объ нихъ приговоры, объявить потомъ, что мы для рожденія любезнаго внука нашего, великаго князя Николая Павловича всемилостивѣйше ихъ прощаемъ.

Село Царское.
Іюля 2. 1796.

24.

Михайло Михайловичъ.

По представленнымъ отъ васъ плану и смѣтамъ потребные, для исправленія въ Новодѣвичьемъ монастырѣ поврежденій, бывшимъ тамо пожаромъ причиненныхъ, 28,315 рублей и 25-ть копѣекъ, указали мы дѣйствительному тайному совѣтнику и генералъ-прокурору графу Самойлову отпустить въ распоряженіе ваше изъ суммъ, остаточному казначейству принадлежащихъ, возлагая на ваше попеченіе, чтобъ поврежденія помянутаго монастыря нынѣшняго же лѣта въ надлежащее приведены были исправленіе.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 15. 1796.

25.

«Михайло Михайловичь. Третьяго дня Шведской посолъ пріѣхалъ къ вице-канцлеру и объявилъ ему, что король государь его имѣетъ въ намѣреніи пріѣхать мнѣ посѣтить въ теченіи Августа мѣсяца, ежели мнѣ не противно. Я на сіе свиданіе охотно согласилась. И такъ къ пятонадесятому числу ожидаемъ его сюда съ превеликою свитою, но однако же не подъ своимъ именемъ, а жить будетъ у своего посла, останется же до равноденствія и потомъ паки поѣдетъ во свояси. И такъ, буде услышите, что у насъ много плясокъ и забавъ, прошу

не дивиться, понеже молодежи много. Пребываю къ вамъ доброжелательна

Екатерина.

Іюня 28 ч. 1796."

26.

Михайло Михайловичъ.

Препровождая при семъ доносъ, дошедшій къ намъ посредствомъ нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генерала-прокурора, графа Самойлова, отъ коллежскаго совѣтника и казначея Московскаго Статнаго Казначейства Филиповскаго, о взятіи лично изъ того казначейства управляющимъ онымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Гагаринымъ, подъ видомъ особо повелѣнныхъ ему расходовъ, 64,000 рублей, повелѣваемъ вамъ, по полученіи сего, тотчасъ, чрезъ кого вы заблагоразсудите, освидѣтельствовать Статное Московское Казначейство во всей его подробности, и буде найдется, что казна вся въ наличности, сколько ея по книгамъ и документамъ быть слѣдуетъ, въ такомъ случаѣ,истребовавъ объясненіе у князя Гагарина о показуемомъ на него казначеемъ взятьи денегъ, а у сего послѣдняго доказательства, и приведя сіе дѣло въ ясность, донести намъ обстоятельно; а въ противномъ случаѣ если, по свидѣтельству окажется какой либо недостатокъ въ казнѣ, то въ наложеніи ареста на имѣнія не только управляющаго тѣмъ казначействомъ, но также товарища его коллежскаго совѣтника Тихонова и самаго казначея, поступить по законамъ, удаля всѣхъ ихъ отъ должностей и опредѣля къ смотрѣнію за казначействомъ кого либо изъ надобныхъ людей, по вашему усмотрѣнію, впредъ до повелѣнія нашего. А между тѣмъ, взявъ у князя Гагарина надлежащіе по обстоятельству сего происшествія отвѣты, представить намъ неукоснительно. При семъ случаѣ не оставьте также поручить освидѣтельствовать и тамошнее остаточное казначейство, донеся намъ подробно о состояніи сихъ обоихъ мѣстъ.

Въ С. П. бургѣ.
Октября 25. 1796.

27.

Михайло Михайловичъ.

Здѣсь пронеслися слухи, будто бы на Москвѣ начали блажить раскольники, собираясь многолюдствомъ въ Кремль и требуя всенароднаго словопренія о вѣрѣ, и что необыкновенныя сіи собранія и наглости происходили наипаче въ Успенскомъ соборѣ въ минувшихъ Сентябрѣ и Октябрѣ мѣсяцахъ. Не давая вѣры подобнымъ слухамъ, поелику безпосредственно отъ васъ не имѣю я никакого о томъ донесенія, желаю однакожъ, чтобъ вы сказали мнѣ самую истину, изъ какого источника, думаете вы, пронеслась таковая молва, и не подано ли подлинно какого либо повода къ оной со стороны невѣжества раскольниковъ, и что̀ точно отъ нихъ или съ ними происходило? Между тѣмъ увѣрена я, что мѣрами приличными и благоразумными всякой безпорядокъ во ввѣренной вамъ столицѣ предупрежденъ, и спокойствіе ея обитателей ненарушимо сохранено будетъ.

Въ С. п.бургѣ.
Ноября 3. 1796.

МИНИНЪ И ПОЖАРСКІЙ.

Прямые и кривые въ Смутное время *).

III.

Пожарскій окончилъ свой подвигъ и не получилъ отъ современниковъ достойной награды, или соотвѣтственной его заслугамъ признательности. Вотъ убѣжденіе, какое необходимо является, когда перечитываемъ исторію Смутнаго времени съ ея конечнымъ дѣломъ, избраніемъ на царство Михаила. Но мы забываемъ, что въ рукахъ у насъ только оффиціальная сторона этой исторіи, сторона внѣшнихъ дѣлъ и событій; что домашней ея стороны мы вовсе не знаемъ, да и не обращаемъ на эту сторону никакого вниманія и вовсе не пытаемся разработывать ее. Между тѣмъ, безъ познанія и пониманія разныхъ бытовыхъ условій тогдашней жизни, совсѣмъ нельзя объяснить очень многіе факты этой исторіи. Дѣйствительно, рядоваго стольника Пожарскаго мы снова видимъ въ рядовыхъ бояpахъ — и только! Какъ будто лишь одинъ чинъ боярскій вполнѣ соотвѣтствовалъ заслугамъ избавителя и успокоителя Отечества! Мало того, его вскорѣ, по поводу мѣстническихъ счетовъ, выдаютъ головою Салтыкову, племяннику извѣстнаго злодѣя Салтыкова, имя котораго позорно разносилось по всей Землѣ. Не говоримъ о томъ, что честная и прямая личность Пожарскаго, такъ сказать, совсѣмъ была затерта въ толпѣ бояръ и другихъ чиновъ, отличавшихся въ Смутное время, въ большинствѣ, дѣлами болѣе или менѣе кривыми. Объясняя себѣ это, не совсѣмъ понятное на наши взгляды, отношеніе къ Пожарскому его современниковъ, иные (Полевой) прямо говорили: „не награды, но *гоненіе* постигло всѣхъ, отличившихся при спасеніи Москвы!“ Другіе (г. Костомаровъ) стараются доказать, что именно Пожарскаго-то не за что было и награждать, что современники вовсе не считали его тѣмъ, чѣмъ почитаемъ мы - потомки, что онъ былъ одинъ изъ многихъ, что личность его не возвышалась надъ уровнемъ дюжинныхъ личностей, что, пожалуй, Мининъ и выбралъ-то его за малоспособность и т. д., подтверждая все это тѣми фактами, что напр. Трубецкой получилъ бо́льшую признательность даже отъ Земскаго Собора, что Пожарскій стоитъ всегда вторымъ, послѣ Трубецкаго; что не былъ онъ въ числѣ пословъ къ царю Михаилу, что при Михаилѣ онъ исправлялъ все второстепенныя порученія и т. д.

Всѣ эти соображенія главнымъ образомъ основываются на томъ обстоятельствѣ, что современное Пожарскому общество и само правительство никакъ особенно не выразило ему своей признательности. Но какъ и чѣмъ оно должно было выразить эту признательность? Все, что возможно требовать отъ тогдашняго общества и что оно во власти было сдѣлать, это — дать Пожарскому такую же награду вотчиною, какая была дана Трубецкому, который, какъ извѣстно, получилъ въ собственность знаменитую область Вагу съ земскою грамотою на это пожа-

*) См. выше, стр. 581.

лованіе. Есть, сомнительное пока, свидѣтельство, что и Пожарскій, тѣмъ же путемъ, получилъ подобную же награду. Спиридовъ въ своемъ „Описаніи служебъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ,“ говоритъ, что „Пожарскій получилъ отъ своихъ соотечественниковъ живѣйшіе и чистѣйшіе знаки благодарности и признательности, кои (соотечественники), признавая его орудіемъ Божія милосердія, назвали его своимъ *избавителемъ* и *спасителемъ*, а въ засвидѣтельствованіе сего всѣ власти и государственные чины, согласно и единодушно приговоря пожаловать его въ бояра и дать ему изъ казенныхъ волостей отчины, вручили ему на сіе *жалованную* грамоту, духовными властями, боярами и другими чиновниками подписанную, что все послѣ и царь Михаилъ Ѳеодоровичь утвердилъ таковою же своею грамотою“ *).

Нельзя вполнѣ довѣрять этому свидѣтельству, надо видѣть самую грамоту. Но если существуетъ грамота Трубецкому, то весьма могла существовать и грамота Пожарскому. Это нисколько не противорѣчитъ истинѣ, а напротивъ представляется весьма естественнымъ дѣломъ: если Трубецкой пожелалъ себѣ награды или пожелало его наградить все его ополченіе, то и ополченіе Пожарскаго. даже противъ его собственнаго желанія, могло и должно было, въ виду справедливости, опредѣлить награду и своему полководцу. Точно такъ долженъ былъ дѣйствовать и общій Земскій Совѣтъ, если онъ когда либо занимался раздачею наградъ. Спиридовъ пользовался архивными бумагами еще до 1812 года и могъ дѣйствительно имѣть въ рукахъ грамоту Пожарскаго съ пожалованіемъ его въ бояре, ибо въ 12 году очень многое изъ старины погорѣло. Его книга показываетъ довольно тщательное и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу и не даетъ причинъ полагать, чтобы онъ, сочиняя въ иныхъ мѣстахъ краснорѣчивыя фразы, сочинялъ и самые факты.

*) Описаніе служебъ, ч. 2, стр. 77, М. 1810.

Впрочемъ о награжденіи Пожарскаго грамотою свидѣтельствуетъ болѣе старый источникъ Ядро Россійской исторіи Манкіева (изд. 2-е, стр. 322), говоря, что „Пожарскому за службу и очищеніе Москвы отъ всѣхъ государственныхъ чиновъ честь, боярство и великія вотчины изъ государевыхъ волостей даны и на то жалованная грамота отъ всего государства бояръ руками подписанная, которую такожде царь Михаилъ Ѳеодор. подтвердилъ.“ Если это самое свѣдѣніе послужило основаніемъ для разсказа у Спиридова, то во всякомъ случаѣ остается одно несомнѣннымъ, что грамота Пожарскому также существовала. Какъ бы ни было, но если обѣ грамоты были выданы въ одно время, то, судя по наличной грамотѣ Трубецкаго, онѣ обѣ всетаки не могли имѣть должнаго значенія, ибо выданы онѣ не общимъ Земскимъ Соборомъ, который собрался со всѣхъ областей для избранія царя, а выданы только собраніемъ двухъ ополченій, освободившихъ Москву отъ Поляковъ, и нѣкоторыми духовными властями, находившимися тогда въ Москвѣ. Грамоту Трубецкаго подписали 15 лицъ изъ духовенства и только 12 свѣтскихъ лицъ —всё воеводы ополченія: ни одного выборнаго изъ городовъ, ни однаго посадскаго, но за то здѣсь есть знаменитый Иванъ Биркинъ. Все это лучше всего и обнаруживаетъ, что воеводы, по крайней мѣрѣ Трубецкой, сами себя наградили еще до съѣзда Земскаго Собора, а быть можетъ и до его созванія, дабы не встрѣтить съ этой стороны препятствій и пререканій. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что первая мысль о наградѣ, вся форма ея исполненія принадлежитъ Тушинскому боярину Трубецкому, такимъ же способомъ получившему и боярство и привыкшему вслѣдъ за Салтыковымъ и Заруцкимъ самовольно награждать и себя, и своихъ близкихъ. Могутъ замѣтить: какъ же подписали эту грамоту и митр. Кириллъ во главѣ, и самъ Пожарскій съ нѣкоторыми своими же воеводами? А какъ же не подписать, если была выдана грамота и Пожарскому? Но, главное, всѣ участники

этого дѣла очень хорошо знали, что ихъ грамотами оно еще не рѣшается, что грамоты всетаки должны быть утверждены новымъ царемъ, какъ всегда подобныя жалованныя грамоты и утверждались, и о чемъ говорилось и въ грамотѣ Трубецкаго, что подписавшіе обязывались бить челомъ о такомъ утвержденіи и просить о новой, уже царской, грамотѣ за красною печатью. Извѣстно, что грамота Трубецкому утверждена не была. По крайней мѣрѣ область Вага по прежнему находилась въ числѣ дворцовыхъ волостей, а не въ вотчинѣ Трубецкаго. Есть также извѣстіе, что собравшійся Земскій Совѣтъ отписывалъ обратно захваченныя разными лицами дворцовыя волости, слѣд. грамота Трубецкаго могла быть отмѣнена еще Земскимъ Совѣтомъ, по приговору всей собравшейся Земли, ибо онъ зацѣпилъ очень лакомый кусъ изъ дворцоваго хозяйства, тотчасъ понадобившійся для новаго царя при общемъ разстройствѣ этого хозяйства *).

За то грамота Пожарскаго, если таковая дѣйствительно существовала, утвердилась при новомъ царѣ пожалованіемъ его въ бояре 11 Іюля, предъ самымъ выходомъ царя къ коронаціи, и укрѣпленіемъ за нимъ вотчины (30 Іюля) хотя и старой, пожалованной еще царемъ Васильемъ, но съ прибавкою и новыхъ мѣстъ. Пожарскій, какъ видно изъ свѣдѣнія о его грамотѣ, награждалъ себя очень умѣренно, боярскимъ саномъ, который ему принадлежалъ уже по праву воеводства надъ боярами же, и вотчиною безъ имени и безъ количества земли, не захватывая себѣ цѣлой области. Оттого и новому царю исполнить его желаніе или желаніе всего его ополченія было очень не трудно.

*) Вагою владѣли: при царѣ Ѳеодорѣ—Борисъ Годуновъ, при Годуновѣ - Дмитрій Годуновъ, при Шуйскомъ Дмитрій Шуйскій и Михайло Скопинъ; въ Смутное время забралъ ее въ свои руки Мих. Салтыковъ, потомъ Заруцкій, а послѣ него вѣроятно Трубецкой, пожелавшій укрѣпить ее за собою на вѣчно.

Намъ неизвѣстно, былъ ли чѣмъ награжденъ отъ царя въ это же время Трубецкой, и были ли ему какія жалованныя грамоты и впослѣдствіи. Извѣстно только, что онъ въ 1625 г. былъ удаленъ на воеводство въ Тобольскъ. Это по просту значило—былъ сосланъ, ибо Сибирское воеводство такому родовитому боярину давалось не иначе, какъ вмѣсто ссылки. Оно много значило для малыхъ людей, но для большихъ ничего другаго значить не могло. Между тѣмъ, сами же историки говорятъ, что Пожарскій существеннѣйшія награды получилъ уже послѣ, по возвращеніи Филарета, т. е. тогда, прибавимъ мы, когда управленіе отъ олигарховъ-бояръ, все пріятелей Трубецкому, перешло въ твердыя и справедливыя руки. Филаретъ очень многое исправилъ, запущенное молодостью и слабостью своего сына Михаила.

Вообще на повѣрку выходитъ, что Пожарскій былъ награжденъ больше, чѣмъ Трубецкой, и слѣд. больше всѣхъ своихъ товарищей по освобожденію Москвы. Мининъ пожалованъ въ думные дворяне на другой день, 12 Іюля, въ имянины царя. По существу дѣла Трубецкой былъ обиженъ, если въ замѣнъ лакомаго куса, любезной Ваги, ему не было дано никакой вотчины. Намъ кажется, что люди и тогда обладали здравымъ умомъ и не совсѣмъ были чужды понятій о справедливости. Не смотря на связи Трубецкаго со многими сторонниками Михаила и близость его ко Двору даже по родству, не смотря на его великородство, онъ всетаки въ общемъ мнѣніи правительства оставался Тушинскимъ бояриномъ, между тѣмъ какъ Пожарскій, совсѣмъ чуждый Двору, и въ Михайловой грамотѣ на вотчину былъ восхваленъ предъ всѣми, что „при царѣ Васильѣ стоялъ въ твердости разума своего крѣпко и непоколебимо безо всякія шатости, и на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился.“ Вѣдь такія слова должны были очень больно рѣзать глаза многимъ боярамъ и особенно Трубецкому,

Ничего нѣтъ удивительнаго, что, сослуживъ народную службу по избранію всей Земли, онъ, съ избраніемъ царя, съ установленіемъ стараго царскаго порядка службы, очутился снова рядовымъ стольникомъ, а потомъ и рядовымъ бояриномъ; изъ Дмитрія предъ народнымъ собраніемъ и совѣтомъ, сталъ холопомъ Митькою предъ царемъ, какъ тотчасъ была написана имъ вмѣстѣ съ Митькою же Трубецкимъ челобитная къ царю Михаилу, въ которой они, напоминая о своей службѣ, что очистили государство отъ враговъ, просили повелѣнія, гдѣ на радости прикажетъ имъ выѣхать къ нему на встрѣчу, увидѣть его пресвѣтлыя очи.

Надо хорошо запомнить, что Смутное время не было временемъ революціи, перетасовки и перестановки старыхъ порядковъ. Оно было только, какъ мы уже замѣтили, всестороннимъ банкротствомъ правительства, полнымъ банкротствомъ его нравственной силы. Правительство было не чисто, оно изолгалось, оно ознаменовало себя цѣлымъ рядомъ возмутительныхъ подлоговъ. Народъ это видѣлъ хорошо и поднялся на возстановленіе правды въ своемъ правительствѣ, на возстановленіе государственной власти, избранной правдою всей земли, а не подлогами и „воровствомъ“ какихъ либо городовъ и партій. Пожарскій съ Мининымъ сдѣлались руководителями и предводителями этой всенародной правды. Они шли съ Нижегородцами не для того, чтобы перестроить государство на новый ладъ, а напротивъ шли съ одною мыслью и съ однимъ желаньемъ возстановить прежній порядокъ, расшатавшійся отъ неправды правительства. Повторимъ также, что Смутное время тѣмъ особенно и замѣчательно, что въ немъ роли правительства и народа переставились. Въ это время не народъ бунтовалъ и безобразничалъ, не подвластная среда шумѣла и шаталась, а безобразничала и шаталась вся правящая, владѣющая среда. Народъ, измученный, растерзанный даже на части буйствомъ этой среды, поднялся и унялъ ее, водворилъ тишину и спокойствіе въ государствѣ. Тѣмъ его подвигъ и окончился. О другомъ ни о чемъ онъ не думалъ, ибо тутъ же вполнѣ убѣдился, что безгосударное время совсѣмъ можетъ погубить всю Землю, что множество властей есть собственно боярская игра и прямое зло государству; онъ доказалъ только на опытѣ, что государственное устройство неизмѣримо крѣпче и правдивѣе держится общимъ Земскимъ Совѣтомъ (безъ котораго Нижегородцы шагу не дѣлали), а не единичною волею разныхъ самовластцевъ, въ родѣ даже Ляпунова.

Конечно, матерые жернова стараго порядка смололи и это доброе зерно: оно не дало никакого роста. Но всетаки подвигъ Минина и Пожарскаго есть великое изъ великихъ народныхъ дѣлъ нашей Исторіи. Онъ предъ ея лицемъ съ полною очевидностью раскрылъ глубину той премудрости, что и народъ независимо, самъ собою, съ великимъ и въ полномъ смыслѣ государственнымъ умѣньемъ, можетъ дѣлать свое политическое земское дѣло.

Весьма понятно, когда прежніе порядки установились на своихъ прежнихъ мѣстахъ, то и люди, возстановлявшіе эти порядки, должны были остаться тоже на своихъ прежнихъ мѣстахъ, съ прежнимъ своимъ значеніемъ и положеніемъ въ обществѣ, а особенно въ службѣ. Дмитрій сталъ Митькою. Еслибъ Смута была перестройкою и передѣлкою государства, тогда явились бы и новыя мѣста для людей, въ числѣ которыхъ одно изъ главныхъ и первыхъ мѣстъ принадлежало бы и Пожарскому. Тогда съ нимъ, какъ и съ Мининымъ, никто бы и спорить не сталъ изъ-за мѣста и не могло бы быть позорнаго случая выдачи его головою Салтыковымъ. Общее мнѣніе, всенародное избраніе указало бы имъ настоящія, безспорныя ихъ мѣста. Но такъ какъ все дѣло заключалось въ возстановленіи прежнихъ порядковъ, а стало быть и прежнихъ мѣстъ, то наши герои изъ предводителей тотчасъ попали въ рядовые, какими были прежде. Ни для кого изъ

современниковъ это не было и удивительно. Съ избраніемъ царя потянулся въ царствѣ-государствѣ прежній царскій порядокъ и жизни, и отношеній, и службы.

Въ Царской Думѣ и даже еще прежде въ Земской Соборной Думѣ сѣлъ на первое мѣсто князь Мстиславскій, ибо на томъ мѣстѣ онъ сидѣлъ и допрежде, и никакая, даже царская власть пересадить его пониже не могла, потому что крѣпокъ онъ былъ на этомъ мѣстѣ своими ***счетами*** о боярскихъ мѣстахъ. Это мѣсто хранилъ за нимъ его *родъ*. Царь могъ жаловать въ бояре, но въ сыны ***честнаго*** великороднаго отца онъ не могъ жаловать. Это было выше его власти, во всемъ другомъ безграничной и самовольной. Стало быть на самомъ-то дѣлѣ царемъ и повелителемъ былъ старый порядокъ жизни и всего быта, который тотчасъ же и сталъ все перемалывать по своему. Царь Михаилъ правомъ пожалованія въ бояре воспользовался въ первый же часъ своего царствованія. Въ день коронованія, при всеобщей радости, одушевлявшей безъсомнѣнія и его самого, онъ, собираясь идти въ соборъ, вышелъ въ Золотую Палату, сѣлъ впервыя на своемъ царскомъ мѣстѣ и пожаловалъ въ бояре, но кого же перваго? Казалось бы въ умѣ молодаго царя, избраннаго всею Землею, никакихъ другихъ лицъ, никакихъ другихъ именъ, въ эту торжественную минуту, не могло и вспоминаться, кромѣ именъ лучшихъ людей Смутнаго времени, избавителей и сохранителей государства, на престолѣ котораго теперь онъ возсѣдаетъ. Но сила возстановленнаго стараго порядка взяла свое и въ полной мѣрѣ обнаружила, что послѣ Смуты новаго въ царскомъ быту не произошло ничего. Молодой царь на радости своего коронованія прежде всего пожаловалъ въ бояре не стольника Пожарскаго и не Козму, а своего двоюроднаго брата кн. Ивана Борисовича Черкасскаго, только въ эту минуту сдѣлавшагося извѣстнымъ народному множеству. Какая была его служба, никто не зналъ, да и самъ онъ вѣроятно былъ еще очень молодъ. Но это было дѣло собственное царское, личное дѣло царя. Этотъ его поступокъ былъ руководимъ всесильною въ то время мыслью о чести своего *рода*. Опять, стало быть, ничто другое, а *родъ* управляетъ мыслями и дѣлами людей. А говорятъ, что родоваго быта у насъ вовсе не было! Но необходимо согласиться, что община, конечно, пожаловала бы въ бояре прежде всего своего избранника Пожарскаго, или своего выборнаго человѣка Минина, а не своего двоюроднаго брата Черкасскаго.

Вслѣдъ за тѣмъ царь уступилъ и общинѣ. Вторымъ онъ пожаловалъ въ бояре стольника Пожарскаго. Потомъ, на другой день, третьимъ пожалованнымъ въ думные дворяне былъ Мининъ. Это и было торжествомъ справедливости и великою почестью для пожалованныхъ. Царю въ тогдашней системѣ понятій и порядковъ ничего больше сдѣлать было невозможно. О пожалованіи вотчинами подробности намъ неизвѣстны. За Пожарскимъ черезъ три недѣли была утверждена новою грамотою старая его вотчина, пожалованная ему Шуйскимъ несправчиво, безъ отдачи въ полное владѣнье и съ потомствомъ, при чемъ были сказаны вышепомянутыя слова, вполнѣ охарактеризовавшія значеніе заслугъ и подвигъ Пожарскаго. За тѣмъ царской власти, тогда молодой и слабой, находившейся въ рукахъ бояръ, соперниковъ Пожарскаго, идти дальше не позволялъ уставъ царскаго быта. На перекоръ желаніямъ даже самаго государя, и Трубецкой и очень многіе другіе бояре вездѣ должны были первенствовать предъ Пожарскимъ. Однако и то было великимъ дѣломъ, что на коронаціи онъ держалъ по чину третью регалію, весьма знаменательную—*державу*, яблоко владомое, великодержавное. Первую регалію—корону держалъ дядя царя, Ив. Никит. Романовъ, съ которымъ было заспорилъ о мѣстѣ Трубецкой, но былъ остановленъ царемъ, который ему сказалъ, что дѣйствительно Романовъ мень

ше тебя Трубецкаго, но онъ мнѣ по родству дядя, и потому быть вамъ безъ мѣстъ. Опять все тотъ же родъ указываетъ и руководитъ даже и при царскомъ вѣнчаніи. Трубецкой держалъ вторую регалію—скипетръ. Споръ Трубецкаго о мѣстѣ очень ясно свидѣтельствуетъ, что здѣсь люди занимали между собою свои почетныя мѣста не по личнымъ заслугамъ и достоинствамъ, а по заслугамъ и достоинству своего рода. Еслибъ Пожарскій былъ великороднѣе Трубецкаго, онъ занялъ бы и мѣсто почетнѣе. И не одинъ Трубецкой первенствовалъ въ это время передъ Пожарскимъ. Выше его стоялъ и подручный его воевода по ополченію, бояринъ Василій Петр. Морозовъ. Впрочемъ, не смотря на тѣсноту отъ этихъ пресловутыхъ *отеческихъ мѣстъ*, смыслъ подвига Пожарскаго во время коронаціи избраннаго царя выдавался очень наглядно. Во время церемоніи Пожарскій предварительно былъ посланъ за царскимъ саномъ на Казенный Дворъ, откуда торжественно Благовѣщенскій протопопъ несъ на блюдѣ Крестъ, Діадиму и Мономахову шапку; за нимъ Пожарскій несъ скипетръ, а за тѣмъ дьякъ, будущій казначей, Траханіотовъ несъ яблоко—державу. Впереди для чести сана шелъ бояринъ Вас. П. Морозовъ, что было почетнѣе, чѣмъ несеніе скиптра, но знаменательный почетъ оставался на сторонѣ Пожарскаго. Любопытно и то, что этотъ царскій санъ первыми выносили на торжество люди Нижегородскаго ополченія. Когда регаліи были тѣмъ же порядкомъ отнесены въ соборъ и поставлены посреди храма на налоѣ, тотъ же Пожарскій оставался при нихъ все время для почетнаго предстоянія и оберёганія. Такимъ образомъ и на символическомъ „дѣйствѣ“ коронованія, Пожарскій, и онъ одинъ, первый торжественно поднялъ давно оставленный скипетръ Русскаго Царства, первый принесъ его къ священному торжеству царскаго постановленія, одинъ оберегалъ царскій санъ до времени коронованія, а потомъ ему же, не безъ знаменательнаго смысла, досталось при священнодѣйствіи хранить въ своихъ рукахъ *державу* тогоже царства, которая своимъ символомъ и обозначала это самое царство. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ назначеніи для Пожарскаго церемоніальныхъ мѣстъ руководила царскимъ повелѣніемъ духовная власть, собравшіеся митрополиты и архіепископы, въ числѣ которыхъ вторымъ былъ Ростовскій святитель Кириллъ, миротворецъ Нижегородской рати отъ Ярославля до Москвы. Современники стало быть очень хорошо понимали значеніе заслугъ Пожарскаго и искренно выражали ему свою признательность во всѣхъ случаяхъ, гдѣ этому не служили помѣхою *чины* (обряды) и *мѣста* (теперешніе чины). Вотъ здѣсь Пожарскій становился уже въ ряды людей, которыхъ царь долженъ былъ жаловать и беречь, не иначе, какъ по *ихъ отечеству*, какъ учила его сама церковь, торжественно провозгласившая этотъ стародавній Русскій завѣтъ тутъ же въ соборѣ, во время его коронованія. Въ этомъ заключался непреложный уставъ старой Русской жизни, и порушить этотъ уставъ могъ только Петръ —преобразователь этой жизни въ ея корняхъ: а до того времени этотъ уставъ стоялъ такъ твердо и нерушимо, что всегда бывалъ сильнѣе самой сильной самодержавной власти, ибо эта власть никогда не касалась его корней, а напротивъ сама же имъ существовала и питалась.

По этому всѣ разсужденія и глубокія соображенія о томъ, почему Пожарскій писался въ грамотахъ вторымъ послѣ Трубецкаго, почему онъ не игралъ значительной роли въ правительствѣ Михаила, почему былъ въ то время вообще не особенно замѣтенъ, такія разсужденія по меньшей мѣрѣ безполезны.

Не только государь въ оффиціальной средѣ жаловалъ и берегъ людей по ихъ отечеству, но такъ всегда относилось къ людямъ и все общество, среда не-

оффиціальная, на всѣхъ ея ступеняхъ. Въ этомъ состояло даже „вѣжество“ общественной жизни, т. е. то, что̀ мы называемъ обыкновеннымъ приличіемъ. Пожарскій былъ стольникъ и потому съ бояриномъ писался вторымъ, ибо былъ младшій по отечеству. Земство выбрало его въ воеводы, поручило ему главное начальство; въ его полки собрались вскорѣ бояре, окольничіе, большіе дворяне; поэтому, бывши главнымъ воеводою, онъ все таки, если и отъ ихъ имени шла грамота, никогда не писалъ себя первымъ, а писалъ такъ: „бояре и окольничіе и Дмитрій Пожарскій; бояре и воеводы и Д. П., бояре и воеводы и стольникъ и воевода Д. Пожарскій,“ прибавляя въ надобныхъ случаяхъ: „и по избранію всѣхъ чиновъ людей у ратныхъ и земскихъ дѣлъ стольникъ и воевода Д. П.“ Однако при этомъ сохраненіи стариннаго вѣжества, сохранялось и первенство воеводы, именно тѣмъ, что прописывалось его имя, тогда какъ всѣ прочіе обозначались общими чинами. Такъ писалъ свои грамоты и Ляпуновъ. Въ оффиціальныхъ бумагахъ имя значило тоже, что̀ и мѣсто, а потому, хотябы оно и стояло ниже общихъ названій, въ родѣ бояръ и воеводъ, оно все таки обозначало первое мѣсто, такъ какъ оно было одно.

Своимъ *отечествомъ* Пожарскій, хотя и князь, былъ не очень великъ. Онъ началъ службу при царѣ Ѳедорѣ Ив. и въ годъ избранія на царство Годунова числился въ „стряпчихъ съ платьемъ“, слѣд. носилъ, подавалъ, принималъ у царя, до̀ма и на выходахъ, когда было надобно, различные предметы царской одежды. Безъ сомнѣнія въ эту должность онъ былъ назначенъ по выбору же Годунова, у котораго и остался въ службѣ, какъ у новаго царя. Должность эта была не маловажна по особому приближенію къ царской особѣ; но обыкновенно въ нее поступали конечно люди способные, по выбору, но не по *отечеству*, а потому не изъ знатнаго боярскаго круга, а изъ рядовыхъ дворянъ, изъ родовъ захудавшихъ. Родъ Пожарскаго въ мѣстническихъ счетахъ именно отличался своею худобою. Непосредственные, ближніе его предки и родичи, опричь городничихъ и губныхъ старостъ, нигдѣ не бывали, а городничіе вездѣ во всѣхъ городахъ бывали меньше всѣхъ меньшихъ воеводъ въ росписи, по разряду. Губнымъ старостой былъ именно дѣдъ Пожарскаго. Такимъ образомъ и въ ряду стряпчихъ Пожарскій занималъ послѣднее мѣсто. Очень естественно, что его служба (ему было тогда, въ 1598 г., только 20 лѣтъ) должна была сопровождаться безчисленнымъ рядомъ мѣстническихъ *стычекъ* и слѣдовавшихъ за ними *счетовъ*. Малѣйшее его движеніе по мѣстамъ службы тотчасъ поднимало шумъ и споръ со стороны товарищей или сверстниковъ, которые, какъ и самъ Пожарскій, разумѣется не хотѣли, да въ интересахъ своего рода и не могли, уступать свободнаго шествія по мѣстнической лѣстницѣ кому бы то ни было. Между прочимъ въ 1602 г. Сент. 20, послѣдовала именно такая стычка, любопытная по нѣкоторымъ подробностямъ для біографіи Пожарскаго. Царь Борисъ велѣлъ тогда быть въ боярыняхъ у своей царицы княгинѣ Марьѣ Лыковой, а у дочери своей, царевны Ксеніи,—княгинѣ Марьѣ Пожарской, матери Дмитрія Мих., который тотчасъ и сталъ бить челомъ, что на такомъ мѣстѣ его матери быть невмѣстно, а можно быть ей больше княгини Лыковой многими мѣстами и просилъ дать ему въ отечествѣ судъ и счетъ. Царь велѣлъ судить и по разрядамъ сыскать, кто изъ нихъ больше. Пожарскій на судѣ подалъ множество случаевъ, въ которыхъ доказывалъ, что ему можно быть больше даже Лыкова-отца, въ иномъ случаѣ 4, 5, 6, 7, въ иномъ 10, 11 и 12 ю мѣстами. Тѣмъ же способомъ отвѣчалъ и Лыковъ-сынъ, съ которымъ и стоялъ на судѣ Пожарскій. Судъ однако не былъ вершенъ, т. е. поконченъ, а потомъ скоро и царство Бориса миновалось. Но когда судъ ни-

какимъ рѣшеніемъ не оканчивался, то въ мѣстничествѣ это значило, что спорившіе были равны, что дѣло не перевѣсило ни на ту, ни на другую сторону. Для тѣхъ, кто былъ похуже родомъ, это составляло немалую *находку*, и Пожарскій сталъ ею пользоваться. Въ 1609 г., при Шуйскомъ, онъ побранился за отечество съ Ив. Пушкинымъ и въ доказательство приводилъ, что онъ равенъ и Лыкову, что для этого равенства и судъ у него съ нимъ не вершенъ. Но Лыковъ постарался объяснить, что судъ не былъ оконченъ вовсе не по случаю его равенства съ Пожарскимъ, а по прихоти царя Бориса. Это объясненіе очень любопытно. Лыковъ говоритъ, что въ 1602 — 1603 гг. князь Дмитрій *доводилъ* на него царю Борису многіе затѣйные доводы, что будто онъ Лыковъ, сходясь съ Голицыными да съ княземъ Татевымъ, про него царя Бориса разсуждалъ и умышлялъ всякое зло; а его мать, Дмитріева, княгиня Марья, въ туже пору доводила царицѣ Марьѣ на матерь его Лыкова, что будто она, Лыкова, съѣзжаючись съ княгинею Оленою, женою князя Василья Ѳед. Шуйскаго-Скопина и будто-ся разсуждали про нее царицу и про царевну Оксенью злыми словесы... И за тѣ затѣйные доводы и иныя многія лганья царь Борисъ и царица на матерь его Лыкова и на него положили опалу и стали въ томъ гнѣвъ держать, безъ сыску, и матери его не велѣли безъ указу съ своего дворишка съѣзжать (выѣзжать). И въ тѣ поры тотъ Пожарскій, *не по своему отечеству и не по стычкѣ*, тѣша его царя Бориса, билъ челомъ на него Лыкова въ отечествѣ о судѣ; а царь Борисъ его князя Дмитрія, за тѣ затѣйные доводы и за многія лганья жалуючи, а его Лыкова, по своему тайному гнѣву, позоря и казня, вмѣсто смертной казни, велѣлъ ему Лыкову въ неволю отвѣчать ему кн. Дмитрію въ отечествѣ.“ Лыковъ, стало быть, почиталъ какъ бы смертною казнью спорить объ отечествѣ съ Пожарскимъ: такъ онъ низменно смотрѣлъ на родовую худобу князя Дмитрія.

Дѣло въ томъ, что Пожарскій тягался съ Лыковымъ разрядами князей Стародубскихъ и Ряполовскихъ, своихъ далекихъ, но знатныхъ предковъ, которые бывали больше Лыковыхъ. На это до разрѣшенія дѣла онъ имѣлъ полное право. Но Лыковъ этого права ни за что не хотѣлъ признавать и требовалъ счета ближними родителями Пожарскаго, колѣно которыхъ не было велико въ разрядахъ, всегда бывало меньше Лыковыхъ. Чтобы объяснить предъ царемъ Васильемъ Шуйскимъ, почему возникъ такой неправильный судъ и почему онъ не былъ вершенъ, Лыковъ и прибѣгъ къ сплетнѣ, по которой выходило, что царь Борисъ не жаловалъ его Лыкова только за затѣйные доводы и лганье Пожарскаго, почему и суда вершить не велѣлъ и его Лыкова за челобитье и докуку о судѣ послалъ на службу въ Бѣлгородъ, отъ чего судъ такъ и не былъ покончень.

Мы не знаемъ, что́ отвѣчалъ на эту сплетню Пожарскій, а потому, не выслушавши обоихъ сторонъ, ничего не можемъ сказать, гдѣ здѣсь правда. Озлобленному человѣку всегда надобны бываютъ всяческія объясненія своей злобы, и не мудрено, что Лыковъ иначе и не могъ себѣ разъяснить своего дѣла, какъ ябедничествомъ Пожарскаго. Точно такъ, при царѣ Михаилѣ, Борисъ Пушкинъ жаловался на какое-то *умышленье* Пожарскаго по счетамъ же о мѣстахъ, но по суду былъ обвиненъ передъ Пожарскимъ и за безчестье его посаженъ въ тюрьму.

Какъ бы ни было, но изъ сплетни Лыкова видно, что Пожарскій съ матерью былъ въ приближеньи у царя Бориса, впрочемъ на ряду съ Лыковымъ, съ которымъ онъ и завелъ споръ о старшинствѣ мѣстъ въ этомъ приближеньи. Однако царская опала достигала и самого Пожарскаго. Еще раньше этого времени, въ 1599 г., и на него и на матушку его пришла государева опала.

О дѣдѣ своемъ Пожарскій писалъ, что при Грозномъ онъ въ опалѣ сосланъ былъ на Низъ (такъ назывался иногда и Нижній Новгородъ), что въ то время предки его много лѣтъ были въ государевой опалѣ.

При Разстригѣ, за торжественными столами, на пріемѣ пословъ и въ день вѣнчанія на царство, Пожарскій сидитъ у Сендомирскаго за ѣствою, т. е. исполняетъ должность дворецкаго за посольскимъ столомъ. При Шуйскомъ его уже не видно въ придворной близости. Съ этого времени онъ воеводствуетъ въ полкахъ. Судя по жалобѣ Лыкова, можно полагать, что Шуйскому онъ совсѣмъ былъ посторонній человѣкъ, рядовой со всѣми другими стольниками. Но онъ крѣпко стоитъ подлѣ Шуйскаго въ Москвѣ, въ осадѣ отъ воровъ; и въ то время, какъ другіе, напр. кн. Трубецкой, бѣгутъ въ Тушино и всюду къ знаемымъ ворамъ, онъ не колеблется, выдерживаетъ всякую нужду и голодъ, но стоитъ въ правдѣ и душею не кривитъ. Затѣмъ, съ тою же твердостью въ правдѣ, онъ служитъ царюи воеводою въ городахъ, а потомъ общимъ выборомъ земства становится во главѣ самаго здороваго, правдиваго и крѣпкаго народнаго движенія на защиту и спасеніе Отечества. Въ земской службѣ у него не могло быть споровъ о мѣстахъ; но какъ скоро возстановленъ былъ царскій порядокъ службы, тотчасъ возникли и счеты о мѣстахъ, ибо по существу дѣла здѣсь опять возвратилась служба холопей государю и государству, а не свободныхъ сиротъ своей землѣ, и оцѣнка людей была уже не земская, по общему мірскому выбору, а дворовая, кто каковъ великъ былъ во дворѣ государя, на лавкахъ его думной и совѣтной избы.

Земское уваженіе къ личнымъ достоинствамъ и заслугамъ здѣсь не играло ни малѣйшей роли. Не прошло пяти мѣсяцевъ послѣ коронованія избраннаго государя и пожалованія въ бояре самого Пожарскаго, какъ произошла его извѣстная стычка съ Салтыковымъ. Велѣно ему было сказать Салтыкову пожалованное боярство. Пожарскій уперся своими счетами, что онъ больше Салтыкова; но тутъ же было ему доказываемо, противъ его счетовъ, что можно ему быть меньше. Онъ ничего не отвѣчалъ, и государь повторилъ свой указъ. Пожарскій все таки не послушался и уѣхалъ изъ дворца, сказавши, что боленъ.

Однако царь Михаилъ, поговоря съ боярами, не безъ уваженія отнесся къ личности Пожарскаго. Его не воротили во дворецъ, а рѣшили, что скажетъ Салтыкову боярство думный дьякъ, а въ разрядной книгѣ запишутъ, что сказывалъ кн. Пожарскій. Вотъ все, что царю возможно было сдѣлать въ этомъ случаѣ, щадя Пожарскаго *). Но и это добродушное отношеніе къ его личности было побѣждено двумя неотступными просьбами Салтыкова, чтобъ государь далъ оборону. Тогда государь обязанъ былъ, въ виду и въ исполненіе уставовъ мѣстничества, выдать виновнаго головою. Тѣмъ не менѣе этотъ самый обычный въ мѣстничествѣ случай ни въ какую строку для личныхъ достоинствъ боярина ставить никакъ нельзя. Онъ смущаетъ насъ потому только, что на старый Русскій бытъ мы смотримъ или иноземными, или новоцивилизованными нашими глазами и очень многое въ этомъ быту совсѣмъ не понимаемъ, какъ не понимали въ немъ многое иностранцы XVI и XVII ст.

---

*) Въ 1614 г. заспорилъ о мѣстѣ Борисъ Лыковъ съ дядею царя, Ив. Н. Романовымъ, и не хотѣлъ сидѣть за столомъ ниже его. На повелѣніе царя онъ отвѣчалъ, что если государь укажетъ быть ему ниже по своему государеву родству, то онъ быть готовъ, а то никоторыми дѣлы быть меньше Романова ему невмѣстно, лучшебъ велѣлъ государь казнить смертью. Царь снова сказалъ, чтобъ онъ его не кручинилъ и садился подъ Романовымъ; но Лыковъ не послушалъ и уѣхалъ изъ Дворца. Тогда государь велѣлъ послать за нимъ, а если не поѣдетъ, то выдать его Романову головою. Лыковъ не поѣхалъ, сказавъ, что готовъ ѣхать къ казни, а меньше Романова ему не бывать, за что и былъ выданъ головою.

Очень понятно послѣ того, что въ службѣ царю Михаилу Пожарскій долженъ былъ занимать только свои мѣста, какія указывало ему его отечество, и что̀ точно также къ умаленію его личнаго достоинства и значенія ни въ какую строку идти не должно. Въ иныхъ случаяхъ онъ бывалъ первымъ, чаще всего вторымъ, а въ общемъ составѣ боярства двѣнадцатымъ изъ 16, десятымъ изъ 14, восьмымъ изъ 11, восьмымъ изъ 16, и т. п., смотря по отношенію его отечества къ другимъ боярамъ. Но изъ этихъ цифръ мы уже видимъ, что отечество его не первенствовало; и въ этомъ виноваты были развѣ только его предки, но ни онъ самъ, ни царь, ни все общество бояръ; и это же въ глазахъ современниковъ нисколько не умаляло его земскаго и, такъ сказать, историческаго значенія. Вопреки сказаніямъ историковъ, у царя Михаила онъ пользовался немалымъ почетомъ и исполнялъ порученія столь же важныя, какъ и другіе ближніе бояре. Надо замѣтить, что большіе и ближніе бояре Михаила были все егоже родственники или состояли съ нимъ въ родствѣ по женамъ, каковы: Романовы, Черкасскіе, Шереметевы, Сицкіе, Салтыковы и пр.; даже кн. Трубецкой былъ въ родствѣ съ царемъ. Пожарскій былъ сторона царскому родству, но постоянно въ важныхъ для государя порученіяхъ становился рядомъ съ самыми первыми и довѣренными людьми этого родства. Такъ онъ нерѣдко во время государева отсутствія *бережетъ* Москву съ Ѳедоромъ, а потомъ съ Иваномъ Шереметевыми, и въ 1620 г. бережетъ ее съ подручнымъ когда-то своимъ воеводою, а теперь по отечеству первымъ передъ нимъ бояриномъ, Ив. Н. Одоевскимъ, бережетъ во время далекаго государева похода къ Макарію на Унжу, что̀ даетъ еще больше значенія царской и общей отъ думы довѣренности къ его лицу въ отношеніи этого береженія. Въ 1632 г. ему поручаютъ собирать „пятую деньгу" съ торговыхъ людей, а съ бояръ, и служилыхъ, и съ духовенства, кто что̀ дастъ, на жалованье ратнымъ во время Польской войны. Можно вопросить: почему такого важнаго порученія не дали Ѳедору Шереметеву или другимъ изъ первенствовавшихъ и болѣе близкихъ къ царю бояръ, а дали его малоспособному и малозамѣтному Пожарскому? Въ другой разъ, въ 1634 г., когда Пожарскій былъ въ Польскомъ походѣ, это порученіе дано было Лыкову, его сопернику по мѣстничеству, но человѣку тоже вовсе недюжинному.

И тотъ и другой родъ порученій указываетъ только, что Пожарскій пользовался очень большою довѣренностію отъ царя и отъ царской думы, а заслужилъ онъ эту довѣренность еще прежде, у всего народа.

Въ домашнихъ отношеніяхъ государя мы видимъ Пожарскаго въ равномъ приближеніи со всѣми большими и родственными царю боярами, хотя, какъ мы сказали, въ родствѣ съ царемъ онъ не былъ. За праздничными и другими чиновными столами онъ бывалъ, если не чаще, то и не рѣже тѣхъ же самыхъ первыхъ бояръ. Впрочемъ обычное, такъ сказать, рядовое приглашеніе къ царскому столу бояръ вовсе не указываетъ того, что царь соразмѣрялъ эти приглашенія съ ихъ боярскими заслугами. За столами государя чаще большихъ бояръ бывали люди не очень извѣстные, напр. Мезецкій, Головинъ. Да и по разрядамъ самое большое число такихъ столовъ бывало въ годъ около 28, при чемъ Пожарскій былъ 7 разъ, въ другое время изъ 23 столовъ въ годъ онъ бывалъ 9 и 10 разъ, а иной годъ 5 и 3 раза, или изъ 6 столовъ въ годъ 4 раза и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что число приглашеній зависѣло отъ разныхъ случайностей и со стороны самого Пожарскаго. Вѣрно только одно, что въ этихъ приглашеніяхъ передъ большими боярами онъ меньше не былъ. На свадьбахъ царя онъ тоже наравнѣ съ родственными

боярами бывалъ у государя въ большихъ дружкахъ, по отечеству, вторымъ.

Посольскіе переговоры онъ велъ по большей части въ товариществѣ съ Ѳедор. Шереметевымъ, который былъ первымъ дипломатомъ въ то время. Въ 1617 г. онъ былъ въ отвѣтѣ у Англійскаго посла; въ 1635 шесть разъ, а въ 1640 г. три раза у Литовскихъ пословъ; въ 1639 году у Крымскихъ пословъ. Въ этихъ посольскихъ случаяхъ Пожарскій пользовался титуломъ намѣстника Коломенскаго. Что онъ бывалъ здѣсь вторымъ, это опять къ умаленію его способностей или заслугъ ничего доказывать не можетъ. Напротивъ, порученіе посольскихъ дѣлъ показываетъ только, что и царь, и дума видѣли необходимость воспользоваться опытностью и способностями Пожарскаго, какъ бывалаго человѣка въ подобныхъ случаяхъ, а вторые дипломаты очень часто бывали главными, какъ напр. при царѣ Алексѣѣ Ординъ Нащокинъ.

Еще больше дорожили современники ратными способностями Пожарскаго, и въ трудныхъ случаяхъ, не только государь, но даже и народъ, назначали его въ воеводы, опять, какъ человѣка искуснаго, бывалаго и способнаго вести это дѣло лучше другихъ. И здѣсь по своему отечеству онъ иногда бывалъ во вторыхъ, а хотя бывалъ и первымъ, то обстоятельства этой, царской, службы совсѣмъ уже были не тѣ, какими руководилъ Пожарскій въ службѣ земской. Здѣсь онъ всегда былъ въ полной зависимости не отъ мірскаго общаго совѣта, а отъ указовъ и наказовъ изъ Москвы, отъ товарищей воеводъ, отъ самаго войска, отличавшагося совсѣмъ другимъ характеромъ и уже не имѣвшаго въ себѣ той нравственной силы, съ какою шли подъ Москву Нижегородцы.

Въ 1615 г. въ Сѣверную область вторгнулся Лисовскій. Его отчаянные и быстрые въ набѣгахъ полки хорошо были извѣстны всѣмъ еще въ Смутное время. Царь Михаилъ, т. е. боярская дума рѣшили послать Пожарскаго, назначивъ ему въ товарищи воеводу Исленьева. Съ нимъ были отправлены Московскіе дворяне, жильцы, городовые дворяне, войско болѣе знатное, чѣмъ обычные ратники — дѣти боярскіе. Но въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключалась нравственная слабость этого войска. Оно въ нѣкоторомъ смыслѣ составляло въ то время какъ бы гвардію и очень любило пребывать въ Москвѣ, жить на Московскихъ калачахъ, въ покоѣ и довольствѣ, и потому очень не любило дальнихъ и трудныхъ походовъ.

Такъ князь Семенъ (Харя) Шаховской объ этомъ именно походѣ записываетъ слѣдующее: „Въ 123 году послали насъ съ Пожарскимъ на Сѣверу противъ Лисовскаго, и мы о томъ били челомъ, что *заволочены съ службы да на службу*, и за то челобитье мимо всѣхъ нашей братьи меня сослали на Унжу, и вскорѣ пожаловалъ государь, велѣлъ взять къ Москвѣ.“

Съ полкомъ такихъ-то защитниковъ Земли Пожарскій долженъ былъ выступить въ походъ противъ *Лисовчиковъ*, которые однимъ своимъ именемъ наводили ужасъ среди бѣднаго и беззащитнаго населенія. Но воевода хорошо зналъ, съ какимъ врагомъ имѣетъ дѣло. Онъ двинулся съ быстротою и настигъ Лисовскаго у Орловаго городища (у Орла). Въ битвѣ наши дрогнули и позорно побѣжали вмѣстѣ съ воеводою Исленьевымъ. На мѣстѣ остался князь Дмитрій, а съ нимъ осталось людей жилецкая сотня да дворянская, да дворянъ изъ городовъ непомногу, да человѣкъ 40 стрѣльцовъ, всего 600 ч. Лисовскій сталъ наступать со всѣми людьми (2000 ч.): былъ бой зѣло крѣпокъ, чуть не хватались за руки, посѣкая другъ друга. Видя, что люди изнемогаютъ, Пожарскій обвернулся телѣгами и засѣлъ въ этомъ обозѣ. Однако ратные стали говорить боярину, чтобъ уйдти отъ бѣды назадъ къ

Болхову. Никогда не отступавшій съ битвы, Пожарскій остался крѣпокъ и въ этомъ случаѣ. Онъ отвѣтилъ: „лучше всѣмъ здѣсь погибнуть, чѣмъ бѣжать отъ врага.“ Воодушевленные твердостью воеводы, эти достальные люди бились отчаянно, и успѣхъ склонился на ихъ сторону: они не только многихъ побили, но и живьемъ взяли въ плѣнъ 30 ч., отбили знамена, литавры, и ни одинъ изъ нихъ не попалъ живымъ къ Лисовскому, который поэтому, вовсе не зная, что большая часть нашихъ въ бѣгахъ, отошелъ прочь, за Орелъ. Между тѣмъ воротились и бѣжавшіе. Пожарскій погналъ за нимъ по пятамъ. Лисовскій бѣжалъ отъ него, по выраженію лѣтописца, какъ разбойникъ, перебѣжалъ днемъ да ночью 150 верстъ, и едва не захватилъ Болхова внезапнымъ приходомъ, но тамъ отсидѣлись. Отсюда онъ бросился къ Бѣлеву, гдѣ воевода князь Мих. Долгорукой, заслышавъ его приходъ, покинулъ городъ, побѣжалъ въ поле. Также былъ покинутъ Перемышль. Оба города Лисовскій сжегъ и направился къ Калугѣ, но Пожарскій предупредилъ его, пославъ туда передовой отрядъ. Пока гонялъ за нимъ Пожарскій, ратныхъ все убывало: они разбѣгались съ похода по сторонамъ, по домамъ и по городамъ, такъ что потомъ не съ кѣмъ было и преслѣдовать Лисовскаго. Пришла было Казанская рать; князь двинулся снова на врага, но заболѣлъ, и его отвезли въ Калугу едва живаго отъ лютой болѣзни. Казанцы побѣжали въ Казань, и рать Пожарскаго не пошла за Лисовскимъ, говоря, что одной ей гонять, только побитой быть. Лисовскому открылся свободный путь на всѣ стороны, и онъ быстро прошелъ, воюя по всей около-Московной сторонѣ вокругъ. Едва отъ него отсидѣлся во Ржевѣ и Өедоръ Шереметевъ, стоявшій тамъ съ большимъ войскомъ на пути во Псковъ. Царь посылалъ многихъ воеводъ на Лисовскаго, но ни одинъ нигдѣ не могъ его настигнуть. За то государь опалу на нихъ положилъ, а кн. Долгорукой и другіе воеводы, покинувшіе города, были биты кнутомъ.

Всѣ обстоятельства этого похода, гдѣ личность Пожарскаго можно сказать сіяетъ твердостію и искусствомъ воеводскимъ, слѣд. обстоятельства очень дорогія для опредѣленія его личности, стерты историками въ слѣдующей фразѣ: „Въ 1614 г. онъ воюетъ съ Лисовскимъ и скоро оставляетъ службу по болѣзни“!

Точно также еще болѣе важное событіе въ жизни Пожарскаго историки затемнили въ слѣдующихъ словахъ: „Въ 1618 г. мы встрѣчаемъ его въ Боровскѣ противъ Владислава; онъ здѣсь не главное лице; онъ *пропускаетъ враговъ*, не дѣлаетъ ничего выходящаго изъ ряда, хотя и не совершаетъ ничего такого, что бы ему слѣдовало поставить особенно въ *вину*.“ А пропускъ враговъ! Да и будто Исторія все только ищетъ обвиненія историческихъ личностей, все только играетъ роль прокурора! Дѣло, заключенное въ этихъ словахъ, было если не военнымъ, то нравственнымъ торжествомъ Пожарскаго. Оно происходило такъ. Въ 1617 г. ожидали прихода королевича Владислава, который искалъ еще Московской себѣ присяги на царство. Еще въ Генварѣ, слыша тѣсноту ратнымъ людямъ у Смоленска отъ Гонсѣвскаго, царь послалъ въ Дорогобужъ воеводу кн. Ю. Сулешева и многую рать, конную и пѣшую. Они отбили натискъ Гонсѣвскаго, и Сулешевъ безъ повелѣнія государя отошелъ съ войскомъ къ Москвѣ, оставивъ въ Дорогобужѣ воеводу Ададурова. Узнавши объ этомъ и услыхавъ также о движеніи на Смоленскъ королевича, и стоявшіе подъ Смоленскомъ воеводы тоже пошли къ Москвѣ. Царь очень разгнѣвался на это и положилъ на нихъ опалу. Между тѣмъ королевичъ придвинулся къ Дорогобужу. Это было въ началѣ Октября. Воевода Ададуровъ измѣнилъ, сдалъ ему городъ и присягнулъ со всѣми людьми. Изъ Вязьмы воеводы, Пронскій съ товарищи, покиня городъ, побѣжали къ Москвѣ. Осадный Вяземскій воевода, кн. Никита Гагаринъ,

хотѣлъ было сѣсть, затвориться въ городѣ на осаду, и остался одинъ одинехонекъ: посадскіе и стрѣльцы всѣ разбѣжались по другимъ городамъ. Горько заплакавъ, онъ и самъ пошелъ въ Москву. Затѣмъ былъ взятъ Мѣщовскъ, измѣнилъ Козельскъ, тоже присягнувъ королевичу. Кн. Пронскаго и кн. Бѣлосельскаго царь, бивъ кнутомъ и отнявъ вотчины, сослалъ въ Сибирь. Но тѣмъ не менѣе отступленіе, бѣгство, измѣна воеводъ произвели на земство впечатлѣніе очень нехорошее. Земля снова, повидимому, стала колебаться, а прошло всего пять лѣтъ отъ общей Смуты. И вотъ Калужскіе люди, какъ ближайшіе къ дѣйствію, и народъ отъ другихъ окрестныхъ городовъ собрались въ Москву къ царю и стали со слезами просить его, чтобъ Калуги Литовскимъ людямъ не выдалъ, чтобъ избавилъ отъ раззоренья и послалъ бы бояриндa съ войскомъ; и били челомъ именно, чтобъ государь послалъ къ нимъ кн. Пожарскаго. Мы не знаемъ, какой еще большей награды отъ современниковъ могъ ожидать Пожарскій! Теперь земство Калужское, а не руководимое будто бы Mининымъ Нижегородское земство, теперь Калужане, покинутые подъ натискомъ враговъ царскими воеводами просятъ, чтобъ пришелъ къ нимъ не кто другой, а *именно* кн. Пожарскій. Могло ли бы это случиться, еслибъ это былъ человѣкъ дюжинный, не замысловатый? Нѣтъ, вопреки историкамъ, народъ очень хорошо зналъ, что существуетъ еще крѣпкій, неизмѣнный человѣкъ, которому отдать воеводство значитъ выиграть дѣло. Какой еще большей признательности нужно личнымъ заслугамъ?

Государь тотчасъ отпустилъ Пожарскаго главнымъ воеводою (18 Окт.), а въ Калугѣ готовъ былъ товарищъ ему, тамошній воевода кн. Аѳ. Гагаринъ. Пожарскій едва пробрался въ городъ между вражьими полками, сейчасъ же принялся укрѣплять городъ, устроилъ осаду и послалъ къ казакамъ, которые воровали въ Сѣверскихъ мѣстахъ, приглашая идти въ Калугу на помощь, а вины ихъ государь имъ простилъ (на это онъ былъ уполномоченъ). Казаки скоро явились съ большою радостію и многую службу показали. Два раза враги приступали къ городу и оба раза были отбиты. Въ первый разъ битва длилась весь день, съ обѣихъ сторонъ немало побили и разошлись. Во второй разъ враги надвинулись въ ночь, думая въ расплохъ взять городъ. Но у бояриня были крѣпкіе караулы и засады; пустилъ онъ враговъ въ деревянную ограду, внезапно сдѣлалъ вылазку и отбилъ ихъ съ большимъ урономъ. Онъ не давалъ имъ покоя и въ окрестныхъ мѣстахъ; гдѣ только готовилась опасность, тотчасъ посылалъ туда отряды и вездѣ дѣйствовалъ съ успѣхомъ, такъ что враги, видя себѣ тѣсноту, должны были уйдти отъ Калуги къ Вязьмѣ съ малыми остатками своего войска. Но въ Іюнѣ Пожарскій на воеводствѣ заболѣлъ и увѣдомилъ государя, что „лежитъ болѣнъ ожидаетъ смерти съ часу“.

Царь послалъ къ нему съ своимъ государевымъ милостивымъ словомъ и о здоровьи спросить. И здѣсь назначенный для этой посылки стольникъ Юрій Татищевъ заспорилъ о мѣстахъ, что ѣхать ему къ Пожарскому невмѣстно, за что былъ битъ кнутомъ и выданъ Пожарскому головою. Милостивое слово сказывалъ стряпчій князь Волконскій. Когда вскорѣ королевичъ затѣснилъ Можайскъ, царь повелѣлъ окольнымъ воеводамъ придвинуться къ этому пункту, изъ Волока Черкасскому стать въ Рузѣ, изъ Калуги Пожарскому стать въ Боровскѣ. Вотъ по какому случаю, черезъ 8 мѣсяцевъ воеводства въ Калугѣ, онъ попалъ въ Боровскъ и занималъ и здѣсь не первое, да и не второе мѣсто, ибо самъ себѣ былъ большой самостоятельный воевода. Потомъ такимъ же распоряженіемъ онъ перешелъ въ Пафнутьевъ монастырь, а Черкасскій въ Можайскъ, къ Борису Лыкову.

Въ Пафнутьевѣ Пожарскій поставилъ острогъ, изъ котораго врагамъ тѣсноту дѣлалъ великую. Въ Можайскѣ Черкасскій съ Лыковымъ укрѣплялись, но были очень стѣснены и голодомъ, и непріятелемъ, а Черкасскій былъ даже раненъ изъ пушки, такъ что едва отъ раны ожилъ. Тогда царь двинулъ къ Можайску и Пожарскаго съ повелѣніемъ вывесть оттуда бояръ и ратныхъ людей сохранно, а въ городѣ для обороны оставить только пѣшихъ. Въ Борисовѣ воевода Ивашкинъ, услышавъ походъ Пожарскаго, покинулъ городъ и пошелъ со всѣми людьми за нимъ же самовольно. Между тѣмъ для операціи Пожарскаго это былъ пунктъ очень важный. Князь наскоро послалъ туда своего голову съ стрѣльцами, который едва захватилъ городокъ въ виду непріятеля. Въ Борисовѣ воевода и остановился, чтобы отсюда дѣйствовать, охраняя отступленіе бояръ изъ Можайска. Они прошли къ Москвѣ здорово. Пожарскій слѣдовалъ за нимъ для береженья. Не онъ былъ воленъ въ томъ, чтобы вмѣсто битвы съ врагами, охранять только бѣгство отъ нихъ Можайской рати съ Лыковымъ во главѣ.

Надо сказать, что все это Можайское дѣло положено было по приговору царя съ боярами на Можайскихъ главныхъ воеводъ, Черкасскаго и Лыкова. Имъ дано на волю, буде возможно, остаться въ осадѣ, а если нельзя будетъ сидѣть въ осадѣ, пусть идутъ къ Москвѣ, а Пожарскій выйдти имъ поможетъ, проведетъ которою дорогою бережнѣе. Воеводы рѣшили уйдти въ отходъ. Царь между прочимъ прибавлялъ, обращаясь къ ратнымъ людямъ, чтобы они не усумнялись, что воеводы пойдутъ въ отходъ, велѣно-де имъ идти по его указу, чтобъ въ осадѣ не истомить всѣхъ ратныхъ людей. Но ратные очень усумнились и когда вступили въ Москву, началось между ними великое волненіе: собирались многими толпами, приходили на бояръ съ великимъ невѣжествомъ и крикомъ, указывали, повелѣвали дѣлать, чего не слѣдуетъ и чего сами не знали, замѣчаетъ Лѣтопись. Едва Богъ спасъ отъ кровопролитія!

Между тѣмъ извѣстно было, что идетъ изъ Запорогъ на помощь королевичу гетманъ Саадашный съ Черкасами. Онъ двигался на Серпуховъ, потому царь поспѣшилъ передвинуть сюда и Пожарскаго. Но Московская смута отразилась и въ этихъ полкахъ; и здѣсь было волненіе великое, никто не хотѣлъ идти подъ Серпуховъ, быть можетъ по той причинѣ, что Пожарскій шелъ въ походъ уже больной. Дойдя въ Серпуховъ, онъ впалъ „въ болѣзнь лютую и бысть крайнѣ болѣнъ," такъ что царь приказалъ ему ѣхать въ Москву, а товарищу его идти съ войскомъ на Коломну. Казаки въ это время опять заворовали, разсыпались по волостямъ и начали грабить. Саадашный свободно перелѣзъ черезъ Оку и направился къ Москвѣ.

Такъ окончился походъ Пожарскаго. Очевидно, что все дѣло было смято и спутано указами изъ Москвы отъ бояръ, которые оттуда командовали полками и передвигали ихъ по Московскому усмотрѣнію. Дѣло было подозрительное или глупое и потому естественно, что ратные волновались и указывали боярамъ, какъ должно распоряжаться, спрашивали, по какой причинѣ отступили отъ Можайска и т. д. Но какъ бы ни было, не Пожарскій же пропустилъ къ Москвѣ Владислава. Онъ долженъ былъ подъ страхомъ опалы въ точности исполнять только Московскіе указы.

Черезъ нѣсколько лѣтъ началась опять война съ тѣмъ же Владиславомъ и при такихъ же весьма крамольныхъ и подозрительныхъ дѣйствіяхъ боярской думы.

Еще въ Іюнѣ 1631 года царь рѣшилъ собираться на службу и послать войска къ Дорогобужу и Смоленску. Воеводами были назначены: первымъ кн. Черкасскій-Мастрюковъ, какъ его называли въ народѣ, и вторымъ кн. Борисъ Лыковъ, которому это назначеніе показа-

лось очень обиднымъ, такъ что, придя въ соборъ, онъ говорилъ патріарху Филарету такія слова, что всякій человѣкъ, кто боится Бога и помнитъ крестное цѣлованіе, такихъ словъ говорить не станетъ. Однако въ теченіи цѣлаго года оба воеводы мирно наряжались на службу и ратныхъ людей къ службѣ строили. А какъ время дошло, что идти на службу. Лыковъ для своей бездѣльной гордости и упрямства, сталъ бить челомъ, что ему на службѣ съ Черкасскимъ быть нельзя: имъ люди владѣютъ, нравъ, обычай у него тяжелый, а главное, что предъ нимъ онъ Лыковъ старъ, служитъ государю 40 лѣтъ и лѣтъ съ 30 ходитъ за своимъ набатомъ (Турецкій барабанъ), а не за чужимъ набатомъ и не въ товарищахъ. Черкасскій просилъ обороны отъ такого безчестья, и Лыковъ былъ наказанъ кстати и за то, что въ государевѣ службѣ учинилъ многую смуту. Съ него взяли двойной окладъ жалованья Черкасскаго, 1200 р., и отдали обиженному. Между тѣмъ обоихъ же и отставили отъ воеводства. Вмѣсто Черкасскаго царь назначилъ знаменитаго Шеина, а вмѣсто Лыкова знаменитаго же Пожарскаго. Это было 23 Апрѣля. Пожарскій въ то время былъ, кажется, тоже болѣнъ и во дворецъ не выѣзжалъ. 4 Іюня онъ былъ отставленъ отъ воеводства за болѣзнію (сказалъ на себя черный ведугъ). На его мѣсто назначенъ Арт. Измайловъ, старый его пріятель. Можно было бы заподозрить Пожарскаго, что онъ притворно сказывался больнымъ. Но надо знать тогдашніе порядки. Притворная болѣзнь тотчасъ была бы обнаружена самимъ Шеиномъ, который счелъ бы себѣ безчестіемъ, что Пожарскій ухищреньемъ не хочетъ быть у него въ товарищахъ. Затѣмъ и царю всегда очень хорошо было извѣстно, кто здоровъ и кто боленъ изъ бояръ, ибо каждый день два раза они должны были пріѣзжать во дворецъ. Мы видѣли выше, что Пожарскій не пользовался особеннымъ здоровьемъ и часто хворалъ. Чернымъ ведугомъ обозначалась *меланхоліева кручина*, также падучая болѣзнь, перемежающаяся лихорадка, вообще, когда люди бываютъ въ унынія и тягостны умомъ.

Такимъ образомъ подъ Смоленскъ долженъ былъ отправиться Шеинъ съ Измайловымъ. Если Лыковъ своею гордостью и упрямствомъ сдѣлалъ смуту въ службѣ, то Шеинъ своею гордостью сдѣлалъ смуту въ боярской думѣ. Онъ на отпускѣ выговорилъ царю и передъ всѣми боярами такія оскорбленія, какихъ они конечно забыть не могли и постарались за то устроить такъ его положеніе, что, быть можетъ, именно за свои дерзкія слова онъ поплатился потомъ головою. Онъ на отпускѣ „вычиталъ государю прежнія свои службы съ большою гордостью и говорилъ, что его службы выше всѣхъ передъ всею его братьею, боярами; что его братья, бояре, въ то время, какъ онъ служилъ, многіе по запечью сидѣли, и сыскать ихъ было нельзя (какъ напр. Ѳедоръ Шереметевъ, Лыковъ, Романовъ, и др., сидѣвшіе въ смуту у Поляковъ въ Кремлѣ) и поносилъ свою братью предъ государемъ и предъ ними предъ всѣми съ большою укоризною, и службою и отечествомъ никого себѣ сверстникомъ не поставилъ.“ Государь на это умолчалъ, жалуя и щадя воеводу для своего и земскаго дѣла, не желая его на путь оскорбить. Бояре на эти грубыя и поносныя слова тоже умолчали, боясь государя раскручинить, видя къ воеводѣ государеву милость.

Почему Шеинъ счелъ умѣстнымъ въ это время напомнить боярамъ о своей службѣ, намъ неизвѣстно. Но видимъ, что въ думѣ двигалась крамола, шла борьба, разыгрывалась драма, содержанія которой мы не знаемъ, и которая окончилась трагедіею—казнію Шеина, Измайлова и ссылкою другихъ достойныхъ воеводъ, напр. Семена Прозоровскаго, - все за несчастную сдачу Смоленскаго лагеря.

Но война началась, а денегъ не было. Тогда осенью соборнымъ опредѣленіемъ стали сбирать со всего государства, кто что дастъ, а съ торговыхъ пятую деньгу и сборъ поручили, какъ упомянуто, Пожарскому. Между тѣмъ лѣтомъ въ Іюнѣ пришли худыя вѣсти изъ Крыма. Москва испугалась новаго нашествія и стала укрѣпляться въ осаду. Пожарскій былъ назначенъ воеводою лѣваго крыла, по Коломенской дорогѣ; Лыковъ сталъ въ правомъ крылѣ, по Серпуховской дорогѣ. Къ осени и Шеинъ у Смоленска былъ такъ стѣсненъ и Владиславомъ и боярскими распоряженіями изъ Москвы, что необходимо же было помочь ему, хотя для виду. Въ Октябрѣ было рѣшено послать къ нему на выручку опять Черкасскаго-Мастрюка и съ нимъ въ товарищахъ опять тогоже Пожарскаго, котораго вездѣ выдвигали въ сомнительныхъ и трудныхъ случаяхъ. Съ ними назначенъ былъ въ походъ даже и государевъ дворъ, — тогдашняя гвардія, стольники, стряпчіе, жильцы и пр. Собираться велѣно въ Можайскѣ. Но сборы длились, а Шеинъ погибалъ. Писали воеводамъ наказы, какъ идти къ Смоленску, а изъ Можайска ихъ все-таки не двигали.

Они стояли тамъ всю зиму. Только 2 Февраля 1634 года посланъ къ нимъ изъ Москвы князь Волконскій совѣтоваться, какъ бы поскорѣе помочь Шеину. Воеводы ему отвѣчали, что они только того и ждутъ, какъ бы помочь и походомъ не замѣшкать. Въ Москвѣ за эти мысли ихъ похвалили, и отъ 8 Февраля указали идти подъ Смоленскъ, но свѣстясь съ воеводами Ржева и Калуги. Пока пересылались эти грамоты и приказы, Шеинъ 16 Февраля сдался, почему Черкасскій съ Пожарскимъ такъ и остались въ Можайскѣ и уже въ Іюнѣ или даже въ Іюлѣ возвратились въ Москву. Все это объяснить пока нельзя ничѣмъ, какъ заговоромъ бояръ не помогать Шеину, оставить его, храбраго, на произволъ случая и на его гордыя силы. Сами воеводы двинуться къ нему на помощь безъ указу никакъ не могли, да и въ Москвѣ тоже собирались сѣсть въ осаду и, быть можетъ, потому боялись удалить войско изъ Можайска. Какъ было, неизвѣстно, но неудачи этой войны были позорнымъ дѣломъ Московскаго боярства, которое, распоряжаясь всѣми дѣйствіями полковъ, доставленіемъ запасовъ и всѣмъ ходомъ дѣла, по видимому употребляло всевозможныя уловки, чтобы эти полки не дошли во время до Шеина. Такія боярскія дѣла были въ ихъ боярскомъ обычаѣ, и наша старая военная исторія можетъ представить тому множество примѣровъ.

Пожарскій въ этомъ походѣ остается ни причемъ. Онъ былъ товарищемъ и вполнѣ зависѣлъ отъ дѣйствій своего товарища, а оба они вполнѣ зависѣли отъ наказовъ и указовъ изъ Москвы. Здѣсь была не земская служба, всегда руководимая общимъ мірскимъ, хотя бы и военнымъ, совѣтомъ; здѣсь была служба царская, находившаяся всегда въ крѣпкихъ рукахъ боярской думы и державшая воеводъ наказами, какъ своихъ холопей-прикащиковъ. Въ такой средѣ мудрено было развернуться какимъ бы то ни было военнымъ способностямъ, мудрено было даже и употреблять свои способности съ пользою. Мы отчасти видѣли, какъ паралично перекрещивались дѣйствія воеводъ. Тотъ же Мастрюкъ-Черкасскій, воинъ храбрый и отважный, въ ополченіи Пожарскаго дѣлалъ чудеса, поражая напр. казаковъ подъ Угличемъ, а здѣсь онъ цѣлые мѣсяцы стоитъ безъ дѣла, когда дѣло на носу.

Все сказанное о дѣятельности Пожарскаго при царѣ Михаилѣ даетъ намъ одно достовѣрное свидѣтельство, что рядовой воевода и рядовой стольникъ при Шуйскомъ, онъ, при Михаилѣ, не смотря на незначительную величину своего родослово - служебнаго отече-

ства, занимаетъ все-таки весьма значительныя мѣста между первыми тогдашними воеводами на ратномъ полѣ, между первыми и ближними, родственными царю боярами въ домашнихъ или городскихъ отношеніяхъ. Ясно, что такому возвышенію рядового стольника способствовала одна только промежуточная эпоха его службы въ Междоцарствіе или въ Смутное время, эпоха службы земской, по общему земскому выбору. За эту службу, которая возстановила порядокъ въ государствѣ и царскую власть, онъ отъ царской же власти (однако, какъ тоже вѣроятно, по мысли самого земства) возводится въ первый санъ государственной службы. По отечеству своему онъ могъ быть пожалованъ только въ окольничіе, ибо ближніе предки его никогда не бывали даже и въ окольничихъ, да и сынъ его Иванъ Дмитр. при царѣ Алексѣѣ, по обычному порядку службы, получилъ тоже чинъ окольничаго, а не боярина, какъ бывали жалованы дѣти родовитыхъ бояръ. Но, получивши боярскій санъ, Пожарскій по отечеству хотя и занималъ въ общемъ составѣ боярства предпослѣднія мѣста, однако вовсе не былъ потерянъ въ толпѣ этихъ послѣднихъ мѣстъ, а вездѣ въ важныхъ дѣлахъ службы стоялъ впереди съ передовыми боярами и воеводами, а иной разъ и однимъ лицомъ бывалъ первымъ.

Мы желаемъ одно сказать, что, вопреки мнѣнію историковъ, и царь, и боярское общество, не говоря о всей Землѣ, очень хорошо помнили великую земскую заслугу Пожарскаго и по ея авторитету уравновѣшивали къ нему свои отношенія, избирая его, подобно земству, къ исполненію дѣлъ важныхъ и трудныхъ, требовавшихъ полнаго довѣрія къ личности.

Мы не знаемъ, какую еще другую, еще бо́льшую оцѣнку заслугамъ Пожарскаго могли выразить его современники, именно въ оффиціальной, служебной средѣ? Намъ кажется, что бо́льшаго они ничего не могли сдѣлать, не порушивши всего порядка службы, всего быта, всѣхъ отношеній старины.

Вообще, напрасно историки думаютъ и даже говорятъ, что „въ свое время Пожарскаго не считали, подобно тому, какъ считаютъ въ наше время, главнымъ героемъ, освободителемъ и спасителемъ Руси.“ Мы, потомки, потому и почитаемъ его главнымъ героемъ, что его современники сами же засвидѣтельствовали объ этомъ во множествѣ своихъ сказаній объ исторіи Смутнаго времени. Его современники, какъ только касалось ихъ слово освобожденія Руси отъ Поляковъ, никого другаго и не поминаютъ, какъ только двухъ главныхъ героевъ этого освобожденія, Пожарскаго и Козму. Лѣтописныя статьи объ ихъ дѣлахъ дошли до насъ при помощи хронографовъ въ великомъ множествѣ. Онѣ принадлежатъ не одному, а нѣсколькимъ лѣтописателямъ, излагавшимъ событія полнѣе или короче, при различныхъ даже взглядахъ, но всегда съ одною мыслью, что подвигъ спасенія Отечества совершенъ Пожарскимъ и Мининымъ. Въ оффиціальныхъ, приказныхъ бумагахъ, каковы разрядныя записки, къ этимъ двумъ именамъ не совсѣмъ правильно присовокупляли и Трубецкаго единственно только за то, что онъ все *стоялъ* подъ Москвою числился избавителемъ оффиціально. Но видно изъ всѣхъ событій, какого рода онъ былъ избавитель. Большинство лѣтописныхъ сказаній и не ставятъ его даже рядомъ съ кн. Пожарскимъ и Мининымъ. Нѣкоторые, еще глубже и точнѣе понимавшіе все дѣло и всѣ его обстоятельства, ставятъ впереди Минина, какъ перваго основателя и строителя всего подвига, гдѣ Пожарскій конечно является вторымъ лицомъ, какъ избранникъ того же Минина. Но у всѣхъ одно общее слово: Мининъ и Пожарскій, Пожарскій и Мининъ, смотря по тому, пишетъ ли дворянинъ-помѣщикъ, всегда впередъ выставляющій воинское дѣло, а съ нимъ и Пожарскаго; или пишетъ посадскій человѣкъ, придающій столькоже значенія гражданскому дѣлу, гражданскимъ

жертвамъ на общую пользу, гдѣ Мининъ показалъ себя на самомъ дѣлѣ первымъ и единственнымъ человѣкомъ. Одна легенда даже не упоминаетъ вовсе о воеводствѣ Пожарскаго, а ставитъ Минина и начинателемъ и воеводою, который довершилъ дѣло, заткнувши за поясъ боярина Трубецкаго. Такъ о Мининѣ долженъ былъ мыслить весь Русскій Посадъ, поднятый имъ въ это время до значенія государственной политической силы, управлявшей за одно съ боярствомъ самымъ великимъ дѣломъ Русской Земли.

Одинъ лѣтописецъ, заключая свое повѣствованіе о Смутномъ времени, высказываетъ мыслью всего народа слѣдующее:

„Бысть же во всей Россіи радость и веселіе, яко очисти Господь Богъ Московское царство отъ безбожныя Литвы, початкомъ боярина Михаила Васильевича Шуйскаго-Скопина, а совершеніемъ и конечнымъ радѣніемъ и прилежаніемъ боярина князь Дмитрія Михаиловича Пожарскаго и Нижегородца Кузмы Минина и иныхъ бояръ и воеводъ, стольниковъ и дворянъ и всякихъ людей. И за то имъ здѣ слава, а отъ Бога мзда и вѣчная память, а душамъ ихъ во ономъ вѣцѣ неизрѣченная свѣтлость, яко пострадали за православную христіанскую вѣру и кровь свою проливали мученически. И на память нынѣшнимъ родомъ во вѣки аминь.“

„Съ царства Бориса было все въ раззореніи и въ кровопролитіи; не бывало покоя 13 лѣтъ, но всегда плачь и слезы!“

Такимъ образомъ, *держась строго источниковъ*, мы должны представить себѣ Пожарскаго именно такимъ лицомъ, какимъ привыкли себѣ его представлять т. е. главнымъ, если не первымъ, то вторымъ подлѣ Минина героемъ освобожденія и спасенія Руси отъ Смуты, отъ Поляковъ и Воровъ или, въ сущности, вообще отъ Воровъ, ибо и Поляки здѣсь явились такими же ворами безъ всякой національной задачи, а съ одною цѣлью попользоваться на счетъ ослабленнаго смутою государства, поналовить въ его мутной водѣ рыбы.

Держась строго источниковъ, мы не можемъ согласиться съ историками, что личность Пожарскаго принадлежитъ къ тусклымъ личностямъ, что это не болѣе, какъ неясная тѣнь. Напротивъ: изъ среды лѣтописныхъ и другихъ сказаній о немъ, его личность выдвигается съ достаточною ясностью и очертательностію. Она носитъ въ себѣ черты наиболѣе гражданскія и наименѣе боярскія или дворянскія, черты истиннаго слуги общественному, а не своему личному дѣлу; черты, болѣе приближающія его къ Минину, къ этому Зоровавелю Смутнаго времени, чѣмъ къ Ляпунову и къ другимъ подобнымъ героямъ, не съумѣвшимъ поставить общее Земское дѣло выше своей личности. Изъ этого общаго очертанія фигуры Пожарскаго вытекаютъ и всѣ частныя подробности его характера. Храбрый, мужественный и искусный воевода, никогда не отступавшій отъ опасности въ битвахъ, отличается въ одно время не свирѣпыми, а гуманными качествами характера, которыя дороги не для семнадцатаго только, а для всякаго вѣка, наиболѣе развитаго и цивилизованнаго. Еслибъ не числилось за нимъ, записанныхъ лѣтописцами же, очень храбрыхъ и неустрашимымъ дѣлъ, историки моглибы приписать его гуманныя, человѣчныя черты простому благо-или слабо-душію. Но цѣлый рядъ твердыхъ, мужественныхъ и, главное, всегда прямыхъ поступковъ не оставляютъ сомнѣнія, что гуманныя и великодушныя его дѣла составляли лучшее украшеніе его характера. Одно не могутъ ему простить его біографы и историки, что нѣтъ въ его личности ничего театральнаго: а извѣстно, что безъ театральныхъ драматическихъ прикрасъ какая же бываетъ исторія! Такую исторію или біографію никто и читать не станетъ. И вотъ біографы и историки не доволь-

ны такимъ лицомъ. За это они и отводятъ ему мѣсто въ ряду обыкновенныхъ пошляковъ, случайно, силою обстоятельствъ попавшихъ на высоту подвиговъ героическихъ *). Ляпуновъ имъ нравится больше, и въ немъ они находятъ неизмѣримо больше и талантовъ передъ личностью Пожарскаго, вовсе забывая, что одною мѣркою, да притомъ еще мѣркою театральности лица, никакъ нельзя измѣрять каждую историческую личность. Каждая личность, даже и современная, требуетъ мѣры болѣе широкой, т. е. мѣры всесторонняго ея изученія, непремѣнно вмѣстѣ со всею средою, гдѣ она дѣйствовала; ибо оторванная отъ своей среды, личность всегда превращается въ отвлеченность, а съ отвлеченностью, какъ съ математическими знаками, можно приготовлять любые выводы на счетъ этой личности. Театральное и истинно-драматичное въ личности Пожарскаго не поддается только поверхностному изученію исторіи вообще. Мининъ и Пожарскій личности въ полномъ и глубокомъ смыслѣ историческія, и чтобы вѣрно изобразить ихъ, недостаточно знать только одни ихъ личныя дѣла и подвиги и жаловаться по этому поводу на скудость будто бы источниковъ. Ихъ личности сливаются со всѣмъ ходомъ ихъ времени, отъ правильнаго пониманія и правильнаго изображенія котораго вполнѣ зависитъ и правильное изображеніе ихъ лицъ. Мало того, ихъ личности вросли корнями въ предыдущія эпохи, въ основы всего Русскаго быта, и чтобы открыть въ нихъ высокое и истинное драматическое, необходимо съ біографическими же подробностями возстановить предъ глазами читателя всю эпоху, которая постепенно готовила Русскую Смуту, и потомъ выдвинула эти чистые и свѣтлые образы всенароднаго движенія.

Если о домашнихъ дѣлахъ Минина, какъ и самого Пожарскаго и другихъ историческихъ лицъ, мы вообще очень мало знаемъ, то развѣ есть тутъ какое либо затрудненіе для изображенія *исторической* личности? Неужели для Исторіи въ этомъ именно случаѣ очень важно знать, какъ и что Мининъ кушалъ, съ кѣмъ и какъ ссорился и т. д. Намъ кажется, что *историческое* въ личности совсѣмъ не то, что ея домашнее. Намъ кажется, что для историка весьма достаточно знать, что Мининъ заболѣлъ душею о страданіяхъ своей Земли и воплотилъ свою энергическую мысль въ дѣло, которое достославно довелъ до желаннаго конца. Какъ въ палеонтологіи по остаткамъ кости возстановляютъ цѣльный, полный образъ допотопнаго животнаго, такъ и въ Исторіи весьма достаточно одного свѣдѣнія, что человѣкъ способенъ былъ заболѣть душею на общее дѣло. Здѣсь все сказано, и можно очень легко возстановить, какой это былъ человѣкъ, потому что достаточно извѣстны нравственные законы, управляющіе каждымъ личнымъ характеромъ. Само же Смутное время до очевидности ясно доказало, что воры во всякихъ смыслахъ никогда не бываютъ способны заболѣть душею на общее дѣло.

Намъ кажется, что историки, изображая историческія личности, недостаточно уяснили себѣ, что такое историческое и что такое домашнее въ такихъ изображеніяхъ. Они смѣшиваютъ два совершенно различныя обстоятельства при опредѣленіи историческихъ однако, а не другихъ заслугъ взятой личности. Оттого ихъ портреты выходятъ даже не похожими и на людей.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о любопытномъ обстоятельствѣ, какъ Пожарскій и самъ Мининъ относились къ избранію царя. Они съ самаго начала писали, что должно избрать царя всею Землею, кого Богъ дастъ изъ Русскихъ родовъ. Они поставили эту мысль до точности ясно и опредѣленно и отняли всякую возможность избирать царя одною Москвою, одною областью, одною

*) Г. Смирновъ: Біографія Пожарскаго, М. 1852, стр. 131, которой указанія въ полной мѣрѣ утверждаются статьею г. Костомарова.

партіею. По всемірному совѣту! твердили они всѣмъ городамъ и всей Землѣ.

Одинъ хронографъ (князя М. А. Оболенскаго) свидѣтельствуетъ, что Пожарскій принималъ живое участіе въ этомъ избраніи, такъ что одно его имя и упоминается при этомъ случаѣ. Когда на Соборѣ шло большое размышленіе, и всякій, какъ и слѣдовало, хотѣлъ выбрать своего, а многіе даже засылали и подкупали, въ то время какой-то дворянинъ изъ Галича подалъ письменное мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, что Михаилъ Романовъ всѣхъ ближе по родству съ прежними царями, а потому его и надо избрать въ цари. Опять руководитъ мыслями все таже неизмѣнная идея рода и родства! Но раздались голоса недовольныхъ. Въ это время выходитъ Донской атаманъ и подаетъ такоеже письменное мнѣніе. „Ты что подалъ?“ спрашиваетъ его не другой кто, а Пожарскій. „О *природномъ* царѣ Михаилѣ Өедоров.,“ отвѣчаетъ атаманъ. Что именно хотѣлъ свидѣтель обозначить этимъ спросомъ Пожарскаго, неизвѣстно. Но онъ занесъ его имя и въ среду этого событія. Дворяне и казаки составляли главную силу на Соборѣ, и выборъ слѣд. былъ рѣшенъ окончательно. И видимо, что рѣшительный голосъ прошелъ черезъ руки Пожарскаго. Старецъ Аврамій и здѣсь описалъ себя такъ, что выборъ тоже очень сильно проходилъ черезъ его руки.

Между тѣмъ существовала сплетня или слухъ, что самъ Пожарскій подкупался на царство, что стало это ему 20 тысячъ. Въ 1635 году межевые судьи на Польскомъ рубежѣ, стольникъ князь Ромодановскій и дворянинъ Суминъ поссорились, все изъ за тѣхъ же отеческихъ мѣстъ. Ромодановскій назвалъ Сумина страдникомъ и хотѣлъ было схватить его за бороду. Суминъ схватилъ его за полу и крикнулъ: „только ты станешь меня драть за бороду, и я тебя зарѣжу!“ Ихъ разступили дворяне Псковичи и Пусторжевцы, соткнуться имъ не дали. Тогда разобиженный Суминъ началъ лаять — браниться „Тебѣ я страдникъ, кричалъ онъ, а государю что? Страдникомъ ты меня называешь! Не государь ты мнѣ. Государь у насъ одинъ, помазанникъ Божій, кого намъ Богъ далъ! А ты не государься и не воцаряйся! И братъ твой князь Дмитрій Пожарскій воцарялся и докупался государства, хотѣлъ на Москвѣ государемъ быть! Стало ему тысячь въ двадцать, да того ему Богъ не далъ, а далъ намъ Богъ праведнаго государя, царя и великаго князя Михаила Өедоровича всея Руси. Тому я и страдникъ, а не тебѣ! И другаго государя у насъ не будетъ! А я тебѣ по государеву указу товарищъ. Велѣно намъ межевое государево дѣло дѣлать вмѣстѣ!“ При розыскѣ Суминъ отъ этого „невмѣстимаго слова“ отрекался: но было доказано свидѣтелями, что онъ это говорилъ. Правительству же важно было знать, когда Пожарскій докупался царства, въ безгосударное время или теперь, при царствованіи Михаила. Суминъ объяснилъ потомъ, что говорилъ такимъ образомъ: „и въ безгосударное время, какъ владѣли Московскимъ государствомъ бояре, Пожарскій и Заруцкій, и въ то время страдникомъ они его не называли.“ Нельзя совсѣмъ отрицать, что Пожарскій вовсе былъ чуждъ мысли о выборѣ на царство и его, на ряду съ другими кандидатами. Въ его положеніи, какъ уже избраннаго всѣми чинами воеводы Земскаго ополченія, это было какъ нельзя болѣе естественно и даже соблазнительно. Но предъ всенароднымъ множествомъ, по своему характеру, онъ конечно относился къ этому дѣлу кротко и скромно, точно такъ, какъ относился и къ совершившемуся своему избранію въ воеводы. Скромное и застѣнчивое отношеніе къ своему воеводству лучше всего онъ самъ высказываетъ по случаю посольскихъ переговоровъ съ Новогородцами, которые между прочимъ настаивали, чтобы посланы были въ Швецію послы о выборѣ на царство Шведскаго королевича. Пожарскій

отвѣчалъ, что послать пословъ нельзя, потому что и къ Польскому королю затѣмъ же были посланы послы и какіе люди? Князь Василій Голицынъ съ товарищи, и тѣ теперь въ чужой землѣ погибаютъ. Новогородцы замѣтили, что Польскій король, задержавъ тѣхъ лучшихъ людей, никакой себѣ выгоды не сдѣлалъ. И безъ нихъ теперь идетъ дѣло не худо. Бояре и воеводы тоже собрались и тоже стоятъ противъ общихъ враговъ. Тогда Пожарскій сказалъ имъ: „Очень надобны были такіе люди въ нынѣшнее время. Только бъ нынѣ былъ здѣсь такой столбъ, князь Василій Васильевичъ, имъ бы всѣ держались. И я за такое великое дѣло безъ него не взялся а то нынѣ меня къ такому дѣлу бояре и вся Земля силою приневолили!“ Если и въ дѣйствительности, какъ увѣряютъ историки, Пожарскій высказывалъ въ этихъ словахъ сознаніе о своей духовной скудости, то онъ же и въ этихъ же самыхъ словахъ высказывалъ сознаніе о своихъ достоинствахъ, говоря именно, что и бояре, и вся Земля силою его приневолили быть вождемъ великаго дѣла. Стало быть, здѣсь первое положеніе совсѣмъ упраздняется вторымъ, и остается простое, умное и скромное слово о настоящемъ значеніе своей личности. Въ подобномъ случаѣ тоже бы сказалъ и Ляпуновъ, за одно дѣйствовавшій съ Голицынымъ, высоко цѣнившій его достоинства; тоже бы сказалъ и самъ Голицынъ, ибо въ переговорахъ нельзя же безъ особенной глупости выставлять себя первымъ героемъ и восхвалять предъ другими свою только личность.

Самые эти Новгородскіе переговоры свидѣтельствуютъ о тонкомъ политическомъ умѣ Пожарскаго, о его полномъ сознаніи истинной мѣры своихъ достоинствъ. Онъ ставитъ себя не бояриномъ-воеводою, а простымъ земскимъ человѣкомъ, ищущимъ того только, чтобъ видѣть государство въ неподвижной правдѣ и соединеніи, чтобъ кровопролитье въ крестьянствѣ престало, чтобъ настали покой и тишина... Другой цѣли онъ не имѣетъ. Какъ вождь собственно посадскаго, мужицкаго движенія на защиту родины, онъ совсѣмъ сливаетъ свою личность съ этимъ движеніемъ, совсѣмъ пропадаетъ въ немъ, не высовывается ничѣмъ оскорбительнымъ для этого движенія, а напротивъ вполнѣ, точно и вѣрно и очень осторожно, несетъ его истинныя всенародныя желанья къ одной цѣли, чтобъ возстановить государственный покой и тишину.

Все это даетъ намъ основаніе къ тому убѣжденію, что если и могъ онъ думать о своемъ избраніи на царство, то по своему отношенію къ обществу, ко всей Землѣ, очень умному и скромному, не могъ пустить этого вопроса на подкупъ деньгами.

Однако многія обстоятельства даютъ изобильную пищу для разныхъ вопросовъ и запросовъ, т. е. для голыхъ соображаній, на которыхъ всегда построиваются всякія сплетни. Можно думать на всѣ лады. Можно думать, что Пожарскій съ Мининымъ, когда начинали дѣло, условились: первому быть царемъ, второму —первымъ у него бояриномъ и начальникомъ всѣхъ денежныхъ и хлѣбныхъ по доходамъ приказовъ. И лѣтопись говоритъ, что у нихъ еще допрежде, было *по слову*. Въ первой же своей грамотѣ изъ Нижняго они провозгласили, что Нижегородцы рѣшили выбрать государя всею Землею, кого Богъ дастъ и утвердили все Ополченіе въ мысли, что выбирать государя изъ Московскихъ родовъ, что было окончательно рѣшено при переговорахъ съ Новымъ Городомъ, въ самый день выступленія изъ Ярославля подъ Москву. Не явно ли, что они дѣйствуютъ въ пользу своего задуманнаго выбора! Вѣдь другіе бояре, не желавшіе или не имѣвшіе увѣренности, чтобъ быть на царствѣ, указывали все иноземныхъ королевичей и имъ присягали. Затѣмъ, какъ осторожно и гуманно наши оба героя вели себя во все время, какъ

подвигались къ Москвѣ, угощали войско обѣдами, раздавая щедрое жалованье, награды и дары, всѣ силы употребляя на то, чтобъ всѣ были довольны, чтобъ не было несогласій, ссоръ, ненависти, чтобъ была вездѣ тишина и покой!

Не явноли, что они дѣйствовали такъ съ цѣлью всѣми мѣрами задобрить земство, дворянъ, казаковъ... Сколько разъ Пожарскій засылалъ именно къ казакамъ, сколько разъ ихъ пословъ удобривалъ подарками. Стоя подъ Москвою въ Октябрѣ, онъ засылалъ „наговаривать" даже и къ Заруцкимъ казакамъ, привлекая ихъ служить въ его полкахъ. Между тѣмъ Мининъ все сбиралъ, да сбиралъ земскую казну и наполнялъ свои и Пожарскаго карманы, чтобъ, когда начнется избраніе въ цари, сыпать деньгами направо и на лѣво, какъ и сдѣлалъ Пожарскій, истративъ понапрасну 20 тысячь. Откуда было взять Пожарскому, не совсѣмъ богатому вотчиннику, да еще въ разоренное смутное время, эти 20 тысячь, сумму огромную въ тогдашнихъ обстоятельствахъ и по тогдашней цѣнѣ денегъ. Ясно, что это были деньги земскія, набранныя Мининымъ. Вѣдь бралъ же Мининъ взятки и посулы по дѣлу Толоконцевскихъ крестьянъ! И такъ далѣе и такъ далѣе... Множество вопросовъ готовы явиться къ намъ на глаза, и на нихъ мы не въ состояніи отвѣчать! Но развѣ это будетъ Исторія!

Такъ какъ Мининъ и Пожарскій составляютъ въ народной памяти и въ самой Исторіи какъ бы одно лицо, одинъ историческій образъ, и почти никогда другъ отъ друга не отдѣляются и своими именами, то къ свѣдѣнію о посулахъ Минина, является свѣдѣніе и о посулахъ Пожарскаго. Намъ встрѣтилась записка Вятскихъ земскихъ людей о расходахъ, какіе они дѣлывали по случаю доставленія своей податной казны въ Москву. Въ 1616 г. Іюля 28 они писали: „Пріѣхавъ къ Москвѣ (между прочимъ) ходили во дворъ челомъ ударить князю Дмитрѣю Михайловичу Пожарскому *для отписи*, несли ему рыбу калушку да бѣлую рыбицу, да колачей, да яблоковъ на два рубли съ гривною; дворяномъ его дано гривна..." Въ 1617 году они пишутъ, что отъ Нижняго ѣхали со княгинею и съ стрѣльцами и съ сыномъ боярскимъ, ходили ко княгинѣ челомъ ударити и стрѣльцевъ и сына боярскаго почтили, и того стало намъ полтина. Какая эта была княгиня, Вятчане не упоминаютъ; но нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь разумѣется мать Пожарскаго, княгиня Марья Ѳедоровна, жившая въ то время въ Нижнемъ и должно быть имѣвшая въ городѣ и въ земствѣ большое вліяніе, такъ что не нужно было и поминать ея фамиліи при имени княгини. Она тамъ спасла отъ позорной смерти плѣннаго изъ Кремля полковника Будила, котораго послалъ туда на житье Пожарскій, и съ которымъ озлобленный народъ хотѣлъ было расправиться по своему (*). Затѣмъ Вятчане записываютъ: „Пріѣдучи къ Москвѣ ходили въ Ямской Приказъ, кони записывать, и стало намъ убытка 2 гривны. Ходили ко князю Дмитрѣю Михайловичу Пожарскому челомъ ударити и несли ему рубль."

Въ какомъ же свѣтѣ и смыслѣ эти рубли рисуютъ намъ личность Пожарскаго? Мы конечно поспѣшимъ сдѣлать заключеніе, что, платя дань вѣку, онъ былъ взяточникъ, посуловзиматель! Но по старому коренному Русскому обычаю подобные приносы именовались и разумѣлись вообще *гостинцами, поклонами, поминками*, и безъ поминка-гостинца нельзя было войдти ни въ одинъ домъ, если люди вели между собою дружбу, знакомство, не говоря о родствѣ, или нуждались другъ въ другѣ. Самое слово гостинецъ показываетъ, что это былъ собственно неизбѣжный знакъ гощенія, гостьбы, какъ скоро люди являлись другъ у друга гостями, пріѣзжими и заѣзжими изъ близка или изъ далека. Это была непреложная форма привѣта, радости и радушія при встрѣчѣ и свиданіи. Вмѣстѣ

(*) Г. Костомаровъ: Московское разоренье.

съ тѣмъ это была вѣжливая почесть лицу, форма признательности, благодарности, уваженія, почтенія. Въ отношеніи всего служилаго, управляющаго и владѣющаго сословія, это былъ стародавній уставъ обхожденія со всякою властью, уставъ первокняжескихъ уроковъ и оброковъ и всей древней финансовой системы, обозначаемой однимъ именемъ: кормленія. Такимъ образомъ старозавѣтный Русскій гостинецъ-поминокъ самъ по себѣ вовсе не тоже значитъ, что взятка или посулъ. Самъ государь Земли и вся царская семья собирали и даже золотые подарки отъ духовенства, вмѣстѣ съ капустою и квасомъ изъ монастырей, собирали на всякій царской радости дары отъ всего народа. Извѣстно, какъ самъ государь смотрѣлъ на значеніе такихъ подарковъ. Когда при рожденіи царскихъ дѣтей въ города посылались придворные съ радостными грамотами, то власти духовныя и воеводы должны были давать обѣды и непремѣнно дарить этихъ вѣстниковъ царской радости. „А какъ пріѣдутъ они къ Москвѣ, замѣчаетъ Котошихинъ, и ихъ спрашиваютъ, кто чѣмъ дарилъ, и будетъ кто подарилъ скудно, а мѣсто и человѣкъ богатые, и о томъ царь бываетъ гнѣвенъ, понеже будто тотъ человѣкъ не радъ рожденію того царевича". Таковъ былъ стародавній завѣтъ Русской жизни, покрайней мѣрѣ въ отношеніяхъ земства къ своей правящей и владѣющей власти, къ своимъ служилымъ людямъ. Очень естественно, что простые, обычные поминки-гостинцы незамѣтно являлись взяткою во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло доходило до вымогательства, когда въ этомъ отношеніи употреблялось насиліе, принужденіе.

Вотъ почему, всякіе приносы къ управляющей власти, какъ скоро начиналась ссора съ этою властью тотчасъ поступали, въ жалобахъ на власть, въ число взятокъ и посуловъ. А потому, чтобы отдѣлить взятки отъ обычныхъ приносовъ, необходимо знать, насколько такіе приносы были послѣдствіемъ вымогательства, прямаго, по приказу, или косвеннаго, изъ страха насилій и притѣсненій. Одинъ довольствовался лишь тѣмъ, что по обычаю ему приносили въ почесть. Это не почиталось ничѣмъ болѣе, какъ обычнымъ даромъ, поклономъ, поминкомъ, отъ чего по вѣжливости вѣка безъ обиды и отказаться было невозможно, чего, какъ непремѣннаго условія жизни, требовало людское обхожденіе вѣка. Другой, хорошо зная силу своей власти, самъ назначалъ размѣръ приноса, или же такой размѣръ самъ собою выросталъ, когда дароприносители тоже очень хорошо понимали, что безъ увеличеннаго размѣра гостинцевъ никакого толку отъ власти не добьешься. Ясно, что въ этомъ случаѣ обычный гостинецъ пріобрѣталъ уже свойство взятки, и потому различіе обычныхъ гостинцевъ въ почесть отъ гостинцевъ-взятокъ можетъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ показать именно размѣръ ихъ количества или цѣнности. Тѣже земскіе люди и въ тѣже почти годы, пріѣхавши на Верхотурье, записали. „Приходили къ Ивану Лаврентьевичу къ воеводѣ съ гостинцами, а несли гостинца полоть мяса, да полтора пуда меду, да *семь* рублевъ денегъ; да несли двѣ бѣлыя рыбы, да ковригу хлѣба; да сыну его Володімеру несли рубль, да дворяномъ его полтину. Да тогоже дни несли діяку Андрею Ермоличу ковригу хлѣба, да на грошъ колачей, да полоть мяса, да пудъ меду, да *три* рубля денегъ, да дворянину его двѣ гривны." Здѣсь тяжесть воеводскихъ отношеній видимо увеличивала и тяжесть или объемъ обычнаго приноса.

Мы вообще полагаемъ, что для *историческихъ* дѣлъ личности, домашнія ея дѣла не совсѣмъ значатъ именно то, что, по теперешнимъ нашимъ понятіямъ мы стараемся въ нихъ найдти. Не говоримъ о томъ, что во всѣ вѣка въ нравахъ людей существуютъ положенія, осуждаемыя чистотою идеальныхъ нравственныхъ понятій, но тѣмъ не менѣе обязательныя для жизни, отъ которыхъ никакая нравственно-высокая личность свободна не бываетъ.

Ив. Забѣлинъ.

18 Октября 1871.

О РАДИЩЕВѢ.

Въ послѣсловіи къ перепечатанному во 2-ой книгѣ „Осмнадцатаго Вѣка" сочиненію Радищева „Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова" сказано, что это сочиненіе можетъ послужить къ лучшему пониманію дѣятельности Радищева и къ разработкѣ его жизнеописанія, въ которомъ доселѣ многія стороны остаются неразъясненными. „Такъ напр. (говорится въ послѣсловіи) неизвѣстно, состоялъ ли Радищевъ въ службѣ, когда напечаталъ свое Путешествіе или жилъ уже въ отставкѣ. Екатерина въ своихъ замѣчаніяхъ на его книгу говоритъ: „подвигъ сочинителя, объ закладъ биться можно, по которому онъ ее написалъ, есть тотъ, для чего входъ не имѣетъ въ чертоги; можно быть, что имѣлъ когда ни на есть, а нынѣ, не имѣя, бывъ съ дурнымъ и слѣдовательно неблагодарнымъ сердцемъ, подвизается перомъ . Не опредѣлено съ точностью, гдѣ именно печаталъ онъ свою книгу, въ Петербургѣ ли, или у себя въ сельцѣ Нѣмцовѣ подъ Малоярославцемъ. Московскій типографщикъ Селивановскій въ любопытныхъ Запискахъ своихъ разсказываетъ, что Радищевъ, оскорбленный чѣмъ-то по службѣ, написалъ свою книгу, вышедъ въ отставку. Вѣроятно на пути къ себѣ въ деревню, явился онъ къ отцу Селивановскаго въ типографію для напечатанія Путешествія, уже одобреннаго къ печати знаменитымъ своею вѣтренностью С. Петербургскимъ полицеймейстеромъ Рылѣевымъ. „Пробѣжавъ оригиналъ и понявъ всю важность его содержанія, батюшка (т. е. Семенъ Аникѣевичъ Селивановскій) оставилъ книгу. Является авторъ. Ему отвѣчаютъ, что книги печатать не станутъ. Тотъ разгорячился, наговорилъ грубостей, какъ дворянинъ вѣка Екатерины и авторъ, мастеровому—моему отцу; но тотъ отказался печатать и возвратилъ оригиналъ. Радищевъ смягчилъ тонъ и, распросивъ о дѣлѣ типографскомъ и имѣя деньги, рѣшился самъ завести типографію, купилъ все нужное, повезъ въ свою деревню, въ Орловской или Рязанской губерніи, и тамъ издалъ книгу свою, которую, не отдавая въ лавки, какъ говорятъ, разбросалъ по дорогѣ, чтобъ распространить." Согласно съ Селивановскимъ, и самъ Радищевъ въ отвѣтныхъ показаніяхъ своихъ, полныхъ раскаянія и самоуничиженія, говоритъ, что „по перепискѣ на бѣло книги, посылалъ онъ для цензуры оную съ таможеннымъ досмотрщикомъ Мейснеромъ, который, спустя довольно времени, за цензурою оберъ полицейм. Никиты Ивановича Рылѣева и принесъ къ нему въ домъ;" и въ этой уже одобренной рукописи „перемѣнялъ онъ нѣкоторыя только рѣченія, а въ другихъ мѣстахъ и листы, въ которыхъ однакожъ важности не заключалось." Извѣстно, что тоже самое дѣлаетъ всякій тщательный издатель. Слѣдовательно, по строгой буквѣ закона, виноватъ былъ Рылѣевъ, а не Радищевъ. Не знаемъ, какъ былъ наказанъ Рылѣевъ" [1]). Это соображенія издателя Осмнадцатаго Вѣка.

Имѣя подъ рукою подлинныя бумаги по дѣлу Радищева, мы, при помощи извѣстныхъ намъ печатныхъ источниковъ,

[1]) Осмн. Вѣкъ, кн. 2, издан. 1-е, стр. 359—360.

постараемся разрѣшить поставленные здѣсь вопросы.

И такъ, состоялъ ли Радищевъ въ службѣ, когда напечаталъ свое Путешествіе, или жилъ уже въ отставкѣ? Издатель XVIII вѣка, хотя прямо и не высказываетъ на этотъ счетъ своего мнѣнія, но, приводя безъ всякой, съ своей стороны, оговорки замѣчаніе Екатерины и разсказъ Селивановскаго, кажется, склоняется болѣе къ тому, что Радищевъ при изданіи своей книги былъ уже въ отставкѣ. Но изъ замѣчанія Екатерины ровно ничего нельзя вывести въ пользу такого заключенія. Читая на 72 и 73 страницахъ Путешествія [2]) жалобы представшей государю Истины на то, что „гордая чернь“, его окружающая, воспрещаетъ ей входъ въ его чертоги, императрица, не зная еще автора Путешествія, выражаетъ твердую увѣренность, что причиной, „подвигшей“ его къ сочиненію этой книги, было то, что „самъ не имѣетъ входа въ чертоги; можетъ быть (прибавляетъ она) и имѣлъ когда-нибудь, да теперь не имѣетъ, и за то подвизается перомъ“. Читая далѣе, она все чаще и чаще должна была останавливаться на мысли, не обидѣла ли чѣмъ-нибудь автора: иначе она никакъ не могла объяснить себѣ его безпощадныхъ „вылазокъ“ противъ нея, какъ государыни. „Скажите сочинителю (пишетъ она въ одной изъ послѣднихъ своихъ замѣтокъ на Путешествіе, когда имя сочинителя было ей уже извѣстно) что я читала его книгу отъ доски до доски и, прочтя, усумнилась, не сдѣлано ли ему мною какой обиды: ибо судить его не хочу, дондеже не выслушанъ, хотя онъ судитъ о царяхъ, не выслушивая ихъ оправданія“. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь еще одно любопытное замѣчаніе Екатерины, имѣющее цѣлью объяснить, какими побужденіями могъ руководствоваться авторъ Путешествія къ осужденію вообще всего существовавшаго тогда порядка вещей въ Россіи. Читая „слово“ Крестецкаго дворянина къ его сыновьямъ (гдѣ у Радищева развивается мысль о ничтожествѣ власти родителей надъ дѣтьми, если она не основана на нѣжныхъ чувствованіяхъ сердца, и рисуется идеалъ новой, болѣе раціональной системы воспитанія) и сдѣлавъ къ стр. 180-ой замѣчаніе, что рѣчь становится необузданною, императрица продолжаетъ: „Едва умоначертаніе сочинителево не таково ли: вѣроятно кажется, что родился въ необузданной амбиціи и, готовясь къ вышнимъ степенямъ, донынѣ еще не дошедъ, желчи нетерпѣніе разлилось повсюду на все установленное и произвело собою умствованіе, взятое однако изъ разныхъ полумудрецовъ сего вѣка, какъ то: Руссо, Аббе-Рейналь и тому гипохондрику подобные“ [3]).

Что касается до свидѣтельства типографщика Селивановскаго, который прямо говоритъ, что Радищевъ, „оскорбленный по службѣ, вышелъ въ отставку и написалъ свою Поѣздку“ [4]), то оно не имѣетъ никакого значенія и доказываетъ только, что Селивановскій вовсе не зналъ дѣла, о которомъ вздумалось ему разсказывать. Противъ него говорятъ всѣ современныя извѣстія о Радищевѣ. У насъ подъ руками есть автобіографическое показаніе послѣдняго, данное имъ на судѣ С.-Петербургской Уголовной Палаты, 11-го Іюля 1790 года, и скрѣпленное его собственноручною подписью—нѣчто въ родѣ послужнаго списка Радищева. Приводимъ изъ этой рукописи то мѣсто, которое касается его службы. „Отъ роду ему—показывалъ о себѣ Радищевъ—40 лѣтъ, изъ дворянъ; въ службу вступилъ съ молодыхъ лѣтъ ко Двору пажемъ, а въ 1766 году посланъ былъ на казенномъ коштѣ въ Лейпцигскій университетъ для обученія, откуда возвратился

[2]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей за 1865 г., кн. 3, Смѣсь: „Радищевъ“, стр. 68.

[3]) Оба послѣднія замѣчанія Екатерины приведены по рукописи.

[4]) Библіографическія Записки, т. I, стр. 518.

въ 1771 году. По возвращеніи, въ томъ же году, опредѣленъ былъ въ Правительствующій Сенатъ въ должность протоколиста съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Изъ Сената въ 773 году взятъ былъ въ штатъ его сіятельства графа Брюса оберъ-аудиторомъ, а отъ него, по случаю женитьбы [5]), въ 775 году вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъ-маіора, а въ 777 году опредѣленъ въ Коммерцъ-коллегію [6]) на мѣсто ассесора; въ 780 году опредѣленъ, по именному указу, въ помощь г-ну Далю [7]) къ таможеннымъ дѣламъ; въ 782 году произведенъ въ надворные совѣтники, въ 784 въ коллежскіе совѣтники, а въ Мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года помѣщенъ на мѣсто совѣтника таможенныхъ дѣлъ; орденъ св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-ой степени пожалованъ ему въ 785 году".

Изъ этого показанія видно, что Радищевъ, дѣйствительно, былъ разъ въ отставкѣ; но, вопреки Селивановскому, не въ концѣ своего служебнаго поприща, совпадающаго съ изданіемъ Путешествія, а въ началѣ его, когда онъ и не помышлялъ еще объ этомъ сочиненіи, и что еще наканунѣ стряхнувшейся надъ нимъ бѣды, именно въ Мартѣ 1790 года, онъ былъ даже повышенъ по службѣ, получивъ мѣсто совѣтника таможенныхъ дѣлъ послѣ Даля.

Приведемъ здѣсь еще два мѣста изъ показаній Радищева, прямо свидѣтельствующія о томъ, что онъ писалъ свое Путешествіе, состоя на службѣ. Въ статьѣ, озаглавленной его „Завѣщаніемъ", онъ говоритъ: „Занятый съ самаго утра до заката солнечнаго заботливою должностію, тщательно собирая опредѣленный ея императорскимъ величествомъ таможенный сборъ, единое имѣлъ веселіе въ малые часы отдохновенія заниматься моимъ семействомъ" (*Чтенія*, 91). Изъ другаго, даннаго имъ тогда же показанія, видно, что занятіе семействомъ [8]) далеко не составляло единственнаго его „веселія" въ часы досуга: много этихъ часовъ пошло и на Путешествіе. Въ отвѣтѣ своемъ на 28-ой вопросный пунктъ онъ пишетъ:

„Какъ самъ не имѣлъ (онъ, Радищевъ) никакого намѣренія сдѣлать возмущеніе, то и сообщниковъ не имѣлъ, что онъ по самой чистой совѣсти и съ наисильнѣйшею (клятвою [9]) утверждаетъ, тѣмъ паче, что онъ мало и въ компаніяхъ обращался, а, исправя должность, бывалъ больше дома и въ свободные часы отдохновенія занимался домашними дѣлами, *и между прочимъ и сочиненіемъ сей мерзкой книги* "(*Чтенія*, 89).

Княгиня Дашкова, хорошо знавшая Радищева, котораго она часто могла встрѣчать въ домѣ своего брата, графа Александра Романовича, упоминая въ своихъ Запискахъ объ изданномъ имъ Путешествіи, ни однимъ словомъ не намекаетъ на то обстоятельство, о которомъ говоритъ Селивановскій; изъ ея разсказа можно даже вывести такое заключеніе, что показаніе его совершенно ложно. Приведемъ здѣсь этотъ любопытный разсказъ вполнѣ. „Подъ начальствомъ моего брата Александра (пишетъ княгиня Дашкова) въ Коммерцъ-коллегіи и въ Таможнѣ служилъ молодой человѣкъ, въ Лейпцигѣ получившій образованіе, по имени Радищевъ, къ которому онъ питалъ особенное уваженіе. Однажды въ Россійской Академіи мнѣ показали брошюру, могущую служить до-

[5]) На Аннѣ Васильевнѣ, дочери бывшаго камеръ-фурьера, статскаго совѣтника Василья Кирилловича Рубановскаго и племянницѣ Матвѣя Кирилловича, товарища Радищева по Лейпцигскому университету.

[6]) Президентомъ Коммерцъ-коллегіи былъ тогда тайный совѣтникъ графъ А. Р. Воронцовъ. Онъ управлялъ ею съ 1773 по 1794 годъ.

[7]) Совѣтнику таможенныхъ дѣлъ.

[8]) Въ это время Радищевъ былъ уже вдовъ. Первая жена его умерла еще въ Августѣ 1783 года, оставивъ ему четверыхъ дѣтей. Въ автобіографическомъ показаніи своемъ онъ называетъ сыновей: Василья 13-ти, Николая 12-ти лѣтъ сержантами, а Павла по 7-му году фурьеромъ въ Измайловскомъ полку, и дочь Катерину по 8-му году.

[9]) Возстановляемъ это недостающее въ Чтеніяхъ слово по рукописи.

казательствомъ того, что у насъ есть писатели, плохо знающіе свой родной языкъ, брошюру, которая была написана и издана этимъ самымъ Радищевымъ. Это былъ панегирическій очеркъ жизни нѣкоего Ушакова, товарища его по ученію въ Лейпцигѣ. Въ тотъ же вечеръ я сказала объ этомъ сочиненіи моему брату, который немедленно послалъ за нимъ въ книжную лавку, и замѣтила, что его protégé обнаруживаетъ въ этомъ трудѣ притязаніе на авторство, не будучи въ состояніи управиться ни съ своими мыслями, ни съ языкомъ, и что нѣкоторыя изъ первыхъ могутъ даже показаться опасными. Нѣсколько дней спустя, братъ сказалъ мнѣ, что, по его мнѣнію, я слишкомъ строго отнеслась къ книжкѣ Радищева, что онъ читалъ ее и что хотя не даетъ ей большой цѣны, такъ какъ прославляемое въ ней лицо ничего замѣчательнаго не сдѣлало и не сказало во всю свою жизнь, однако, по совѣсти, не можетъ обвинить ее ни въ чемъ дурномъ“.

„Можетъ быть (отвѣчала я) мой судъ былъ нѣсколько и строгъ; но такъ какъ вы принимаете большое участіе въ авторѣ, то я хотѣла вамъ сказать, что особенно меня поразило при чтеніи его произведенія: человѣкъ, жившій единственно для того, чтобы ѣсть, пить и спать, можетъ найти себѣ панегириста только въ томъ, кто, изъ страсти къ сочинительству, готовъ писать все, что ни взбредетъ въ голову, и эта манія къ авторству, по всей вѣроятности, доведетъ вашего protégé до того, что рано или поздно онъ напишетъ что-нибудь дѣйствительно предосудительное“.

„Такъ и случилось. Въ слѣдующемъ году, лѣтомъ, живя въ Троицкомъ, я получила письмо отъ брата, который съ душевнымъ сокрушеніемъ извѣщалъ меня, что мое предсказаніе на счетъ Радищева вполнѣ оправдалось, что онъ издалъ сочиненіе, которое (онъ съ огорченіемъ долженъ въ этомъ сознаться) можно принять за *набатъ* къ революціи, что вслѣдствіе этого онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь“.

„Нисколько не радуясь исполненію моего предсказанія, я очень сожалѣла о судьбѣ Радищева, особенно потому, что братъ, принимавшій въ немъ живѣйшее участіе, глубоко былъ огорченъ его безразсудствомъ и несчастными послѣдствіями онаго“ [10]).

Изъ этого разсказа княгини Дашковой видно, что какъ въ 1789 г., когда вышло въ свѣтъ Житіе Ушакова, такъ и въ слѣдующемъ, при изданіи Путешествія, Радищевъ служилъ въ Таможнѣ, подъ начальствомъ графа Воронцова: объ отставкѣ его она ничего не знаетъ. Въ біографіи же Радищева, написанной Саксонскимъ резидентомъ Гельбигомъ [11]), прямо сказано, что „по возвращеніи своемъ изъ Саксоніи, онъ былъ приставленъ къ таможенному вѣдомству и оставался въ немъ до самаго своего изгнанія“. Въ воспоминаніяхъ сына Радищева, Павла Александровича, который положительно говоритъ, что „въ 1789 году, въ то время, когда началась Французская революція, отецъ его управлялъ еще Таможней“ [12]), нѣтъ и помину о томъ, чтобы въ слѣдующемъ году онъ, по какимъ-то непріятностямъ, оставилъ службу и уже въ отставкѣ написалъ свое Путешествіе. Да и какія непріятности по службѣ могъ испытывать Радищевъ, извѣстный съ отличной стороны самой императрицѣ, любимый и покровительствуемый графомъ А. Р. Воронцовымъ и уважаемый Далемъ, у котораго, до самаго выхода его въ отставку, онъ былъ правою рукою? Не говоря уже о замѣчательныхъ дарованіяхъ и отличномъ образованіи Радищева, его скромность, рѣдкое въ то время безкорыстіе, честность и благородство характера, наконецъ, тѣ „пра-

---

10) Memoirs of the Princess Daschkaw, т. I, стр. 358—360.

11) Russische Günstlinge, стр. 457—462. Ср. также Библіогр. Записки, т. I, стр. 729—732.

12) Русскій Вѣстникъ за 1858 г. № 23, стр. 406.

вила“, которыя умирающій Ушаковъ завѣщалъ ему имѣть въ жизни и которымъ онъ никогда не измѣнялъ, должны были привлекать къ нему всѣхъ, кто только входилъ съ нимъ въ какія-нибудь отношенія *).

Наилучшимъ подтвержденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дополненіемъ всѣхъ приведенныхъ нами противъ Селивановскаго свидѣтельствъ можетъ служить находящійся у насъ подъ рукою одинъ очень важный документъ о Радищевѣ: это современное письмо о немъ графа Безбородки къ извѣстному правителю канцеляріи князя Потемкина, Попову, изъ С.-Петербурга, отъ 16-го Іюля 1790 года. Приводимъ здѣсь изъ этого неизданнаго еще письма **) все, что касается Радищева. „Здѣсь по Уголовной Палатѣ—пишетъ Безбородко—производится нынѣ примѣчанія достойный судъ. Радищевъ, совѣтникъ таможенный, не смотря, что у него и такъ было дѣла много, которое онъ, правду сказать, и правилъ изрядно и безкорыстно, вздумалъ лишніе часы посвятить на мудрованія: заразившись, какъ видно, Франціею, выдалъ книгу, подъ именемъ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, наполненную защитою крестьянъ, зарѣзавшихъ помѣщиковъ, проповѣдію равенства и почти бунта противу помѣщиковъ, неуваженія къ начальникамъ, внесъ много язвительнаго и наконецъ неистовымъ образомъ впуталъ оду, гдѣ озлился на царей и хвалилъ Кромвеля. Всего смѣшнѣе, что шалунъ Никита Рылѣевъ цензировалъ сію книгу, не читавъ, а удовольствовавшись титуломъ, надписалъ свое благословеніе. Книга сія начала входить въ моду у многой шали; но, по счастію, скоро ее узнали [13]). Сочинитель взятъ подъ стражу, признался, извиняясь, что намѣренъ былъ только показать публикѣ, что и онъ авторъ. Теперь его судятъ, и конечно выправиться ему нечѣмъ. Съ свободою типографій да съ глупостію полиціи и не усмотришь, какъ нашалятъ“.

При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что Путешествіе писалось цѣлые четыре года. Еще въ 1785 году, подъ вліяніемъ чтенія Рейналя, Радищевъ началъ свою повѣсть о семьѣ, проданной съ публичнаго торга (Путешествіе, стр. 341—349: Мѣдное); въ слѣдующемъ году, читая Гердера, началъ статью о цензурѣ (стр. 289—340: Торжокъ) и повѣсть Систербецкую (стр. 21—40: Чудово). Это были первые, еще неясные и для самого автора, очерки будущаго Путешествія, идея о которомъ въ той формѣ, какъ оно потомъ было обработано и явилось въ свѣтъ, зародилась въ немъ только при чтеніи Іорикова Путешествія въ Нѣмецкомъ переводѣ (Чтенія, 105). Въ исходѣ 1788 года книга была уже

*) Съ этимъ мы не можемъ согласиться. Болѣзненная раздражительность Радищева, столь замѣтная и въ его книгѣ, могла и должна была уединять его, и сношенія съ нимъ могли быть вовсе не привлекательны. *П. Б.*

**) Подлинникъ хранится въ бумагахъ Рѣшетиловскаго архива. Письмо это было намъ сообщено въ спискѣ Н. Н. Мурзакевичемъ, которому Русская исторіографія обязана тщательнымъ разборомъ и приведеніемъ въ порядокъ этихъ бумагъ. *П. Б.*

[13]) Согласно съ этимъ разсказываетъ и Гельбигъ: „Книга расходилась, потому что была писана увлекательнымъ и остроумнымъ слогомъ, и всякій, кто имѣлъ какія-нибудь свѣдѣнія о тогдашнемъ ходѣ дѣлъ, безъ ключа могъ объяснять себѣ намеки. Въ нѣсколько дней было распродано множество экземпляровъ“. Вдругъ о книгѣ узналъ Шешковскій и представилъ ее императрицѣ (Библіогр. Записки, т. I, стр. 731). Впрочемъ, по свидѣтельству самого Радищева, книги продано было чрезъ купца Зотова всего 25 экземпляровъ, да еще подарено: Козодавлеву 2 (изъ нихъ одинъ для Державина), прапорщику Дарагану 1, ротмистру Олсуфьеву 1 и иностранцу Вицману 1 (Чтенія, 82). *М. Ш.* — Любопытно знать, какъ иностранецъ Гельбигъ могъ судить о слогѣ Русской книги, которой онъ конечно не читалъ, если и маракова̀лъ порусски. Книга Радищева лишь въ нынѣшнее царствованіе дозволена къ обращенію въ публикѣ. Всякій, читавшій ее, конечно не услаждался ея слогомъ, въ которомъ такъ и отразились болѣзненность и умственная путаница сочинителя. *П. Б.*

готова, въ 1789 отдана въ цензуру, а въ первыхъ числахъ Января 1790 начата печатаніемъ (Чтенія, 106).

Такимъ образомъ оказывается несомнѣннымъ, что Путешествіе и писалось, и печаталось Радищевымъ не въ отставкѣ, не подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія вслѣдствіе какихъ-либо непріятностей, а въ часы досуга отъ многотрудныхъ служебныхъ занятій, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ то время, когда авторъ былъ обставленъ какъ нельзя лучше, когда успѣхи по службѣ сулили ему блестящую будущность, когда (по справедливому замѣчанію Пушкина) слѣдуя обыкновенному ходу вещей, онъ могъ надѣяться достигнуть одной изъ первыхъ степеней государственныхъ. И вотъ, въ томъ самомъ году, какъ ему пожалованъ былъ орденъ св. Владиміра, онъ пишетъ первыя страницы своего Путешествія, повѣсть о несчастной крестьянской семьѣ, проданной съ молотка, „прежалкую" (по выраженію Екатерины) повѣсть, которую онъ впослѣдствіи заключилъ слѣдующими строками: „сердце мое столь было стѣснено, что, выскочивъ изъ среды собранія (гдѣ производилась продажа) и отдавъ несчастнымъ послѣднюю гривну изъ кошелька, побѣжалъ вонъ. На лѣстницѣ встрѣтился мнѣ одинъ чужестранецъ, мой другъ.—Что̀ тебѣ сдѣлалось? ты плачешь?—Возвратись, сказалъ я ему: не будь свидѣтелемъ срамнаго позорища. Ты проклиналъ нѣкогда обычай варварской въ продажѣ черныхъ невольниковъ въ отдаленныхъ селеніяхъ твоего отечества; возвратись, повторилъ я, не будь свидѣтелемъ нашего затмѣнія, и да не возвѣстиши стыда нашего твоимъ согражданамъ, бесѣдуя съ ними о нашихъ нравахъ.— Не могу сему я вѣрить, сказалъ мнѣ мой другъ; невозможно, чтобы тамъ, гдѣ мыслить и вѣрить дозволяется всякому, кто какъ хочетъ, столь постыдное существовало обыкновеніе. — Не дивись, сказалъ я ему: установленіе свободы въ исповѣданіи обидитъ однихъ поповъ и чернецовъ, да и тѣ скорѣе пожелаютъ пріобрѣсти себѣ овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельскихъ жителей обидитъ, какъ то говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, ктобы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія."—„То есть (справедливо замѣчаетъ Екатерина, выписывая послѣднія строки) надежду полагаетъ на бунтъ отъ мужиковъ" (Чтенія, 75—76). Не забудемъ здѣсь и того интереснаго факта, что Путешествіе выходитъ въ свѣтъ именно въ то время, какъ авторъ его получаетъ довольно значительное и видное мѣсто. По приказанію императрицы, Радищева спросили на судѣ, не чувствуетъ ли онъ со стороны ея величества какой себѣ обиды. Онъ отвѣчалъ: „никогда и никакой не только обиды не чувствовалъ, но всегда носилъ ея (императрицы) на себѣ милости, да и впредь ожидалъ всего моего и всей моей семьи блаженства" (Чтенія, 81 и 89).

Ясно, слѣдовательно, что если Радищевъ и былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, если въ немъ и было какое нибудь чувство раздраженія, чувство желчи, которое замѣтила въ немъ Екатерина, и которое могло заставить его взяться за перо, то оно отнюдь не вызывалось его личными или служебными отношеніями, а коренилось глубже. Оно воспитывалось самымъ строемъ тогдашней Русской жизни, печальными явленіями современной ему дѣйствительности, съ которыми никакъ не могла примириться такая натура, какъ Радищевъ. Благодаря самой же императрицѣ, отправившей его для образованія за границу, онъ могъ познакомиться съ новыми началами тогдашней философіи „просвѣщенія", безпощадно ломавшими старый порядокъ вещей, въ самомъ чистомъ ихъ источникѣ, и до того искренно и глубоко проникся ими, что они сдѣлались руководящими началами всей его жизни и дѣятельности. Одушевленный желаніемъ

блага родной странѣ, съ удивительною смѣлостію, не останавливаясь ни предъ какими соображеніями, вскрылъ онъ темныя стороны своей современности, которыя безобразіемъ своимъ должны были глубоко оскорблять и возмущать его нравственное чувство. Вотъ откуда шла „обида“ ему, чего не хотѣли или не могли понять ни императрица, ни окружавшія ее лица.

Особенно возстановила ихъ противъ Радищева неподдѣльная яркость его изображеній. Если бы они не были такъ вѣрны дѣйствительности, книга его прошла бы незамѣченною. Ея смѣлые намеки въ свое время были понятны всякому. Шешковскій, которому она попала въ руки (какъ разсказываетъ Гельбигъ), безъ труда, подобно другимъ, могъ объяснить себѣ скрытыя имена, и указалъ на нихъ императрицѣ. Въ Путешествіи (говоритъ сынъ Радищева, Павелъ Александровичъ) одна только *ода* [14]) можетъ почесться неумѣстною въ извѣстномъ отношеніи, а все остальное было не болѣе, какъ собранные факты изъ дѣйствительности, свѣдѣніе о которыхъ, приведенное въ сознаніе, могло бы быть полезно, какъ матеріалъ для административныхъ и политическихъ дѣйствій [15]). Такъ смотрѣлъ на свое путешествіе и самъ Радищевъ. „Первая мысль написать книгу въ сей формѣ, разсказываетъ онъ, пришла мнѣ, читая Путешествіе Іорика. Я такъ ее и началъ. Продолжая ее, на мысль мнѣ пришли многіе случаи, о которыхъ я слыхивалъ, и дабы не много рыться, я вознамѣрился ихъ помѣстить въ книгу сію. Я думалъ въ заблужденіи моемъ, что могутъ принести иногда пользу. Описывая состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, думалъ, что устыжу тѣмъ тѣхъ, которые съ ними поступаютъ жестокосердо“ (Чтенія, 92 и 93). „Происшествіемъ, описаннымъ въ Зайцовѣ [16])— говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—я не убивство тщился и намѣренъ былъ одобрить, но отвлещи жестокосердыхъ отъ постыдныхъ дѣлъ“ (Чтенія, 95). „Происшествіе, въ Чудовѣ описанное—читаемъ у него тамъ же—было въ самомъ дѣлѣ, и я спящаго Систербецкаго начальника сравнилъ съ субабомъ, дабы онъ устыдился“ [17]). Да и впослѣдствіи Радищевъ говорилъ, что если бы онъ выдалъ свое Путешествіе за 10 или 15 лѣтъ до Французской революціи, то онъ, вмѣсто ссылки, скорѣе былъ бы награжденъ, на томъ основаніи, что въ его книгѣ есть очень полезныя указанія на многія злоупотребленія, неизвѣстныя правительству, и императоръ Александръ, какъ говорили, принялъ къ свѣдѣнію изъ нея много идей и признавалъ ея достоинство [18]). Дѣйствительно, въ книгѣ его безпрестанно встрѣчаются черты, живьемъ выхваченныя изъ современной ему дѣйствительности. Сама императрица засвидѣтельствовала это въ своихъ замѣчаніяхъ, хотя иныхъ намековъ не могла разгадать. Такъ на стр. 79 Путешествія, государь, которому Истина возвратила зрѣніе, снявъ съ глазъ его толстую плену, говоритъ: „Корабли мои, назначенные да прейдутъ дальнѣйшія моря, видѣлъ я плавающими при устьѣ пристанища. Начальникъ, полетѣвшій для исполненія моихъ велѣній на крылѣхъ вѣтра, простерши на мягкой постелѣ свои члены, упоялся нѣгою и любовію въ объятіяхъ наемной возбудительницы его сладострастія. На изготованномъ велѣніемъ его чертежѣ со-

[14]) Вольность, ода, на стр. 356—369 Путешествія

[15]) Русскій Вѣстникъ за 1858 г. № 23, стр. 429.

[16]) „Происшествіе это состояло въ умерщвленіи крестьянами помѣщика и троихъ его сыновей, изъ которыхъ средній, при содѣйствіи обоихъ своихъ братьевъ, изнасиловалъ крестьянскую дѣвушку.

[17]) Систербецкій начальникъ, котораго не рѣшились разбудить для спасенія погибавшихъ на морѣ двадцати человѣкъ, проснувшись и узнавъ, въ чемъ дѣло, отвѣчалъ: „Не моя то должность“.

[18]) Русскій Вѣстникъ за 1858 г. № 23, стр. 425.

вершеннаго въ мечтаніи плаванія уже видны были во всѣхъ частяхъ міра новые острова, климату ихъ свойственными плодами изобилующіе. Обширныя земли и многочисленные народы изображалися изъ кисти новыхъ сихъ путешественниковъ. Уже при блескѣ ночныхъ свѣтильниковъ начерталося величественное описаніе сего путешествія и сдѣланныхъ пріобрѣтеній, слогомъ цвѣтущимъ и великолѣпнымъ. Уже златыя дски изготовлялися на одежду столь важнаго сочиненія". Читая это мѣсто, императрица недоумѣвала, на кого здѣсь мѣтилъ Радищевъ, и ограничилась только замѣчаніемъ: „Не о Чичаговѣ по крайней мѣрѣ говоритъ" (Чтенія, 68). На стр. 217—218 Путешествія разсказано слѣдующее происшествіе: „Въ бывшее Пугачевское возмущеніе, когда всѣ служители вооружились на своихъ господъ, нѣкакіе крестьяне (повѣсть сія неложна), связавъ своего господина, везли его на неизбѣжную казнь. Какая тому была причина? Онъ во всемъ былъ господинъ доброй и человѣколюбивой, но мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери. Каждую ночь посланные его приводили къ нему на жертву безчестія ту, которую онъ того дня назначилъ. Извѣстно въ деревнѣ было, что онъ омерзилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности. Наѣхавшая команда выручила сего варвара изъ рукъ на него злобствовавшихъ". Прочтя этотъ разсказъ, императрица сейчасъ же узнала его героя и замѣтила: „Едва ли не гисторія Александра Васильевича Салтыкова" (Чтенія, 73) [19]. Къ стр. 108 Путешествія, по поводу разсказа о похожденіяхъ именитаго гражданина Карпа Дементьича, Екатерина сдѣлала такое замѣчаніе: „Знаніе имѣетъ подробностей купецкихъ обмановъ, чего у Таможни легко приглядѣться можно" (Чтенія, 70).

[19]) Тайный совѣтникъ А. В. Салтыковъ, ум. въ 1803 г., младшій братъ Сергѣя Васильевича. (Рос. род. книга кн. Долгорукова, ч. 2, стр. 74).

Вообще у Радищева найдется довольно чертъ для характеристики того времени. Приведемъ здѣсь то мѣсто изъ его книги, гдѣ онъ говоритъ о дѣятельности тогдашней цензуры. Извѣстно, что онъ былъ противъ цензуры, считая ее не только излишнею, но и положительно вредною. Онъ требовалъ предоставленія полной свободы печатному слову: „Пускай печатаютъ все (говоритъ онъ въ Путешествіи) кому что на умъ ни взойдетъ". Онъ не совсѣмъ отказался отъ этого убѣжденія и впослѣдствіи, сидя уже въ крѣпости: „Естьли я писалъ противъ цензуры, то думалъ, что творю доброе; думалъ, что она не нужна, и естьли не будетъ существовать, то, обязанный всякъ самъ отвѣтствовать, на цензуру полагаться не будетъ" (Чтенія, 91). Въ статьѣ „Торжокъ", онъ очень обстоятельно, путемъ теоретическихъ и историческихъ соображеній, доказываетъ весь вредъ существованія цензуры; здѣсь же касается и дѣятельности современной ему Русской цензуры. „Правительство, дознавъ полезность книгопечатанія (говоритъ онъ) оное дозволило всѣмъ; но паче еще, дознавъ, что запрещеніе въ мысляхъ утщетитъ благое намѣреніе вольности книгопечатанія, поручило цензуру, или присмотръ за изданіями, Управѣ Благочинія. Долгъ же ея въ отношеніи сего можетъ быть только тотъ, чтобы воспрещать продажу язвительныхъ сочиненій. Но и сія цензура есть лишняя. Одинъ несмысленной урядникъ благочинія можетъ величайшій въ просвѣщеніи сдѣлать вредъ и на многія лѣта остановку въ шествіи разума; запретитъ полезное изобрѣтеніе, новую мысль, и всѣхъ лишитъ великаго. Примѣръ въ малости. Въ Управу Благочинія принесенъ для утвержденія переводъ романа. Переводчикъ, слѣдуя автору, говоря о любви, назвалъ ее *лукавымъ богомъ*. Мундирной цензоръ, исполненной духа благоговѣнія, сіе выраженіе почернилъ, говоря: „неприлично божество называть лукавымъ". Если хочешь бла-

горастворенниго воздуха, удали отъ себя коптильню: если хочешь свѣта, удали затмѣваніе; если хочешь, чтобы дитя не было застѣнчиво, то выгони лозу изъ училища. Въ домѣ, гдѣ плети и батожье въ модѣ, тамъ служители пьяницы, воры и того еще хуже". Въ выноскѣ къ этому мѣсту Радищевъ сообщаетъ нѣсколько курьёзныхъ фактовъ изъ дѣятельности другаго неумѣлаго „урядника" печатнаго слова: „Такого же роду цензоръ не позволялъ, сказываютъ, печатать тѣ сочиненія, гдѣ упоминалося о Богѣ, говоря: „я съ Нимъ дѣла никакого не имѣю". Если въ какомъ либо сочиненіи порочили народные нравы того или другаго государства, онъ недозволеннымъ сіе почиталъ, говоря: „Россія имѣетъ трактатъ дружбы съ нимъ". Если упоминалося гдѣ о князѣ или графѣ, того не дозволялъ онъ печатать, говоря: „сіе есть личность, ибо у насъ есть князья и графы между знатными особами" (Путеш. стр. 292—294).

Такимъ образомъ книга Радищева, какъ воспроизведеніе темныхъ сторонъ тогдашней дѣйствительности, имѣетъ значеніе историческое, тѣмъ болѣе важное, что, при изображеніи ихъ, авторъ одушевленъ былъ самыми лучшими побужденіями и не стѣснялся никакими соображеніями, могущими извратить истину.

*

Переходимъ теперь къ вопросу о мѣстѣ напечатанія Путешествія. Мы видѣли, что Радищевъ до самой катастрофы, постигшей его въ 1790 году, оставался на службѣ въ Петербургѣ; слѣдовательно и книгу свою долженъ былъ печатать также въ Петербургѣ. Разсказъ Селивановскаго отъ начала до конца есть чистѣйшій вымыселъ, на всѣхъ несообразностяхъ котораго мы не намѣрены здѣсь останавливаться. Замѣтимъ только, что Радищевъ не могъ печатать своего Путешествія у себя въ деревнѣ Орловской или Рязанской губерніи уже потому, что ни у него, ни у отца его не было никакого имѣнія въ этихъ губерніяхъ. Изъ автобіографическаго показанія Радищева, на которое мы уже имѣли случай ссылаться, видно, что у отца его, коллежскаго асессора Николая Аѳанасьевича, было во владѣніи Саратовскаго намѣстничества Кузнецкаго уѣзда село Преображенское, съ окружными деревнями душъ 700, гдѣ и жилъ въ отставкѣ, съ своею семьей, шестидесятилѣтній старикъ. Кромѣ того, ему принадлежало еще сельцо Нѣмцово Калужской губерніи, въ полуторѣ верстѣ отъ Малоярославца, пріобрѣтенное отцомъ его, Аѳанасіемъ Прокофьевичемъ, съ прилежащими деревнями—180 душъ и около 1500 десятинъ земли [20]). Сельцо это досталось Александру Николаевичу или, лучше сказать, его дѣтямъ отъ перваго брака [21]), уже въ царствованіе императора Павла; до того онъ не былъ отдѣленъ. 11-го Іюля 1790 года онъ показывалъ о себѣ, что „собственнаго недвижимаго имѣнія онъ не имѣетъ, кромѣ купленнаго на Петровскомъ острову у вдовы барона Фридрихса мѣста за 400 р.; домъ, въ коемъ онъ жительство имѣетъ, что у Владимірской, достался по наслѣдству отъ тестя его, Рубановскаго, дѣтямъ, тремъ дочерямъ, въ томъ числѣ часть принадлежитъ и его покойной женѣ. Каменное и деревянное строеніе построено общимъ какъ его, такъ и свояченъ его коштомъ". Домъ, о которомъ упоминаетъ здѣсь Радищевъ, по свидѣтельству сына его находился Московской части въ Грязной улицѣ, въ приходѣ Знаменія, не далеко отъ Владимірской церкви, и въ 1837 году принадлежалъ купцу Мамонтову. Въ этомъ-то домѣ, по всей вѣроятности, и заведена была типографія, изъ-подъ станка коей

---

[20]) Русскій Вѣстникъ за 1858 г. № 23, стр. 420.

[21]) Такъ какъ императоръ Павелъ не возвратилъ ему ни чина, ни дворянства, то онъ, по закону, не могъ владѣть крестьянами, и во владѣніе Нѣмцовымъ введены были его дѣти, родившіяся до ссылки.

вышло Путешествіе. Ссылаемся на Гельбига, который говоритъ, что когда узнали имя автора, то „квартира его была обыскана, и открыли, что онъ самъ напечаталъ свою книгу". О томъ же свидѣтельствуетъ и сынъ Радищева: „Книгу свою, пишетъ онъ, Радищевъ напечаталъ въ своемъ домѣ, въ собственной типографіи". О существованіи типографіи въ его домѣ было извѣстно Екатеринѣ еще въ то время, когда, начавъ читать Путешествіе, она не знала навѣрное имени автора. Подъ 26 Іюня 1790 года, у Храповицкаго замѣчено, что императрица прочла тридцать страницъ Путешествія и, заподозривъ Радищева, посылала за Рылѣевымъ [22]). Но Рылѣевъ, вѣроятно, не могъ назвать сочинителя; по крайней мѣрѣ, Екатерина, и при чтеніи послѣдующихъ страницъ, все еще находится въ неизвѣстности относительно его имени и старается угадать его. Такъ, къ стр. 88 Путешествія, она дѣлаетъ такую замѣтку: „Упоминается *о знаніи, что я имѣлъ случай, по счастію моему, узнать*: кажется, что сіе знаніе въ Лейпцигѣ получено, и доводитъ до подозрѣнія на господъ Радищева и Челищева, паче же буде у нихъ заведена типографія въ домѣ, какъ сказываютъ" (Чтенія, 69).

Мы можемъ даже съ точностію опредѣлить время, когда Радищевъ завелъ у себя типографію. Это именно было лѣтомъ 1789 года. Въ одномъ мѣстѣ своихъ показаній онъ говоритъ: „та книга напечатана въ собственной его типографіи, которую онъ купилъ у Шнора" (Чтенія, 82); въ другомъ: „съ того времени, какъ ея императорское величество всемилостивѣйше дозволила всѣмъ заводить типографіи безпрепятственно, я, зная, сколь великій барышъ многіе получаютъ, вознамѣрился завести у себя типографскій станъ, но не имѣлъ на то случая. Прошлымъ лѣтомъ получилъ я станъ типографскій отъ Шнора и съ литерами, за который еще ему всѣхъ денегъ не отдалъ, но не могъ начинать прежде прошлой зимы. Первую книжку въ одинъ листъ на ономъ я напечаталъ подъ заглавіемъ: „Письмо къ другу въ Тобольскѣ" [23]); вторую: „Путешествіе". Та и другая за цензурою (Чтенія, 93).

При этомъ нельзя не упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, которое можетъ служить доказательствомъ, что Путешествіе печаталось именно въ Петербургѣ. Изъ показаній Радищева видно, что рукопись его книги переписывалъ набѣло таможенный надзиратель Царевскій, что носилъ ее для цензуры въ Управу Благочинія таможенный досмотрщикъ Мейснеръ, бывшій прежде книгопродавцемъ, которому она и была возвращена въ концѣ лѣта 1789 года, и что при печатаніи ея, которое производилось его собственными людьми, наборщикомъ былъ таможенный надсмотрщикъ Богомоловъ (Чтенія, 82 и 93) — все лица, служившія подъ начальствомъ Радищева въ Петербургѣ.

*

Въ чемъ же заключалась вина Радищева? Говорятъ, что, по строгой буквѣ закона, виноватъ былъ Рылѣевъ, а не Радищевъ.

Изъ разсказа сына Радищева, далеко не оправдывающаго Рылѣева, выходитъ однако, что во всемъ былъ виноватъ его отецъ. „Хотя цензура", го-

---

[22]) Памят. Записки Храповицкаго, стр. 226. Но уже 2-го Іюля Екатерина знала имя автора Путешествія, и онъ сидѣлъ уже въ крѣпости (Тамъ же).

[23]) Объ этой брошюрѣ Екатериною замѣчено: „Тутъ же (т. е. при Путешествіи) приложена брошюра въ 12 д. л., стр. 14: „Письмо къ другу, жительствующему въ Тоб. По долгу званія моего. Съ дозволенія управы благочинія. Въ Санктпетербургѣ. 1790". На другой стр.: „Санктпетербургъ, 8 Августа 1782 года". Сіе замѣчаніе на письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ (Чтенія, 77). Брошюра эта перепечатана въ Сентябрской книжкѣ Русской Старины 1871 г. (стр. 295—299).

ритъ онъ, вымарала очень много страницъ, почти половину книги, но онъ напечаталъ ее вполнѣ въ собственной типографіи и подалъ на разсмотрѣніе оберъ-полицеймейстеру Рылѣеву. Рылѣевъ, по извѣстному всѣмъ совершенному своему невѣжеству, допустилъ ее къ продажѣ, и въ книгѣ было выставлено: „Съ дозволенія Управы Благочинія.“ Это нарушеніе правилъ было поставлено въ вину Радищеву при его осужденіи“ [24]). Но этотъ разсказъ положительно не вѣренъ. Павелъ Александровичъ, очевидно, не зналъ обстоятельствъ дѣла, которое происходило иначе. Рукопись Путешествія, какъ мы видѣли, была готова еще въ исходѣ 1788 года, отправлена въ цензуру, вѣроятно, въ началѣ слѣдующаго и, пролежавъ тамъ, по словамъ Радищева, долгое время (Чтенія, 93), была возвращена Мейснеру уже въ концѣ лѣта, съ одобреніемъ къ печати Рылѣева, который не только ничего въ ней не вымарывалъ, но даже и не читалъ ея. Мало того: онъ, какъ видно изъ того, что сказывалъ при этомъ Мейснеръ Радищеву, не счелъ нужнымъ даже справиться у него объ имени сочинителя, и зря „надписалъ свое благословеніе.“ Узнавъ свой промахъ, онъ, говорятъ, бросился на колѣни предъ императрицей и просилъ прощенія. Императрица простила „шалуна Никиту“, вѣроятно, изъ уваженія къ его глупости. Онъ даже не потерялъ мѣста, хотя сдѣланный имъ промахъ былъ не первый и не послѣдній [25]).

Такъ въ Сентябрѣ, вскорѣ послѣ осужденія Радищева, императрица опять была за что-то недовольна Рылѣевымъ, и очень рѣзко и мѣтко охарактеризовала его предъ Храповицкимъ въ слѣдующихъ словахъ: „Полевые офицеры получаютъ tact, и ежели малый разсудокъ имѣютъ, то отъ практики дѣлаются способными быть оберъ полицеймейстерами; но здѣшній самъ дуракъ, celui-ci ne profitera pas“ [26]).

Рылѣевъ кругомъ былъ виноватъ въ дѣлѣ Радищева; но ему сошло съ рукъ. За что же былъ наказанъ Радищевъ? На чемъ основано было его осужденіе на смертную казнь, только милосердіемъ императрицы, „для всеобщей радости“ по случаю мира съ Швеціей, замѣненную лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкою на десять лѣтъ въ Сибирь, въ Илимскій острогъ? Въ именномъ указѣ, данномъ Сенату, отъ 4-го Сентября 1790 года, это осужденіе мотивировано слѣдующимъ образомъ: „Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владиміра кавалеръ Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго, изданіемъ книги подъ названіемъ: ***Путешествіе изъ Петербурга въ Москву***, наполненной самыми вредными умствованіями, раз-

[24]) Русскій Вѣстникъ за 1858 г., № 23, стр. 408.

[25]) Графъ Безбородко въ вышеупомянутомъ письмѣ своемъ къ Попову, отъ 16 Іюля 1790 г., разсказываетъ объ немъ еще слѣдующее: „Другая странная исторія здѣсь была та, что поручили было Никитѣ и Токареву набрать и формировать войско, дозволивъ имъ набрать баталіоны изъ бѣглыхъ и вольныхъ. Токаревъ тѣмъ началъ, что мѣщанъ своихъ Софійскихъ часть вписалъ, за то, что они когда-то были бѣглые, да кто попался даже изъ гвардіи, не только изъ арміи, не отсылая въ команды, въ свой корпусъ вписывалъ. А Никита началъ свою операцію по городу. Люди стали у господъ красть и бѣгать, въ надеждѣ принятыми быть въ баталіоны, стали подговаривать даже; а иногда лишь закричитъ кто караулъ, то и въ солдаты. По счастью, дошли скоро жалобы къ Государынѣ, и Ея Величество велѣла прекратить сей наборъ, а людей раздать, отъ кого бѣжали. —Токаревъ и Никита уже было много и штабу набрали въ баталіоны и заботилися нарядиться въ мундиры сами, но теперь все пришло въ порядокъ. Все сіе я сообщаю по дружбѣ и откровенности для васъ, оставляя на вашу волю донести и его свѣтлости. Оба сіи военачальники думаютъ, что я ихъ не люблю, а я съ ними ничего общаго и имѣть не могу“. Ср. объ этомъ письмо Екатерины къ Брюсу (Соч. импер. Екатерины II. т. III, стр. 391—392).

[26]) Пам. Записки Храповицкаго, подъ 28 Сентября 1790 года (стр. 232).

рушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской, учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно" [27]).

За содержаніе книги, какъ бы оно преступно ни было, авторъ не можетъ нести на себѣ отвѣтственности предъ закономъ при существованіи цензуры такъ называемой предварительной, господствовавшей у насъ до послѣдняго времени. Если „неблагонамѣренная" книга выходитъ въ свѣтъ съ одобренія чиновника, спеціально назначеннаго правительствомъ для наблюденія за „благонамѣреностію" каждаго имѣющаго печататься листка, то вся отвѣтственность за нее падаетъ уже на него, и авторъ тутъ ни при чемъ. Потому и отвѣтственность за преступное содержаніе книги Радищева, за всѣ ея *вредныя умствованія, оскорбительныя и неистовыя израженія*, всею тяжестью своею, по справедливости, должна была лечь на Рылѣева, одобрившаго ее къ печати, а вовсе не на Радищева. Послѣдній могъ быть судимъ только за сдѣланную имъ уже послѣ цензуры „прибавку многихъ листовъ" къ своей книгѣ.

Посмотримъ, въ чемъ состояла эта прибавка? На третій изъ вопросныхъ пунктовъ, предложенныхъ Радищеву, о томъ, не прибавилъ ли онъ или не убавилъ ли чего, при печатаніи своей книги, уже послѣ цензуры, онъ отвѣчалъ, что „послѣ цензуры перемѣнялъ онъ нѣкоторыя только реченія, а въ другихъ мѣстахъ и листы, въ которыхъ однакожъ важности не заключалось и которыхъ всѣхъ точно упомнить не можетъ" [28]). Нѣсколько опредѣленнѣе объ этихъ перемѣнахъ показалъ Радищевъ въ другомъ мѣстѣ, въ своемъ „Завѣщаніи". Упомянувъ о напечатанныхъ въ своей типографіи двухъ книжкахъ (Письмѣ къ другу въ Тобольскѣ и Путешествіи) онъ говоритъ: „Въ сей послѣдней, при самомъ печатаніи, я иныя мѣста исправлялъ, если мнѣ казалося что нехорошее; а прибавленія къ оной невелики, какъ я о томъ объявилъ, въ чемъ можно удостовѣриться, если въ отданномъ запечатанномъ пакетѣ всѣ письменные листы находятся. Но, по несчастію моему, думаю, многіе изъ нихъ утрачены. Сколько изъ головы вспомнить могу, прибавленія въ статьяхъ: *Спасская Полѣсть* въ разговорѣ присяжнаго: въ статьѣ *Подберезье* [29]) въ семинаристской тетради, которой, если не ошибаюсь, въ цензурѣ не было; въ статьѣ *Торжокъ* только прибавлено окончаніе о цензурѣ и древнія о ней учрежденія. Въ статьѣ *Черная Грязь* я конецъ не помѣстилъ, ибо показался мнѣ дуренъ, а на мѣсто того *Слово о Ломоносовѣ*, равнымъ образомъ за цензурою."

Для удостовѣренія въ истинѣ этого показанія, Радищевъ ссылается на какіе-то письменные листы въ отданномъ имъ, вѣроятно, при арестѣ, запечатанномъ пакетѣ. Что это были за листы, мы не знаемъ; но имѣемъ основаніе думать, что они очень мало могли принести ему пользы. Самъ же онъ говоритъ, что многіе изъ нихъ, *къ несчастію его*, были утрачены. По всей вѣроятности, они были сожжены имъ, еще до ареста, со всѣмъ тѣмъ, что могло послужить ули-

[27]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXIII, № 16 901.

[28]) Приводимъ это мѣсто по рукописи, такъ какъ въ Чтеніяхъ (82) оно напечатано не вполнѣ.

[29]) Въ Чтеніяхъ (93 и 94), у издателя которыхъ, очевидно, былъ въ рукахъ неисправный списокъ, здѣсь опять пропускъ (бѣлое мѣсто). Все это показаніе приведено нами по рукописи.

кою противъ него въ сочиненіи и напечатаніи Путешествія. „Когда купецъ Зотовъ (разсказываетъ онъ) былъ посаженъ подъ стражу, и Мейснеръ былъ спрашиванъ, кто сочинитель книги, и хотя и тотъ и другой того не сказали, но я, ожидая, что и я о томъ же вопрошенъ буду, и желая имѣть какое либо оправданіе, собралъ разметанные листы цензированной тетради и пребывалъ въ ожиданіи, что меня спросятъ. Но, чувствуя мой великій проступокъ въ изданіи сей книги, я всю ее велѣлъ собрать и всѣ принадлежащія къ ней макулатуры, поправки, черные листы сжечь велѣлъ; наконецъ велѣлъ тоже сдѣлать и со всѣми экземплярами [30]), что, думаю, и исполнено, а если бы которые остались, то не вѣдаю“ (Чтенія, 94).

Это сожженіе, которымъ растерявшійся Радищевъ думалъ уничтожить всѣ слѣды своего „великаго проступка“, оказалось совершенно безполезнымъ; мало того: оно было положительной ошибкой съ его стороны, лишившею его возможности вещественными доказательствами подтвердить справедливость своего добровольнаго признанія въ незначительности и неважности тѣхъ перемѣнъ и исправленій, какія онъ сдѣлалъ въ своей книгѣ послѣ цензуры. Чтобы хоть сколько-нибудь поправить эту несчастную ошибку, ему не оставалось ничего болѣе, какъ со всею точностью указать, какія именно страницы въ его Путешествіи были напечатаны безъ цензурнаго одобренія. Но онъ почему-то не рѣшился этого сдѣлать въ самомъ началѣ, и на третій вопросный пунктъ далъ, какъ мы видѣли, нѣсколько уклончивый отвѣтъ: перемѣнялъ-де реченія, а въ другихъ мѣстахъ и листы, но какіе именно, не помнитъ. Самъ ли онъ вспомнилъ это впослѣдствіи, или Степанъ Ивановичъ [31]) помогъ ему вспомнить — неизвѣстно: только между бумагами по его дѣлу мы нашли скрѣпленное его собственноручною подписью „Дополненіе къ 3-му пункту вопросныхъ пунктовъ *о цензурѣ*“. Приводимъ здѣсь этотъ неизданный еще документъ вполнѣ.

„Напечатанныя безъ цензуры, если хорошо припомнить могу, суть слѣдующія мѣста:

„Отъ страницы 42 до 48, въ разговорѣ присяжнаго, во многихъ мѣстахъ.

„Отъ страницы 86 до 98, кажется, также я много прибавлялъ, но точно утвердить не могу.

„Отъ страницы 105 до 112 все прибавлено, если не ошибаюсь.

„Отъ страницы 148 до 153 также все прибавлено.

„Въ повѣствованіи о цензурѣ, знаю, что прибавлено о новѣйшихъ о ней положеніяхъ, но точно что — не упомню.

„Перемѣненъ конецъ страницы 418 и страница 419 почти вся.

„Болѣе же прибавокъ не припомню, а знаю, что были поправляемы малыя реченія или правописаніе“.

Это показаніе во многомъ дополняетъ то, которое приведено у насъ выше изъ „Завѣщанія“: такъ мы узнаёмъ изъ него, что къ числу вещей, напечатанныхъ безъ цензуры, принадлежитъ еще эпизодъ о Карпѣ Дементьичѣ въ статьѣ *Новгородъ* (стр. 105—112) и письмо изъ Петербурга о бракѣ между Дурындинымъ и госпожею Ш. въ статьѣ *Зайцово* (стр. 148 — 153); впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ этого показанія есть пропускъ: говоря о прибавкѣ окончанія къ статьѣ „Краткое повѣствованіе о происхожденіи цензуры“ (*Торжокъ*, стр. 306—340), Радищевъ забылъ упомянуть о томъ, что къ ней прибавлено и начало—исторія „древнихъ учрежденій о цензурѣ“.

Указъ 4-го Сентября 1790 года обвиняетъ Радищева въ совершеніи „лживаго поступка“: въ самомъ дѣлѣ, онъ

[30]) Изъ показаній Радищева видно, что Путешествія напечатано было не цѣлый заводъ, а только половина, экземпляровъ шестьсотъ сорокъ или пятьдесятъ (Чтенія, 82 и 91).

[31]) Шешковскій.

напечаталъ въ своей книгѣ много страницъ, не испросивъ на то дозволенія Управы Благочинія, и въ этомъ отношеніи, по строгой буквѣ закона, онъ былъ вполнѣ виноватъ, хотя всѣ эти страницы, за исключеніемъ статьи о цензурѣ, „гдѣ (по справедливому замѣчанію Екатерины) довольно смѣло и поносительно говорится о власти и правительствѣ", по своему содержанію, дѣйствительно, не важны.

Екатерина не хотѣла вѣрить своимъ глазамъ, найдя на послѣдней страницѣ Путешествія припечатку: „Съ дозволенія Управы Благочинія", и замѣтила: „Сіе, вѣроятно, ложь либо оплошность". Оказалось и то, и другое; но Радищевъ, виновный въ первомъ, понесъ на себѣ кару и за послѣднее.

М. Шугуровъ.

ЗАПИСКА

чиновника Министерства Финансовъ, Булгакова послѣ обревизованія дѣла о сформированіи Малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ княземъ Репнинымъ въ 1831-мъ году, восьми Малороссійскихъ казачьихъ полковъ.

Въ 1831 году, когда пожаръ Польскаго мятежа, охвативъ всю Литву, быстро приближался къ предѣламъ Малороссіи, когда пограничный съ нею Кіевъ воскрешалъ въ уѣздахъ своихъ эпоху 1612 года,—Малороссія, заснувшая во дни Петра Великаго (послѣ Полтавской битвы), казалось, продолжала спать непробудимымъ сномъ. Предательство не коснулось ея, но патріотизмъ ждалъ призванія.

Въ 1831 году Государь Императоръ проникъ идею народную, и неподвижный Малороссъ ратовалъ уже съ полками ненавистныхъ ему Ляховъ.

Военный министръ писалъ къ Малороссійскому военному губернатору, что Его Величество, обративъ Высочайшее вниманіе на ввѣренный ему край, ожидаетъ отъ него, въ эту тяжкую годину, услуги, достойной имени Малороссіи. Ополченіе, по примѣру бывшаго въ Отечественную войну съ Французами, было желаніемъ Царя; по непоколебимой его волѣ, предполагалось ополченіе безъ отягощенія казны и безъ малѣйшаго стѣсненія жителей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, предоставлено было князю Репнину, принявъ предварительныя мѣры, съ тѣмъ же курьеромъ, который привезъ ему это повелѣніе, представить подробный проэктъ вооруженія.

Апрѣля 15, фельдъегерь вручилъ князю Репнину Высочайшее повелѣніе, а 20-го онъ уже былъ на пути въ С. Петербургъ со всѣми подробностями о предполагаемомъ ополченіи.

Въ докладной запискѣ князя, между прочимъ, изложены были слѣдующія свѣдѣнія объ ополченіи 1812 года.

Князь Лобановъ-Ростовскій, получивъ Высочайшій рескриптъ отъ 25 Іюля объ ополченіи казаковъ, предложилъ 23 Августа губернскимъ правленіямъ объявить имъ Высочайшую милость: «что они остаются отъ рекрутскаго набора и оброка свободными, что прежняя подушная подать и въ военное только время, по мѣрѣ надобности, ополчаться—есть единая ихъ обязанность».

Но на чемъ основаны были эти обѣщанія, на какихъ актахъ, въ мѣстныхъ дѣлахъ не отыскано.

Наборъ казаковъ расположенъ былъ, на каждыя 25 ревизскихъ душъ, по одному воину съ лошадью и полнымъ вооруженіемъ и съ продовольствіемъ до поступленія въ войско. Унтеръ-

офицерамъ и офицерамъ обѣщано все содержаніе съ самаго вступленія въ полки.

На этомъ основаніи сформировано было пятнадцать полковъ по 1200 человѣкъ въ каждомъ, какъ считалось; но извѣстно, что число наличныхъ людей никогда не было такъ велико, ибо полки далеко не имѣли полнаго комплекта.

Цѣнности вооруженія опредѣлить нельзя, потому что большая часть свѣдѣній утрачена во время пожара, бывшаго въ Полтавѣ въ 1819 году. Но изъ нѣкоторыхъ бумагъ видно, что дороговизна вещей возрасла тогда до чрезвычайности: полупростые сапоги стоили отъ 5 р. 50 к. до 9 рублей; пика до 10 рублей; потни́къ къ сѣдлу отъ 8 до 15 рубл., и такъ далѣе.

Въ 1816 году полки были обращены къ прежней обязанности. Рекрутство и подати, въ послѣдствіи еще увеличенныя противъ прежняго, издержки, сдѣланныя казаками на ополченіе и на содержаніе до роспуска въ домы, простиравшіяся до 100 рубл. съ ревизской души, поколебали ихъ благосостояніе; а наконецъ обращеніе въ казну лошадей и части оружія, такъ дорого пріобрѣтенныхъ ими на собственныя деньги, все это возбудило сѣтованіе казаковъ. Они жаловались на неисполненіе генераломъ-губернаторомъ обѣщаній, сдѣланныхъ имъ отъ имени Государя Императора.

Въ этомъ заключаются главныя черты ополченія 1812 года и его послѣдствій.

Наученный этимъ опытомъ, князь Репнинъ обратилъ все вниманіе, при ополченіи 1831 года, на внутреннія средства казачьяго сословія, и потому, сказавъ о вліяніи прежняго вооруженія Малороссійскихъ казаковъ, онъ доносилъ: «Но, не смотря на сіе, Малороссійскіе казаки, всегда вѣрные Престолу, готовы принесть себя въ жертву Отечеству для блага и спокойствія его, и нынѣ съ радостію послѣдуютъ Высочайшей волѣ Государя Императора. Они не умедлятъ поставить изъ среды себя воиновъ; но поставить ихъ совершенно снабженныхъ всѣмъ необходимо-нужнымъ для конной службы—поистинѣ не въ силахъ. Предшествовавшія сему времени неблагопріятныя для нихъ, какъ и для всѣхъ земледѣльцевъ, обстоятельства, какъ то: недороды хлѣба, особенно въ 1831 и прошломъ годахъ; саранча, скотскіе падежи и наконецъ эпидемическая болѣзнь, бывшая въ прошломъ году и нынѣ во многихъ мѣстахъ возраждающаяся, возвышеніе податей въ послѣдніе годы царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, несоразмѣрное состоянію ихъ и промышленности, до такой степени истощили денежные капиталы казаковъ и всѣ тѣ средства, коими они могли удовлетворять нуждамъ, какъ по домашнему быту, такъ и по общественнымъ повинностямъ, что теперь совершенно невозможно ожидать отъ нихъ значительнаго пожертвованія денегъ, и первое затрудненіе составитъ имъ поставка лошадей, число коихъ весьма уменьшилось; ибо они, по здѣшнимъ обычаямъ, не составляютъ необходимости поселянина, и остались только у промышляющихъ извозомъ зажиточныхъ казаковъ».

Вмѣстѣ съ симъ князь Репнинъ, видя, подъ какимъ вліяніемъ обстоятельствъ должно было совершиться ополченіе, всеподданнѣйше ходатайствовалъ объ облегченіи податей. «Ни дворянство, ни казаки, докладывалъ

онъ, не помыслятъ о какомъ либо вознагражденіи, ибо вѣрность и усердіе ихъ неограниченны; но милосердіе и отеческое сердце Ваше навѣрно не осудятъ меня за вѣрноподданническое донесеніе, что теперь бы предстоялъ удобный случай исполнить преднамѣреніе Вашего Императорскаго Величества: оказать помощь казакамъ, ограничивъ подати, ими взносимыя, суммою, изъясненною въ Высочайшемъ указѣ 11-го Іюня 1816 года»; а въ облегченіе дворянства князь ходатайствовалъ объ уничтоженіи подушнаго акциза съ вина.

Въ то время, какъ бумаги сіи были на Высочайшемъ разсмотрѣніи,—князь Репнинъ собиралъ свѣдѣнія о казакахъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ, а также объ отставныхъ штабъ и оберъ-офицерахъ, въ Малороссіи живущихъ. Разсчетъ поставки казаковъ и лошадей, исчисленіе потребностей обмундированія и вооруженія; распредѣленіе людей и лошадей по полкамъ съ каждаго повѣта; раскладка денегъ, слѣдуемыхъ съ мелкопомѣстныхъ имѣній; назначеніе полковыхъ штабовъ: все было кончено, когда получено Высочайше утвержденное положеніе о сформированіи полковъ и указъ о сложеніи недоимокъ и о уменьшеніи податей съ казачьяго сословія.

Управляющій главнымъ штабомъ, препровождая бумаги сіи, объявилъ, по случаю возмущенія въ Кіевской и Подольской губерніяхъ, Высочайшую волю о мѣрахъ предосторожности, необходимыхъ при наборѣ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручалъ, развѣдавши о расположеніи умовъ, донести Государю Императору. Вслѣдствіе сего князь Репнинъ немедленно отправился въ уѣзды, сопредѣльные съ губерніями, уже зараженными недугомъ смутъ и крамолъ, и лично читалъ казакамъ слѣдующія объявленія.

«Его Императорское Величество Великій Государь Императоръ Николай Павловичъ, Высочайшимъ указомъ своимъ отъ 6-го Мая настоящаго года на имя мое послѣдовавшимъ, повелѣть мнѣ соизволилъ: составить изъ Малороссійскихъ казаковъ, въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ живущихъ, восемь полковъ легкой конницы. Всемилостивѣйшій Государь такъ думаетъ о Малороссійскихъ казакахъ, какъ добрый отецъ о своихъ послушныхъ дѣтяхъ. Собственныя Его Императорскаго Величества слова въ ономъ указѣ точно таковы: *Я увѣренъ, что воинственное сословіе Малороссійскихъ казаковъ ревностно воспользуется симъ случаемъ, дабы явить новый опытъ той непоколебимой вѣрности и того пламеннаго усердія къ Престолу и Отечеству, коими они всегда отличались.*—Милосердый Государь, назначая васъ на конную службу, какую и предки ваши несли, даруетъ вамъ великія облегченія, а именно: 1-е) Вся числящаяся на васъ недоимка въ податяхъ: подушной, на водяныя и сухопутныя сообщенія и въ пошлины за вольную продажу вина, сколько оной, изъ окладовъ прежнихъ лѣтъ до 1831 года по день полученія на каждомъ мѣстѣ о семъ указа, не поступило, исключая только сбора на земскія повинности, т. е. почтовые, судовые и собственные ваши по волостямъ расходы, прощаются и изъ счетовъ навсегда исключаются. 2-е) Вмѣсто платимой вами нынѣ оброчной подати, взыскиваться съ васъ будутъ за нынѣшній годъ только по 3 рубли; а съ 1832 года впередъ во все время существованія означенныхъ 8-и пол-

«ковъ, взыскиваться будетъ съ васъ «ежегодно по 4 рубли съ каждой ре«визской души; еще нынѣшній годъ «не взыщется съ васъ по 25 копѣекъ «съ ревизской души на народное про«довольствіе. Слѣдственно всего при «устроеніи 8-и Малороссійскихъ ка«зачьихъ полковъ, нынѣшній годъ сла«гается съ каждой ревизской души по «5 рубл. 25 коп.; а сверхъ того про«щается вамъ, казакамъ, великая сум«ма за многіе годы, по разнымъ по«датямъ, вами не взнесенная. Во ис«полненіе сего Высочайшаго повелѣ«нія, если до полученія сего объявле«нія вы внесли за первую половину «сего года казенныхъ податей болѣе «4 рубл. 15 коп. за ревизскую душу, ««то вамъ зачтется сіе за вторую по«ловину, о чемъ я и далъ уже пред«писаніе.»

«Добрые и вѣрные казаки! Имѣя «счастіе, по Высочайшей волѣ, на«чальствовать надъ Малороссійскимъ «краемъ 15 лѣтъ, я полюбилъ васъ «искренно; —ручался Государю за ва«шу вѣрность Престолу, за вѣрность «къ службѣ царской, вѣрность и по«виновеніе начальству и за ваше «благонравіе. Теперь время оправ«дать вамъ всѣ сіи добродѣтели, ко«торыми и предки ваши еще слави«лись и показать, что вы чувству«ете безмѣрныя Монаршія щедроты, «на васъ нынѣ излитыя. Избранные «изъ среды васъ воины, находясь «подъ начальствомъ Малороссійскихъ «начальниковъ при арміи, будутъ «ограждать кровную свою родину, «земли и дома своихъ родителей, женъ «и дѣтей отъ мятежныхъ Поляковъ, «вѣроломныхъ и неблагодарныхъ из«мѣнниковъ, отродіе тѣхъ самыхъ «Ляховъ, которые нѣкогда хотѣли «уничтожить святую вѣру вашихъ «храбрыхъ предковъ и отнять у нихъ «собственность, но праотцами ваши«ми были побѣждены».

«По Высочайшему повелѣнію, вы «должны воиновъ вашихъ одѣть про«сто, вооружить пикою и снабдить «мѣсячнымъ продовольствіемъ и трет«нымъ жалованіемъ, что все стоить «будетъ 65 руб. на каждаго воору«женнаго казака. Въ полки прини«маться будутъ отъ 20 до 40 лѣтъ, «не смотря на ростъ и недостатки, «только бы они способны были къ «конной службѣ.—Малороссійскіе по«мѣщики снабдятъ васъ лошадьми «со всею къ нимъ принадлежностію «и мѣсячнымъ фуражемъ.—Сабли и «пистолеты даются вамъ отъ казны. «Все сіе доказываетъ вамъ, сколько «Всемилостивѣйшій Государь нашъ «желаетъ облегчить васъ при семъ «воинскомъ ополченіи; мой же долгъ «строго наблюдать, дабы притѣсненій «вамъ дѣлаемо не было.»

«Вѣрные казаки! Я ни мало не со«мнѣваюсь, что вы священную волю «Помазанника Господня охотно испол«ните: воиновъ поставите храбрыхъ «и усердныхъ; остальныя, уменьшен«ныя подати, взнесете исправно; ибо «деньги, при защитѣ Отечества, тоже «нужны для содержанія войскъ, въ «томъ числѣ и вашихъ полковъ.— «За все сіе Богъ уже васъ награж«даетъ: взгляните на поля и степи «ваши; надежда на благословенный «урожай несомнѣнна; Великій Госу«дарь еще будетъ миловать васъ, а «я всегда буду ревностнымъ ходата«емъ о вашихъ пользахъ у Монар«шаго Престола!»

Не мудрено отгадать, какое впечатлѣніе сдѣлали эти благородныя, высокія слова, проникнутыя духомъ сердечнаго патріотизма и глубокою, священною преданностію Царю.

Вотъ что собственноручно писалъ тогда князь Репнинъ:

«Не могу удержать себя отъ донесенія Вашему Императорскому Величеству о томъ вліяніи, которое сдѣлалъ на казаковъ первый приступъ мой къ исполненію Высочайшаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества. Я приказалъ собрать казаковъ, живущихъ въ городѣ Нѣжинѣ и окрестностяхъ онаго и прочесть имъ объявленіе, коего копію всеподданнѣйше при семъ представляю Вашему Императорскому Величеству. Радость постоянно изображалась на характерическихъ лицахъ ихъ при слушаніи милостей на нихъ изливаемыхъ; но когда я вошелъ въ кругъ ихъ и показывалъ подлинный рескриптъ, коимъ Ваше Императорское Величество удостоить меня благоизволили, то они, цѣлуя съ благоговѣніемъ подпись Вашу, кричали: Головы и кровь наша за царя нашего Николая Павловича! Дай Богъ Ему царствовать! И весь день провели въ радости и гуляньи, безпрестанно воззывая священное имя Вашего Императорскаго Величества. Такъ, уповаю, будетъ и по всей Малороссіи. Я совершенно туже готовность къ службѣ замѣтилъ во всѣхъ казачьихъ селеніяхъ, во время теперешняго объѣзда моего пограничныхъ съ Кіевскою губерніею повѣтовъ. Слѣдственно, Всемилостивѣйшій Государь, мы вооружимся скоро, и Малороссія, счастливая и спокойная подъ мощнымъ и справедливымъ скипетромъ Вашимъ, пребудетъ вѣрною Престолу и полезною для Отечества».

«Счастливъ я, Государь, что при начинающейся моей старости и изнеможеніяхъ, могу еще въ сію столь великую для Россіи годину, быть исполнителемъ, въ сей части Имперіи, благихъ преднамѣреній Вашего Императорскаго Величества и тѣмъ передать въ цѣлости сыну моему драгоцѣннѣйшее наслѣдіе предковъ моихъ: вѣрности и пламеннаго усердія къ царю, Богомъ намъ данному».

Такъ глубоко былъ проникнутъ князь Репнинъ святою довѣренностію къ Государю, такъ увлекательно передавалъ онъ энтузіазмъ свой и дворянству и казакамъ. Онъ пробудилъ Малороссію отъ ея летаргическаго сна; онъ вдохнулъ въ нее новую, высокую жизнь патріотизма. Фразы-ли говорилъ онъ въ своихъ воззваніяхъ, или пламеную любовь къ Отцу и Отечеству вливалъ онъ въ нихъ, когда и Евреи, постигнувъ мысль о земномъ отечествѣ, просились въ ряды казаковъ??—Надобно чувствовать, чтобы заставить чувствовать!

Горько бы ошибся тотъ, кто бы подумалъ, что и безъ призванія Репнина восемь полковъ конницы, въ теченіе шести недѣль, явились на ратное поле. Факты говорятъ другое: тотъ же Репнинъ, увлекшій къ ополченію цѣлый край, тотъ же Репнинъ не могъ собрать по 10 коп. съ души помѣщичьихъ имѣній въ пользу бѣдныхъ офицеровъ, потому только, что тамъ онъ чувствовалъ и повелѣвалъ,—здѣсь властвовалъ и покорялся. Призывая къ ополченію, онъ предписалъ пожертвованія: изъ 325 казаковъ явилось 270 охотниковъ; помѣщикъ, съ радостію ставившій лошадь со всѣмъ приборомъ, не хотѣлъ дать 10-и копѣекъ!

И всѣ призванія, эти могучіе двигатели политическаго тѣла, были дѣйственны, какъ сердце патріота:—нетолько ни одного обмана, но ни одной политической увертки. Можно ли естественнѣе и ближе къ сердцу про-

ститься съ казаками, какъ онъ прощался съ ними въ этомъ приказѣ:

«Малороссійскіе казаки!

«Государь Императоръ вызвалъ васъ первыхъ къ умноженію воинскихъ силъ своихъ для наказанія измѣны и востановленія спокойствія въ Отечествѣ. Сіе отличіе есть награда доблестей и вѣрности предковъ вашихъ. Будьте ихъ достойными, поддержите славу родины, оправдайте довѣріе Монаршее, и милосердіе добраго Отца, Государя нашего не оставитъ вѣрной службы вашей безъ воздаянія!»

«Я уповаю, что вы исполните долгъ вашъ, ибо ряды ваши, по большей части, наполнились охотниками; усердіе ваше помогло мнѣ образовать изъ васъ стройное войско въ теченіе одного мѣсяца; духомъ и ревностію вы сравнились уже съ старыми воинами».

«Благодарю васъ, добрые казаки, за сей благородный порывъ и за эту приверженность и откровенность, которую оказывали вы мнѣ при осмотрѣ полковъ вашихъ. Вы сами наградили меня, 15 лѣтъ пекущагося о благѣ вашемъ, и сіи чувства удостовѣряютъ меня, что вы послушаетесь начальника и друга вашего, воззывающаго къ вамъ въ послѣдній разъ съ памятованіемъ обязанностей новаго служенія вашего. Добрый воинъ долженъ безпрекословно повиноваться своимъ начальникамъ, въ рядахъ соблюдать стройность и тишину, и тогда, при твердомъ мужествѣ противъ враговъ, побѣда всегда увѣнчаетъ его усилія. Бывъ таковыми, Малороссійскіе казаки, вы содѣлаетесь достойными доблестей предковъ вашихъ; но помните тоже, какъ православные христіяне, что врагами нашими должны быть только измѣнники, дерзнувшіе поднять оружіе противъ Помазанника Божія; мирныхъ же жителей, не участвовавшихъ въ томъ, обязаны вы почитать братьями вашими, и обижать ихъ есть грѣхъ предъ Богомъ и противно Высочайшей волѣ Государя нашего».

«Прощайте, казаки-молодцы! Да благословитъ васъ Всемогущій ходатайствомъ Спасителя нашего Іисуса Христа на предлежащемъ вамъ пути чести и славы! Въ бою вспомните о бывшемъ вашемъ начальникѣ и другѣ; вспомните, что успѣхи ваши будутъ лучшею для меня наградою, славою вашею и торжествомъ родины вашей. Съ вами Богъ, — никто же на вы!»

Читая эти бумаги, почти безъ изъятія писанныя по карандашу князя Репнина, я благоговѣлъ. Повѣряя дѣйствія комитетовъ, совершенныя по указаніямъ его, я видѣлъ, что заключенія мои (на которыя законъ даетъ мнѣ право) о подробностяхъ въ дѣйствіяхъ, болѣе или менѣе должны выразиться въ общемъ заключеніи правительства о дѣйствіяхъ князя Репнина, и потому я не оставилъ ни одного лоскутка бумаги безъ того, чтобы не прочесть его со всѣмъ вниманіемъ и не сообразить съ тѣмъ, какое вліяніе имѣлъ онъ на общій ходъ операціи. Частности изложены по принадлежности, а общій результатъ ихъ въ пользу не только главнаго распорядителя, но и частныхъ исполнителей. Сдѣланы замѣчанія дѣльныя и важныя, но ни одно изъ нихъ не ведетъ къ сомнѣнію въ чистотѣ дѣйствій.

Мысль, что можетъ быть послѣ меня, никто уже не будетъ перечитывать этихъ огромныхъ кипъ бумагъ, и дѣйствія высокаго патріотизма останутся навсегда погребенными въ архивѣ, мысль эта внушила мнѣ смѣлость изложить со всею откровен-

ностію, какъ впечатлѣнія, сдѣланныя на меня чтеніемъ бумагъ, такъ и мнѣніе мое о дѣйствіяхъ князя Репнина при сформированіи казачьихъ полковъ. Можетъ быть, заключеніе мое будетъ неосновательно, но я смотрю на него, какъ на долгъ совѣсти, какъ на расплату съ княземъ Репнинымъ за слезы при чтеніи его патріотическихъ воззваній, и совѣсть да судитъ мою совѣсть!

(*Получено въ спискѣ отъ княжны Варвары Николаевны Репниной*)

КАРТИНА ФРАНЦІИ

1823 года.

Представлена Александру Павловичу графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ *).

Французская нація, ослѣпившая Европу силою своего умственнаго развитія въ блестящій вѣкъ Лудовика XIV, представила впослѣдствіи міру зрѣлище полнѣйшаго своего разврата, безумія и преступленія. Низвергнутая съ высоты могущества, на которое она была возведена силою того генія зла, чье появленіе, по волѣ Промысла, послужило небесною карою для всего рода человѣческаго, она стремится и по нынѣ не только господствовать надъ Европою, но и вовлекать ее въ свои несбыточныя мечтанія и, путемъ революцій, налагать вновь свои оковы на народы и наводить ужасъ на престолы.

Французъ — самое тщеславное и корыстное существо въ мірѣ. Господствующая страсть его — стремленіе къ упроченію своего благополучія; главное его занятіе — пресмыканіе у источника всѣхъ благъ земныхъ. Онъ одинаково падалъ ницъ передъ министрами, любимцами и любовницами Лудовика XIV, передъ кардиналомъ Дюбуа, Робеспіеромъ и Бонапартомъ, какъ онъ теперь лежитъ у ногъ Лудовика XVIII. Онъ считаетъ себя существомъ несравненно высшимъ относительно всего остальнаго человѣчества потому только, что Французскій языкъ наиболѣе распространенъ изо всѣхъ живыхъ нарѣчій. Онъ убѣдился самъ и стремиться убѣдить въ томъ и другихъ, что Французскія войска никогда побѣждаемы не были; что въ 1812 году лишь грозныя стихіи сломили героевъ, покорившихъ Россію; что въ 1813 году Лейпцигское сраженіе было бы выиграно, если-бы не измѣна Саксонцевъ; что въ 1814 году только вѣроломство маршаловъ предало Парижъ во власть союзниковъ; что битва при Ватерлоо только потому не можетъ считаться торжествомъ для Наполеона, что онъ потерялъ голову. Французъ — неспокоенъ отъ природы; онъ живетъ въ прошломъ, мечтаетъ въ настоящемъ и беззаботенъ на счетъ будущаго; онъ опредѣляетъ свое существованіе 24-мя часами. Онъ измѣняетъ свои мнѣнія также быстро какъ и моды; подверженный всѣмъ возможнымъ вліяніямъ, неспособный на истинное чувство, онъ—постоянная жертва минутныхъ ощущеній и всегда готовъ совершить какую нибудь нелѣпость. Въ немъ слово постоянно предшествуетъ мысли; дѣйствіе — причинѣ и все его существованіе — какая-то случайность. Вся жизнь его проходитъ въ томъ, чтобы подмѣчать смѣшныя стороны въ другихъ и трепетать при мысли, что могутъ ихъ открыть и въ немъ самомъ. Главная его забота заключается въ томъ, чтобы отвлечь вниманіе отъ своихъ дурныхъ поступковъ, которые онъ старается прикрыть особымъ лоскомъ собственнаго изобрѣтенія, т. е. громкими словами: отечество, слава и честь. Самые смертель-

*) На подлинной тетради Французской рукописи рукою автора слѣдующіе стихи:
R. aime mieux dans son ardent courage
Bruler M. que de nous recevoir.
Nous sommes plus polis; car chacun de nous, je gage,
Brule dans ce moment du désir de le voir.
т. е. Растопчинъ, въ горячемъ пылу своемъ, предпочелъ сжечь Москву, чѣмъ принять насъ. Мы учтивѣе его, и я ручаюсь, что всякій изъ насъ горитъ желаніемъ его увидѣть.

ные враги его—это благоразуміе, скука и бездѣйствіе. Взятый отдѣльно—онъ подлецъ и трусъ; въ массѣ — грубъ и дерзокъ. Подобно воздушному шару, раздутому тщеславіемъ, онъ увлекается вихремъ самолюбія и разбивается о первое встрѣтившееся на пути его препятствіе. Болтунъ отъ природы, онъ обладаетъ особымъ ему лишь свойственнымъ краснорѣчіемъ. На первый взглядъ онъ можетъ показаться умнымъ человѣкомъ и только спустя нѣкоторое время онъ является передъ вами въ своемъ истинномъ видѣ, т. е. невѣждою, глупцомъ и нахаломъ. Какой нибудь, пропѣтый въ театрѣ „vaudeville“, куплетъ, гдѣ воспѣваются его минувшія побѣды, приводитъ его въ восторгъ, и онъ готовъ безусловно вѣрить всему, что̀ льститъ его тщеславію и отвлекаетъ отъ испытаннаго униженія. Почти одновременно онъ въ состояніи возносить теплыя мольбы къ Богу о благоденствіи Бурбоновъ и тотчасъ по выходѣ изъ храма послѣдовать за толпою въ „Tuilleries“ для ихъ низверженія; чтобы вслѣдъ затѣмъ, со стыдомъ и отчаяніемъ, сознаться, что былъ увлеченъ къ тому другими. Онъ гордится тѣмъ, что онъ Французъ, что онъ доставилъ міру столько великихъ людей, что онъ произвелъ революцію, создалъ Бонапарта, что̀ столица его Парижъ, который онъ считаетъ столицею вселенной!—Этотъ громадный городъ, поглощающій всю страну и развращающій окончательно всю націю, какъ какое-то чудовище, соединяетъ въ себѣ всю жизнь, всю правительственную силу и всю связующую нить Франціи. Двѣ трети его жителей, въ теченіи двухъ вѣковъ, озабочены единственно усовершенствованіемъ всего того, что̀ можетъ плѣнять чувства, сдѣлать Парижъ восхитительнымъ мѣстопребываніемъ для каждаго и развить до безконечности всѣ приманки роскоши и вкуса для тѣхъ, кто въ состояніи заплатить за то. Этотъ городъ, котораго четвертая часть по крайней мѣрѣ состоитъ изъ лавокъ и магазиновъ, насчитываетъ всего до 700.000 жителей; изъ нихъ на каждые девять человѣкъ одинъ содержится или на счетъ общественной благотворительности, или частныхъ подаяній, или благодѣяній правительства; пять или шесть тысячъ человѣкъ не знаютъ, куда имъ на ночь преклонить голову; а пять или шесть тысячъ капиталистовъ въ тоже время ожидаютъ въ совершенномъ бездѣйствіи конца своего безплоднаго, себялюбиваго существованія. Парижъ пользуется 62,000,000 франковъ ежегоднаго дохода. Онъ—тотъ магнитъ, который притягиваетъ къ себѣ изъ цѣлой Франціи все что̀ она только имѣетъ самаго жалкаго и развратнаго. Это—цѣлый особый міръ, какая-то бездна, адъ для юношества, обсерваторія для зрѣлаго возраста, обѣтованная земля для старости. У васъ тутъ все подъ руками и, поселившись подлѣ бульваровъ, вы можете наглядно ознакомиться со всею Европою. За то всякій, кто пробылъ нѣкоторое время въ Парижѣ, дѣлается его горячимъ поклонникомъ и въ своихъ воспоминаніяхъ рѣзко отдѣляетъ столицу отъ остальнаго королевства, забывая при этомъ, что это нѣчто въ родѣ рога изобилія, изъ котораго изливаются постоянно всѣ возможныя бѣдствія, не оставляя на днѣ своемъ ни малѣйшей надежды.

Революція ниспровергла всѣ преграды, раздѣлявшія отдѣльныя сословія между собою. Бонапартъ стремился къ ихъ возстановленію; но достигъ того только по наружности, потому что онъ не въ состояніи былъ овладѣть вполнѣ общественнымъ мнѣніемъ. Совершенное сближеніе между новою и старою аристократіею нравственно невозможно; ихъ взаимныя притязанія и права основываются на знаменитыхъ заслугахъ и дарованіяхъ; одни кичатся подвигами своихъ предковъ, а другіе своими собственными. Историческія имена древней Франціи, еще уцѣлѣвшія нынѣ въ лицѣ жалкихъ ихъ представителей, совершенно исчезаютъ, поглощаются и вынуждены уступить первенство генераламъ и го-

сударственнымъ людямъ, созданнымъ сперва революціею и затѣмъ осыпанными титулами и помѣстьями, столь щедро расточенными на нихъ Бонапартомъ, не столько въ видѣ воздаянія за дѣйствительныя заслуги, сколько съ цѣлью развить въ нихъ готовность безусловной преданности къ нему и къ судьбѣ его. Въ настоящую минуту старая аристократія, какого-бы она образа дѣйствій не придерживалась въ прежнее время, начиная съ 1789 г. и до самаго 1814 года—занимаетъ высшія должности при Дворѣ и, не взирая на всѣ свои вопли и протесты противъ Бурбоновъ, вступила вновь въ спокойное пользованіе двухъ третей той собственности, которая принадлежала ей до революціи; но при этомъ она продолжаетъ жаловаться на свое разореніе, предъявляетъ какія-то несбыточныя права и обвиняетъ Бурбоновъ въ неблагодарности относительно какихъ-то мнимыхъ своихъ заслугъ, никогда не оказанныхъ!

Это различіе мнѣній естественно породило двѣ отдѣльныя партіи; ихъ не совсѣмъ правильно опредѣлили подъ именемъ: ультра-роялистовъ и либераловъ. Ни одна изъ этихъ партій не предана интересамъ короля, а еще менѣе интересамъ настоящаго правительства, и обѣ онѣ не высказываютъ откровенно своихъ дѣйствительныхъ мнѣній; такъ какъ въ сущности роялисты желаютъ имѣть короля безъ хартіи, а либералы хартію безъ короля, и въ тоже время самыя сокровенныя и искреннія желанія наиболѣе вліятельныхъ членовъ обѣихъ партій заключаются: со стороны роялистовъ—въ смерти Лудовика XVIII, а со стороны либераловъ—въ изгнаніи Бурбоновъ вообще. Если даже, повидимому, роялисты часто и берутъ верхъ, окружая престолъ, и своими постоянными интригами достигаютъ всякихъ должностей, отличій и министерскихъ кризисовъ;—но за то надобно сознаться, что ихъ козни на столько явны, что могутъ внушить къ нимъ одно лишь презрѣніе. При этомъ благосостояніе короля и Франціи ни мало не принимается ими въ соображеніе, и въ Палатѣ Депутатовъ, правая сторона, находится-ли она въ большинствѣ или меньшинствѣ, постоянно дѣлаетъ и говоритъ несравненно болѣе вздора, чѣмъ лѣвая сторона, которая, кромѣ рѣдкихъ случаевъ особаго увлеченія, соблюдаетъ извѣстное приличіе и не обнаруживаетъ заносчивости правой стороны, пользующейся постоянною поддержкою принцевъ.

Недостаточно быть дворяниномъ и носить громкое имя, прославленное въ Исторіи, чтобы заслужить званіе человѣка чистаго. Само древнее дворянство заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ множество либераловъ, которые нисколько не скрываютъ своихъ политическихъ убѣжденій въ обѣихъ Палатахъ, гдѣ они засѣдаютъ. Они сами распредѣлили между собою свои взаимныя отношенія, смотря по образу дѣйствій каждаго изъ нихъ отъ начала революціи, и такимъ образомъ политическая роль всякой отдѣльной личности выяснилась не въ глазахъ общественнаго мнѣнія (которое еще не выработано) но въ гостинныхъ и въ литературныхъ произведеніяхъ обѣихъ партій. Всевозможныя обвиненія противъ тѣхъ, кто находился на правительственной службѣ, извлекаются изъ газеты „Moniteur", которая не щадитъ никого и которую можно назвать всеобщимъ обвинителемъ Франціи. Къ первой категоріи обвиняемыхъ причисляются тѣ немногіе, которые послѣдовали за принцами въ изгнаніе въ самомъ началѣ революціи и вернулись вмѣстѣ съ ними лишь въ 1814 году; ко второй тѣ, которые покинули Францію позднѣе и, вернувшись, не поступили на службу; къ третьей тѣ, кто вернулись и служили только во времена Имперіи; къ четвертой тѣ, кто, оставаясь во Франціи, вовсе не служили; къ пятой относятся личности, преданныя съ самаго начала не только дѣлу революціи, но и всѣмъ тѣмъ правленіямъ, которыя затѣмъ смѣнялись послѣдовательно во Франціи. Изъ всѣхъ этихъ категорій третья и

пятая—самыя многочисленныя, и за ними остается по справедливости то двойное преимущество, что они служили всѣмъ безъ разбора и пріобрѣли богатую опытность!

Либеральная партія распадается на два разряда. Умѣренные или приверженцы конституціи, состоящіе въ меньшинствѣ—люди на столько осторожные и воздержные, насколько это для Француза возможно. Они добросовѣстно и неуклонно защищаютъ хартію и стараются удержать правительство отъ всякаго нарушенія конституціонныхъ своихъ правъ. Ко второму разряду принадлежатъ всѣ рьяные либералы, ярые противники всѣхъ правительственныхъ цѣлей. Стараясь внушить страхъ къ себѣ, своимъ вліяніемъ въ департаментахъ, располагая въ свою пользу почти всѣми писателями и журналистами, ораторствуя постоянно въ обѣихъ Палатахъ не столько для убѣжденія своихъ товарищей, сколько для того, чтобы вся Франція читала эти рѣчи, они имѣютъ большое вліяніе на молодежь, которой они кружатъ голову и внушаютъ (хотя впрочемъ безъ особеннаго успѣха) необходимость свергнуть постыдное иго, ихъ гнетущее, пугая ихъ тѣмъ деспотизмомъ, который во всякую минуту готовъ воцариться. Обычная Французская опрометчивость, довѣрчивость и желаніе выказаться доставляютъ имъ тьму поклонниковъ, которые могли-бы, пожалуй, въ концѣ концовъ возмутить общественный покой и встревожить правительство, если-бы жандармы не служили Медузиной головой для этихъ сорванцевъ. Во время смутъ, именуемыхъ Іюньскими, до 30,000 подобныхъ тунеядцевъ столпились на площади Лудовика XV, чтобы поддержать, по ихъ словамъ, значеніе хартіи, и ихъ удалось разогнать и разсѣять помощью всего 80-ти человѣкъ гвардейскихъ драгунъ съ обнаженными палашами.

Бурбоновъ не любятъ, потому что общественное мнѣніе расположено не въ ихъ пользу: они не могутъ осыпать постоянными милостями милліоны людей, которые основываютъ свои требованія на несбыточныхъ и даже небывалыхъ правахъ. Пользуясь тѣмъ, что главнымъ двигателемъ для Француза служитъ его самолюбіе, стараются внушить ему этимъ путемъ предубѣжденіе противъ царствующей династіи, возлагая на нее всю отвѣтственность за паденіе Наполеона, за бѣдствія Франціи и за то унизительное состояніе, въ которомъ она нынѣ находится. Напрасно было бы доказывать Французамъ, что никогда еще Франція не находилась въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ и что Бурбоны царствуютъ съ кротостью и человѣколюбіемъ; они на это обыкновенно возражаютъ: но кто можетъ ручаться за будущее! Здравый смыслъ—положительная контрабанда во Франціи и даже не пытается въ нее проникнуть. Французъ какъ будто боится размышленія; въ своихъ рѣчахъ онъ постоянно выражаетъ желаніе свергнуть существующее правительство, нисколько не думая о томъ, кѣмъ онъ его замѣнитъ. Это непріязненное расположеніе возбуждается газетами и брошюрами. Масса народа тутъ не при чемъ, хотя все это зло провозглашается и творится его именемъ. Въ 1820 году Парижская буржуазія отвергла всевозможныя предложенія, которыя были тѣмъ заманчивѣе, чѣмъ менѣе онѣ стоили. Болѣе зрѣлая часть гражданъ, очевидцы первой революціи, весьма основательно страшатся всѣхъ ужасовъ ея повторенія; а молодое поколѣніе не находитъ никакой выгоды подвергаться всѣмъ случайностямъ сомнительнаго успѣха. Чтобы возбудить въ настоящее время волненіе въ Парижѣ, потребовались-бы огромныя суммы; но агитаторы низшаго разряда не располагаютъ ими, а богатые не желаютъ ими жертвовать. Не расточи безумно герцогъ Орлеанскій (Egalité) 30 милліоновъ ливровъ,—Франція не обагрилась-бы собственною кровью, первый принцъ крови не вступилъ-бы въ заговоръ противъ своего короля и не сложилъ-бы голову на

плаху, предавъ свое имя проклятію въ потомствѣ.

То тревожное состояніе, которое замѣтно во Франціи среди извѣстной части населенія, возбуждается либералами, которые безустанно стремятся возбудить волненія и породить недовольство. Этотъ преступный образъ дѣйствій сдѣлался какъ-бы второю натурою для многихъ крупныхъ дѣятелей революціи, которые, переходя отъ Бонапарта къ Бурбонамъ, служа и измѣняя имъ поочередно, преградили себѣ такимъ образомъ всякій путь къ помилованію. Но даже самые отчаянные изъ нихъ колеблятся въ своихъ намѣреніяхъ при мысли, что всякая революція (если-бы она и удалась) была бы немедленно подавлена вооруженною силою, которая возстановила-бы низвергнутое правительство; а либералы ничего столько не страшатся какъ господства военнаго положенія, которое хватаетъ, пытаетъ, изрекаетъ смертные приговоры и приводитъ ихъ въ исполненіе безъ всякаго суда и апелляціи. Многія богатыя личности принадлежатъ къ либеральной партіи, исключительно въ надеждѣ достигнуть министерства; и, не взирая на принципъ равенства, провозглашаемый этими гастрономами-философами, титулы и въ особенности должности, влекущія за собою возможность составить или пріумножить свое состояніе, служатъ единственною цѣлью главныхъ вожаковъ всѣхъ партій. Да и самая революція пугаетъ ихъ при мысли о тѣхъ опасностяхъ, которымъ они могли-бы подвергнуться. Если во времена конвента возбуждалось преслѣдованіе противъ цѣлыхъ сословій, то теперь подверглись-бы подобной же участи отдѣльныя личности; для каждаго нашлась бы своя жертва и свой палачъ, и кровавыя убійства совершались-бы на подобіе Римскихъ ссылокъ.

Большая часть генераловъ уже умерли или устарѣли и привыкли наслаждаться прелестями мирнаго существованія, еще пользуясь на столько денежными средствами, чтобы удовлетворять своимъ желаніямъ. Изъ нихъ числа не найдешь и двухъ, которые были-бы между собою согласны; они постоянно стараются затмить военную репутацію своихъ боевыхъ товарищей и выставить лишь одни ихъ промахи, присовокупляя къ этому, что единственное ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что они служили подъ начальствомъ Наполеона (который подготовлялъ свое торжество съ помощью денегъ и затѣмъ оставался побѣдителемъ по милости численнаго превосходства своего войска). Чтобы нагляднѣе доказать все ничтожество этихъ генераловъ и маршаловъ, они приводятъ имена всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, кто былъ разбитъ въ Испаніи герцогомъ Веллингтономъ, котораго самаго они считаютъ весьма посредственнымъ полководцемъ. Лучшимъ доказательствомъ тревоги и раздора между этими незаконнорожденными дѣтьми революціи и твореніями Бонапарта служатъ тѣ усиленныя старанія, къ которымъ они прибѣгаютъ, чтобы снискать милостивое расположеніе Европейскихъ государей и подготовить себѣ покровительство и убѣжище, на случай новыхъ потрясеній во Франціи. Всѣ ихъ желанія ограничиваются, какъ и въ 14 и 15 гг., тѣмъ, чтобы сохранить свое состояніе, чины и, не покидая отечества, продолжать свои интриги.

Большая часть лицъ, занимающихъ наиболѣе видныя мѣста по судебному вѣдомству — люди честные и выполняютъ свои обязанности добросовѣстно. Они стараются составить себѣ репутацію, а такъ какъ по этому вѣдомству можно достигнуть высшихъ степеней лишь съ помощью краснорѣчія и высокой честности, то они и придерживаются этого послѣдняго способа, который находится въ распоряженіи каждаго. Прокуроры и королевскіе адвокаты подвергаются часто, во время уголовныхъ засѣданій, противодѣйствію со стороны присяжныхъ, которые, руководствуясь въ своихъ приговорахъ одною лишь совѣстью, часто приносятъ ее въ жертву различнымъ соображеніямъ, ложному

чувству филантропіи и въ особенности боязни прослыть поборниками деспотизма и пострадать за это при первомъ удобномъ случаѣ. Адвокаты, большею частью люди молодые, образуютъ столь же ненавистный, сколько и многочисленный кружокъ, и соперничаютъ, по ихъ вреднымъ наклонностямъ, со студентами медицинскаго факультета. Эти адвокаты въ защитительныхъ своихъ рѣчахъ не упускаютъ ни малѣйшаго случая, чтобы возставать противъ произвола, осыпать правительство насмѣшками и распространять нелѣпости, небылицы и клеветы противъ его представителей. Главная цѣль ихъ обратить на себя вниманіе либеральной партіи. Похвальный отзывъ какой нибудь газеты, приглашеніе къ обѣду и плохенькій, литографированный портретъ служатъ имъ лучшею наградою и внушаютъ стремленіе принимать за образецъ негодяя Мануеля *).

За исключеніемъ епископовъ и абатовъ, преданныхъ королевскому семейству, все остальное духовенство находится въ совершенной нищетѣ; правительство не дерзаетъ даже улучшить бытъ сельскихъ священниковъ, которые не пользуются вообще большимъ значеніемъ; одни, потому что они слишкомъ суровы, а другіе, потому что уже слишкомъ уступчивы. Общественное мнѣніе расположено не въ ихъ пользу. Истинное благочестіе сохраняется только между людьми престарѣлыми и между дѣтьми, которыхъ вѣрующіе родители пріучаютъ выполнять предписанные церковью обряды. Большая часть молодежи, за весьма рѣдкими исключеніями, спасенными отъ революціонной заразы, или атеисты или матеріалисты и считаютъ своею непремѣнною обязанностью высказывать публично свое презрѣніе къ религіи и поднимать на смѣхъ служителей алтаря. Дурной примѣръ, подаваемый родителями, всѣ наставленія, почерпаемыя ими изъ книгъ и отъ современнаго общества, своимъ ядовитымъ вліяніемъ губятъ въ нихъ самые лучшіе задатки и, такъ какъ въ тоже время правительство стремится возстановить должное уваженіе къ церковнымъ обрядамъ, то безпрестанно возникаютъ скандальныя явленія даже въ самихъ храмахъ, и самъ Парижскій архіепископъ подвергся оскорбленію во время „мессы.“ Надобно однако надѣяться, что со временемъ миръ водворится, и появятся люди, одаренные высокими душевными силами и краснорѣчіемъ, чтобы посѣять новыя сѣмена благочестія и возстановить вѣру въ сердцахъ, погрязшихъ въ невѣріи. Быть можетъ, Провидѣнію угодно будетъ даровать подобную милость этой бѣдной націи, которая въ большинствѣ дерзаетъ отрицать всемогущество Творца; но уже конечно ни абату Фрейсиноюсу - царедворцу, ни абату Николю-интригану не суждено воспламенить религіозное рвеніе соотечественниковъ и привлечь ихъ кающимися и обращенными къ подножію Распятія.

Литературная республика состоитъ изъ старыхъ ученыхъ и писателей, живущихъ своими трудами. Можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о количествѣ этихъ бумагомарателей по тѣмъ 420,000 литературнымъ произведеніямъ, которые были напечатаны въ Парижѣ съ 1790 г. по 1821 годъ и которыя сохраняются въ національной библіотекѣ. Политика. стихотворенія, воспѣвающія событія дня, театральныя произведенія и газетныя статьи служатъ готовою пищею для тысячи писакъ и поддерживаютъ ихъ существованіе, такъ какъ всякая ложь и клевета постоянно привѣтствуются публикою весьма снисходительно. Старѣйшіе изъ числа этихъ ученыхъ большею частью становятся порицателями правительства, потому что они уже не вѣрятъ въ возможность достигнуть высокихъ отличій и сдѣлаться перами Франціи, подобно Ласепедамъ, Шапталямь, Савари, Лебрюнамъ, Фонтанамъ и многимъ другимъ; но ни одинъ

---

*) Депутатъ Вандеи, въ Мартѣ 1823 г. выведенный изъ Палаты за чрезмѣрно-либеральныя рѣчи. *П. Б.*

изъ нихъ не откажется ни отъ пенсіи, ни отъ прибавки содержанія, ни отъ крестика Почетнаго Легіона или денежнаго вознагражденія; а всего выше цѣнится ими дворянское достоинство. Они всегда готовы отдать свое перо въ распоряженіе министра и предложить свои услуги правительству. Дерзкія выходки, которыя онѣ дозволяютъ себѣ въ своихъ сочиненіяхъ, доходятъ до удивительныхъ размѣровъ. Они трактуютъ о религіи, государяхъ и народахъ съ возмутительною наглостью, и я никогда не могъ понять, почему представители власти не обращаютъ должнаго вниманія на подобныя выходки и не подвергаютъ ихъ суду. Они объясняютъ свое равнодушіе желаніемъ избѣгнуть того скандала, который произвелъ бы публичный судъ, благодаря дерзкой защитѣ обвиняемаго; но съ другой стороны изъ этого могла-бы возникнуть дѣйствительная польза: виновный былъ-бы наказанъ, и были-бы положены предѣлы своеволію, которому не бываетъ границъ, если оно можетъ безнаказанно издѣваться надъ закономъ.

Если предположить, что Лудовикъ XVIII, графъ Дартуа и герцогъ Ангулемскій процарствуютъ еще 25 лѣтъ, то можно съ достовѣрностью сказать, что Франція, вмѣсто того, чтобы окрѣпнуть, будетъ со дня на день все болѣе и болѣе распадаться. Единственное желаніе короля, это умереть на престолѣ. „Monsieur“ и теперь уже 66 лѣтъ отъ роду; а герцогъ не довольно энергиченъ отъ природы, чтобы внушить къ себѣ должное уваженіе; что-же касается до юнаго герцога Бордоскаго, то ему придется испытать еще много невзгодъ, прежде чѣмъ онъ сдѣлается королемъ. Всѣ тѣ, кто желаетъ избавиться отъ законной династіи, не могутъ никакъ прійти ко взаимному соглашенію, относительно замѣны ея другою. Военный элементъ имѣетъ въ виду Нидерландскаго наслѣднаго принца, въ надеждѣ, что Ваше Величество изъявите на то свое согласіе. Многіе генералы и офицеры остановились было на юномъ принцѣ Наполеонѣ; но участіе къ нему начинаетъ постепенно охлаждаться; всего болѣе устрашаетъ при этомъ мысль, что во время его малолѣтства бразды правленія будутъ находиться въ рукахъ мелкихъ интригановъ, руководимыхъ Австріею. Генералы либеральной партіи и важнѣйшіе изъ депутатовъ лѣвой стороны поддерживаютъ надежды герцога Орлеанскаго, который, подобно своему отцу, отличается особеннымъ расположеніемъ къ деньгамъ. Но всѣ тѣ, кто желалъ-бы сдѣлать его королемъ, предоставили бы ему только призракъ власти; ими въ этомъ случаѣ руководитъ единственно то соображеніе, что, въ случаѣ вступленія на престолъ герцога Орлеанскаго, всѣ Европейскія державы, во имя того, что онъ также изъ Бурбоновъ, предпочтутъ признать его и не захотятъ начинать новой войны для его низложенія. Этотъ герцогъ Орлеанскій находится подъ вліяніемъ генерала Жерара, допускаетъ въ свой интимный кружокъ Бенжамена-Констана, генерала Фуа, Жирардена и Мануеля, заказываетъ картины, изображающія побѣды Французской республики; велѣлъ изобразить себя въ сраженіи при Жемаппѣ съ лицемъ, обращеннымъ въ лѣвую сторону, чтобы можно было замѣтить трехцвѣтную кокарду; посылаетъ своего старшаго сына (герцога Шартрскаго) учиться въ лицей, старается казаться чрезвычайно доступнымъ, и все по напрасну, потому что Французъ принимаетъ всякую лесть за должную ему дань уваженія. Революція можетъ служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что примѣръ прошлаго всегда безполезенъ для настоящаго, и что судьба отцевъ никогда не служитъ урокомъ для дѣтей. Не смотря на всѣ безпорядки, преступленія и ужасы этой проклятой революціи, во Франціи и теперь еще существуетъ много неизлѣчимыхъ головъ, мечтающихъ о ея возстановленіи. Бездарный Лафайетъ стоитъ во главѣ этихъ Французскихъ Римлянъ и часто

компрометируетъ себя своимъ желаніемъ осуществить эту мечту, въ надеждѣ сдѣлаться президентомъ Франціи. Но впрочемъ онъ уже представляется слишкомъ смѣшнымъ, упалъ совершенно въ общественномъ мнѣніи и являетъ собою образъ кумира, котораго религія уже болѣе не существуетъ.

И такъ революція, не смотря на всѣ эти признаки и волненія, не можетъ уже быть вновь возстановлена одними Французами по слѣдующимъ тремъ причинамъ: 1) изнеможеніе; 2) отсутствіе денежныхъ средствъ и 3) страхъ, что правительство возмется за вооруженную силу и увѣренность въ несомнѣнной борьбѣ съ Священнымъ Союзомъ, котораго войска вступятъ въ третій разъ въ Парижъ; а нѣтъ такого яраго либерала, мечущаго громы, кто-бы не дрожалъ отъ страха при мысли о появленіи красныхъ шапокъ и о наводненіи казаковъ. Никакихъ заговоровъ опасаться не слѣдуетъ, потому что до сей минуты (даже при такой полиціи, которая только тогда и хороша, когда она этого сама желаетъ) всѣ они распадались задолго до ихъ осуществленія. Для Француза всякая тайна составляетъ мученіе, а болтовня—его насущная потребность; онъ также шумно и явно составляетъ заговоры, какъ кошки любезничаютъ на крышахъ. Война съ Испаніею можетъ быть весьма благопріятна для Бурбоновъ и послужитъ къ ихъ торжеству; Французская армія преданная герцогу Ангулемскому, можетъ закрѣпить престолъ за законною династіею. Но слѣдуетъ пользоваться удобнымъ случаемъ; въ этомъ случаѣ всякій часъ дорогъ, и надобно овладѣть умами и повліять на общественное настроеніе страхомъ вооруженной силы. Нужны перемѣны и, послѣ неожиданности первой минуты, Французъ готовъ всему подчиниться. При введеніи во Франціи представительнаго правленія, главная ошибка состояла въ томъ, что Палатѣ Депутатовъ дозволено было имѣть публичныя засѣданія и помѣщать въ газетахъ изложеніе преній, происходящихъ въ ея засѣданіяхъ. Не менѣе важною ошибкою было и то, что перамъ и депутатамъ дозволено было читать свои рѣчи, что доставило многимъ недоброжелательнымъ лицамъ возможность сочинять разныя рѣчи и черезъ посредство Депутатовъ распространять свои ядовитыя теоріи съ одного конца Франціи до другаго. Пренія совершенно невозможны въ собраніи 600 Французовъ, которые всѣ хотятъ говорить, но не слушать. Введеніе суда присяжныхъ не согласуется со здравымъ смысломъ въ связи съ увлеченіемъ, необдуманностью и подлостью Французовъ. Они слишкомъ легко относятся къ уголовнымъ проступкамъ и, оправдывая обвиняемыхъ, они опираются на отвращеніе къ наказаніямъ и на уваженіе къ различнымъ мнѣніямъ. Вѣрнѣйшее средство для избѣжанія заслуженнаго наказанія заключается въ томъ, чтобы высказать самому или внушить своему адвокату, всевозможныя нареканія противъ правительства, распространиться о своей ненависти къ иноземцамъ, о пролитой крови во время послѣднихъ войнъ, о средствахъ къ уврачеванію страны, о героическихъ подвигахъ.

Во Франціи существуютъ три политическія системы: первая усвоена Бурбонами, другая роялистами, а третья либералами. Король и принцы страшатся возбудить противъ себя неудовольствіе Вашего Величества; наблюдаютъ большую осторжность въ своихъ отношеніяхъ къ Вѣнскому двору и болѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ благодарности, сохраняютъ преданность къ Англіи. Нѣтъ ни одного гражданина во Франціи, которому-бы не были извѣстны необдуманныя слова, сказанныя Лудовикомъ XVIII Принцу-Регенту въ 1814 году, „что именно ему онъ обязанъ престоломъ". Министерство, безпрестанно смѣняющееся, не въ состояніи никогда дѣйствовать съ единодушною рѣшимостью; оно избѣгаетъ всякаго столкновенія, угождаетъ всѣмъ и употребляетъ всѣ средства,

чтобы удержаться, кромѣ прямодушія. Роялисты желаютъ возстановить древнюю монархію, призывая великія державы довершить дѣло реставраціи. Либералы стараются возбудить волненія внѣ предѣловъ страны, надѣясь завлечь Европу въ губительную войну, которая дозволитъ имъ властвовать во Франціи. Они были въ восторгѣ, когда возникли почти одновременно безпорядки въ Греціи, въ Испаніи и въ Неаполѣ; они предсказывали Вашему Величеству многолѣтнюю борьбу съ Турціею, паденіе Австріи и тѣсный союзъ Франціи съ революціонными Испаніею и Португаліею. Либералы замѣнили словами конституція и оппозиція прежнія свободу и равенство, которыя устарѣли и уже оскорбляютъ слухъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ въ Пруссіи, они отложили свои намѣренія, убѣдившись, что не встрѣтятъ ни малѣйшаго сочувствія въ Прусской арміи и наткнутся на теорію національности, господствующую въ Германіи въ средѣ буйной молодежи. Эти Французскіе либералы вездѣ имѣютъ своихъ агентовъ. Между ними мало письменныхъ сношеній; но они сообщаются другъ съ другомъ посредствомъ торговыхъ агентовъ, которые, подъ видомъ своихъ оборотовъ, странствуютъ и проникаютъ повсюду. Офицеры, не состоящіе на дѣйствительной службѣ или отставные, весьма охотно принимаютъ на себя подобныя порученія. Либералы находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Поляками, которые чтутъ память Бонапарта и сочувствуютъ Французамъ, употребляющимъ ихъ въ свою пользу. Въ Россіи они въ сношеніяхъ съ ***раскольниками***, которые въ свою очередь тѣсно связаны съ мартинистами, съ членами Библейскаго Общества и въ братской связи съ Донскими казаками. Эти сношенія возникли еще во времена Наполеона, когда онъ готовился къ своему нашествію на Россію, и ***Де-Ларнъ***, который пробылъ два года въ Москвѣ и впослѣдствіи сопровождалъ Бонапарта во время похода 1812 г., имѣлъ тайныя свиданія съ ***Ильею Алексѣевымъ***, патріархомъ раскольниковъ, и когда непріятель вступилъ въ Москву, то немедленно была приставлена охранительная стража къ главному убѣжищу старовѣровъ, такъ что они не подвергались ни малѣйшему грабежу, и даже особая отъ нихъ депутація удостоилась быть лично принятою Наполеономъ.—При настоящемъ положеніи вещей нельзя не сожалѣть, что представители великихъ державъ не довольно зорко слѣдятъ за замыслами либераловъ и не преслѣдуютъ ихъ. Въ началѣ возстанія въ Піемонтѣ, въ каретѣ князя делла Систерна были захвачены бумаги, несомнѣнно свидѣтельствовавшія, что планъ Туринскаго возмущенія былъ рѣшенъ и составленъ Парижскимъ комитетомъ, составленнымъ изъ ***Ламета***, ***генерала Фуа***, ***Бенжамена-Констанъ***, ***Мануеля*** и ***герцога Альберга***, котораго секретарь переписывалъ инструкціи, пересланныя черезъ ***князя Систерна***. Но это дѣло не имѣло никакихъ послѣдствій, и члены революціоннаго комитета на этотъ разъ отдѣлались довольно продолжительною тревогою и сознаніемъ, что на будущее время имъ слѣдуетъ быть осторожнѣе.

Французское министерство постоянно руководимо и стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ страхомъ раздражить общественное мнѣніе и весьма довольно всякій разъ, что ему удается не давать дальнѣйшаго хода тѣмъ жалобамъ и преслѣдованіямъ, которыя, собственно говоря, лежатъ на обязанности представителей великихъ державъ. Но для выполненія этого долга, не обращая вниманія на либераловъ, слѣдовало-бы отказаться отъ мечты поселиться во Франціи, нажить огромное состояніе и вести биржевую игру *).

Аббатъ Прадтъ, болтунъ и плохой пророкъ, первый провозгласилъ, что Россія—колоссъ, готовый разгромить Европу и что вооруженная сила, которою располагаетъ Ваше Величество, покуда она существуетъ въ настоящихъ раз-

*) Намекъ на Поццо ди Борго. ***П. Б.***

мѣрахъ, неминуемо должна задерживать успѣхи цивилизаціи, порабощать народы и стѣснять дыханіе друзей свободы. Этому абату, пишущему изъ за денегъ, удалось вселить этотъ страхъ въ умахъ Французовъ; онъ овладѣлъ либералами, и они всѣми силами стремятся поколебать могущество Вашего Величества. Они съ удовольствіемъ услыхали о Семеновской исторіи и поспѣшили огласить ее. Они уже видѣли въ ней признакъ распаденія престола; но ихъ радость продолжалась не долго, и торжество ихъ прекратилось, какъ только они узнали истину и убѣдились, что эта столь ими желанная революція была не что иное, какъ ничтожная вспышка.

Сознавая, что существованіе Русскаго войска всегда служило и безспорно будетъ служить вѣрнѣйшимъ щитомъ государей и оплотомъ противъ революцій, либералы очень-бы желали вовлечь Ваше Величество въ войну съ Турками и напрасно стараются объяснить себѣ настоящую причину, которая побудила Ваше Величество отложить на время окончательное паденіе Турецкой Имперіи черезъ завладѣніе Константинополемъ; такъ какъ все что̀ можетъ имѣть въ своемъ основаніи великодушіе или глубокія, возвышенныя соображенія, свыше пониманія этихъ жалкихъ умовъ, которыхъ единственная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы творить зло, чѣмъ болѣе и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Вторичное вступленіе Вашего Величества въ Парижъ нѣсколько охладило энтузіазмъ, внушенный Вами Французамъ. Ослѣпленные своимъ самолюбіемъ, они вообразили, что вы желаете имъ нравиться и затѣмъ съ обычнымъ своимъ безразсудствомъ предположили, что Вашему Величеству угодно будетъ провозгласить себя вождемъ всѣхъ представительныхъ правительствъ и оказывать покровительство тѣмъ націямъ, которымъ приписываютъ постоянное стремленіе наслаждаться свободою. Но послѣ всего того, что̀ произошло на конгрессахъ въ Лайбахѣ и Веронѣ, они уже нисколько не сомнѣваются, что вооруженныя силы Вашего Величества, возводимыя ими до 800,000 регулярныхъ войскъ, 100,000 казаковъ и 300,000 вооруженныхъ поселянъ (полагая, что сіи послѣдніе ежегодно возрастаютъ на 100,000) существуютъ, чтобы поддерживать законность, обуздывать народы и подавлять возмущенія. Вотъ что служитъ уздою для Французовъ, для этой безпокойной націи, великой по числу народонаселенія и ничтожной по своимъ вѣчнымъ раздорамъ. Обезпеченная со стороны Россіи (покуда сама пребываетъ въ покоѣ) она, въ случаѣ чужестраннаго нашествія, расчитываетъ на сочувствіе къ ней Австріи и на желаніе Англіи оградить ея безопасность, принимая эти двѣ державы за своихъ естественныхъ союзниковъ противъ Россіи и Пруссіи. Слѣдовало-бы не давать ослабѣвать этой тревогѣ, и коль скоро для блага Франціи уже невозможно перенести столицу изъ Парижа и для спокойствія цѣлой Европы разрушить этотъ городъ до основанія, необходимо по крайней мѣрѣ держать его въ постоянномъ страхѣ, доказывая ему на каждомъ шагу преобладаніе Вашего Величества и убѣждая его въ тѣхъ ревностныхъ усиліяхъ, которыя Французское правительство всегда будетъ готово употребить, чтобы подавить всякое дерзновенное покушеніе со стороны партіи враждебной для общественнаго порядка. Пусть она перестанетъ расчитывать на Австрію, которая пріютила у себя маленькаго Наполеона и раздаетъ вознагражденія Французскимъ генераламъ, чтобы при случаѣ употребить ихъ въ свою пользу; пусть она страшится повелѣнія Вашего Величества двинуться впередъ; и пусть она утратитъ надежду имѣть другую династію по своему выбору.

Въ распоряженіи Вашего Величества сорокъ милліоновъ покорныхъ подданныхъ, многочисленнѣйшая армія всей Европы, славныя, военныя дарованія, спокойствіе истинной мудрости,—и при всемъ томъ политическое значеніе Ва-

шихъ представителей не согласуется съ высотою Вашего могущества, и Ваши интересы весьма часто приносятся въ жертву интригамъ и чужеземному вліянію. И безъ того уже Австрія, Пруссія и Англія раздѣлили съ Вами Вашу военную славу; а теперь Австрія, въ тѣсномъ союзѣ съ Англіею, управляетъ судьбами Европы въ ту именно эпоху, когда въ вашихъ рукахъ участь Австріи Пруссіи, Франціи, Швеціи и Турціи! Провидѣніе возвеличило Васъ, чтобы Вы сдѣлались владыкою Европы, охранителемъ престоловъ, покровителемъ угнетенныхъ и грозою нечестивыхъ, въ такой вѣкъ, когда ничего нѣтъ святаго кромѣ развѣ права сильнаго! Но всѣ они стремятся создать на пути Вашемъ препятствія, останавливаютъ развитіе Вашихъ великихъ намѣреній и составляютъ заговоры противъ Вашего могущества въ надеждѣ на успѣхъ, если только Вашему Величеству не угодно будетъ совершить все то, чего Вы желаете и пожелать всего того, что̀ можетъ быть совершено. Государь--пора!

ВСТРѢЧА МОЯ СЪ А. П. ЕРМОЛОВЫМЪ.

Когда я воротился въ Москву послѣ Крымской кампаніи и выпустилъ въ свѣтъ мои *Записки объ осадѣ Севастополя* (въ первой половинѣ 1858 года), А. П. Ермоловъ поручилъ одному изъ своихъ близкихъ родственниковъ передать мнѣ, что онъ желалъ бы видѣть меня у себя въ домѣ. Само собою разумѣется, что я не сталъ долго сбираться. Ермоловъ жилъ въ моемъ воображеніи Богъ знаетъ съ какихъ лѣтъ, какъ герой 12-го года, командующій всею нашею артиллеріею подъ Бородинымъ; потомъ, на Филяхъ, подающій *единственный* голосъ отстаивать донельзя Москву. Далѣе слѣдовалъ для меня знаменитый стихъ: „Смирись, Кавказъ — идётъ Ермоловъ!"... Позже—Ермоловъ во фракѣ, въ Англійскомъ клубѣ Москвы... и, наконецъ, Ермоловъ, убѣленный сѣдинами, грустно догорающій въ своемъ Пречистенскомъ замкѣ, подлѣ Пожарнаго Депо. Онъ былъ для меня всегда интересенъ, во всѣ минуты, во всѣхъ образахъ... И вдругъ этотъ самый Ермоловъ узнаётъ какъ-то обо мнѣ, ужъ черезъ-чуръ затерянномъ „въ полковыхъ рядахъ", извѣстномъ только небольшому кружку друзей,—освѣдомляется, проситъ къ себѣ. Я надѣлъ мундиръ, каску (которую формально *ни разу* не надѣвалъ во всю кампанію) и полетѣлъ лётомъ.

Въ скромной передней довольно-большаго, двухъ-этажнаго дома встрѣтилъ меня старичокъ-слуга, въ сѣромъ сюртукѣ, и проводилъ вверхъ, прямо въ кабинетъ хозяина,—комнату средней величины, съ мягкою, покойною мебелью, помнится, сафьянною, темнозеленаго цвѣта. Стѣны были украшены множествомъ портретовъ Наполеона I-го и видами сраженій, гдѣ также рисовалась непремѣнно типическая, знакомая всякому фигурка, „подъ шляпой съ пасмурнымъ челомъ, съ руками сжатыми крестомъ".

Алексѣй Петровичь сидѣлъ влѣво отъ дверей, у окна, въ огромныхъ креслахъ. Онъ тяжело приподнялся съ мѣста и подалъ мнѣ руку необыкновенныхъ размѣровъ, красную и шаршавую. Вся фигура, въ сѣромъ статскомъ сюртукѣ, изъ какой-то легкой матеріи, въ желтоватомъ жилетѣ и такихъ-же шароварахъ, была разительно-громадна. Пушкинъ, видѣвшій Ермолова проѣздомъ на Кавказъ, въ 1829 г., нашелъ что у него была „голова тигра на торсѣ Геркулеса". Въ это время, въ 1858 году, онъ былъ совершенный левъ, съ сѣдою косматою гривою. Конечно, на свѣтѣ не было головы, которая-бы столько напоминала львиную, какъ голова Ермолова подъ-старость. Пусть имѣющій его карточку послѣдней эпохи закроетъ рукой мундиръ. Сходства, въ ту пору, прибавлялось отъ этой неопредѣленности линій старчески-располнѣвшаго лица; отъ этого плоскаго и широкаго носа, какъ-бы расплывшагося по щекамъ и отъ огромныхъ губъ, которыя, за недостаткомъ

зубовъ, плотно смыкались, при чемъ нижняя немного выступала впередъ.

Громадная фигура, поднявшись на минуту и проговоривъ обыкновенную привѣтственную фразу, снова опустилась въ кресла и какъ-бы ушла въ себя. Голова сильно сѣла въ плечи, такъ-что едва былъ виденъ на шеѣ голубоватый, небрежно повязанный галстукъ, котораго концы падали на грудь. Руки расположились на столѣ, одна часто брала (кажется, изъ тавлинки) табакъ и тыкала въ носъ; крошки сыпались на подбородокъ, довольно чисто выбритый, на жилетъ и на столъ.

Разговоръ очень скоро сдѣлался натуральнымъ. Сказавъ мнѣ раза два или три *вы*, Ермоловъ, по своему обычаю, перешелъ къ *ты*. Кромѣ того, обращаясь ко мнѣ, онъ вставлялъ временами слова „милый-любезный Бергъ“, и этимъ именемъ звалъ меня потомъ постоянно.

„Разскажи мнѣ пожалуйста о Французахъ: славный, храбрый народъ! Молодцы!“

Я разсказалъ ему нѣсколько неизвѣстныхъ еще въ печати эпизодовъ различныхъ сраженій подъ Севастополемъ.

„Ну, а Англичане? Дрянь? Признайся: дрянь? Торгаши, продажная душа?“.

Я передалъ кое какіе случаи о блистательной стойкости Англійскихъ войскъ и о превосходномъ духѣ ихъ арміи. Ермоловъ какъ-бы удивился и не довѣрялъ. Львиныя брови надвинулись болѣе на львиные глаза; правая рука стала подавать носу и сыпать на подбородокъ, на жилетку и на столъ табакъ. Онъ помялъ немного своими огромными губами и медленно произнесъ: „а все таки торгаши, продажная нація, дрянь!“

Таково было его постоянное мнѣніе объ Англичанахъ. А Французы были только „молодцы, храбрый, славный народъ!“ — Противъ этого конечно никто не спорилъ.

Когда я сталъ прощаться, Ермоловъ уже не вставалъ, а только протянулъ мнѣ руку и пригласилъ меня на другой или на третій день обѣдать.

Прибывъ къ назначенному часу въ томъ-же самый кабинетъ, я нашелъ тамъ нѣсколько генераловъ, въ мундирахъ съ эполетами и орденами. Всѣмъ хозяинъ говорилъ *ты*. Разговоръ шелъ болѣе о военныхъ предметахъ, но зацѣплялись и статскіе. Гости обращались къ Алексѣю Петровичу почтительно, какъ бы подчиненные къ своему начальнику, не дѣлая никакихъ возраженій, ни о чемъ сильно не споря. Чтò бы онъ ни говорилъ, все было для нихъ *такъ, какъ слѣдуетъ*, не представляло нималѣйшихъ сомнѣній. Словомъ начальникъ, αὐτὸς ἔφη. Ермоловъ держалъ себя между этимъ народомъ какъ истый государь *).

Когда надо было идти къ обѣду, явились два человѣка, одѣтыхъ очень просто, помогли Алексѣю Петровичу привстать и тихо повели подъ руки въ столовую, черезъ три-четыре большія комнаты, гдѣ на стѣнахъ я увидѣлъ еще съ десятокъ Наполеоновъ въ разныхъ позахъ.

Обѣдъ былъ самый обыкновенный. Все время говорили. Ермоловъ иногда засыпáлъ на минуту, много на двѣ, закрывая глаза и сильно дыша въ это время, такъ-что все на немъ ходило ходенемъ: носъ, губы, плечи и жилетка. Открывъ глаза, онъ продолжалъ разсказъ съ того мѣста, на которомъ остановился, какъ-будто бы и не было ни-

---

*) Замѣчу, что на улицѣ, съ незнакомыми, онъ былъ чрезмѣрно учтивъ, даже иногда и пересаливалъ. Особенно это пересаливанье учтивости происходило у него въ отношеніяхъ къ инымъ предержащимъ властямъ, которыхъ онъ, по историческому значенію, а чаще и по чину, стоялъ гораздо выше. Онъ *снималъ*, напримѣръ, *каску и держалъ ее въ рукѣ*, когда проходили такія лица. По крайней мѣрѣ я положительно знаю такой случай. Разъ я видѣлъ самъ, какъ онъ, говоря съ кѣмъ-то на улицѣ, снявшимъ передъ нимъ шапку, снялъ также и свой картузъ и стоялъ съ открытой головой до тѣхъ поръ, пока тотъ не накрылся.

какого перерыва и никто не засыпалъ. Говорилъ Алексѣй Петровичъ плавно и хорошо. Память его объ эту пору была чрезвычайная.

Послѣ обѣда всѣ усѣлись въ кабинетѣ. Бесѣда продолжалась, бесѣда, гдѣ рѣчь хозяина,—начальника, государя,—была средоточіемъ общаго вниманія. Можно сказать, что онъ только и говорилъ—и вдругъ закроетъ глаза, сильно задышетъ, нижняя губа отвиснетъ и оттопырится, жилетъ заходитъ ходенемъ, наступитъ мертвое молчаніе. Золотые генералы сидятъ какъ истуканы и только посматриваютъ другъ на друга... но вотъ сонъ Льва пролетѣлъ; глаза его открываются, бѣлая грива шевелится; рѣчь полилась по прежнему.

Подъ-вечеръ стали прибывать новые гости, все генералы и все въ мундирахъ. Иного хозяинъ встрѣчалъ такими словами: „Ишь какъ изукрасился! Сущій иконостасъ!“ но самъ, повидимому, былъ этимъ доволенъ.

Всякій вечеръ, какъ я слышалъ, у него кто-нибудь бывалъ изъ почетныхъ военныхъ лицъ Москвы. Изрѣдка бывали и статскіе.

Такъ-какъ я получилъ приглашеніе посѣщать Алексѣя Петровича неопредѣленно, когда мнѣ вздумается, то и заглядывалъ къ нему временами, по просту, безъ затѣй: въ сюртукѣ, съ фуражкой въ рукахъ,—и находилъ постоянно одинъ и тотъ же любезный пріемъ. Гости бывали почти одни и тѣже.

Какъ-то разъ, когда мы были одни, мнѣ вздумалось спросить у Алексѣя Петровича, правда ли то, что̀ разсказалъ о немъ Бестужевъ-Марлинскій, въ повѣсти Амалатъ-Бекъ, будто бы онъ ссѣкалъ быку голову кинжаломъ?

—Нѣтъ, не правда! отвѣчалъ Ермоловъ: я никогда и не пробовалъ этого дѣлать; даже, сказать откровенно, едва ли бы мнѣ это удалось. Тутъ нужна особая сноровка и навыкъ; безъ навыка никакое богатырство не поможетъ. А силенъ я былъ, это точно; ужасъ, какъ былъ силенъ. Я и теперь еще довольно силенъ и крѣпокъ. Захворалъ какъ-то, въ первый разъ въ жизни *): Иноземцовъ прописалъ мнѣ микстуру; принимаю разъ, принимаю два, принимаю три—не дѣйствуетъ! Да у васъ, говоритъ, допотопная натура, вы мастодонтъ!“

Онъ произнесъ это съ видимымъ удовольствіемъ и повторилъ разъ, или два, весело смѣясь: „Мастодонтъ! Допотопная натура!“

Такъ подошелъ 1859-й годъ. Я отправлялся въ Италію видѣть военное движеніе, „молодцовъ Французовъ“. Само собою разумѣется, я зашелъ проститься къ Старому Льву, котораго могъ по возвращеніи уже не увидѣть. Сила силою, допотопная натура допотопною, а годы годами. Главное: убійственная, сидячая жизнь и тоска. Ермоловъ казался мнѣ весьма ненадежнымъ.

Онъ выслушалъ отъ меня извѣстіе о моемъ отъѣздѣ на войну съ большимъ одушевленіемъ: весь оживился, улыбался, какъ-будто ему самому подлили въ кровь молодости и подвели боеваго карабаха.

„Поѣзжай, милый-любезный Бергъ, поѣзжай! Послѣ все мнѣ разскажешь! Приди тогда ко мнѣ. Я бы самъ встрѣтилъ тебя у заставы: такъ я тебя люблю, но... старость приковала меня къ этимъ кресламъ. Я, братъ, никуда не двигаюсь теперь, никуда. Сталъ дрянь, дрянь совсѣмъ. Бывало, никакихъ микстуръ ненужно. Если цѣлый день не ѣзжу, не рыскаю, сейчасъ вереда̀, пузырья пойдутъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ я былъ такой, какъ иной въ двадцать. А теперь дрянь... Ужь ты приди ко мнѣ пожалуйста самъ. Если вернешься раньше, нежели черезъ четыре года, я еще буду живъ; на два года меня еще хва-

---

*) Онъ разумѣлъ болѣзнь 1855 года, когда его звали командовать Московскимъ ополченіемъ. Онъ лежалъ тогда въ постелѣ, весьма въ опасномъ положеніи; говорили: едва не умеръ.

титъ: я это чувствую; но что̀ дальше— Богъ вѣсть!“

Когда я сталъ съ нимъ прощаться, онъ поднялся во весь ростъ, придавъ своей фигурѣ возможное величіе, и сказалъ: „Дай, я тебя благословлю! Въ моемъ благословеніи есть что-то могущественное *). Вотъ Стефани: знаешь? *Я* благословилъ“ **).

Я наклонилъ немного голову, и огромная рука, махнувъ надо мною крестъ, легла мнѣ на темя. Затѣмъ мы обнялись и поцѣловались троекратно, по-московски. Отойдя къ порогу, я оглянулся: огромная фигура все еще стояла во весь ростъ и ласково провожала меня глазами. Я не выдержалъ: воротился опять, и мы обнялись снова, еще жарче, какъ отецъ съ сыномъ. Признаться: я не слишкомъ надѣялся увидѣть старика въ живыхъ по возвращеніи. Русскій богатырь могъ заснуть, какъ засыпаютъ всѣ богатыри, какъ заснулъ Краль-Марко, подъ сосной на Балканахъ. Да и со мной могло что-нибудь случиться.

Но война отгремѣла такъ быстро, такъ быстро... и я вернулся совершенно благополучно въ Москву, какъ ни въ чемъ не бывало, перевидавши всѣ военныя знаменитости Французской и Итальянской армій. Сейчасъ-же къ Ермолову! Старикъ былъ радъ несказанно. Я пробылъ у него чуть не полдня и все разсказывалъ о Французахъ. Едва разговоръ перемѣнится, или наступитъ молчаніе послѣ минутнаго сна хозяина,—онъ снова: „Ну, разскажи, разскажи о Французахъ, милый - любезный Бергъ! Не правда-ли: славный, храбрый народъ? Молодцы!“

Въ слѣдующемъ затѣмъ, 1860 году, я уѣхалъ на Востокъ—и болѣе уже не видалъ Ермолова. Онъ предсказалъ мнѣ свою смерть: его стало ровно *на два года*.

Н. Бергъ.

8 Марта 1872.
Варшава.

*) Слово въ слово.

**) Стефани, офицеръ не помню какого полка, проскакалъ, какъ говорили, въ Венгерскую войну 1849 года, съ какимъ-то порученіемъ отъ главнокомандующаго къ Великому Князю Михаилу Павловичу, сквозь линіи Венгерской пѣхоты, которая открыла по немъ огонь. Въ него попало около десяти пуль, но не одна не была смертельна. Подавъ депеши, онъ упалъ. Впослѣдствіи его видали въ Москвѣ, съ тростью въ рукахъ, прихрамывающимъ, въ бѣлой фуражкѣ, которую ему разрѣшено было носить постоянно. Городъ зналъ какимъ-то образомъ, что его благословилъ Ермоловъ.

ДОНЕСЕНІЕ КНЯЗЯ ДМИТРІЯ МИХАЙЛОВИЧА ГОЛИЦЫНА ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ ВТОРОЙ.

Изъ Вѣны отъ 22 Генваря (2 Февраля) 1780.

Его Величество Императоръ вчерашняго дня, прогуливаяся въ здѣшнихъ предмѣстіяхъ въ половинчатой коляскѣ, по обыкновенію своему безъ всякой свиты, изволилъ заѣхать въ загородной домъ мой, состоящій въ придворной рощѣ, опредѣленной для публичнаго гульбища и извѣстной подъ именемъ Пратеръ и, заставъ меня въ семъ домѣ на единѣ, вступилъ въ разговоръ со мною о разныхъ индифферентныхъ матеріяхъ, и въ продолженіи онаго спросилъ меня, не имѣю ли я отъ Двора Вашего Императорскаго Величества увѣдомленія о томъ Вашего Величества намѣреніи къ предпріятію путешествія въ Бѣлорусскія и Малороссійскія провинціи, о которомъ объявляется въ разныхъ газетахъ?

Получа отъ меня отвѣтъ на сей вопросъ, что и я неинако имѣю о томъ свѣдѣніе, какъ равномѣрно по газетамъ, изволилъ Императоръ сказать мнѣ, что онъ желалъ бы чрезъ меня точно увѣриться о помянутомъ Вашего Императорскаго Величества намѣреніи, и что въ такомъ случаѣ

великое имѣлъ бы онъ желаніе достигнуть весьма пріятнаго и давно ожидаемаго имъ предмета, чтобъ найти такое мѣсто, гдѣ бы онъ могъ имѣть честь и удовольствіе сдѣлать самоличное съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ знакомство и изъявить тѣ отличные, на истинномъ и совершенномъ высокопочитаніи основанные, сентименты, коими онъ издавна преисполненъ къ особѣ Вашего Величества, яко къ такой Монархинѣ, которой знаменитыя и превосходныя душевныя качества отъ времени до времени извѣстнѣйшими и славнѣйшими становятся во всѣхъ частяхъ свѣта. Къ сему присовокупилъ Его Величество, что отъ Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, зависитъ назначить мѣсто и время къ свиданію Его съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, и что онъ, имѣя намѣреніе побывать слѣдующею весною въ Галицкихъ и Лодомерскихъ провинціяхъ, не пощадитъ ни труда, ни времени пріѣхать оттуда въ то мѣсто, которое отъ Вашего Величества назначено будетъ ко оному свиданію.

Послѣ чего изъяснился Его Величество съ немалымъ увѣреніемъ: что онъ при такомъ своемъ желаніи не имѣетъ никакихъ политическихъ видовъ и ни малѣйшаго намѣренія, простирающагося къ тому, чтобы вступить въ переговоръ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ о какой либо статской матеріи; и что единственно намѣреніе его клонится къ исполненію того желанія, которое онъ уже давно имѣетъ, чтобы самоличное (какъ выше сего имѣлъ я честь всеподданнѣйше донести) съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ сдѣлать знакомство, и при томъ оказать Вашему Величеству опытъ отличнаго его къ особѣ Вашей высокопочитанія. Между тѣмъ отзывался Императоръ, что, по мнѣнію его, не можетъ онъ имѣть лучшаго и удобнѣйшаго случаю ко удовольствованію помянутаго его желанія, какъ во время предпріемлемаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ путешествія, о которомъ объявляется въ газетахъ, и что онъ не уповаетъ, чтобы Вашему Величеству могло быть противно сіе его желаніе, о которомъ наконецъ и просилъ меня Его Величество донесть Вамъ, Всемилостивѣйшая Государыня, надѣясь чрезъ меня же и отвѣтъ получить отъ Вашего Императорскаго Величества.

Въ заключеніе сего своего со мною разговора изволилъ еще Его Величество примѣтить, что онъ разсудилъ открыться предо мною въ своемъ намѣреніи и оное прямо и собственно Вашему Императорскому Величеству предложить посредствомъ моимъ для того, дабы оное не министерскимъ, но партикулярнымъ осталось дѣломъ между Его Величествомъ и мною, и что въ разсужденіи того предпочелъ онъ меня предъ собственнымъ своимъ ко Двору Вашего Величества отправленымъ министромъ, который о семъ не будетъ имѣть никакого свѣдѣнія.

Выслушавъ все сіе, отвѣтствовалъ я Императору, что я не умедлю донести о томъ Вашему Величеству; а при томъ осмѣливался я, всемилостивѣйшая Государыня, сказать Его Величеству, что сіе предложеніе безъ сумнѣнія не инако какъ со удовольствіемъ и пріятностію отъ Вашего Императорскаго Величества принято будетъ, и что я надѣюсь въ непродолжительномъ времени имѣть честь сообщить Его Величеству согласный съ собственнымъ его желаніемъ отвѣтъ на оное.

Сіе всеподданнѣйшее мое доношеніе посылается отъ меня чрезъ нарочнаго курьера, сходственно съ обѣщаніемъ, которое мною учинено Императору.

Впрочемъ пребываю со всеглубочайшимъ респектомъ и пр.

ОТВѢТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й КНЯЗЮ ГОЛИЦЫНУ

Въ С. П. Бургѣ. Февраля 4. 1780.

Князь Дмитрій Михайловичъ. Отвѣтъ, который вы сдѣлали на отзывъ Императора видѣться со мною во время путешествія моего въ нѣкоторыя провинціи Россійской Имперіи, я нахожу совершенно сходственнымъ съ моими мыслями. При донесеніи Его Величеству о возвращеніи курьера вашего не оставьте подать ему наисильнѣйшія увѣренія, что предложеніе его приняла я съ полною признательностію къ дружественнымъ его сентиментамъ, и что случай сей тѣмъ пріятнѣе для меня, поколику могу имъ воспользоваться на пріобрѣтеніе самоличнаго съ нимъ знакомства и на познаніе тѣхъ отмѣнныхъ качествъ, которыми онъ между особами въ нашемъ вѣкѣ царствующими одаренъ превосходно. Объясните ему со всею откровенностію, что путешествіе мною вознамѣренное расположено чрезъ города Псковъ и Полоцкъ въ Могилевъ, а оттуда обратно въ здѣшнюю столицу чрезъ Смоленскъ и Новгородъ. Охотно желала бы я, для сокращенія пути Его Величеству, подвинуться къ городамъ ближе къ границамъ Галиціи и Лодомеріи лежащимъ, если бы не препятствовали мнѣ въ томъ дѣла мои. И такъ городъ Могилевъ есть удобнѣйшее мѣсто, въ коемъ могу имѣть удовольствіе принять его. Отъѣздъ мой послѣдуетъ 10 Мая стараго стиля, слѣдственно 27 Мая того же стиля буду въ Могилевѣ. Трудность проѣзда отъ Львова или Бродовъ, особливо же чрезъ Польшу, гдѣ ни дороги, ни почты неисправны, составляетъ единственную заботу, чтобъ успѣть удовлетворить всѣмъ недостаткамъ и доставить возможныя выгоды Его Величеству. Для сего прикажу я поставить изъ полковыхъ и другихъ лошадей по сту на каждой станціи отъ перваго пограничнаго мѣста владѣній Ея Величества Императрицы-королевы. Всѣмъ симъ станціямъ записку прилагаю для вашего свѣдѣнія, съ тѣмъ чтобъ вы прежде освѣдомилися отъ Императора, на которыя именно мѣста располагаетъ онъ свое путешествіе, въ каковомъ случаѣ и будетъ зависѣть отъ поспѣшнаго увѣдомленія вашего взять мѣры къ пріуготовленію возможнаго въ мѣстахъ толь неудобопроѣздимыхъ. Сверхъ того предписано отъ меня генералу фельдмаршалу графу Румянцеву Задунайскому, чтобъ онъ, если извѣстна ему дорога ближе и удобнѣе, какъ внѣ, такъ и внутри Россіи, назначилъ оную по своему разсмотрѣнію, давъ знать вамъ съ нарочнымъ курьеромъ въ самой скорости. Поспѣшите и вы съ своей стороны равномѣрно сообщеніемъ ему прямо черезъ курьера, та ли, или же другая дорога выбрана будетъ Императоромъ. Увѣдомьте меня о числѣ свиты его, а при томъ какъ вы испытали склонности и упражненія его; дайте знать мнѣ, къ чему онъ предпочтительнѣе оказываетъ охоту и въ чемъ состоятъ его забавы, дабы и въ семъ толь пріятному гостю доставить удовольствіе, каковое токмо можетъ быть вмѣстно по состоянію того края и отдаленности отъ сто-

лицъ. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная.

Екатерина.

Собственноручная Ея Величества приписка: «Буде же Его Величеству въ нашихъ распоряженіяхъ отъ его границъ чрезъ Польшу до нашихъ границъ покажется излишество, то вы о семъ отдадите на его собственную волю, и сіе не иное заключаетъ какъ избытокъ станцій.»

(*Сообщены въ современныхъ спискахъ А. М. Лазаревскимъ*)

НѢЧТО О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА.

(Письмо къ П. И. Бартеневу.)

На этихъ дняхъ я занялся чтеніемъ книги г. Чистовича: „Ѳеофанъ Прокоповичь и его время". Много новыхъ подробностей прибывало въ мое знаніе изъ этой почтенной книги; но на 602-й страницѣ удивило меня слѣдующее примѣчаніе: „Г. Максимовичь приписываетъ Ѳеофану Малороссійскіе стихи о ляхолюбіи и ляхолюбцахъ, напечатанные въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1865 года № 18." Не будь этого указанія на К. Епарх. Вѣдомости, гдѣ преимущественно, въ послѣдніе семь лѣтъ, печатались мои статьи, я могъ-бы подумать, что въ примѣчаніи г. Чистовича говорится не обо мнѣ, а о комъ-либо другомъ изъ моихъ софамильцевъ... (былъ *Михаило Николаевичь Максимовичь*, печатавшій свои стихи въ Звѣздочкѣ г-жи Ишимовой; но онъ скончался еще въ 1859 году). Смотрю въ алфавитный указатель— и тамъ тоже: „Максимовичь, писатель. Приписываетъ Ѳеофану Прокоповичу Малороссійскія стихотворенія противъ ляхолюбія и ляхолюбцевъ" (стр. 741). Хорошъ-же я *писатель*, по такой замѣткѣ обо мнѣ г. Чистовича! Но зачѣмъ-же онъ приписалъ мнѣ такое мнѣніе, какого нигдѣ и никогда я не выражалъ, и въ примѣчаніи своемъ еще такъ говоритъ: „ни за, ни противъ этого, сказать ничего нельзя, не имѣя никакихъ данныхъ..." Поспѣшаю разъяснить это случайное недоумѣніе слѣдующими *данными*.

Старинное стихотвореніе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, было нѣкогда въ ходу у Малороссіянъ, подъ именемъ *Плача*. Напечатано оно было впервыя, кажется, въ Основѣ 1861 г., заимствованное туда г. Кулишомъ изъ рукописной книжки 1718 г., принадлежащей А. Ѳ. Бычкову. Послѣ того напечатано оно было еще въ Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1865 г., по другому менѣе исправному варіанту, взятому г. Петровымъ изъ рукописи Кіевскаго ученика піитики Андрея Гарасимовича, 1719-1720 годовъ. Когда я прочелъ замѣчанія г. Петрова объ этихъ стихахъ и его напрасные выводы и заключенія о Малороссіянахъ въ *двадцатые* годы прошлаго столѣтія, тогда я, какъ сотрудникъ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, поспѣшилъ возразить г. Петрову моею статьею „О двухъ стихотвореніяхъ", напечатанною въ 22-мъ нумерѣ тѣхъ вѣдомостей. Тамъ опредѣлительно сказалъ я, что стихотвореніе „Плачь Малыя Россіи" слѣдуетъ отнести не къ двадцатымъ годамъ прошлаго столѣтія, а къ тому тяжкому времени Малороссійской жизни, какое настало по смерти Богдана Хмельницкаго, въ гетманство Ивана Выговскаго, именно „къ 1658 году" (стало быть, еще за 23 года до рожденія на свѣтъ достопамятнаго Ѳеофана Прокоповича). Вотъ *мое мнѣніе*, мнѣніе положительное, при которомъ остаюсь донынѣ. Будь я невоздерженъ на предположенія, я не преминулъ-бы тогда-же *приписать* то стихотвореніе— *Лазарю Барановичу*, сочинившему столько различныхъ „Плачей". Что-же касается до Ѳеофана Прокоповича, то мнѣ удалось найти, въ двухъ рукописныхъ сборникахъ его сочиненій, *лучшее* изъ его стихотвореній, но позабытое въ исто-

ріи Русской литературы: это—драма его „Милость Божія“, написанная имъ въ 1728 году, для представленія въ академіи Кіевской. Объ ней извѣстилъ я въ первой книгѣ Русской Бесѣды 1857 г., въ моемъ „Воспоминаніи о Богданѣ Хмельницкомъ“, гдѣ приведены и отрывки изъ той драмы. Потомъ она вся напечатана была въ Чтеніяхъ 1858 г., по списку, сообщенному мною О. М. Бодянскому. Черезъ семь лѣтъ послѣ того, въ вышепомянутой статейкѣ моей „О двухъ стихотвореніяхъ“, пришлось мнѣ снова объяснять, по поводу недоразумѣній г. Петрова, что ту драму никто въ то время не только не смогъ-бы, но и не дерзнулъ-бы такъ написать, кромѣ Ѳеофана Прокоповича. Въ книгѣ г. Чистовича она осталась незамѣченною, и его сказаніе о пребываніи Ѳеофана въ Москвѣ 1728 года оказывается недостаточнымъ. И вотъ, опять черезъ семь лѣтъ, приходится мнѣ обратиться къ вамъ, Петръ Ивановичь, чтобы вы приняли въ свой Русскій Архивъ—во 1-хъ, мое напоминаніе объ *открытіи* мною лучшаго изъ стихотвореній Ѳеофана Прокоповича, драмы его „Милость Божія“; во 2-хъ, мое отреченіе отъ *мнѣнія*, будто-бы я *приписываю* Ѳеофану стихотворный *Плачь* 1658 года.

М. Максимовичь.

2 Марта 1872 г.
Михайлова-Гора.

Такъ какъ Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости распространены весьма мало, то мы пользуемся случаемъ, чтобы привести изъ нихъ вышеупоминаемую статью многоуважаемаго М. А. Максимовича. П. Б.

О ДВУХЪ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ:

„Плачь Малой Россіи“ и „Милость Божія“.

Въ 18 нумерѣ Кіевскихъ Епархіальн. Вѣдомостей помѣщены любопытные старинные стихи „Плачь Малой Россіи“. Г. Петровъ, нашедшій эти стихи въ тетради, писанной 1719—20 г. ученикомъ піитики Андреемъ Гарасимовичемъ, принялъ ихъ за „его школьное упражненіе“. Но съ этимъ согласиться нельзя. Такихъ стиховъ не сочинить бы въ Кіевѣ ни ученику, ни учителю піитики около 1720 года. Гарасимовичь только переписалъ ихъ въ свою тетрадь, съ ошибками противъ стихосложенія, чего ужъ никакъ бы не случилось, еслибъ онъ былъ ихъ сочинителемъ. Не знаю, каковъ тамъ Латинскій переводъ этихъ стиховъ; если ученическій, то можно навѣрное сказать, что они списаны у Гарасимовича, какъ *тема*, для упражненія въ переводѣ на Латинскій языкъ.

Сдѣлавъ одну ошибку, г. Петровъ впадаетъ въ другую. Онъ говоритъ, что стихотворное упражненіе Гарасимовича—„затрогиваетъ современные, общественные вопросы; оно сильно вооружается противъ *какихъ то ляхолюбцевъ своего времени,* изъ среды самыхъ сыновъ Малой Россіи, которые хотѣли предаться Полякамъ, вездѣ ихъ хвалили и хотѣли быть уніатами, а вѣрныхъ порицали и чуть „не палили“, по выраженію Гарасимовича“ (стр. 705). „Описываемое упражненіемъ состояніе Малороссійскаго общества (прибавляетъ г. Петровъ) надо полагать, продолжалось и далѣе 1720-хъ годовъ“ (стр. 709).

Такимъ истолкованіемъ г. Петровъ—и ученика піитики заставляетъ вооружаться противъ историческихъ призраковъ, и на тогдашнее Малороссійское общество взводитъ напраслину; ибо въ то время, подъ конецъ гетманства Скоропадскаго, ляхолюбцевъ не примѣтно въ Малороссіи. Тогдашній поэтъ, полный современными скорбями своей родины, могъ бы обращать къ ея сынамъ не тѣ укоризны и жалобы, въ которыхъ состоитъ „Плачь Малой Россіи“.

Этотъ стихотворный „Плачь“ относится къ тому печальному состоянію общественной Малороссійской жизни, которое было во время *Выговщины*, наставшей по смерти Богдана Хмельницкаго. Добывшій себѣ гетманство Иванъ Выговскій и съ нимъ согласные стар-

шины—Гуляницкій, Лесницкій, Тетеря, Груша и прочіе, потянули на сторону Польши, дабы Малороссію, присоединенную Богданомъ къ державѣ Русской, поставить снова подъ короною Польскою. Къ этимъ-то ляхолюбцамъ и обращается современный поэтъ, отъ лица Малороссіи, разрывавшейся надвое и страдавшей долго отъ войнъ междоусобныхъ.

„Всѣ маткою называютъ,
А не всѣ за матку маютъ;
Другій хощетъ загубити,
Въ ложцѣ воды утопити;
Бо чи треба жъ горшой муки,
Якъ подати Ляхомъ въ руки!“
. . . .
„А вы дѣтки—охъ, утѣха!
Прошлого схотѣли лиха.
Еще я крылъ не простерла,
Еще и слезъ не утерла:
А вамъ, дѣтки, жаль то стало,
Що я отдохнула мало“. . . . .
. . . .
„Ой не сыны вы, ой не дѣти:
Хощутъ мене загубити.
Ляхолюбци, лихолюбци,
Тіи мои, тіи згубци!
Якъ саранча налетѣли,
Домы и церкви посквернили.
Куда пойдешь, Ляхивъ хвалятъ,
Вѣрныхъ тилько що не палятъ . . . . .“

Ничего подобнаго не было и не могло быть въ Малороссіи 1720-хъ годовъ.—Вотъ еще напоминаніе того безотраднаго положенія, въ какомъ находился православный Малороссійскій народъ, передъ гетманствомъ Богдана Хмельницкаго.

„Охъ, якъ скоро вы забули,
Що и видѣли и чули,
Якъ подъ тими ворогами
Стогнала я тяжко зъ вами,
Стогнала я, ни отрады
Не мѣючи, ни порады;
Коли Жиды проклятыи
Держали церкви святыи,
И отъ святой креста бани
Вытягали у насъ дани . . . .“ и т. д.

Ясное дѣло, что это напоминаніе обращено именно къ тѣмъ ляхолюбцамъ, которые сами видѣли бѣдственное положеніе Малороссійскаго народа, передъ возстаніемъ Богдана Хмельницкаго на Поляковъ.

И такъ этотъ „Плачь Малой Россіи“ слѣдуетъ отнести къ 1658 году. Въ небольшомъ ряду стихотвореній, писанныхъ въ XVII вѣкѣ на народномъ языкѣ Малороссіи, онъ займетъ почетное мѣсто.

Задавшись мыслію, что это стихотвореніе есть „школьный опытъ“ ученика Гарасимовича *въ 1720 году*, и что въ немъ изображаются обстоятельства изъ „тогдашней жизни Малороссіи“, г. Петровъ предполагаетъ, что воображаемые имъ ляхолюбцы того десятилѣтія были въ виду и у сочинителя драмы о Богданѣ Хмельницкомъ, названной „Милость Божія“. Онъ полагаетъ, что эта драма сочинена—„можетъ быть“—*Өеофаномъ Трофимовичемъ*, который былъ въ Академіи учителемъ піитики въ 1729 году. Но я остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи, что ее написалъ въ 1728 году *Өеофанъ Прокоповичъ*. Я нашелъ ее, лѣтъ за двадцать, въ двухъ рукописныхъ сборникахъ Өеофановыхъ сочиненій, и въ обоихъ слѣдуетъ она за драмою „Владиміръ Великій“. А что нашелся теперь еще одинъ ея списокъ, въ риторикѣ, преподавной въ Академіи 1728 года Стефаномъ Калиновскимъ, то это, мнѣ кажется, только подтверждаетъ принадлежность ея образцовому писателю. Потому же она могла быть приложена и къ піитикѣ, преподанной въ 1729 году Өеофаномъ Трофимовичемъ, и ходить по рукамъ въ отдѣльныхъ спискахъ. Но мудрено, чтобы собиратели сочиненій достославнаго, единственнаго *Өеофана* приписали ему произведеніе почти неизвѣстнаго учителя піитики, по сходству ихъ именъ. Для г. Петрова кажется даже *страннымъ*, чтобы знаменитый іерархъ, жившій тогда въ столицѣ и обременный прямыми своими занятіями, рѣшился писать драму—для Кіевскихъ училищъ. Но вѣдь этотъ верховный Өеофанъ былъ ученикомъ, учителемъ и ректоромъ Кіевской Академіи. Вызванный изъ нея для епископства, онъ и на далекомъ сѣверѣ чувствовалъ свою *близость* къ ней, называлъ себя

ея *представителемъ*, отъ репутаціи котораго зависитъ и ея репутація (говорю словами извѣстнаго письма его къ академистамъ). А въ 1728 году Ѳеофанъ болѣе полугода проводилъ въ сообществѣ гетмана Даніила Апостола *), Прилуцкаго полковника Галагана, Лизогуба, Кочубея и многихъ другихъ Малороссіянъ, находившихся тогда въ Москвѣ, по случаю коронаціи Петра Втораго. Въ ту свѣтло-блеснувшую для нихъ пору, пылкій душою Ѳеофанъ, конечно, не одинъ разъ исполнялся живымъ воспоминаніемъ своихъ молодыхъ лѣтъ и своей Кіевской родины и, вдохновясь ея первенствующимъ героемъ и подвижникомъ, гетманомъ Богданомъ, написалъ драму „Милость Божія" именно для представленія въ Академіи Кіевской. Эта небольшая драма вышла изъ-подъ его многоопытнаго пера гораздо художественнѣе, чѣмъ первая, написанная въ 1705 году. И какъ въ той прежней драмѣ учителя піитики поставленъ хвалебный финалъ о митрополитѣ и гетманѣ того времени, вѣщаніемъ св. Андрея Первозваннаго; такъ и подъ конецъ этой драмы піиты-іерарха—„Смотрѣніе Божіе" предсказываетъ Украинѣ незыблемое блаженство, и тутъ воздается похвала юному царю, новоизбранному гетману Даніилу и Академіи Кіевской; а въ заключеніе „хоръ поетъ похвалы Хмельницкому":

„Вѣчной похвалы отъ насъ есть достоинъ
Храбрый на земли и на морѣ воинъ,
Войскъ Запорозкихъ Хмельницкій старѣйшій,
Вождь изряднѣйшій" и т. д.

Извѣстно, съ какою легкостію Ѳеофанъ писалъ стихи Русскіе, Польскіе и Латинскіе.

„Музъ чистыхъ собесѣдникъ",

онъ не покидалъ стихотворства до послѣдняго года своей жизни.

М. М—чъ.

1865 г. 12. Октября
Михайлова Гора.

*) Въ «Краткомъ Журналѣ" о поѣздкѣ въ Москву гетмана Апостола, между прочимъ написано:

„Марта 23-го. По обѣдѣ былъ ясневелможный зъ нѣкоторыми п. п. старшиною въ преосвященного архіепископа Новогородскаго и Великихъ Лукъ отца Прокоповича, и тамъ вечералъ и забавился мало не до полночи".

„25-го. Въ понедѣлокъ, въ день Благовѣщенія Богородици, имѣлъ служеніе его преосвященство отецъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новогородскій и Великихъ Лукъ, въ церквѣ святыхъ мученикъ Флора и Лавра, близъ квартери ясневелможнаго будучой, гдѣ и его велможность изволилъ слухать службы Божой, а по службѣ, мало сождавши на своей квартери, отъѣхалъ до его преосвященства и тамъ кушалъ обѣдъ (ибо еще вчерайшого числа нарочне на тое ясневелможность прошенъ) и забавился до самого вечера".

ПИСЬМО
В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ. *)

Тобольскъ, 11 Іюня 1846 года.

Въ концѣ единственнаго письма, добрѣйшій Василій Андреевичъ, какое я имѣлъ счастіе получить отъ васъ въ Сибири, письма, уже писаннаго давно, 29 Іюля 1840 года изъ Дармштадта, вы изволили мнѣ приказать отвѣчать вамъ черезъ генерала Дупельта. Я это тотчасъ исполнилъ по полученіи вашего письма, а именно въ Ноябрѣ мѣсяцѣ того же года. Потомъ я еще писалъ къ вамъ въ началѣ 41 года, когда родился покойный сынъ мой Иванъ, и просилъ васъ о позволеніи называться ему вашимъ заочнымъ крестникомъ. Наконецъ я писалъ къ вамъ еще въ третій разъ изъ Акшинской же крѣпости, въ половинѣ 42 года. Ни на одно изъ этихъ писемъ я не получилъ отвѣта. Зная ваше прекрасное, благородное сердце, которое такъ и высказывается въ

*) Сличи въ Р. Арх. 1870 г., стр. 0170, и далѣе.

каждомъ словѣ вашего письма, я увѣренъ, что вы моихъ писемъ не получили. Въ послѣдній разъ я писалъ къ вамъ 20 Дек. 1845 г. изъ Кургана, черезъ графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова; и этого письма вѣроятно вы не получили, а почему я такъ думаю, позвольте вамъ сказать ниже.

Первый разъ рѣшаюсь писать къ вамъ неофиціально *) Богъ милостивъ, авось хоть эти строки дойдутъ до васъ! Вы писали Александру Ѳедоровичу Бригену, что въ Іюнѣ или въ Іюлѣ будете или въ Москвѣ, или въ Петербургѣ; а истинно добрый и честный человѣкъ, который взялся навѣрно доставить это письмо въ собственныя ваши руки, ѣдетъ завтра въ Москву, а потомъ побываетъ въ Петербургѣ. Крайняя только нужда и необходимость горькая заставляютъ меня писать къ вамъ не совсѣмъ позволеннымъ путемъ. Вы видите, что я слѣпъ: едва ли я буду въ состояніи въ концѣ письма подписать собственною рукою свое имя, однако постараюсь.

Теперь я, безъ лишнихъ жалобъ, коротко и ясно, такъ сказать исторически, изложу вамъ, въ какомъ нахожусь теперь положеніи. Изъ дому, съ сороковаго года, т. е. съ того времени, какъ истощилась выручка отъ распродажи моего Ижорскаго, я получаю постоянно 650 рублей ежегодно, тремя присылками въ разное время. Въ Акшѣ это было очень и очень достаточно, потому что со стороны, а именно отъ моего ученика и ученицъ, я получалъ 800 рублей, а съ продажи хлѣба, хотя и не всякой годъ, 500 р. и болѣе. Въ Акшѣ климатъ прекрасной; Азіатскіе товары довольно дешевы, за то Европейскіе, самые простые, напр. мыло, чудовищно дороги. Однако я бы никогда не сталъ перепрашиваться изъ Акши въ Курганъ, еслибы не лишился вдругъ и отчасти самымъ ужаснымъ образомъ, лучшей части моихъ доходовъ: незабвенный мой Пронюшка Истоминъ упалъ съ кабріолета и размозжилъ себѣ голову; а вслѣдъ за тѣмъ семейство Разгильдѣевыхъ выѣхало изъ Акши въ Кяхту. Въ 43-мъ и 44-мъ годахъ, въ добавокъ, сдѣлался неурожай; въ 43-мъ я не выходилъ съ серпомъ въ поле: все до тла выжгло; въ 44-мъ не воротилъ я и своихъ сѣмянъ. Послѣ отбытія Разгильдѣевыхъ каждая книга стала въ Акшѣ какимъ-то неслыханнымъ явленіемъ, какою-то кометою: ее завозилъ, разрозненную, растрепанную и засаленную, какой-нибудь пьяный засѣдатель. Выпросишь ее хоть на ночь и читаешь прошлогоднюю перебранку гг. Булгарина и Полеваго. Въ 45-мъ году мнѣ разрѣшили переѣхать въ Курганъ. Въ Курганѣ много хорошаго: климатъ прекрасный, все очень дешево, есть люди, есть книги, но доходовъ ровно никакихъ и, въ добавокъ, я и слѣпъ. Здѣсь, въ Тобольскѣ, лечусь и доѣдаю такъ сказать mes économies d'Akcha *). Предвидя совершенную нищету себѣ и своему семейству, я въ третій мѣсяцъ своей болѣзни, а именно, какъ я вамъ сказалъ — 20 Декабря прошлаго года, обратился съ письмомъ къ графу Орлову (при этомъ письмѣ было письмо и къ вамъ, съ полнымъ спискомъ моихъ сочиненій); писанное къ графу Орлову было таково, что, кажется, и камень отъ него бы тронулся. Оно, вы отгадаете, заключало двѣ просьбы: во-первыхъ, чтобъ самъ графъ благоволилъ вой-

*) Т. е. не чрезъ III-е Отдѣленіе. *П. Б.*

*) Мои Акшинскія сбереженія.

ти представленіемъ объ разрѣшеніи печатать мнѣ свои (*sic*) стихи и прозу, или, по крайней мѣрѣ, напечатать хоть третью часть Ижорскаго, котораго двѣ первыя части еще въ 35 году Государь Императоръ изволилъ приказать напечатать въ III-мъ Отдѣленіи Собственной Своей Канцеляріи. Вторая просьба состояла въ томъ, чтобъ сдѣлалъ милость графъ Алексѣй Өедоровичъ и непремѣнно доставилъ вамъ, моему благородному другу, строки, гдѣ говорю отъ души къ душѣ, и къ душѣ Жуковскаго. Графъ отказалъ мнѣ въ первой просьбѣ; полагаю, онъ не исполнилъ и второй. Отказъ его заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Въ 1840 году графъ А. Х. Бенкендорфъ входилъ съ представленіемъ о разрѣшеніи Кюхельбекеру печатать безъименно его сочиненія и переводы, и получилъ отвѣтъ, *что еще не время.* Вотъ почему графъ А. Ө. Орловъ не осмѣлился войти представленіемъ о томъ же предметѣ». Но съ 40-го года прошло шесть лѣтъ: изъ сильнаго и бодраго мужчины я сталъ хилымъ, изнуреннымъ лихорадкою и чахоточнымъ кашлемъ, старикомъ, слѣпцомъ, котораго насилу ноги носятъ. Когда же настанетъ это время? Мои дни сочтены: ужели пущу по міру мою добрую жену и милыхъ дѣтей? Говорю съ поэтомъ, и сверхъ того полуумирающій пріобрѣтаетъ право говорить безъ большихъ церемоній: *я чувствую, знаю, я убѣжденъ совершено, точно также какъ* убѣжденъ *въ своемъ существованіи,* что Россія не десятками можетъ противоставить Европейцамъ писателей, равныхъ мнѣ по воображенію, по творческой силѣ, по учености и разнообразію сочиненій. Простите мнѣ, добрѣйшій мой наставникъ и первый руководитель на поприщѣ Поэзіи, эту мою гордую выходку! Но, право, сердце кровью заливается, если подумаешь, что все, все мною созданное, вмѣстѣ со мною погибнетъ, какъ звукъ пустой, какъ ничтожный отголосокъ! Спасите, мой другъ и старшій братъ по Поэзіи, теперь покуда хоть третью часть Ижорскаго: откройте мнѣ средство доставить вамъ ее, вмѣстѣ съ выправленнымъ экземпляромъ первыхъ двухъ отдѣленій. Faites en s'il est possible une seconde éditon, qui seule aura sens complet; ce n'est que la troisième partie qui le donne à l'ouvrage, qui sans cela reste un monstre *). Потомъ вступите, если возможно, въ сношеніе съ генераломъ В. А. Глинкою, начальникомъ Уральскаго хребта, моимъ лучшимъ, испытаннымъ въ счастіи и несчастіи другомъ. Вы вдвоемъ придумаете, что̀ можно будетъ еще сдѣлать; я на васъ совершенно полагаюсь, какъ на одного изъ благороднѣйшихъ, изъ самыхъ добродушныхъ людей, какихъ я знавалъ, какъ на поэта, какъ на Жуковскаго. Удастся, слава Богу; не удастся, не вы виноваты: воля Божія!

Цѣлую васъ.
«Вильгельмъ»

Адресъ: «Его превосходительству, милостивому государю Василію Андреевичу Жуковскому».

Сообщено съ подлинника княземъ П. А. Вяземскимъ.

*) Сдѣлайте, если возможно, второе ихъ изданіе, которое одно будетъ имѣть полный смыслъ, получаемый сочиненіемъ лишь съ третьею частью, безъ коей оно чудовищно.

ОБЪ ОСНОВАНІИ УЧИЛИЩА ГЛУХОНѢМЫХЪ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Письмо старѣйшаго воспитанника къ г-ну директору училища, П. И. Степанову.

Милостивый государь Павелъ Ивановичъ.

Исполняю желаніе вашего превосходительства, изъявленное мнѣ въ письмѣ отъ 15 Февраля сего года. Отъ меня, какъ отъ старѣйшаго изъ учениковъ Училища Глухонѣмыхъ, подавшаго поводъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ къ учрежденію означеннаго училища, вы желаете имѣть свѣдѣніе объ обстоятельствахъ, при которыхъ осуществилась благодѣтельная мысль Императрицы.

С. Петербургское Училище Глухонѣмыхъ было основано въ 1806-мъ году. Августѣйшая учредительница многочисленныхъ воспитательныхъ заведеній въ Россіи приняла близко къ своему сердцу судьбу несчастныхъ дѣтей и по великодушному движенію благородной души основала училище, въ которомъ дѣти рожденныя глухонѣмыми получаютъ воспитаніе, на столько зрѣлое и самостоятельное, что впослѣдствіи становятся полезными слугами своему Отечеству. Это учрежденіе, благодѣтельное какъ для государства, такъ и для несчастныхъ дѣтей, составляетъ одно изъ многихъ благотворительныхъ дѣяній Императрицы, память о которой не умретъ въ лѣтописяхъ нашей Исторіи! Какъ первый ученикъ означеннаго заведенія, я считаю долгомъ разсказать, при какихъ обстоятельствахъ оно возникло, тѣмъ болѣе, что этотъ случай относится къ самымъ теплымъ и отраднымъ воспоминаніямъ моего дѣтства.

Ребенкомъ, я жилъ въ семействѣ генералъ-лейтенанта Ахвердова, который состоялъ воспитателемъ при Великихъ Князьяхъ Николаѣ и Михайлѣ Павловичахъ. Жена генерала Ахвердова, Екатерина Борисовна, приходилась мнѣ родною теткою. Лѣтомъ мы живали въ Павловскѣ, и мнѣ часто случалось гулять съ теткою по тѣнистымъ аллеямъ парка. Въ одну изъ этихъ прогулокъ, я имѣлъ счастіе встрѣтиться съ Императрицею Маріею Ѳеодоровною, которая, узнавъ изъ разговора съ моею теткою, что я родился глухонѣмымъ и что въ семействѣ моего отца генералъ-маіора Меллера въ числѣ шести дѣтей, два сына и дочь родились глухонѣмыми, серьезно задумалась и, принявъ положеніе семьи нашей близко къ сердцу, съ свойственнымъ ей состраданіемъ сказала: «За границею на участь подобныхъ дѣтей давно уже обращено вниманіе правительства; тамъ для образованія ихъ учреждены спеціальные институты; а у насъ, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлано.» При этомъ Императрица, потрепавъ меня по щекѣ, дала мнѣ нѣсколько конфектъ, которыя она во время обычныхъ прогулокъ всегда имѣла при себѣ для раздачи дѣтямъ. (Она ласкала, баловала ихъ и предоставляла имъ къ себѣ свободный доступъ; кромѣ того, въ полдень ежедневно на фермѣ ея подавался дѣтямъ сельскій завтракъ, состоявшій изъ молока, сливокъ, масла, творогу и простокваши). Продолжая разговаривать съ моею теткою, Императрица предложила черезъ нее моимъ роднымъ отправить меня вмѣстѣ съ ея братомъ герцогомъ Виртембергскимъ за границу для по-

ступленія въ Институтъ; но мои родные не рѣшились разстаться со мною и, выразивъ благодарность, отказались принять ея великодушное предложеніе. Этимъ дѣло и окончилось. На слѣдующій день я, опять прогуливаясь въ саду съ теткою, имѣлъ счастіе встрѣтить Императрицу. Она изволила подозвать къ себѣ мою тетку и сказала ей слѣдущія знаменательныя слова: «Вашъ племянникъ не далъ мнѣ цѣлую ночь уснуть; я до утра думала объ участи его и подобныхъ ему дѣтей, и сегодня лишь только одѣлась, послала за секретаремъ Виламовымъ и поручила ему выписать изъ за границы одного изъ болѣе извѣстныхъ профессоровъ, чтобъ учредить въ Петербургѣ Училище Глухонѣмыхъ, въ которое и будутъ первыми помѣщены дѣти вашего брата». Тронутая до слезъ выраженіемъ такой милости, тетка моя, передавъ мнѣ эту радость, бросилась благодарить и цѣловать руку Императрицы. Воля ея величества была необыкновенно скоро исполнена. Патеръ Сикардъ-Сигмундъ не замедлилъ прибыть изъ Польши, и первоначальное Училище Глухонѣмыхъ было имъ устроено въ Павловской крѣпости. Я съ старшимъ моимъ братомъ первыми вступили въ это заденіе въ 1806 или въ 1807 году; вскорѣ къ намъ присоединились еще два мальчика и пять дѣвочекъ; всего насъ было тогда девять человѣкъ. Починъ въ организаціи этого учрежденія принадлежитъ патеру Сигмунду, который трудами своими, знаніемъ дѣла и педагогическою опытностью съумѣлъ вполнѣ оправдать ожиданія Императрицы, постоянно слѣдившей за успѣхами воспитанниковъ, и когда въ довольно короткое время я успѣлъ выучиться читать и писать, даже произносить нѣкоторыя слова, ея величество изволила обратить особое вниманіе на мои успѣхи и въ награду прислала мнѣ въ 1809 году черезъ секретаря Виламова золотые часы. Впослѣдствіи въ 1810 году Училище Глухонѣмыхъ переведено въ С. Петербургъ и помѣщено на Выборгской сторонѣ, въ бывшемъ вдовьемъ домѣ, что̀ нынѣ Михайловское артиллерійское училище. *)

Въ томъ же году патеръ Сигмундъ, къ общему нашему сожалѣнію, оставилъ по болѣзни службу и уѣхалъ обратно въ Польшу; на его мѣсто былъ вызванъ изъ Парижа профессоръ Жофре; а я между тѣмъ, по желанію родныхъ, взятъ былъ вмѣстѣ съ братомъ моимъ изъ училища въ 1812 году и для продолженія занятій пользовался частными уроками у извѣстнаго въ то время профессора Гаю. Проживая у тетки моей, въ кругу родныхъ, въ числѣ которыхъ много было военныхъ, готовившихся къ выступленію въ походъ на защиту Отечества, я возъимѣлъ желаніе слѣдовать съ ними и рѣшился просить позволенія поступить въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ, гдѣ служилъ тогда родной братъ отца моего полковникомъ; но мнѣ въ этомъ отказали. Судьба однакожъ предоставила мнѣ случай совершенно неожиданно поступить на службу гражданскую. Квартируя въ Михайловскомъ замкѣ, противъ лѣтняго сада, я однажды прогуливался тамъ съ теткою и встрѣтился съ Императрицею. Она узнала меня, подозвала къ себѣ и сказала: «Ты забылъ меня, Александръ; я давно тебя не видала и не получала отъ тебя, какъ прежде, рисунковъ». Слова эти запали въ самую глубину

*) Нынѣ училище это помѣщается у Краснаго моста, на Гороховой. *П. Б.*

моей души и очень меня взволновали. Указывая не небо, я черезъ свою тетку старался выразить своей августѣйшей благодѣтельницѣ, что если бы я забылъ ее, тогда бы и Богъ меня забылъ. При этомъ я просилъ ея величество опредѣлить меня на службу, чтобы доказать ей свою безграничную преданность. Она отвѣчала теткѣ моей: «Я съ радостью исполню его желаніе; у него хорошій почеркъ, я помѣщу его въ свою канцелярію; онъ будетъ переписывать тамъ бумаги», что вскорѣ и исполнила. Такимъ образомъ я былъ опредѣленъ въ собственную ея величества канцелярію 20 Сентября 1817 г., а потомъ по переименованіи собственной ея величества канцеляріи въ IV Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, я былъ назначенъ туда чиновникомъ сверхъ штата 16-го Февраля 1829 года; по высочайшему повелѣнію, поступилъ на вакансію помощника старшаго чиновника 13 Января 1845 года; а уволенъ былъ 31 Января 1856 года по болѣзни съ полною пенсіею и единовременною выдачею двухъ годоваго жалованья за 39-ти лѣтнюю службу. Примите и проч.

А. Меллеръ.

Марта 2 дня 1872 г.

ЧЕРТА ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ГРАФА БЛУДОВА.

Государственный дѣятель, котораго взгляды и распоряженія, въ данную эпоху, соотвѣтствуютъ ея насущнымъ потребностямъ, уже за одно это заслуживаетъ признательности потомства; но несравненно въ бо́льшей мѣрѣ заслуживаетъ ея тотъ, кто, старѣя годами и опытомъ, не старѣетъ духомъ, а продолжая идти съ вѣкомъ, до того ясно сознаетъ потребности настоящаго, что какъ-бы читаетъ въ книгѣ ближайшаго будущаго, опереживаетъ воззрѣнія современниковъ и сѣетъ доброе сѣмя, хотя и знаетъ, что не ему придется собирать жатву.

Имѣя полное основаніе отнести покойнаго графа Дмитрія Николаевича Блудова къ числу высокихъ личностей, исполненныхъ именно такого рода самостоятельности, дальновидности и самоотверженія, мы сообщимъ *нѣсколько матеріаловъ для его біографіи,* которыя и подтвердятъ вышесказанное.

До сихъ поръ печатныя точныя свѣдѣнія о графѣ Блудовѣ ограничиваются журнальною статьею, появившеюся въ *С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, вслѣдъ за его кончиною, и сочиненіемъ Е. П. Ковалевскаго: *Графъ Блудовъ и его время,* С. Петербургъ, 1866 г. Увы, этой, исполненной достоинствъ, книгѣ не достаетъ того, чего жаждетъ всякій прочитавшій ее, *продолженія.* Въ ней описываются только молодость графа и дѣятельность его въ царствованіе Императора Александра I, и разсказъ обрывается именно на томъ моментѣ, когда эта дѣятельность начинаетъ принимать размѣры вполнѣ государственные. Такимъ образомъ о графѣ Д. Н. Блудовѣ, какъ о товарищѣ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (князя А. Н. Голицына), какъ о министрѣ внутреннихъ дѣлъ (одномъ изъ тѣхъ сановниковъ, которые всѣхъ долѣе управляли этимъ обширнымъ вѣдомствомъ), какъ о министрѣ юстиціи, какъ о главноуправлявшемъ II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, какъ о президентѣ Академіи Наукъ, какъ о предсѣдателѣ департамента законовъ, комитета министровъ и, наконецъ, общаго собранія государственнаго совѣта, – наша читающая публика или ничего не знаетъ, или знаетъ только то, что̀, послѣ разработки въ подлежащихъ учрежденіяхъ, было обнародовано путемъ законодательнымъ, конечно за подписью графа Блудова, подобно Положеніямъ 19

Февраля 1861 года, но уже въ видѣ высочайше утвержденныхъ мнѣній, и т. п. Это государственные акты, на которыхъ достославно и характеристично сіяніе *имени*: все же, какъ историческій матеріалъ, они имѣютъ болѣе общее значеніе и заключаютъ лишь указанія на направленіе, а отнюдь не подробныя свѣдѣнія о воззрѣніяхъ личности на извѣстный вопросъ во всѣхъ его частностяхъ.

Самая скудность изданныхъ доселѣ біографическихъ матеріаловъ о графѣ Блудовѣ побуждаетъ насъ сообщить то, что̀ намъ извѣстно о вліяніи, которое имѣлъ, онъ между прочимъ, на Русскую литературу, особенно же на нашу журналистику.

Въ 1850-хъ годахъ, въ составѣ министерства народнаго просвѣщенія, существовало, въ родѣ *особаго* совѣта при министрѣ,—главное управленіе цензуры, въ которомъ присутствовали, кромѣ министра народнаго просвѣщенія и его товарища, представители разныхъ министерствъ и иныхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ.

По званію президента Академіи Наукъ, графъ Блудовъ присутствовалъ въ главномъ управленіи цензуры (которое собиралось по субботамъ, въ обширномъ кабинетѣ казеннаго дома министерства народн. просвѣщенія, гдѣ нынѣ помѣщается Географическое Общество) и, будучи по чину старшимъ членомъ главнаго управленія, занималъ мѣсто по правую руку предсѣдателя.

Въ концѣ 1858 и въ началѣ 1859 года, въ полномъ составѣ главнаго управленія, разсматривался проэктъ новаго цензурнаго устава. Соглашенія не состоялось и, кажется, этотъ проэктъ не имѣлъ дальнѣйшаго хода. Но мнѣнія, которыя при этомъ случаѣ гр Блудовъ выражалъ словесно или излагалъ письменно, составляли самое отрадное явленіе среди тогдашнихъ преній: до такой степени его взгляды на этотъ предметъ отличались благоразумною снисходительностью къ литературѣ и направленіямъ либеральнымъ, вполнѣ совмѣстнымъ съ пользою и достоинствомъ правительства.

Замѣчанія графа на этотъ проэктъ тѣмъ болѣе достойны вниманія, что далеко не остались безъ отголоска; а, напротивъ того, были примѣнены вполнѣ успѣшно въ послѣдствіи времени. Однакожъ, весьма немногіе знаютъ, что имъ-то именно литература наша обязана бо̀льшимъ просторомъ; и уже въ этомъ одномъ отношеніи, они драгоцѣнны для потомства.

Въ возраженіяхъ графа Дмитрія Николаевича господствовала мысль, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ стѣснительный цензурный уставъ могъ подать поводъ къ враждебнымъ декламаціямъ и что, при неоднократно оказывавшемся безсиліи цензурныхъ правилъ, полезно было-бы противодѣйствовать заграничной Русской печати *разширеніемъ* цензурнаго устава. Это должно было обратиться, по мнѣнію графа, въ самое дѣйствительное *противуядіе* относительно произведеній Герцена и т. п. Столь же убѣдительно и краснорѣчиво доказывалъ графъ Блудовъ необходимость допускать *теоретическія разсужденія,* которыя бы могли облегчить самому правительству *великую задачу преобразованій.*

Эти здравыя воззрѣнія и восторжествовали. Стѣснительный цензурный уставъ не состоялся, и въ 1860 годахъ появился цѣлый рядъ отдѣльныхъ распоряженій, соотвѣтствовавшихъ совѣтамъ, преподаннымъ графомъ Блудовымъ.

Такъ, въ 1862 году, дозволено было Русскимъ газетамъ не только уже не *игнорировать* Герцена, но даже вести съ нимъ полемику. Походъ начался достопамятными статьями *Русскаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей* и послѣдствіемъ зрѣлаго обсужденія *pro* и *contra* было то, что произведенія Герцена потеряли въ глазахъ нашей молодежи всю прелесть запрещеннаго плода. Съ этого времени и начался упадокъ его вліянія, окончившійся тѣмъ, что нѣсколько лѣтъ спустя, ему уже *не для кого* было издавать *Колоколъ.*

Что же касается до обсужденія нашими газетами (приблизительно съ 1860 и 1861 г.) всѣхъ великихъ реформъ, которыя въ то время были проэктированы, а впослѣдствіи и введены въ дѣйствіе, то всѣмъ извѣстно, какую огромную практическую пользу принесъ у насъ этотъ просторъ, данный въ столь важную эпоху нашему печатному слову.

Замѣтимъ еще, что 21 Декабря 1858 г. графъ Блудовъ *письменно* сообщилъ слѣдующія свои соображенія, исполненныя политическаго глубокомыслія:

„При изданіи ценсурнаго устава 1828 года, въ виду того, въ какомъ положеніи находилась тогда ценсура въ прочихъ государствахъ Европы (кромѣ Англіи) дѣйствительно необходимо было правило, вмѣнявшее ей въ обязанность наблюдать, чтобы въ сочиненіяхъ *историческихъ* и *политическихъ* не содержалось ничего оскорбительнаго для правительствъ, состоящихъ съ Россіею въ дружескихъ отношеніяхъ. Но нынѣ, *при совершенно измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ, при совсѣмъ иномъ* въ Европѣ, именно въ сосѣдственныхъ намъ Австріи и Пруссіи, *взглядѣ на ценсуру*, оно было бы *несовмѣстнымъ съ настоящимъ литературнымъ и умственнымъ развитіемъ Россіи.* При разсужденіи о прошедшихъ *историческихъ* событіяхъ, историкъ часто не можетъ не осуждать дѣйствій правительствъ, бывшихъ или находящихся въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ Россіею, не можетъ также и не выразить своего мнѣнія на счетъ внѣшней, въ прежнія времена. политики и самой Россіи“.

„Статья 37-я проэкта новаго ценсурнаго устава подвергаетъ всѣ *извѣстія* о текущихъ политическихъ событіяхъ, а также *сужденія* о нихъ, сообщаемыя въ періодическихъ изданіяхъ или брошюрахъ, разрѣшенію со стороны ценсуры министерства иностранныхъ дѣлъ. Долгомъ считаю замѣтить, что такое правило отнимаетъ возможность допускать изданіе періодическихъ журналовъ, сообщающихъ *политическіе обзоры*, въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ С. Петербурга, и быть можетъ, Москвы, соединенной желѣзною дорогою съ здѣшнею столицею *). При нѣкоторыхъ генералъ-губернаторахъ и при намѣстникѣ Кавказскомъ, хотя состоятъ чиновники вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ, но не вижу, почему слѣдовало бы ихъ почитать болѣе способными къ разсмотрѣнію вышеозначенныхъ статей, чѣмъ членовъ ценсурнаго комитета или отдѣльнаго ценсора; а въ статьѣ 37-й даже не изъяснено: предполагается ли почитать разрѣшеніе, данное чиновникомъ при генералъ-губернаторѣ, разрѣшеніемъ ценсуры министерства иностранныхъ дѣлъ? По силѣ пункта 6-го статьи 23-ей ценс. уст. 1828 г. политическая часть однѣхъ только *С. Петербургскихъ Русскихъ и Нѣмецкихъ Вѣдомостей* и *Journal de S. Pétersbourg* просматривалась въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; а прочимъ газетамъ предоставлялось, кажется, лишь право перепечатывать вполнѣ или вкратцѣ статьи изъ сихъ одобренныхъ уже газетъ. По моему мнѣнію, нѣтъ необходимости, а при настоящемъ умственномъ развитіи Россіи, даже и возможности, возбранять изданіе политическихъ или литературныхъ журналовъ, сообщающихъ политическіе обзоры, съ *самостоятельнымъ* изъявленіемъ мнѣній и взглядовъ редакцій, съ *самостоятельными* корреспонденціями и съ правомъ заимствованій извѣстія изъ всѣхъ пропущенныхъ ценсурою *иностранныхъ* политическихъ журналовъ, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ ценсурные комитеты и отдѣльные ценсоры. Дозволеніе на изданіе новыхъ журналовъ сего рода зависитъ отъ Высочайшаго разрѣшенія: такимъ образомъ, можно уже во всякомъ случаѣ быть увѣреннымъ въ благонамѣренности редакцій. Нечего впрочемъ опасаться на счетъ ихъ направленія относительно сохраненія дружелюбныхъ сношеній между нашимъ

*) Телеграфа еще тогда не было.

правительствомъ и прочими державами. Сіи послѣднія будутъ обращать вниманіе единственно на Петербургскія и, можетъ быть, на Московскія газеты: а *если бы въ цензурномъ уставѣ было именно постановлено, что одинъ Journal de St. Pétersbourg подлежитъ цензурѣ министерства иностранныхъ дѣлъ*, то иностранныя державы не имѣли бы повода требовать отъ сего министерства измѣненій относительно напечатанныхъ *въ другихъ журналахъ* политическихъ статей."

„Статья 118 постановляетъ, чтобы всѣ политическіе журналы и газеты, получаемые *не по почтѣ,* передавались почтовой цензурѣ. Этого правила я одобрить не могу: политическія газеты, когда получаются посредствомъ книжной торговли, должны подлежать тѣмъ же правиламъ какъ брошюры политическаго содержанія, которыхъ никто почтовой цензурѣ подвергать не будетъ. Газетная статья, которую почтовая цензура должна была исключить, во многихъ случаяхъ дѣлается совершенно безвредною *по истеченіи мѣсяца*. Въ огражденіе правъ почтоваго вѣдомства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и политическихъ потребностей, слѣдовало бы постановить, что политическія газеты (ежедневныя и вообще издаваемыя болѣе одного раза въ недѣлю) не могутъ быть получаемы иначе какъ по почтѣ, исключая если привозятся въ видѣ книжекъ, содержащихъ въ себѣ нумера, вышедшіе въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ; журналы же, издаваемые уже въ книжкахъ, и періодическія изданія въ листахъ, литературнаго и ученаго содержанія, хотя бы и могли быть выписываемы почтамтами, слѣдовало бы положительно различить отъ газетъ, дозволяя выписку такихъ журналовъ книгопродавцамъ и подвергая получаемые ими журналы одной иностранной цензурѣ *). Тогда и можно бы вовсе отмѣнить правила въ ст. 140 и первой половинѣ ст. 231-й, *служащія лишь къ умноженію переписки*".

„Ст. 83 повторяетъ ст 74 цензурнаго устава 1857 года о наказаніи редакторовъ повременныхъ изданій, если въ нихъ окажутся статьи, принадлежащія къ наказываемымъ по разнымъ статьямъ Уложенія, независимо отъ отвѣтственности разсмотрѣвшаго періодическое изданіе цензора. На семъ основаніи, наказываются нынѣ за одну и туже статью, печатанную съ дозволенія цензуры въ періодическомъ изданіи: 1) цензоръ, оную пропустившій, что̀ безъ всякаго сомнѣнія правильно; 2) авторъ статьи, 3) редакторъ журнала, хотя бы сіи послѣдніе должны были изъяты быть отъ всякаго взысканія, коль скоро статья напечатана съ дозволенія цензора: ибо его обязанность не пропускать такихъ статей, обнародованіе коихъ почитается преступленіемъ. По крайней мѣрѣ, слѣдовало-бы, въ семъ отношеніи, подвергнуть новому разсмотрѣнію ст. 197, 207, 279. 282, 285, 286, 308, 317, 319, 2098 и 2102 Уложенія о Наказаніяхъ".

*

Послѣдствіемъ и болѣе или менѣе близкимъ результатомъ таковыхъ воззрѣній графа Д. Н. Блудова, видимъ мы:

1) Значительное расширеніе круга дѣйствія нашей литературы въ области *историческихъ* изслѣдованій и сужденій *политическихъ*.

2) Совершенное устраненіе въ 1862 году (не только съ совершеннаго на то согласія, но и при вполнѣ-сочувственномъ къ тому содѣйствіи другаго маститаго и доблестнаго государственнаго дѣятеля, князя Александра Михайловича Горчакова) всякаго участія министерства иностранныхъ дѣлъ въ дѣлахъ цензуры.

3) Разныя облегченія и льготы въ способѣ полученія заграничныхъ изда-

---

*) Т. е. комитета цензуры иностранной, который тогда состоялъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, и теперь подчиненъ, какъ и все цензурное вѣдомство, министерству внутреннихъ дѣлъ.

ній чрезъ посредство комитета цензуры иностранной, подвѣдомственнаго министерству внутреннихъ дѣлъ.

и 4) Учрежденіе въ послѣднее время единственнаго органа, *Правительственнаго Вѣстника*, за однѣ только политическія статьи котораго наше правительство принимаетъ на себя отвѣтственность предъ иностранными державами.

Съ 1858 года Россія ушла впередъ чуть ли не на полъ-столѣтія, и пора уже ей знать, чьей никогда не остывавшей вѣрѣ въ великую будущность Отечества, чьей просвѣщенной и прозорливой дальновидности и чьей политической мудрости принадлежалъ почипъ тѣхъ распоряженій, которымъ наша литература и въ особенности наша журналистика обязаны своимъ развитіемъ и своими успѣхами.

Баронъ Ѳ. Бюлеръ.

ЕЩЕ О ДАЛМАТИНСКОМЪ ЕПИСКОПѢ ВЕНЕДИКТѢ КРАЛЕВИЧѢ.

Въ „Р. Архивѣ“ сего года (стр. 441) напечатана записка Надеждина о сношеніяхъ съ бывшимъ Далматинскимъ епископомъ Венедиктомъ Кралевичемъ нашихъ раскольниковъ, замышлявшихъ учредить за границею свою архіерейскую каѳедру. Въ третьей книгѣ „Русскаго Вѣстника“ напечатаны поясненія къ этой запискѣ Н. И. Субботина. Въ обѣихъ статьяхъ говорится о Кралевичѣ лишь по его связи съ планами раскольниковъ. Но въ Сербской литературѣ существуетъ уже девять лѣтъ очень любопытная брошюра, подъ заглавіемъ: „Преписка о уніи Далматинскогъ епископа Венедикта Кралѣвича са Аустрійскимъ правительствомъ“. (Бѣлградъ, 1863. 98 стр.). Въ этой брошюрѣ напечатано 18 документовъ на Итальянскомъ языкѣ и къ нимъ приложенъ Сербскій переводъ ихъ. Документамъ предпосланы: письмо почетнаго члена Общества Сербской словесности въ Бѣлградѣ Алексѣя Симича, разсказывающаго въ немъ, какимъ образомъ достались ему вышепомянутые документы; предисловіе, гдѣ разсказаны вкратцѣ сношенія Кралевича съ Вѣнскимъ правительствомъ о введеніи уніи между православными Далматинцами и о судьбѣ, постигшей его попытку; а также жалоба православныхъ Далматинцевъ на угнетеніе ихъ вѣры къ Карловацкому архіепископу и митрополиту всѣхъ православныхъ церквей въ Австріи, Стефану Стратимировичу. Въ концѣ книги помѣщено: „Краткое объясненіе состоянія православной церкви въ Далмаціи“, писанное очевидно въ годъ изданія самой брошюры. Свѣдѣнія, помѣщенныя къ этой брошюрѣ, не лишены интереса и для насъ по тѣмъ связямъ, которыя имѣли съ Кралевичемъ раскольники. Сношенія ихъ съ Далматинскимъ епископомъ не были единственною попыткою получить отъ южно-славянскихъ іерарховъ свое особое архіерейство. Такъ они сносились, при содѣйствіи Австрійскихъ властей, съ Боснійскимъ митрополитомъ Амвросіемъ, который долженъ былъ оставить въ 1842 году Сараевскую митрополію, послѣ чего Австрійцы звали его въ Буковину. О его удаленіи изъ Босніи сообщены были краткія свѣдѣнія во II-мъ томѣ моей книгѣ „Россія и Сербія“.

Изъ Сербской брошюры о Венедиктѣ Кралевичѣ оказывается, что онъ былъ искателемъ приключеній съ раннихъ лѣтъ. Попытки ввести унію между православными въ Далмаціи начались еще во время владычества надъ нею Венеціанцевъ, продолжались при кратковременномъ господствѣ Французовъ и снова усилились послѣ присоединенія Далмаціи, согласно Вѣнскимъ трактатамъ, къ Австрійской имперіи. Венедиктъ Кралевичъ служилъ уніи какъ при Французахъ, такъ и при Австрійцахъ. Наполеонъ I-й, образовавъ изъ Славянскихъ земель, прилежащихъ къ Адріатическому морю, такъ называемое Иллирійское королевство, старался высвободить православное населеніе его изъ подъ вліянія, которымъ пользовался Чер-

ногорскій митрополитъ на всемъ приморьи. Сперва онъ предлагалъ владыкѣ Черногоріи Петру I-му церковную власть во всѣхъ Иллирійскихъ странахъ подъ покровительствомъ Франціи, обѣщая при этомъ ежегодную выдачу 200,000 франковъ, но съ условіемъ, чтобы Черногорцы отказались отъ союза съ Русскими. Владыка Петръ отвергъ предложеніе Наполеона: кромѣ нежеланія нарушать вѣковую связь съ Россіею, имъ руководило при этомъ подозрѣніе, что Французское предложеніе сдѣлано было ему по совѣту изъ Рима, гдѣ надѣялись со временемъ подчинять папскому престолу не только Иллирійскія епархіи, но и Черногорскую церковь. Тогда-то предложилъ свои услуги Французамъ Венедиктъ Кралевичъ. Есть преданіе, что онъ былъ изгнанъ съ нѣсколькими монахами изъ Сербіи во времена Карагеоргія и удалился оттуда въ Боснію. Въ то время онъ назывался Венедиктъ Пачаурица (т. е. оборванецъ, заплаточникъ). Заслуженный защитникъ православной вѣры въ Далмаціи, престарѣлый архимандритъ Зеличь, удаленный впослѣдствіи Австрійскимъ правительствомъ изъ своего отечества по проискамъ Венедикта Кралевича, разсказывалъ, что Пачаурица перебѣжалъ въ Далмацію изъ Босніи и былъ принятъ Зеличемъ какъ сынъ, о которомъ онъ прилагалъ всевозможныя попеченія. Пачаурица началъ съ того, что принялъ фамилію Кралевича и, благодаря своей ловкости, до такой степени подбился къ Французскимъ властямъ, что былъ возведенъ при ихъ содѣйствіи въ санъ Далматинскаго епископа. Достигъ онъ сего достоинства обѣщаніемъ привести свою епархію къ уніи съ Римомъ. Кралевичъ ходилъ съ Французами противъ Австрійскихъ войскъ, предшествуя Далматинцамъ съ крестомъ въ рукахъ, но былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ Осекъ, откуда возвратился по заключеніи мира.

Когда Французы должны были оставить Далмацію и она перешла къ Австріи, замыселъ Кралевича могъ быть исполненъ еще легче. Императоръ Францъ I-й и его министръ внутреннихъ дѣлъ Заурау всячески старались истребить православіе въ своей имперіи: много православныхъ Сербовъ перешло тогда изъ Австріи и Венгріи въ полунезависимую Сербію, снова освобожденную Милошемъ. Кралевичъ самъ обратился къ министру Заурау съ предложеніемъ ввести унію въ Далмаціи, начерталъ цѣлый проэктъ съ этою цѣлію и просилъ разрѣшенія прибыть въ Вѣну для личныхъ переговоровъ. 26 Августа 1818 года Заурау извѣстилъ Кралевича, что императоръ одобрилъ его планы, согласился на его поѣздку въ Вѣну, для чего онъ получитъ отъ Далматинскаго губернатора барона Томашича или помощника его барона Круфтуцкаго 1000 флориновъ, но совѣтовалъ при этомъ, для предупрежденія всякихъ подозрѣній и слуховъ въ мѣстномъ населеніи, просить отпуска въ Вѣну для переговоровъ по устройству православной семинаріи въ Шибеникѣ, мѣстопребываніи епископа. Это письмо прислано было Кралевичу при письмѣ барона Круфтуцкаго, который повторялъ тоже самое, извѣщая, что 1000 флориновъ на его путешествіе будетъ выдано во время проѣзда его чрезъ Задаръ (Зару), и предлагая вручить управленіе епархіей на время его отсутствія такому человѣку, которому онъ можетъ вполнѣ довѣриться.

Прибывъ въ Вѣну, Венедиктъ Кралевичъ подалъ въ министерство 29 Ноября записку о средствахъ ввести унію въ Адріатическомъ прибрежьи, или какъ выражался онъ: „привести къ совершенному единенію церковь Греческую въ провинціяхъ Далматинской, Албанской и Истріанской съ церковью Латинскою, сохранявшею всегда свои собственные обряды (ad una perfetta unione la chiesa Greca nella provincia della Dalmazia, Albania ed Istria, con quella del rito Latino, riservato sempre il proprio suo rito). При этомъ онъ жаловался на невѣжество и упорство православнаго ду-

ховенства и народа въ означенныхъ областяхъ и предлагалъ дѣйствовать постепенно. Первымъ средствомъ для успѣха было, по его мнѣнію, воспитаніе духовенства въ смыслѣ уніи, почему и просилъ онъ назначить учителями въ его семинарію духовныхъ лицъ изъ Галицко-русскихъ уніатовъ съ тѣмъ, чтобы они предварительно изучили Сербскій языкъ; ходатайствовалъ, чтобы учреждены были въ Шибеникѣ, на правительственныя средства, приготовительныя школы для дѣтей обоихъ исповѣданій, и назначены немалыя стипендіи для гимназическихъ учениковъ Греческой вѣры, которые потомъ могли бы поступать въ семинарію и учиться тамъ у Галицкихъ уніатовъ. Лучшіе изъ семинаристовъ по духу и направленію могли бы переходить оттуда въ Вѣнскій конвиктъ, слушать богословскіе курсы при университетѣ и, по полученіи докторской степени, возвращаться на родину для служенія великому дѣлу уніи. При этомъ должно быть воспрещено Далматинскому юношеству учиться помимо педагогической дисциплины, существующей въ Австрійской имперіи. Епископъ отказывался отъ права устроить свой каѳедральный капитулъ прежде, чѣмъ въ его епархіи не образуется хотя нѣсколько человѣкъ между духовенствомъ, которые были бы въ состояніи вести консисторскія дѣла, согласно съ намѣреніями своего высокаго монарха. Такъ какъ Которская область лежитъ далеко отъ Шибеника, то Кралевичь считалъ полезнымъ поставить въ ней викарія. Санъ этотъ, по всей справедливости, слѣдовало бы дать пребывающему тамъ архимандриту Никанору Богемичу, человѣку дѣятельному и вліятельному; но по своему невѣжеству и предразсудкамъ, разсуждалъ Кралевичь, онъ скорѣе можетъ помѣшать дѣлу уніи. Его даже нельзя оставить и въ прежнемъ званіи, а надо склонить, чтобы онъ самъ отказался отъ своего мѣста, обѣщая ему за то хорошее вознагражденіе. Но нельзя назначить на его мѣсто и чужестранца, ибо тамошній народъ, по своему горячему темпераменту, легко можетъ взволноваться и пристать къ Черногорскому владыкѣ; а потому Кралевичь предлагалъ назначить въ викаріи Которской области своего протосингела Кирилла Цвѣтковича. 20 Генваря 1819 г. Зaурау увѣдомилъ Кралевича, что императоръ назначилъ ему на пребываніе въ Вѣнѣ 5000 флориновъ; а 4 Февраля извѣстилъ, что въ Далмацію будутъ присланы три священника изъ Галицкихъ уніатовъ для обученія православнаго духовенства догматическому, нравственному и пастырскому богословію и церковной исторіи; что по прибытіи ихъ въ Шибеникъ должна быть открыта семинарія на правительственныя средства и при ней бурса для всѣхъ учениковъ; что между Далматинскими священниками могутъ быть избраны наклонные къ уніи, съ назначеніемъ для нихъ правительственной стипендіи отъ 100 до 200 флориновъ въ годъ; что обученіе въ Далматинскихъ гимназіяхъ будетъ облегчено православному юношеству назначеніемъ денежнаго пособія отъ правительства, и лучшіе изъ учениковъ могутъ быть отправляемы на правительственный счетъ въ Вѣнскій конвиктъ; что разрѣшается назначить викаріемъ въ Которскую область Кирилла Цвѣтковича съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 3000 цванцигеровъ; что на возвратный путь самому Кралевичу назначено 1000 флориновъ, а секретарю его Марку Рудеру 500; что ежегодное содержаніе Далматинскаго епископа возвышается съ 15.000 цванцигеровъ на 20.000, и что по дѣлу введенія уніи епископъ долженъ сноситься съ Далматинскимъ намѣстникомъ. 5 Апрѣля 1819 года Кралевичь былъ уже въ Шибеникѣ.

Вѣсти, привезенныя Кралевичемъ изъ Вѣны, на первыхъ порахъ произвели радость въ православномъ населеніи. Въ Апрѣлѣ назначены были: директоромъ семинаріи и профессоромъ нравственнаго и пастырскаго богословія каноникъ

Стипіуцкій съ 1,500 флориновъ жалованья въ годъ при готовомъ столѣ и квартирѣ, профессоромъ церковной исторіи и каноническаго права Яковъ Цитинскій, профессоромъ библейской исторіи и догматическаго богословія Яковъ Гировскій, оба съ жалованьемъ по 1,000 флориновъ въ годъ при готовомъ столѣ и квартирѣ. Извѣщая о томъ Кралевича, Далматинскій намѣстникъ баронъ Томашичь писалъ ему отъ 25 Апрѣля, что всѣ три профессора ожидаются вскорѣ въ Вѣну изо Львова, но будутъ удержаны въ столицѣ до тѣхъ поръ, пока у нихъ не отростутъ бороды и пока они не ознакомятся съ Сербскимъ и Итальянскимъ языками. Кромѣ того онъ предлагалъ Кралевичу избрать между Далматинскими Сербами помощника всѣмъ тремъ профессорамъ, который бы, получая съ ними одинаковое жалованье, вникалъ въ ихъ преподаваніе и замѣнялъ ихъ въ случаѣ болѣзни. Кралевичь сообщалъ подробно въ Вѣну о всѣхъ своихъ приготовленіяхъ къ открытію семинаріи. По его мнѣнію, на первый разъ достаточно было 18 семинаристовъ; о четвертомъ же преподавателѣ въ семинаріи онъ писалъ, что таковой помощникъ уніатскихъ профессоровъ долженъ владѣть Нѣмецкимъ языкомъ, мало извѣстнымъ въ Далмаціи, и преподавать его въ семинаріи: „ибо на этомъ языкѣ существуетъ богатая литература, да и для богословскихъ наукъ сдѣлано много; онъ можетъ быть полезенъ здѣсь при знакомствѣ съ Австрійскими церковными законами и на случай какихъ либо служебныхъ порученій“.

Кралевичь дѣйствовалъ въ вопросѣ объ уніи рѣшительнѣе, чѣмъ само Далматинское намѣстничество. Сіе послѣднее въ это самое время устраивало въ Шибеникѣ кладбище, при чемъ предполагалось мѣсто погребенія католиковъ отдѣлить отъ мѣста погребенія православныхъ каменною стѣною. Кралевичь писалъ барону Томашичу отъ 7 Мая, что такой планъ неумѣстенъ и лучше не отдѣлять католиковъ отъ православныхъ, что̀ можетъ принести добрыя послѣдствія: „ибо чрезъ то увидятъ, что нѣтъ никакого различія между исповѣданіями, и будетъ положено неожиданное начало для желаемой уніи, что̀ совершенно согласно съ моими цѣлями“. Баронъ Томашичь чрезъ два же дня отвѣчалъ, что ему пріятно исполнить желаніе епископа. 14 Мая, сообщая намѣстнику о желаніи архимандрита Зелича, который нѣкогда принялъ къ себѣ бѣглаго Пачаурицу, отправиться въ Боснію на минеральныя воды для излѣченія тяжкой болѣзни, Кралевичь жаловался на Зелича, что онъ уѣхалъ въ Вѣну не дождавшись отпуска, дѣйствуетъ тамъ противъ семинаріи, а въ Боснію собирается единственно для того, чтобы отдаться подъ защиту Сараевскаго митрополита и разсылать оттуда по Далмаціи возмутительныя письма противъ уніи. „Удивительно, прибавлялъ Кралевичь, что Зеличь, живя столько времени въ Задрѣ и бывъ нѣсколько разъ въ Италіи, никогда не могъ склониться къ столь желанному дѣлу; да и какія минеральныя воды въ Босніи?“

Лѣтомъ того же года Кралевичь много занимался устройствомъ зданій епископскаго и семинарскаго. Изъ Галиціи прислали ему учителя Нѣмецкаго языка. Въ Октябрѣ онъ посѣтилъ Которскую область, чтобы подготовить ея населеніе къ назначенію викарія въ лицѣ протосингела Цвѣтковича. „Которская провинція самая мучительная для меня, писалъ онъ въ донесеніи къ самому императору; я иду въ средину такого народа, который суевѣріемъ далеко превзошелъ остальныхъ православныхъ въ Далмаціи; народъ этотъ ничему не ученъ, но у него въ высокой степени развито мореплаваніе. Черногорскій митрополитъ сильно мѣшаетъ мнѣ. Почти всѣ Которскіе православные, особенно наиболѣе твердые между ними въ своей вѣрѣ, гораздо болѣе преданы ему, чѣмъ своему правительству. Онъ влѣзаетъ имъ въ душу всѣми возмож-

ными средствами, а между тѣмъ исполняетъ и обязанности своего духовнаго сана. Украшенный почестями и титулами, онъ удовлетворяетъ внѣшнимъ условіямъ уваженія, что всегда нравится народу глупому и честолюбивому“.

Но Кралевичь ошибался, отыскивая наиболѣе опасныхъ враговъ для себя въ Которской области и въ Черногоріи. Первымъ врагомъ себѣ былъ онъ самъ. Онъ уменьшалъ число православныхъ приходовъ, не поставляя имъ священниковъ на мѣсто умершихъ; подкапывался подъ существованіе монастырей, не рѣдко въ самой церкви своей ругалъ непристойными словами мірянъ и крилошанъ; водилъ денное и ночное знакомство съ католиками; устроивалъ въ своемъ домѣ пиры съ музыкою и пляскою, и православные прозвали его своимъ „присныимъ соблазнителемъ“. Наконецъ окружавшие его дознались о его сношеніяхъ съ Вѣною по вопросу объ уніи. Протосингелъ Кириллъ Цвѣтковичь отказался принять званіе викарія въ Которской области. Находившіеся при епископскомъ дворѣ: дьяконъ Андрей Личина или Личиничь и Кнежевичь, первые открыли народу о замыслахъ его епископа. Они разослали письма по Далмаціи и Которской области, къ священству и народу, о его переговорахъ съ Вѣнскимъ правительствомъ. Эта вѣсть потрясла все православное населеніе, и противъ Кралевича составился заговоръ. Каждый день онъ ѣздилъ на прогулку за городъ. Умышлявшіе противъ его жизни рѣшились воспользоваться тѣмъ. Узналъ ли Кралевичь о томъ или нѣтъ, но только въ день, назначенный для исполненія заговора, онъ не поѣхалъ, сказавъ: „мнѣ что-то не хорошо сегодня, я не могу ѣхать“. Вмѣсто него убиты были: каноникъ Стипіуцкій, еще одинъ изъ уніатскихъ профессоровъ семинаріи и какой-то маіоръ. Власти, увидавъ, что всѣ планы о введеніи уніи разрушены, схватили важнѣйшихъ людей между православными Далматинцами, побросали ихъ въ тюрьмы и подвергли жестокому розыску. Главные заговорщики успѣли убѣжать въ Турцію. Посаженныхъ въ тюрьмы присудили къ двадцатилѣтней тяжкой работѣ. Протосингела Цвѣтковича продержали четыре года въ тюрьмѣ, двадцать лѣтъ въ работѣ и тринадцать лѣтъ въ одномъ изъ Сербскихъ монастырей въ Банатѣ - Бездинскомъ, гдѣ онъ и умеръ. Дьяконъ Личиничь сперва бѣжалъ въ Черногорію, а оттуда пробрался чрезъ Боснію и Герцеговину въ Сербію, гдѣ былъ нѣкоторое время придворнымъ дьякономъ, но потомъ переселился въ Бессарабію, гдѣ принялъ фамилію Стояновича и уже въ тридцатыхъ годахъ переселился въ Валахію, проживъ тамъ еще нѣсколько лѣтъ до своей смерти. Послѣ него-то и осталась въ копіи переписка Кралевича съ Вѣнскимъ правительствомъ о введеніи уніи въ Далмацію, снятая съ подлинниковъ, хранившихся въ Вѣнскомъ тайномъ архивѣ, однимъ изъ служившихъ при немъ Итальянцевъ.

Главный же виновникъ всѣхъ этихъ бѣдствій, Венедиктъ Пачаурица или Кралевичь, бѣжалъ изъ Шибеника въ Задаръ при первой вѣсти о народномъ волненіи; оттуда Австрійское правительство перевело его сперва въ Виченцу, а потомъ въ Венецію, гдѣ онъ и умеръ не задолго до Итальянской войны 1859 года.

Таковъ былъ православный епископъ, съ благословенія котораго ревнители церковнаго раскола собирались устроить свою отдѣльную іерархію.

Нилъ Поповъ.

30 Марта 1872.

ІОСАФАТЪ ОГРЫЗКО И ЕГО ПОЛЬСКАЯ ГАЗЕТА СЛОВО.

(Замѣчанія на статью г. Берга въ Р. Архивѣ 1870 года)

Въ изданіяхъ, заключающихъ историческія данныя о Польскихъ дѣлахъ минувшаго десятилѣтія, часто воспоминается о Іосафатѣ Огрызкѣ, объ основанной имъ въ Петербургѣ и вскорѣ прекратившейся газетѣ на Польскомъ языкѣ „Слово“ и объ изданіи имъ же сборника постановленій бывшихъ Польскихъ сеймовъ, подъ заглавіемъ *Volumina Legum*. Всѣ сказанія объ этомъ, которыя намъ до сихъ поръ довелось читать, всѣ до одного, далеко не точны, нѣкоторыя же совершенно ошибочны. Опровергать порознь каждую изъ такихъ журнальныхъ статей и высказывать подробно ихъ ошибки, былъ бы Геркулесовъ трудъ; да многія и не стòятъ того по видимой несообразности своей, по неудачному усилію авторовъ сказать что нибудь новое и глубокомысленное. А между тѣмъ, въ интересѣ современной исторіи, чувствуется потребность, чтобы этотъ довольно знаменательный эпизодъ ея былъ вполнѣ разъясненъ, начертанъ со всею его обстановкою и въ настоящемъ свѣтѣ.

Минуя всѣ другія попытки, мы болѣе въ правѣ ожидать такого вѣрнаго очерка отъ помѣщенныхъ, какъ выше значится, въ „Русскомъ Архивѣ“, „*Записокъ Н. В. Берга о послѣднемъ Польскомъ возстаніи*“. По авторитету источниковъ, изъ которыхъ онъ почерпалъ свои свѣдѣнія и по личнымъ прекраснымъ качествамъ этого писателя, не можетъ подлежать ни сомнѣнію, ни критикѣ все то, чтò онъ, въ выполненіе своей задачи, написалъ о событіяхъ въ самомъ Царствѣ Польскомъ. Но какъ дѣло Огрызки происходило не въ Царствѣ, а въ Петербургѣ, то вѣроятно по этому, въ разсказѣ о его газетѣ, ея запрещеніи и изданіи *Volumina Legum*, и у г-на Берга случились значительныя неточности. Мы указываемъ именно на столбцы 1854 — 1858 Р. Архива 1870 года.

Имѣя *всѣ* данныя объ этомъ предметѣ, взятыя изъ источника не менѣе достовѣрнаго чѣмъ тотъ, изъ котораго г. Бергъ набиралъ матеріалы для своего описанія происшествій въ Варшавѣ, я думаю, что исполню долгъ свѣдущаго современника, когда объ издательской дѣятельности Огрызки разскажу все, какъ было. За тѣмъ я коснусь и нѣкоторыхъ мнѣній и положеній самаго уже г. Берга.

О газетѣ Огрызки, г. Бергъ говоритъ безъ всякихъ прецедентовъ, какъ о чемъ-то новомъ и небываломъ. Поэтому прежде всего нужно намъ сказать слѣдующее.

За *тридцать* лѣтъ до появленія газеты Огрызки *Слово*, и именно съ 1829 года, основана была въ Петербургѣ газета на Польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Tygodnik“ (Еженедѣльникъ) выходившая въ первомъ году по одному разу, а въ послѣдующихъ годахъ по два раза въ недѣлю. По 1853 годъ, она просуществовала, подъ одною и тою же редакціею Осипа Пржецлавскаго. Когда же онъ, бывши тогда директоромъ Канцеляріи Кодификаціонной Коммисіи Царства Польскаго, высочайшимъ указомъ 27 Мая 1853 года назначенъ былъ, сверхъ упомянутой должности, членомъ Главнаго Управленія Цензуры отъ Царства, то редакція газеты передана имъ была, съ согласія министра статсъ-секретаря Царства, чиновнику Статсъ-секретаріата г. Ходынскому. Затѣмъ, съ концомъ 1858 года, газета прекратилась по личнымъ обстоятельствамъ редактора.

И при своемъ основаніи Tygodnik былъ и во все время своего существованія оставался частнымъ предпріятіемъ и частною собственностію и отъ правительства никакой субсидіи не получалъ.

Не смотря на это, такъ какъ газета состояла подъ непосредственнымъ наблю-

деніемъ III Отдѣленія Собственной Е. И. В Канцеляріи: то въ 1833 году главный начальникъ этого отдѣленія, шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ, по уваженію, что постоянною резиденціею Императора Всероссійскаго Царя Польскаго есть Петербургъ, что высочайшія постановленія относящіяся до Царства, заготовляются въ Статсъ-секретаріатѣ, находящемся также въ Петербургѣ, и тамъ же издается газета на Польскомъ языкѣ, испросилъ и объявилъ министру статсъ-секретарю Царства повелѣніе Государя, чтобы Польскій текстъ царскихъ постановленій, предназначенныхъ ко всеобщему свѣдѣнію, прежде другихъ газетъ былъ печатаемъ въ Тигодникѣ, каковая газета, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимаетъ названіе „оффиціяльной газеты Царства Польскаго". Это названіе она сохранила до самого конца.

Ни при разрѣшеніи основанія газеты, ни при обращеніи ея въ оффиціальный органъ, правительство Имперіи не сносилось съ правительствомъ Царства. Въ исполненіи же упомянутой Монаршей воли встрѣтились нѣкоторыя затрудненія, въ слѣдствіе которыхъ не всѣ царскія постановленія сообщались редакціи Тигодника для первоначальнаго напечатанія.

Все это, и самое существованіе Тигодника, какъ будто бы неизвѣстно было г. Бергу; онъ не упоминаетъ объ этой газетѣ и еще не довѣряетъ (столбецъ 1854) что изданіе газеты *Слово* было разрѣшено Огрызкѣ безъ сношенія съ намѣстникомъ Царства.

Порядокъ разрѣшенія всякаго новаго изданія существовалъ въ то время (1858—1859 г. г.) слѣдующій. Желающій подавалъ прошеніе съ представленіемъ подробной программы своего изданія, въ мѣстный Цензурный Комитетъ. Послѣдній, съ своимъ заключеніемъ о программѣ, входилъ съ представленіемъ въ Главное Управленіе Цензуры. Затѣмъ предсѣдательствующій въ семъ управленіи, министръ Народнаго Просвѣщенія, сносился съ главнымъ начальникомъ III-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи относительно благонадежности просителя. По собраніи всѣхъ нужныхъ справокъ, дѣло о новомъ изданіи вносилось на засѣданіе Главнаго Управленія, которое, по соображенію собранныхъ данныхъ и по окончательномъ обсужденіи программы, разрѣшало изданіе или отказывало просителю. Послѣднее случалось очень рѣдко, ибо если отзывъ III-го Отдѣленія былъ для будущаго издателя и редактора благопріятный, то къ отказу не находилось причинъ.

Почти такой же порядокъ наблюдался и для дозволенія открывать частныя типографіи.

Въ половинѣ 1858 г. Огрызко вошелъ по изложенному порядку съ просьбою о разрѣшеніи ему издавать на Польскомъ языкѣ газету подъ названіемъ *Слово* (Słowo) и учредить собственную типографію.

Составъ Главнаго Управленія Цензуры въ то время былъ слѣдующій: предсѣдатель, министръ народнаго просвѣщенія, Е. П. Ковалевскій; члены: товарищъ его Н. А. Мухановъ, президентъ Академіи Наукъ, главноуправляющій II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи графъ Д. Н. Блудовъ, управляющій III-мъ Отдѣленіемъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи, начальникъ штаба корпуса жандармовъ, А. Е. Тимашевъ, попечитель Петерб. учебнаго округа И. Д. Деляновъ, присутствующій по особому высоч. повелѣнію сенаторъ Г. П. Митусовъ, предсѣдатель Петерб. Цензурнаго Комитета, генералъ баронъ Медемъ; члены отъ разныхъ вѣдомствъ: отъ Св. Синода князь С. Н. Урусовъ, отъ министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ А. Г. Тройницкій, Иностранныхъ Дѣлъ баронъ Бюлеръ, отъ правительства Царства Польскаго О. А. Пржецлавскій. Дѣла докладывалъ директоръ канцеляріи министра просвѣщенія.

Мы не безъ намѣренія исчисляемъ здѣсь персоналъ этого высшаго учреж-

денія, въ которомъ всѣ правительственные интересы имѣли своихъ представителей и были крѣпко гарантированы. Одно это исчисленіе достаточно къ опроверженію болѣе чѣмъ неумѣстныхъ выходокъ, которыя, по дѣлу Огрызки, случалось намъ читать въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ.

Въ упомянутомъ составѣ Главное Управленіе, разсмотрѣвъ просьбу и программу Огрызки и, какъ помнится, нѣсколько исправивъ послѣднюю, разрѣшило ему издавать въ Петербургѣ газету на Польскомъ языкѣ подъ названіемъ *Слово* (Słowo) и завести собственную типографію.

Для этого оно не считало нужнымъ сноситься съ намѣстникомъ Царства Польскаго какъ потому, что этого цензурнымъ уставомъ не требовалось, такъ вѣроятно и потому, что въ изданіи, выходящемъ подъ предварительною цензурою и подъ глазами центральнаго правительства, Главное Управленіе не находило того, что̀ видится г. Бергу, именно, что чрезъ это „нарушалась..... гармонія управленія Поляками Россіи и Польши". Членъ отъ Царства не требовалъ съ своей стороны такого сношенія потому, что объ этомъ, въ его инструкціяхъ, ничего не было сказано и что онъ также не имѣлъ тѣхъ опасеній на счетъ „гармоніи", которыя озабочиваютъ г. Берга.

Что̀ касается до учрежденія типографіи, то разрѣшеніе объ этомъ послѣдовало на основаніи общихъ, весьма не требовательныхъ, правилъ. Позволено же Огрызкѣ завести типографію не ***Польскую***, какъ говоритъ г. Бергъ (этого слова въ прошеніи и не было), а просто типографію безъ всякаго прилагательнаго, разумѣется, снабженную, какъ и всѣ другія, разными шрифтами, въ томъ числѣ хотя бы и Польскимъ. И дѣйствительно у Огрызки печатались, кромѣ его газеты, и Русскія и Французскія книги. Это было одно изъ лучшихъ этого рода заведеній въ Петербургѣ. До того, изданія на Польскомъ языкѣ печатались большею частію у Крайя, Польская же газета Тигодникъ, во всѣ 29 лѣтъ своего существованія, печаталась въ военной типографіи, при тогдашнемъ инспекторскомъ департаментѣ военнаго министерства (1).

Самъ Огрызко вовсе не былъ литераторъ и даже, какъ природный Бѣлорусъ, не зналъ Польскаго языка на столько, чтобы могъ редактировать газету. Онъ, на подобіе нѣкоторыхъ и Русскихъ журналистовъ, называющихъ себя публицистами (2), былъ что̀ называютъ Французы bailleur de fonds и набралъ себѣ талантливыхъ писателей, которымъ платилъ хорошія деньги. Не смотря на все, что̀ говоритъ г. Бергъ о конкуренціи Варшавскихъ газетъ и о „нарушеніи гармоніи" (о чемъ никогда и рѣчи не было), *Слово* Огрызки просуществовало бы спокойно неопредѣленное время, если бы пылкіе сотрудники не оказали ему медвѣжьей услуги и если бы сама газета не вызвала тѣхъ мѣръ, которыя были приняты.

Письмо Лелевеля, о которомъ говоритъ г. Бергъ (столбецъ 1857), само по себѣ, не только ничтожно, но и рѣшительно непонятно, да и имя его не обратило бы вниманія. Время было уже не то; и когда имя Мицкевича печаталось свободно, то не было причины, чтобы той же свободой не пользовалось и имя престарѣлаго, доживавшаго свой вѣкъ въ Брюсселѣ, выходца. Но обратило (и справедливо) вниманіе помѣщенное вслѣдъ за письмомъ воззваніе отъ редакціи къ Лелевелю, „образовавшему цѣлыя поколѣнія Польской молодежи", и просьба, чтобы онъ благословилъ начинанія новаго изданія*). Однакожъ и это обстоя-

*) Конечно благословенія въ смыслѣ Огрызки не послѣдовало. Въ этотъ самый 1858 годъ, лѣтомъ, въ Брюсселѣ случилось мнѣ многократно видаться съ Іоах. Лелевелемъ. Онъ жилъ на чердакѣ, въ полномъ убожествѣ, обставленный и обложенный книгами. Онъ былъ уже очень старъ; но изъ подъ густыхъ нависшихъ бровей сверкали чудес-

тельство благополучно сошло редакціи съ рукъ; дѣло кончилось выговоромъ; настоящій же поводъ къ ожесточенію противъ нея князя Горчакова былъ слѣдующій.

Еще до отъѣзда князя въ Петербургъ, между Варшавскою Газетою (Gazeta Warszawska) и тамошними Евреями и полуевреями (3) завязалась чрезвычайно жаркая и желчная полемика по поводу концерта дѣвицы-Неруды, талантливой артистки на скрыпкѣ, Чешской уроженки, неудавшагося, по мнѣнію газеты, потому, что противъ артистки, не принадлежащей къ Израильскому племени, образовалась Жидовская кабала. Кромѣ дуэли, о которой упоминаетъ г. Бергъ, двѣнадцать человѣкъ молодыхъ именитыхъ Евреевъ написали редактору газеты Лешновскому (а не Лукашевскому, какъ его г. Бергъ въ столбцѣ 1810 называетъ) письмо, угрожавшее ему палочною расправою. Лешновскій представилъ это письмо въ судъ, и подписавшіе господа, на основаніи введеннаго тогда уже въ Царствѣ новаго уголовнаго уложенія, приговорены къ аресту и къ испрошенію прощенія. Это до крайности ожесточило Варшавскій Израиль.

Когда эти скандалы дошли до кн. Горчакова, то онъ велѣлъ прекратить дальнѣйшую полемику по этому предмету, и ценсора получили приказаніе не пропускать ни одной статьи къ нему относящейся.

Между тѣмъ, князь Горчаковъ уѣхалъ въ Петербургъ съ проектами разныхъ нововведеній по управленію Царства; ему отведены были покои въ зимнемъ дворцѣ. При немъ былъ тогда оберъ-прокуроръ одного изъ Варшавскихъ Департаментовъ, Сената, въ послѣдствіи статсъ-секретарь Энохъ, Израильскаго происхожденія, и въ Петербургѣ находился также откупщикъ табачнаго сбора въ Царствѣ—тогожъ происхожденія—Кроненбергъ.

Еще до воспрещенія помянутой выше полемики, написана была для Варшавской Газеты капитальная и крайне колкая анти-еврейская статья, которая должна была окончательно увѣнчать эту полемику. Варшавская ценсура, имѣя извѣстное приказаніе, не пустила ее; тогда редакторъ Лешновскій прислалъ статью въ Петербургъ къ Огрызкѣ и просилъ напечатать въ Словѣ, что̀ имъ и было сдѣлано. Зналъ ли послѣдній, или незналъ о запрещеніи, намъ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ поступилъ крайне неполитично, зная, что намѣстникъ здѣсь и что онъ окруженъ заинтересованными въ животрепещущемъ вопросѣ.

Можно себѣ представить впечатлѣніе, какое статья сдѣлала на находившихся въ Петербургѣ Варшавскихъ и мѣстныхъ Жидовъ и эксъ-жидовъ. Я самъ видѣлъ, какъ Кроненбергъ плакалъ горькими слезами, читая въ Статсъ-секретаріатѣ ново-вышедшій нумеръ *Слова* съ роковою статьею. Тогда уже можно было предвидѣть, что этому изданію не сдобровать. Громъ не замедлилъ грянуть. Князю Горчакову вопросъ былъ представленъ въ такомъ видѣ, что-де никакое управленіе не возможно въ Царствѣ, если его распоряженія будутъ безнаказанно нарушаемы въ Петербургѣ первымъ какимъ нибудь коллежскимъ ассессоромъ. Кто зналъ князя, тотъ можетъ себѣ вообразить, какъ горячо онъ принялъ къ сердцу эти внушенія. Еслибы онъ былъ въ состояніи подумать хладнокровно, то увидалъ бы, что Огрызко могъ не знать о запрещеніи, а что настоящій виноватый былъ Варшавскій Ценсурный Комитетъ, который,

---

но-яркіе глаза, и трудолюбіе оставалось прежнее. Польская аристократія, видно, не позаботилась объ его участи. Можетъ быть это происходило оттого, что Лелевель былъ добросовѣстный ученый, и въ эту пору вовсе не питалъ никакой вражды къ Россіи. Онъ осуждалъ политическія увлеченія Мицкевича. Изъ бесѣдъ его мнѣ особенно памятны сочувственные отзывы о трудахъ Михаила Александровича Максимовича и признаніе того, что слѣдовъ мірской сходки и общиннаго землевладѣнія изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ нѣтъ только у Поляковъ, даже и въ древнѣйшую пору. *П. Б.*

получивъ приказаніе не пускать статей извѣстнаго содержанія, не сообщилъ объ этомъ всѣмъ другимъ комитетамъ и преимущественно комитетамъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ издавались газеты на Польскомъ языкѣ. Но князь не имѣлъ привычки обдумывать свои дѣйствія. Онъ въ крайне-нервномъ настроеніи побѣжалъ къ Государю жаловаться и, какъ слышно было, сдѣлалъ изъ настоящаго случая Гамлетовскій вопросъ: *быть или не быть*. На другой же день княземъ Горчаковымъ объявлено было министру народнаго просвѣщенія Высочайшее повелѣніе о запрещеніи Польской газеты Слово и о заключеніи редактора ея въ крѣпость на одинъ мѣсяцъ.

Я долженъ пропустить здѣсь подробно-извѣстныя мнѣ обстоятельства о положеніи, принятомъ въ этомъ столкновеніи тогдашнимъ прекраснымъ министромъ народнаго просвѣщенія. Скажу только, что и умный Евграфъ Петровичъ Ковалевскій и всѣ должны были уступить предъ горячечною настойчивостью князя, не отступавшаго отъ поставленнаго имъ кабинетнаго вопроса.

Газета *Слово* была запрещена, и Огрызку посадили въ крѣпость. Но, какъ только князь Горчаковъ уѣхалъ, его тотчасъ выпустили, такъ что онъ сидѣлъ не больше недѣли.

Перехожу къ изданію Volumina Legum. По тону, въ которомъ г. Бергъ говоритъ объ этомъ, можно бы счесть это изданіе знаменательнымъ фактомъ. Но оно не имѣло такого значенія. Вообще въ оцѣнкѣ событій надо остерегаться излишней тонкости и глубокомыслія (4). Не надо, какъ Французы говорятъ, „chercher midi à 14 heures“; а болѣе всего нужно съ точностію узнавать обстоятельства, породившія и сопровождавшія фактъ. Поступая иначе и смотря на событія поверхностно или, что̀ еще хуже, съ предвзятою мыслію, можно переполнить исторію ошибочными взглядами.

Конечно, если по тому, въ чемъ въ послѣдствіи въ 1863 или 1864 году Огрызко былъ изобличенъ, судить о всѣхъ его дѣйствіяхъ въ Петербургѣ, то всѣ они могутъ показаться послѣдствіями заранѣе обдуманнаго, противуправительственнаго плана. Мы и не станемъ спорить, что въ основаніи газеты *Слово* могла скрываться задняя мысль; но изданіе Volumina Legum, по даннымъ, положительно намъ извѣстнымъ, никакой подобной мысли не заключало, а было дѣломъ простаго случая, какъ это всякій увидитъ изъ слѣдующаго.

Нужно начать съ того, чтобы дать понятіе, что̀ такое эти Volumina. Мы читали журнальныя статьи, гдѣ говорилось, что изданіе Огрызки имѣло цѣлью, въ случаѣ удачи послѣдняго Польскаго мятежа, дать воскресшей Польшѣ готовый кодексъ. Кто это говорилъ, показывалъ только, что Volumina въ рукахъ не имѣлъ и даже въ глаза не видалъ.

Это не что иное, какъ частный (неофиціальный) аматёрскій, составленный отцами Піяристами, сборникъ постановленій Сеймовъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ, безъ всякой системы и только по хронологическому порядку, какъ одни за другими слѣдовали. Собственно законодательныхъ постановленій тамъ очень мало: вопросами этого рода Сеймы почти не занимались, потому что и въ Коронѣ (собственно Польшѣ) и въ Литвѣ существовали полные кодексы. Такимъ образомъ Volumina есть собраніе отдѣльныхъ рѣшеній по вопросамъ административнымъ, фисковымъ, военнымъ, касающимся городскаго управленія, городскихъ привиллегій и наконецъ по частнымъ и даже личнымъ вопросамъ; словомъ, это было (si parva licet componere magnis) нѣчто въ родѣ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи, въ которое вошли сепаритивные указы, изданные по встрѣчавшимся отдѣльнымъ случаямъ.

По этому ясно, что печатать Volumina Legum для того, чтобы ихъ преподать за общій обязательный законъ какому бы-то ни было народу, было бы также нелѣпо, какъ хотѣть Полнымъ Собраніемъ замѣнить Сводъ Законовъ.

За всѣмъ тѣмъ, сочиненіе это, въ нѣсколькихъ толстыхъ томахъ въ листъ, составляло важный матеріалъ для исторіи, если не собственно законодательства, то администраціи, вообще жизни народа и дѣятельности Сеймовъ; но сочиненіе это давно уже вышло изъ обращенія и составляло библіографическую рѣдкость, хранимую въ библіотекахъ.

По выходѣ изъ крѣпости, Огрызко вошелъ съ прошеніемъ, въ которомъ изъяснялъ, что по случаю прекращенія изданія его газеты почти въ самомъ началѣ года (Февраль 1859) онъ чувствуетъ себя въ долгу предъ подписчиками и потому намѣренъ перепечатать новымъ изданіемъ не находящіяся уже въ продажѣ Volumina Legum и предложить подписчикамъ: или взять обратно деньги по разсчету, или получать въ теченіи года выпусками означенное сочиненіе. И для этого онъ просилъ дозволенія напечатать Volumina Legum въ собственной типографіи.

Это показываетъ, что изданіе ихъ не было чѣмъ-то заранѣе предначертаннымъ, а мысль объ немъ возникла только вслѣдствіе запрещенія газеты.

Когда просьба Огрызки по порядку поступила на разсмотрѣніе Главнаго Управленія Цензуры, присутствовалъ въ немъ и графъ Блудовъ, не всегда участвовавшій въ засѣданіяхъ. По своему предмету просьба ближайше подлежала обсужденію его, какъ главнаго начальника отдѣленія государевой канцеляріи, спеціально занимающагося законодательными работами. Предсѣдательствующій министръ и обратился къ нему, прося его мнѣнія. Графъ Блудовъ сказалъ прекрасный спичь, сильно поддерживая прошеніе Огрызки. Онъ говорилъ о Volumina Legum какъ о драгоцѣнномъ памятникѣ, какъ о матеріалѣ для исторіи не только Славянскаго, но и Европейскаго законодательства. Противъ этого никто не возражалъ, да и не было повода оспаривать выраженное графомъ Блудовымъ мнѣніе.

Такимъ образомъ главное управленіе единогласно положило разрѣшить Огрызкѣ напечатать Volumina Legum новымъ изданіемъ и предложить своимъ подписчикамъ принять это изданіе въ замѣнъ за слѣдующіе имъ нумера газеты. Сколько извѣстно, не многіе этимъ воспользовались; значительное большинство потребовало возврата денегъ.

Вотъ какъ все это дѣло происходило. Повторяемъ, что всѣ изложенныя здѣсь данныя почерпнуты изъ источника, достовѣрность котораго не можетъ подлежать сомнѣнію. Поэтому мы и не будемъ подробно указывать на неточности, замѣченныя по этому предмету въ статьѣ г. Берга; достаточно сказать, что они заключаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ статьи, въ которыхъ она расходится съ настоящимъ разсказомъ.

Но кстати о неточностяхъ. Мы замѣтимъ еще кой-какія, вкравшіяся въ статью г. Берга, помѣщенную въ Р. Архивѣ 1870 года. Считаемъ это нужнымъ потому, что въ нихъ рѣчь идетъ о личностяхъ историческихъ.

Въ столбцѣ 1838 сказано.... „Графъ Генрихъ Ржевускій, извѣстный авторъ *Листопада*, другъ Мицкевича, *внушившій ему первые мотивы* къ знаменитой поэмѣ *Панъ Тадеушъ*„. Это не такъ, и въ дѣйствительности дѣло выходитъ на оборотъ.

Мицкевичъ былъ уроженецъ Новогрудскаго уѣзда, теперь Минской, а въ его время принадлежавшаго къ Гродненской губерніи. Онъ былъ сынъ адвоката при тамошнихъ судебныхъ мѣстахъ, изъ рода мелкой обѣднѣвшей шляхты. По этому *мотивы* для своей поэмы, которой сцены большею частію взяты изъ среды такой же шляхты, онъ, безъ посторонней помощи, почерпалъ въ воспоминаніяхъ своего дѣтства и первой молодости, въ томъ, чего самъ насмотрѣлся и наслышался на родинѣ. По этому-то и акція *Пана Тадеуша* происходитъ именно въ Новогрудскомъ уѣздѣ, и вся поэма проникнута тамошнею мѣстностію, въ которой, быть можетъ,

графъ Ржевускій ни разу и не былъ. И такъ, послѣдній не давалъ Мицкевичу никакихъ мотивовъ; но за то, вотъ какъ было дѣло.

Въ 1831 году Мицкевичъ и Ржевускій съѣхались въ Римѣ. Графъ, гораздо старѣе поэта, произвелъ на него сильное впечатлѣніе, просто очаровалъ его своими неподражаемыми разсказами о Польско-шляхетской старинѣ. До того Ржевускій ничего попольски не писалъ; онъ учился на Латинскомъ и Французскомъ языкахъ, старыхъ Польскихъ авторовъ мало читалъ и поэтому плохо зналъ Польскій литературный языкъ. Мицкевичь не давалъ ему покоя, настаивая, чтобы онъ написалъ свои старошляхетскія воспоминанія, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы писалъ безъ всякихъ прикрасъ, совершенно такъ, какъ разсказывалъ. Ржевускій съ точности исполнилъ это желаніе, и таково начало перваго и лучшаго его произведенія, которому, по совѣту Мицкевича, и дано незатѣйливое заглавіе „Воспоминаній стараго шляхтича“ (Pamiątki starego szlachcica). Первые раздѣлы написаны были тутъ же въ Римѣ и читаны бывшимъ тамъ Полякамъ; всѣ приходили отъ нихъ въ восторгъ. Эти подробности разсказывали мнѣ сами Мицкевичъ и Ржевускій. Такимъ образомъ не Ржевускій Мицкевича, а послѣдній вдохновлялъ перваго. Жаль, что противное сказалъ именно г. Бергъ, такъ прекрасно передавшій порусски много мѣстъ изъ Мицкевичева *Тадеуша*.

Геніальный поэтъ отгадалъ въ пожиломъ уже тогда графѣ Генрихѣ громадный талантъ и пробудилъ спящія въ немъ писательскія способности. „Воспоминанія стараго шляхтича“, напечатанныя первымъ изданіемъ, кажется, въ Вильнѣ, сдѣлали фуроръ въ Польской литературѣ. За первымъ шибко послѣдовали новыя изданія. Этотъ успѣхъ пріохотилъ автора къ дальнѣйшей дѣятельности; онъ работалъ чрезвычайно легко и скоро и почти не поправлялъ написаннаго первоначально. Казалось, онъ хотѣлъ вознаградить потерянное время. Онъ продолжалъ писать, но уже не въ прежнемъ видѣ простыхъ, безъискуственныхъ разсказовъ, а въ болѣе требовательной, созданной безсмертнымъ Вальтеръ-Скоттомъ, формѣ историческаго романа. Два изъ такихъ романовъ, прелестный *Листопадъ* (Польское названіе мѣсяца Ноября), изъ послѣднихъ годовъ царствованія короля Станислава-Августа, и *Краковскій Замокъ*, изъ болѣе отдаленной эпохи, были помѣщены въ сороковыхъ годахъ фельетонами въ Польской Петербургской газетѣ „Тигодникѣ“, а потомъ изданы особыми книжками. Но та дезинвольтура слога и пренебреженіе къ грамматикѣ, которыя въ „Воспоминаніяхъ“ о шляхтичахъ, часто подвыпившихъ, были на своемъ мѣстѣ и придавали имъ отпечатокъ правдивости, такъ тщательно оберегаемый Мицкевичемъ, не могли быть терпимы въ произведеніяхъ беллетристическихъ, каковы историческіе романы. Поэтому, редакторъ Тигодника не иначе согласился печатать ихъ въ своей газетѣ, какъ съ условіемъ, что черновые листы предварительно будутъ ему сообщаемы для исправленія. Въ этой работѣ онъ строго ограничивался требованіями Польской грамматики и синтаксиса и свято сохранялъ все, что̀ составляетъ характеръ и колоритъ описываемыхъ эпохъ и общества, главныя достоинства мастерской кисти Ржевускаго (5).

Такимъ образомъ Листопадъ, Кракȯвскій Замокъ и другія мелкія сочиненія графа Генриха, изданныя редакціею Тигодника, сдѣлались безукоризненными въ лингвистическомъ отношеніи. Они составляютъ въ этомъ отношеніи разительную противоположность съ тѣми произведеніями тогожъ пера, которыя печатались въ послѣдствіи, безъ такого контроля, въ Петербургѣ и Варшавѣ. Можно бы подумать, что первыя и послѣднія сочиненія двухъ разныхъ авторовъ.

Пойдемъ въ нашихъ замѣчаніяхъ далѣе. Не слишкомъ ли абсолютно и диктаторски выразился г. Бергъ, когда, говоря о г. Іосифѣ Крашевскомъ (столбецъ 1856), назвалъ его „первымъ тогдашнимъ свѣтиломъ литературнаго міра Польши? Что г. Крашевскій обладаетъ большимъ талантомъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но спрашивается, на чемъ основалъ г. Бергъ свое право пожаловать его въ верховное литературное званіе? Если онъ послушался въ этомъ собственнаго убѣжденія и собственнаго вкуса, то скажемъ ему прямо, что ни то, ни другое, ни для насъ и ни для кого, знающаго Польскую литературу, не составляетъ авторитета. Но изрѣченіе г. Берга можетъ сдѣлаться авторитетомъ для тѣхъ, которые съ этой литературой незнакомы, и вотъ почему мы вынуждены протестовать. Если же за основаніе къ своему апоѳеозу г. Бергъ принялъ элементы вѣскости и численности напечатанныхъ томовъ: то онъ справедливо отдалъ пальму первенства г. Крашевскому, плодовитѣйшему изъ Польскихъ писателей. Но и въ этомъ случаѣ не мѣшало бы прислушаться къ общественному мнѣнію. Оно твердитъ, что г. Крашевскій имѣетъ недостатки такого качества плодовитости и что значительный, даже лихвенный, процентъ изъ его произведеній приходится на такія, отъ несуществованія которыхъ интересы литературы и слава автора не только бы ничего не потеряли, но остались бы въ выигрышѣ.

Слово „*тогдашнимъ*“ во фразѣ г. Берга относится къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ, и какъ бы нарочно въ это время Польская литература считала много знаменитыхъ писателей, кромѣ Крашевскаго. Это были: митрополитъ Головинскій, Николай Малиновскій, графъ Ржевускій, Ходзько, поэты Одынецъ и Козмянъ, Элеонора Штюрмеръ (псевдонимъ), Мих. Грабовскій, Казиміръ Буйницкій, графъ Пржездецкій, Мацѣіовскій, Корженіовскій, Джовъ офъ Дайканъ (псевдонимъ) и другіе. Всѣ отдавали имъ справедливость и за каждымъ признавали, въ его родѣ, большія достоинства, но никому не приходила мысль задаваться вопросомъ: кто изъ нихъ былъ *первымъ свѣтиломъ*? Этотъ чрезвычайно трудный и сложный вопросъ ждалъ своего рѣшенія и дождался его наконецъ отъ г. Берга. Мы однакожъ отъ имени всѣхъ знающихъ литературу осмѣлимся сказать, что приговоръ его считаемъ неокончательнымъ, а подлежащимъ аппеляціи, *хотя бы въ кассаціонномъ порядкѣ*. Sapienti sat.

Изложенныя здѣсь замѣчанія должны послужить г. Бергу доказательствомъ, что труды его мы истинно уважаемъ. Мы позволили себѣ указать на недостатки его статьи прежде всего въ интересѣ исторической истины, а затѣмъ потому, что недостатки эти считаемъ не на мѣстѣ въ прекрасныхъ произведеніяхъ его пера. Такъ какъ они *безъ страха*, то мы желали бы видѣть ихъ и *безъ упрека*. *О. Пржецлавскій.*

13 Марта 1872 года.

Примѣчанія.

(1) Кстати объ этомъ, запишемъ здѣсь слѣдующій случай. Военная типографія, заведеденіе въ своемъ родѣ замѣчательное по громадности производимыхъ въ немъ работъ, по числу станковъ, скоропечатныхъ машинъ и людей, работающихъ въ залѣ огромнаго размѣра. Для Тигодника отряжены были два наборщика и особый станокъ. Наборщики не понимали ни слова попольски, но такъ выучились разбирать Польское письмо, что, послѣ двухъ-трехъ лѣтъ, набирали почти безъ ошибокъ и первую корректуру по *оригиналу* дѣлали сами.

Однажды, кажется въ 1846 году, Императоръ Николай Повловичъ захотѣлъ видѣть типографію въ полномъ дѣйствіи, въ сопровожденіи военнаго министра обходилъ станки и такъ называемыя *кассы* (ящики съ литерами). Подойдя къ той, у которой работали наборщики

Тигодника, Государь увидѣлъ Польскій оригиналъ и спросилъ наборщика Никифорова: «Ты знаешь попольски? — Никакъ нѣтъ-съ, В. И. В. — Какъ же набираешь? — По привычкѣ, В. И. В. — Однакожъ понимаешь, что̀ набираешь?—Никакъ нѣтъ-съ, В. И. В.—И другой не понимаетъ?—Не понимаетъ». Государь засмѣялся и, обратясь къ военному министру, сказалъ: «Il faut que j'amène ici l'Impératrice; je lui ferai voir des machines, comme on n'en a pas en Angleterre.» (Надобно привести сюда Императрицу; я ей покажу машины, какихъ нѣтъ и въ Англіи).

(2) Мы не только не антагонисты, а напротивъ сторонники того мнѣнія, что всякій разъ, когда для выраженія съ точностію мысли, въ родномъ языкѣ не найдется вполнѣ соотвѣтствующаго слова, позволительно и даже *обязательно* заимствовать его изъ другихъ языковъ. Но при этомъ нужно соблюдать непремѣннымъ условіемъ, чтобы иностранное слово употреблялось не въ другомъ, а точно въ томъ значеніи, какое оно имѣетъ въ языкѣ, изъ котораго мы его взяли. Въ противномъ случаѣ такой заемъ переходитъ въ злоупотребленіе и порождаетъ весьма вредный, вавилонскій элементъ: *смѣшеніе понятій*.

Въ новѣйшей Россійской письменности и литературной, и научной, и даже судебной, вообще принято прибѣгать къ такимъ займамъ, и мы это считаемъ несомнѣннымъ признакомъ благаго прогресса, прогресса *мысли*, немогущей уже удобно помѣститься въ обветшалыхъ рамкахъ, и ищущей себѣ простора для новыхъ идей. Но мы настаиваемъ на необходимости исполненія указаннаго выше условія и къ сожалѣнію видимъ, что оно не всегда соблюдается на столько строго, какъ бы это слѣдовало. Для образца, приведемъ два примѣра.

Редакторы, издатели и даже сотрудники журналовъ и газетъ, и самихъ себя, и своихъ товарищей называютъ *публицистами*, не подозрѣвая, что дѣлаютъ грубую ошибку. Слово взято изъ Французскаго языка, а пофранцузски *publiciste* значитъ совсѣмъ другое. Это вовсе не журналистъ, а писатель, занимающійся изслѣдованіемъ вопросовъ высшей политики, съ точки зрѣнія публичнаго и международнаго права, и издающій по нимъ не газеты, а отдѣльныя сочиненія. Въ послѣднее время публицисты, это Бенедетти, Жюль Фавръ и, подъ чужими именами, Наполеонъ III, а ужъ никакъ не гг. Катковъ, Трубниковъ, Краевскій и Старчевскій. У насъ есть одинъ извѣстный публицистъ: это Скедо-Феротти (а не Шедо Феротти, какъ обыкновенно этотъ псевдонимъ порусски пишутъ), но онъ пишетъ пофранцузски.

Нѣчто подобное, хотя въ меньшей степени невѣрности, случилось съ принятымъ уже за техническое Французскимъ словомъ *subside*. У насъ субсидія говорится о денежномъ пособіи, даваемомъ журналамъ для ихъ поддержанія. Во Французскомъ языкѣ, такое пособіе техниками называется *subvention*, и мы лучше бы сдѣлали, если бы для выраженія нашей субсидіи взяли слово субвенція. Между этими словами есть легкій, но довольно знаменательный оттѣнокъ, тотъ самый, который въ Русскомъ языкѣ существуетъ между: помощь, пособіе, и подспорье, поддержка. Въ интересѣ *мысли*, для точнаго выраженія ея, не надо легко трактовать и оттѣнки.

(3) Царство Польское вообще, а Варшаву въ особенности, нѣкоторые справедливо называютъ Новымъ Іерусалимомъ. Нечего грѣха таить: ни для кого это уже не тайна, что тамъ Евреи играютъ очень важную роль, чтобы не сказать болѣе.

Кромѣ современныхъ, есть и историческія обстоятельства, сложившіяся для установленія такого положенія, а между ними одно, можетъ быть главное, иностранцамъ мало извѣстное есть слѣдующее. Предки теперешнихъ дворянъ были пламенные религіянты; они ввели законъ, въ силу котораго окрестившійся Еврей ipso facto пріобрѣталъ потомственное дворянство. Ревность ихъ доходила до того, что для бо̀льшаго распространенія христіанства, они жертвовали даже тѣмъ, что̀ для нихъ было самое драгоцѣнное, что̀ они назы-

гали своимъ *клейнодомъ*, то есть дворянскимъ гербомъ и фамиліею. Они старались обращать какъ можно болѣе Евреевъ и большею частію достигали этого помощью денегъ и обѣщаннаго покровительства. Крестный отецъ нерѣдко дарилъ крестнику свой гербъ, а иногда и фамилію. Естественно, что многіе Евреи прельстились этими щедротами. Такимъ образомъ въ среду дворянства вкралось не мало чуждаго элемента, и не рѣдко въ родахъ Еврейскаго происхожденія встрѣчаются и теперь аристократическіе гербы и фамиліи. Но какъ почти всѣ новообращенные перемѣняли вѣру не по убѣжденію, а въ виду предстоявшихъ имъ выгодъ, то неудивительно, что очень многіе принимали христіянство только наружно и исполняли его обряды, но въ душѣ оставались Евреями и въ такомъ же духѣ воспитывали своихъ, хотя также крещеныхъ потомковъ.

Къ тому же, еще въ послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой, явился въ Варшавѣ Молдаванскій Еврей *Франкъ*, котораго Евреи признавали своимъ Мессіею. Онъ открыто заявлялъ, что имѣетъ призваніе согласить Моисеевъ законъ съ новозавѣтною идеею и проповѣдывалъ своимъ единовѣрцамъ потребность креститься, (быть можетъ также съ заднею мыслью). Многіе послѣдовали его ученію, и число неофитовъ въ Польшѣ значительно увеличилось Франкистами. Вотъ этихъ-то всѣхъ сомнительныхъ христіянъ и называютъ полу-евреями.

Но не входя въ сужденіе объ искренности христіянизма неофитовъ, достовѣрно то, что и они, и некрещенные Евреи одарены драгоцѣнными качествами, чуждыми и почти противоположными природѣ Славянской. Они неутомимо дѣятельны и постоянны въ стремленіи къ предвзятой цѣли, разсчетливы, трезвы и, что̀ главное, проникнуты духомъ братской любви другъ къ другу, чувствомъ долга взаимной помощи. По этому преобладаніе Еврейскаго элемента во всякой Славянской странѣ, въ какой бы онъ ни нашелся, столько естественно, сколько и неминуемо.

(4) Эти слова напоминаютъ мнѣ разговоръ, который я имѣлъ, по какому-то частному случаю, съ извѣстнымъ начальникомъ III-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, генераломъ Дубельтомъ. Мы разсуждали о тайной полиціи вообще; я разсказалъ, изъ только что прочитаннаго описанія путешествія по Россіи Англичанина Leitch Richie, сужденіе туриста объ этомъ предметѣ. Такое учрежденіе какъ III Отдѣленіе, онъ признавалъ раціональнымъ и даже необходимымъ въ чисто-монархическомъ государствѣ. Онъ хвалилъ Мордвинова, предмѣстника Дубельта, съ которымъ нарочно познакомился, такъ какъ одною изъ задачь его путешествія было приглядѣться къ несуществующему въ Англіи учрежденію политической полиціи.

Рѣчь зашла о детективномъ искусствѣ *) вообще, и я сказалъ: «Мнѣ кажется, что въ производимыхъ дознаніяхъ есть одинъ элементъ, который вамъ, господа, много мѣшаетъ. Это излишняя утонченность соображеній и догадокъ; ею, во многихъ случаяхъ, далеко обгоняется цѣль. Часто Крыловскій «ящикъ просто открывается», а вы доискиваетесь чего-то глубокаго и необыкновеннаго. Вы напередъ уже полагаете, что всякій допрашиваемый субъектъ лжетъ. Въ большей части случаевъ вы, можетъ быть, и правы; но что бываетъ тогда, когда допрашиваемый, по простотѣ ли, или слѣдуя Талейранову правилу въ дипломатіи, говоритъ сущую правду? Вы ему не повѣрите, конечно, и будете напрягать силы вашего умозрѣнія, чтобы въ его словахъ поймать ложь, будете пускаться во всевозможныя исчисленія вѣроятностей и догадки, и такимъ образомъ хитрый, но только потому хитрый что правдивый, субъектъ, вовлечетъ васъ въ блудный кругъ фантазіи, по которому придется вамъ долго вращаться, все болѣе и болѣе удаляясь отъ искомаго иксъ.»

Дубельтъ призналъ мое замѣчаніе справедливымъ въ общихъ положеніяхъ, сказалъ, что

*) Искусствѣ вывѣдывать? *П. Б.*

и съ нимъ бывали, впрочемъ очень рѣдкіе, случаи въ родѣ предполагаемыхъ мною, но что онъ скоро выбивался изъ блуднаго круга. Онъ заключилъ умнымъ замѣчаніемъ, извлеченнымъ изъ долговременной опытности: именно, что въ человѣческихъ дѣлахъ вообще, истины нужно искать не на крайнихъ полюсахъ, что она обыкновенно находится по самой серединѣ, или близко къ ней. Это правило, по моему мнѣнію, имѣетъ весьма обширное примѣненіе. (См. Edgar Poë, *Tales of mystery*).

(5) Тутъ одно замѣчательное обстоятельство. Въ то время когда печатались упомянутыя сочиненія, извѣстный Сигизмундъ Сѣраковскій (въ послѣдствіи офицеръ генеральнаго штаба, а въ 1863 году начальникъ одной шайки Польскихъ мятежниковъ, въ томъ же, или въ слѣдующемъ году казненный въ Вильнѣ) былъ студентомъ Петербурскаго университета. Уроженецъ Волынской губерніи, онъ былъ знакомъ съ графомъ Ржевускимъ, тамошнимъ помѣщикомъ. Сѣраковскій былъ очень бѣденъ, графъ помогалъ ему и принималъ его у себя въ домѣ. Когда нужно было сообщать редактору Тигодника листы сочиняемаго еще тогда Листопада, а потомъ Краковскаго За́мка, то для этого Ржевускій давалъ свои черновыя перебѣлять Сѣраковскому съ платою по 15 коп. за листъ, что̀ и доставляло послѣднему средства къ жизни, которыхъ онъ въ то время рѣшительно не имѣлъ.

Увидѣвъ его въ первый разъ у Ржевускаго, я былъ пораженъ необыкновенною безобразностію и какимъ-то гнуснымъ, нахальнымъ выраженіемъ его лица. Но онъ еще болѣе озадачилъ меня развязностію своихъ пріемовъ и дерзостію рѣчей въ высшей степени *красныхъ*. (Тогда, въ сороковыхъ годахъ, коммунизмъ былъ въ большей модѣ въ западномъ и югозападномъ краѣ).

Но вотъ эпизодъ, лучше сказать фокусъ, устроенный Ржевускимъ и къ которому главною пружиною былъ Сѣраковскій. Эпизодъ этотъ характеризуетъ также и личность Ржевускаго съ его странностями и немалою дозою діогеновой закваски.

Было насъ нѣсколько человѣкъ, составлявшихъ съ графомъ Ржевускимъ интимный кружокъ, и мы собирались то у одного, то у другаго изъ насъ на дружескія бесѣды. Главнымъ предметомъ ихъ была текущая литература. Въ одинъ изъ очередныхъ четверговъ Ржевускаго, мы собрались у него, именно митрополитъ Головинскій, Ф. Малевскій, Л. Штюрмеръ и я. Мы удивились, заставъ тамъ почти никому изъ насъ незнакомаго студента Сѣраковскаго. Только эксцентрическому хозяину могла прійти мысль ввести въ нашу интимную *conversazione* такой чуждый элементъ. Но его тѣшила игра контрастовъ въ въ этой смѣси и неловкость положенія, въ которой мы себя чувствовали. Вскорѣ послѣдовала и приготовленная имъ развязка. Самъ Ржевускій завелъ разговоръ о различіи сословій, о доблестныхъ качествахъ, врожденныхъ людямъ, происходящимъ изъ древняго дворянства, и т. п. Давно зная діалектическія уловки графа Генриха, мы догадывались, что его спичь только вступленіе къ какому нибудь сюрпризу. И вотъ вдругъ нашъ студентъ вскакиваетъ со стула въ страшномъ, «воинственномъ азартѣ». Волосы всклокоченные, глаза и щеки пылающіе благороднымъ гнѣвомъ. Онъ не даетъ графу докончить и, не смотря на присутствіе графини, громовымъ голосомъ, съ Каратыгинскими жестами, вскрикиваетъ: «Когда же наконецъ вылечитесь отъ вашихъ гнусныхъ предразсудковъ! Вы гордитесь знатностію рода, а я горжусь тѣмъ, что отецъ у меня мясникъ! (Ложь, онъ былъ хорошій дворянинъ). Да, горжусь этимъ.... (тутъ трясетъ кулаками подъ носъ хозяину), да, и буду продолжать ремесло отца.... да, буду рѣзать, только рѣзать не невинныхъ быковъ и барановъ..... а... а... Dixi». Тутъ Сѣраковскій сѣлъ, запыхаясь отъ волненія, и утеръ вспотѣвшее лицо.

Графъ, съ своею сардоническою усмѣшкою, осмотрѣлъ насъ кругомъ, какъ бы спрашивая: «что̀, каковъ молодецъ?» Но митропо-

литъ всталъ съ негодованіемъ и простился. Возвратясь домой, въ духовную католическую академію, которой онъ былъ также и ректоромъ, высокопреосв. Головинскій отдалъ приказаніе, чтобы Сѣраковскаго, заходившаго иногда къ знакомымъ воспитанникамъ, впередъ и въ ворота не впускать. За митрополитомъ и мы всѣ удалились, унося съ собою тяжелое впечатлѣніе.

При слѣдующемъ свиданіи, Ржевускій подтрунивалъ надъ нами. «Благодарите меня, говорилъ онъ, я вамъ показалъ специменъ настроенія, до котораго мы дожили, и такой специменъ, какого безъ меня вамъ бы никогда не увидать. Я же не брезгаю ничѣмъ: для моихъ студій нужны и такіе экземпляры». Однакожъ митрополитъ сдѣлалъ ему строгій выговоръ и сказалъ, что болѣе къ нему не поѣдетъ, если будетъ тамъ встрѣчаться съ Сѣраковскимъ. Съ тѣхъ поръ послѣдняго мы уже у Ржевускаго не видывали.

ЕЩЕ ЗАМѢТКА.

Въ предъидущей статьѣ мы выказали неточности, вкравшіяся въ главѣ IV-й Записокъ Н. В. Берга о послѣднемъ Польскомъ заговорѣ. Теперь приходится намъ сдѣлать тоже самое относительно нѣкоторыхъ мѣстъ въ V главѣ тѣхъ же Записокъ, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года.

Въ столбцѣ 546 сказано: „главный „директоръ коммиссіи финансовъ ...... „Ленскій, воспитанный въ Петербургѣ, „считавшійся почти Русскимъ, подалъ „въ отставку.“

Откуда авторъ взялъ свѣдѣніе, что г. Ленскій *воспитывался въ Петербургѣ*, мы не беремся догадываться; но не можемъ допустить, чтобы это свѣдѣніе онъ почерпнулъ въ самой Варшавѣ, гдѣ вся жизнь и карьера г. Ленскаго всѣмъ хорошо извѣстны. Гдѣ бы ни воспитывался г. Ленскій, но положительно то, что онъ не зналъ порусски, и поэтому совершенно необъяснимо, какъ въ Варшавѣ могли его считать почти Русскимъ. Онъ, въ двадцатыхъ годахъ, пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ Петербургъ съ княземъ Любецкимъ, тогдашнимъ министромъ финансовъ Царства, въ качествѣ чиновника того же вѣдомства. Онъ былъ тогда блестящимъ молодымъ человѣкомъ, получилъ званіе каммергера и имѣлъ большой успѣхъ въ салонахъ высшаго столичнаго общества. Всякій разъ онъ оставался недолго и возвращался съ княземъ въ Варшаву. По отъѣздѣ князя въ 1831 году въ Петербургъ (гдѣ онъ остался до своей кончины членомъ Государственнаго Совѣта) г. Ленскій былъ директоромъ Департамента Государственныхъ Имуществъ, при новомъ министрѣ, Моравскомъ, оставаясь въ прежней службѣ, а по смерти послѣдняго поступилъ на его мѣсто главнымъ директоромъ, то есть министромъ финансовъ. По увольненіи отъ должности министра статсъ секретаря Царства, покойнаго Тымовскаго, г. Ленскій былъ назначенъ на его мѣсто, и также, какъ и предмѣстники его, членомъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ.

Когда онъ былъ назначенъ министромъ статсъ-секретаремъ, то привезъ съ собою въ Петербургъ довѣреннаго чиновника, который читалъ и переводилъ ему Русскія бумаги, а вмѣстѣ и обучалъ первымъ началамъ языка. Всеподданнѣйшіе доклады, съ которыми г. Ленскій ѣздилъ по вторникамъ къ Государю, писались въ статсъ-секретаріатѣ порусски, но министръ имѣлъ позволеніе объясняться словесно пофранцузски и все собственноручное писать на этомъ же языкѣ.

Г. Ленскій занималъ и теперь занимаетъ (онъ членъ Государственнаго Совѣта) на столько высокія служебныя положенія, что современники его должны бы имѣть объ немъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія; особенно тѣ изъ нихъ, которые пишутъ историческія статьи.

Г. Бергъ сдѣлалъ еще одну ошибку въ той же главѣ, въ исчисленіи ординацій или маіоратовъ, учрежденныхъ на

территоріи бывшаго Польскаго королевства. Въ этомъ исчисленіи пропущена владѣемая теперь генералъ-адъютантомъ княземъ Львомъ Радзивилломъ ординація Клецкая и Давидгродецкая. Другая Радзивилловская ординація, вѣроятно по типографской ошибкѣ, названа „на Ольщѣ“; слѣдуетъ читать: *на Олыкѣ*.

Мы просимъ г. Берга вѣрить, что одно лишь чувство долга способствовать по возможности къ очищенію исторической истины отъ всего ей чуждаго, побуждаетъ насъ указывать на погрѣшности въ его произведеніяхъ. Мы первые отдаемъ имъ заслуженную справедливость, мы принадлежимъ къ искреннимъ почитателямъ его прекраснаго таланта; но...... magis amica veritas.

О. Пржецлавскій.

ИЗЪ ЧАСТНАГО ПИСЬМА ПОКОЙНАГО ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БОТКИНА.

Варшава, 14 Марта 1864.

.... Здѣсь, какъ оградить себя отъ волненій и раздраженія? Жгучій Польскій вопросъ чувствуется здѣсь во всей своей ядовитой силѣ. Вѣдь достаточно сколько нибудь понимать дѣло, которое затѣяли Поляки, чтобъ всякое Русское сердце почувствовало неизгладимую обиду. А здѣсь чувствуется это Польское дѣло на каждомъ шагу. Правда, переломъ совершился, Варшава придавлена и начинаетъ ощущать силу Русскаго правительства, но она далеко еще не покорилась необходимости. Ненависть, ничѣмъ не примиримая вражда къ Россіи и къ Русскимъ, проступаютъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ было всегда, такъ будетъ всегда. Боже мой! Какимъ заблужденіемъ было думать о какой бы то ни было автономіи въ Польшѣ! Только недостатокъ политическаго смысла и безсмысленное либеральничанье могли породить въ иныхъ Русскихъ людяхъ ихъ безсмысленныя симпатіи къ Полякамъ, — этимъ кореннымъ, вѣчнымъ врагамъ Россіи и Русскаго народа. Сюда бы, на эту бы почву, всю поросшую ядовитыми гадами, послать всѣхъ Русскихъ людей, безсмысленно симпатизирующихъ Полякамъ.

Я дѣлаю надъ собой чрезмѣрныя усилія, чтобы писать къ вамъ эти строки. Можетъ быть со временемъ привычка (вотъ ужъ подлинно чудовище — привычка!) сдѣлала бы меня спокойнѣе и хладнокровнѣе. Но теперь, впечатлѣнія такъ необычайны, такъ сильны, что хилой организмъ мой изнемогаетъ и не можетъ вынести долѣе.

Николай Алексѣевичъ *) здоровъ.... Ему не достаетъ времени на прогулку пѣшкомъ, а это необходимо. Задумчивость и забота не покидаютъ его лица. Живущіе въ Петербургѣ не знаютъ и не понимаютъ той тягости, того безмѣрнаго труда, какой принялъ онъ на себя въ этомъ краѣ, гдѣ все враждебно или равнодушно.

...Прощайте, — въ сердцѣ накопилось многое, но я не въ силахъ писать теперь. Завтра выѣзжаю въ Берлинъ, отдохну тамъ отъ здѣшнихъ невыносимыхъ волненій.

В. Боткинъ.

P. S. Признаки перелома уже начинаютъ оказываться. Поляки кланяются своимъ Русскимъ знакомымъ, становятся вкрадчиво-ласковы, въ особенности женщины; но *шляпъ* еще нѣтъ между ними: вы знаете, что шляпа есть символъ приверженности къ Русскому правительству, и жондъ запретилъ ихъ носить.

*) Милютинъ. *И. Б.*

В. Н. Панинымъ.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе Императрицы Екатерины II.—Бумаги кн. Н. В. Репнина.—Записка князя А. А. Черторыжскаго, 26 Іюня 1807 года.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія.

Томъ VII. Бумаги Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, собраны и изданы съ Высочайшаго соизволенія, по предначертанію Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, академикомъ Пекарскимъ (здѣсь помѣщено болѣе 400-тъ преимущественно собственноручныхъ бумагъ Императрицы съ 1744 по 1764 г. включительно).

Томъ VIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Часть II.

Къ каждому тому приложенъ Азбучный указатель собственныхъ именъ.

Цѣна первымъ двумъ томамъ по **два** рубля, а послѣднимъ шести по **три** рубля. Иногородные прилагаютъ за пересылку каждаго тома за **три** фунта по разстояніямъ (цѣны означены въ календаряхъ)

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

издаваемый **П. Бартеневымъ**

(издателемъ Русскаго Архива)

Въ первой книгѣ этого сборника помѣщены между прочимъ:

1. Біографія Е. А. Головина, соч. *Ю. В. Толстаго.*
2. Записки *Н. В. Басаргина.*
3. Записка о духовномъ союзѣ Татариновой (по неизданнымъ бумагамъ).
4. Дневникъ художника *Боровиковскаго.*
5. Записка *князя Грабе-Горскаго.*
6. Новыя автобіографическія показанія *Магницкаго.*
7. Воспоминанія о Венгерской кампаніи, *Д. П. Сонцова.*
8. Крестьяне Царства Польскаго въ 1863 г.
9. Неизданныя бумаги и письма Рылѣева, статьи и воспоминанія о немъ.
10. Письма Рылѣева къ Пушкину и Пушкина къ Нащокину.
11. Письма Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной.
12. Обозрѣніе жизни и царствованія императора Александра Павловича, *Н. В. Путяты.*

Цѣна первой книги „XIX Вѣка“—*три* рубли, пересылка за 3 фунта по разстояніямъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1872

(ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ выходитъ въ 1872 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя девять лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1872 года (12 тетрадей котораго разсылаются *по мѣрѣ отпечатанія* и составятъ до 2000 и выше страницъ четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1872 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.*

Тетради Русскаго Архива **отдѣльно не** продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: **для** Германіи и Бельгіи — **1** р. **50** к., для Франціи — **2** р., для Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Русскій Архивъ 1872 года вмѣстѣ съ первыми двумя книгами XIX Вѣка— **ДВѢНАДЦАТЬ** р. съ пересылкою. Вмѣстѣ съ первыми 4 книгами XVIII Вѣка цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1872 года— **ШЕСТНАДЦАТЬ** рублей, съ пересылкою.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**

ОСТАВШІЕСЯ (СОЕДИНЕННЫЕ ВЪ ОДНУ КНИГУ) ЭКЗЕМПЛЯРЫ РУССКАГО АРХИВА ЗА 1870 И 1871 Г. МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ПО ШЕСТИ РУБЛЕЙ (ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЕТСЯ).

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ 2-я книга XIX вѣка.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

6. 1872.

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Къ сей тетради прилагается большой гравированный портретъ Петра Великаго. Московскіе и Петербургскіе читатели Русскаго Архива безплатно получаютъ его изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они подписались. Изъ другихъ городовъ желающіе получить портретъ, благоволятъ высылать за три фунта взимаемой почтовымъ вѣдомствомъ пересылочной платы, по разстояніямъ.

МОСКВА.
Типографія Грачева и К. у Пречист. вор. д. Шиловой.
1872.

ВЪ РЕДАКЦІИ РУССКАГО АРХИВА МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ПЕРВЫЕ ВОСЕМЬ ТОМОВЪ

СБОРНИКА

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Томъ I. Рескрипты и письма Императрицы Екатерины II на имя гр. А. Г. Орлова.—Бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой.—О мемуарахъ герцога Карла Фридриха, отца Императора Петра III. Барона М. А. Корфа.—Письма Императрицы Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ.—Письма Императрицы Екатерины II къ г-жѣ Жоффренъ.—Письмо Императрицы Екатерины II къ преосвященному Псковскому.—Письмо Вольтера къ Императрицѣ Екатеринѣ II. Письмо маркиза де Лафайета къ барону Гримму. Письмо фельдмаршала графа Суворова къ статсъ-секретарю Турчанинову.—Донесеніе Императрицѣ Екатеринѣ II сенаторовъ Державина, Храповицкаго и Новосильцова о бюджетѣ 1794 года.—Письма графа Аракчеева.—Учебныя книги и тетради Великаго Князя Александра Павловича.—Дневная записка путешествія Императрицы Екатерины II въ Могилевъ.—Переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи Іезуитскаго новиціата. Князя М. А. Оболенскаго.

Томъ II. Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ первые годы царствованія Императора Александра I. Статья К. К. Злобина.—Новые документы по дѣлу Новикова.—Собственноручная записка графа Поццо ди Борго о немъ самомъ, 1-го Іюля нов. ст. 1804 года.—Депеши графа Литты, посланника Мальтійскаго ордена въ С.-Петербургѣ.—Извлеченіе изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова.—Записка барона Т. Димсделя о пребываніи его въ Россіи.—Собственноручное письмо Императора Петра II.—Историческая записка о происхожденіи и послѣдствіяхъ моей (барона Фридриха Мельхіора Гримма) преданности Императрицѣ Екатеринѣ II, до кончины Ея Величества.—Законодательная Коммиссія при Императорѣ Петрѣ II, 1728 года. Статья Д. В. Полѣнова.—Записка Императрицы Екатерины II графу Ивану Чернышеву.

Томъ III. Записка Трощинскаго о министерствахъ.—Записка графа Іоанна Каподистріа о его служебной дѣятельности.—Отвѣтное письмо графа Іоанна Каподистріа Петро-Бею, вождю Спартанцевъ.—Инструкція, данная Императрицею Екатериною II-ю, генералъ-маіору фонъ-Ребиндеру.—Шесть писемъ Императора Александра I-го къ княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи.

Томъ IV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Часть I.

Томъ V. Письма Императора Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу. Сообщено Е. И. В. Государемъ Цесаревичемъ Наслѣдникомъ.—Проектъ кн. М. Н. Волконскаго о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ.—Бумаги князя Н. В. Репнина.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе Императрицы Екатерины II.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ Императору Александру I.—Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевскомъ бунтѣ. Сообщено

ЗАПИСКИ ВЕБЕРА.

Фридрихъ Христіанъ Веберъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ иноземныхъ бытописателей Петровскаго времени, которые въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ лично, въ самой Россіи, наблюдали дѣла великаго преобразователя.

Въ Февралѣ 1714 г., Веберъ впервыя пріѣхалъ въ Петербургъ, въ качествѣ Брауншвейгъ-люнебургскаго резидента и, оставаясь въ этой должности, почти безвыѣздно прожилъ въ Россіи, въ Петербургѣ или въ Москвѣ, смотря по мѣстопребыванію Двора, до конца 1719 года. Въ продолженіи этихъ почти шести лѣтъ онъ постоянно, хотя и не изо дня въ день, велъ записки, въ родѣ дневника или журнала (какъ онъ самъ ихъ называетъ), въ которыя вносилъ всё замѣчательное, что̀ случалось ему видѣть, слышать или дознать отъ различныхъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ въ Россіи. Эти-то записки, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ посторонниxъ свѣдѣній (о Китаѣ, Остякахъ и пр.) Веберъ, въ 1721 г., по возвращеніи своемъ въ Германію, издалъ въ свѣтъ, безъ обозначенія своего имени, подъ слѣдующимъ довольно пространнымъ заглавіемъ: «Das Veränderte Russland, in welchem die jetzige Verfassung des Geist-und Weltlichen Regiments; der Krieges-Staat zu Lande und zu Wasser; wahre Zustand der Russischen Finantzen; die geöffneten Berg-Wercke, die einfuhrte Academien, Künste, Manufacturen, ergangene Ferordnungen, Geschäffte mit denen Asiatischen Nachbahren und Vassalen, nebst der allerneusten Nachricht von diesen Völkern, die Begebenheiten des Tzarewitzen, und was sich sonst merkwürdiges in Russland zugetragen, nebst verschiedenen andern bisher unbecandten Nachrichten, in einem bis 1720 gehenden Journal vorgestellet werden, mit einer accuraten Land-Karte und Kupfferstichen versehen. Francfurt. 1720 An. in 4-°.

Позднѣе, по смерти уже императора Петра І-го, Веберъ въ другой разъ былъ въ Россіи, прожилъ въ ней около пяти лѣтъ и потомъ, возвратившись снова на родину, издалъ въ 1738 году (въ Ганноверѣ), 2-ю часть «Преобразованной Россіи», въ которой излагаетъ послѣдніе годы царствованія и кончину Петра Великаго. Изданная также безъ имени автора, эта 2-я часть составлена не на основаніи уже личныхъ наблюденій, а по различнымъ источникамъ и большею частію по актамъ въ Россіи напечатаннымъ. Черезъ годъ съ небольшимъ, именно въ 1740 году, Веберъ издалъ 3-ю и послѣднюю часть своей «Преобразованной Россіи», въ которой (всё таки безъ означенія своего имени) описываетъ царствованія императрицы Екатерины І-й и императора Петра ІІ-го.

Во всѣхъ этихъ 3-хъ частяхъ сочиненія, главною задачею Вебера было представить читателямъ тѣ изумительныя перемѣны, которыя совершилъ Петръ Великій въ короткое время въ своемъ обширномъ государствѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить, какимъ образомъ произведены были эти перемѣны. Мысль эту проводитъ онъ и въ 3-ей части своего сочиненія, изображая императрицу Екатерину І-ю и императора Петра ІІ-го продолжателями намѣреній и дѣлъ Петра Великаго. Задаваясь такою цѣлью, Веберъ оставляетъ въ сторонѣ политическія и военныя дѣла̀ Россіи и обозрѣваетъ только внутреннія ея преобразованія, при чемъ, въ сказаніяхъ своихъ о Петрѣ и его государствѣ, обнаруживаетъ спокойствіе въ сужденіяхъ и близкое знакомство съ тогдашнимъ состояніемъ нашего отечества.

Этими достоинствами, впрочемъ, преимущественно отличается 1-я часть труда Вебера, которая и обратила на себя особенное вниманіе образованной части современной ему Европы. Такъ мы видимъ, что въ самой Германіи она выдержала нѣсколько изданій: 1721, 1729, 1738—1739, и 1744 г.); а вскорѣ за

выходомъ ея въ Германіи появились Французскіе и Англійскіе ея переводы. *)

Русскаго перевода «Преобразованной Россіи» Вебера, ни полнаго, ни въ отрывкахъ, до сихъ поръ еще небыло. Желая хотя отчасти пополнить этотъ пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ, предлагаемъ здѣсь переводъ первой части этого сочиненія, въ которой читатели найдутъ много интересныхъ и важныхъ сказаній о Петрѣ Великомъ и его времени, не встрѣчаемыхъ ни у какого другаго иноземнаго писателя. Эту первую часть, впрочемъ, передаемъ не вполнѣ, а только ту значительную ея половину, которая составляетъ собственныя записки Вебера и которая представляетъ наибольшій интересъ для Русскаго читателя. Такимъ образомъ мы пропускаемъ находящіяся въ подлинникѣ: описаніе Китайской Имперіи инженера Лангена, свѣдѣнія объ Остякахъ Миллера, многіе документы по слѣдственному дѣлу царевича Алексѣя (взятые Веберомъ изъ Русскихъ печатныхъ актовъ), извлеченіе Вебера изъ Путешествія въ Россію Голландца Бруина и наконецъ описаніе Петербурга, составленное Веберомъ (по видимому) по Русскому же сочиненію, вышедшему въ Россіи въ 1716 году.

Предлагаемый переводъ сдѣланъ съ Нѣмецкаго изданія 1744 года (4-го по нашему счету), которое, впрочемъ, ничѣмъ не отличается отъ 1-го изданія 1721-го года и которое предпочли мы потому, что въ немъ исправлены орѳографическія и типографскія погрѣшности предшествовавшихъ изданій.

Павелъ Барсовъ.

*) Намъ извѣстно два Французскихъ перевода: первый — въ Гагѣ — подъ заглавіемъ: Memoires pour servir à l'histoire de l'Empire Russien, и 2-й въ Парижѣ въ 1725 году. О повторныхъ изданіяхъ 2-й и 3-й части Вебера на Нѣмецкомъ и о переводахъ ихъ на другіе языки нигдѣ указаній мы не отъискали.

Записки о Петрѣ Великомъ и его царствованіи Брауншвейгскаго резидента Вебера.

1. Въ 1713 году военныя дѣйствія въ Голштиніи закончились сдачею арміи Штейнбока [1]), и царь, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, уѣхалъ въ Петербургъ. Туда за нимъ послѣдовалъ и я, и 22 Февраля 1714 г. пріѣхалъ въ Данцигъ, гдѣ не нашелъ никакой перемѣны, кромѣ присутствія тамъ герц. Курляндскаго Фердинанда.

2. Неудовольствія, продолжающіяся до сихъ поръ между нимъ и Курляндскимъ дворянствомъ, принуждаютъ его, во избѣжаніе дальнѣйшаго озлобленія, постоянно жить теперь въ Данцигѣ и вести очень скромную жизнь.

3. На всемъ протяженіи большой дороги отъ Мемеля до Митавы, я рѣшительно не нашелъ ни домовъ, ни людей, ни скота, потому что всѣ возможныя бѣдствія свирѣпствовали въ этомъ герцогствѣ и, по произведенной переписи, въ немъ осталась только 8-я часть бывшаго прежде населенія.

4. Вся Курляндія раздѣлена на четыре главныя начальства и управляется такимъ же числомъ верховныхъ совѣтовъ изъ знатнѣйшихъ представителей страны. Герцогъ Фердинандъ отмѣнилъ всѣ учрежденія и перемѣны, совершенныя въ Курляндіи его предшественникомъ, сыномъ брата его, и не призналъ за нимъ даже совершеннолѣтія. Объявивъ, что блаженной памяти покойный герцогъ не имѣлъ права предпринимать что либо самовластно, безъ участія и соизволенія республики Польской и короля (своего леннаго

[1]) Шведскій генералъ Штейнбокъ сдалъ свою армію союзникамъ, т. е. Россіи, Даніи и Польшѣ. Подробности см. въ Запискахъ Бассевича, въ Р. Архивѣ 1865, изд. 2-е, стр. 101.

государя и прямого господина¹), нынѣшній герцогъ не хочетъ признавать состоявшагося между помянутымъ предшествовавшимъ ему государемъ и среднею принцессою царя Ивана договора о приданомъ (pacta dotalitia) и объ обѣщанныхъ ежегодно прожиточныхъ деньгахъ, положенныхъ свыше средствъ страны, въ 40 тысячъ рублей. Тѣмъ не менѣе вышло такъ, что деньги эти до сихъ поръ выбираются съ Курляндіи.

5. Въ Ригѣ я нашелъ положеніе дѣлъ еще болѣе плачевнымъ, потому что моровая язва выхватила изъ нея 60000 человѣкъ, а 8000 Русскихъ бомбъ, брошенныхъ въ домá во время осады, оставили печальную картину разрушенія.

6. Передъ сдачею города, многія семейства бѣжали; а оставшіяся жаловались особенно на то, что Поляки не платятъ имъ долговъ, которые простираются на нѣсколько милліоновъ, а получить ихъ они мало надѣялись, или вовсе не надѣялись, тѣмъ болѣе, что проценты по этимъ долгамъ давно уже превысили капитальную сумму.

7. Пріѣхавъ въ Ригу, я узналъ, что черезъ нѣсколько дней туда намѣренъ былъ прибыть и царь, чтобы обозрѣть укрѣпленія города.

8. Граждане неусыпно хлопотали надъ украшеніемъ своихъ домовъ, желая привѣтствовать царя великолѣпною встрѣчею и всевозможными знаками почета и преданности.

9. Все это очень понравилось Его Величеству по прибытіи его, и онъ увѣрялъ мѣстныя власти въ своей неизмѣнной къ нимъ на будущее время милости, а также и въ томъ, что онъ желаетъ оставить за городомъ всѣ благопріобрѣтенныя имъ вольности (die Stadt bei ihren wohlhergebrachten Freyheiten ungekränckt lassen).

10. Угнетенные граждане довольно ясно дали понять, между прочимъ, что, должно быть, царь не получилъ достаточныхъ свѣдѣній о Лифляндской бѣдности, и я замѣтилъ при этомъ случаѣ, что дворяне, по причинѣ отобранія у нихъ имуществъ прежнимъ Шведскимъ правительствомъ и въ надеждѣ получить оныя теперь обратно, охотнѣе желали находиться подъ Русскимъ владычествомъ; граждане же и крестьяне, напротивъ, желали бы остаться вѣрными прежнему правительству своему.

11. 23 Февраля царь снова возвратился въ Петербургъ, гдѣ, вмѣсто воображаемаго мною порядочнаго города, я нашелъ тогда кучу сдвинутыхъ другъ къ другу селеній, похожихъ на селенія Американскихъ колоній; нынѣ же городъ этотъ, по своимъ роскошнымъ дворцамъ, по количеству домовъ, которыхъ считается до 60000 и въ особенности по тому короткому времени, въ которое они были выстроены, по справедливости можетъ считаться чудомъ свѣта. ²)

12. Ссылаюсь при этомъ на подробное и точное описаніе этого обширнаго города и округа его, напечатанное въ началѣ прошедшаго года съ приложеніемъ плановъ.

13. Только что пріѣхалъ я въ эту новую столицу, какъ адмиралъ Апраксинъ задалъ для всего Двора великолѣпный пиръ, на который, по приказанію Его Величества, адмиралъ пригласилъ и меня.

14. Это былъ первый день поступленія моего въ обученіе, и я долженъ былъ поплатиться за оное горькою платою. Такъ, когда я подошелъ къ офицеру, стоявшему на стражѣ у

²) Писано около 1872 г. Сличи ниже § 31-й.

входа въ залу, съ просьбою пропустить меня, онъ отказалъ мнѣ въ грубыхъ выраженіяхъ и погрозилъ бердышемъ; когда же я сослался на мое право и на приглашеніе, то меня пренагло вытолкали въ низъ по лѣстницѣ.

15. Но я тотчасъ же, черезъ одного изъ моихъ друзей, сообщилъ Двору о моемъ непріятномъ воздушномъ прыжкѣ, и тотъ же самый офицеръ, извиняясь сколько возможно передо мною, принужденъ былъ ввести меня въ залу, гдѣ отъ одного изъ министровъ выслушалъ я слѣдующее поученіе: такъ какъ Русскіе не знали и не знаютъ моего отечества, то въ моемъ простомъ, хотя и опрятномъ, кафтанѣ, я могу подвергнуться еще большей опасности, если не прикажу обшить его по всѣмъ швамъ серебромъ или золотомъ и если передо мной не будетъ пары слугъ, которые бы кричали: «поди прочь!»

16. Лекцію эту я выучилъ наизусть и не имѣлъ рѣшительно времени помнить о моемъ учителѣ танцованія, потому что дюжина бокаловъ Венгерскаго и двѣ кварты водки, которыя я долженъ былъ выпить въ два пріема изъ рукъ и теперь еще здравствующаго вице-царя Ромодановскаго, отняли у меня всякое чувство и разумъ; впрочемъ утѣшеніе оставалось мнѣ въ томъ, что почти всѣ другіе гости спали уже на полу, и никто по этому не могъ замѣтить оплошности другаго.

17. На слѣдующее утро я имѣлъ честь присутствовать въ канцеляріи вмѣстѣ съ однимъ отвратительнымъ Калмыцкимъ посланникомъ.

18. Посланникъ этотъ подалъ великому канцлеру свертокъ бумаги отъ своего повелителя-хана, подвластнаго царю, бросился на полъ и долго что-то бормоталъ по своему сквозь зубы; великій канцлеръ велѣлъ бывшему тутъ переводчику, изъ Евреевъ. перевести привѣтствія посла и за тѣмъ приказалъ дать ему такой краткій отвѣтъ: «хорошо!»

19. Какъ только этотъ господинъ посолъ (у котораго, по обычаю его страны, на маковкѣ совершенно обритой головы висѣла до самаго затылка коса волосъ), остался одинъ, то тотчасъ же принялъ на себя свой обычный угрюмый видъ и на наши распросы давалъ короткіе отвѣты. Отъ нѣкоторыхъ Русскихъ, впрочемъ, мы узнали, что въ числѣ подарковъ онъ привезъ царю искусно сдѣланное въ его странѣ сѣдло изъ чистаго желѣза, а царицѣ, отъ супруги хана, нѣсколько шелковыхъ мѣшковъ, наполненныхъ винными ягодами и другими туземными плодами.

20. Я оставилъ это грязное сообщество и отправился къ знатнѣйшимъ особамъ Русскаго двора, чтобы исполнить передъ ними принятую во всѣхъ образованныхъ странахъ обязанность и познакомиться съ ними.

21. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Россіи вовсе нѣтъ обыкновенія докладывать о себѣ, и потому очень бываетъ трудно переговорить съ какимъ нибудь вельможею.

22. Обстоятельства этого я не зналъ и такъ какъ ни одинъ слуга у одного извѣстнаго боярина не хотѣлъ доложить обо мнѣ, то я долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что долгонько таки помёрзъ на дворѣ, пока его свѣтлость изволилъ выйти и на мое привѣтствіе спросилъ меня: «не имѣю ли я еще чего нибудь до него?» Когда же я отвѣчалъ: «нѣтъ!» то получилъ на прощанье: «Ну, и я отъ тебя ничего не желаю.» Трудно было мнѣ пережевать подобную невѣжливость; но я все таки не могъ воздержаться отъ

того, чтобы не постучаться такимъ же образомъ у другаго Русскаго вельможи. Этотъ другой, сей часъ же, какъ только я наименовалъ ему мое отечество, пошелъ на прямикъ и рѣзко сказалъ мнѣ: «Такой земли я не знаю; ступай къ тѣмъ, къ кому ты посланъ».

23. Симъ закончилось мое желаніе дѣлать визиты, и я далъ себѣ клятву никогда не переступать порога къ Русскому, безъ приглашенія, кромѣ господъ министровъ, съ которыми у меня были дѣла и которые всѣ оказывали мнѣ всякаго рода вѣжливость.

24. Черезъ восемь дней послѣ этого я встрѣтилъ во дворцѣ описанныхъ сей часъ невѣжливыхъ придворныхъ, и когда они увидали, что Его Царское Величество долго разговаривалъ со мною, оказалъ мнѣ милостивое вниманіе и приказалъ адмиралу Апраксину хорошенько угостить меня,— оба царедворца бросились ко мнѣ и самымъ унизительнымъ образомъ просили у меня извиненія въ ихъ грубости, и при этомъ чуть не падали передо мною на полъ и всѣ погреба свои предлагали къ моимъ услугамъ; но я не хотѣлъ больше говорить съ ними и все вниманіе свое обратилъ на вошедшую въ это время Ея Высочество, супругу царевича, принцессу изъ дому Вольфенбютельскаго и съ удивленіемъ смотрѣлъ на обращеніе этой достойной принцессы. Хотя къ обоимъ Царскимъ Величествамъ оказывала она всевозможное смиреніе, а ко всѣмъ остальнымъ людямъ рѣдкую обходительность, но царственнымъ существомъ своимъ она придавала своему обращенію такой обаятельный характеръ, что высшіе и низшіе одинаково питали къ ней искреннюю любовь и уваженіе.

25. А между тѣмъ легко себѣ представить, каково было на душѣ у этой принцессы, когда она состояла въ такомъ несчастномъ супружествѣ, которое было противно старымъ Русскимъ, и дворцовой бытъ ея не былъ какъ слѣдуетъ учрежденъ (eine Hofhaltung ohne Ordnung). По поводу ея кончины я буду имѣть еще случай привести многія обстоятельства о ея несчастной судьбѣ.

26. 14 Марта, по случаю побѣды, одержанной княземъ Голицынымъ въ Финляндіи надъ Шведами, данъ былъ торжественный радостный пиръ, на которомъ я въ первый разъ замѣтилъ порядокъ заздравныхъ кубковъ. Первый провозглашенъ былъ за Божіею милостію (царя), второй—за всѣхъ храбрыхъ матросовъ, третій за всѣхъ вѣрныхъ союзниковъ, за всѣхъ храбрыхъ воиновъ и проч., и проч.

27. Пріѣхавшій изъ Москвы Молдавскій господарь Кантемиръ также былъ на этомъ праздникѣ; это—ученый господинъ и чрезвычайно пріятнаго обращенія. Такъ какъ въ послѣднюю Турецкую войну онъ принялъ сторону Русскихъ и впослѣдствіи бѣжалъ изъ отечества, то Царь подарилъ ему въ Украйнѣ обширныя помѣстья, приносящія ежегодно болѣе 20,000 р. доходу. Въ то время у него скончалась супруга, съ которою онъ прижилъ двухъ князей и двухъ княженъ; старшій изъ князей произнесъ царю на Греческомъ языкѣ привѣтственную, съ пожеланіями счастія, рѣчь, за которую и удостоенъ былъ подарка.

28. 23-го Марта было крещеніе новорожденнаго князя, у князя Меньшикова, единственнаго теперь его сына; а такъ какъ у Русскихъ существуетъ обычай, чтобы всѣ родственники и близкіе дому люди, при крещеніи, навѣщали родильницу, цѣловали ее и клали ей на постель подар-

ки, то княгиня Меньшикова, одна изъ вѣжливѣйшихъ дамъ въ Россіи, при этомъ случаѣ также не была забыта.

29. Въ этомъ мѣсяцѣ были готовы уже на стойкахъ шестьдесять полугалеръ, которыя позднѣе, вмѣстѣ съ другими, употреблены были въ Финскихъ шхерахъ съ такою пользою, что нанесли чувствительный уронъ Шведамъ.

30. Изъ Константинополя прискакалъ къ царю гонецъ отъ барона Шафирова, съ извѣстіемъ, что онъ желалъ бы взять свой отпускъ у Порты, какъ только будетъ провѣрена и опредѣлена граница, для чего, съ обѣихъ сторонъ, посланы въ Азовъ два коммисара, дабы дѣло это привести къ концу.

31. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Его Царское Величество повелѣлъ сдѣлать точную перепись всѣмъ домамъ въ Петербургѣ, и по ней найдено всего 34,550 домовъ, большихъ и малыхъ вмѣстѣ.

32. Изъ Москвы прискакалъ нарочный съ извѣстіемъ, что туда прибылъ посолъ татарскаго хана Узбека и скоро прибудетъ въ Петербургъ.

33. Царь повелѣлъ обнародовать указъ, чтобы какъ только сойдетъ ледъ, никто, подъ опасеніемъ тяжкаго денежнаго и тѣлеснаго наказанія, не смѣлъ плавать по Невѣ на веслахъ, но чтобъ постоянно употребляли паруса; и хотя съ людьми случались ежедневныя несчастія, и царю предлагали собрать большую пошлину за устройство моста на судахъ, но онъ ничего не слушалъ и хотѣлъ силою принудить своихъ Русскихъ къ изученію маневровъ на парусахъ; принужденіе это образовало уже не мало искусныхъ людей.

34. Праздникъ Пасхи празднуется здѣсь съ особеннымъ великолѣпіемъ, и голодъ отъ строгаго продолжительнаго передъ тѣмъ поста вознаграждается въ эти дни съ избыткомъ.

35. Разгулъ и безуміе Русскихъ въ эти дни неописанны, и кто не былъ дюжину разъ пьянъ, тотъ, по ихъ мнѣнію, вовсе не благочестиво провелъ праздникъ.

36. Духовные пѣвчіе также безумѣютъ въ это время, и мнѣ чрезвычайно дико показалось, когда я увидѣлъ, что они затѣяли между собою драку, при чемъ повздорившіе въ кабакѣ противники съ такимъ усердіемъ колотили другъ друга позаушью большими коромыслами (Träge-Bäume) что нѣкоторыхъ изъ нихъ замертво потащили домой.

37. Замѣчательнѣйшая церемонія въ этотъ праздникъ состоитъ въ обмѣнѣ крашенными яйцами, которыми Русскіе обоего пола, при встрѣчѣ, дарятъ другъ друга, съ привѣтственнымъ поцалуемъ, при чемъ одна сторона произноситъ: Христосъ воскресъ; а другая отвѣчаетъ: Во истинну воскресъ; послѣ чего, обмѣнявшись яйцами, каждый продолжаетъ идти своею дорогою. Поэтому всѣ тѣ, и самые иностранцы, получивъ яйцо, напр. отъ домашней служанки, цѣлый день могутъ обмѣниваться со всѣми яйцомъ. Священники Русскіе объясняютъ этотъ обычай слѣдующимъ образомъ: такъ какъ изъ яйца вылупляется цыпленокъ, то яйцо служитъ прообразованіемъ воскресенія Христова.

38. Приведенъ былъ слонъ, подаренный царю Персидскимъ шахомъ. Слона этаго подвели ко дворцу, гдѣ онъ и долженъ былъ раскланиваться. Армяне, приведшіе его, разодѣты были въ своихъ великолѣпныхъ одеждахъ, и они разсказывали намъ, что когда они прибыли въ Астрахань, то тамошніе Русскіе чуть не моли-

лись на животное, и нѣсколько сотъ человѣкъ, забравши свои мѣшки съ съѣстными припасами, провожали этотъ мнимый кумиръ за 40 и болѣе миль.

39. Такъ какъ климатъ здѣшній для этого животнаго былъ слишкомъ суровъ, хотя и выстроено ему отапливаемое въ зимнее время помѣщеніе, то оно не прожило и трехъ лѣтъ и пало: изъ шкуры его набита чучела. Содержаніе его ежедневно стоило царю 15 руб., на водку, виноградъ, рисъ и прислугу.

40. Года два назадъ Его Царское Величество просилъ Польскаго короля пріискать ему знающаго горнаго офицера, который бы устроилъ открытые въ Россіи рудники и посмотрѣлъ бы, нельзя ли еще открыть гдѣ нибудь новые рудники.

41 Вслѣдствіе этого прибылъ тогда же таковой, по имени Блюгеръ (Blüker) котораго Его Царское Величество послалъ въ Москву и Сибирь. Человѣкъ этотъ провелъ полтора года въ сказанномъ путешествіи и когда возвратился назадъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ губернаторомъ Сибири, княземъ Гагаринымъ, то сообщилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія: изъ Москвы онъ отправился прямо въ Тобольскъ, главный городъ Сибири, затѣмъ въ стороны отъ него на право и на лѣво и наконецъ на нѣсколько тысячъ верстъ проѣхалъ глубже въ Сибирь, и вездѣ находилъ хорошія мѣста, въ которыхъ можно было бы открыть мѣдные и даже серебряные рудники; тамошніе бояре и вице-губернаторъ, хотя и производятъ разработку рудъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но способъ разработки у нихъ до того плохъ, что добыча не оплачиваетъ труда.

42. Обо всемъ этомъ онъ представилъ донесеніе Его Величеству и съ своей стороны предложилъ, что если будетъ угодно, чтобы онъ возвратился въ Сибирь и началъ тамъ разработку, то чтобы въ его распоряженіе выдали порядочное число рабочихъ и значительную сумму денегъ; но господа сенаторы, не вполнѣ понимавшіе пользу самаго дѣла и желавшіе, чтобы всѣ издержки на оное возмѣщены были въ одинъ годъ, воспротивились предложенному Блюгеромъ предпріятію. Его Величество впрочемъ обѣщалъ ему съ своей стороны, что, какъ только будетъ заключенъ миръ, онъ основательно займется этимъ дѣломъ.

43. Гагаринъ привезъ изъ Сибири золотаго песку, изъ котораго Блюгеръ, въ присутствіи Его Величества, дѣлалъ пробы и получилъ изъ фунта такого песку 28 лотовъ чистаго золота. Князь Гагаринъ только въ тайнѣ одному Его Величеству открылъ, гдѣ Русскіе нашли тотъ песокъ.

44. Сибирь - страна благословенная, изобилующая скотомъ, хлѣбомъ и всякаго рода растительностію.

45. Губернаторъ имѣетъ тамъ только четыре роты солдатъ; но всѣ жители, которые суть казаки или наѣздники, должны быть въ минуту готовы, по его приказанію.

46. Въ Сибири находится до 9 тысячъ Шведскихъ плѣнныхъ, считая съ оберъ и унтеръ офицерами, и хотя ихъ не гоняютъ ни въ какую работу, ни на ловлю соболей (на что̀ употребляютъ только Русскихъ колодниковъ), но все таки живутъ они тамъ въ крайней нищетѣ.

47. Въ одномъ Тобольскѣ живетъ ихъ болѣе 800 офицеровъ, и всѣ они, какъ крестьяне, ходятъ въ однихъ совершенно простыхъ и плохихъ армякахъ; ни отъ короля, ни отъ кого изъ своихъ содержанія они не получаютъ и потому поневолѣ работаютъ

на Русскихъ за поденную плату. Нѣкоторые изъ нихъ промышляютъ дѣланіемъ игорныхъ картъ (которыхъ нѣсколько колодъ князь Гагаринъ привезъ Его Величеству); другіе вытачиваютъ табатерки и иныя вещи изъ какихъ-то неизвѣстныхъ громадныхъ костей, которыя они находятъ тамъ въ землѣ и выкапываютъ.

48. Князь Гагаринъ (котораго, можно сказать, боготворятъ въ Сибири за его щедрость и доброту), въ продолженіи трехъ-лѣтняго губернаторства своего, уже роздалъ вообще всѣмъ плѣннымъ слишкомъ 15,000 рублей. Плѣнные эти выстроили себѣ Шведскую церковь собственными руками и имѣютъ пастора, бывшаго въ Петербургѣ при одной Лютеранской церкви и сосланнаго Его Величествомъ въ Сибирь за нѣкоторыя произнесенныя имъ рѣчи.

49. Одинъ извѣстный Шведскій оберъ-лейтенантъ, также сосланный по нѣкоторымъ причинамъ за Сибирь даже, къ Остякамъ, теперь живетъ тамъ очень хорошо. Онъ пріобрѣлъ такую любовь туземцевъ, что они снабжаютъ его всѣмъ, что̀ только ему нужно и во всѣхъ дѣлахъ земли своей спрашиваютъ его совѣта. Лейтенантъ этотъ говорилъ Блюгеру, что онъ охотно закончилъ бы тамъ и жизнь свою, еслибъ только семейству его дозволено было пріѣхать къ нему.

50. Инженеръ Ла-Валь (La Vall), прибывшій въ Москву съ знаменитымъ Лефортомъ и также сосланный въ ссылку къ Китайскимъ границамъ, гдѣ недавно и скончался, такъ было хорошо устроился тамъ, что когда Его Величество простилъ его и дозволилъ возвратиться, то онъ отблагодарилъ царя и предложилъ ему заложить крѣпость на Китайскихъ границахъ. Его Величество милостиво принялъ такое предложеніе и приказалъ выслать ему всѐ необходимое для того; но такъ какъ Китайцы, въ самомъ началѣ работъ, воспротивились возведенію крѣпости и самъ Ла-Валь умеръ, то дѣло это осталось безъ дальнѣйшаго хода.

51. Управленіе князя Гагарина простирается до Китая, и онъ самъ назначаетъ тамъ себѣ помощниковъ-правителей.

52. Сношенія между княземъ и его помощниками, управляющими по ту сторону рѣкъ Енисея и Лены, ведутся особеннымъ образомъ.

53. Ѣздокъ садится въ сани, длиною въ 20 и шириною въ $3\frac{1}{2}$ фута, и сани эти чрезвычайно скоро везутъ четыре собаки или два человѣка, на большихъ лыжахъ, какія носятъ Лапландцы.

54. Блюгеръ видѣлъ въ Тобольскѣ посольство, прибывшее изъ Китая. Князь Гагаринъ встрѣтилъ это посольство на границѣ Сибири и вездѣ потомъ продовольствовалъ оное на свой счетъ; даже когда оно посѣтило его въ Тобольскѣ, онъ давалъ ему великолѣпные собственные экипажи и прислугу.

55. Ѣдучи въ коляскѣ, послы курили табакъ и только тогда отдали трубки свои, когда вышли изъ экипажа; во время обѣда они опять потребовали было табаку, но князь извинялся, объяснивъ, что въ Россіи это не въ обычаѣ и только послѣ стола приказалъ подать трубку главнѣйшему изъ нихъ; но сей послѣдній не принялъ одинъ трубки, объяснивъ, что всѣхъ Китайскихъ пословъ семеро, которые тутъ же и обѣдали вмѣстѣ, и каждый изъ нихъ равенъ другому, почему и угощеніе для всѣхъ должно быть одинаковое.

56. За тѣмъ они передали свои вѣрюнція грамоты, писанныя на Латинскомъ, Китайскомъ и Монгольскомъ языкахъ, князю (Китайскій императоръ вообще посылаетъ своихъ пословъ только къ царскому правителю Сибири) и сообщили ему, что ихъ государь вступаетъ въ войну съ сильнымъ Татарскимъ княземъ, по имени Багадиромъ.

57. Такъ какъ земли хана Аюга лежатъ между Китаемъ и владѣніями хана Багадира, то они и посланы къ Аюгѣ, чтобы побудить его къ разрыву съ Багадиромъ, или по крайней мѣрѣ къ невмѣшательству.

58. Послы эти (сказывалъ въ заключеніе Блюгеръ) находятся въ пути уже два года, и онъ слышалъ, что въ посольствѣ этомъ находятся тайкомъ и три Іезуита, которые обязаны представить потомъ императору донесеніе о всемъ, что̀ достойно было замѣчанія въ путешествіи.

59. Въ Ригу прибыли три военныхъ корабля, купленные въ Англіи, и въ Петербургѣ спущенъ былъ съ стоекъ одинъ корабль, при чемъ царь былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и говорилъ много разумныхъ вещей по случаю счастливаго хода его кораблестроенія.

60. Изъ всѣхъ глубокомысленныхъ, остроумныхъ рѣчей, которыя слышалъ я въ подобныхъ случаяхъ отъ Его Царскаго Величества, особенно замѣчательна та, съ которою обратился онъ, находясь на бортѣ именно этого вновь спущеннаго корабля, къ сидѣвшимъ около него старымъ боярамъ, которые до сихъ поръ мало слѣдовали примѣру присутствовавшихъ тутъ же Русскихъ министровъ и генераловъ и вовсе не цѣнили опытности и познаній, пріобрѣтенныхъ сими послѣдними.

61. «Кому изъ васъ, братцы мои, хоть бы во снѣ снилось, лѣтъ 30-ть тому назадъ (такъ началъ онъ), что мы съ вами здѣсь, у Остъ-зейскаго моря, будемъ плотничать, и въ одеждахъ Нѣмцевъ, въ завоеванной у нихъ же нашими трудами и мужествомъ странѣ, воздвигнемъ городъ, въ которомъ вы живете; что мы доживемъ до того, что увидимъ такихъ храбрыхъ и побѣдоносныхъ солдатъ и матросовъ Русской крови, такихъ сыновъ, побывавшихъ въ чужихъ странахъ и возвратившихся домой столь смышленными; что увидимъ у насъ такое множество иноземныхъ художниковъ и ремесленниковъ, доживемъ до того, что меня и васъ станутъ такъ уважать чужестранные государи?»

62. «Историки полагаютъ колыбель всѣхъ знаній въ Греціи, откуда (по превратности временъ) они были изгнаны, перешли въ Италію, а потомъ распространились было и по всѣмъ Европейскимъ землямъ; но невѣжествомъ нашихъ предковъ были пріостановлены и не проникли далѣе Польши; а Поляки, равно какъ и всѣ Нѣмцы, пребывали въ такомъ же непроходимомъ мракѣ невѣжества, въ какомъ мы пребываемъ доселѣ, и только непомѣрными трудами правителей своихъ, открыли глаза и усвоили себѣ прежнія Греческія искусства, науки и образъ жизни.»

63. «Теперь очередь приходитъ до насъ, если только вы поддержите меня въ моихъ важныхъ предпріятіяхъ, будете слушаться безъ всякихъ отговорокъ и привыкнете свободно распознавать и изучать добро и зло».

64. «Указанное выше передвиженіе наукъ я приравниваю къ обращенію крови въ человѣческомъ тѣлѣ, и сдается мнѣ, что со временемъ онѣ

оставятъ теперешнее свое мѣстопребыванiе въ Англiи, Францiи и Германiи, продержатся нѣсколько вѣковъ у насъ и за тѣмъ снова возвратятся въ истинное отечество свое —въ Грецiю.»

65. «Покамѣстъ совѣтую вамъ помнить Латинскую поговорку: *ora et labora* [3]) и твердо надѣяться, что можетъ быть еще на нашемъ вѣку вы пристыдите другiя образованныя страны и вознесете на высшую степень славу Русскаго имени».

66. Въ глубокомъ молчанiи выслушали старые бояре своего монарха, и затѣмъ, выразивъ свое согласiе съ нимъ, словами: «да, да, правда!» и заявивъ ему свое повиновенiе, снова обѣими руками ухватились за то̀, что составляетъ высшее ихъ благо, т. е. за стаканы съ водкою, и предоставили такимъ образомъ царю разсудить въ глубинѣ его собственныхъ помышленiй, на сколько успѣлъ онъ въ ихъ обращенiи и на сколько могъ надѣяться достигнуть конечной цѣли своихъ великихъ предпрiятiй.

67. Я изумлялся, за одно съ нѣкоторыми Русскими министрами, невѣжеству этихъ людей, и многiя другiя узнанныя мною съ теченiемъ времени черты ихъ нрава подтвердили то изображенiе этого народа, которое набросалъ одинъ извѣстный Французъ въ одномъ письмѣ и которое, ради вѣрности, я нахожу достойнымъ привести здѣсь въ подлинникѣ [4]).

68. «Московиты—самые тщеславные и прегордые изъ людей; они смотрѣли прежде на другiе народы, какъ на варваровъ и однихъ себя считали образованными, смышлеными и мудрыми. Съ тѣхъ поръ, какъ Его Царское Величество позналъ смѣшную сторону такого ихъ самомнѣнiя и заставилъ ихъ учиться у иностранцевъ, они повиновались, но съ затаенною гордостiю, которая мѣшаетъ имъ вникнуть въ то, чему ихъ обучаютъ и заставляетъ думать о себѣ, какъ о народѣ передовомъ, болѣе ученомъ и смышленомъ, чѣмъ ихъ учителя, которыхъ они ненавидятъ и преслѣдуютъ. Надменность ихъ не можетъ понимать и сочувственно относиться къ тѣмъ одолженiямъ, которыя предоставляютъ имъ эти учителя. Слава, честь, безкорыстiе кажутся имъ химерою; они не могутъ вообразить себѣ никакихъ предметовъ духовныхъ и ограничиваются тѣми, которые доступны чувствамъ; они не могутъ понять, что какой нибудь достойный иностранецъ, явившiйся къ нимъ на службу, руководится побужденiемъ, отличнымъ отъ желанiя прiобрѣсти только деньги и въ добавокъ издѣваются даже между собою надъ иностранцами, какъ надъ людьми, которые продаютъ жизнь свою за ничтожныя деньги».

69. Впослѣдствiи изъ этого журнала будетъ достаточно видно, что хотя сказанный Французъ хорошо знаетъ Русскихъ, но не касается всѣхъ ихъ свойствъ; потому что самъ царь, вполнѣ понимающiй превосходнымъ умомъ своимъ недостатки своихъ подданныхъ, называетъ ихъ стадомъ неразумныхъ животныхъ, которыхъ онъ дѣлаетъ людьми. Но вообще, трудно сломить ихъ упорство, или искоренить вполнѣ зло въ сердцахъ ихъ. Отъ этого и происходитъ, что поѣздки многихъ молодыхъ Русскихъ бояръ, предпринимаемыя съ полными кошелями, но безъ надлежащаго ука-

[3]) Молись и трудись.

[4]) Въ подлинникѣ отрывокъ этотъ приведенъ на Французскомъ языкѣ.

занія и руководительства, ни къ чему иному не служатъ, какъ къ заимствованію изъ Германіи и другихъ странъ всего дурнаго лишь, съ приправою добра, изъ чего, по возвращеніи въ Россію, образуется такое смѣшеніе съ Русскими пороками, которое влечетъ вполнѣ къ духовной и тѣлесной испорченности и съ трудомъ даетъ мѣсто въ Россіи дѣйствительной добродѣтели и истинному страху Божію.

70. Иные Русскіе, въ свои заграничныя поѣздки, за вѣжливость свою и заимствованное доброе обращеніе, пріобрѣли себѣ любовь и уваженіе нѣкоторыхъ Нѣмцевъ, которые, основываясь на такихъ примѣрахъ, вывели заключеніе, что Русскій, вообще, почтенный и добропорядочный человѣкъ, и что, слѣдовательно, царь могъ сдѣлать своихъ подданныхъ истинными людьми.

71. Но послать хоть одного такого Нѣмца въ Россію, и пусть онъ отыщетъ сказанныхъ путешествовавшихъ молодцевъ, которыхъ тамъ не одна тысяча, и за тѣмъ спросить его: узнаетъ ли онъ всѣхъ ихъ? Онъ навѣрное скажетъ въ отвѣтъ, что большая часть ихъ (не говорю всѣ) очень похожи на древнія поэтическія превращенія, что они не только отбросили заимствованную въ чужихъ странахъ вѣжливость и лишь заученными движеніями тѣла (души они не воспитываютъ) выражаютъ какую-то невыносимаго рода дворскую любезность, но и вполнѣ продолжаютъ вести свой прежній образъ жизни.

72. При всемъ томъ, полагаю, что отдѣльные, по природѣ добрые, Русскіе люди, оставаясь въ Германіи, могутъ очень хорошо воспитать себя и усовершенствоваться, и неоднократные примѣры доказываютъ, что можно Русскаго юношу, вслѣдствіе присущихъ почти всему Русскому народу хитрости и смышлености, при хорошемъ воспитаніи и руководствѣ внѣ отечества, довести до такого же совершенства, какъ и дѣтей другихъ христіанскихъ народовъ. Тѣ знатные Русскіе, которые до сихъ поръ проживаютъ въ Германіи или возвратились уже домой и сдѣлались извѣстными своими способностями, разумностію и благонравнымъ поведеніемъ, подтверждаютъ это и служатъ укоромъ своимъ одноземцамъ.

73. Что же касается до ходячаго въ свѣтѣ мнѣнія, будто бы самъ царь обладаетъ множествомъ знаній, то это совершенно справедливо, и никто, хорошо знающій этого монарха, не станетъ оспаривать, что онъ первѣйшій и разумнѣйшій министръ, искуснѣйшій генералъ, офицеръ и солдатъ своего царства, ученѣйшій изъ всѣхъ Русскихъ богослововъ и философовъ, хорошій историкъ и механикъ, искусный кораблестроитель и еще лучшій мореходъ; но во всѣхъ этихъ знаніяхъ имѣетъ онъ очень лѣнивыхъ и изъ подъ-палки дѣйствующихъ учениковъ. Военную часть поставилъ онъ на такую превосходную ногу и своихъ солдатъ (въ особенности пѣхоту) довелъ до такой славы, что они не уступятъ никакимъ другимъ въ свѣтѣ, хотя впрочемъ имѣютъ большой недостатокъ въ хорошихъ офицерахъ. Однимъ словомъ тамъ, гдѣ у Русскихъ господствуетъ страхъ и слѣпое повиновеніе, а не разсудокъ, тамъ они будутъ впереди другихъ народовъ, и если царь продержитъ еще скипетръ свой только 20 лѣтъ, то онъ уведётъ страну свою, именно вслѣдствіе сказаннаго повиновенія, такъ далеко, какъ ни одинъ другой монархъ въ своемъ государствѣ.

74. 17 Мая прибылъ изъ Москвы въ Петербургъ посолъ Узбекскаго хана со свитою изъ 16-ти человѣкъ, оставивъ въ Москвѣ жену свою съ сыномъ и слишкомъ 30-тью прислужниками. На слѣдующій день царь далъ ему аудіенцію. По установленному церемоніалу, этотъ посолъ долженъ былъ держать рѣчь къ царю на колѣняхъ; но на этотъ разъ Его Величество не пожелалъ въ точности придерживаться обычая и приказалъ послу явиться къ себѣ въ домѣ князя Долгорукаго.

75. Когда посолъ вошелъ къ покой, назначенный для аудіенціи, — онъ положилъ руки свои на колѣни и трижды низко поклонился царю; затѣмъ началъ свою рѣчь, на которую, по переводѣ ея, Его Царское Величество приказалъ вкратцѣ отвѣчать секретарю (Персидскому послу отвѣчаетъ обыкновенно великій канцлеръ), съ увѣреніемъ въ милости его къ послу, при чемъ самъ царь возложилъ свою руку на голову посла. Просьба послѣдняго состояла въ слѣдующихъ 3-хъ пунктахъ:

76. 1-е. Его князь и повелитель Гаджи-Магометъ-Багадиръ-ханъ, радуясь счастливой войнѣ и приращенію могущества Его Царскаго Величества, поручаетъ себя его милости и защитѣ.

77. Проситъ ханъ Его Царское Величество внушить подручнику своему, Татарскому хану Аюгѣ, съ нимъ Багадиромъ жить въ добромъ сосѣдствѣ и въ мирѣ; ибо, кажется, онъ Аюга имѣетъ намѣреніе соединиться съ подвластными Китаю Татарами, противъ него Багадира и возбудить противъ него и другихъ сосѣдей. Съ своей стороны онъ, ханъ Узбекскій, предлагаетъ, въ благодарность Его Царскому Величеству за такое его содѣйствіе, 50000 солдатъ, которые будутъ всегда на готовѣ тотчасъ явиться по повелѣнію Его Величества.

78. Для бóльшаго доказательства своей дружбы, ханъ предлагаетъ Его Царскому Величеству ежегодные караваны въ Китай проводить черезъ его хана землю, при чемъ онъ самъ желалъ бы установить съ Россіею торговый договоръ. Все это могло бы доставить Его Величеству невѣроятную выгоду; ибо до сихъ поръ караваны тѣ, совершая путь черезъ всю Сибирь, разными изворотами вдоль и поперекъ и черезъ рѣки, по дорогамъ неустроеннымъ, достигаютъ въ Пекинъ съ великими трудностями и въ теченіи цѣлаго года, тогда какъ, идучи прямо черезъ его страну, по проложеннымъ дорогамъ, они могутъ прійдти въ Пекинъ всего въ четыре мѣсяца. Въ заключеніи посолъ положилъ у ногъ Его Величества множество Китайскихъ и Персидскихъ шелковыхъ и другихъ товаровъ въ подарокъ отъ своего повелителя царю, присовокупивъ, что еще нѣсколько Персидскихъ лошадей и звѣрей осталось въ Москвѣ и что одинъ прекрасный леопардъ и обезьяна, къ сожалѣнію, не доѣхали и околѣли во время пути. Въ рѣчи своей посолъ называлъ Его Величество Бѣлымъ Импраторомъ (Царемъ), каковой титулъ считаютъ Узбекскіе татары самымъ высокимъ и почетнѣйшимъ. Имя самого посла было Ачерби (Atscherbi); онъ былъ лѣтъ 50-ти, имѣлъ бодрый и достойный видъ, длинную бороду, одѣтъ по восточному и на чалмѣ его красовалось страусовое перо, знакъ вольности и чести, которое, по словамъ его, дозволяется у нихъ носить только князьямъ и владѣльцамъ перваго чина.

79. Его Величество приказалъ сказать послу, чтобы онъ немедленно отправился, вмѣстѣ съ великимъ канцлеромъ, на шняву, [5]) называемую Rake и послѣдовалъ бы за нимъ въ Кроншлотъ.

80. Двадцатаго числа, въ превосходномъ порядкѣ и съ безпрестанною пальбою изъ пушекъ, отплыли 200 полу-галеръ изъ Петербурга и на слѣдующій день прибыли въ Кроншлотъ.

81. Двадцать перваго числа отправились мы въ назначенный полуденный часъ на нашу шняву и нашли тамъ Узбекскаго посла и семь сенаторовъ. Мы плыли въ душную погоду и при умѣренномъ вѣтрѣ. Едва только проплыли мы въ морѣ съ милю отъ Петербурга, какъ заѣхали, по неопытности нашего Русскаго капитана, въ песчаныя отмели, простирающіяся на протяженіи мили въ этомъ морѣ, по дорогѣ въ Кроншлотъ, и засѣли на одной изъ нихъ. Матросы и солдаты работали до семи часовъ вечера и хотя освободили наконецъ корабль, однакожъ капитанъ, не предвидя никакой непогоды, далъ ясно понять, что онъ имѣлъ приказъ: — покатать прежде нѣсколько дней на водѣ Узбекскаго посла, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ обществомъ; но около девяти часовъ вечера поднялась такая сильная и страшная буря, какой никто въ четыре года въ Петербургѣ и не запомнитъ.

82. Малоопытность Русскаго корабельнаго капитана и штурмана, старый, съ течью, корабль, на которомъ мы находились, лежащія кругомъ насъ песчаныя отмели и постоянно возрастающая буря дѣлали наше положеніе опаснымъ, и когда спросили штурмана: что̀ дѣлать и чего можно надѣяться? онъ всплеснулъ только руками и не отвѣчалъ ничего, кромѣ: Богъ знаетъ! Послѣ 12-ти часовъ ночи, висѣвшія на кораблѣ шлюпки разбились въ дребезги и, вмѣстѣ съ надежнѣйшимъ якоремъ, мы потеряли бодрость и всѣ мірскіе помыслы.

83. Узбекскій посолъ, никогда не бывавшій на такой водѣ, сдѣлался похожъ на трупъ, завернулся наконецъ совсѣмъ въ шелковое покрывало, легъ на полъ и приказалъ своему муллѣ стать надъ нимъ на колѣни и читать что-то изъ книги пророка Али (онъ былъ Персидской вѣры). Къ утру буря нѣсколько утихла, и продолжалось такъ весь слѣдующій день и ночь.

84. Когда разсвѣло, мы увидѣли въ разныхъ мѣстахъ носившіяся по морю сорвавшіяся суда̀, а къ 10-ти часамъ утра Его Царское Величество выслалъ изъ Кроншлота капитана, на боерѣ [6]) разыскать насъ и, освѣдомиться о нашемъ состояніи. Такъ какъ мы окружены были отмелями, то посланный долженъ былъ сойти въ лодку. Онъ увѣдомилъ насъ, что Его Царское Величество всю ночь очень безпокоился о насъ, и хорошо было бы, еслибъ мы постарались и выбрались изъ отмелей. Съ этимъ капитанъ уѣхалъ отъ насъ назадъ, и мы опять весь день должны были простоять на своемъ прежнемъ мѣстѣ. На слѣдующій день, 23-го числа, капитанъ снова явился уже на полугалерѣ, которая медленно выбуксировала насъ въ теченіи дня изъ песчаныхъ отмелей и вечеромъ дотянула за двѣ мили не доѣзжая Кроншлота.

---

[5]) Шнява—родъ большой парусной барки, или тогдашняго корабля. Rake—не *рака* ли?

[6]) Боеръ, Boyer, судно.

85. 24 числа подулъ теплый полувѣтеръ, съ которымъ мы достигли наконецъ къ 3-мъ часамъ по полудни до Кроншлота, гдѣ весь Русскій флотъ, выстроенный въ одну линію передъ гаванью, привѣтствовалъ нашу шняву, по приказанію Его Величества, пальбою изо всѣхъ пушекъ, каковая честь оказана была собственно вице-царю, находившемуся съ нами на нашемъ кораблѣ.

86. Его Величество съ придворнымъ штатомъ своимъ находился на кораблѣ Екатерина, смотрѣлъ, какъ мы причаливали и, какъ только мы бросили якорь, приказалъ дать намъ повелѣніе оставаться на кораблѣ, пока онъ самъ прибудетъ къ намъ. Прибывъ къ намъ и поздравивъ насъ какъ смѣлыхъ мореходцевъ, онъ смѣялся, зашелъ въ нашу каюту и пробылъ часа два слишкомъ. Узбекскій посолъ приказалъ подать всевозможныхъ плодовъ своей земли и позвать своихъ музыкантовъ и пѣсенниковъ. Два пѣсенника, голосами своими и чудной мелодіей, которую они производили, прихлопываніемъ руками и присвисткою губами, равно какъ и своими странными тѣлодвиженіями, больше всего понравились Его Величеству, который, подъ конецъ, распрашивалъ посла о разныхъ предметахъ земли его и о ея сосѣдяхъ.

87. Самое важное изъ его сообщеній, которое Его Величество милостиво передалъ и намъ, на Нѣмецкомъ языкѣ, было слѣдующее:« Самъ онъ посолъ былъ знатнѣйшій изъ чиновниковъ своего повелителя и прежде сего былъ гофмейстеромъ. Хану, государю его, около двадцати лѣтъ, и въ прошедшемъ году онъ взялъ себѣ въ супруги самую старшую княжну Персидскаго шаха, получивъ при этомъ въ приданое богатыя сокровища; страна, подвластная ему, называется Узбекъ, а столица Хива, которая, впрочемъ, состоитъ изъ однихъ палатокъ и хижинъ и никогда не остается на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ. Страна эта граничитъ съ Китаемъ, Индостаномъ и Персіею, съ которыми Узбеки находились до сихъ поръ въ дружественныхъ отношеніяхъ; войны же большею частью вели только съ Татарами, живущими ближе сюда, по сосѣдству съ вышесказанными странами. Ханъ его можетъ тотъ часъ же выставить войско въ 200 тыс. человѣкъ (въ числѣ которыхъ Его Величество думаетъ, что считаются всѣ подданные хана, старые и малые, мужескаго пола) которые всѣ наѣздники. Прежде у нихъ вовсе не было пушекъ; но въ послѣднее время появилось нѣсколько, которыя отняты ими у ихъ непріятелей и которыя, впрочемъ, далеко не достигаютъ калибра и грома Русскихъ пушекъ.

88. Самый удивительнѣйшій изъ сосѣдей былъ Могулъ, котораго правленіе и способъ достиженія этого правленія чрезвычайно странны.

89. Если царствующій императоръ имѣетъ нѣсколько сыновей (какъ напримѣръ нынѣ царствующій, который имѣетъ ихъ пять), то каждый изъ нихъ получаетъ отъ отца управленіе извѣстною частью; но повелѣнія свои по этому управленію онъ можетъ давать только изъ тюрьмы, изъ которой онъ и не освобождается при жизни отца. Но какъ только отецъ умираетъ, сыновья выходятъ на свободу, собираютъ каждый изъ управляемой имъ области возможно больше народу, за тѣмъ ссорятся и бьются между собою до

тѣхъ поръ, пока одинъ кто нибудь изъ нихъ не одержитъ верхъ и, побѣдивши, безъ милости казнитъ остальныхъ своихъ братьевъ. Такимъ образомъ поступилъ и нынѣ царствующій императоръ.

90. Его Величество по поводу этого разсказа распространился о жестокости и тираніи вообще и похвалялъ Турокъ, которые въ этомъ отношеніи, лѣтъ 30-ть слишкомъ, значительно перемѣнились къ лучшему; за тѣмъ, присовокупивъ еще нѣсколько похвальныхъ отзывовъ о великой Китайской имперіи, онъ оставилъ насъ и отправился къ себѣ.

91. Узбекскій посолъ, разставаясь съ нами, сказалъ, что онъ слышалъ, будто мы тоже были изъ отдаленнаго государства и принадлежимъ именно къ тому народу, государи котораго отразили Турокъ отъ Вѣны; при этомъ онъ пожелалъ намъ, равно какъ и самому себѣ, чтобы дальнее странствованіе наше вознаградилось счастливымъ исполненіемъ возложенныхъ на насъ порученій, и просилъ, по возвращеніи въ Петербургъ, оказать ему дружбу и пожаловать къ нему на обѣдъ, которымъ ему желательно бы было похвастаться передъ своимъ государемъ.

92. 31-го Мая, царь, въ качествѣ контръ-адмирала (Schout by Nacht), отплылъ съ военнымъ и галернымъ флотомъ изъ Кроншлота къ окрестностямъ Гельсингфорса; въ Петербургѣ же, въ отсутствіе Царя, ничего новаго не случилось.

93. Княжна Наталья давала въ это время въ Петербургѣ великолѣпный пиръ, на которомъ и представился мнѣ случай познакомиться съ порядкомъ и способомъ Русскаго угощенія.

94. Прежде чѣмъ идти за столъ, самъ хозяинъ или хозяйка, не исключая царя, царицы и всѣхъ вельможъ, подаютъ на подносѣ приглашенному чарку водки, а между короткими друзьями хозяйка даритъ гостя и поцалуемъ.

95. Когда сядутъ за столъ, то прежде всего подаютъ холодныя кушанья, ветчину, колбасы, студень и всякаго рода мяса, изготовленныя съ деревяннымъ (прованскимъ) масломъ, лукомъ и чеснокомъ; всѣ эти кушанья остаются на столѣ съ часъ времени и долѣе; за тѣмъ идутъ супы, жаркое и другія горячія блюда, а уже въ третьихъ подаютъ конфекты.

96. За здоровья принимаются пить тотчасъ въ началѣ пира изъ большихъ стакановъ и бокаловъ, видомъ похожихъ на колокола. На пирахъ знатныхъ вельможъ, никакого другаго вина и не видно, кромѣ Венгерскаго, и въ изобиліи его Русскіе особенно желаютъ выказать свою роскошь.

97. На помянутомъ пиршествѣ присутствовали всѣ красавицы Петербурга, и хотя тогда уже всѣ носили Французскія платья, но многія не умѣли въ нихъ хорошо держать себя, а своими черными зубами достаточно доказывали, что онѣ не совсѣмъ отстали отъ устарѣлаго Русскаго мнѣнія, будто-бы только у Мавровъ и обезьянъ—бѣлые зубы; впрочемъ, предразсудокъ этотъ съ теченіемъ времени совершенно искоренился, такъ что теперь чужестранецъ, находясь въ избранномъ обществѣ въ Петербургѣ, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока не вступитъ въ разговоръ, рѣшительно можетъ подумать, что онъ не въ Россіи, а въ Лондонѣ, или въ Парижѣ.

98. Царевна Наталья скончалась года четыре тому назадъ и была

единственною родною сестрою царя. Царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ двухъ супругъ. Съ первою, Маріей Ильинишной, онъ прижилъ царя Θеодора и царя Ивана и царевенъ Софію, Марію и Екатерину. Можетъ быть, я буду имѣть случай упомянуть позднѣе объ обстоятельствахъ жизни каждой изъ нихъ.

99. Здѣсь же скажу только, что царь Алексѣй второю супругою взялъ себѣ дочь своего министра, Кирилы Полуехтовича Нарышкина, Наталью Кириловну, съ которою и прижилъ царствующаго нынѣ царя и помянутую выше княжну.

100. Прослышавъ, что на островѣ Петра (Петровскомъ островѣ) живутъ Самоѣды, я отправился туда вмѣстѣ съ нѣкоторыми друзьями моими. У царя было тамъ два увеселительныхъ домика, изъ которыхъ первый находился на самомъ краю берега, состоялъ изъ шести тѣсныхъ покоевъ, ничѣмъ особенно неубранныхъ, кромѣ мебели изъ нѣсколькихъ стульевъ, столовъ и множества павлиньихъ перьевъ. Въ этомъ домикѣ постоянно живутъ два Русскихъ сторожа. На выстрѣлъ далѣе, въ густомъ лѣсу, домъ Русскаго смотрителя, а близь него жилье Самоѣдовъ, съ небольшой надворной постройкой. Въ этой послѣдней стояло болѣе двадцати коровъ, которыя прокармливаются травою съ острова и даютъ лучшее въ цѣлой области молоко, вслѣдствіе чего все масло съ этого острова идетъ исключительно ко Двору.

101. Когда мы вошли въ жилье Самоѣдовъ, они выползли изъ своихъ юртъ и съ изумленіемъ глазѣли на насъ. Ихъ было семеро, и всѣ одинаково непривлекательной наружности: широкія, темножелтоватыя лица, маленькія глазки, небольшіе приплюснутые носы и почти безъ волоска на бородѣ.

102. Первый изъ нихъ, бывшій и начальникомъ ихъ, выступилъ впередъ другихъ, заложилъ свои руки себѣ подъ мышки, потряхивалъ съ кислымъ выраженіемъ лица головою и стоялъ такъ въ одномъ положеніи нѣкоторое время; за тѣмъ, когда вошла къ намъ одна, находившаяся въ нашемъ обществѣ дѣвица, Самоѣдъ оскалилъ зубы, началъ чистосердечно смѣяться, полѣзъ, потряхивая головою, въ свою юрту, скорѣхонько опять выползъ оттуда поближе къ намъ, пошелъ потомъ къ своимъ оленямъ, лежавшимъ на землѣ, спугнулъ ихъ, подвелъ ихъ за рогà къ намъ и хотѣлъ было взять сказанную дѣвицу за руку, съ намѣреніемъ усадить ее на лежавшія тутъ оленьи шкуры. Давши ему нѣсколько денегъ, мы отклонили такую любезность и вышли отъ него. Всѣхъ оленей было только четыре, два старыхъ и два молодыхъ; остальные повыдохли, и только рогà и шкуры ихъ развѣшены были кругомъ по всему жилью Самоѣдовъ.

103. За тѣмъ мы осмотрѣли надворныя строенія, въ которыхъ жили два крестьянина Финна, надзиравшіе тутъ за коровами и дюжиною павлиновъ.

104. Къ вечеру пріѣхалъ домой изъ Петербурга и Русскій главный надзиратель здѣшній, или смотритель; онъ любезно привѣтствовалъ насъ, пригласилъ къ себѣ въ домъ, перецѣловалъ насъ по Русскому обычаю и приказалъ принести огромный горшокъ густыхъ сливокъ, которые, впрочемъ, потребовалъ прежде къ себѣ и затѣмъ велѣлъ подносить намъ кушать ихъ, сколько намъ было угодно. Мы попросили хозяина, чтобы

онъ послалъ за главнымъ Самоѣдомъ и поговорилъ бы съ нимъ. Одинъ изъ описанныхъ выше семи Самоѣдовъ уже девять лѣтъ живетъ въ Россіи, слѣдовательно зналъ кое что порусски; надзиратель велѣлъ привести и сего послѣдняго въ качествѣ переводчика, вмѣстѣ съ его сотоварищемъ, и по приходѣ ихъ велѣлъ главному Самоѣду оказать намъ Русскій привѣтъ и поговорить съ своимъ товарищемъ посамоѣдски. Но Самоѣдъ этотъ исполнялъ всё съ какою-то досадою, и надзиратель острова разсказалъ намъ о немъ, что однажды, когда его надзирателя не было дома, этотъ Самоѣдъ напалъ на людей, пріѣхавшихъ осмотрѣть островъ, изгрызъ имъ уши и лица и вообще ужасно зло и свирѣпо ихъ принялъ; что далѣе, когда его за это жестоко наказали батогами, онъ остервенился до того, что вырвалъ зубами кусокъ собственнаго мяса изъ своей руки, которую надзиратель приказалъ Самоѣду тутъ же показать и намъ; при чемъ добавилъ, что всё таки онъ велитъ почаще бить его батогами до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ его совершенно смирнымъ.

105. Человѣкъ этотъ далъ таки наконецъ отвѣтъ на вопросы, предложенные ему нами черезъ надзирателя и переводчика, и вотъ что сообщилъ онъ намъ. Въ странѣ ихъ нѣтъ ни церквей, никакого богослуженія, ни священниковъ, ни молитвъ; у нихъ нѣтъ тамъ ни городовъ, ни селеній, и жилища ихъ состоятъ изъ такихъ же юртъ, какія мы видѣли здѣсь въ жильѣ ихъ на островѣ; они переносятъ эти юрты на оленяхъ съ одного мѣста на другое по глубокимъ снѣгамъ и располагаются жильемъ тамъ, гдѣ имъ лучше понравится.

106. У нихъ нѣтъ лучшаго удовольствія, какъ бѣгать на лыжахъ. Не имѣютъ они никакого начальства, кромѣ одного боярина, живущаго далеко отъ нихъ, котораго царь, за нѣсколько передъ тѣмъ лѣтъ, далъ имъ въ качествѣ короля.

107. Надзиратель объяснилъ намъ при этомъ, что упомянутый Самоѣдскій король былъ никто иной, какъ одинъ Полякъ, который ежемѣсячно получалъ по десяти рублей жалованья, вмѣстѣ съ готовымъ столомъ и напитками и жилъ постоянно въ Петербургѣ, потому что онъ въ тоже время былъ устроителемъ разныхъ увеселеній.

108. Отечество Самоѣда было для него любезнѣе Петербурга, и онъ очень бы желалъ поскорѣе вернуться, еслибы могъ, къ своей женѣ и четыремъ сыновьямъ, которые всё давно уже бѣгаютъ на лыжахъ. Когда надзиратель приказалъ ему считать, онъ растопырилъ свои пальцы и насчиталъ по нимъ до десяти; когда же ему приказали продолжать счетъ, онъ началъ опять считать по-прежнему и остановился на десятомъ пальцѣ, говоря, что болѣе у нихъ никакого числа нѣтъ, и что они обходятся и этимъ числомъ.

109. Когда спросили его, сколько ему лѣтъ, онъ отвѣчалъ: очень мало. Переводчикъ добавилъ къ этому, что они не знаютъ никакихъ лѣтъ и времени, кромѣ того, когда солнце восходитъ и заходитъ. Спрашиваемый нами Самоѣдъ былъ лѣтъ около пятидесяти и такъ какъ онъ отвѣчалъ неохотно и съ досадой, то мы отпустили его; но онъ, уходя, съ угрожающею миною сказалъ черезъ переводчика бывшей съ нами дѣвицѣ, что женщины въ его землѣ такія же красавицы, какъ и она. Въ

заключеніе ему приказано было привести оленей, которыхъ онъ и заставлялъ бѣгать при насъ.

110. Надзиратель показывалъ еще намъ, во время прогулки, небольшую рощицу изъ дубовыхъ деревьевъ, какъ большую рѣдкость въ Петербургѣ, послѣ чего мы распростились съ нимъ, а на слѣдующій день осмотрѣли купанья Русскихъ, которыя они употребляютъ, какъ универсальное медицинское средство ото всѣхъ болѣзней, между прочимъ разнаго рода бани, изъ которыхъ они выбираютъ наиболѣе пригодную и полезную, по ихъ мнѣнію, противъ недуга.

111. Одни, напримѣръ, садятся голые въ лодку и, добившись обильнаго поту вслѣдствіе усиленной гребли, бросаются за тѣмъ прямо въ рѣку, въ которой плаваютъ нѣкоторое время и затѣмъ сушатся на солнцѣ, или вытираются рубахой.

112. Другіе бросаются въ воду холодные, за тѣмъ ложатся передъ огнемъ, разведеннымъ въ печи, мажутъ все тѣло масломъ, или жиромъ, и поварачиваются передъ огнемъ до тѣхъ поръ, пока жиръ впитается, такъ сказать, въ нихъ: дѣлаютъ это для того, чтобъ размять члены и сдѣлать ихъ болѣе гибкими.

113. Третій способъ самый общеупотребительный и простой. За Финской слободой, въ лѣсу, у небольшой рѣчки, выстроено 30-ть слишкомъ бань, изъ которыхъ половина для мужчинъ, а другая для женщинъ.

114. Вверху на крышахъ сидятъ дѣти и кричатъ, что бани ихъ превосходно истоплены. Желающіе мыться въ этихъ баняхъ раздѣваются на открытомъ воздухѣ и бѣгутъ за тѣмъ въ баню; когда же тамъ достаточно пропотѣютъ и обдадутся холодной водой, выходятъ на воздухъ или на солнце, бѣгаютъ вездѣ подъ кустами, шутятъ и балагурятъ между собою.

115. Съ изумленіемъ видишь, что нетолько мужчины въ своемъ отдѣленіи, но и дѣвицы и женщины въ своемъ, по 30, 50 и болѣе человѣкъ, бѣгаютъ, безъ всякаго стыда и совѣсти, такъ какъ сотворилъ ихъ Богъ, и не только не прячутся отъ стороннихъ людей, прогуливающихся тамъ, но еще подсмѣиваются имъ своею нескромностью. Такимъ образомъ Русскіе мужчины и женщины моются зимою и лѣтомъ, по крайней мѣрѣ въ недѣлю разъ, и за такое мытье каждый платитъ одну копѣйку, такъ какъ бани принадлежатъ царю.

116. Тѣ, которые при домахъ своихъ имѣютъ собственную баню, обязаны ежегодно вносить извѣстную плату, и отъ такихъ бань по всей Россіи казна получаетъ значительный доходъ.

117. Четвертый и послѣдній родъ бани есть самое сильное медицинское средство, и Русскіе прибѣгаютъ къ нему въ тяжкихъ болѣзняхъ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: натапливаютъ печь обыкновеннымъ образомъ и когда самый жаръ въ ней, послѣ топки, нѣсколько спадетъ (до того, впрочемъ, что я не могъ выдержать руки на полу печи и четверть минуты) залѣзаютъ въ нее пять, шесть, а иногда меньше или больше, человѣкъ; когда такимъ образомъ они размѣстятся и разлягутся въ печкѣ, товарищъ ихъ, остающійся снаружи, прикрываетъ устье печи такъ плотно, что паціенты едва могутъ переводить въ ней духъ. Наконецъ, когда они не могутъ уже болѣе выдержать, то начинаютъ кричать, чтобы сторожевой отворилъ печь и выпустилъ бы ихъ изъ нея дохнуть не-

много свѣжимъ воздухомъ; вздохнувъ, они опять залѣзаютъ по прежнему въ печь и повторяютъ пріемы эти до тѣхъ поръ, пока вдоволь не распарятся; послѣ чего, съ раскраснѣвшимъ, какъ кумачь, тѣломъ, бросаются они, лѣтомъ прямо въ рѣку, а зимою (что̀ они еще больше любятъ) въ снѣгъ, въ который и зарываются совершенно, оставляя открытыми только носъ да глаза. Такъ зарытыми въ снѣгу остаются они два и болѣе часа, смотря потому, какъ требуетъ ихъ болѣзненное состояніе, и этотъ послѣдній пріемъ считаютъ они однимъ изъ превосходныхъ средствъ къ выздоровленію.

118. Когда царь, возвращаясь въ послѣдній разъ изъ Риги, проѣзжалъ черезъ Дудровъ, онъ узналъ, что тамошній Русскій коммисаръ никогда не пьетъ Венгерскаго вина и даже не могъ выносить его; вслѣдствіе чего приказано было напоить его тѣмъ виномъ, и ему задали столько стакановъ, что онъ въ скоромъ времени валялся уже на полу. По отъѣздѣ царя, слуги коммиссара, видя, что онъ смертельно болѣнъ и едва живъ, вытащили его нагаго на дворъ, въ глубокій сугробъ снѣгу, зарыли его тамъ крѣпко-на-крѣпко и дали ему проспать въ такомъ положеніи 24 часа сряду. По прошествіи этого времени, коммиссаръ поднялся и совершенно здоровый пошелъ отправлять свои занятія, какъ ни въ чемъ не бывало.

119. 23-го Іюля, ея высочество супруга царевича разрѣшилась отъ бремени княжною, которую 29-го того же Іюля крестилъ Русскій священникъ, при чемъ имя дано было ей Наталія Алексѣевна, въ честь воспріемницы ея, княжны Наталіи.

120. Царевичъ находился въ это время въ Карлсбадѣ, и нѣкоторые полагали, что, подъ предлогомъ нездоровья, онъ съ умысломъ оставался въ дали, чтобы не быть при родахъ своей супруги. Царица-наслѣдница (кронъ-принцесса) просила, чтобы, при церемоніи крещенія, её пощадили въ ея родильномъ ложѣ отъ обычныхъ Русскихъ обрядовъ, приношенія подарковъ, поцѣлуевъ и проч. и проч.

121. По законамъ Греческой или Русской вѣры не могутъ быть воспріемниками у одной и той же купели: беременная женщина, мужъ и жена, или двое обрученныхъ; равнымъ образомъ неженатыя и незамужнія лица, если они состоятъ въ кумовствѣ между собою (т. е. крестили одно дитя), не могутъ вступать въ бракъ между собою, а также и крестный отецъ не можетъ жениться на своей крестной дочери; впрочемъ, по приказанію царя, обычай этотъ въ настоящее время не строго обязателенъ. При торжественной церемоніи крещенія находились всѣ тогдашніе сенаторы, списокъ которыхъ сообщенъ мнѣ былъ слѣдующій:

122. 1) Князь Яковъ Ѳедоровичь Долгорукій, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, бывшій болѣе 20 лѣтъ посланникомъ во Франціи и потомъ находившійся 10 лѣтъ въ плѣну въ Стокгольмѣ, вмѣстѣ съ другими Русскими, въ числѣ 40 человѣкъ. Онъ особеннымъ, хитрымъ образомъ бѣжалъ изъ подъ караула съ одного Шведскаго корабля (скончался въ 1720 году).

123. 2) Михаилъ Владиміровичь Долгорукій, двоюродный братъ, а можетъ быть и племянникъ перваго. Въ 1718 году, при слѣдствіи надъ царевичемъ, попалъ въ немилость.

124. 3) Графъ Иванъ Алексѣевичь Мусинъ-Пушкинъ, хорошій камералистъ, управлявшій нѣсколько лѣтъ Астраханью и въ слѣдственномъ производствѣ надъ царевичемъ состоявшій президентомъ.

125. 4) Тихонъ Никитичь Стрѣшневъ, бывшій прежде въ великомъ почетѣ и информаторомъ царя. Умеръ въ 1719 году.

126. 5) Никита Моисѣевичь Зотовъ, называемый запросто княземъ-папою. Умеръ года два тому назадъ.

127. 6) Князь Ѳедоръ Юрьевичь Ромодановскій, вице-царь Московскій, умеръ тоже два года назадъ, а сынъ его наслѣдовалъ ему въ его должности.

128. 7) Андреевичь Опухтовъ, бывшій посланникъ (Матвѣевъ) по возвращеніи домой, сдѣланъ сенаторомъ и президентомъ Юстицъ-Коллегіи; и слѣдующіе четыре дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтника, именно:

8) Великій-канцлеръ — графъ Головкинъ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ, князь Долгоруковъ, теперешній посланникъ Польскій и г-нъ Толстой, бывшій посланникъ при Портѣ: всѣ также присутствуютъ въ Сенатѣ.

129. 20 Августа курьеръ привезъ извѣстіе о первой морской побѣдѣ, одержанной царемъ надъ Шведской эскадрой, у Финляндскаго берега, при Гангудѣ (Ганго-Уддъ) [7]), и 18 Сентября царь совершилъ торжественное вшествіе свое въ Петербургъ, черезъ нарочно устроенные для того побѣдные ворота, слѣдующимъ порядкомъ.

130. 15 Сентября Его Царское Величество прибылъ въ Кроншлотъ и оставался тамъ два дня; за тѣмъ продвинулся къ Екатерингофу, гдѣ прождалъ тоже два дня, пока царица разрѣшилась отъ бремени новорожденной царевной, и за тѣмъ уже, 20 числа, приблизился къ крѣпости, привѣтствуемый 150 выстрѣлами изъ пушекъ.

Шествіе начинали:

1) 3 Русскія галеры.

2) 3 Шведскихъ шербота [8]), каждый о 4 пушкахъ.

3) 6 Шведскихъ галеръ, каждая о 14-ти пушкахъ.

4) Шведскій фрегатъ съ своимъ контръ-адмираломъ Еренщельдомъ.

5) Одна шампавія [9]), съ Русскимъ контръ-адмираломъ (самимъ царемъ, который во флотѣ приказывалъ называть и чествовать себя не иначе, какъ по заслугѣ въ ономъ).

6) Три Русскихъ шампавіи съ Русскими солдатами.

Когда суда эти бросили якорь и люди вышли на берегъ, то шествіе открывалъ:

1) Генералъ-маіоръ Головинъ, проходя черезъ побѣдные ворота, во главѣ роты лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. За нимъ слѣдовали:

2) 10 пушекъ, 60 знаменъ и 3 штандарта, отнятые генераломъ княземъ Голицынымъ у Шведскаго генералъ-маіора Аренфельда, въ дѣлѣ при Вазѣ, въ Финляндіи.

3) Двѣ роты Астраханскаго полка.

4) Шведскіе морскіе унтеръ-офицеры, солдаты и матросы, въ числѣ 200 человѣкъ.

5) Двѣ роты Преображенцевъ.

---

[7]) Это была первая самимъ Царемъ одержанная морская побѣда, 25 Іюля 1714 г., при мысѣ Ганго-Уддѣ, между Гельсингфорсомъ и Або, въ которой Шведскій контръ-адмиралъ Еренщельдъ попался въ плѣнъ съ фрегатомъ и 10-ю галерами. *Примѣч. переводчика.*

[8]) Вооруженныя шлюбки, прикрывающія обыкновенно шхеры передъ Стокгольмомъ. *Примѣч. переводчика.*

[9]) Шампавія, родъ военнаго корабля. *Примѣч. переводчика.*

6) 14 Шведскихъ морскихъ офицеровъ.

7) Флагъ Шведскаго контръ-адмирала, несомый четырьмя унтеръ-офицерами.

8) Шведскій контръ-адмиралъ, одѣтый въ новый, шитый серебромъ, подаренный ему царемъ, кафтанъ.

9) Его Царское Величество, въ качествѣ контръ-адмирала, въ зеленомъ, золотомъ, шитомъ кафтанѣ, заключалъ шествіе, вмѣстѣ съ остальными ротами Преображенскаго полка.

На великолѣпно-разукрашенныхъ побѣдныхъ воротахъ выведены были различныя замысловатыя изображенія. Между прочимъ орелъ, сидящій на слонѣ, съ надписью: «Русскій орелъ мухъ не ловитъ». Захваченный Шведскій фрегатъ, называвшійся Элефантъ, объясняетъ сказанное изображеніе.

131. Въ описанномъ порядкѣ побѣдители и побѣжденные вошли въ крѣпость, гдѣ, возсѣдая на тронѣ и окруженный всѣми сенаторами, вице-царь Ромодановскій потребовалъ царя, какъ контръ-адмирала, въ Сенатъ и принялъ отъ него письменное донесеніе объ одержанной побѣдѣ.

132. Ромодановскій вмѣстѣ съ сенаторами прочитали донесеніе; прочитавши держали нѣкоторое время между собою совѣтъ и за тѣмъ, предложивъ еще нѣсколько словесныхъ вопросовъ Русскому контръ-адмиралу и другимъ лицамъ, въ заключеніе единогласно наименовали и провозгласили послѣдняго, за вѣрно-сослуженную имъ службу Отечеству, Русскимъ вице-адмираломъ, при чемъ вся комната Сената огласилась громкими криками: да здравствуетъ вице-адмиралъ! Новый вице-адмиралъ, отблагодаривъ какъ слѣдуетъ за оказанную ему честь, отошелъ въ свою шлюбку, на которой и развернулъ свой вице-адмиральскій флагъ, и за тѣмъ, принявъ поздравленіе отъ иностранцевъ, явился на пиршество, приготовленное во дворцѣ князя Меньшикова.

133. Послѣ стола царь оказывалъ особенную милость Шведскому контръ-адмиралу Еренширьду и сказалъ всѣмъ стоявшимъ вокругъ Русскимъ вельможамъ: «Вы видите передъ собою храбраго и вѣрнаго слугу своему государю, у котораго онъ удостоился высшей награды; и онъ долженъ также, до тѣхъ поръ пока будетъ у меня, пользоваться всевозможною и моею милостью, хотя онъ и много перебилъ храбрыхъ Русскихъ. «Я вамъ это прощаю (прибавилъ онъ, обращаясь къ Еренширьду съ улыбкою) и пребуду благосклоненъ «къ вамъ.»

134. Отблагодаривъ царя, Еренширьдъ отвѣчалъ: «Хотя я и честно «служилъ своему государю, но сдѣлалъ не болѣе того, что̀ я обязанъ «былъ сдѣлать. Я искалъ смерти (онъ получилъ семь ранъ), но не нашелъ «ея и утѣшаюсь въ моемъ несчастіи «тѣмъ, что взятъ въ плѣнъ Его Величествомъ, какъ великимъ морскимъ «офицеромъ, нынѣ возведеннымъ въ «званіе вице-адмирала, и что я имъ «принятъ съ такими милостями». Еренширьдъ этотъ увѣрялъ, что Русскіе сражались, какъ львы и что еслибы онъ самъ не видѣлъ ихъ стойкости въ бою, то никогда бы не повѣрилъ, что изъ своихъ глупыхъ подданныхъ царь сдѣлалъ такихъ хорошихъ солдатъ Но чего не могутъ достигнуть настойчивость, время и мудрость!

135. Надѣюсь, что читателю не будетъ непріятно, если я открою здѣсь тѣ обстоятельства и средства, которыми царь довелъ свое военное управ-

леніе до такого превосходнаго состоянія, которому теперь весь свѣтъ удивляется.

136. Извѣстно, что по смерти старшаго своднаго брата Ѳеодора, было прежде общее управленіе со вторымъ своднымъ братомъ его Иваномъ, и что царевна Софія, родная сестра Ивана, по особой любви къ сему послѣднему и по своему непомѣрному желанію правительствовать, изъискивала всевозможныя на свѣтѣ средства къ тому, чтобы совсѣмъ извести своднаго брата своего, нынѣшняго царя Петра, или по крайней мѣрѣ устроить дѣло такъ, чтобы тѣмъ или другимъ образомъ можно было устранить его отъ наслѣдованія престола.

137. Чтобы достигнуть этой послѣдней цѣли, она полагала, что нѣтъ инаго лучшаго пути, какъ лишить юнаго царя Петра хорошаго воспитанія и оставить его рости въ дикости, среди общества молодыхъ, грубыхъ людей, въ надеждѣ, что по неблаговидному образу жизни своей, онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлается со временемъ ненавистнымъ народу, и что его выдающійся великій духъ и разумъ померкнутъ вслѣдствіе разврата и знакомства со всѣми возможными пороками, и слѣдовательно сдѣлаютъ его неспособнымъ къ правленію и предпріятію великихъ дѣлъ.

138. Но всѣ эти замыслы и соображенія удались очень плохо, потому что превосходная натура возраставшаго царя взяла верхъ, и обнаруженное возмущеніе царевны Софіи въ 1683 году, равно какъ и предостереженія Русскихъ, вѣрныхъ царю, открыли наконецъ ему глаза и возбудили въ немъ сильное негодованіе противъ многихъ знатныхъ людей въ государствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе, со временемъ и при случаѣ, отомстить этимъ противникамъ его. Поэтому, на сколько съ одной стороны забота, которую причинила ему партія Софіи, на столько съ другой и необходимость низвергнуть оную, положили первое основаніе намѣренію царя тверже укрѣпиться на своемъ престолѣ, съ помощію иностранцевъ, для чего призывать ихъ болѣе, чѣмъ когда либо прежде, изъ всѣхъ странъ свѣта, на всевозможныя къ нему службы. Онъ хорошо понималъ, что эта толпа пришельцевъ, будучи ненавидима и преслѣдуема его подданными, тѣмъ самымъ побуждена будетъ возлагать единственное свое упованіе на него, царя и, въ случаѣ возмущенія, безъ сомнѣнія будетъ держаться его и дѣлить съ нимъ его счастіе и несчастіе.

139. Безпрестанныя подстрекательства и тайные заговоры, которые возбуждаемы были противъ царя Петра и которыхъ онъ избавлялся удивительнымъ образомъ, ускорили вербованіе иноземныхъ офицеровъ, и когда въ числѣ ихъ прибыли въ Россію многіе такіе способнѣйшіе люди (и въ особенности знаменитый Лефортъ) которые скоро пріобрѣли вниманіе и милость монарха, то естественно, что разсказы ихъ о своихъ странахъ, ихъ предложенія умножить въ Россіи военную силу и поставить ее на Нѣмецкую ногу, а слѣдовательно и привести къ повиновенію Русскихъ, враждебныхъ царю, должны были еще болѣе укрѣпить въ немъ желаніе измѣнить у себя форму правленія.

140. Такимъ образомъ царь Петръ принялъ твердое рѣшеніе поставить Русской злобѣ Нѣмецкій противувѣсъ и съ помощію сего послѣдняго совершенно извести старую Русскую закваску; поэтому его первымъ стараніемъ было уничтожить корпусъ,

очень преданный сестрѣ его и состоявшій изъ 40000 слишкомъ стрѣльцевъ, такъ какъ воины эти были уже стары, своенравны, но довольно еще сильны для того, чтобы подчиниться муштрованію и нововведеніямъ Нѣмецкихъ офицеровъ. Весьма необходимо, слѣдовательно, было вести дѣло это съ такою осторожностію, чтобы никто не могъ замѣтить цѣли предпріятія, чтобы не озлобить Русскихъ и не напугать иностранцевъ, которые изъ опасенія могли и уйти изъ службы.

141. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, царь Петръ завелъ роту въ 50 человѣкъ, которая не имѣла никакого родства и ничего общаго со стрѣльцами, приказалъ ее одѣть и упражнять на Нѣмецкій ладъ, поставилъ въ ней иноземныхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ; самъ, для ободренія новобранцевъ, сталъ въ ряды ихъ въ качествѣ барабанщика, потомъ унтеръ-офицера и такъ далѣе до капитана, ходилъ съ этою ротою на парады, и Русскіе воображали себѣ, что онъ держитъ людей этихъ только для потѣхи своей; поэтому и стрѣльцы смотрѣли на невѣдомыя имъ упражненія, какъ на зрѣлища, и забавлялись только ими.

142. И такъ дѣло превосходно подвигалось впередъ; маленькій отрядъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливался, пока наконецъ изъ него образовался цѣлый батальонъ, а потомъ и нѣсколько полковъ, такимъ образомъ, что этотъ казавшійся въ началѣ шуточнымъ разсадникъ вывелъ, въ концѣ концевъ, такую новую армію, которая сломила шею старой за ея возмущеніе, утвердила тронъ царя, и въ послѣдствіи, доставила ему какъ внутреннюю безопасность, такъ и высокое уваженіе иноземныхъ государствъ. Поэтому-то царь свою лейбъ-гвардію, состоящую изъ 10,000 человѣкъ, какъ опору и защиту государства, болѣе любитъ и содержитъ лучше, чѣмъ всѣ другія войска.

143. Если теперь къ этимъ 10,000 человѣкъ прибавить многочисленныя войска, стоящія въ Финляндіи и Украйнѣ, гарнизоны Петербурга, Нарвы, Риги, Ревеля и пограничныхъ Украинскихъ крѣпостей, то можно вывести довольно вѣрное заключеніе, что военная сила царя въ дѣйствительности должна простираться до ста тысячъ обученныхъ, хорошо снаряженныхъ и еще лучше вооруженныхъ солдатъ, не считая тутъ состоящихъ въ царскомъ подданствѣ Казаковъ, Татаръ и Калмыковъ, ни такъ называемыхъ черныхъ полковъ, составляющихъ родъ земской милиціи.

144. Эта военная сила въ настоящее время держится въ строжайшей дисциплинѣ и весьма порядочно выучена, хотя, по ничтожности жалованья Русскихъ офицеровъ, она не стоитъ такъ высоко у царя, какъ арміи въ другихъ странахъ.

145. Русская пѣхота не уступитъ никакой другой, кавалерія же хотя также состоитъ изъ истинно-достойныхъ воиновъ, но въ ней слѣдовало бы кое-что измѣнить; при томъ же лошади въ Россіи малорослы, и Русскій человѣкъ никакъ не привыкнетъ надлежащимъ образомъ блюсти и беречь своего коня.

146. На помянутомъ выше пиршествѣ, офицеры, бывшіе на морѣ съ царемъ, разсказывали, что Его Величество, во время страшной бури въ Іюлѣ мѣсяцѣ, находился съ кораблемъ своимъ въ большой опасности, и по мнѣнію всѣхъ, понимавшихъ морское дѣло людей, считалъ себя уже погибшимъ, вслѣдствіе чего изъ двухъ

золъ онъ выбралъ будто-бы меньшее и, не взирая на скалы и на отговоры Русскихъ, умолявшихъ его на колѣняхъ, сѣлъ въ крѣпкую шлюпку, сказавъ только: «Вы братцы не вѣрите судьбѣ» (Praedestination) и въ неунимавшуюся бурю, въ темную ночь, пустился въ море, счастливо достигнулъ берега, находившагося въ двухъ миляхъ и, по условію, развелъ тотчасъ же на берегу огонь, чтобы извѣстить флотъ о своемъ спасеніи.

147. Оба мѣсяца, Октябрь и Ноябрь, проведены были въ разныхъ полезныхъ занятіяхъ, и царь въ особенности хлопоталъ о постройкахъ въ крѣпости, о сооруженіи разныхъ другихъ общественныхъ зданій, о кораблестроеніи, для чего собрано было болѣе 40,000 рабочихъ людей; но такъ какъ и этого количества народу было недостаточно, то въ помощь пригнаны были Финскіе крестьяне и плѣнники Шведскіе. Сихъ послѣднихъ прибыло изъ Самары, города лежащаго за Казанью на р. Волгѣ, 600 человѣкъ, которые тамъ работали нѣсколько уже лѣтъ, въ сѣрныхъ копяхъ; по вредному вліянію работы этого рода на здоровье людей, плѣнники большею частью перемерли въ тѣхъ мѣстахъ.

148. Государыня-царица, какъ первая покровительница и благодѣтельница всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ людей, когда плѣнники прибыли въ Петербургъ, одѣлила ихъ зимней одеждой и дала имъ по нѣскольку денегъ.

149. Въ послѣдній изъ поименованныхъ выше мѣсяцевъ, я осматривалъ городъ Нишанцъ, разрушенный въ началѣ настоящей войны Русскими. Городъ этотъ находился на разстояніи около мили отъ Петербурга, по ту сторону рѣки, какъ разъ на ея берегу, и я могъ видѣть одни только развалины его, глубокіе рвы, колодцы и погребныя ямы, потому что весь матеріалъ разрушенныхъ домовъ употребленъ былъ на обстройку Петербурга. Жители города, производившіе порядочную торговлю въ Остзейскомъ морѣ, большею частію захвачены въ плѣнъ, а незамужнія дѣвицы взяты къ себѣ въ услуженіе царицею, княгинею Меньщиковою и другими знатными дамами и за тѣмъ повыданы замужъ.

150. Въ тоже время я взглянулъ и на увеселительный дворецъ Петергофъ, лежащій у самаго взморья, и если я скажу здѣсь о немъ только то, что въ продолженіи 10-ти уже лѣтъ надъ нимъ работали лучшіе мастера́ и нѣсколько тысячъ рабочихъ людей, которые покорили и передѣлали самую природу, то уже по этому можно составить себѣ понятіе о великолѣпіи и отдѣлкѣ увеселительныхъ построекъ, на которыхъ въ прошломъ году ежедневно находилось по 10,000 человѣкъ и которыя скоро представятъ собой новый Версаль.

151. 1-го Декабря умеръ Самоѣдскій князь, о которомъ я говорилъ выше; отпѣваніе совершалось съ большими церемоніями въ католической церкви, къ которой онъ принадлежалъ по своей вѣрѣ, и при этой церкви онъ и погребенъ.

152. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ онъ былъ коронованъ въ Москвѣ, и ему присягали 24 Самоѣда, нарочно для того выписанные изъ ихъ земли, вмѣстѣ съ такимъ же числомъ оленей.

153. Въ началѣ Декабря мѣсяца, прискакалъ изъ Константинополя курьеръ, отъ вице-канцлера Шафирова, доносившаго царю, что, послѣ многихъ тревогъ и неудовольствій, онъ получилъ отъ Порты благосклон-

ный отпускъ, что отправляется домой, находясь въ наилучшемъ съ нею согласіи, и посылаетъ изъ Константинополя курьера впередъ за три мили. Царь очень радъ былъ возвращенію этого министра, который цѣлому государству Русскому сослужилъ такую великую службу.

154. Въ это же время царь приказалъ написать своему агенту во Францію, чтобы онъ пріискивалъ какъ можно больше всякаго рода искусныхъ ремесленниковъ и договорилъ ихъ пріѣхать въ Россію на выгодныхъ для нихъ условіяхъ, обѣщая имъ, между прочимъ, что они будутъ имѣть даровыя помѣщенія и первыя 10 лѣтъ свободу отъ всѣхъ податей и повинностей.

155. Изъ Берлина пріѣхалъ въ Петербургъ одинъ Французъ, взявшійся устроить чулочную фабрику, для которой и начали уже строить большой каменный домъ.

156. Всѣмъ жителямъ Петербурга, имѣющимъ деревянные одно-этажные дома, строго воспрещено возводить на нихъ другой этажъ. Указомъ недавно вышедшимъ повелѣно также, что хотя и дозволяется еще имѣть значительное число выстроенныхъ уже деревянныхъ домовъ, но чтобы впредъ не строить ни одного дома изъ лѣсу, а чтобы стѣны и крыши новыхъ домовъ были кирпичныя.

157. Царь приказалъ предписать царевичу, чтобы онъ, окончивъ лѣченіе въ Карлсбадѣ, явился въ Петербургъ. Когда пришло къ нему это повелѣніе, а также и въ своемъ отвѣтѣ на оное, царевичь обнаружилъ мало охоты исполнить его; ходили слухи, будто онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что до сихъ поръ числился только сержантомъ.

158. Богатый князь Гагаринъ, губернаторъ Сибирскій, хотѣлъ было единственную дочь свою, молодую, прекрасную и разумную дѣвицу, выдать, противъ воли ея, за старшаго сына сенатора Мусина-Пушкина, воротившагося изъ Франціи; чтобъ избавиться отъ этого невольнаго брака, дѣвица бѣжала изъ Москвы въ какой-то Русскій монастырь и постриглась въ немъ.

159. Въ Россіи, если жена убѣжитъ отъ мужа или дочь отъ родителей и поступятъ въ монастырь, (что случается довольно часто въ провинціяхъ), то никто уже не можетъ ее взять оттуда, коль скоро она постриглась въ монахини.

160. Царь совершилъ поѣздку въ Дудровъ и другія мѣстности Ингерманландіи, дабы обозрѣть колоніи, выселенныя туда изъ Россіи и взглянуть лично на состояніе ихъ. Изъ Россіи онъ вывелъ въ Ингерманландію множество зажиточныхъ съ полнымъ хозяйствомъ крестьянъ, съ женами и дѣтьми, и поселилъ ихъ въ помѣстьяхъ, прежде доходныхъ, но вслѣдствіе войны и чумы обратившихся въ совершенно пустынныя земли; съ другой стороны, бѣднымъ крестьянамъ, жившимъ внутри Россіи, роздано въ собственность все то, что оставили тамъ упомянутыя выселенныя оттуда крестьянскія семьи.

161. Изъ Москвы пришли слухи, что вдовствующая супруга царя Ивана, Прасковія, съ тремя дочерьми своими (изъ которыхъ старшая Анна была тоже уже вдовою герцога Курляндскаго, а средняя вышла позднѣе за герцога Мекленбургскаго) получила приказаніе оставить свою увеселительную дачу, доставшуюся ей во вдовій удѣлъ — Из-

майлово, лежащее въ 3 миляхъ отъ Москвы, и пріѣхать въ Петербургъ.

162. Царевны, дочери царя, воспитывались въ Петербургѣ; онѣ хорошо и старательно обучены всему, что̀ было имъ необходимо. Онѣ очень свободно говорили понѣмецки, но по-французски ихъ еще не обучали.

163. Однажды царь спросилъ у кого-то: «Неужели Нѣмецкій языкъ не «достаточно богатъ, чтобы можно «было вразумительно и понятно объ«ясняться на немъ!» И когда ему отвѣчали: «Да, Нѣмецкій языкъ до«статочно богатъ для того», онъ выразилъ удивленіе, что Нѣмцы такъ сильно влюблены во Французской языкъ.

164. Работы по сооруженію большаго зданія для новой канцеляріи, все время, дѣятельно продолжались и теперь совершенно окончены. Нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ (дипломатической) канцеляріи, въ которой бы велись дѣла на стольких языкахъ, какъ въ Русской. Въ ней 16 переводчиковъ и секретарей, ведущихъ переписку на Русскомъ, Польскомъ, Латинскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ, Голландскомъ, Датскомъ, Французскомъ, Итальянскомъ, Испанскомъ, Греческомъ, Турецкомъ, Китайскомъ, Татарскомъ, Калмыцкомъ и Монгольскомъ языкахъ.

165. По завоеваніи Дерпта и Нарвы Русскими, всѣ жители этихъ городовъ, взятые въ плѣнъ, числомъ 1600 человѣкъ, выселены были внутрь Россіи, въ Казань, Астрахань, Сибирь, Вологду и Москву; когда же, прошедшимъ лѣтомъ, всѣ эти плѣнные были разъисканы и имъ объявлено, что они могутъ возвратиться на родину, то, вслѣдствіе этого повелѣнія, человѣкъ 200 изъ нихъ, людей зажиточныхъ, воротились въ Нарву и теперь давно уже находятся тамъ; другіе же, доѣхавъ до Москвы, остались тамъ и представили царю слезное прошеніе, что такъ какъ они потратили на проѣздъ все, что̀ имѣли, то и не могутъ ѣхать далѣе. Вслѣдствіе этого Его Величество приказалъ дать имъ въ Москвѣ 200 повозокъ съ лошадьми, для доставленія ихъ на родину. Въ настоящее время люди эти хотя и проживаютъ уже въ Нарвѣ, но дѣла ихъ вообще плохи. Большая же часть плѣнныхъ добровольно осталась въ мѣстахъ, куда были высланы, потому что тамъ они могли добыть лучшія средства существованія, и не захотѣли покидать свои вновь пріобрѣтенные дома̀ и земли.

166. Одинъ офицеръ, пріѣхавшій изъ Финляндіи, разсказывалъ мнѣ, что въ одномъ лишь городѣ Каянебургѣ, лежащемъ у открытаго моря въ Финляндіи, еще стоялъ Шведскій гарнизонъ, но что теперь и онъ также находится подъ владычествомъ царя. Относительно этого города замѣчательно то, что Шведскій комендантъ его, во все время войны, состоялъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ пограничными Русскими и Лапонцами, что̀ одинаково пріятно было для обѣихъ сторонъ, для Шведовъ, и для Русскихъ. Это объясняется тѣмъ, что, по причинѣ бѣдности самой страны и ея жителей, непріязненность не доставила бы никакой выгоды или пользы. Тоже самое, какъ слышалъ я отъ самаго царя, происходитъ и въ главномъ городѣ Лапоніи Колѣ, гдѣ сходятся границы Шведскихъ, Датскихъ и Русскихъ Лапонцевъ и гдѣ эти различные народцы, скудно питаясь печеною рыбою, въ продолженіи всей войны, жили между собою дружелюбнѣйшимъ образомъ

и не переставали вести торговлю другъ съ другомъ.

Положеніе Финляндіи (по разсказамъ того же помянутаго офицера) крайне бѣдственное: крестьяне нѣкоторыхъ уѣздовъ до сихъ поръ не имѣли вовсе хлѣба и питались древесною корою. Въ этой странѣ нѣтъ даже селеній, а лишь отдѣльныя, тамъ и сямъ разбросанныя избы, и на пространство 4 и 5 миль приходится по одному только священнику. Почва земли во всей Финляндіи мало плодородна и покрыта больше голыми утесами, скалами, озерами, болотами, порубленнымъ кустарникомъ, который, съ помощію крестьянъ, рубили и расхищали Шведскіе партизаны.

167. Въ этомъ мѣсяцѣ обнаружилась наконецъ причина печальнаго настроенія царя, въ которомъ онъ находился уже нѣсколько недѣль. Онъ открылъ теперь злоупотребленія, вкоренившіяся въ его государствѣ еще съ 1706 г. и узналъ, почему войска получаютъ плохо жалованіе и терпятъ великую нужду, почему уходятъ Нѣмецкіе офицеры, отъ чего тысячи рабочихъ людей погибли самымъ плачевнымъ образомъ, отъ чего настала такая дороговизна въ его странѣ, внутренняя торговля упала и особенно финансы находятся въ столь дурномъ состояніи. Царь принялъ твердое рѣшеніе исправить все это, если не вполнѣ, то на сколько возможно, для чего и приказалъ произвести въ этомъ году общее разслѣдованіе.

168. Изъ 20 лѣтняго опыта извѣстно, что царь, несмотря на всѣ расходы по устройству арміи и флота и всевозможныя сооруженія и постройки, никогда не былъ въ необходимости прибѣгать къ займамъ, но всякій разъ находилъ для исполненія своихъ предпріятій новыя вспомогательныя средства въ своемъ государствѣ. Россія чрезвычайно богата товаромъ и продуктами, но въ чистыхъ деньгахъ избытка далеко въ ней нѣтъ, и если взглянуть на огромное пространство этаго государства, то становится удивительнымъ, что между обширностію его и доходами оказывается такая громадная несоразмѣрность; ибо въ немъ есть много провинцій, которыя, въ плодородіи и въ богатствѣ произведеній, служащихъ къ удовлетворенію потребностей человѣка, не уступятъ никакой другой странѣ въ свѣтѣ. Хотя царь и открылъ бо̀льшую часть причинъ этаго неудовлетворительнаго состоянія и многія уже устранилъ; но иныя въ настоящее время ему еще невозможно уничтожить; а объ остальныхъ онъ и самъ не имѣлъ еще ни времени, ни случая собрать вполнѣ достаточныя свѣдѣнія.

169. Нельзя отрицать, что въ Россіи мало городовъ, а много лѣсовъ и степи; что большая часть земли ея безплодна или, лучше сказать, остается необработанною; но одна изъ важнѣйшихъ причинъ такого явленія заключается въ томъ, что страна обезсилена убылью народа отъ теперешней войны; остальное населеніе, вслѣдствіи тираніи чиновниковъ и дворянъ, не имѣетъ ни охоты, ни расположенія приложить къ чему нибудь руки и помышляетъ только о своемъ ежедневномъ скудномъ пропитаніи.

170. Такъ какъ цари имѣютъ власть во всякое время, по усмотрѣннымъ обстоятельствамъ, отбирать имѣнія у бояръ своихъ, то поэтому и сіи послѣдніе возъимѣли ложное мнѣніе, будто они тоже могутъ дѣлать съ своими крестьянами; отсюда и про-

исходитъ, что всякое прилежаніе, всякое стремленіе къ пріобрѣтенію подавлены у крестьянъ и что крестьяне эти, изъ недовѣрія къ помѣщику своему, если и пріобрѣтаютъ коечто тайкомъ, то зарываютъ въ навозъ и ничему не даютъ ходу.

171. Высасывая себѣ такимъ образомъ хитростію и властью сокъ и силу крестьянъ, дворяне не хотятъ въ тоже время колоть глаза своими награбленными богатствами, и оттого, по примѣру крестьянъ, запираютъ свое золото въ ларцы, гдѣ оно и ржавѣетъ, или же (какъ разумно дѣлаютъ теперь нѣкоторые изъ нихъ) посылаютъ свое золото въ банки, въ Лондонъ, Венецію, или Амстердамъ. Вслѣдствіе всего этаго, такъ какъ деньги дворянъ и крестьянъ скрыты, то они и не могутъ быть въ обращеніи и не приносятъ странѣ никакой пользы; и хотя царю не разъ совѣтовали отмѣнить рабство, пробудить и ободрить большинство своихъ подданныхъ дарованіемъ имъ нѣкоторой умѣренной свободы и тѣмъ доставить выгоду и себѣ; но царь, въ виду дикой натуры Русскихъ, а также и того, что безъ принужденія ихъ ни къ чему не поведешь, имѣлъ достаточныя причины отвергать до сихъ поръ эти совѣты и предложенія.

Въ первое время пребыванія моего въ Россіи, хотя я и старался всѣми мѣрами добыть точное исчисленіе царскихъ доходовъ, но всѣ старанія мои оставались тщетными до тѣхъ поръ, пока наконецъ, съ помощію нѣкоторыхъ добрыхъ друзей, я не напалъ на слѣдъ. Такимъ образомъ изъ данныхъ, полученныхъ мною отъ нихъ, а частію извлеченныхъ мною самимъ изъ тѣхъ или другихъ источниковъ, я хочу сообщить здѣсь читателю вѣрныя и до сихъ поръ еще нигдѣ не обнародованныя свѣдѣнія о доходахъ царя въ томъ видѣ, какъ они были съ 1714 по 1717 годъ, и тѣмъ дать точное понятіе о теперешнемъ состояніи такого могущественнаго государства, какова Россія.

172. Доходы, ежегодно предполагаемые къ поступленію въ царскую казну съ отдаленныхъ областей, входящихъ въ составъ Русскаго государства, троякаго рода: людьми, провіантомъ и деньгами.

173. Въ числѣ людей, поставка которыхъ доставляетъ царю извѣстныя выгоды, справедливо считаютъ:

174. Казаковъ или Черкасовъ. Они населяютъ такъ называемую Украйну, или пространства, лежащія между рр. Дономъ и Днѣпромъ, выше пороговъ сей послѣдней рѣки, почему они и пишутся также Запорожцами. Прежде они состояли подъ владычествомъ Польши, но непомѣрно угнѣтаемые этою націею перешли въ подданство сперва Турокъ, а потомъ, когда не нашли, вѣроятно, желаннаго и у этихъ невѣрныхъ, въ подданство къ царю Алексѣю, отцу нынѣшняго монарха.

175. Виновникъ сего послѣдняго подданства былъ тогдашній генералъ или гетманъ казаковъ, Дорошенко, потомки котораго и теперь еще считаются знатнѣйшею фамиліею и который съумѣлъ постановить такія условія договора, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ послѣдствіи не было никакихъ перемѣнъ, казаки, не смотря на подданство свое, едва ли знаютъ, что̀ называется подданствомъ.

176. Поступая подъ защиту и покровительство Его Царскаго Величества, Дорошенно выговорилъ себѣ преимущественно слѣдующія условія: чтобы вся Украйна была свободна

ото всякихъ гражданскихъ повинностей, чтобы казаки жили по однажды принятымъ и въ Украйнѣ дѣйствующимъ Магдебургскимъ правамъ, чтобы они пользовались свободною торговлею и въ особенности винокуренія, варенія и продажи пива и меду, чтобы они управлялись своимъ начальствомъ и чтобы отнюдь не поставлять имъ начальника изъ Русскихъ или иностранцевъ. За все это онъ съ своей стороны обязался поставлять царю, по первому его востребованію, конное войско въ 60,000 человѣкъ. Такое предложеніе представляло великую выгоду въ тѣ времена, когда не знали еще регулярныхъ войскъ и когда казаки въ Польскомъ и Русскомъ мірѣ считались лучшимъ и сильнѣйшимъ войскомъ; въ настоящее же время, при теперешнемъ устройствѣ царскихъ войскъ, въ казакахъ нѣтъ уже такой надобности, и ихъ бы охотно освободили отъ воинской ихъ службы (тѣмъ уже болѣе, что теперь они свыше 30,000 человѣкъ и доставить не могутъ) и поставили прямо на Русскую ногу, еслибъ не опасались того, что они уйдутъ назадъ, черезъ Днѣпръ, въ предѣлы Польши, или за Донъ въ Татарію, такъ какъ они и всегда называютъ Татаръ своими братьями. Въ такомъ случаѣ можно опасаться не только того, что занимаемыя ими теперь превосходныя земли обезлюдѣютъ и обратятся въ пустыни, но также и того, что, подъ ихъ водительствомъ и подкрѣпленіемъ, въ Россію могутъ вторгнуться и Татары. Отважиться на это и подвергать себя такой случайности Русскому правительству кажется довольно опаснымъ, и потому оно изыскиваетъ другіе, не столь замѣтные, способы, чтобы вполнѣ поработить и обезсилить Украйну. Приступъ къ этому сдѣланъ уже довольно удачный, именно тѣмъ, что, со времени войны съ Турками и даже до сего дня, казаки обязаны были не только давать квартиры для большей части Русской кавалеріи, но и ставить почтовыхъ лошадей, ежеминутно требуемыхъ, но ничѣмъ не оплачиваемыхъ, вслѣдствіе чего вся страна ихъ раззорена до такой степени, что теперь она не походитъ даже на тѣнь прежней Украйны.

177. Подобнаго же рода воинство Его Царское Величество можетъ призывать и изъ 2) Калмыцкихъ ордъ. Но такъ какъ этимъ войскамъ необходимо доставлять вспомогательныя средства, которыя обходятся Русскому правительству дороже пользы, ими приносимой, то ихъ и употребляютъ весьма рѣдко. Нѣсколько лучшую службу доставляютъ подвластные Русскому государству 3) Татары, которые также обязаны являться по требованію царя и прежде употреблялись только въ походахъ, а теперь наряжаются и на всякія другія работы.

178. Но самую бо́льшую выгоду извлекаетъ царь изъ 4) рекрутовъ, которыхъ обязана доставлять ему страна въ такомъ количествѣ, какое ему будетъ угодно, безъ всякихъ пособій съ его стороны.

179. Прежде, еще до устройства полковъ, призывъ рекрутъ былъ довольно безпорядоченъ. За короткое время передъ выступленіемъ въ поле, изъ воинской канцеляріи выдавался полковникамъ списокъ, съ спеціальнымъ поименованіемъ тѣхъ селеній, изъ которыхъ слѣдовало набирать рекрутъ, при чемъ полковники имѣли въ виду царскій интересъ гораздо менѣе, чѣмъ собственный свой и, чтобы набить свой карманъ, поставляли

въ поле самый горестный народъ. Это было тѣмъ легче, что, съ одной стороны природное отвращеніе Русскаго простонародья къ войнѣ давало достаточный поводъ къ выжиманію денегъ изъ людей трусливыхъ, а съ другой не было никого, кто бы захотѣлъ обратить вниманіе на такія злоупотребленія, а тѣмъ болѣе преслѣдовать ихъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ военному управленію въ Россіи дана новая форма, бо̀льшая часть этихъ злоупотребленій уничтожена, и такъ какъ въ Русскомъ простомъ народѣ нѣтъ добровольныхъ охотниковъ поступать въ солдаты, то въ призывѣ рекрутъ установленъ слѣдующій порядокъ. Какъ только пополнится армія, и рекрутъ останется всего какихъ нибудь нѣсколько тысячъ, дѣлается представленіе въ Сенатъ, что потребно такое-то количество новыхъ рекрутъ. Сенатъ распредѣляетъ это требованіе по губерніямъ и предписываетъ каждому мѣстному губернатору, сколько именно онъ долженъ выставить рекрутъ, сообразносъ управляемою имъ областью. Губернаторы дѣлаютъ уже распоряженіе по находящимся въ ихъ вѣдомствѣ крестьянскимъ дворамъ; ибо каждые 40, 50, а иногда только 20 дворовъ, обязаны на свои средства поставить одного рекрута и доставить его въ Москву, или иное сборное мѣсто, а оттуда уже, вмѣстѣ съ остальными собранными тамъ, отправляютъ ихъ въ Петербургъ или въ армію. По такому порядку исчислено, что обыкновенно предписывается набирать 20000 ординарныхъ рекрутъ въ годъ, что̀ по громадности земель, обладаемыхъ царемъ, почти невѣроятно какъ мало, особенно если принять въ соображеніе дурное продовольствіе, которымъ прокармливаютъ этихъ людей по общему Русскому обычаю и то, что большинство ихъ, еще въ учебные годы, гибнетъ больше отъ голоду и холоду, чѣмъ отъ непріятеля. Описанный наборъ въ настоящее время, когда армія не терпитъ уже значительной убыли, дѣлается съ крестьянскихъ дворовъ; но въ началѣ текущей войны, когда Русскія войска понесли важныя пораженія, при Нарвѣ и въ другихъ мѣстахъ, наборъ производимъ былъ нѣсколько разъ и изъ домовъ вельможъ, державшихъ при себѣ, по древнерусскому обычаю, отъ 4 до 5 сотъ прислуги, изъ коей 3-ій, или 4-й человѣкъ долженъ былъ стать подъ ружье, что̀, впрочемъ, дѣлалось только временно, по приведенной выше причинѣ, но никакимъ закономъ, или указомъ установлено не было. Почти подобное обстоятельство было и съ 5) матросами, которые въ началѣ набирались только изъ областей, лежащихъ на большихъ рѣкахъ, какъ напримѣръ въ Архангелородской и Казанской губерніяхъ.

180. Русскіе, обитавшіе по берегамъ Ледовитаго моря (также, какъ было это и на островахъ Великобританіи) добывали значительное количество морской соли, съ помощію огня и растущаго у нихъ въ изобиліи лѣсу. Когда сообразили, что люди эти, привыкшіе плавать повсюду на своихъ сшивныхъ судахъ, легко могутъ выучиться плавать и на устроенныхъ надлежащимъ образомъ корабляхъ, то всѣхъ ихъ позабрали въ Петербургъ, и добывка соли была, слѣдовательно, брошена; поэтому-то, царь и велѣлъ въ послѣдствіи закупать заграничную соль, на что долженъ былъ затрачивать ежегодно великія суммы. Теперь же, когда флотъ значительно умножился и на него требуется больше народу, и отдаленнѣйшія об-

ласти обязываются поставлять людей, и ихъ берутъ даже изъ рудокопень, въ которыхъ люди эти работали съ юныхъ лѣтъ, и потому, какъ только попадутъ они на воду (стихію имъ непривычную) то мрутъ, какъ мухи, тѣмъ болѣе, что, по причинѣ суевѣрія, ихъ невозможно уговорить не соблюдать долгихъ постовъ. Такъ какъ рекруты набираются обыкновенно чрезъ посредство губернаторовъ, которые потомъ и высылаютъ ихъ къ мѣсту назначенія, то при наборѣ матросовъ, всякій почти разъ посылается лейбъ-гвардіи Преображенскій или Семеновскій офицеръ въ извѣстную область, съ собственноручнымъ повелѣніемъ Его Величества; въ такомъ случаѣ офицеръ этотъ уполномочивается поступать при наборѣ по своему усмотрѣнію, даже противъ желанія губернаторовъ.

181. Такъ какъ царь, изъ всей военной силы, любитъ, повидимому, всего болѣе флотъ, то онъ особенно заботится о томъ, чтобы все, что̀ необходимо для снаряженія и устройства флота, исполнялось самымъ старательнымъ и поспѣшнымъ образомъ.

182. Точно также Русское земство, по указу своего государя, обязано доставить 6) всякаго рода ремесленниковъ, въ особенности же каменьщиковъ, плотниковъ и кузнецовъ. Такъ такъ этотъ родъ людей (каменьщики, плотники и кузнецы), безъ всякаго обученія, просто самоучкой, живутъ и промышляютъ въ бо̀льшей части Русскихъ селеній, изъ которыхъ перебираться на житье въ такую новую мѣстность, какова Петербургъ, имъ бываетъ тягостно въ высшей степени, то ихъ набираютъ изъ крестьянъ также, какъ и рекрутъ, но только съ 400 или съ 500 крестьянъ поставляется обыкновенно, по приказанію губернатора, всего только одинъ работникъ. Путевое продовольствіе этихъ новобранцевъ принимаютъ на себя всѣ сказанные крестьяне, по опредѣленному денежному сбору; но какъ скоро доставятъ его на мѣсто, онъ поступаетъ на царское жалованье, по одному рублю въ мѣсяцъ, которое и получаетъ обыкновенно до конца своей жизни; но случается, что за доброе поведеніе и знаніе своего мастерства ему дѣлается и нѣкоторая надбавка. Остальные, болѣе тонкіе ремесленники, каковы: часовыхъ, золотыхъ дѣлъ мастера̀, слѣсаря, мѣдники, башмачники, портные, переплетчики и пр. отъ земства не требуются; но если узнаютъ, что такой мастеръ находится въ извѣстномъ мѣстѣ, его просто берутъ, гдѣ бы онъ ни былъ, и везутъ прямо въ Петербургъ.

183. Такъ какъ, особенно въ правленіе настоящаго царя, въ Петербургѣ, Кіевѣ, Москвѣ, Азовѣ, Таганрогѣ, Черниговѣ, Нижнемъ, Переяславлѣ и въ другихъ мѣстахъ, заложены крѣпости и возводятся большія зданія: то найдено необходимымъ требовать отъ земствъ и 7) подручныхъ и барщинныхъ работниковъ на эти постройки. По множеству зданій, возводимыхъ въ Петербургѣ, эти рабочіе сгоняются сюда изо всѣхъ областей, въ остальные же города только изъ той именно области, въ которой строятся крѣпости, такъ: въ Кіевскую, Нижегородскую, Переяславскую и Черниговскую,—изъ Кіевской; въ Азовскую, Таганрогскую, Черкасскую —изъ Воронежской или Азовской области. Набираемымъ рабочимъ людямъ тотчасъ же выдаются путевыя деньги и продовольствіе на 6 мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ рабочіе эти возвращаются домой, а на-

мѣста̀ ихъ должны явиться другіе: это какъ бы бездна, въ которой изнемогаетъ и гибнетъ безчисленное множество Русскихъ подданныхъ. Люди, знающіе основательно это дѣло, увѣряютъ, что при возведеніи крѣпости въ Таганрогѣ у Чернаго моря погибло болѣе 300,000 крестьянъ, и еще болѣе на Петербургскихъ и Кроншлотскихъ работахъ, частію отъ голода, а частію вслѣдствіе болѣзней, развившихся отъ болотистой почвы.

184. Вотъ всѣ выгоды или доходы, извлекаемые Его Царскимъ Величествомъ изъ подвластныхъ ему странъ, относительно людей.

185. Большая часть царскихъ доходовъ извлекается также, какъ сказано, изъ провіанта. Повинность эта не всегда одинакова, но умножается или уменьшается, смотря по обстоятельствамъ и требованію войскъ. Въ прежнія времена, когда гарнизоны защищали пограничныя крѣпости отъ Турокъ, Крымскихъ и другихъ Татаръ, отъ Поляковъ, Шведовъ и другихъ непріязненныхъ сосѣдей, и войска, находившіяся внутри государства, продовольствовались земствомъ. Они располагались по селеніямъ, и отъ каждаго двора требовалась извѣстная доля хлѣба, овса и крупы, что̀ при многочисленности войскъ и гарнизоновъ въ крѣпостяхъ составляло значительное количество потребляемаго провіанта. За тѣмъ, когда границы государства начали расширяться на Сѣверѣ, способъ взиманія провіанта удержанъ тотъ же, но съ тою прибавкою, что крестьяне обязаны были доставлять хлѣбъ въ Петербургъ и другія вновь завоеванныя мѣстности, что̀, при значительномъ отдаленіи мѣстъ доставки, было гораздо невыносимѣе самой повинности сбора провіанта. Когда по этому случаю возникли многочисленныя жалобы, было рѣшено наконецъ доставку провіанта предоставить извѣстнымъ поставщикамъ и, вмѣсто хлѣба, взимать съ земцевъ стоимость его. Мѣра эта, безъ сомнѣнія, была бы великимъ облегченіемъ странѣ, еслибъ только дѣло повелось чисто. Но при этомъ завелась бездна мошенничества, и большіе господа, которымъ поручалось договариваться съ поставщиками, сами принимали доставку на себя, подъ чужими именами, выговаривая себѣ въ контрактѣ цѣну за тонну хлѣба, какую хотѣли, такъ что цѣна за хлѣбъ, поступавшій въ царскіе магазины, стояла гораздо выше рыночной; поэтому ожиданное облегченіе странѣ обратилось въ невыносимую ей тягость, и множество народу бѣжало изъ собственныхъ домовъ. Такое угнѣтеніе страны продолжалось довольно долгое время, отчасти потому, что самъ царь мало бывалъ внутри государства своего, а отчасти и отъ того, что не было никого, кто бы захотѣлъ открыть правдѣ глаза и оскорбить вельможъ, которые были въ это замѣшаны. Наконецъ нашелся человѣкъ, который бѣдствія страны принялъ къ сердцу ближе собственной опасности и отважился эти злоупотребленія открыть царю, хотя и такимъ способомъ, что еслибъ онъ увидалъ, что на его донесенія не обратятъ никакого вниманія, онъ могъ бы вынуть еще изъ петли свою голову и остаться неузнаннымъ.

186. Для этого онъ написалъ жалобы отъ страны и разбросалъ ихъ по разнымъ мѣстамъ, гдѣ, какъ ему извѣстно было, долженъ былъ проходить царь. Счастье захотѣло послужить ему. Царь поднялъ одну изъ этихъ жалобъ, самъ прочиталъ ее,

обратилъ на нее строгое вниманіе и обѣщалъ даже составителю ея безнаказанность и щедрую награду, если только онъ объявитъ себя и докажетъ справедливость всего имъ написаннаго. Тогда-то писавшій открылся, началъ свое дѣло и довёлъ его до того, что царь ясно уже могъ видѣть невѣрность своихъ чиновниковъ. Это дало поводъ къ огромному слѣдствію, которое въ началѣ 1715-го года въ Петербургѣ поручено было вѣдѣнію находящагося теперь въ заключеніи генерала Василія Долгорукаго. Въ немъ замѣшаны были всѣ знатныя лица государства: генералъ-адмиралъ Апраксинъ, князь Меньщиковъ, Петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ, оберъ-адмиралитетсъгеръ Кикинъ, первый коммиссаръ адмиралитета Синявинъ, генералъ-фельдцейгмейстеръ Брюсъ, двое изъ Сенатской Коллегіи:—князь Волконскій и Апухтинъ, и безчисленное множество царскихъ чиновниковъ втораго и третьяго чиновъ. Апраксинъ, Меньщиковъ и Брюсъ оправдывались тѣмъ, что они рѣдко были въ Петербургѣ, а больше въ походѣ, или внѣ государства, и потому не могли знать, чтò происходило у нихъ и дома, а тѣмъ болѣе не могли проникнуть продѣлки своихъ невѣрныхъ подчиненныхъ чиновниковъ и помѣшать имъ. Такія оправданія этихъ господъ, частію по кажущемуся правдоподобію ихъ, частію же потому, что господа эти пользовались особымъ расположеніемъ царя, были приняты во вниманіе, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы они уже надлежащимъ образомъ поплатились изъ казны своей. Другіе же, не имѣвшіе возможности оправдаться, строжайше наказаны: Корсаковъ публично наказанъ кнутомъ, Апухтину и князю Волконскому жгли языки раскаленнымъ желѣзомъ и также били ихъ кнутомъ; нѣкоторыхъ низшихъ чиновниковъ сѣкли батогами или палками, а другихъ сослали въ Сибирь и другія отдаленныя мѣста и конфисковали всѣ ихъ имущества и имѣнія. По окончаніи этаго дѣла уставленъ былъ наконецъ такой порядокъ, по которому всѣ пути къ плутнямъ коммиссаровъ были обрѣзаны, и такимъ образомъ со страны снята была великая тягость, по крайней мѣрѣ на то время, пока продолжался этотъ новый порядокъ.

187. Но еще бóльшее облегченіе получила страна, когда найдено было за лучшее, послѣ Полтавскаго дѣла, значительнѣйшую часть войскъ расположить въ Польшѣ и порядочный также корпусъ кавалеріи расквартировать у вышепомянутыхъ казаковъ подъ предлогомъ обороны отъ тревожныхъ Татарскихъ набѣговъ. Но такъ какъ, по заключеніи съ Турками мира при Прутѣ, Русскую армію приходилось вывесть изъ Польши назадъ, а въ Помераніи хотѣли употреблять её не вполнѣ всю, то нельзя было обойтись, чтобы нѣкоторые полки не расквартировать въ Россіи, чтò и пало преимущественно на Петербургскую губернію: ибо желательно было имѣть войскà ближе подъ рукою и чтобы они по возможности были бы избавлены отъ слишкомъ большихъ передвиженій. Въ тоже время нужно было вывести изъ Украйны и нѣкоторые ковалерійскіе полки, чтобы показать, что на безпрестанныя жалобы казаковъ обращено было нѣкоторое вниманіе, и полки эти приказано размѣстить въ Смоленскомъ и Рижскомъ округахъ. Сверхъ того и Дерптскій округъ обязался, еще при сдачѣ своей, ежегодно продовольствовать по два полка, чтò для

войскъ, которыя царь хотѣлъ держать тогда по близости къ Петербургу, представляло весьма значительныя выгоды. Новгородскій округъ также обязанъ давать квартиры лб.-гвардіи Преображенскому и Семеновскому полкамъ, а потомъ и придвинутымъ къ нимъ полкамъ Астраханскому и Ингерманландскому, на всё время, когда они бываютъ не въ полѣ, каковыя квартиры, впрочемъ, были здѣсь далеко не такъ сытны, какъ тѣ, которыя они занимали передъ тѣмъ въ Польшѣ. Гарнизоны, размѣщенные прежде во многихъ Русскихъ мѣстечкахъ Россіи, почти всѣ повыведены оттуда и только въ крѣпостныхъ городахъ и въ самыхъ крѣпостяхъ оставлена небольшая часть земской милиціи, получающей продовольствіе съ того округа, которому принадлежитъ городъ. Такимъ же образомъ получали часть своего содержанія и поставленные въ этихъ городахъ отъ правительства чины (каковы: коменданты, земскіе засѣдатели, коммиссары, фискалы, правители канцелярій, секретари, канцеляристы и другіе канцелярскіе служители) хлѣбомъ и овсомъ, по уставленной и объявленной Его Царскимъ Величествомъ раскладкѣ. На всё это собирается съ округа, по примѣру, какъ было въ 1716-мъ году въ Кіевскомъ округѣ, по $\frac{1}{2}$ четвертика ржи и постольку же овса съ каждаго крестьянскаго двора.

188. Наконецъ доходы, доставляемые въ кассу Его Царскаго Величества чистыми деньгами, бываютъ двухъ родовъ: *постоянные* и *измѣняющіеся*. Въ числѣ этихъ не считаются, впрочемъ, доходы, которые поступаютъ къ царю изъ тѣхъ казенныхъ (прямо или въ пользованіе принадлежащихъ царю) имѣній, которыя исключительно назначены только на содержаніе придворнаго штата Его Величества; ибо въ особенности, по крайней мѣрѣ въ управленіе теперешняго царя, никогда не бывало слышно, чтобы онъ пользовался хоть малостію для потребъ Двора своего, или для своего удовольствія, изъ тѣхъ денегъ, которыя собираются со страны, за исключеніемъ своего генеральскаго и вице-адмиральскаго жалованья, которое, какъ по праву заслуженное имъ, позволяетъ онъ себѣ получать изъ воинской кассы.

189. Есть люди, которые сумму, получаемую царемъ съ такихъ его имѣній, опредѣляютъ точно и считаютъ её въ 400,000 рублей. Но, кромѣ того, что трудно дознать дѣло, о которомъ свѣдѣнія не собраны въ одномъ какомъ нибудь Русскомъ приказѣ, или канцеляріи, или въ одной какой нибудь мѣстности, а разбросаны и ихъ нужно доставать по всѣмъ провинціямъ, гдѣ находятся тѣ имѣнія: получить вѣрныя объ этомъ дѣлѣ свѣдѣнія даже и невозможно, потому что самыя имѣнія эти подвергаются ежегоднымъ перемѣнамъ. То изъ нихъ выдѣляется часть въ пожалованіе какому нибудь ревностно служащему офицеру или любимцу царя; то, по конфискаціи, присоединяются къ нимъ новыя имѣнія мятежниковъ или иныхъ преступниковъ, впавшихъ въ немилость у царя, и такимъ образомъ, смотря по обстоятельствамъ времени, имѣнія царя получаютъ большее или меньшее приращеніе.

190. Русскій крестьянинъ, за свой дворъ и землю, платитъ въ государственную казну слѣдующія постоянныя или обыкновенныя подати:

Въ воинскую канцелярію . .	25 к.
Въ адмиралитетъ	10 к.
Рекрутскихъ денегъ	6

Денежный сборъ въ замѣнъ поставки лошадей въ губерніи . . . 11 к
На кирпичные заводы . . . 3 к.
На добывку извести . . . . 3 к.
На матеріалы при постройки крѣпости въ Петербургѣ . . . . 4 к.
На почтовыхъ лошадей . . . 5 к.
На содержаніе канцеляріи . . 1.
На чрезвычайные расходы полъ копѣйки.

Такой сборъ взимается съ каждаго селенія, по числу дворовъ, какъ значатся они въ инвентарѣ визитаціи. До 1710 года руководствовались при этомъ спискомъ или реестромъ, составленнымъ еще въ 1679 году, въ правленіе царя Өеодора Алексѣевича. Но когда соображено было, что съ того времени число жителей должно значительно умножиться, въ сказанномъ 1710 году наряжена была коммиссія, которая должна была снова объѣхать всю страну и привести въ извѣстность число всѣхъ крестьянскихъ дворовъ въ каждомъ селеніи, съ поименованіемъ не только домохозяина, но и всѣхъ членовъ семейства его.

191. Въ 1715 году снова повелѣно было, чтобы уже сами земскіе засѣдатели лично ѣздили повсюду и всѣ домá, которые только усмотрятъ они, записали въ точности, чтò въ Московской губерніи и было приведено въ исполненіе, но въ другихъ, не знаю почему, было отложено. Однакожъ всѣ эти дознанія не достаточны для того, чтобы устранить злоупотребленія и разные извороты, къ которымъ прибѣгаютъ Русскіе дворяне, желая сдѣлать безсильными всѣ благія намѣренія и предпріятія царя. Такъ какъ главнѣйшая часть богатства ихъ заключается въ селеніяхъ и помѣстьяхъ, то ничто на свѣтѣ не занимаетъ ихъ столько, какъ забота получать съ этихъ имѣній доходы и на сколько возможно освободить крестьянъ своихъ отъ казенныхъ повинностей, для достиженія чего они не пренебрегаютъ никакими средствами. Если, напримѣръ, назначенный къ нимъ для ревизіи коммиссаръ человѣкъ честный, на подарки неподкупный (чтò въ этомъ народѣ, впрочемъ, встрѣчается также рѣдко, какъ и трилистникъ о четырехъ листкахъ), то они прибѣгаютъ къ другому пріему, такъ, чтобы можно было такого коммиссара съ зрячими глазами сдѣлать слѣпымъ и обмануть. Сдѣлать же это довольно легко, потому что всѣ крестьянскіе избы и дворы въ Россіи складываются изъ положенныхъ одно на другое бревенъ, которыя въ два-три часа можно разобрать и перенести въ какое нибудь другое мѣсто. Такъ какъ всё это правительству хорошо извѣстно, а устранить это едвали бы было возможно, то Сенатъ и заблагоразсудилъ продолжать взиманіе податей по старымъ спискамъ и только въ одной Кіевской губерніи собирать ихъ по ревизіи 1710 года: ибо вслѣдствіе новыхъ выселеній въ эти мѣстà, бывшихъ уже послѣ присоединенія Украйны подъ Русское владычество, число крестьянскихъ дворовъ, значившихся въ описи или ревизіи 1679 года, умножилось до такой степени, что царская казна могла бы потерпѣть большіе убытки, если не принять въ расчётъ этой разницы.

192. Кромѣ этихъ обыкновенныхъ податей, сельскіе жители и вообще земцы обязаны взносить ежегодно извѣстную пошлину за мельницы, пруды, рыбныя ловли, пасеки, за луга, сады, бани и другія подобныя заведенія.

193. Мельница облагается на основаніи ежегоднаго помола на ней, такъ что четвертая часть того, чтò

можно получить отъ нея за помолъ, должна идти Его Величеству. Такая пропорція соблюдается вѣрно, по таксѣ, которою облагаются мельницы простаго народа и духовенства; знатные же люди и здѣсь, какъ и въ другихъ дѣлахъ, нашли средства увѣрять назначаемыхъ для опредѣленія таксы коммиссаровъ, что доходы ихъ мельницъ гораздо ниже дѣйствительныхъ, и такимъ образомъ съумѣли умилостивить коммиссаровъ снисходительнѣе поступать съ ними.

194. Съ бань крестьянинъ платитъ ежегодно не больше 5 алтынъ съ каждой, каковой сборъ, не смотря на свою незначительность, по множеству бань и по тому, что Русскій скорѣе обойдется безъ церкви, чѣмъ безъ бани, составляетъ большую сумму.

195. На остальныя угодья, какъ на примѣръ: на рыбныя ловли, пруды, лугá, сады и т. п. опредѣленной таксы нѣтъ, а платятся съ нихъ большія или меньшія пошлины, которыми они издавна обложены, сообразно съ временемъ и другими обстоятельствами. Дерптская провинція, по установленному договору, уплачиваетъ 25000 р., Рижская 600 р., Эзельская 9000 р. и Ревельская 15,000 р.

196. Русскіе городскіе жители и жители торговыхъ мѣстечекъ, кромѣ описанныхъ обыкновенныхъ податей, которыя они несутъ наравнѣ съ крестьянами, обязаны нести еще двѣ другія, именно: поземельные налоги и подати съ имущества.

197. Поземельныя деньги взимаются со всѣхъ обывательскихъ домовъ, выстроенныхъ не на бѣлой землѣ, въ количествѣ по пяти копѣекъ въ годъ съ каждой квадратной сажени, занимаемой домомъ. Бѣлой же землей называются въ Россіи такіе участки, которые нѣкогда отведены были знатнымъ боярамъ или дворянамъ, а также и солдатамъ для житья, почему они и свободны отъ сказанной подати. Остальные участки, носящіе названіе черныхъ земель, обязаны платить эту подать, кто бы ни жилъ на нихъ, такъ что и знатные вельможи, имѣющіе домá на черной землѣ, не освобождаются отъ оной. Но налогъ этотъ очень ничтоженъ сравнительно съ имущественною податью, которою облагаются люди, занимающіеся торговлею, ремесломъ или инымъ частнымъ промысломъ. Хотя налогъ этотъ относится также къ постояннымъ доходамъ, но въ немъ ежегодно дѣлаются нѣкоторыя перемѣны. Такъ какъ въ частной жизни невозможно, чтобы обыватели оставались на всегда въ одномъ положеніи, но чаще одни изъ нихъ бѣднѣютъ, а другіе наживаются, то, чтобы соблюсти соразмѣрность, немного лѣтъ тому назадъ заведено выбирать изъ ихъ собственной среды нѣсколькихъ бургомистровъ, которые наблюдаютъ за равномѣрностію этой подати, и чуть кто обнищаетъ до того что не въ состояніи бываетъ заплатить оную, слагаютъ съ него непосильную для него тягость и накладываютъ её на другихъ, болѣе зажиточныхъ. Эти же бургомистры, при такомъ наблюденіи за состояніемъ своихъ согражданъ, имѣютъ достаточное основаніе и случай взыскивать уплату и другихъ податей такимъ же образомъ, вслѣдствіе чего бѣдняки замѣтно облегчаются, безъ ущерба государственной казнѣ.

198. Всѣхъ гражданъ, на основаніи ихъ имущества, дѣлятъ они на извѣстные классы и облагаютъ: однихъ полъ-копѣйкой, другихъ—копѣйкой, двумя и до рубля. Когда приближается время уплаты казенныхъ податей, они дѣлаютъ такую раскладку, что если

принадлежащій къ самому высшему классу платитъ рубль, принадлежащій къ низшему долженъ былъ бы платить полъ-копѣйки.

199. Несмотря, впрочемъ, на такое облегченіе, подати граждапъ все таки велики, до такой степени, что, выражаясь Русской же поговоркой, кто сидитъ на алтынѣ или 3-хъ копѣйкахъ, долженъ уплачивать зачастую 20 р.—30 р. въ годъ.

200. Гражданину перваго класса обходятся они, изъ году въ годъ, не считая пошлинъ, отъ 500 до 600 р. Сверхъ того граждане Русскихъ городовъ обязаны взносить особый сборъ за свои бани: простые обыватели по 1 р., а богатые купцы ведущіе оптовую торговлю и бояре по 3 р., и это почти единственный налогъ, которымъ обложены боярскіе и дворянскіе дома, какъ таковые, кои свободны отъ всякихъ другихъ повинностей.

201. Съ обывателей - домовладѣльцевъ, какого бы состоянія они ни были, на исправленіе мостовой или деревяннаго помоста, которымъ выстилаются городскія улицы, въ каждыя 5 лѣтъ собирается еще по 5 коп. со всякой сажени по длинѣ дома; изъ этого сбора, впрочемъ, мало или и вовсе ничего не идетъ въ государственную казну, потому что большая часть этихъ денегъ выдается тѣмъ подрядчикамъ, которые принимаютъ на себя исправленіе улицъ.

202. Духовенство въ этой странѣ также не свободно отъ казенныхъ податей, какъ и міряне. Архіепископы и епископы здѣшніе, хотя и обладаютъ большими помѣстьями или богатствомъ, но обязаны уплачивать такія же большія тягости, какъ и дворяне.

203. Лѣтъ 10 съ небольшимъ назадъ, когда еще неудачная война съ Шведами требовала значительныхъ денежныхъ суммъ, всѣ епископскія и монастырскія имѣнія были, по совѣту тайнаго совѣтника и графа Мусина-Пушкина, отобраны и причислены къ удѣлу Его Царскаго Величества. Но въ 1711 году епископамъ возвратили имѣнія ихъ назадъ, ради ли удовлетворенія докучливыхъ просьбъ и бѣдствій этихъ голодныхъ духовныхъ лицъ, или, можетъ быть, ради того, чтобы по случаю предстоявшей тогда войны съ Турками отнять всѣ поводы ко внутреннимъ безпокойствамъ. Но при этомъ правительство удержало право получать отъ владѣльцевъ этихъ имѣній, черезъ каждые два года на третій, нѣчто въ родѣ безвозмезднаго дара въ 20 или 30 тысячъ рублей, смотря по епархіи (доходы которыхъ, между прочимъ, были уже основательно дознаны). Кромѣ того Его Величество оставилъ за собою и патріаршія имѣнія, упразднивъ самое достоинство это со смертію послѣдняго патріарха Адріана и возложивъ отправленіе обязанностей по этому сану на архіепископа Рязанскаго, какъ экзарха патріаршаго престола Монастыри же не всѣ были такъ счастливы, какъ епископы. А именно, значительные изъ нихъ, предъявившіе просьбы о возвратѣ имѣній въ то еще время, когда это благосклонное для нихъ рѣшеніе правительства было въ самомъ ходу, безъ труда получили обратно отнятыя у нихъ имѣнія; монастыри же незначительные, узнавшіе о немъ уже тогда, когда первая ревность правительства охладѣла, встрѣтили потомъ значительныя препятствія къ полученію своихъ имѣній; и даже теперь еще часто встрѣчаются шатающіеся всюду около Сената ходатаи или просители въ черныхъ рясахъ и клобукахъ, и

съ великими трудами, а можетъ быть и тщетно, ищутъ тамъ того, что прежде предлагалось имъ же самимъ.

204. Бѣлое духовенство, пользующееся обыкновенно въ Россіи меньшимъ почетомъ, чѣмъ лица другихъ состояній, облагается и сообразнымъ съ доходомъ ихъ сборомъ больше, чѣмъ другіе граждане. Если священникъ имѣетъ приходъ, то съ каждаго въ приходѣ его дома онъ обязанъ платить по 6 копѣекъ, хотя самъ онъ, можетъ быть, и не получитъ этаго. Еще другой сборъ обязанъ онъ заплатить за свой священническій санъ и кромѣ того особый за своихъ дѣтей. Наконецъ, такъ какъ извѣстно, что священникъ не можетъ служить обѣдни post concubitu sine lotione и слѣд. не можетъ обойтись безъ бани, то банный сборъ съ него назначаютъ выше сбора съ мірянъ. Тогда какъ крестьянинъ платитъ за свою баню не болѣе 15 копѣекъ, священникъ за самую плохенькую обязанъ платить по рублю въ годъ.— Всё это составляетъ доходы, которые въ этомъ государствѣ можно бы считать за постоянные, хотя они по разнымъ обстоятельствамъ не всякій годъ совершенно одинаковы. Количество, какое представляетъ каждый изъ этихъ налоговъ въ отдѣльности, опредѣлить трудно, по неодинаковости ихъ самихъ; для иностранца же, для котораго доступъ въ высшія по счетоводству мѣста закрытъ, почти совершенно невозможно. Однакожъ, нашлись такіе любознательные охотники, которые съумѣли склонить чиновниковъ, служащихъ въ тѣхъ мѣстахъ, сообщить имъ слѣдующее состояніе постоянныхъ доходовъ.

Губернія или область	Города	Обывательскіе дома въ городѣ	Крестьянскіе дворы	доходъ	
Москва.	39	17,301	236,672	1,149,687	р.
С. Петербургъ .	28	8,324	132,652	408,627	р.
Кіевъ (1)	56	1,864	25,816	114,857	р.
Архангельскъ .	20	4,302	92,298	374,276	р.
Рига (2)	17	1,771	42,555	83,039	р.
Азовъ	17	958	40,700	154,933	р.
Сибирь.	30	3,740	36,154	222,080	р.
Казань.	54	2,545	20,571	344,064	р.
Нижній Новгородъ	10	3,694	78.562	259,581	р.

Примѣч. 1) Можетъ показаться несообразностью, что въ Кіевской губерніи такое множество городовъ и такъ мало въ нихъ обывательскихъ домовъ сравнительно съ другими губерніями, но необходимо при этомъ замѣтить, что Кіевскую губернію населяютъ казаки, и что коренные жители тамошнихъ городовъ (т. е. казаки) свободны отъ всякихъ податей. По этому въ приведенномъ числѣ обывательскихъ домовъ считаются только тѣ домà въ этихъ городахъ, за которые Русскіе собственно жители обязаны платить подати ихъ и налоги. Подобное должно замѣтить и объ Азовской губерніи, гдѣ Донскіе казаки, обитающіе въ долинахъ по рѣкѣ Дону, также свободны отъ податей, и въ замѣнъ того обязаны имѣть бдительное наблюденіе за движеніями сосѣдственныхъ Татаръ.

2) Рига и Смоленскъ, съ принадлежащими имъ мѣстечками, считаются въ одной губерніи или области, и обыкновенный доходъ съ нея полагается въ 83 тысячи рублей, тогда какъ, впрочемъ, доходы Лифляндіи, въ настоящее время, едвали составляютъ и половину этого.

205. Изъ непостоянныхъ доходовъ, важнѣйшая экстраординарная или чрезвычайная подать, такъ называемыя

у Русскихъ *запросныя деньги* (Tschaprosnie dengi), или такой налогъ, который можно было бы сравнить съ безмезднымъ даромъ (don gratuit). Подать эта налагается, когда какіе нибудь чрезвычайные случаи требуютъ и экстраординарныхъ денежныхъ издержекъ, какъ напримѣръ когда предпринималась въ 1711 г. война съ Турками, или когда нужно было продовольствовать пограничныя крѣпости Финляндіи, Ингерманландіи и проч., или наконецъ на что либо другое, что̀ не могло быть покрыто одними обыкновенными доходами. Такъ какъ случаи эти не во всякій годъ бываютъ одинаковы, то и чрезвычайная подать, послѣ того, какъ Россія обезпечила себя отъ войны съ Турціей, не была уже болѣе такъ значительна, какъ до того времени.

206. Въ 1716 г. съ каждаго крестьянскаго и городскаго обывательскаго двора взимались слѣдующіе экстраординарные налоги:

На продовольствіе С. Петербурга и Риги . . . . 57 к.
На доставку потребныхъ для Ревельскаго адмиралитета матеріаловъ. . . . . 24 $\frac{3}{4}$ к.
Со 100 дворовъ однаго работника и въ добавокъ къ нему съ каждаго двора . . . . 3 к.
Съ 500 дворовъ одного плотника и въ добавокъ къ нему съ каждаго двора . . . . 1 к.
На жалованье земскимъ засѣдателямъ, судьямъ и другимъ канцелярскимъ чиновникамъ, по указу, объявленному въ 1715 г. Іюня 28 дня. 10 к.

Итого 95 и $\frac{3}{4}$ к.

207. Кромѣ приведенныхъ выше податей, ни городскіе обыватели, ни поселяне, за земли свои и по имуществу, не обременяются никакими налогами. Налоги эти были бы очень легки тамъ, гдѣ земледѣлецъ умѣетъ пользоваться благословеніемъ, Богомъ ему ниспосылаемымъ; но они оказываются необыкновенно тягостными въ странѣ, гдѣ крестьянинъ не понимаетъ, какъ лучше извлечь пользу отъ земли своей и отъ собранныхъ имъ плодовъ, и гдѣ его постоянно высасываетъ помѣщикъ. Угнетеніе духа, проистекшее изъ рабства, до такой степени омрачило, повидимому, всякій смыслъ крестьянина, что еслибъ ему указана была выгода экономіи, и даже еслибъ онъ самъ ясно видѣлъ пользу ея, то все таки не пересталъ бы держаться прежнихъ своихъ порядковъ, полагая, что предки его лучше разумѣли дѣло. Что̀ можно было бы извлечь изъ плодородной земли его, можно видѣть въ особенности, когда изъ Россіи переѣдешь въ страну казаковъ: хотя почва тамошней земли гораздо хуже, и сами Русскіе, живущіе въ Украйнѣ, уже по натурѣ своей далеко не такъ прилежны и дѣятельны какъ казаки; однакожъ вслѣдствіе хозяйства, которое у нихъ ведётся почти на Польскій образецъ, не взирая на расквартированіе войскъ и другія притѣсненія, они гораздо зажиточнѣе тѣхъ Русскихъ, которые добываютъ себѣ пропитаніе подъ благодѣтельнымъ покровительствомъ господъ своихъ.

208. Таже самая дурно устроенная экономія бываетъ причиною того, что многія крестьянскихъ семейства, пришедшія въ несостоятельность, изъ страха передъ экзекуціей, которая здѣсь имѣетъ значеніе почти какъ уголовный допросъ, бросаютъ свои избы и дворы и убѣгаютъ въ лѣса̀, умножая собою толпы раскольниковъ (такъ называются тѣ фанатики въ Россіи, которые крѣпко держатся древ-

нихъ церковныхъ книгъ и которые, вслѣдствіе исправленія этихъ книгъ теперешнею церковью, считаютъ сію послѣднюю неправославною), или же переходятъ въ другія области подъ защиту и власть какого нибудь помѣщика. Но такихъ перебѣщиковъ теперь не охотно принимаютъ, потому что по закону о губерніяхъ (по провинціальному праву) установлено: если кто отъищетъ своего крестьянина въ имѣніи другаго помѣщика, то сей послѣдній не только обязанъ возвратить крестьянина прежнему его владѣльцу, но и заплатить ему еще деньгами, по 25 р. за каждый годъ, который тотъ пробылъ у этаго другаго помѣщика. Въ виду такой пени, разумѣется, временному владѣльцу приходилось плохо, потому что рѣдкій крестьянинъ вноситъ помѣщику свыше 10–12 рубл. въ годъ оброку. Но самый большой вредъ отъ такихъ бѣглыхъ крестьянъ наносится ихъ первому владѣльцу, потому что у него нѣтъ силы обработывать оставленные бѣжавшими участки, которые кромѣ того и воздѣлывались плохо; подати же, лежащія на этихъ участкахъ, онъ во всякомъ случаѣ уплачивать долженъ, отъ чего и происходитъ, что когда участки эти совершенно истощатся, владѣлецъ ихъ, по примѣру бѣжавшихъ крестьянъ, принужденъ бываетъ, наконецъ, предпочитать лѣса полямъ. Но такая неурядица далеко не наноситъ странѣ столь великаго вреда, какъ злоупотребленія тѣхъ земскихъ засѣдателей, правителей канцелярій и канцеляристовъ, которымъ поручаются взиманіе и взысканіе выше сказанныхъ податей. На этихъ людей смотрѣть иначе и нельзя, какъ на хищныхъ птицъ, которыя думаютъ, что со вступленіемъ въ должность имъ въ тоже время предоставлено право высасывать крестьянъ до костей и на ихъ раззореніи устроивать свое счастіе. Поэтому-то какой нибудь писецъ, хотя у него, при опредѣленіи на мѣсто, всего имущества едва хватало на покрытіе нагаго тѣла, въ четыре или пять лѣтъ такъ разживается, что тамъ, гдѣ бѣгутъ крестьяне, онъ скорехонько выстраиваетъ себѣ каменныя палаты, которыхъ, разумѣется, онъ не могъ возвести изъ своего жалованья, состоявшаго передъ симъ изъ 5-6 рублей въ годъ, и только теперь, по указу Его Величества, увеличеннаго до 15 и 20 рублей (съ цѣлію лишить ихъ поводовъ къ такого рода злоупотребленіямъ).

209. Такъ какъ высшіе чины поступаютъ не лучше и также желаютъ получать свою часть незаконныхъ поборовъ, какъ и подчиненные ихъ, то вся страна оказывается въ такомъ положеніи, что когда въ самые тяжелые годы, ни одинъ дворъ не обязанъ былъ платить царскихъ податей болѣе 6 или 7 рублей, крестьянинъ вынуждаемъ былъ платитъ 13 и часто даже 15 р. въ годъ. Поэтому одинъ Русскій, свѣдующій въ подобнаго рода дѣлахъ, сказалъ однажды: изъ собранныхъ податныхъ 100 р. навѣрное какихъ нибудь 30 рублей поступаютъ въ казну Его Величества, остальное чиновники дѣлятъ между собою за труды свои.

210. Средства, употребляемыя для извлеченія взятокъ, неизчислимы, и ихъ также трудно изслѣдовать, какъ и исчерпать море, и хотя повелѣніемъ Его Величества многія изъ нихъ искореняются, но чиновники съ изумительною быстротою пріискиваютъ новыя. Напримѣръ, если комендантъ захочетъ оказать милость какому нибудь писцу своему, онъ даетъ ему

порученіе объѣхать извѣстный округъ и удостовѣриться, заплатили ли крестьяне всѣ свои подати и имѣютъ ли въ томъ квитанціи. Какъ только посланный пріѣзжаетъ въ селеніе, сейчасъ же, съ неистовствомъ, требуетъ квитанціи въ уплатѣ податей и приказываетъ размѣстить своихъ провожатыхъ по квартирамъ. Если крестьянинъ не тотчасъ находитъ квитанцію (что̀ случается очень часто, потому что страхъ отъ этихъ кровопійцъ лишаетъ его разсудка), онъ долженъ, до отысканія ея, еще разъ заплатить подать, или по крайней мѣрѣ, если еще онъ надѣется найти её, подарить писца за то, чтобы онъ обождалъ немного. Если же крестьянинъ находитъ квитанцію, то хотя онъ и избавляется отъ вторичной уплаты ея, но всё-таки долженъ ублажить писца, кромѣ съѣстнаго и напитковъ, и деньгами за труды его, и такой пріемъ употребляютъ они въ особенности тамъ, гдѣ, какъ имъ извѣстно, сгорѣлъ господскій домъ, въ которомъ хранятся, обыкновенно, всѣ бумаги, касающіяся до имѣнія. Въ этихъ случаяхъ исключеніе на случай пожара (exceptio incendii) не помогаетъ у такихъ недостойныхъ, своекорыстныхъ судей.

211. Кромѣ описанныхъ выше податей, взимаемыхъ со страны, Его Царское Величество получаетъ еще нѣкоторыя другія регаліи, изъ которыхъ ежегодно извлекаетъ значительные, хотя и непостоянные доходы, а именно:

1) Право монеты, принадлежащее исключительно царю, и ни подъ какимъ предлогомъ никакому другому князю, вельможѣ, или городу; и хотя въ старину города Новгородъ и Псковъ также чеканили монету, но право это давно уже отнято у нихъ. Въ продолженіи извѣстнаго времени монеты этихъ городовъ были, правда, въ обращеніи, и даже тамъ чеканились новыя въ пользу и отъ имени царя; но въ послѣдствіи всѣ они были изъяты изъ обращенія, и все дѣло переведено въ Москву. Въ настоящее время въ Москвѣ имѣются двѣ монетныхъ палаты, изъ которыхъ одна называется *денежный*, а другая *монетный дворъ*; въ монетномъ дворѣ до сихъ поръ чеканятся однѣ мѣдныя деньги, въ такой пропорціи, чтобы изъ каждыхъ двухъ фунтовъ мѣди выдѣлывался одинъ рубль. Въ другомъ же чеканятся только серебряныя монеты, большихъ и малыхъ сортовъ, и при этомъ дворѣ всегда имѣется пробный мастеръ. Считаютъ, что оба эти двора вмѣстѣ ежегодно приносятъ царю съ небольшимъ 200,000 руб.

212. 2) Право продажи питей, которое царь во всѣхъ провинціяхъ и зависимыхъ отъ него областяхъ, кромѣ Украйны (той части ея, которая заселена казаками) и Лифляндіи, удерживаетъ за собою. Впрочемъ, это право простирается только на тѣ напитки, которые изготовляются внутри страны, каковы: пиво, медъ и хлѣбная водка; эти питья никому, кромѣ уполномоченныхъ царемъ и въ его пользу, не дозволяется ни въ кабакахъ, ни гдѣ либо продавать, и если кого поймаютъ, то за продажу пива и меду штрафуютъ деньгами, а за продажу водки жестоко наказываютъ и тѣлесно.

213. Такъ какъ Русскій народъ больше, чѣмъ какой либо другой, любитъ крѣпкіе напитки, то легко понять, что доходъ по этой части долженъ быть очень великъ; къ тому же въ кабакахъ такой уже обычай продавать всё вдвое дороже, вслѣдствіе чего бо́льшая часть народныхъ денегъ

привлекается обратно въ царскую казну. А такъ какъ рабочіе Русскіе, равно какъ и солдаты, половину жалованья получаютъ продовольствіемъ и другую только деньгами, то они и не очень-то берегутъ сіи послѣднія; а несутъ бо́льшую ихъ часть въ кабакъ и хотя въ средѣ Русскихъ есть не пьющіе рѣшительно никакихъ крѣпкихъ напитковъ, но большинство ихъ считаетъ недостаточно добрымъ христіаниномъ того, который захотѣлъ бы воздержаться отъ вина на масляницѣ, или въ какіе нибудь другіе большіе праздничные дни.

214. При такихъ обстоятельствахъ, считаютъ ежегодный доходъ, получаемый отъ кабаковъ, или питейныхъ домовъ во всемъ государствѣ, близко къ милліону рублей.

Москва одна приноситъ болѣе ста тыс. р; другіе же города, которыхъ во всемъ государствѣ считается 325, смотря по величинѣ населенія—40,000 30,000, 20,000 и 10,000 р.; маленькіе отъ одной до двухъ тысячь рублей. Доходъ этотъ былъ бы еще гораздо больше, еслибъ боярамъ и дворянамъ не дозволялось привозить водку изъ собственныхъ запасовъ въ Москву и Петербургъ; потому что подъ этимъ предлогомъ всѣ ихъ слуги торгуютъ этимъ товаромъ, и такъ какъ они, получая всё-таки большую прибыль по высокой цѣнѣ на водку, продаютъ её дешевле, чѣмъ въ казенныхъ кабакахъ, то и легко находятъ покупщиковъ. Мнѣ извѣстно, что изъ одного посредственно-зажиточнаго дома, въ одинъ годъ, продано было такимъ образомъ болѣе 100 ведръ водки, что̀ причинило убытку царскимъ интересамъ покрайней мѣрѣ на 900 р., изъ чего уже можно судить, что̀ должны получать знатнѣйшіе и обширнѣйшіе господскіе дома̀. Сюда слѣдуетъ отнести также

215. 3) Продажу табаку, которая также никому въ цѣлой Россіи, кромѣ царя, не дозволяется. Впрочемъ запрещается собственно торговля только Англинскимъ и казацкимъ, или отечественнымъ, табакомъ; но Турецкій, привозимый изъ Константинополя черезъ Кіевъ, и нюхательный табакъ, можетъ всякій покупать и продавать свободно. И Англинскій, впрочемъ, табакъ позволяется Нѣмецкимъ купцамъ продавать потихоньку, въ особенности при снисходительности знатныхъ господъ, которые сами берутъ этотъ табакъ у этихъ же купцовъ, когда пожелаютъ выкурить что нибудь получше; потому что въ царскихъ лавкахъ ничего нельзя найти, кромѣ гнилаго товара. Продавать же отечественный табакъ въ собственно такъ называемой Россіи (не считая Украйны и Лифляндіи) составляетъ право только одного царя, и тѣ, которыхъ поймаютъ въ такой продажѣ, строго наказываются денежно и тѣлесно. Хотя, въ этихъ случаяхъ, не помогаетъ никакое оправданіе, въ родѣ напримѣръ того, что табаку запасено для своего собственнаго употребленія (потому что и это также строго запрещается) но всѣ эти препятствія не мѣшаютъ однакожъ тому, чтобы и въ этомъ дѣлѣ не было тайной продажи, если еще не больше, чѣмъ въ торговлѣ виномъ; такъ какъ прибыль весьма значительна (напримѣръ: въ Украйнѣ купишь на копѣйку, а въ Москвѣ продашь за 6, за 8 копѣекъ) то многіе Русскіе соблазняются ею и рѣшаются идти подъ кнутъ, лишь бы пріобрѣсти кусокъ хлѣба такимъ легкимъ способомъ.

216. 4) Подобныя же монополіи принадлежатъ царю и въ продажѣ

поташа, вайдовой золы, рыбьемъ клеѣ и дегтѣ, и такъ какъ эти продукты приказываетъ онъ продавать по какой угодно ему цѣнѣ, то и они доставляютъ ему немаловажную выручку. Если товары эти найдутъ у частнаго купца, его также штрафуютъ, но только отобраніемъ у него запрещеннаго товара.

217. 5) Въ 1716 году, когда царь уѣхалъ въ Голландію, вышло повелѣніе, чтобы никто изъ частныхъ лицъ не покупалъ юфти и чтобы всѣ сыромятники или кожевники продавали юфть назначеннымъ для того коммиссарамъ, и именно по 4 р. за пудъ. Эти скупщики-коммиссары доставляли юфть въ Архангельскъ, гдѣ, по той же цѣнѣ, продавали ее иностраннымъ купцамъ, но съ тѣмъ, чтобы купцы эти расчитывались Альбертсъ-талерами, считая талеръ по 80 копѣекъ, и уплачивали ихъ непремѣнно—въ Голландіи. Распоряженіе это послѣдовало отъ части потому, что вексельный курсъ въ Голландіи въ то время былъ очень высокъ, такъ что нельзя было пересылать Его Величеству деньги безъ значительнаго убытка; отъ части же для того, чтобъ попробовать, какая выйдетъ изъ того польза. Такъ какъ первая изъ этихъ причинъ миновалась, и при томъ замѣтили, что кожевники, опасаясь, что монополія продолжится, стали выдѣлывать юфть меньше прежняго, то сказанное распоряженіе отмѣнено, и торговля юфтью стала опять свободна.

218. 6) Всѣ солеварни по всей Россіи также составляютъ собственность царя. Въ прежнія времена ихъ было очень много въ Русскомъ государствѣ, но позднѣе всѣ онѣ были брошены, кромѣ трехъ: Строгановскихъ, Бахмутскихъ и Сибирскихъ. Первыя находятся въ Казанской губерніи и называются такъ по прозванію одного богатаго Московскаго купца, Строганова, фамилія котораго и теперь еще тамъ въ большомъ почётѣ. Этотъ Строгановъ, купивши солончаки, нашелъ средства основательно и дѣльно разработывать ихъ и упросилъ царя, чтобы онъ велѣлъ позакрыть всѣ незначительныя солеварни, обязавшись при этомъ добывать такое количество соли, какое потребно для всей Россіи и возможно дешевле. На такихъ условіяхъ и держалъ этотъ купецъ солеварни нѣсколько лѣтъ, но затѣмъ онъ возбудилъ зависть знатныхъ вельможъ, которымъ богатство его кололо глаза и которые повели дѣло такъ, что управленіе солеварнями у Строганова было отобрано; но такъ какъ солеварни эти находились въ его имѣніи, то царь приказалъ съ каждаго пуда соли, добытой изъ Строгановскихъ солеваренъ, уплачивать ему изъ казны по 1½ копѣйки что одно составляло въ годъ 20,000 рубл.: изъ этаго легко заключить, какую громадную отсюда прибыль извлекалъ самъ царь.

219. Сибирскія солеварни разработываются плохо, и добывается изъ нихъ соли только то количество, какое требуется въ областяхъ самой Сибири и для сосѣдственныхъ съ нею Татаръ.

220. Бахмутская солеварня при рѣкѣ Донѣ принадлежитъ собственно Татарамъ и доставляетъ до сихъ поръ въ царское казначейство около 30,000 р. въ годъ. Но полагаютъ, что здѣсь также много воруютъ и что доходу съ этихъ солеваренъ можно бы получить вдвое больше. Такъ, въ началѣ 1717 г., комендантъ Бахмутской, князь Дмитрій Кольцовъ-Мосальскій, за злоупотребленія по этой части, взятъ подъ стражу, за тѣмъ

привезенъ въ С. Петербургъ и публично повѣшенъ. Тѣло его, для устрашенія другихъ, оставлено было на висѣлицѣ цѣлые два мѣсяца. Ходатайство и кредитъ графа адмирала Апраксина, братъ котораго, сенаторъ, также былъ замѣшенъ въ этомъ дѣлѣ, не помогли виновному.

221. 7) Царь имѣетъ также монополію на всѣ Сибирскіе товары, а въ ихъ числѣ считаются не только тѣ, которые и добываются въ Сибири, но и тѣ, которые привозятся изъ Китая, черезъ Сибирь, въ Россію. Важнѣйшіе изъ этихъ товаровъ суть: черная и всякая другая лисица, соболь, россомаха, горностай, рысь и другія подобные мѣховые товары; затѣмъ Китайское золото, рыбья кость, зубы мамонта, Китайскія матеріи и пр. и пр. Купля и продажа всѣхъ этихъ товаровъ запрещена, какъ въ Сибири, такъ и въ Россіи. Для этаго въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя необходимо проѣзжать изъ Сибири въ Москву, установленъ самый точный и бдительный надзоръ, чтобы ничего изъ поименованныхъ товаровъ не провозилось на счётъ частныхъ лицъ, такъ что, если надсмотрщики-офицеры и воеводы, или земскіе засѣдатели въ городахъ, чуть только заподозрятъ кого изъ проѣзжающихъ, то отдираютъ и свидѣтельствуютъ даже колесныя шины и санные подрѣзы. Особенно строже стали слѣдить и осматривать проѣзжающихъ съ тѣхъ поръ, какъ открыли, что нѣкоторые путешественники запрятывали цѣлые ящики золота во внутренность большихъ рыбъ-бѣлугъ, ловящихся въ Сибири, и такимъ образомъ повывезли изъ страны довольно значительное количество золота. Оттого и происходитъ, что за вещи, которыя въ Сибири дешевы до смѣшнаго, въ Россіи платится чрезвычайно дорого, и поистинѣ счастливымъ можетъ ститать себя тотъ, кто получитъ отъ губернатора паспортъ выѣхать изъ страны безъ осмотра, если только конечно онъ имѣетъ деньги, или кредитъ, чтобы закупить что либо тамъ. Но, несмотря на то, что торговля эта частнымъ лицамъ строго запрещена, Сибирскіе губернаторы, неограниченно правящіе страною, мало обращаютъ на это вниманіе и наблюдаютъ въ торговлѣ Сибирскими товарами свои выгоды болѣе, чѣмъ счеты царскіе, отъ чего они и возвращаются изъ этой страны (во всѣхъ другихъ отношеніяхъ совершенно безплодной) съ необычайнымъ богатствомъ. Въ этомъ обвиняли даже и теперешняго губернатора, князя Гагарина, котораго поэтому въ 1715, 16 и 17 годахъ вызывали въ Петербургъ и который, при отъѣздѣ моемъ, въ послѣдній разъ, изъ Петербурга, находился тамъ еще подъ стражею.

222. 8) Всѣ другіе товары, свободные въ торговомъ обращеніи, должны быть также оплачиваемы извѣстною пошлиною при ввозѣ ихъ и вывозѣ. Хотя во всѣхъ Русскихъ городахъ находятся извѣстныя таможенныя, или пошлинныя лавки, гдѣ купецъ оплачиваетъ извѣстною пошлиною покупаемые или продаваемые въ тѣхъ городахъ товары; но собственно большихъ, или главныхъ таможень считается въ Россіи не болѣе пяти, и именно: въ Архангельскѣ, С. Петербургѣ, Астрахани, Кіевѣ и Москвѣ. Въ Архангельскѣ и Петербургѣ взимается пошлина съ товаровъ, прибывающихъ въ Россію изъ Пруссіи, Англіи, Голландіи, Даніи, Франціи, Гамбурга и изъ другихъ приморскихъ городовъ, а равно и съ товаровъ, отправляемыхъ изъ Рос-

сіи во всѣ эти города; въ Астрахани взимаются пошлины съ Персидскихъ, и въ Кіевѣ съ Турецкихъ товаровъ; въ Москвѣ наконецъ снова взимаются новыя пошлины на биржѣ со всѣхъ товаровъ, которые стекаются и собираются сюда изо всей Россіи.

223. Вотъ почти всѣ главнѣйшіе выгоды, или доходы, которые нынѣ правящій царь извлекаетъ изъ своего обширнаго государства, и на этотъ разъ я не упоминаю здѣсь только о тѣхъ, которые этотъ монархъ собственнымъ своимъ прилежаніемъ и образованіемъ находилъ себѣ въ добываніи матеріаловъ необходимыхъ на постройку кораблей и различныхъ зданій.

224. Но хотя Русское государство приноситъ царю такъ много, что онъ, при чрезвычайно тягостной войнѣ и при множествѣ перемѣнъ и предпріятій, не только не прибѣгалъ къ заграничнымъ займамъ (какъ уже упоминалъ я объ этомъ) но и не имѣлъ до сихъ поръ надобности выпускать ассигнаціи, тѣмъ не менѣе Его Величество могъ бы извлечь изъ подвластныхъ ему странъ несравненно больше, еслибъ только онъ окружилъ себя мудрыми и вѣрными совѣтниками и финансы всѣхъ провинцій своихъ поставилъ бы на Нѣмецкую ногу; ибо именно отъ этихъ-то причинъ и происходитъ ежедневно возрастающій недостатокъ въ деньгахъ, который, впрочемъ, вновь учрежденнымъ въ настоящее время казначействомъ (Rentkammer) нѣсколько уменьшается, и доходы начинаютъ принимать лучшій видъ. Но кромѣ того, что 10 или 12 иностранцамъ трудно и даже невозможно привести такое дѣло, въ незнакомой имъ странѣ, въ лучшій порядокъ, царь въ упорствѣ своей націи и въ любви ея къ неправдѣ встрѣчаетъ еще величайшія препятствія къ тому, чтобы вполнѣ достигнуть предположенной имъ спасительной конечной цѣли.

225. 11 Декабря праздновали Андреевскій торжественный день. Кавалерами этаго ордена были тогда царь, короли Датскій и Польскій, князь Меньщиковъ, адмиралъ Апраксинъ, великій-канцлеръ Головкинъ, генералъ-фельдъ-цейгмейстеръ Брюсъ, генералъ-князь Репнинъ, Польскій графъ Вицтумъ, генералъ Вейде; позднѣе были пріобщены къ нимъ: вице-канцлеръ Шафировъ и тайный совѣтникъ Толстой.

226. Царица также возложила на себя свой новый орденъ на этомъ праздникѣ. Онъ состоялъ изъ бѣлой ленты съ надписью: «За любовь и вѣрность Отечеству».

227. Царица, по великой любви своей, слѣдовала за супругомъ на берега рѣки Прута и когда вся армія, вмѣстѣ съ обоими Императорскими Величествами, находилась тамъ въ самыхъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, то она послала (одни полагаютъ безъ вѣдома царя, другіе же, будто съ тайнаго его согласія) къ великому визирю гонца, съ предложеніемъ громадной суммы денегъ (которую она впослѣдствіи и заплатила), если только онъ согласится заключить съ царемъ договоръ. Когда великій визирь согласился на такую лестную для него просьбу и вошелъ въ переговоры (а позднѣе мудростію царя заключенъ былъ и миръ) то онъ послалъ въ Русскій лагерь своего уполномоченнаго, которому между прочимъ поручилъ испросить дозволеніе у царицы увидѣть её, потому что визирь сомнѣвался въ ея присутствіи и не вѣрилъ, чтобы женщина, изъ любви къ свое

му супругу, пустилась въ такой опасный походъ. Вспомнивъ объ этомъ событіи не задолго до праздника, царь пожелалъ, чтобы царица, на всегдашнюю память объ ономъ, возложила на себя помянутый орденъ.

228. 20 Декабря прибыли наконецъ благополучно въ Петербургъ баронъ Шафировъ и тайный совѣтникъ Толстой изъ своего досадливаго Турецкаго посольства.

229. Одинъ Русскій священникъ, по имени Ѳома, дерзнулъ въ Москвѣ открыто проповѣдывать противъ Русской религіи, противъ чествованія иконъ и прочихъ подобныхъ вещей. Въ началѣ духовенство увѣщевало его отказаться отъ своего лжеученія; но когда онъ всё таки не обращался на истинный путь и даже въ праздникъ Св. Алексія вторгся въ церковь во время общественнаго богослуженія, изрубилъ топоромъ въ щепы иконы сказаннаго святаго и Божіей Матери и при этомъ началъ было еще сильнѣе объяснять народу нелѣпости Русской вѣры, его схватили, посадили въ тюрьму и, послѣ наряженнаго совѣщанія и суда надъ нимъ, въ началѣ этаго мѣсяца, сожгли въ Москвѣ живаго, при чемъ онъ, держа въ огнѣ руку съ топоромъ, согласно приговору, обнаружилъ непоколебимую твердость во всё время, пока пламя пожирало его тѣло и до послѣдняго издыханія не переставалъ проповѣдывать народу. Разсказывали, что онъ былъ изъ раскольниковъ, изъ той секты, которая совершенно отдѣлилась отъ Русской церкви, удержавъ только нѣкоторую обрядность и адіафору (adiaphora), и скрывается въ лѣсахъ и другихъ удаленныхъ мѣстахъ. Эти сектаторы впрочемъ сполна уплачиваютъ свои подати, только не желаютъ находиться въ такомъ рабскомъ повиновеніи, какъ Русскіе, и въ остальномъ во всемъ ведутъ жизнь безукоризненную. Ихъ часто преслѣдовали, съ цѣлію искоренить ихъ; но до сихъ поръ это оказывалось невозможнымъ, и такъ какъ недавно еще настигли триста человѣкъ этихъ раскольниковъ и загнали ихъ кучею въ одну церковь, чтобы позабрать ихъ, то они не сдались въ руки, а зажгли церковь и сами всѣ побросались въ пламя. Послѣ этаго царь уже приказалъ оставить ихъ въ лѣсахъ и, пока они не будутъ распространять свое ученіе между Русскими, не преслѣдовать ихъ.

230. Въ концѣ этого года пріѣхалъ Калмыцкій посолъ съ довольно страннымъ порученіемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, князь Меньщиковъ подарилъ Калмыцкому хану прекрасную изъ Англіи выписанную карету; теперь ханъ обращался черезъ этаго посла съ презабавною просьбою, состоявшею въ томъ, что такъ какъ одно колесо у этой кареты изломалось, то не можетъ ли князь прислать ему новое. Придворный лагерь этаго хана состоитъ обыкновенно изъ голыхъ юртъ и палатокъ, которыя онъ переноситъ изъ одного мѣста въ другое. По разсказамъ пріѣхавшаго посланца, ханъ его даетъ въ сказанной каретѣ аудіенцію посланникамъ сосѣднихъ государствъ и пируетъ въ ней въ торжественные дни. Дышло у кареты онъ нашелъ ненужнымъ и велѣлъ отрубить его.

231. Января 3-го царь послалъ Русскаго подполковника въ Пиллау, что̀ близь Кенигсберга, съ порученіемъ привезти оттуда Голштинскій глобусъ саннымъ путемъ на огромныхъ скалкахъ или каткахъ, въ Ригу, откуда прямо уже водою доставить оный въ Петербургъ. Перевозка

этого глобуса сушею надѣлала несказанное множество хлопотъ, потому что мѣстами приходилось вырубать цѣлыя деревья, чтобы удобнѣе и просторнѣе проложить дорогу огромной машинѣ, которую разобрать по частямъ было невозможно. Глобусъ этотъ стоитъ теперь въ Петербургѣ въ томъ зданіи, которое было жилищемъ слона.

232. Января 8-го умеръ карликъ, бывшій въ услуженіи у царя и очень имъ любимый, почему царь и приказалъ устроить ему торжественные похороны. Впереди шли 4 Русскихъ священника, облаченные въ великолѣпныя ризы, потомъ хоръ изъ 30 пѣвчихъ, за которыми слѣдовали 2 маршала, предшествуя тѣлу.

233. Гробъ обтянутъ былъ чернымъ бархатомъ, и везли его на санныхъ дрогахъ шестернею премалорослыхъ вороныхъ лошадокъ; позади на дрогахъ сидѣлъ карликъ, лѣтъ 50, братъ умершаго и поддерживалъ гробъ, охвативъ его руками. Тотчасъ за тѣломъ шли 12 паръ карликовъ, держась попарно за руки, одѣтые въ черные кафтаны, съ длинными, по землѣ волочившимися, мантіями и обшитые флеромъ. Еще красивѣе была процессія карлицъ: онѣ шли за карликами въ такомъ же порядкѣ, и по росту размѣщены были на подобіе органныхъ дудокъ. Наконецъ Его Величество, со всѣми своими генералами, министрами и другими чинами заключалъ шествіе.

234. При наступленіи дня новаго года по новому календарю, царь въ 4 часа утра отправился въ церковь, и такъ какъ день этотъ считается однимъ изъ самыхъ большихъ праздниковъ, то царь самъ пѣлъ въ церкви и читалъ предъ алтаремъ Апостолъ, что̀ обыкновенно дѣлаетъ онъ теперь со времени упраздненія патріаршества. Когда богослуженіе кончилось и царь возвратился домой, стрѣляли изъ всѣхъ крѣпостныхъ пушекъ. Мы поздравляли царя, царицу, царевенъ и были всѣ допущены къ цѣлованію ихъ рукъ, послѣ того какъ изъ собственныхъ рукъ Его Величества выпили всѣ по чаркѣ водки. Послѣ обѣда царь со всѣми знатными Русскими отправился славить, что̀ и продолжалось цѣлые восемь дней. Это такой Русскій обычай, котораго царь уничтожать не хотѣлъ. Русское слово славить означаетъ праздновать, чествовать, или благодарить Бога, и совершается этотъ обычай такимъ образомъ. Двое Русскихъ идутъ впереди съ извѣстнымъ желѣзнымъ снарядомъ, похожимъ на литавры или бубны (колотушка, которою колотятъ по этому инструменту, для смягченія звука, обтягивается сукномъ); за тѣмъ слѣдуетъ царь со всѣмъ духовенствомъ и великою свитою князей и бояръ. Все это общество ѣдитъ на саняхъ и посѣщаетъ всѣхъ знатныхъ придворныхъ. Прибывши къ кому-либо въ домъ, начинаютъ пѣніемъ Русской молитвы: Тебе Бога хвалимъ, потомъ пожеланіе счастія съ новымъ годомъ и по окончаніи славленія является хозяинъ, подаетъ царю, какъ главному здѣсь священнодѣятелю, почтенную признательность деньгами и приглашаетъ гостей за столъ, за которымъ щедро угощаетъ разными кушаньями и напитками. Гости во всякомъ домѣ посидятъ такъ часа два слишкомъ, и въ день сдѣлаютъ пять-шесть визитовъ, которые, благодаря присутствію царя, доставляютъ духовенству значительную прибыль.

235. 17-го числа у Русскихъ былъ особенно священный и знаменитый

праздникъ трехъ царей и водосвятіе, совершаемое у нихъ съ особеннымъ великолѣпіемъ. Утромъ въ 7 часовъ началось богослуженіе, продолжавшееся до 10-ти, а между тѣмъ 7 батальоновъ Преображенскаго полка вышли на замерзшую рѣку-Неву и построились тамъ въ каре. Его Царское Величество, въ кафтанѣ начальника гвардіи, и царевичь, въ качествѣ ея сержанта, сами присутствовали тутъ. Посреди каре вырублена была во льду прорубь, и вокругъ нея возведена красная бесѣдка или палатка, со сводами, сходящимися на верху. Около палатки устроены были еще особыя перила, обитыя краснымъ сукномъ. По окончаніи служенія въ церкви, началось шествіе изъ церкви на ледъ, возвѣщенное звономъ во всѣ колокола. 4 священника, съ горящими факелами, предшествовали досточтимому архіерею, который несъ распятіе, унизанное сплошь драгоцѣнными камнями и которому сопутствовали два другіе священника. За нимъ шли множество поповъ и невѣроятная масса народу. Все духовенство во время шествія пѣло, будучи облачено въ богатѣйшія церковныя ризы. Когда процессія прошла мимо царскаго полка, и царь привѣтствовалъ ее своею шпагою, она направилась къ упомянутой палаткѣ и, вступивъ въ оную, начала совершать тамъ молебствіе и за тѣмъ водосвятіе; по окончаніи водосвятія раздались выстрѣлы изо всѣхъ пушекъ, и войска произвели троекратные ружейные выстрѣлы. Между тѣмъ священники черпали изъ проруби освященную уже воду, давали пить оную толпившемуся вокругъ народу и окропляли подносимыхъ дѣтей. Когда духовенство двинулось въ обратное шествіе, простой народъ съ неудержимою ревностію бросился къ проруби, черпалъ изъ нея воду сосудами и расходился домой съ великою радостію. Тутъ же приползли разные калѣки, хромые и недужные и тоже черпали и пили изъ проруби святую воду.

236. Начало этой церемоніи, должно быть, исходитъ отъ древнихъ Грековъ, и въ Россіи она въ ходу уже съ давнихъ поръ. Русскіе придерживаются ея съ такою ревностію, потому что у нихъ главнѣйшее лѣкарственное и цѣлительное средство состоитъ въ рѣчномъ купаньи, вслѣдствіе чего ежегодно они благодарятъ въ этотъ день Бога за такую милость Его и снова освящаютъ текущую воду. Прежде въ этотъ день царь долженъ былъ сопровождать патріарха, помогать ему возсѣсть и сойти съ коня; но нынѣ правящій царь далъ духовному сословію новое положеніе и ограничилъ его власть и значеніе. Бо́льшая часть доходовъ духовенства уменьшена до третьей доли, и само оно съ великимъ трудомъ едва отстояло покамѣстъ свои бороды.

237. Въ концѣ Января привезенъ изъ Москвы въ Петербургъ графъ Пиперъ, который за тѣмъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Причина такой немилости къ нему была слѣдующая.

238. Въ 1712 году Русскіе, усмотрѣвъ пять Голландскихъ купеческихъ кораблей у Гельзингфорса, приняли ихъ за Шведскіе и по оплошности и торопливости сожгли ихъ; уплаты же за такой вредъ Голланды до сихъ поръ тщетно домогались. Сообразивъ, что поводомъ къ такому ошибочному сожженію кораблей, были корабли Шведскіе, стоявшіе въ то время также у Гельзингфорса, и что съ другой

стороны графъ Пиперъ сдѣлался ненавистнымъ при Русскомъ Дворѣ, а передъ плѣномъ своимъ причинилъ Русскимъ много вреда и заботъ, пришли къ заключенію: нельзя ли какънибудь взять съ этого графа требуемую на удовлетвореніе Голландцевъ сумму, почему и приказано было объявить ему, чтобы онъ или представилъ 50,000 рубл. или же отправлялся въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Хотя графъ далъ съ своей стороны вексель въ 50,000 р. на жену свою, проживавшую въ Швеціи, но уплата этихъ денегъ была возбранена Шведскимъ королемъ, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія, вслѣдствіе чего и графъ Пиперъ содержался въ тюрьмѣ, еще строже прежняго.

239. Около этого времени Кіевскій губернаторъ донесъ царю, что Крымскіе Татары пришли опять въ движеніе и подходятъ ближе. Эта сволочь обыкновенно начинаетъ свои непріязненныя дѣйствія по возбужденіямъ Порты. Года два тому назадъ, они съ яростію вторглись во владѣнія царя и угнали къ себѣ въ плѣнъ свыше 12000 челов. Хотя Порта, по предъявленнымъ со стороны царя жалобамъ, и приказала мурзѣ или Татарскому военачальнику возвратить полоненыхъ людей; но мурза возвратилъ только 2000 стариковъ и старухъ, объяснивъ, что остальные разбѣжались или повымерли.

240. Его Царское Величество, ради защиты страны своей и границъ отъ этихъ Татаръ и ихъ скопищъ, издалъ повелѣніе, по которому уже нѣсколько лѣтъ Украйнская армія и множество крестьянъ постоянно работаютъ при крѣпостяхъ въ Кіевѣ, Черниговѣ, Полтавѣ и въ другихъ мѣстахъ, и надъ устройствомъ новой крѣпости въ 4 миляхъ отъ Полтавы.

241. Въ Петербургъ пріѣхало посольство отъ Донскихъ казаковъ. Лѣтъ шесть тому назадъ, когда Его Величество объявилъ въ своихъ земляхъ большой наборъ, 30.000 молодыхъ крестьянъ бѣжали въ землю Донскихъ казаковъ и пристали тамъ къ разбойничьимъ шайкамъ.

242. Царь обратился съ воззваніемъ къ своимъ подданымъ возвратиться назадъ, но получилъ въ отвѣтъ отказъ; поэтому онъ отправилъ генерала Долгорукова и двухъ другихъ князей, въ качествѣ пословъ къ казакамъ, и приказалъ еще разъ увѣщевать ихъ выдать его подданныхъ. Но казаки и вначалѣ приняли не хорошо этихъ уполномоченныхъ царя, а впослѣдствіи перебили ихъ всѣхъ, со всѣми, кто при нихъ былъ, и за тѣмъ двинулись къ Азову и осадили его.

243. Это уже побудило царя послать противъ этихъ разбойниковъ генералъ-лейтенанта Долгорукова, съ 12.000 опытныхъ солдатъ, чтобы усмирить этотъ народъ и отомстить за смерть брата Долгорукова. Генералълейтенантъ Долгоруковъ былъ счастливѣе брата: онъ дважды разбилъ казаковъ въ полѣ, прогналъ ихъ отъ Азова и преслѣдовалъ до того, что заставилъ просить пощады и подчиниться владычеству царя. Изъ этого народа царь извлекаетъ извѣстную теперь пользу, но считаетъ еще преждевременнымъ обучать ихъ воинскому дѣлу по Нѣмецкому образцу; въ случаѣ же надобности въ наѣздническихъ отрядахъ, онъ призываетъ ихъ и надѣляетъ оружіемъ, которое и отбирается отъ нихъ по окончаніи похода.

244. Большой маскарадъ, къ которому весь Дворъ готовился уже три мѣсяца, праздновался наконецъ

27 и 28 Января и такъ какъ подобнаго маскарада, можетъ быть, никогда не бывало на свѣтѣ, то я не могу не коснуться здѣсь, хотя въ кратцѣ, главнѣйшихъ его обстоятельствъ.

245. Въ дѣтствѣ у царя былъ учитель чистописанія, нѣкто Зотовъ, котораго онъ, семидесятилѣтняго уже старика, сдѣлалъ потѣшнымъ совѣтникомъ (lustiger Rath), произвелъ въ шутку въ патріархи, потомъ, въ такомъ же смыслѣ, даровалъ ему княжеское достоинство и наконецъ объявилъ папою, въ каковомъ качествѣ царь и женилъ его, когда ему было уже 84 года, на здоровой и бодрой еще 34 лѣтней вдовѣ. По случаю этой-то свадьбы и назначенъ былъ маскарадъ изъ 400 человѣкъ обоего пола, въ которомъ каждыя 4 лица должны были имѣть свой костюмъ и особый музыкальный инструментъ, такимъ образомъ что всѣ вмѣстѣ должны были представить 100 различныхъ костюмовъ и звуковъ всѣхъ, преимущественно Азіатскихъ, націй. Тѣ четыре особы, которыя должны были приглашать на свадьбу, выбраны изъ самыхъ сильныхъ заикъ, какихъ только можно было отъискать въ Россіи. Свадебнымъ маршаломъ, шаферами, дружками и другими свадебными прислужниками выбраны окаменѣвшіе уже отъ лѣтъ старики, которые не могли ни стоять, ни видѣть что либо; а въ скороходы назначены такія тучныя особы, которыхъ нужно было водить, по тяжести ихъ тѣла, и которыя почти всю жизнь свою возились съ подагрою.

246. Подставной царь Московскій по одеждѣ представлялъ собою царя Давида, но вмѣсто арфы ему дана была обтянутая медвѣжьей кожей лира, которою онъ долженъ былъ потрясать въ поѣздѣ. Какъ важнѣйшее лице, его везли на особыхъ козлахъ, придѣланныхъ къ огромнымъ санямъ, и на 4-хъ концахъ этихъ козелъ посажено столько же огромныхъ дикихъ медвѣдей, которыхъ приставленные нарочно для того люди кололи острыми рогатинами и заставляли страшно ревѣть, какъ только царь Давидъ, а по его примѣру и все остальное общество, начинали свою дикую музыку, неистово-заглушая другъ друга.

247. Самъ царь одѣтъ былъ Фризскимъ крестьяниномъ и вмѣстѣ съ тремя другими генералами искусно выколачивалъ на барабанѣ. При такой обстановкѣ и подъ звонъ колоколовъ, маски сопроводили неровную брачную чету въ главную церковь и поставили ее предъ алтаремъ, гдѣ и обвѣнчалъ ее столѣтній священникъ. Передъ этимъ послѣднимъ, потерявшимъ уже зрѣніе и память, и еле-стоявшимъ съ очками на носу, держали двѣ свѣчи, и въ уши кричали ему какія онъ долженъ былъ читать молитвы передъ брачною четою. Изъ церкви процессія отправилась въ царскій дворецъ, гдѣ веселое пированье продолжалось нѣсколько дней и сопровождалось катаньемъ на саняхъ, во время котораго также продѣлывались разныя забавныя потѣхи; но дальнѣйшій разсказъ о нихъ былъ бы утомителенъ, и описаннаго довольно, чтобы показать, что при всѣхъ тяжкихъ заботахъ своихъ по управленію, царь можетъ думать и о забавахъ и обладаетъ богатою для того изобрѣтательностію.

248. Въ Мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ изъ Украйны въ Петербургъ принцъ князь Кантакузенъ (conto Cantaguseno)

249. Четыре несчастные князя, изгнанные изъ странъ своихъ, отдались подъ покровительство царя. Первый изъ нихъ Молдавскій господарь Кан-

темиръ, имѣющій двухъ сестеръ. Старшая изъ нихъ замужемъ за господаремъ Валахіи, около 3-хъ лѣтъ тому назадъ, убѣжала изъ Турецкаго плѣна съ двумя сыновьями своими; супруга же ея задушили въ Константинополѣ. Старшаго сына его, котораго въ 1718 году я видѣлъ въ Петербургѣ, царь взялъ къ себѣ въ лейбъ-гвардію. Кантемиръ этотъ имѣлъ еще другаго брата, который тайно проживаетъ въ Константинополѣ и ведетъ съ нимъ переписку. Другой изъ несчастныхъ князей, принцъ князь Кантакузенъ, женатъ на второй сестрѣ помянутаго Молдавскаго господаря и также бѣжалъ съ своимъ шуриномъ сюда изъ Молдавіи, оставя тамъ болѣе 4 боченковъ золота. За особенно-усердную службу и достойное поведеніе царь очень любитъ его, сдѣлалъ его своимъ генералъ-маіоромъ и далъ пансіонъ въ пять тысячь рублей. Онъ завѣдываетъ теперь одною изъ Украинскихъ крѣпостей. Третій несчастный былъ князь Милитецкій, лишенный своихъ земель въ Грузіи царемъ Персидскимъ и умершій въ Москвѣ.

250. Четвертый несчастливецъ единственный сынъ послѣдняго князя Милитецкаго, будучи генералъ-фельдъцейгмейстеромъ царя, захваченъ былъ въ плѣнъ при Нарвѣ и умеръ въ Стокгольмѣ. Царь обѣщалъ отцу, по окончаніи Шведской войны, послать его съ нѣсколькими тысячами войска въ его наслѣдственныя земли и отнять ихъ обратно силою оружія. Это намѣреніе прогнать тамошняго узурпатора и теперь еще имѣется въ виду, и Молдавскій господарь говорилъ мнѣ, что если Русскіе внимательнѣе отнесутся къ этому дѣлу, то можно расчитывать на успѣхъ въ Грузіи, ибо шахъ неохотно вступитъ изъ за нея въ войну.

251. Этотъ шахъ, человѣкъ лѣтъ 40-ка, чрезвычайно мюролюбиваго нрава, преданъ только удовольствіямъ, и всѣ столкновенія съ Индѣйцами, Турками и проч. постоянно устранялъ отъ себя съ помощію правителей своихъ и денегъ, и хотя онъ называлъ себя самъ шанишахомъ, т. е. императоромъ императоровъ, но боялся Турецкаго султана до того, что во всѣхъ случаяхъ титуловалъ падишахомъ, т. е. титуломъ выше императорскаго; и хотя Турки оттягали у Персовъ столько прекрасныхъ странъ, каковы: Мидія, Ассирія, Вавилонъ и Аравія, но вотъ уже въ теченіи 80 лѣтъ Персы не рѣшались вступать съ Портой ни въ какія военныя дѣйствія для возвращенія отторгнутыхъ странъ.

Весенніе мѣсяцы (въ Петербургѣ) проведены были въ болѣе ревностномъ противъ прежняго приготовленіи къ морской кампаніи, и нѣсколько новыхъ военныхъ кораблей спущены на воду.

252. 7 Іюня скончалась новорожденная царевна, третья дочь царя. 9-го числа царь отправился въ Кроншлотъ, куда послѣдовали и мы на галерѣ, но вслѣдствіе сильной бури, два дни и двѣ ночи, безъ огня, безъ постелей, безъ ѣды и питья, должны были простоять на якорѣ на этомъ открытомъ суднѣ. Когда наконецъ мы прибыли къ Кроншлоту, царь приказалъ пригласить насъ въ увеселительный домикъ его, въ Петергофъ, лежащій на Ингерскомъ берегу, и по обыкновенію угостить насъ. Мы проѣхали туда съ попутнымъ вѣтромъ и за обѣденнымъ столомъ до такой степени нагрѣлись старымъ Венгерскимъ виномъ (хотя Его Величество при этомъ щадилъ себя),

что, вставая изъ за стола, едва держались на ногахъ, а когда должны были еще осушить по одной квартѣ изъ рукъ царицы, то потеряли всякій разсудокъ, и въ такомъ положеніи насъ ужъ поразнесли на разныя мѣста, кого въ садъ, кого въ лѣсъ; остальные просто повалились на землѣ, тамъ и сямъ.

253. Въ 4 часа послѣ обѣда насъ разбудили и опять пригласили въ увеселительный домикъ, гдѣ царь далъ каждому изъ насъ по топору и приказалъ слѣдовать за нимъ. Онъ повелъ насъ въ молодой лѣсокъ, гдѣ указалъ на деревья, которыя слѣдовало срубить для проведенія аллеи прямо къ морю, длиною шаговъ во сто, и приказалъ намъ сваливать тѣ деревья. Онъ самъ началъ работу тутъ же, и хотя намъ (насъ было семеро, не считая самаго царя) эта непривычная работа, при нашемъ далеко нетрезвомъ еще состояніи, была крѣпко не по сердцу, однакожъ мы рубили такъ бойко и бодро, что въ какіе нибудь три часа аллея была готова, и винные пары совершенно улетучились изъ насъ, при чемъ никто изъ насъ не причинилъ себѣ никакого вреда, кромѣ министра [10]......., который совершенно безсознательно рубилъ одно дерево и, паденіемъ другаго, сшибенъ былъ съ ногъ на землю и исцарапанъ.

254. Послѣ устной благодарности получили мы и дѣйствительную награду за ужиномъ во вторичной такой сильной выпивкѣ, что безъ памяти разбрелись по своимъ постелямъ; но едва успѣли мы вздохнуть часа полтора до полуночи, какъ явился извѣстный царскій фаворитъ, извлекъ насъ изъ нашихъ перинъ и волей неволей потащилъ въ покой спавшаго уже со своею супругою одного Черкасскаго князя, гдѣ мы, передъ его постелью, нагрузились снова виномъ и водкою до такой степени, что на другой день никто изъ насъ не могъ припомнить, кто принесъ его домой.

Въ 8 часовъ утра насъ пригласили во дворецъ на завтракъ, который состоялъ изъ доброй чарки водки, и за тѣмъ повели внизъ къ подошвѣ одной горы, лежавшей передъ дворцомъ, гдѣ одинъ крестьянинъ держалъ въ поводу восемь жалкихъ крестьянскихъ клячь, безъ сѣделъ и стремянъ; крестьянинъ этотъ и помогъ намъ взобраться на приготовленныхъ намъ лошадей.

Одинъ знатный Русскій, въ качествѣ маршала, поѣхалъ впереди насъ, и мы погнали нашихъ тощихъ клячь (которыя всѣ вмѣстѣ не стоили и 4-хъ рейхсъ-талеровъ) палками такъ усердно, какъ только могли, и взобрались таки на гору. Въ этомъ забавномъ поѣздѣ были мы на виду у обоихъ величествъ, которые стояли возлѣ окна. Проѣздивши съ часъ времени вездѣ по лѣсу и охладивъ нѣсколько жаръ нашъ полной ведеркой воды, вернулись мы назадъ и за обѣденнымъ столомъ опять—въ 4-й разъ, выпили препорядочно. Такъ какъ вѣтеръ былъ довольно силенъ для предстоявшаго досаднаго морскаго путешествія, то насъ помѣстили на царской крытой шютѣ [11]), въ которой царица съ своею фрейлиною заняли каюту, а царь съ нами оставался на открытомъ воздухѣ и обнадеживалъ, что, не взирая на порывистый противный вѣтеръ, въ 4 часа мы будемъ въ Кроншлотѣ.

Но, пролавировавъ въ морѣ около двухъ часовъ, мы застигнуты были

[10])Въ подлинникѣ вмѣсто имени черточки.

[11] Torrenschüte - судно съ крышкою или съ башенкою.

такою страшною бурею, что царь, забывъ всѣ шутки, самъ принялся за руль и въ этой опасности обнаружилъ не только большое знаніе въ маневрахъ, но и необыкновенную физическую силу и непоколебимость. Царица, по причинѣ волнъ, бившихъ черезъ все судно и проливнаго дождя, проникавшаго въ ея каюту, перенесена была на приподнятыя лавки, и въ этомъ затруднительномъ положеніи оказала тоже особое величіе души. Каждый изъ насъ предался вполнѣ на волю Божью и утѣшался тѣмъ, что погибнетъ въ сообществѣ съ такими высокими и дорогими особами. Особенно быстро прошелъ въ насъ весь хмѣль, и мы преисполнились помыслами покаянія.

Четыре бойера, на которыхъ находился придворный штатъ царицы и наша прислуга, разбросанные, были прибиты къ берегу; наше же судно, по особенной прочности его и искусству опытныхъ моряковъ, послѣ семичасовой опасности, загнано было въ Кроншлотскую гавань, гдѣ царь оставилъ насъ, проговоривъ: «Покойной ночи! Забава была черезъ чуръ ужъ сильна!» На другой день онъ впалъ въ лихорадку. Такъ какъ цѣлый день дождь мочилъ насъ до нельзя и, кромѣ того, цѣлые 7 часовъ мы сидѣли по поясъ въ водѣ, то мы развели на островѣ огонь и, не имѣя съ собой ни платья, ни постелей, ни какихъ другихъ вещей, которыя всѣ остались у прислуги, совершенно нагіе, покрылись добытыми у крестьянъ суровыми санными покрывалами, и во всю ночь имѣли достаточно времени, грѣясь у такого камина, высказывать наши размышленія о бѣдности и треволненіяхъ человѣческой жизни.

Послѣ этой прогулки всѣ мы заболѣли лихорадкой, или другими недугами, и лишены были счастія видѣть, какъ 16 Іюля царь отправился съ своимъ флотомъ въ море, хотя послѣ, въ Августѣ, мы послѣдовали сухимъ путемъ за нимъ въ Ригу и застали тамъ Англійскій флотъ, стоявшій подъ начальствомъ адмирала Норриса.

255. Въ проѣздъ мой черезъ Нарву я нашелъ этотъ городъ все въ томъ же плачевномъ состояніи, какъ и въ прошломъ году, съ тою только разницею, что съ того времени возвратилось туда до 70-ти семействъ плѣнныхъ изъ Казанской и Астраханской областей. Семейства эти были въ самомъ бѣдственномъ положеніи, едва имѣли насущный хлѣбъ и вовсе безъ денегъ, чтобъ исправить свои разрушенные домà, или начать какую нибудь торговишку или оборотъ. Уведенные также въ плѣнъ изъ совершенно-разрушеннаго и разореннаго города Дерпта и теперь снова возвратившіеся на родину жители этого города также проживаютъ большею частію въ Нарвѣ. Такимъ образомъ, въ настоящее время, изъ всего бывшаго Нарвскаго и Дерптскаго населенія, возвратилась на родину, какъ я выше уже упомянулъ, только шестая часть.

256. Когда городъ Нарва взятъ былъ осаждающими, и Русскіе бросались истреблять въ немъ всё, что̀ имъ попадалòсь, царь съ великимъ усиліемъ могъ воздержать ихъ отъ дальнѣйшихъ неистовствъ. И теперь еще показываютъ столъ, на который царь бросилъ, будто бы, свою окровавленную шпагу и сказалъ: «Это не Шведская, но Русская кровь, которую я пролилъ, чтобы спасти вашу жизнь и жизнь согражданъ вашихъ!»

257. Передъ городомъ есть высокій естественный обвалъ (водопадъ) въ рѣку Нарву, у котораго въ изобиліи ловится семга.

258. Между Ингерманландскими крестьянами есть особый родъ, не Русскіе и не Ингры, которые говорятъ смѣшаннымъ языкомъ, держатся особыхъ вѣрованій и многихъ обычаевъ, имѣющихъ сходство съ Іудейскими. Хотя у нихъ и есть евангелическіе священники, но крестьяне эти, помимо воли священниковъ своихъ, уходятъ въ разныя времена года въ кустарникъ, освящаютъ тамъ по своему деревья, за тѣмъ рубятъ ихъ, варятъ себѣ на этихъ дровахъ извѣстное количество пива и до тѣхъ поръ не выбираются изъ кустарника, пока не выпьютъ всё; подъ конецъ складываютъ изъ тѣхъ же деревьевъ костеръ, сажаютъ на него живаго пѣтуха и сожигаютъ его вмѣстѣ съ костромъ.

259. По эту сторону Нарвы, я нашелъ качество почвы и хлѣбъ въ полѣ гораздо уже лучше, чѣмъ въ Ингерманландіи, и въ добрыя времена страна эта вела довольно значительную торговлю хлѣбомъ. Иностранцы покупаютъ Эстляндскій хлѣбъ предпочтительно передъ Польскимъ и передъ всѣми другими, потому что крестьяне сушатъ его въ теплыхъ овинахъ, вслѣдствіе чего его нѣтъ надобности провѣивать въ продолженіи 3-хъ и даже 4-хъ лѣтъ.

260. Война оставила мало селеній въ Эстляндіи, и жилыя избы стоятъ очень разбросано. Часто на двухъ-трехъ миляхъ увидишь одну церковь, которая обыкновенно стоитъ на горѣ.

261. Страна, по причинѣ недостатка въ народѣ, не заселена даже и на четвертую долю, и по оставшимся еще развалинамъ можно судить, какое громадное множество дворянскихъ и крестьянскихъ домовъ истреблено пламенемъ войны.

262. Самое бѣдственное время, выстраданное этою страною, было въ началѣ послѣдней войны; ибо тогда царь, не расчитывая еще непремѣнно удержать эти земли за собою, чтобъ нагнать страхъ на Шведовъ, выслалъ сюда Калмыковъ и Татаръ, которые страшно неистовствовали. Жители страны — рабы. Принимая подъ свою власть это княжество, царь укрѣпилъ за дворянами всѣ ихъ древнія привилегіи и отмѣнилъ прежнюю редукцію (Reduction), отъ которой во всей Эстляндіи свободны были только 20 помѣстій). Такимъ образомъ теперь дворянство спокойно владѣетъ своими помѣстьями; они имѣютъ по крайней мѣрѣ обезпеченное существованіе, хотя впрочемъ мало наличныхъ денегъ. Во времена редукціи, когда дворянамъ приходилось и собственныя имѣнія свои брать у короля въ аренду, они сдѣлались хорошими хозяевами Король Шведскій, во время послѣдней войны, взялъ съ Эстляндіи 1500 офицеровъ, и во всей странѣ остались только двое дворянъ, которые не служили.

263. Вся Эстляндія платитъ ежегодно контрибуцію царю въ 25000 рублей; но кромѣ того всякій съёмщикъ, или арендаторъ коронныхъ имѣній, вноситъ царю за каждый гакенъ, или 60 моргеновъ земли [12]), по 40 рублей въ годъ.

264. Достойно замѣчанія, что въ Эстляндіи находятъ въ разныхъ мѣстахъ муміи, о происхожденіи которыхъ заключаютъ различно. По дорогѣ въ село Везенбергъ, мы видѣли въ церкви гробъ, въ которомъ поко-

[12]) Гакенъ есть пространство земли, могущее быть обработано сохою въ опредѣленное время: моргенъ же — есть какъ бы десятина, которая бываетъ въ различныхъ странахъ различна; такъ—въ Бременѣ она рав-

илась вполнѣ сохранившаяся благородная дама, Фонъ-Логе, еще съ 1604 года. Когда её приподняли, то она была такъ легка, какъ сухое дерево, и казалось, что она погребена была только нѣсколько недѣль назадъ. Такъ какъ трупъ этотъ набальзамированъ никогда не былъ, то нѣкоторые физики приписываютъ чудо это дѣйствію сокрытыхъ въ землѣ минераловъ.

Въ 1718 году я видѣлъ трупъ этотъ все въ томъ же состояніи.

265. Городъ Ревель лежитъ частію въ веселой равнинѣ и на низменности, частію на высокой горѣ, на которой находятся соборъ и домà земскаго дворянства (рыцарей). Сіи послѣдніе дома недавно выстроены, остальные же, дома горожанъ, весьма древни и ветхи.

266. Во время осады все окрестное сельское населеніе сбѣжалось въ этотъ городъ, и уцѣлѣвшій въ ратушѣ списокъ свидѣтельствуетъ, что въ послѣднюю заразу въ немъ одномъ умерло 55,000 человѣкъ.

267. Горожане удержали свои привилегіи и богослуженіе. Русскіе свое богослуженіе отправляють въ церкви, которую они имѣли уже здѣсь и прежде, тогда какъ въ Нарвѣ они забрали себѣ всѣ Нѣмецкія церкви. Хотя здѣсь стоитъ отъ 3 до 4000 гарнизона; но, несмотря на это, гражда не имѣютъ право держать городскую стражу на свой счётъ, которая и занимаетъ главную гауптвахту на рынкѣ (торговомъ мѣстѣ). Управленіе здѣсь троякаго вида: совѣтъ, земское дворянство (состоящее изъ 12 земскихъ засѣдателей и одного президента и завѣдующее земскими дѣлами), и собственно управленіе, имѣющее исполнительную власть.

няется на прим 200 квадр. саж., во Франкфуртѣ 600 кв. с. и т. д. *Примѣчаніе переводч.*

Адмиралъ Апраксинъ въ настоящее время есть генералъ-губернаторъ всей Эстляндіи.

268. На церквахъ, древнихъ зданіяхъ и по другимъ мѣстамъ сохранились еще высѣченные Датскіе гербы и надписи на Датскомъ языкѣ. Ревель построенъ Датскими королями, и вся эта страна ставитъ себѣ за честь и похваляется, что большая часть привилегій дарованы ей въ старыя времена этими королями.

269. Замѣчательна въ этой странѣ особенность, что крестьяне, переселенные сюда въ древнія времена изъ Даніи, и до сихъ поръ еще отличаются нѣкоторыми обычаями своими отъ остальныхъ Эстляндскихъ крестьянъ. Такъ различіе это видно напримѣръ въ томъ, что потомки Датскихъ колоній носятъ на головахъ шапки или картузы, Эстляндскіе же крестьяне шляпы.

270. Когда я ѣхалъ, бывало, здѣсь во время жатвы и встрѣчалъ въ полѣ жнецовъ (косъ здѣсь не употребляютъ и не знаютъ даже) то вездѣ слышалъ довольно дикое пѣнье, которымъ эти люди сопровождаютъ свои работы, и одинъ священникъ разсказывалъ мнѣ, что это еще древнія языческія ихъ пѣсни, безъ риѳмъ, отъ которыхъ никакъ ихъ не отучишь, хотя на томъ же Эстляндскомъ языкѣ можно слагать и искусно составленныя съ риѳмами пѣсни, въ доказательство чего священникъ переложилъ уже многія Евангельскія пѣсни стихами на Эстляндскій языкъ. Тоже самое свойство имѣетъ и совершенно отличный отъ этаго Лифляндскій языкъ, и слѣдующая пѣсенка, сообщенная однимъ Лифляндскимъ студентомъ, можетъ дать читателю нѣкоторое понятіе о паденіи слоговъ и риѳмованіи словъ на семъ послѣднемъ языкѣ.

Kláusset sché
Meitingé
Wel thee Wiering léte.
Es gril éet
Ehuwéet
Appacksch jússu séete
Firmak ká tas Láizing náak
Titzet mánnu wárdu
Kajus v isse bláikau éest
Un pa púlkem páckal skreest
Wénu púsches bardu.

(Послушайте, дѣвицы. Юноши еще дешевы; я пойду, какъ покорный житель, подъ вашу власть, пока еще не пришло то время, повѣрьте моей рѣчи, когда вы всѣ, и рядомъ, и кучею, будете гоняться за бородкой мужчины).

271. 10 Сентября возвратились мы снова въ Петербургъ, гдѣ я получилъ изъ Москвы письмо отъѣзжающаго въ Персію Русскаго посланника Артемія Волынскаго, увѣдомлявшаго меня, что онъ намѣренъ отправиться въ свое путешествіе въ этомъ мѣсяцѣ. Отъ Русскаго министра я также узналъ, что царь желалъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о свойствахъ Персидскаго царства, о воинской силѣ его, крѣпостяхъ и границахъ, для чего и посылаетъ туда этого Волынскаго, пріобщая къ нему и нѣсколько ученыхъ людей.

272. Въ тоже время было предположеніе послать въ Испанію большаго любимца царскаго, члена Адмиралитета, Кикина, для составленія торговаго трактата, такъ какъ не безъ основанія думали, что Русскіе товары съ великою выгодою могли быть продаваемы тамъ вмѣстѣ съ кораблями, которыхъ постройка обходилась Россіи дешево. Но предположеніе это отложено было въ дальній ящикъ, и Кикинъ преданъ былъ въ 1718 году въ Москвѣ суду, какъ совѣтодатель царевича въ его бѣгствѣ.

273. Изъ Астрахани царь получилъ донесеніе, что у Каспійскаго моря, при впаденіи Даріи, открыты богатые минералы и золотоносныя жилы; вслѣдствіе этаго царь послалъ туда Черкесо-татарскаго князя, состоявшаго въ званіи капитана царской лейбъ-гвардіи, Александра Бекевича, вмѣстѣ съ мастеромъ горнаго дѣла, обозрѣть сказанныя мѣстности, но прежде очистить ихъ отъ Калмыцкихъ ватагъ. Для этой цѣли капитанъ этотъ долженъ былъ взять въ свое распоряженіе Астраханскій гарнизонъ и пріобщить къ нему и то вспомогательное войско, которое обѣщала царю мать Бекевича, какъ состоящая въ вассальномъ подданствѣ у царя.

274. Такъ какъ всѣ караваны, идущіе въ Китай, обязаны брать у князя Гагарина пропускной паспортъ, и какъ самъ губернаторъ велъ значительную торговлю съ Китайцами и былъ въ большомъ у нихъ уваженіи, то Китайскій императоръ писалъ къ Гагарину и просилъ его пріискать и прислать ему хорошаго медика и разныхъ медикаментовъ, служащихъ для поправленія здоровья. Одинъ Англійскій хирургъ, находившійся при Петербургскомъ госпиталѣ, изъявилъ желаніе отправиться въ такое путешествіе, вслѣдствіе чего, надѣливъ его дипломомъ доктора и разными медикаментами и давъ ему въ сообщество по приказанію царя одного инженера, Лоренца Лангена, и послали въ Китай, въ Августѣ, когда мы были еще въ Ревелѣ [13]).

(Продолженіе будетъ).

---

[13]) За симъ слѣдуетъ у Вебера журналъ путешествія Лангена; но мы его не переводимъ, потому что ограничиваемся передачею показаній Вебера о Россіи, а въ журналѣ Лангена почти исключительно говорится о Китаѣ. ***Примѣчаніе переводчика.***

КРАТКАЯ РЕЛЯЦІЯ

восшествія Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государыни Елисаветъ Петровны на Всероссійскій отеческій престолъ, королевства Великобританскаго великому адмиралу Россійскимъ резидентомъ *) донесенная Декабря 18 дня 1741 года.

Къ читателю.

Высокоблагороднѣйшій читателю! Хотя и всему свѣту денница лучи солнечными освѣтила въ знаніе намъ очезрительное и отъ рода въ родъ удивительное судьбами божіими дѣйствіе — восшествіе Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государыни Елисаветъ Петровны на Всероссійскій отеческій престолъ, и уповаю, что сочиненная книга имѣется быть, въ которой благополучнѣйшаго времени дѣйствія предложены; но я, со всякимъ прилежаніемъ искавъ той, не могъ получить извѣстія, подлинно ли сочинена и въ печать предана или нѣтъ, понеже мнѣ крайняя была нужда о семъ увѣдомиться.

Но не хощу, высокоблагороднѣйшій читателю, васъ въ сей дубитаціи оставить, дабы все утаить; но службою моею тщательно желаю донесть, понеже обовязанъ просительнымъ повелѣніемъ знатной особы королевства Великобританскаго и присланнымъ отъ него экстрактомъ реляціи, Россійскимъ резидентомъ при конференціи тамошняго государства генералъ адмиралу донесенной, дабы мнѣ здѣ увѣдомиться, подлинно ли таковымъ порядкомъ, какъ сія реляція свидѣтельствуетъ или особливымъ. Но я по должности моей за одолженіе его высокоблагородія со всякимъ тщаніемъ искалъ, дабы увѣдомиться, но не могъ получить и оставилъ сія въ закоснѣніи чрезъ немалое время. А нынѣ заблагоразсудилъ оную реляцію не тая, безъ всякой боязни и опасенія, для корректуры лучше знающими оное дѣйствіе, представить въ сей малѣйшей тетради безъ всякихъ прибавокъ и вымысловъ, но такъ правильно, какъ сіе высокихъ персонъ дискурсы конфирмовали и присланный ко мнѣ экстрактъ свидѣтельствуетъ.

Глава 1-я.

При конгрессѣ всей республики Великобританской 18 дня Декабря, то есть въ день рожденія Ея Императорскаго Величества, во дворѣ королевскомъ и бывшу ту по обыкновенію резиденту Россійскому и всѣмъ иностраннымъ, въ которое время имѣли между собою партикулярныя конференціи, въ которыхъ тамошней великой адмиралъ поздравлялъ, со всѣми иностранными и тогожъ Двора министрами, резидента Россійскаго съ новою радостію Россіи и воспріятіемъ Ея Величествомъ законнаго отеческаго престола, за что онъ весьма съ покорностію благодарилъ и сіе отвѣтствовалъ; „Не токмо Россіи единой радость, но и многимъ государствамъ покой и защищеніе“ И между тѣмъ временемъ со обоихъ сторонъ довольной былъ разговоръ со многими примѣры.

Глава 2-я.

И послѣ помянутой великой адмиралъ взялъ Россійскаго резидента за руку и другихъ знатнѣйшихъ садя на стулахъ и вопросилъ резидента: „Прошу васъ добродѣтельно, пожалуй, сію благополучнѣйшую викторію донеси намъ: каковымъ образомъ и высокоумнымъ дѣйствіемъ совершилась, о которомъ не вмѣстится въ главахъ нашихъ мнѣніе?“ На что имъ отвѣтствовалъ со всякимъ моимъ тщаніемъ и ревностію: „Желалъ бы донесть вашему высокоповелительству и всему здѣ присутствующему генералитету, но не могу осмѣлиться: понеже сія вещь великой важности и до подлиннаго увѣдомленія въ паціенціи, то есть въ тайнѣ, да виситъ“. Но помянутой великой адмиралъ молвилъ: „Пожалуй, не уничтожъ прошеній нашихъ, а сія вся скрыта будутъ въ

*) Княземъ И. А. Щербатовымъ. *П. Б.*

тайности сердецъ нашихъ". На что резидентъ отвѣтствовалъ: „Понеже я не могу отрещися приказу вашего высокоповелительства и всего генералитету, здѣ присутствующаго; то, оставя все опасеніе, сколько могу донесть вашему высокоповелительству; но не обязуюсь моею особою, подлинноль такъ или нѣтъ, но по присланной мнѣ реляціи отъ пріятеля моего изъ Санктпитербурха, котораго состоянію могу довольно я повѣрить". На что весь генералитетъ единогласно просили: „Пожалуй, объяви намъ". Но и помянутой великой адмиралъ молвилъ сіе: „Готовы уши и сердце мое ко внятію слѣдующихъ и намѣренныхъ вами рѣчей, которыхъ радостно слышати ожидаю". Той помянутой резидентъ началъ слѣдующія рѣчи:

Глава 3.

„Уповаю я, что всему свѣту не безъизвѣстно было и нынѣ есть, кто былъ Петръ Великій, первый императоръ Всероссійскій, котораго славу осязаетъ вся вселенная и которой не изъ состоянія въ состояніе привелъ народъ Россійскій и не токмо народъ, но и самую Россійскую землю: бо гдѣ были болота, тамъ нынѣ парадису жилище, или горы и вертепы непроходимые—ту лабѣринтово украшеніе; гдѣ препятствующія рѣки, ту маршемъ вооруженной арміи шествіе и протчая. Но не затрудняю симъ болѣе, понеже и малѣйшей отрокъ о тѣхъ всѣхъ извѣстенъ, и всякъ засвидѣтельствовать можетъ. Но, оставя сіе, возвращаюсь до прежней сентенціи, мною реченной: выше славновоспомянутой Его Императорское Величество Петръ Первый, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, правильнымъ своимъ тестаментомъ и юраментомъ, за свидѣтельствомъ и трактатомъ всѣхъ государствъ, конфирмовалъ о наслѣдствіи утвержденнаго Его Величествомъ Россійскаго престола, дабы правильною линіею фамиліи Его Императорскаго Величества отъ высочайшаго рода въ родъ порядочно восходить на сей, означенный Богомъ, монаршій градусъ, котораго чрезъ такъ долгое время многіе неправильнымъ полномоцествомъ министерства своего и неблагодарными ихъ единоумышленными обманы до того Ея Величество не допускали, но и въ самой союзіи между высочайшею Ея Величества фамиліею препятствовали. И по таковому своему полномоществу и совѣтамъ законнаго наслѣдника оставя, учинили принца Люнебургскаго Іоанна кандидатомъ, а послѣ наслѣдникомъ монархіи Россійской ни частицею малѣйшей ту принадлежащаго".

На что отвѣтствовалъ ему помянутой адмиралъ не по малу: „И я удивляюсь ихъ таковому малодушеству и неправильному разсужденію: но, пожалуй, окончай намъ тое реляцію, любопытнѣйшимъ слушателемъ". На что резидентъ ему отвѣтствовалъ: „Я вижу, что продолжительными рѣчьми моими приведу ваше высокоповелительство въ затрудненіе." Но многія особы отвѣтствовали: „Не въ затрудненіе, но въ особливѣйшую забаву паче Орфеевыхъ Музъ". На что помянутой резидентъ началъ говорить:

Глава 4.

„Но то сдѣлалось, что сама натура общества народу распаляла сердца вѣрныя въ вѣчное и правильное подданство Ея Величества: и публично всѣ, не боясь никакова наказанія, но и самой смерти, говаривали, что она—прямая Россійская наслѣдница, дщерь Петра Великаго, а особливѣйше гвардія, полкъ Преображенскій и прочіе. И многіе разы, когда помянутой полкъ бывалъ въ строю, то единодушно всѣ ожидали пришествія Ея Величества ко онымъ, но ту и восшествія. А понеже Ея Величество соизволила знать ихъ намѣреніе, нарочно, для нечаяннаго со обоихъ сторонъ бунту и несогласія, не изволила въ таковые дни ѣздить, но ожидала Богомъ означеннаго времени".

Между которыми рѣчьми одинъ генералъ реклъ: „Удивительно мнѣ сіе, что весь народъ Россійской приплетенъ серд-

цами къ Ея Величеству, такъ что между многими монархіями такой вѣрности не находится". На что ему отвѣтствовалъ резидентъ: „Подлинно такъ, но прошу покорно сіе разсмотрѣть: для чего до Нерона кесаря былъ неласковъ или до прочихъ мучителей? Понеже они сами неблагодарны были и немилостивы до подданныхъ своихъ". „А чтожъ Россійской народъ многіе законные натуральные резоны имѣетъ до ревности и горячести къ истинному подданству Ея Величеству?" „Первое, ибо она природная законная наслѣдница; второе, неисчетною милостію сіяетъ ко всѣмъ подданнымъ своимъ и иностраннымъ, никого не выключая. Припоминаю и сіе, но покорно прошу, дабы не причесть мнѣ въ лестное похваленіе сей монархини; но по истинѣ доношу сіе: когда намъ, истиннымъ подданнымъ Ея Величества, умолкнуть о сихъ, то самъ двоеглавный орелъ, парящъ подъ солнцемъ, извѣститъ всему міру ей восхваленіе". На которыя слова его отвѣтствовалъ помянутой великой адмиралъ: „Высокоблагородный господинъ резидентъ! Изволь намъ повѣрить, что на сіе не имѣемъ никакихъ сумнительныхъ мнѣній, кромѣ единой всему свѣту вѣрности". На что резидентъ началъ слѣдующія рѣчи:

Глава 5-я.

„Смѣло могу рещи на примѣръ Александра Великаго, который такъ былъ исполненъ монаршеской милости, что въ кой день кого не наградилъ и не пожаловалъ, тотъ день весьма былъ ему скученъ; что таковымъ же образомъ и сія монархиня всемилостивѣйшая, когда въ кой день кого не пожалуетъ и не наградитъ или о комъ высочайшей своей рекомендаціи не учинитъ или какой нибудь добродѣтели подданнымъ своимъ и протчимъ иностраннымъ,—тотъ день Ея Величеству весьма невеселъ бываетъ. На которое материнское благоутробіе всѣ имѣющи надежду, и во всѣхъ нуждахъ прибѣгали, что и помянутой гвардіи солдаты по должности своей всегда на поклонъ ходили. По нашему Россійскому обыкновенію, когда кто имянинникъ, то долженъ государю своему или господину поклонитися съ хлѣбомъ, за что получаемъ поздравленіе и рекомпензу. Таковымъ образомъ помянутые солдаты гвардіи приходили къ Ея Величеству на поклонъ и получали всемилостивѣйшее поздравленіе и жалованье. Но частѣе ходили Преображенскіе гранодеры, понеже оные болѣе имѣли пылающія сердца ревностію, за что были допущены таковымъ порядкомъ всегда ходить въ домъ Ея Величества безъ всякихъ запрещеній знатнѣйшими ту при дворѣ Ея Величества. Но хотя и былъ приказъ ордеромъ во всю гвардію подъ великимъ штрафомъ, дабы никто изъ такихъ военныхъ людей отнюдь не ходилъ безъ резону, но оные, уничтожа сіе, ни малѣйшаго имѣли опасенія. И болѣе: помянутаго полку Преображенскаго гранодерская рота единодушно консиліумъ между собою учинили, безъ вѣдома оберъ и ундеръ-офицеровъ изъ которой консиліи выбрали нѣсколько человѣкъ совершеннаго ума къ важности таковаго дѣла и послали къ Ея Величеству, прося, дабы она птенцы, родителемъ подъ крылѣ своя собранные, не дала драпежному *) ястребу въ расхищеніе кромѣ защищенія—восшествіемъ своимъ на Всероссійскій отеческій престолъ. На которыя ихъ прошенія Ея Величество соизволила отвѣтствовать имъ сице: „Знаю, что Отечество наше и для насъ, а не чужихъ созданное; однакожъ на прошеніе намѣренія вашего отвѣтствовать нынѣ не могу, понеже такъ Богу изволившу". На что оные гранодеры, испустя изъ очесъ источники слезъ, возвратилися до надлежащаго мѣста своего и объявили ихъ собранію, что Ея Величество изволила отрещись ихъ намѣренія, что весьма имъ показалось печально. И оные, не оставя сего, но многіе разы таковымъ

*) Слово Польское *хищный. П. Т.*

же образомъ предлагали Ея Величеству, ино и скучали присланными отъ нихъ.

Глава 6-я.

Но когда бывшая правительница Анна чрезъ постороннихъ доносителей или шпіоновъ увѣдомилась, что оные гранодеры часто ходятъ въ домъ Ея Величества, то въ немаломъ сомнѣніи находилась со всѣми партизантами своими и тотчасъ собрала консиліумъ давнаго намѣренія своего, дабы самой быть императрицею. И по многихъ министровъ конфирмаціи, учредили коммиссію для уготовленія сего, а полки подозрительные имъ услать въ походъ. Но сіе ужаснѣе всего, что съ такимъ дерзновеніемъ, будто и самую Ея Величества высочайшую особу хотѣли безпомощною учинить и тайнымъ образомъ услать въ особечную провинцію. Но Богъ всемогущій не допустилъ до ихъ таковаго злаго намѣренія; ихъ тайно скрытыя дѣла явственно донесены Ея Величеству, которыя изволила имѣть на памяти, но болѣе въ молчаніи. Послѣ того по обыкновенію своему изволила пріѣхать на куртагъ до бывшей правительницы Анны, между которымъ временемъ изволила забавляться въ карты. Но ненависть и злоба искала того съ прилежаніемъ, какъ бы зажечь сердца непріязности. А понеже нарочно того резонъ былъ ихъ сторонѣ, отъ чего бъ можно загорѣться такъ неугасиму огню и бѣдности со обоихъ сторонъ, которыми словами: бывшая правительница, можно было видѣть, пылающимъ пламенемъ сердца своего, при знатнѣйшихъ ту генералитетахъ, молвила къ Ея Величеству сіи слова: „Что это, матушка, слышала я, что Ваше Высочество [1]) корреспонденцію имѣете съ арміею непріятельскою и будто Вашего Высочества докторъ ѣздитъ ко Французскому посланнику и съ нимъ вымышленныя факціи въ тойже силѣ дѣлаетъ?“ На что Ея Величество ей, правительницѣ, отвѣтствовала: „Я съ непріятелемъ Отечества своего не имѣю никакихъ аліанцовъ и корреспонденціи; а когда мой докторъ ѣздитъ до посланника Французскаго, то я его спрошу: а какъ онъ мнѣ донесетъ, то я вамъ объявлю“. И между таковыми перемѣнныхъ сердецъ разговорами изволила Ея Величество оттуду отъѣхать и прибыть въ домъ свой.

Глава 7-я.

Отъ которыхъ вышеупомянутыхъ случаевъ Ея Величество соизволила находиться въ немаломъ сомнѣніи и опасеніи. Но, уповая на Создателя своего, уничтожа сіе, однакожъ видя вещь необычайную дѣйствія таковаго, изволила учинить малѣйшій консиліумъ съ кавалерами Двора своего, которые, по вопросу, Ея Величеству не могли иного представить къ сему резону, кромѣ какъ собрать гранодерскую роту помянутаго полку Преображенскаго, а Ея Величеству своею высочайшею особою тутъ быть самой и арестовать бывшую правительницу и прочихъ партизантовъ. На которое ихъ предложеніе Ея Величество изволила съ воздыханіемъ сердца молвить: „Я сама знаю, что безъ такова порядку ничто благополучно намъ успѣетъ не токмо ротою, но и цѣлымъ полкомъ храбрѣйшихъ воиновъ; но еще надо и сіе тонкимъ умомъ разсудить, како ужасно и трепетно со обоихъ странъ сіе, понеже и тамъ обвахта не мала, въ чемъ я опасна, чтобъ симъ случаемъ не были Римскія исторіи обновлены и протчихъ государствъ неблагополучія въ таковыхъ претензіяхъ“. На что отвѣтствовалъ Ея Величеству его превосходительство господинъ Воронцовъ съ присутствующими тутъ и генералы, въ то время бывшими, камеръ-юнкерами тогожъ двора, сице: „Милостивая государыня! Сіе дѣло требуетъ не малой отважности, которой не сыскать ни въ комъ, кромѣ крови Петра Великаго“. Также и его превосходительство, господинъ Разумовскій, донесъ: „Сія вещь не требуетъ закоснѣ-

[1]) Въ нашей рукописи здѣсь и ниже: *Величество, Величества. Н. Т.*

нія, но благополучнѣйшаго дѣйствія въ намѣреніи семъ; а ежели оное продолжится до самого злополучнаго времени, то чувствуетъ духъ мой великаго смятенія не токмо въ Россіи, но и во многихъ государствахъ той претензіи(?), отчего сынове Россійстіи могутъ пріити въ крайнѣйшее разореніе, но и потеряніе Отечества своего". На что Ея Величество изволила молвить: „Подлинно такъ, и я не столько себя сожалѣю, какъ бѣдныхъ совѣтниковъ моихъ и всѣхъ подданныхъ". На которыя слова Ея Величества всѣ тутъ присутствующіе лицу ея прослезились. Но паки его превосходительство господинъ Шуваловъ отвѣтствовалъ на сіе: „Всемилостивѣйшая государыня! Богъ еще правильнаго помазанника Своего сохраняетъ отъ находящихъ въ тьмѣ напастей и всѣхъ подданныхъ его свобождаетъ отъ ига чуждыя работы". Къ тому же многіе разные представляли резоны и совѣты; но его превосходительство, генералъ и тайный совѣтникъ господинъ Лештокъ, желая въ скорости окончать сію, слезы исполненную, консиліумъ, молвилъ слѣдующія рѣчи: „Милостивая государыня! Праведенъ Богъ въ дѣлѣхъ Своихъ, и Ваше Величество, оставя все опасеніе и сумнительства, прикажи послать за сими гранодерами, которые бываютъ здѣ, и соизволите имъ объявить намѣреніе свое за клятвою ихъ и посовѣтовать съ ними о томъ довольно, какимъ образомъ производить сіе дѣйствіе, не отлагая въ дальность, понеже самое время не повелѣваетъ". И всѣ обще похвалили его превосходительства совѣтъ, что Ея Величество изволила благодарить всѣмъ обще за вѣрные и правильные ихъ совѣты и сію консилію таковыми рѣчи изволила окончать: „Всѣхъ васъ полезные мнѣ и вамъ совѣты, которыхъ я не уничтожаю и принимаю радостно, но когда Богъ соизволитъ на сіе; а я во всѣхъ тѣхъ съ радостію послѣдую."

Глава 8-я.

И въ тотъ же вечеръ послано отъ Ея Величества за помянутыми гранодеры, которые немедленно пришли, и по вышеупомянутымъ совѣтамъ Ея Величество соизволила съ ними поступить, въ чемъ оные, обязавшись симъ съ великою вѣрностію, тщательно совершить немедленно обѣщались и просили указу, кой день или ночь со всякою готовностію ожидать имѣютъ или самой Ея Величества высочайшей особы пришествія; на что получа резолюцію, отошли для исполненія, и добраго порядку и согласія, и пришедшу тому времени, бывъ имъ во всей исправности и готовности, съ которымъ радостно ожидали пришествія Ея Величества. Но еще Богомъ означенное время не приспѣло, и Ея Величество соизволила послать до помянутой роты, чтобъ оные, сію ночь или сіе время оставя, дожидали повторительнаго Ея Величества ордонанца.

Глава 9-я.

А понеже бывшей правительницѣ сама натура показывала и при томъ Ея Величество партизантомъ, что, когда не послать помянутую гвардію въ походъ, сирѣчь имъ подозрительные полки, а особливѣйше Преображенской, то быть какову ни на есть несогласію или нечаянному бунту: то немедля своимъ указомъ повелѣла имъ выступить въ маршъ въ третій день, то есть Ноября 25 дня. Которые полки, получа указъ, весьма всѣ въ горести сердецъ обрѣтались. И втораго дня по семъ, наступившу вечеру, оные гранодеры, собравшись девять человѣкъ по согласію и совѣту всей роты (которыхъ, для краткости, имянъ не упоминаю), и оные, пришедъ къ Ея Величеству, и пали въ нозѣ со слезами, донося сіе: „Всемилостивѣйшая государыня! Изволишь видѣть сама неблагополучіе надъ собою и всей Россіи. И гдѣ попеченіе и сожалѣніе Отечества и чадъ своихъ? Насъ заутра высылаютъ въ походъ! И гдѣ сыщете по встающихъ волнахъ защищеніе? И помилуй, не оставь насъ въ сиротствѣ, но защити матернимъ своимъ соизволеніемъ онаго намѣренія". На что Ея Величество соизволила прослезиться и повелѣ имъ вытти въ другую

камору, а сама, наклоня главу свою къ земли предъ Спасителя образомъ и довольно такъ моля въ тайности сердца своего, послѣ веста и соизволила взять крестъ, позва ихъ предъ себя для лучшаго увѣренія, дабы оные повторительную въ томъ присягу учинили, И, сіе соверша, говорила имъ: „Когда Богъ явитъ въ сей денницѣ милость Свою намъ и всей Россіи, то не забуду вѣрности вашей; а нынѣ поидите и соберите роту во всякой готовности и тихости; а я сама тотчасъ за вами слѣдую“. Что оные поклонясь, тотчасъ пришли въ роту и въ самой скорости ее собрали со всякою готовностію и тихостію, ожидая радостно.

Глава 10-я.

А понеже часъ уже былъ второй по полуночи, что Ея Величество изволила убраться и вооружиться сопротивъ внутренняго непріятеля своего и надѣла на себя кавалерію въ знакъ храбрости дщери императорской и законной наслѣдницы и взяла съ собою и его превосходительство господина Воронцова и его превосходительствожъ господина Лештока и малое число прочихъ служителей, изволила шествовать въ слободы означенныя тогожъ полку. И прибывъ ту на съѣжжую, то изволила всѣмъ ту говорить: „Друзи мои! Какъ вы служили отцу моему, то при нынѣшнемъ случаѣ и мнѣ послужите вѣрностію вашею“. На сіе единодушно закричали оные гранодеры: „Ради всѣ положить души наши за Ваше Величество и Отечество наше“. Тогда соизволила снять съ себя крестъ; хвалу Богу воздали всѣ порядкомъ и, по окончаніи сего святаго дѣйствія, повелѣла имъ въ самой тихости маршировать, а сама въ корпусѣ въ скорости благополучно въ большой домъ изволила прибыть и, всѣхъ оставя на улицѣ, токмо малое число изъ тѣхъ для обереженія дражайшаго здравія своего изволила взять. И пришедъ прямо въ караулку, заста всю обвахту спящую и сама изволила будить ихъ; но всѣ, видя таковое необычайное дѣло, въ недоумѣніи бывъ, и не знали, что дѣлать. Однакожъ Ея Величество, своимъ великодушіемъ не хотя ихъ привесть въ робость, но милостиво оныхъ ободрила, говорила имъ: „Не опасайтесь, друзи! Хощете ли мнѣ служить, какъ отцу моему служили? Самимъ вамъ извѣстно, коликихъ я претерпѣла нуждъ и нынѣ въ крайности претерпѣваю“. На что оные такожде единодушно закричали: „Матушка наша! Всемилостивѣйшая государыня! Радостно давно сего ожидали и что намъ повелишь, все то учинить готовы“. Тогда Ея Величество повелѣла на обвахтѣ ихъ барабаны обрѣзать и послала оныхъ гранодеровъ для объявленія бывшей правительницѣ аресту и со всею фамиліею взять и въ домъ Ея Величества отвезть; а сама съ оставшими тутъ ожидала благополучной резолюціи и викторіи. Которые гранодеры, со всякимъ тщаніемъ соверша повелѣніе Ея Величества, хотя и съ великою трудностію и препятствіемъ тамъ незнающихъ тогожъ обвахту ундеръ-офицеровъ, однакожъ благополучно сіе соверша, объявили Ея Высочеству арестъ именемъ Ея Величества и, со всякою честію взявъ съ фамиліею еяжъ, отвезли въ домъ Ея Величества; потомъ и донесли Ея Величеству благополучнѣйшую викторію, за что Ея Величество воздала благодареніе Господу Богу и тотчасъ послала по партизантовъ ихъ, которые были въ памятномъ реэстрѣ, привесть всѣхъ оныхъ во дворецъ свой, въ который и сама въ скорости изволила прибыть.

Глава 11-я.

Въ тоже время изволила послать къ его свѣтлости, принцу Гессенъ-гомбургскому, фельдцейхмейстеру и подполковнику гвардіи, съ объявленіемъ всѣмъ намъ знающей и радостно ожидающей викторіи, дабы немедленно повелѣлъ собраться полкамъ всей гвардіи во дворецъ. Что его свѣтлость слыша сердцемъ желательную радость, тотчасъ въ самой скорости полки собралъ и весь генералитетъ о семъ увѣдомилъ. Что слыша сей, радости исполненный, тот-

часъ въ самой скорости съѣхались съ благодареніемъ Богу и Ея Величеству съ поздравленіемъ восшествія на родительскій Всероссійскій престолъ и всѣмъ слугамъ Ея Величества, въ томъ случаѣ бывшимъ, съ похваленіемъ и благодареніемъ. Послѣ сего оный Богомъ предѣлъ конфирмовали клятвеннымъ обѣщаніемъ и присягою; послѣ вся гвардія и общества народъ съ великою радостію паки Богу благодареніемъ. И таковымъ образомъ и порядкомъ благополучнѣйшее восшествіе Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государыни нашей, дѣйствіе подлинное быть имѣло".

И симъ окончалъ помянутый резидентъ; за что великій адмиралъ и весь генералитетъ, при томъ бывшій, весьма благодарили резиденту. И просилъ помянутой великій адмиралъ резидента, дабы оный показалъ ему сію реляцію; и резидентъ немедленно вынелъ ея изъ писмъ своихъ и вручилъ. Великій адмиралъ разсмотрѣлъ оную довольно; но, увидя малѣйшее мѣсто, на сей реляціи оставшее, просилъ резидента, дабы онъ ему позволилъ въ честь и въ большее похваленіе Ея Величеству и сей благополучной викторіи ту малѣйшіе стихи въ знакъ вѣрности его отъ всѣхъ собою написать. Помянутой резидентъ отдался въ волю его высокоповелительства, который и написалъ сице:

Первый императоръ Петръ — бисеръ крѣпчайшій,
Елисаветъ первая той славы дражайшей
Достойнѣйшая похвалы міромъ согласно,
Храбрѣйшая монархинь симъ дѣйствіемъ зяцно *);
За то ти златые и всѣмъ плывутъ вѣки:
Здравствуй, императриксъ! Слава ти во вѣки!

(*Сообщено Н. С. Тихонравовымъ*).

*) Польск. zacnie — превосходно, благородно.

ЗАПИСКА КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ КЪ ГРАФУ А. А. БЕЗБОРОДКѢ.

Милостивый государь мой графъ Александръ Андреевичъ.

Извините, ваше сіятельство, ежели я васъ усерднѣйше прошу мнѣ завтра полчаса вашего времени удѣлить. Изъ включенныхъ здѣсь бумагъ изволите увидѣть, что вмѣсто награжденія за рвеніе, съ коимъ я служу, я только новыя неудовольствія получаю. Сегодня я объяснялась съ безпримѣрною терпѣливостью и умѣренностью съ Державинымъ и вмѣсто того, чтобы признаться ему, что онъ не обдумавъ написалъ излишнее въ указѣ, или подъ команду меня отдалъ Стрекалову или празднословныя реченія включилъ въ указъ, въ коемъ только о пожалованіи 900 руб. пенсіи Кулибину говорить было должно, вмѣсто того чтобы признаться въ ономъ, онъ за прежнее мое къ нему доброе расположеніе то наговорилъ, что я имѣю причину опасаться, что онъ еще новыя недоумѣнія надѣлаетъ; а какъ я не знаю, буду ли имѣть время во дворцѣ по утру съ вами переговорить, то ежели бы могли сегодня или завтра ко мнѣ пожаловать, крайне бъ одолжить изволили преданную вашему сіятельству покорную услужницу к. Дашкаву.

(*Съ подлинника.*)

ПИСЬМО Г. Р. ДЕРЖАВИНА КЪ МЕХАНИКУ И. П. КУЛИБИНУ.

Государь мой Иванъ Петровичъ.

Ея Императорское Величество на прошеніе ваше, мною поднесенное, высочайше повелѣть изволила: 1-е)

Даннымъ сего числа его высокопревосходительству Степану Ѳедоровичу Стрекалову именнымъ указомъ, къ получаемымъ вами отъ Академіи Наукъ тремъ стамъ рублямъ и казенной квартирѣ, производить вамъ изъ Кабинета по девятисотъ рублей въ годъ жалованья. 2-е) Часы, представляющіе на деревѣ павлина, починить вамъ на казенной счетъ и поставить въ домѣ его свѣтлости покойнаго господина генерала-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, о чемъ, а равно и о томъ, во что починка обойдется, донесите вы его превосходительству Василію Степановичу Попову. 3-е) О изобрѣтенномъ вами безъ употребленія пороху фейерверкѣ, снестися вамъ съ фейерверкмейстеромъ, которому приказано для наступающаго мирнаго торжества дѣлать фейерверкъ и удостовѣриться, можетъ ли служить сіе изобрѣтеніе ваше къ увеселенію народа въ открытомъ воздухѣ и въ бо̀льшемъ пространствѣ, нежели въ комнатахъ, какъ обыкновенно вы тотъ вашъ искуственный огонь представляете. Вслѣдствіе чего и долженствуете явиться къ его превосходительству Василію Степановичу Попову и ожидайте его, по сему случаю, приказанія, о чемъ сего же числа я его увѣдомилъ. Пребываю съ почтеніемъ вамъ государю моему покорный слуга Гавріилъ Державинъ,

Марта 30 дня
1792
С. Петербургъ.

(*Со списка*)

ПИСЬМО А. Ѳ. ВОЕЙКОВА КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ.

Виноватъ, о мужъ пасый Израиля *). Въ стихахъ я проповѣдываю безстрастіе, а на дѣлѣ рабъ страстей; въ стихахъ своихъ

Хочу, чтобъ свѣтлый ключь съ горы моей текущій,
Не наводняя нивъ, ихъ пѣной освѣжалъ;
Хочу, чтобъ солнца шаръ, и жизнь и свѣтъ ліющій
Лучами грѣлъ луга, но ихъ не сожигалъ;
И вѣтры, принося древамъ моимъ прохладу,
Не обивали бы ни сливъ, ни винограду.

А на дѣлѣ и обжигаюсь огнемъ страстей, и утопаю въ ихъ тинѣ. Не смѣшно ли тебѣ, мужу крѣпкодушну сущу, покажется, что я мучусь безсонницею съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что ты собираешь въ хранительный ящикъ письма, достойныя сего отличія по мыслямъ, слогу или чувствамъ? Сплю и вижу написать такое письмо, которое бы, въ товариществѣ съ письмами Дмитріева, Жуковскаго, Блудова и Дашкова, дошло до самого дальняго потомства. Aut Cesar, aut nihil! восклицаютъ военные честолюбцы. Въ ящикъ или подъ столъ! восклицаетъ авторъ Воейковъ. Какъ достигнуть до моей цѣли? Задача, которую я не разрѣшилъ еще.

Послѣ двухнедѣльнаго глубокаго размышленія, остановился я на мысли написать къ тебѣ объ языкѣ Русскомъ, о пользѣ просвѣщенія и о мѣрахъ, которыя нахожу полезными для распространенія въ Отечествѣ нашемъ изящныхъ искуствъ, наукъ и необходимыхъ художествъ; перечиталъ для

*) А. И. Тургеневъ служилъ директоромъ канцеляріи у оберъ-прокурора Св. Сѵнода. *П. Б.*

этого Ж. Ж. Руссо, Локка, Бецкаго, Жанъ-Поля, Песталоцци, переписку Іоанна Миллера съ Бонштетеномъ, и пр.; настроилъ для этаго и голову, и сердце, и воображеніе; призвалъ на помощь всѣхъ святыхъ Чети Минеи и Миѳологіи... и чтоже? О непостоянство судьбы человѣческой! Одинъ вечеръ все перевернулъ и все смѣшалъ въ головѣ моей такъ, что ничего сообразить не могу: прощай, надежда на сафьянный переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ, на жизнь въ потомствѣ! Прощай, хранительный ящикъ съ образцовыми письмами! Между мною и тобою стоитъ Шишковъ, какъ тѣнь Стигійская, точно въ томъ видѣ, въ какомъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ Петербургѣ! Еще гремитъ въ ушахъ его безконечная проповѣдь! Слушай, я разскажу тебѣ мое ужасное приключеніе:

На дняхъ я посѣтилъ одинъ почтенный домъ,
Гдѣ разсуждаемо о просвѣщеньи было:
Сперва межъ двухъ-трехъ лицъ, а тамъ и въ четверомъ.
Гляжу—все поднялось, и все заговорило.

И все умолкло! Шишковъ, игравшій въ вистъ, сѣдымъ челомъ приподнялся и десницею далъ знакъ, что онъ говорить хочетъ къ обществу.

Такъ бушеваніе бури, ропотъ ужасный на сушу
Вѣтромъ гонимаго моря слышитъ Нептунъ. Въ глубочайшихъ
Хлябяхъ смятенье; и сильно встревоженъ, бросаетъ далекій
Взоръ, и чело изъ моря—знаменье мира—подъемлетъ.

Казалось, Шишковъ грозилъ указательнымъ перстомъ собранію, какъ богъ морей неугомоннымъ вѣтрамъ, и только что не выговорилъ: quos ego!

Двѣ букли, кошелекъ, глазетовый кафтанъ,
Съ букетами камзолъ, безъ словъ объ немъ вѣщали:
Синопсисъ съ Требникомъ у ногъ его дремали.
„Славяне, онъ сказалъ—“ не читывали въ старь
Помногу толстыхъ книгъ. Къ чему они? Букварь,
Стоглавъ съ Грамматикой прочесть, Максима Грека,
Вотъ все, что́ надобно для счастья человѣка!
Нарѣчья Рускаго языка Славенскій царь;
Извѣстно это всѣмъ, какъ дважды два четыре:
Имъ говорятъ поднесь всѣ Ангелы въ эфирѣ;
Имъ съ Еввою Адамъ въ эдемѣ говорилъ;
Онъ, онъ Санскритское нарѣчіе родилъ
За двѣстѣ двадцать лѣтъ до страшнаго потопа.
Имъ исключительно гласила вся Европа.
Градъ Липецкій отъ липъ Славяне нарекли;
Градъ Вѣна за княжной Россійской отданъ въ вѣно;
На Сенѣ кашивалъ въ Петровки Рюрикъ сѣно;
Въ Пирмонтѣ пироги подовые пекли.
Мы жъ, внуки сихъ Славенъ, какъ говоримъ? Порусски!
А бабы съ парнями и хуже, пофранцузски!
Повѣрье въ виршахъ ихъ словесники принявъ,
Забыли складъ *Бовы*, смакъ смочный *Еруслана*,
И *по мосту-мосту, и шла Татьяна пьяна.*
Увы намъ! Сульцеровъ да Блеровъ прочитавъ,
Одни по правиламъ сихъ Грековъ сочиняютъ,
Другіе нехрести Нѣмецкой подражаютъ.
Одно лишь средство есть безвреднымъ сдѣлать ядъ:
Пусть просвѣщеніе Бесѣдѣ поручатъ;
Мы гибель отвратимъ Россійскія державы—
И будетъ Славянинъ опять наслѣдникъ славы!

Старикъ, проговоря свою филиппику, замолчалъ и сѣлъ опять за карточный столъ спокойно доигрывать пулю; но каково было мнѣ, *присяжному Арзамазцу*, слушать это? И каково же было впечатлѣніе, сдѣланное сею рѣчью надъ многолюднымъ и, по видимому, просвѣщеннымъ обществомъ? Я былъ какъ на иглахъ.

Шумъ одобренія по комнатамъ пошелъ;
Качая головой, дивилось все собранье,
За чѣмъ правительство не ввѣритъ воспитанье

Народное такимъ по старымъ ихъ лѣтамъ,
По опытности ихъ уваженнымъ мужамъ,
Ученье любящимъ, но имъ не развращеннымъ,
И въ честь Отечества столь пламенно влюбленнымъ!

Послѣ этой сцены, простылъ у меня жаръ писать къ тебѣ о пользѣ народнаго просвѣщенія, благонамѣреннымъ правительствомъ направляемаго къ истинной своей цѣли, къ сдѣланію людей добродѣтельнѣе и счастливѣе. Я ушелъ въ уголъ, бросился въ кресла, голова моя кружилась какъ отъ угару, и я бормоталъ себѣ подъ носъ:

О ты, которой мнишь, что внѣ Славенскихъ книгъ
Нѣтъ слога вѣрнаго, наукъ и просвѣщенья;
Мужъ при умѣ тупой! Сбрось тягость сихъ веригъ:
Дозволь въ Жуковскомъ намъ искать очарованья,
И вкусъ Карамзину прости за дарованья....
Признай, что въ В..... омъ опрятный слогъ нашелъ,
Что въ немъ Вольтерова и острота, и сила;
Что Батюшкова ты тихонько самъ прочелъ....
Но, ахъ! Горбатаго исправитъ лишь могила.

Этаго мало! Я думалъ уже, что все кончилось. Гости начали понемногу разъѣзжаться, въ комнатахъ сдѣлалось просторнѣе. Слуги въ попыхахъ бѣгали изъ угла въ уголъ; все предвѣщало, что накрываютъ столъ.... Часы мои показывали полночь и подтверждали мою догадку. Уже два длинныхъ оффиціанта въ золотыхъ галунахъ и съ салфетками въ петлицѣ разнесли гостямъ водку и закуску; уже отворились настежъ всѣ двери ведущія въ столовую, которая была освѣщена ярко. Блескъ безчисленныхъ хрустальныхъ свѣчь, отражающійся въ бронзовыхъ люстрахъ, въ вызолоченныхъ жирандоляхъ и граненыхъ хрустальныхъ корзинахъ, дѣлалъ сей пиръ похожимъ на пиры древнихъ Аѳинянъ.

Я ожидалъ, что тутъ польются острыя слова, какъ пѣнистое шампанское, что я услышу сладкое витійство вельможи разсуждающаго объ общемъ благѣ; жаркой разсказъ объ сраженіи подъ Кульмомъ или подъ Ферьшампенуазомъ полководца; скромное сужденіе дамъ объ новой баснѣ Крылова, объ бронзовомъ Пожарскомъ Мартоса, объ новомъ около свѣта путешествіи Головнина..... Не тутъ то было! На одномъ концѣ стола генералъ отъ кавалеріи N. N. громогласно разсказывалъ, какъ онъ игралъ grande misère partout; на другомъ концѣ сенаторъ изъ иностранцевъ М. М. повѣствовалъ изломаннымъ, едва понятнымъ, Рускимъ языкомъ, великіе подвиги свои во время Американской войны на Голандскомъ флотѣ, гдѣ тогда его высокопревосходительство служилъ—матросомъ. Что со мною будетъ? думалъ я, наклоня голову въ тарелку, какъ будто бы желая прочесть на ней мое неизбѣжное..... Между тѣмъ грядущее сдѣлалось настоящимъ, и по неволѣ привело мнѣ на память стихъ добраго нашего Пушкина. *Несчастнаго меня съ Вралевымъ посадили*! Въ самомъ дѣлѣ, я находился между огнемъ и пламенемъ. Съ правой стороны сидѣлъ подлѣ меня набожный Масонъ,

Благочестиваго пера на остріѣ
И кухню и подвалъ устроившій себѣ.

по лѣвую сторону молодой генералъ Б.

Храбростью обязанный усамъ,
Сужденій рѣзкостью медалямъ и крестамъ;
Занявшій блескъ ума отъ пары эполетовъ.

Лишь только узналъ набожный сосѣдъ мой, что я служу по части просвѣщенія, то и обратился ко мнѣ съ плодами своихъ бдѣній. «Мнѣ давича

не хотѣлось противорѣчить старику, почтенному по своему чину и лѣтамъ (сказалъ онъ). Признаюсь однако, что мнѣ жалко было его слушать; какой вздоръ несъ онъ! По его мнѣнію, величіе народа, сіяніе добродѣтелей и самое царство небесное зависитъ отъ языка Славенскаго, между тѣмъ какъ мы знаемъ, что языкъ есть не больше какъ оболочка мысли. Какая нужда, что оболочка сія Французская, или Руская, когда и самая мысль есть скорлупа, въ которой заключено зерно истины? Въ прочемъ, я совершенно согласенъ съ нимъ въ томъ, что науки, какъ они теперь есть, науки, которыя преподаете вы въ университетахъ и Академіяхъ—есть зло нравственное. Онѣ вводятъ роскошь, разразвращаютъ нравы, сводятъ человѣка съ степени духовной на степень скотскую. Однимъ словомъ мірскія, свѣтскія.

— — — — — — Науки — сумазбродство!
Гіероглифика, Ѳеорія духовъ—
Ихъ списокъ послужной, въ чины ихъ производство;
Наука тайныхъ словъ, юродивости, сновъ;
Отъ ближнихъ, отъ родныхъ, отъ міра отреченье: *)
Вотъ настоящее, другъ милый, просвѣщенье!
Теперь на свѣтскія науки бросимъ взглядъ.
Разсмотримъ, что̀ ихъ цѣль, орудія и средство?—
Въ увитый розами покалъ лить сладкій ядъ,
Подъ позолотою скрыть жизни тлѣнность, бѣдства.
Ваятель, страсти въ насъ желая распалить,
Спѣшитъ отъ пелены Венеру обнажить,
И дышетъ каждая округлость сладострастьемъ.
Поэтъ надъ слабостью грустить съ такимъ участьемъ,
Что слабость и порокъ готовы мы любить.
Но въ краски вдунувъ огнь и образъ давъ холстинѣ,
И кисть не менѣе преступна на картинѣ.
Развернемъ на угадъ журналы! Возгласъ
Любимый авторовъ: *сегодня только наше;*
Пить насложденіе спѣшите полной чашей!
Пусть смерть придетъ: она въ пиру застанетъ насъ!
Вотъ то, что̀ въ книгахъ мы и въ книжечкахъ читаемъ,
И портимся, хотя того не примѣчаемъ.

«Однимъ словомъ (прибавилъ онъ) я больше требую отъ писателя чистой нравственности, нежели чистаго слога; требую, чтобъ онъ больше смотрѣлъ на небо, нежели на землю, на будущее, нежели на настоящее. —«А я напротивъ (холоднокровно возразилъ я) поставляю чистую, высокую цѣль нравственную за первое условіе,

—Я требую, чтобъ люди не спѣша
Земной дорогой шли, куда иль хороша;
Чтобъ вѣрили Вождю и, попирая терны,
Срывали на пути растущіе цвѣты.
Преступенъ, кто, на міръ покровъ набросивъ черный,
Закрылъ отъ нашихъ глазъ природы красоты.
Бѣглецъ съ земли и благъ небесныхъ недостоинъ,
Какъ лавровъ со стыдомъ ушедшій съ поля воинъ.

Хотя и самъ я люблю мечтать о смерти, о безсмертіи, о будущей жизни и молю всякой день Бога, чтобы, когда ударитъ послѣдній часъ мой, могъ я сказать, какъ Лербергъ: *я готовъ, Господи*! И кто изъ насъ не любитъ летать на небеса въ воображеніи?

— — — — Какъ горъ Кавказскихъ конь,
Ногъ быстротою вихрь, ретивостью огонь,
Уздой и мѣстомъ тѣмъ, гдѣ онъ идетъ, скучаетъ
И взоромъ впереди пространство пожираетъ:
И онъ, у пламенной занявши Вѣры крылы,
Отъ настоящаго къ грядущему паритъ.
Иль вживѣ, обопрясь объ крестъ, чрезъ ровъ могилы
Шагаетъ, чтобъ обнять утраченныхъ друзей
И очи бренныя насытить вѣчной славой,

*) На все это смотрится здѣсь съ дурной стороны. Есть мистика истинная, высокая, которой основаніе у человѣка въ сердцѣ: это чувство своего небеснаго происхожденія и тайное стремленіе къ Отечеству.

Утѣха сладкая; но, ахъ! даетъ ли право
Забыть оставленныхъ на сей землѣ дѣтей,
Семейство, родину? Терпи на свѣтѣ бѣломъ,
Летай на небеса, но житель будь земной.
Вѣрь сердцемъ, исполняй Евангеліе дѣломъ!
Что пользы, что кимвалъ звучитъ, коль онъ пустой?

—«Все это отчасти справедливо!» сказалъ мой противникъ запинаясь; «но мы удалились отъ своего предмета, отъ наукъ»—«Лучше скажите (отвѣчалъ я) что вы хотите отдалить меня отъ наукъ, съ которыми я желаю васъ примирить и сблизить. Говоря о произведеніяхъ изящныхъ искуствъ, вредныхъ для нравственности и религіи, вы забыли назвать *Преображеніе* Рафаеля, *Ночь* Корреджія, *Церковь Св. Петра* Мишель-Анжа, *Мессіаду* Клопштока, *Потерянный Рай* Мильтона, *Надгробныя слова* Флешье, *Проповѣди* Массильона и Филарета, *Духъ Христіанства* Шатобріановъ и *Сочиненія объ безсмертіи души* Гердера. Вы забыли, что науки—

Подпоры алтаря, друзья благихъ царей,
Враги мучителей; они у палачей
Исторгнули бичи, цѣпь рабства разорвали
И потушили огнь торжественныхъ костровъ,
И ненависть въ сердцахъ у гражданъ изступленныхъ,
Ножами, пламенемъ и ядомъ вооруженныхъ,
За вѣру рѣзавшихъ и братьевъ и отцевъ.
Науки Христіанъ въ святой союзъ созвали;
Равно и атеизмъ и фанатизмъ изгнали,
И проповѣдали терпимость и любовь.
За толь достойными содѣлались гоненья,
За то ли, что, открывъ міры на небесахъ,
На капелькахъ росы, песчинкахъ и листахъ,
Онѣ къ Творцу ведутъ по лѣстницѣ творенья?

Я хотѣлъ было продолжать, но усастый герой мой довольно неучтиво перебилъ рѣчь мою, увѣряя, что это дѣло рѣшено уже, и

Представя мнѣ на судъ свой безтолковый толкъ,
"Давнобъ завербовать въ уланской должно полкъ,
Сказалъ онъ съ гордостью, ученыхъ и поэтовъ!
Когда бъ о храбрости писателей судить
По жару ихъ стиховъ, по жару сильной прозы,
То въ арміи такихъ героевъ не найтить!
Но съ дѣломъ правилъ ихъ не можно согласить:
Имъ горячо въ огнѣ и холодно въ морозы;
Въ стихахъ у нихъ бивакъ, а на постелѣ розы".

Тутъ я не выдержалъ и съ жаромъ негодованія доложилъ герою, что Жуковскій, котораго Пѣвецъ во станѣ Рускихъ воиновъ сдѣлался катехизисомъ военныхъ людей, сражался и перомъ и шпагою за Отечество; что Батюшковъ тяжело раненъ; что подъ В..... мъ убита въ Бородинскомъ сраженіи лошадь, что пылкій Кайсаровъ умеръ на полѣ чести; что одно имя Давыдова совершенно опровергаетъ ваше положеніе; что всѣ писатели хорошо или худо дрались подъ знаменемъ свободы. И краснорѣчивый мой воинъ, не много осердясь за то, что я осмѣлился перервать его, продолжалъ:

„Вреда наукъ въ глазахъ разительный примѣръ:
Философы вездѣ выходятъ за предѣлы:
Религія шатка, сужденія ихъ смѣлы.
Гельвецій, Даламбертъ, Дидротъ, Жанъ-Жакъ, Вольтеръ
И церковь и престолъ во Франціи подрыли,
И Бога отняли, и нравы развратили.
Россіянамъ лишь двѣ науки должно знать:
Одна—воздѣлывать поля и удобрять;
Другая—не щадя ни золота, ни жизни,
Стрѣлять, рубить, брать въ плѣнъ и гнать враговъ отчизны
Теперь послѣдняя наука коротка:
Не надобно ни брать, ни строить укрѣпленій;
Все ограничено наукою уравненій;
Глазъ вѣренъ, сердце есть, крѣпка твоя рука,
Ты строенъ и высокъ—такъ ты военный геній!"

—«А взятіе Данцига? скоро подхватилъ я, а построеніе Кронштата, ключа къ Петербургу, а кораблеплаваніе, архитектура, мельницы, водяныя сообщенія, металургія, артиллерія, самое сельское хозяйство и лѣ-

ченіе болѣзней; а пожарныя трубы, громовые отводы, предостереженіе отъ оспы, язвы и наводненій? Не говорю уже о торговлѣ, о мануфактурахъ, заводахъ и фабрикахъ!»

«Вы ошибаетесь (продолжалъ я) вы слишкомъ скоропостижно сдѣлали вашъ смертный приговоръ наукамъ и искуствамъ. Я знаю, что военный судъ въ двадцать четыре часа долженъ кончиться; но мы теперь, слава Богу и Государю, ни съ кѣмъ не воюемъ, мы мирные граждане. И такъ я могу взять свое дѣло на апелляцію и васъ же самихъ выбираю въ судьи и въ посредники. Неужели надобно запретить употребленіе ножей для того, что есть разбойники, и употребленія огня оттого, что есть зажигатели? Противъ тѣхъ и другихъ есть полицеймейстеры; а что иное цари какъ не верховные блюстители нравственности и благочинія? Молодой человѣкъ! Молодой человѣкъ! сказалъ я крѣпко пожавъ ему руку; неужели ты въ самомъ дѣлѣ вѣришь, что военная наука и военное искуство не существуютъ?

Неужли думаешь, что крѣпостью плеча,
Большими пушками и остротой меча,
Не хитрымъ разумомъ — безсмертный вождь Кутузовъ,
Въ Москвѣ сѣть гибели разставилъ для Французовъ?
Что моръ и гладъ въ ихъ станъ по случаю зашелъ?
И что съ Растопчинымъ не снесшись, случай грубый
Зажегъ Москву тогда, какъ вывезены трубы?
Что случай Россіянъ въ Тарутино завелъ?
Что счастье до зимы Французовъ продержало,
И въ Красномъ Рускими полками управляло?
Что счастіе грозныя разбойничьи орды
На гибель обрекло безъ крови и сраженій,
И снѣгомъ замело ихъ трупы и слѣды?
Когда то счастіе, то счастье это — геній!
У Турокъ и Татаръ число рѣшаетъ бой,
И храбрость съ силою творятъ вождей, героевъ;
У просвѣщенныхъ же народовъ — не рукой
Рвутъ лавры, хитростью, искуствомъ въ вихрѣ боевъ
Распорядить, сдержать и влить отвагу въ воевъ.
Всѣ добродѣтели, осанка, быстрый глазъ,
Жаръ въ сердцѣ, ледъ въ умѣ, честь, слава, дарованье,
Высокость, простота, витійство и познанья:
Вотъ качества вождя великаго у насъ!
Такъ! Александровъ умъ и вѣрность соображеній,
Въ Монмартрѣ, въ Лейпцигѣ побѣду одержалъ;
Гласъ мудрости Его въ союзъ царей созвалъ,
И развернулъ хоругвь народныхъ ополченій.
Единый мощный духъ Его душою былъ
Столь разнородной сей махины многосложной.
Все: разстояніе, движенье, сумму силъ,
И время и мѣста расчисливъ, онъ рѣшилъ,
Что невозможное для мелкихъ душъ возможно
Тому, кто твердостью Рокъ самый утомилъ,
И таинство постигъ высокаго искуства
Любовью покорять подъ власть сердца и чувства!

Сія послѣдняя, высокая наука полководца называется у тактитовъ, какъ сами вы знаете: *Ѳеоріею невозможнаго*. Главныя части ея: вѣра, нравственность, строгій порядокъ, справедливость въ раздачѣ наградъ и отеческое попеченіе объ участи воиновъ....»

Я еще витійствовалъ, когда ужинъ кончился. Въ гостиной, оба мои противники одинъ послѣ другаго подошли ко мнѣ, пожали у меня руку и съ учтивостью объявили мнѣ, что они остаются при прежнемъ своемъ мнѣніи, потому что оно справедливо, и что я напрасно терялъ трудъ, желая убѣдить ихъ въ пользѣ просвѣщенія.

Въ досадѣ схватилъ я шляпу, побѣжалъ домой, послалъ за лошадьми, сѣлъ въ коляску — и поскакалъ въ Чухляндію, въ Лифляндію, хотѣлъ я сказать.

Пріѣхавъ въ Дерптъ, нѣсколько разъ принимался я писать письмо къ

тебѣ; но такъ какъ мнѣ хотѣлось непремѣнно говорить о пользѣ наукъ и просвѣщенія, тогда какъ сердце кипѣло еще досадою противъ невѣжества, раскола и пустосвятства, то и выливалась всегда чепуха, бредъ человѣка въ горячкѣ. Потерявъ терпѣнье, бросилъ я перо и, глубоко вздохнувъ, подумалъ: видно не одному письму твоему не лежать подлѣ писемъ Дмитріева, Жуковскаго, Блудова и Дашкова!

(*Сообщено княземъ П. А. Вяземскимъ*)

ПАМЯТИ ЕВГРАФА ПЕТРОВИЧА КОВАЛЕВСКАГО И ПИСЬМО НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ТУРГЕНЕВА КЪ КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ.

По предложенію князя П. А Вяземскаго, приводя въ порядокъ старыя бумаго его, нашелъ я, между прочими, рѣчь, сказанную имъ Евграфу Петровичу Ковалевскому на семейномъ праздникѣ пятидесятилѣтняго юбилея со дня вступленія его въ государственную службу. Въ тѣсномъ кругу родственниковъ и нѣсколькихъ пріятелей, этотъ скромный юбилей, безъ предварительнаго колокольнаго и журнальнаго звона, безъ всякихъ программъ, праздновался на дачѣ его близъ Петербурга. Объ Е. П. Ковалевскомъ, кажется, очень мало обнародовано свѣдѣній. Прилагаемая здѣсь рѣчь можетъ пробудить воспоминаніе о немъ и нѣсколько пополнить пробѣлы въ біографіи его. Съ позволенія автора, сообщаемъ эту рѣчь читателямъ Русскаго Архива.

Слѣдующее за симъ письмо Н. И. Тургенева, между прочимъ, любопытно и важно тѣмъ, что даетъ нѣкоторое понятіе объ историческихъ и литературныхъ сокровищахъ, которыя остались у него послѣ брата его Александра Ивановича. Теперь не стало и Николая Ивановича, и желательно, чтобы этотъ архивъ, въ Россіи собранный, возвратился въ Россію.

Николай Барсуковъ.

19 Апрѣля, 1872. Спб.

I.

РѢЧЬ Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ.

Кромѣ общежитейскихъ отношеній и дружескихъ сочувствій, предоставляющихъ мнѣ нѣкоторое право подать голосъ мой на праздникѣ, который насъ здѣсь радушно собралъ, я имѣю на это еще другія, болѣе положительныя, права. Позвольте мнѣ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій хозяинъ, привести ихъ Вамъ на память.

Мы съ Вами на службѣ почти сверстники,—то есть вы мнѣ почти ровесникъ: потому что если ваша золотая со службою свадьба 1810-й пробы, то мое золото еще нѣсколькими годами или цифрами повыше. Но хотя на Руси любятъ считаться и трунить другъ надъ другомъ годами, я нахожу это удовольствіе грустнымъ. Морщины и сѣдины, которыя наживаемъ годами служебной жизни, не вѣнчаются на пиршествахъ розами, подобно сѣдинамъ Анакреона. И такъ перейдемъ къ другому. Мы съ вами неоднократно сходились на служебномъ поприщѣ и, сколько помнится, мы другъ у друга не перебивали дороги, а шли дружелюбными спутниками и сослуживцами. Мы встрѣчались съ вами въ кабинетѣ общаго начальника нашего, незабвеннаго намъ и Россіи, графа Канкрина. Съ нами здѣсь преемникъ его, также нашъ современникъ и сослуживецъ *).

*) А. М. Княжевичъ.

Тѣмъ охотнѣе заявляю при немъ доброе слово въ память государственнымъ заслугамъ общаго нашего начальника, что и онъ, убѣжденъ я, отзовется на голосъ мой и подкрѣпитъ его. Вы въ то время, для обогащенія Россіи, допытывались подземелій и рудниковъ ея *). И тогда уже вы на этомъ пути встрѣчались съ литературою и ученостью нашею въ лицѣ родоначальника ихъ Ломоносова. Я въ тѣхъ же финансовыхъ цѣляхъ допытывался кармановъ потребителей нашихъ по части внѣшней торговли и проникалъ въ потаенные склепы контрабанды. Тогда и я, по странному случаю и какъ будто пророчески, участвовалъ въ таможенной цензурѣ, которая именуется тарифомъ, чтобы позднѣе участвовать въ литературномъ тарифѣ, который именуется цензурою. И на этомъ пути встрѣчались и сошлись мы съ вами. Мы вмѣстѣ занимались уходомъ за древомъ познанія добра и зла, еще со временъ Адама весьма искусительнымъ и нѣсколько колючимъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые къ нему приставлены. Графъ Канкринъ, говоря мнѣ однажды о своихъ трудахъ и болѣзняхъ, сказалъ, что онъ уже 15 лѣтъ сидитъ *«на огненномъ стулѣ»* Министерства Финансовъ; я полагаю, что и стулъ Министерства Просвѣщенія набитъ не одними лаврами и розами. Какъ бы то ни было, но я вскорѣ, подобно Кутейкину, «убояся бездны премудрости», просилъ объ увольненіи отъ нея. Какъ писатель, я иногда жаловался на цензуру, но сталъ постоянно бояться ея и на нее жаловаться, когда она поступила въ мое вѣдѣніе. Сначала казалось мнѣ достаточнымъ смотрѣть въ оба глаза за тѣмъ, что̀ печатается; но вышло, что нужны особые два глаза и особыя уши, чтобы слѣдить за читателями, угадывать какъ прочтутъ они то, что̀ написано и разслушать разнородныя сужденія доброжелателей и публики. Не многіе даже и между грамотными умѣютъ читать. Есть такіе читатели, которые отъ себя причитываютъ къ прочитанному, такъ что часто эти причитающіеся проценты превышаютъ самый капиталъ. Какъ бы то ни было, эта борьба съ посторонними препятствіями была мнѣ не по силамъ, и я, за неспособностью, еще до увольненія министра Норова, просилъ о своемъ увольненіи отъ должности Аргуса. Вмѣсто того, чтобы цензуровать писателей и быть самому подъ прихотливою цензурою почтеннѣйшей публики, я мирно возвратился, простымъ рядовымъ, къ прежнему моему ремеслу. Въ этомъ ремеслѣ поступилъ я подъ вашу цензуру, поручая себя благосклонности и снисходительности вашего высокопревосходительства.

Позвольте мнѣ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Евграфъ Петровичь, мнѣ, нѣкогда спутнику вашему, нынѣ отъ васъ отставшему, пожелать вамъ отъ души счастливаго пути и безпрепятственнаго достиженія цѣли, или, по крайней мѣрѣ, сближенія съ нею, если Провидѣніемъ рѣдко предоставляется человѣческимъ надеждамъ и силамъ возможность и отрада достигнуть вполнѣ до благородной цѣли, которая у нихъ въ виду. Путь, по которому вы ведете другихъ, есть путь всѣмъ намъ общій. Дѣло, которымъ вы завѣдываете, есть также дѣло всѣмъ намъ общее: оно дѣло близкое, родное, кровное каждому

*) Евграфъ Петровичъ долго служилъ въ горномъ вѣдомствѣ.

сердцу. Кто любитъ Россію, тотъ долженъ любить и ея просвѣщеніе: долженъ желать ему успѣха, а равно, по своимъ силамъ, долженъ содѣйствовать трудамъ и успѣхамъ того, который поставленъ Царемъ во главѣ народнаго образованія. Да здравствуетъ просвѣщеніе на Святой Руси, дабы она была точно честною и святою Русью! Да здравствуетъ и бодрствуетъ тотъ, кто держитъ въ рукѣ своей охранительную и священную хоругвь мысли и слова! Эта хоругвь осѣняетъ не только подвигъ дня, но и грядущія поколѣнія. Министерство просвѣщенія есть не только министерство настоящаго, но еще болѣе министерство будущаго. Оно не отдѣльное, не спеціальное министерстро, а министерство, такъ сказать, подготовительное для всѣхъ министерствъ, образуя будущихъ министровъ и всѣхъ отъ мала до велика общественныхъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ, по всѣмъ поприщамъ государственнаго, нравственнаго и умственнаго развитія. Ему особенно нужно время, и время благопріятное. Молясь о немъ, каждому кстати молиться о *временьхъ мирныхъ и о благорастворенiи воздухъ, для изобилія плодовъ земныхъ.* Въ данную минуту оно болѣе сѣетъ, нежели пожинаетъ. Жатва впереди. Да низойдутъ на эту ниву Божья благодать и царское благоволеніе!

Богъ помощь Вамъ, добрые пахари, добрые сѣятели! Труды ваши велики, но велика и награда ваша. Васъ ожидаютъ благословенія усердныхъ жнецовъ и признательность Россіи, изъ рода въ родъ.

II.

ПИСЬМО Н. И. ТУРГЕНЕВА КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Vert-Bois, 5/17 Сентября 1868 г.

На сихъ дняхъ о. Морошкинъ привезъ мнѣ сюда, въ мою «Зеленую Рощу» ваше письмо отъ 8/20 Мая, почтеннѣйшій князь, и первый томъ трудовъ Историческаго Общества. Чувствительно благодарю васъ и за то, и за другое. Благодарю также за знакомство съ о. Морошкинымъ, котораго я уже зналъ по различнымъ его статьямъ въ Русскихъ журналахъ.

Послѣ брата, конечно, осталось много матеріаловъ того рода, какіе могли бы пригодиться для печати. Пробѣжавъ нѣсколько страницъ изъ вашего тома, я нашелъ, что, напримѣръ, письма о Таракановой находятся и въ братнинахъ бумагахъ. Мой сынъ думаетъ даже, что у меня ихъ болѣе, нежели сколько напечатано въ этомъ волюмѣ, хотя, какъ онъ полагаетъ, въ семъ послѣднемъ есть такія письма, которыхъ у меня нѣтъ. Многое что̀ давно уже было у брата было послѣ напечатано и печатается теперь. Такъ напр. Берлинскій ученый Раумеръ, еще при жизни брата, напечаталъ весьма интересную кореспонденцію Англійскихъ пословъ въ Россіи, которую онъ добылъ въ Лондонскомъ архивѣ, лѣтъ 6 послѣ брата! Такъ и теперь, въ «Русск. Архивѣ» печатались письма Лагарпа, изъ коихъ многія также находятся въ братнинахъ бумагахъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, однакоже, остается кое-что ненапечатаннымъ, и именно письма Лагарпа къ императору Александру I во время пребыванія его, Лагарпа, въ Петербургѣ.

Всѣ собранныя братомъ бумаги составляютъ 15 фоліантовъ! Я съ ними справиться не могу. Могу только ихъ беречь. Если вамъ угодно, то я доставлю вамъ кой-какое оглавленіе тѣхъ бумагъ, кои писаны на Французскомъ языкѣ. Это оглавленіе сдѣлалъ для меня одинъ Французъ. Рускимъ бумагамъ я даже и оглавленія не имѣю. Изъ всѣхъ этихъ бумагъ многія я читалъ, но давно уже, и теперь плохо помню прочтенное.

Кромѣ этихъ бумагъ осталась куча портфелей братниныхъ, съ его письмами ко мнѣ.... Въ этихъ письмахъ брата ко мнѣ я нашелъ много такого, что̀ можно напечатать, и я составилъ уже собраніе писемъ брата для двухъ или трехъ томовъ и, можетъ быть, рѣшусь напечатать *).

Никакой книги о Іезуитахъ я не писалъ. Вообще мнѣ кажется, что нападать на Іезуитовъ есть теперь какой-то анахронизмъ; не въ томъ дѣло теперь, особливо для насъ Русскихъ.

Г. Бартеневъ присылаетъ мнѣ Русскій Архивъ. Я читалъ въ немъ одну изъ самыхъ забавныхъ рѣчей Жуковскаго, которую помню, что слышалъ, когда Жуковскій ее читалъ; можно бы и еще нѣкоторыя рѣчи его напечатать. Теперь, конечно, всѣ его бумаги открыты, и между ними два фоліанта Арзамазскихъ протоколовъ и письма его и ваши къ брату. Все это я переслалъ Жуковскому по его желанію.

Хорошее дѣло дѣлаете вы, любезнѣйшій князь, вздумавъ открыть подписку на покупку дома въ Бѣлевѣ, гдѣ жилъ Жуковскій. Я послалъ въ Московскія вѣдомости и мою малую толику. Радуюсь и предполагаемому новому изданію его сочиненій. Мнѣ всегда казалось, что творенія Жуковскаго, какъ поэта, такъ и какъ прозаика (его «Обозрѣніе Русской исторіи» есть, по моему мнѣнію, настоящій chef d'oeuvre по слогу), кромѣ общихъ достоинствъ, которыя свойственны ему вмѣстѣ съ другими писателями нашими, проникнуты какою-то чистотою нравственною, какимъ-то простодушіемъ, добросердечіемъ, однимъ словомъ *добротою*. Это смягчаетъ сердце и слѣдовательно нравы. Русскіе мальчики и дѣвочки, читающіе, выучивающіе наизустъ стихи Жуковскаго, конечно, лучше относились къ ихъ хамамъ, нежели ихъ батюшки и матушки. Такое же благотворное дѣйствіе должны были произвести и, безъ сомнѣнія, произвели первыя сочиненія Карамзина. Наши тупые старообрядцы забавлялись надъ такъ называемою сантиментальностію, проявившеюся тогда въ Русской литературѣ. Но кто можетъ оцѣнить все то добро, въ смягченіи сердецъ и нравовъ состоящее, которое принесла хоть бы напр. одна «Бѣдная Лиза»! Доброта въ Русскомъ человѣкѣ вообще, особенно въ Русскомъ писателѣ, въ Русскомъ человѣкѣ власть имѣющемъ, въ моихъ глазахъ была всегда самымъ важнымъ качествомъ. И могло ли это быть иначе, когда вездѣ преобладаетъ дикій произволъ? Чѣмъ заслужилъ кн. Долгоруковъ *) эти правдивыя строки, коими вы почтили память его, какъ не своею добротою? Иду далѣе и спрашиваю: что̀ сохранило въ народѣ добрую память о Екатеринѣ, объ Александрѣ, если не эта *доброта*, которая, не смотря на суровую атмосферу, въ коей они жили и царствовали, проникала одна-

*) Эти томы, слышно, уже изданы. *П. Б.*

*) Покойный князь Василій Андреевичъ Долгорукій, бывшій шефъ жандармовъ.

коже въ убѣжденія людей?.... Не могу безъ сердечнаго чувства читать, какъ Екатерина писала своимъ проконсуламъ: «не пытайте, не мучьте людей». Въ Европейскихъ государствахъ хвалить царей и людей власть имѣющихъ за ихъ доброту, конечно, можно и должно (*доброта* вездѣ хороша); но тамъ, гдѣ законъ преобладаетъ надъ произволомъ, такая похвала будетъ нѣсколько суха, ничтожна, между тѣмъ какъ у насъ она будетъ всегда самою лестною изъ похвалъ. Всегда?—Нѣтъ! И у насъ обрѣзываютъ крылья дикому произволу. «Учрежденіе о губерніяхъ», указы о вольныхъ хлѣбопашцахъ, о пыткѣ и т. п., все это суть des jeux d'enfants въ сравненіи съ освобожденіемъ крестьянъ, съ земскими учрежденіями, съ гласностію судопроизводства, съ судомъ присяжныхъ! Почти тоже можно было бы сказать о Петровыхъ реформахъ, еслибы въ нихъ не было такъ много крови. Возможность для добра увеличилась, поле для заслугъ государственныхъ расширилось. Теперь, не переставая чтить въ дѣятеляхъ государственныхъ ихъ *доброту*, будутъ ожидать отъ нихъ проявленія и другихъ качествъ и иныхъ подвиговъ, и именно подвиговъ къ постоянному улучшенію, усовершенствованію устройства государственнаго, къ обезпеченію благосостоянія, благоденствія народнаго. Писатели, особливо поэты, кои, подобно Жуковскому, могутъ дѣйствовать на *смягченіе нравовъ*, пусть они слѣдуютъ сему призванію. Трудъ ихъ всегда отзовется истинною пользою для народа.... Между тѣмъ, всѣ совершенныя у насъ преобразованія вполнѣ удались, удались превыше всякаго чаянія. Между освобожденными крестьянами и лишенными надъ ними власти помѣщиками воспослѣдовало полное умиротвореніе, какого не было ни въ одномъ государствѣ, гдѣ совершались подобныя реформы; земскія учрежденія приходятъ къ спасительному устройству, дѣлаютъ земское дѣло; судьи въ новыхъ судахъ дѣйствуютъ не только хорошо, но даже лучше чѣмъ, напримѣръ, Французскіе судьи; явились даже адвокаты, настоящіе адвокаты—откуда—Богъ вѣсть! Наконецъ присяжные, въ коихъ большинство крестьяне, творятъ судъ правый и милостивый!....

Мой сынъ сохраняетъ свой талантъ въ рисованіи; но далѣе рисованія карандашемъ онъ не идетъ. Въ прошломъ году онъ кончилъ свой курсъ въ Ecole de Droit. Трехъ-годичное слушаніе лекцій онъ исполнилъ добросовѣстно, что̀ здѣсь между студентами рѣдко случается. Всѣ экзамены выдержалъ съ успѣхомъ; окончательная Латинская диссертація его была гораздо лучше обыкновенныхъ. Онъ получилъ дипломъ, необходимый для адвоката; но, не будучи Французомъ, плѣдировать не можетъ. Теперь, на дачѣ, онъ особенно занимается повтореніемъ уроковъ съ своимъ братомъ Петромъ, который исключительно занимается Греческимъ и Латинскимъ языками съ хорошимъ учителемъ, а Русскимъ со мною.

Для меня, конечно, не легко предпринять далекое путешествіе. Но я имѣю твердое намѣреніе съѣздить еще въ Россію. Какъ умереть, не видавъ Русскаго присяжнаго суда? Мнѣ хотѣлось бы также показать Россію моей женѣ; показать ей, дочери и Петрушѣ мою Стародубскую усадьбу, построенный тамъ, по плану Альберта, *) домъ, училище, нами тамъ за-

*) Старшій сынъ Н. Н. Тургенева. *П. Б.*

веденное и также по плану Альберта выстроенное. Альбертъ говоритъ порусски только потому, что нѣсколько разъ былъ въ Россіи. Петруша не говоритъ, или очень плохо, хотя порядочно понимаетъ читаемое.

Не взыщите съ меня за мою болтливость. Это не отъ одной старости происходитъ: для меня рѣдки бесѣды съ такими людьми какъ вы; это для меня праздникъ!

И я, какъ видите, пишу чужою рукою, такъ какъ писанное мною и самъ едва могу разбирать. А на ваши «каракульки» я смотрѣлъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, вспоминая тѣ письма, кои были писаны къ брату этимъ характеристическимъ почеркомъ. Впрочемъ, старость видна только въ почеркѣ. Въ печати, въ стихахъ вашихъ, вы молоды.

Примите, почтеннѣйшій и любезнѣйшій князь, истинное увѣреніе въ моемъ душевномъ почтеніи и преданности.

Н. Тургеневъ.

ПИСЬМО Н. И. ТУРГЕНЕВА КЪ П. Я. ЧАДАЕВУ.

27 Марта 1820.

Подумавъ о вчерашнемъ нашемъ разговорѣ и о прочтенномъ изъ Гено эдиктѣ касательно освобожденія крестьянъ, мнѣ кажется, что сей актъ можетъ служить однимъ изъ убѣдительныхъ доводовъ въ пользу нашу и добраго дѣла. Вы сдѣлали при семъ два замѣчанія, весьма важныя справедливостію и основательностію своею.

1-е. Что во Франціи король, освобождая своихъ крестьянъ и поставляя подражаніе сему примѣру въ обязанность дворянству, сдѣлалъ гораздо болѣе, нежели бы сколько сдѣлало наше правительство, возвративъ свободу помѣщичьимъ крестьянамъ; и сіе потому, что во Франціи крестьяне были закрѣпощены или порабощены дворянствомъ, у насъ же самимъ правительствомъ. Такимъ образомъ Французское правительство уничтожало сдѣланное сильнымъ дворянствомъ; у насъ же правительство просвѣщенное и справедливое уничтожило бы постановленіе правительства же, и притомъ правительства слабаго и даже незаконнаго. Какая разница! Какая истина! Если бы правительство въ какомъ либо случаѣ имѣло полное право отмѣнять сдѣланное прежнимъ правительствомъ; то конечно право сіе нигдѣ не можетъ быть употреблено съ такою пользою и справедливостью, какъ при уничтоженіи ненавистнаго узаконенія Шуйскаго, оковавшаго нѣсколько милліоновъ людей съ ихъ потомствомъ цѣпями самаго несправедливаго и безполезнаго рабства.

2-е. Что эдиктъ Лудовика Толстаго не произвелъ тѣхъ безпорядковъ, той суматохи, тѣхъ бозпокойствъ, которыхъ опасаются у насъ невѣжды и эгоисты; между тѣмъ во Франціи скорѣе можно было бы ожидать и сихъ безпокойствъ и сихъ безпорядковъ, нежели у насъ, какъ потому, что король (какъ и выше сказано) приступилъ къ отмѣнѣ порядка вещей, не правительствомъ введеннаго, такъ въ особенности и потому, что дворянство Французское пользовалось, въ то время, въ отношеніи къ правительству, бо̀льшею важностію, нежели наше когда либо.

Единая мысль одушевляетъ меня, единую цѣль предполагаю себѣ въ жизни, одна надежда еще не умер-

ла въ моемъ сердцѣ: *освобожденіе крестьянъ.* По сему вы можете судить, могу ли я быть равнодушнымъ къ каждому умному слову, къ каждой справедливой идеѣ, до сего предмета относящимся. Вчерашній разговоръ утвердилъ еще болѣе во мнѣ то мнѣніе, что вы много можете споспѣшествовать распространенію здравыхъ идей объ освобожденіи крестьянъ. Сдѣлайте, почтеннѣйшій, изъ сего святаго дѣла главный предметъ вашихъ занятій, вашихъ размышленій. Вспомните, что ничто справедливое не умираетъ: зло, чтобъ не погибнуть, должно, такъ сказать, быть осуществлено, въ одной мысли оно жить не можетъ; добро же, напротивъ того, живетъ, не умирая, даже и въ одной свободной идеѣ независимой отъ власти человѣческой. Безплодныя занятія по службѣ отвлекли меня отъ тѣхъ занятій, которыхъ мнѣ не должно было бы оставлять никогда. Но предметъ моихъ мыслей, моихъ желаній, не перемѣнился: всегда гнусное рабство будетъ предметомъ моей ненависти, освобожденіе цѣлью моей жизни! Но есть и у насъ люди, чувствующіе все несчастіе, и даже всю непристойность крѣпостнаго состоянія. Обратите ихъ къ первой цѣли всего въ Россіи! Доказавъ возможность освобожденія, доказавъ первенство онаго между всѣми благими начинаніями, мы будемъ богаты. И такъ дѣйствуйте, обогащайте насъ сокровищами гражданственности! Вамъ душевно преданный Н. Тургеневъ.

(*Съ подлинника, полученнаго въ 1855 году отъ П. Я. Чадаева*)

ПИСЬМО С. П. ШЕВЫРЕВА КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Флоренція 1861 г. Апрѣля 13.

Какъ сладка мнѣ была здѣсь вѣсточка отъ тебя, съ твоей дорогой Украйны! Получилъ я обѣ, и осеннюю, и зимнюю. Мы здѣсь вотъ уже шестой мѣсяцъ. Благословляемъ небо Италіи. Здоровье жены и мое гораздо поправилось. Дѣтки наши процвѣтаютъ. Ихъ ученье идетъ хорошо. П. мой глядитъ въ художники. Въ немногіе мѣсяцы онъ большіе успѣхи сдѣлалъ въ рисованьи и за послѣдній рисунокъ заслужилъ похвалу отъ всѣхъ трехъ профессоровъ своихъ. К. радуетъ меня музыкою, которую очень любитъ и въ которой успѣваетъ. Мои любезные Итальянцы приняли меня какъ нельзя радушнѣе: языкъ скоро соединилъ меня съ ними. Пріятно видѣть вблизи возрожденіе Италіи. Велика сила народная вездѣ, и въ жизни народовъ она лучшая сторона нашего вѣка. Личности отходятъ, а которыя сильны, тѣ только и сильны народомъ: такова личность Гарибальди, который, судя по портретамъ, очень похожъ на Костю Аксакова. Покойный Костя былъ бы и у насъ Гарибальди, если бы не сгубилъ его Гегель и поняла бы Россія.

Три ящика Русскихъ книгъ со мною. Я не вытерпѣлъ—прочелъ для Русскихъ, живущихъ здѣсь, 15 лекцій объ Исторіи Русской Словесности. По ея даннымъ я провелъ мысль новую, еще не бывалую. Теперь сказанное изустно хочу положить на бумагу. Новая Италія тоже требуетъ времени. Я написалъ путевыя впечатлѣнія до Флоренціи, послалъ къ Погодину, и пропали. Буду писать про себя, до лучшаго времени.

Да, теперь время не личностей, но народовъ. Если бы эту мысль поняло наше правительство и понесло бы ее, какъ знамя, къ племенамъ Славянскимъ! Какой бы шагъ впередъ оно сдѣлало въ Русской Исторіи! Съ этой точки зрѣнія только можно въ пользу Россіи рѣшить вопросъ Польскій. Отсюда все это видится яснѣе. Да, надобно по временамъ выѣзжать изъ Россіи, чтобы издали яснѣе ее видѣть. Мнѣ многое и въ словесности нашей стало яснѣе съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь занимаюсь ею. Безъ своего не могу обойтись и въ Италіи.

Одному профессору Пизанскаго университета, Виллари, который издалъ замѣчательную книгу объ Іеронимѣ Саванаролѣ, я сообщилъ выписку изъ сочиненій Максима Грека (экземпляръ ихъ со мною), который зналъ Іеронима лично, слушалъ его проповѣди и говоритъ объ немъ съ большимъ сочувствіемъ, какъ объ святомъ. Онъ напечаталъ эту выписку съ моимъ именемъ въ прибавленіяхъ къ своей книгѣ. Сближеніе удивительное,—Максимъ Грекъ и Іеронимъ Саванарола, въ концѣ XV вѣка, во Флоренціи! Максимъ былъ тогда еще очень молодъ.

Сочиненіе мое на Итальянскомъ языкѣ, Исторія Русской Словесности, писанное вмѣстѣ съ Рубини, взялся напечатать здѣшній книгопродавецъ. Оно скоро поступитъ въ печать. Эпилогъ къ нему былъ напечатанъ въ лучшей Миланской газетѣ—La Perseveranza и принятъ хорошо другими журналами. Я намѣренъ дѣйствовать и черезъ здѣшніе журналы. Дай срокъ!

А изъ Россіи сколько было печальныхъ вѣстей! Со времени нашего отъѣзда сколько потерь! Нѣтъ Хомякова, нѣтъ Кости Аксакова, нѣтъ Шевченка! Теперь утѣшила и порадовала вѣсть объ освобожденіи крестьянъ. Премудрый и добрый народъ нашъ такъ славно принимаетъ свободу. На Западѣ, не зная насъ, думали: вотъ Россія вся вверхъ дномъ станетъ. Анъ не тутъ-то было! Мы и сами, не зная крѣпости древней основы, заложенной предками въ народѣ, также думаемъ объ немъ, за немногими исключеніями. Народъ изумляетъ насъ своею мудростію и спокойствіемъ, а гдѣ имъ разгадка?—Въ силѣ его вѣры и въ любви, безъ нея же вѣра мертва.

Люблю ходить по окрестнымъ холмамъ или, лучше, горамъ Флоренціи. Тутъ, кажется, небо сближается съ землею. Понимаю, какъ здѣсь могла родиться поэзія Италіи. На три лѣтніе мѣсяца мы переберемся къ морю, думаемъ, въ Специю. Флоренція въ жары нестерпима. Хочется покупаться въ морѣ. Когда то увидимся! Авось Богъ милостивъ. На что нибудь да бережетъ же насъ Богъ, когда безбожники гонятъ долой съ лица земли. А сколько ихъ развелось и какъ они гуляютъ изъ Россіи по Западу, подъ эгидою Герцена! Вотъ полчище, съ которымъ еще надобно будетъ перевѣдаться Русскому народу! Задача велика! Обнимаю тебя, милый другъ. Говорю тебѣ и семьѣ твоей: Христосъ Воскресе!

Твой душою С. Шевыревъ.

ОТВѢТЪ

на замѣтки г-на О. А. Пржецлавскаго *).

Кромѣ величайшей благодарности автору „замѣтокъ на мои записки о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ“, ничего не могу сказать. Всѣмъ этимъ я воспользуюсь при первой перепечаткѣ мо-

*) См. выше, стр. 1031 и слѣд.

ихъ записокъ, какъ равно и замѣчаніями другихъ лицъ, почтившихъ мой трудъ такимъ же вниманіемъ. Я пишу, постоянно слѣдуя моему правилу, что „всякій долженъ сдѣлать то, что̀ можетъ и какъ можетъ, не боясь, что надѣлаетъ ошибокъ". Если этого бояться и выжидать, пока все, въ предпринятомъ трудѣ, придетъ въ совершенство, будетъ осмотрѣно со всевозможныхъ сторонъ и подвергнуто тщательной критикѣ, — если выжидать этого, не напишешь пожалуй ничего во всю жизнь. Подъ лежачъ камень вода не течетъ. По моему, выгоднѣе для себя и другихъ высказаться передъ публикой какъ кому удастся; сообщить все, что̀ случилось собрать, услышать, подмѣтить; но, разумѣется, высказать честно, не „мудрствуя лукаво" и не поддаваясь никакимъ постороннимъ внушеніямъ и насилію. Въ противномъ случаѣ конечно лучше молчать, нежели говорить противъ совѣсти.

Неполноту и невѣрность иного въ моихъ запискахъ я часто чувствовалъ писавши, а все таки писалъ, именно затѣмъ, чтобы кто-нибудь исправилъ. (Такъ-то и вырабатывается истина). А всего исправить и пополнить никакъ не могъ. Пусть не думаетъ г. Пржецлавскій, что до всего что̀ кажется ему въ Петербургѣ простымъ и яснымъ, легко добраться въ Варшавѣ, когда, повидимому, все открыто и доступно. Вѣрны могутъ быть въ этомъ случаѣ только указанія Поляковъ, а съ Польскимъ обществомъ мы живемъ врозь, даже я, которому удалось проложить кое-какія узкія тропинки, szlaki, въ иныя Польскія сердца. А Русскіе очень мало знаютъ. Жидовская исторія, по поводу статьи Кёнига о концертѣ Неруды, изслѣдована мною съ большимъ трудомъ даже и въ той формѣ, какъ я ее передалъ. Повѣритъ-ли г. Пржецлавскій, если я скажу, что знакомые мнѣ здѣсь Поляки употребили, Богъ ихъ вѣдаетъ зачѣмъ, всѣ усилія, чтобы я не нашелъ статьи Кёнига въ Варшавской Газетѣ, чтобы зналъ обо всемъ этомъ какъ можно меньше. Въ другихъ случаяхъ, кое-какіе тормазы были и со стороны своихъ.

Ошибка относительно Мицкевича и Ржевусскаго мною чувствовалась. Не помню, кто главный ея виновникъ, кто мнѣ передалъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ у меня разсказано. Иллюзія закрѣплялась для меня именемъ Соплицы, которое послѣ стало у Ржевусскаго на мѣстѣ Szlachtica Litewskiego. О томъ же, что Мицкевичь склонилъ Ржевусскаго разсказать все то печатно, безъ всякихъ затѣй, что̀ онъ такъ хорошо разсказывалъ о Литвѣ на словахъ, — я зналъ. Есть и въ „Listach z Podróży" Одынца. Что̀ до Ленскаго, мнѣ передали объ немъ въ такомъ видѣ Русскіе; провѣрить этого Поляками, или тѣмъ путемъ, на какой указываетъ г. Пржецлавскій, мнѣ не удалось.

Въ заключеніе замѣчу, что г. Пржецлавскій, уча меня Французскому правилу „ne cherchez pas midi à 14 heures", самъ усматриваетъ какое-то „диктаторство" у меня тамъ, гдѣ нѣтъ ничего подобнаго и тѣни. Я назвалъ Крашевскаго „первымъ свѣтиломъ тогдашняго литературнаго міра Польши"—въ Польскомъ, а не въ какомъ-либо другомъ смыслѣ, ничуть не диктаторствуя, а прислушиваясь къ общему говору. О комъ больше кричатъ? Кого болѣе знаютъ изъ современныхъ Польскихъ писателей во всѣхъ трехъ захватахъ? Чьи портреты и бюсты болѣе распространены? Крашевскаго найдешь не только въ книжныхъ магазинахъ и у литераторовъ въ кабинетахъ, но и во многихъ цырульняхъ. Разъѣзды Крашевскаго въ прошломъ году по Галиціи были тріумфаторскіе; эти обѣды, вѣнки, статьи, шампанское и слезы. Пусть г. Пржецлавскій взглянетъ въ газету Kraj и другія, за первую половину прошлаго года. Едвали бы тѣ лица, которыя поставлены г. Пржецлавскимъ какъ-бы выше Крашевскаго, произвели такой эффектъ, какъ онъ своимъ появленіемъ въ Краковѣ и во Львовѣ. Жиды практическій народъ; прежде чѣмъ при-

глашать кого-либо въ редакторы газеты, которая должна была побить Варшавскую, они конечно переспросили достаточное количество Поляковъ (если только не знали сами) чье имя въ Польской литературѣ звучало тогда громче. Мое-же личное мнѣніе о Крашевскомъ, —что это Польскій Кукольникъ, „производитель“ страшной массы романовъ, повѣстей, драмъ, стиховъ, чего угодно. Моя фраза „Крашевскаго выписали изъ Житоміра, гдѣ онъ жилъ до тѣхъ поръ очень тихо, производя свои безконечные романы, повѣсти, скиццы“ — достаточно высказываетъ мое мнѣніе объ этомъ писателѣ для всѣхъ, кто читаетъ внимательно. Удѣвляюсь, какъ г. Пржецлавскій, вообще очень тонкій читатель, этого не прочиталъ какъ надо.

Еще разъ принося г. Пржецлавскому мою искреннюю, душевную благодарность за всѣ указанные имъ въ моихъ запискахъ ошибки и недосмотры, прошу его покорнѣйше не оставить безъ вниманія и будущія главы. *Н. Бергъ.*

Варшава. 25 Апрѣля 1872 года.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Отъ зоркаго глаза библіографовъ вѣроятно не укрылось, что вторая тетрадь Р. Архива сего года вышла изъ двухъ типографій. Обстоятельство это, задержавшее выходъ тетради, повлекло за собою и еще одну невзгоду. При переносѣ изъ одной типографіи въ другую, выпала цѣлая гранка въ статьѣ И. Е. Забѣлина. Приводимъ здѣсь этотъ пропускъ. Онъ относится къ страницѣ 382. *П. Б.*

Однако въ нарисованныхъ чертахъ достаточно выясняется одно, что это былъ человѣкъ дюжинный, малоспособный *). Оттого Мининъ и указалъ на этого человѣка, руководясь своими цѣлями. Но чтоже, Нижегородскій народъ, этотъ умный, торговый, промышленный народъ, умѣвшій всякому дѣлу дать счетъ и мѣру; народъ самостоятельный, какъ сама Волга, на которой онъ жилъ и по которой хозяйничалъ своими промыслами; народъ, который во всю смутную эпоху ни разу не поколебался ни въ какую сторону, первый же, въ одно время съ Ляпуновымъ и независимо отъ него поднялся по призыву патріарха Гермогена; въ теченіи всего времени постоянно сносился съ патріархомъ и на письмѣ и на словахъ, посредствомъ своихъ безстрашныхъ людей, посадскаго человѣка Свіяженина Родіона Мосѣева и боярскаго сына Романа Пахомова, провѣдывая, что̀ творится въ Москвѣ, совѣтуясь, какъ помочь бѣдѣ; этотъ народъ, который по своей окраинѣ, во все смутное время, былъ самымъ живымъ центромъ на подвигъ ко всякому доброму и прямому дѣлу? Не говоримъ о тамошнемъ (Нижегородскомъ) воеводѣ, о самомъ Иванѣ Биркинѣ, о другихъ служилыхъ людяхъ, совмѣстникахъ и соперникахъ Пожарскому по чину и по званію, которые ни за что не уступили бы Минину въ выборѣ человѣка именно дюжиннаго, малоспособнаго, рядоваго. Но наши историки смотрятъ на Исторію, какъ на театральную сцену, гдѣ уже заранѣе извѣстно, что̀ совершится, и гдѣ, главное, народъ ведетъ себя такъ, какъ написано историками въ пьесѣ: молчитъ и тупо смотритъ, когда должны дѣйствовать герои. И вотъ Мининъ размахиваетъ руками, повелѣваетъ Печерскому архимандриту Ѳеодосію, первому по старшинству дворянину Ждану Болтину идти къ Пожарскому послами; повелѣваетъ, выбравъ отъ всѣхъ чиновъ лучшихъ людей, послать съ послами, какъ представителей мірскаго совѣта. Народъ молчитъ, тупо смотритъ и исполняетъ повелѣнное.

*) Т. е. Пожарскій по начертанію новѣйшихъ историковъ. *П. Б.*

Точно также поступаетъ и Пожарскій, когда посольство приходитъ къ нему. Онъ требуетъ, чтобы изъ посадскихъ выбрали хорошаго человѣка для сбора казны. Послы было замялись, кого же избрать? Но герой «не далъ имъ долго ломать головы» и указалъ Минина. Народъ, по театральному, ужъ «естественно долженъ былъ выбрать того, кого желалъ приглашаемый начальникъ». Таковъ Русскій историческій народъ! Самъ онъ ни о чемъ не размышляетъ и не разсуждаетъ, а исполняетъ только повелѣнное. По приказу Минина выбираетъ Пожарскаго, по приказу Пожарскаго выбираетъ Минина, а между тѣмъ все дѣлаетъ по мірскому совѣту, на мірской сходкѣ, общимъ земскимъ собраніемъ, удерживая эту форму своихъ разсужденій въ теченіи всей своей Исторіи, на перекоръ всѣмъ напастямъ и невзгодамъ!

О ПОРТРЕТѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Прилагаемый при сей тетради Р. Архива портретъ Петра Великаго заказанъ былъ въ Дрезденѣ княземъ Александромъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ извѣстному Дрезденскому граверу Шрейеру (Iohann Friederich Moriz Schreyer, р. 1768 ум. 1795. Онъ былъ ученикомъ Казановы и Шульца). Князь А. М. Бѣлосельскій (род. 1752, ум. 1809) былъ долгое время посланникомъ въ Дрезденѣ. Оттуда онъ былъ переведенъ въ Туринъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Петербургѣ, въ великолѣпномъ своемъ домѣ на Невскомъ Проспектѣ у Аничкова моста, будучи оберъ-шенкомъ высочайшаго двора. Онъ былъ страстнымъ любителемъ литературы, искусства и отечественной старины. Онъ вёлъ переписку съ Делилемъ, Мармонтелемъ и Вольтеромъ, который написалъ въ честь его стихи подписанные подъ его гравированнымъ портретомъ (гравюра Шульца съ оригинала Казановы въ большой листъ). Князь Бѣлосельскій самъ занимался литературою и гравированіемъ. Онъ же собралъ богатую коллекцію гровюръ, сохранившуюся у его наслѣдниковъ. Это чуть ли не единственный у насъ примѣръ частнаго собранія не распроданнаго и не растасканнаго послѣ смерти его составителя. Въ собраніи особенно замѣчательны древнія Русскія гравюры и преимущественно лубочныя картинки, большею частью пріобрѣтенныя послѣ извѣстнаго въ свое время любителя Адама Васильевича Олсуфьева.

Что̀ касается до портрета Петра Великаго отпечатаннаго нынѣ для читателей Р. Архива, то о немъ упоминаетъ Наглеръ (Künstler-Lexicon XVI. 18), какъ объ одномъ изъ лучшихъ произведеній Шрейера. Покойный кн. Александръ Яковлевичъ Лобановъ-Ростовскій и А. А. Васильчиковъ, спеціалисты по предмету отечественной иконографіи, напрасно старались доискаться до оригинала гравюры. У кн. Бѣлосельскаго портрета писаннаго Леруа нѣтъ, и такъ какъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія не существовало извѣстнаго живописца съ именемъ Леруа, то оба наши изыскателя дошли до убѣжденія, что оригиналомъ нашей гравюры была копія (съ измѣненіями) съ портрета Кареля де Мора, писаннаго въ 1717 въ Голландіи съ натуры.

Мѣдная доска портрета сообщена намъ, съ соизволенія князя Константина Эсперовича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, при дружественномъ посредствѣ А. А. Васильчикова.

hic vir hic est

В. Н. Панинымъ.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе Императрицы Екатерины II.—Бумаги кн. Н. В. Репнина.—Записка князя А. А. Черторыжскаго, 26 Іюня 1807 года.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія.

Томъ VII. Бумаги Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, собраны и изданы съ Высочайшаго соизволенія, по предначертанію Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, академикомъ Пекарскимъ (здѣсь помѣщено болѣе 400-тъ преимущественно собственноручныхъ бумагъ Императрицы съ 1744 по 1764 г. включительно).

Томъ VIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Часть II.

Къ каждому тому приложенъ Азбучный указатель собственныхъ именъ.

Цѣна первымъ двумъ томамъ по **два** рубля, а послѣднимъ шести по **три** рубля. Иногородные прилагаютъ за пересылку каждаго тома за **три** фунта по разстояніямъ (цѣны означены въ календаряхъ)

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

издаваемый **П. Бартеневымъ**

(издателемъ Русскаго Архива)

Въ первой книгѣ этого сборника помѣщены между прочимъ:

1. Біографія Е. А. Головина, соч. *Ю. В. Толстаго.*
2. Записки *Н. В. Басаргина.*
3. Записка о духовномъ союзѣ Татариновой (по неизданнымъ бумагамъ).
4. Дневникъ художника *Боровиковскаго.*
5. Записка *князя Грабе-Горскаго.*
6. Новыя автобіографическія показанія *Магницкаго.*
7. Воспоминанія о Венгерской кампаніи, *Д. П. Сонцова.*
8. Крестьяне Царства Польскаго въ 1863 г.
9. Неизданныя бумаги и письма Рылѣева, статьи и воспоминанія о немъ.
10. Письма Рылѣева къ Пушкину и Пушкина къ Нащокину.
11. Письма Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной.
12. Обозрѣніе жизни и царствованія императора Александра Павловича, *Н. В. Путяты.*

Цѣна первой книги „XIX Вѣка“—*три* рубли, пересылка за 3 фунта по разстояніямъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1872

(ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ выходитъ въ 1872 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя девять лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1872 года (12 тетрадей котораго разсылаются *по мѣрѣ отпечатанія* и составятъ до 2000 и выше страницъ четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1872 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.*

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышеоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — **1** р. **50** к., для Франціи — **2** р., для Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Русскій Архивъ 1872 года вмѣстѣ съ первыми двумя книгами XIX Вѣка— **ДВѢНАДЦАТЬ** р. съ пересылкою. Вмѣстѣ съ первыми 4 книгами XVIII Вѣка цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1872 года— **ШЕСТНАДЦАТЬ** рублей, съ пересылкою.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**

ОСТАВШІЕСЯ (СОЕДИНЕННЫЕ ВЪ ОДНУ КНИГУ) ЭКЗЕМПЛЯРЫ РУССКАГО АРХИВА ЗА 1870 И 1871 Г. МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ПО ШЕСТИ РУБЛЕЙ (ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЕТСЯ).

ГОДЪ (Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1873 году) ДЕСЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

7 и 8. ПРИ 1872.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречист. вор. д. Шиловой.

1872.

СОДЕРЖАНІЕ

второй книги

ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА

(296 и 0271 стр.)

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ АНТОНИНЫ ДМИТРІЕВНЫ БЛУДОВОЙ.

Хорошо помню я зиму съ 1829 на 1830-й годъ, помню по счастливому семейному спокойствію, по веселому, бодрому собственному моему настроенію, по юношеской полнотѣ наслажденія всѣмъ прекраснымъ и въ книгахъ, и въ природѣ, и въ окружавшихъ людяхъ. Помню наслажденіе, съ которомъ читала я Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Козлова, наслажденіе, съ которымъ въ театрѣ смотрѣла Фингала, и особенно Димитрія Донскаго; наслажденіе, съ которымъ читала я Фенелона, Боссюэта, и особенно введеніе въ философію Бакона, примѣняя къ жизни высокія начала, которыя онъ такъ ясно и просто излагалъ (и которыя самъ къ своей жизни такъ мало примѣнялъ). Сухость и трудность первыхъ уроковъ я еще недавно преодолѣла, и теперь я вступала въ блескъ, и свѣтъ, и гармонію, въ лучезарный міръ творчества человѣческаго, въ міръ поэзіи и науки, изучая словесность разныхъ вѣковъ и народовъ, кого въ подлинникахъ, кого въ геніальныхъ переводахъ, творя себѣ друзей, и совѣтниковъ, и путеводителей изъ новыхъ и древнихъ писателей, которые такъ живо говорили моему воображенію, что казались мнѣ короткими, милыми знакомыми, къ которымъ будто уходила я посидѣть, потолковать часто, часто и, разставаясь, говорила: „до свиданья!“ *Книги* у насъ всегда были въ большомъ почетѣ. Отецъ мой только на книги и позволялъ себѣ расходы. Онъ вообще считалъ *бережливость* обязанностію семьянина, и еще болѣе человѣка служащаго на *видномъ* мѣстѣ. Онъ говорилъ, что министръ, или товарищъ министра напримѣръ, не можетъ и не долженъ быть слѣпымъ орудіемъ ничьимъ; что пока должность требуетъ только переписыванія чужихъ мыслей, исполненія чужихъ порученій и воли, разумѣется, отвѣтственности нѣтъ еще никакой; но когда доходишь до рѣшенія дѣла, до устройства такой или другой части, до принятія общихъ мѣръ, словомъ *до управленія*, то честному человѣку уже дѣйствовать нельзя иначе, какъ по своимъ *твердо сознаннымъ убѣжденіямъ*, и если эти убѣжденія не раздѣляетъ правительство, то не должно соглашаться дѣйствовать противъ нихъ. Тогда остается то, что батюшка называлъ ultima ratio министровъ—подача въ отставку. А для подачи въ отставку требуется, чтобъ человѣкъ не дорожилъ своимъ мѣстомъ, чтобъ не боялся, оставивъ службу, пойдти по міру [1]). Въ высшихъ должностяхъ надобно быть самостоятельнымъ и матеріально независимымъ; а чтобъ сохранить такую независимость, необходимо всегда жить по своимъ личнымъ средствамъ, употребляя получаемый на службѣ окладъ лишь на тѣ расходы, которые зависятъ отъ служебнаго положенія и потому могутъ быть легко оставлены вмѣстѣ съ этимъ положеніемъ. Вотъ почему, предоставляя матери моей все хозяйство, онъ на себя очень мало тратилъ. Одну роскошь только позволялъ онъ себѣ, это книги. Когда матушка хотѣла сдѣлать ему подарокъ, она отыскивала вновь вышедшую книгу, или старое рѣдкое изданіе. Почти всякую недѣлю онъ заходилъ въ книжныя лавки и, послѣ своей длинной, двухъчасовой прогулки передъ обѣдомъ, приходилъ бывало съ пакетомъ завернутымъ въ коришневую или синюю бумагу, перутянутую бичевкою. Это ужъ были знакомые пакеты, и мы бывало смотримъ съ любопытствомъ и надеждою, почти съ жадностію: не для насъ ли? Не такія ли книги онъ принесъ, которыя намъ дадутъ? Часто бывали дѣтскія книги; но когда и не для насъ, то все таки было весело развязать бичевку, развернуть коришневую бумагу, прочесть названіе, и просто полюбоваться

[1]) Того же правила держался гр. А. Р. Воронцовъ, см. автобіографію его въ 5-й кн. Арх. Кн. Воронцова, стр. 8. *П. Б.*

и порадоваться на ихъ видъ, этихъ милыхъ книгъ, этихъ новыхъ знакомыхъ, которые со временемъ будутъ старые друзья. Особенно Англійскихъ книгъ много приносилъ батюшка. Тогда Bulwer былъ въ самомъ разгарѣ своей литературной дѣятельности. Его романы, сочиненія Вальтеръ-Скота, Купера и многіе мемуары и собранія писемъ извѣстныхъ политическихъ или литературныхъ дѣятелей были дорогими новинками для насъ; а выписывалъ ихъ батюшка большею частію по рецензіямъ Litterary-Gazette, очень хорошо веденному библіографическому и критическому журналу, который и онъ, и наша гувернантка (m-lle du Tour), и мы съ сестрой читали съ большимъ удовольствіемъ, почти съ увлеченіемъ: такъ хорошо онъ былъ писанъ и такъ интересно составленъ. Матушка не знала поанглійски и читала эти книги въ переводѣ; для нея батюшка приносилъ и читалъ Русскія и Французскія книги, которыя не всегда намъ дозволялись, хотя въ то время еще не была въ модѣ растрёпанная литература, и матушка до конца жизни своей не любила читать неприличные романы, а батюшкѣ и въ мысль не приходило приносить ей такого рода гостинца. Но они оба и m-elle du Tour находили, что вообще Французскіе романы слишкомъ безполезны для насъ и разслабляютъ воображеніе, вертясь всегда въ кругу салонной жизни. Теперь они не разслабляють, а горячатъ и мараютъ воображеніе, что̀ конечно не лучше. Намъ однако читали, съ большими пропусками, Cinq Mars и нѣкоторые мемуары про Вандейскую войну, которые увлекали насъ до высшей степени. А новыя Русскія книги! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы появленія новаго стихотворенія Жуковскаго, Козлова, продолженія Евгенія Онѣгина! Все это было такимъ живымъ, насущнымъ наслажденіемъ и, такъ сказать, *частью жизни нашей, происшествіемъ семейнымъ*. А тамъ музыка, новая опера, вновь исполненная въ концертѣ симфонія великаго композитора! А радость, съ которою разъигрывались на клавикордахъ въ 2 или 4 руки или цѣлыя партитуры и дуэты, или тріо съ скрипкой, на которой дядя мой Александръ Александровичъ Поликарповъ игралъ съ талантомъ, бріо (brio), и увлекательностію великаго виртуоза. И все это было общимъ интересомъ, общимъ наслажденіемъ всей семьи и соединяло насъ всѣхъ одними мыслями, одними занятіями, въ часы отдохновенія, послѣ обѣда и вечеромъ. Утромъ же всѣ были заняты работою. Матушка хозяйствомъ, дѣлами своего имѣнія и рукодѣліемъ; отецъ службою, мы дѣти уроками и приготовленіемъ къ урокамъ. День казался такъ коротокъ: хотѣлось удержать время, продлить еще хоть на половину сутки! Я такъ понимаю Англійскую поговорку Try to catch time by the forelock (старайся поймать время за чубъ), и мнѣ такъ и видѣлось оно, съ своими крыльями, косою и чубомъ, летѣвшее досадно-быстро и высоко. Впрочемъ это желаніе остановить или умножить часы дня у меня осталось и понынѣ. Удивляюсь, какъ люди успѣваютъ все исполнить въ теченіи 16—17 часовъ, а что̀ значитъ надобность *убивать* время, не постижимо для меня доселѣ. Братья были еще маленькіе, иногда бывали трудны и скучны имъ уроки; особенно начатки Латинскаго языка тяготили память меньшаго брата, который пародировалъ такъ стихи Гейне:

Am Fenster stand der Mentor,
Im Bette lag der Sohn.
Willst du nicht aufstehen, Wadim,
Zu nehmen die Lection?
—Ich bin so müd, Herr Mentor,
Dass ich nicht hör', noch seh'.
Ich denk'an Julius Cesar,
Da macht das Herz mir weh.

Но Юлія Цесаря и Корнелія Непота надо было разбирать, потому что отецъ мой требовалъ, чтобъ братья учились Латинскому и Греческому языкамъ, и на возраженія нѣкоторыхъ нашихъ зна-

комыхъ, спрашивавшихъ „на что?", онъ всегда отвѣчалъ: „не для того собственно, чтобъ читать въ оригиналѣ величайшія творенія человѣческаго ума въ древности, творенія, которыя легли въ основу всей новѣйшей словесности, но *особенно* для привычки преодолѣвать трудности, изучать конструкцію языка, словомъ для *гимнастики ума*."

Мы же съ сестрой читали древнихъ только въ переводахъ Англійскихъ, и съ большимъ наслажденіемъ; я перечитывала Langhorn' овы жизнеописанія Плутарха нѣсколько разъ въ годъ, и онъ занимаетъ почетное мѣсто въ моемъ шкапѣ понынѣ: мнѣ весело смотрѣть на его голубую брошировку и теперь. Лидіи было 14 лѣтъ, а мнѣ 16; но она не только не отставала отъ меня, напротивъ перегоняла, и всѣ наши уроки мы брали вмѣстѣ. Большую часть ихъ продолжала давать намъ m-elle du Tour, и присутствовала на всѣхъ тѣхъ, которые преподавались учителями. Учителей мы любили, какъ любили книги, съ живымъ чувствомъ любознательной признательности; они были для насъ родные и друзья. Особенно же мы любили уроки Нѣмецкаго языка, или литературу Эртеля, который преподавалъ съ живостію и увлеченіемъ человѣка, положившаго свою душу въ предметъ свой, а такая любовь къ своему дѣлу всегда сообщается слушателямъ. Не знаю, какъ по теперешнему бы нашли его методъ (по нашему говорили методу) нагляднаго преподаванія маленькимъ дѣтямъ, *Tabellen* съ рисунками и краткими фразами, которыя служили примѣрами грамматическими; но литературу преподавалъ онъ прекрасно, и вижу теперь передъ собой его оживленные, умные глаза, и быстрые жесты, и добродушное выраженіе полнаго, круглаго лица. Онъ давалъ уроки тоже дѣтямъ Государя и восхищался даровитою натурою Великой Княжны Маріи Николаевны; ей былъ тогда одиннадцатый годъ, и онъ увѣрялъ, что, не будь она царскою дочерью, она бы была великимъ поэтомъ.

Другой любимый нашъ учитель былъ Иванъ Яковлевичъ Телешевъ. Воспитанникъ Казанскаго университета, онъ работалъ при Николаѣ Михайловичѣ Карамзинѣ, по его Исторіи, и былъ рекомендованъ, такъ сказать, *завѣщанъ* имъ батюшкѣ. Онъ служилъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, въ Департаментѣ Иностранныхъ Исповѣданій, и потомъ перешелъ вмѣстѣ съ Департаментомъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, какъ секретарь отца моего или скорѣе какъ правитель его *личной*, собственной канцеляріи. Занимаясь такимъ образомъ и историческими рукописями, и всѣми секретными дѣлами, которыя ему поручалъ Государь, помимо министерскихъ, Телешевъ тоже работалъ съ батюшкою надъ собраніемъ, приведеніемъ въ порядокъ и печатаніемъ XII неоконченнаго тома Исторіи Карамзина. У Телешева была душа самая пылкая, нѣжная, *женственная* и, какъ у Ленскаго,

Всегда восторженная рѣчь.

Онъ любилъ Карамзина до обожанія и читалъ съ нами его Исторію съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, что любо было такъ учиться. Онъ былъ не богатъ, и эти уроки, въ часы свободные отъ службы, помогали ему въ матеріальномъ отношеніи, и съ тѣмъ вмѣстѣ сблизили его съ нашей семьей, гдѣ онъ скоро сталъ своимъ человѣкомъ. Много клеветы разнеслось о немъ, много лѣтъ послѣ, когда онъ служилъ въ Курскѣ; но по моему убѣжденію это была сущая клевета, и для меня, знавшей его столько лѣтъ, такъ близко, не было сомнѣнія въ правдивости его, когда онъ писалъ: „Повѣрьте, я остался честнымъ человѣкомъ, я не запятналъ себя, я не долженъ краснѣть при имени Карамзина и отца вашего, которые мнѣ вѣрили и меня уважали". Зная его, какъ мы его знали, эти слова стоили очистительной присяги, и отецъ мой повѣрилъ имъ.

Уроки Французской литературы Сенъ Тома (S-t Thomas) интересовали насъ тоже очень, но самъ учитель былъ мнѣ

весьма не симпатиченъ, и остался для насъ просто учителемъ aux cachets [2]).

Музыкѣ, т. е. игрѣ на клавикордахъ, училъ насъ Charles Meyer, хорошій пьянистъ, хорошій учитель, но сухой, чопорный, и до сихъ поръ мнѣ кажется безъ таланта, не смотря на его блистательную, холодную игру. Помню одно ничтожное обстоятельство, но которое, въ другой, или лучше сказать *въ другихъ* формахъ, повторялось и со мной, и на моихъ глазахъ съ другими, и всегда одинаково на меня дѣйствуетъ. Я очень любила музыку и, любя ее, разумѣется обращала главное вниманіе на *выраженіе*, которое по моему передавало мысль сочинителя, а выдѣлкой пассажей, отчетливостію игры я гораздо меньше занималась. Мейеръ меня постоянно журилъ за это, и конечно былъ правъ; но однажды онъ вышелъ изъ терпѣнія, слушая мой урокъ, и воскликнулъ: „Vous bredouillez, mademoiselle; oui, vous avez de l'expression, mais l'expression ne mène à rien. Vous aurez beau faire, vous ne jouerez jamais bien“ [3]). Я совсѣмъ не обидѣлась, я это очень твердо помню; но я въ самомъ дѣлѣ согласилась съ нимъ. Я въ душѣ убѣдилась, что *никогда* не буду въ состояніи выучиться и просто перестала играть, сказавъ ему: „Если *никогда* не могу дойти до порядочной игры, такъ безполезно учиться“. Мейеръ принялъ это за дерзость, m-lle du Tour тоже, матушка тоже: меня побранили, наказали и заставили продолжать уроки. Но это съ моей стороны было не что иное какъ *безнадежность* и логическій выводъ изъ положенія, высказаннаго учителемъ. Если нѣтъ способности, и всѣ старанія *не приведутъ къ цѣли*, на что терять время и трудъ? Сколько разъ такимъ строгимъ утвержденіемъ отнимаютъ силы и бодрость въ другихъ важныхъ дѣйствіяхъ человѣка, людей, цѣлыхъ сословій? Это губительная привычка; системой нельзя назвать, ибо, надѣюсь, что никто *обдуманно* не станетъ такъ воспитывать ни ребенка, ни работника, ни цѣлый народъ. Для всякаго труда, для всякаго придвиженія къ цѣли нужна бодрость духа, нужна вѣра въ свои силы, нужна увѣренность въ достиженіи идеала, каковъ бы онъ ни былъ, отъ исполненія сонаты или постройки избы до славы Отечества или побѣды въ сраженіи. Une bataille est perdue, quand on croit l'avoir perdue avant le moment décisif [4]). Вотъ одно изъ главныхъ золъ и неисчислимый вредъ духа отрицанія, духа сомнѣнія, который такъ скоро растлѣваетъ человѣка и народы. Вотъ почему такъ ошибочна привычка только журить за неуспѣшныя дѣйствія и не хвалить за добрыя, за старанія, за успѣхъ. Поощреніе нужно не по сущности своей, но какъ подспорье, какъ тычинка, какъ рюмка вина для поддержанія силъ.

Въ этомъ смыслѣ награды на службѣ, чины, кресты, и т. д. полезны. Особенно же ласковое слово, выраженіе одобренія, сочувствія, уваженія, сказанное въ свое время ребенку или труженику, творятъ чудеса, и это не всегда истекаетъ изъ мелочнаго чувства, это не всегда самолюбіе; напротивъ, часто это бываетъ нужно, чтобъ успокоить и укрѣпить *слишкомъ* скромныя натуры, чтобъ поднять духъ легко унывающихъ людей, недовѣрчивыхъ къ самимъ себѣ.

Учителемъ пѣнія былъ у меня Сапіенца (Sapienza) хорошій учитель, первый сформировавшій знаменитый *Шереметевскій хоръ* и самого регента, столь извѣстнаго въ Петербургѣ Ламакина. У меня былъ такой небольшой и слабый голосъ, что я могла только вторить или пѣть водевильные куплеты, чѣмъ и занималась я въ послѣдствіи на домашнемъ театрѣ; но все таки эти уроки, равно какъ и пѣніе хоромъ, развивали

[2]) По билету.

[3]) Вы неровно играете. Да! У васъ игра выразительная, но выраженіе ни къ чему не ведетъ, и какъ вы ни старайтесь, вы никогда не будете хорошо играть.

[4]) Сраженіе проиграно, когда прежде рѣшительной минуты думаешь, что оно проиграно.

понятіе и вкусъ музыкальные; и все это занимало время и мысли въ художественномъ направленіи, облагороживающемъ и возвышающемъ надъ мелочными заботами самолюбія, въ которое такъ легко впадаешь въ отрочествѣ, среди великосвѣтской обстановки. Долго, долго послѣ случалось намъ, и сестрѣ, и мнѣ, и многимъ моимъ знакомымъ, искать убѣжища въ музыкѣ отъ гнета дѣйствительности, когда пошлость вокругъ одолѣвала, или мелкія огорченія тревожили душу сознаніемъ какого-то моральнаго униженія отъ эгоизма, вызывающаго ихъ. Сядешь за клавикорды, развернешь тетрадь Моцарта или Бетховена, или возмешь Оберона, Вильгельмъ Теля, Пирата или Мегюля—играешь, играешь, разбираешь партитуру, повторяешь любимыя аріи, и поютъ, и растутъ, и летятъ, и заливаются звуки, и развивается гармоническая фраза, и сливаются аккорды съ голосомъ, и уносятъ они тебя далеко, высоко надъ всѣми облаками дыма и испареній земныхъ, въ чистую, лучезарную высь. Тѣ правы, которые требуютъ, чтобъ уроки музыки входили въ воспитаніе, какъ скоро есть мало-мальски способность къ ней въ ребенкѣ; не сдѣлавшись виртуозомъ, самъ лучше оцѣниваешь талантъ въ другихъ, и наслаждаешься всей красой неопредѣленности міра звуковъ. Это міръ идеальный, невещественный, больше нежели всякій другой; а идеалъ нуженъ для человѣка, какъ чистый воздухъ, какъ лѣтняя пора послѣ зимы. Какъ ни убивай стремленіе къ идеалу въ человѣкѣ, если отучишь искать его въ поднебесной, онъ будетъ искать его долу, въ хмелѣ кабака, въ трюфеляхъ Перигора или въ милліонахъ выигрышей на акціяхъ, или спекуляціяхъ другаго рода. Стихи тоже музыка, и художественное направленіе вообще защищаетъ отъ сухости, отъ дряхлости, отъ индеффентизма, и сохраняетъ свѣжесть ума, нѣжность чувствъ, юность воображенія и дорогую способность, даже въ глубокой старости, принимать участіе въ стремленіяхъ новаго времени и жить современною жизнію во всемъ что есть въ ней хорошаго и возвышеннаго. На закатѣ дней своихъ, Жуковскій, Уваровъ, мой отецъ, Алексѣй Ник. Оленинъ, гр. Лубинскій могли бъ сказать словами псалма: „Обновися яко орля юность моя.“ Не завидна ли такая старость?

Наши учителя Петербургскіе однако мало пріучали насъ къ классической музыкѣ. Первыя понятія о ней мы получили въ Дрезденѣ, когда были очень маленькими дѣтьми, отъ m-lle du Tour, съ которой ходили на инструментальные концерты Брюлевскаго дворца и въ придворную церковь короля Саксонскаго. Но мы полюбили ее въ Берлинѣ черезъ учителя нашего Бергера, который презиралъ Мошелеса и Герца; впослѣдствіи мы свыклись съ нимъ, поняли превосходство той музыки, которую онъ любилъ, и его самого полюбили. Онъ былъ живой, съ нервными манерами и движеніями, съ разсѣяннымъ видомъ, оригиналъ-старичекъ, преданный своему искусству, типъ достойный Гофмановской сказки. Онъ не былъ геніальный композиторъ, однако написалъ нѣсколько граціозныхъ и мелодическихъ Lieder ohne Worte' [5]) и страстно любилъ классическую музыку. У него была привычка, которую тоже можно назвать классическою, ударять карандашемъ по пальцамъ учениц, когда онѣ дурно играли. Искаженіе его любимыхъ композиторовъ выводило его изъ терпѣнья и раздражало нервы болѣзненно. Со мной впрочемъ онъ только попробовалъ разъ. Я оглянулась съ изумленіемъ и перестала играть. Petite rebelle! [6]) воскликнулъ онъ; но я отвѣчала, что у насъ въ семействѣ *не дерутся*. Онъ тотчасъ же опомнился, и съ тѣхъ поръ мы очень подружились, и я доселѣ вспоминаю съ любовію о талантливомъ, восторженномъ старичкѣ, который, бывало, такъ углублялся въ свою игру, что все окру-

---

[5]) Пѣсни безъ словъ.

[6]) Маленькая бунтовщица.

жавшее исчезало передъ нимъ, и его сморщенный лобъ, кудрявые волосы съ просѣдью, и маленькіе сѣрые глаза преображались въ какую-то фантастическую, отвлеченную отъ всего земнаго, фигуру, съ выраженіемъ глубокой, грустной думы, напоминающей то особенное выраженіе, которое видимъ на челѣ умершихъ, нѣсколько часовъ послѣ ихъ кончины, какъ будто воспоминаніе и уже загробное размышленіе о всей истекшей жизни ихъ! Какая разница, съ холоднымъ, разсчетливымъ, чопорнымъ Charles Meyr'омъ.

Только съ учителями музыки и были у меня недоразумѣнія; со всѣми другими жилось въ мирѣ и дружбѣ, какъ вообще со всѣмъ свѣтомъ нашего малаго кружка того времени. Дѣтей не представляютъ Царскимъ Особамъ, но въ этомъ же году мы въ первый разъ увидѣли близко Государя Николая Павловича и Государыню; ибо въ 1828 году ихъ не было *въ Петербургѣ*, а потомъ былъ трауръ по Императрицѣ Маріи Өедоровнѣ. За то въ эту зиму дѣтскіе балы бывали довольно часто, и что́ за прелесть была Царская Семья! Сами родители, молодые, привѣтливые, простые въ обращеніи, видимо любовались и радовались дѣтямъ своимъ, перенося часть этой радости и на чужихъ дѣтей. Я никогда не встрѣчала лица человѣческаго, которое бы до такой степени какъ у Николая Павловича мѣнялось въ выраженіи, смотря по состоянію душевному. Его открытая, благородная, отважная натура была не способна на ложь, ни на какую, ни словомъ, ни дѣломъ, ни взглядомъ. Античная правильность въ чертахъ лица, высокій стройный станъ и что-то безсознательно повелительное въ поворотѣ головы, когда онъ, бывало, оглянется, придавали ему строгій и нѣсколько грустный видъ, когда онъ молчалъ или задумывался. Но какъ очаровательно просвѣтлялось и расцвѣтало лице его, какъ оно *озарялось* при веселой мысли, или нѣжномъ чувствѣ! А въ тѣсномъ дѣтскомъ кругу, глядя на подростающее семейство, радость и нѣжность сіяли въ его глазахъ такимъ чистымъ, тихимъ свѣтомъ, что, казалось, они около себя распространяли свѣтъ и теплоту. И точно онъ могъ съ радостію любоваться на дѣтей своихъ. Что за прелестныя дѣти! [7] . . Александра Николаевна (выросшая съ лѣтами въ настоящую красавицу), была въ то время почти дурна собой; небольшіе глаза, вздернутый къ верху носъ, тусклый цвѣтъ лица, все было непохоже на блестящую красу молодой Царской Семьи; но даже тогда быстрое, умное, веселое и вмѣстѣ доброе, привѣтливое выраженіе ея личика дѣлали ее миловидною и симпатичною въ высшей степени. Она казалась сотворена для счастія, для дѣятельности, для долгоденствія на землѣ. А именно ея жизнь была скоротечна какъ сонъ. Такъ трудно предвидѣть будущее ребенка!

Константинъ Николаевичъ былъ еще слишкомъ малъ, чтобы являться на дѣтскіе балы. Дѣтскіе балы очень веселы, но особенно любили мы частыя встрѣчи съ Наслѣдникомъ и Его товарищами у Мёрдера, котораго семейство жило во дворцѣ, и гдѣ мы бывали по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю. Самъ Мёрдеръ, жена его, дѣти, Жуковскій, Юрьевичъ составляли этотъ кружекъ, да еще Устиновъ, гувернеръ дѣтей кн. Кочубея, мастеръ придумывать и оживлять дѣтскія игры.

Шарады, переодѣванья или просто бѣготня въ *mer agitée* и коршуны, все было такъ весело; потому конечно, что мы были такъ молоды, но потому также, что самая среда была такая привѣтливая, добрая, чистая и простая, исполненная любви къ Царственному Воспитаннику, но безъ малѣйшей тѣни лести, или даже угодливости.

И взрослые, и дѣти были учтивы и почтительны, потому что были *благовоспитаны*, а обращеніе было самое про-

[7]) О живыхъ неловко печатать: пропускаемъ.

стое и непринужденное, истинно *дѣтское*, той поры жизни, когда свѣтскія различія и свѣтскія страстишки еще не существуютъ.

Мнѣ было уже 16 лѣтъ, но братья и сестры и всѣ почти маленькіе пріятели наши были моложе меня гораздо, такъ что нашъ маленькій міръ былъ совсѣмъ дѣтскій.

Въ это же время и на этихъ вечеринкахъ я особенно сошлась съ Іосифомъ Віельгорскимъ. Онъ былъ старшій изъ соучениковъ Великаго Князя, и изъ всей нашей маленькой компаніи меньше отдаленъ отъ меня годами; да мы видѣлись еще кромѣ дворца въ семействѣ его. Какой свѣтлый образъ оставилъ онъ въ моей памяти! Какія свѣтлыя надежды подавалъ онъ! Веселость ребяческая какъ-то, даже тогда, *оттѣнялась* сдержанностію и разумностію. Нельзя болѣе непринужденно и искренно смѣяться и забавляться мальчику на 14-мъ году, нежели смѣялся нашъ *Жозефъ*, и не встрѣчала я веселости и смѣха болѣе добродушнаго; но онъ въ тоже время не только хорошо учился, онъ любилъ и въ часы досуга поговорить объ урокахъ, о книгахъ, о читаемомъ и пройденномъ, и это-то насъ сблизило. Припоминая то время и тотъ кружекъ, я не могу не замѣтить, какъ дѣти, и отроки, и юноши, и ихъ старшіе умѣли забавляться и смѣяться отъ души, одни отъ полноты молодыхъ силъ, отъ изобилія молодаго здоровья и счастія, отъ безпечности и безсознательной надежды на будущее, отъ всего этаго избытка жизни и разцвѣтанія и роскошнаго роста, которые украшаютъ и обогащаютъ жизнь человѣческую, какъ они украшаютъ жизнь растительную, въ весеннюю пору; другіе же, старшіе, радовались этой *веснѣ* со всею свѣжестію чувства, которое они сохранили такъ живо до конца. Отъ того-то именно, можетъ быть, меня и поражаетъ теперь *грубость пріемовъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ поддѣльность веселости во многихъ кружкахъ дѣтей и юношей. Иронія (persiflage), подсмѣиваніе надъ тѣмъ или другимъ, съ изгнаніемъ наипростѣйшей вѣжливости и всякаго приличія, звучитъ все таки принужденно, и какъ будто эта молодежь выбивается изъ силъ, чтобы веселиться, безъ веселія душевнаго, безъ простоты сердечной. Отъ чего это? Ужъ не отъ того ли, что черезъ чуръ много заботятся о дѣтскомъ воспитаніи? Рано слишкомъ стараются развивать ихъ умъ, слишкомъ усердно хлопочатъ *о методахъ* преподаванія, и содѣлываютъ дѣтей *altklug*, по Нѣмецкому выраженію; между тѣмъ какъ разнузданность и *фанфаронство разврата* (часто вымышленнаго) у старшихъ слишкомъ унижаютъ моральный уровень, вызывая подражательность въ подросткахъ, тянущихся за старшими братьями или дядями? Слышу часто, что вѣжливость есть своего рода *лицемѣріе*, и что честный человѣкъ не нуждается въ ней. Матушка, когда она по старому обычаю учила насъ приличіямъ и учтивости *въ общежительствѣ*, присовокупляла, что истинная вѣжливость есть общее благоволѣніе каждаго человѣка ко всѣмъ людямъ, и что безъ этаго чувства доброжелательства нѣтъ истинной вѣжливости, а съ этимъ чувствомъ нѣтъ лицемѣрія: ибо *благоволѣніе въ человѣцѣхъ* есть первое обѣтованіе Божіе, въ ночь когда родился Спаситель міра, Тотъ Божественный учитель нашъ, Который сказалъ: „Законъ новый даю вамъ, да любите другъ друга“.

Таковое было воззрѣніе на то что называютъ часто la politesse chinoise, а по нынѣшней модѣ надобно бы назвать учтивость *„выраженіемъ гуманности“*. Можетъ быть, такое названіе примирило бы наше время съ пріемами благовоспитанныхъ людей прошлаго поколѣнія. Впрочемъ я ворчу, какъ всѣ старые люди, на новые пріемы, а въ сущности они должны же корениться въ прошедшемъ, и слѣдовательно, мы, люди прошлаго, должны быть чѣмъ нибудь виноваты, и вмѣсто обличительныхъ выхо-

довъ скажемъ: *mea culpa* [8]) и возвратимся къ разсказу.

Іосифъ Віельгорскій, казалось, поставленъ былъ Провидѣніемъ въ такія близкія отношенія къ Наслѣднику Престола, чтобы со временемъ быть правой рукой Царя, сотрудникомъ Его въ великомъ подвигѣ устроенія и направленіи народа (націи) и управленія страной. Даровитость и прилежаніе, любовь къ труду, серьезность характера, обѣщали большую выдержку въ будущихъ предпріятіяхъ, а нѣжная привязанность къ Цесаревичу вмѣстѣ съ высокимъ благородствомъ души должны были связать его съ Нимъ тѣми крѣпкими узами любви и уваженія другъ къ другу, изъ которыхъ составляется *дружба*, это почти небесное чувство, такъ рѣдко достающееся въ удѣлъ царственнымъ лицамъ.

Гораздо позже, въ послѣдній годъ своей молодой жизни, съ какимъ безкорыстнымъ жаромъ говорилъ онъ мнѣ о Россіи и ея Царской Семьѣ; и какъ смущался, и возмущался, и негодовалъ онъ на все что мало мальски походило на лесть или разсчетъ около нихъ. Къ несчастію онъ простудился во время пожара зимняго Дворца, когда онъ конечно не пожалѣлъ себя; сперва сдѣлался ревматизмъ въ бедрѣ; его стали лечить паровыми ваннами, онъ еще болѣе простудился, болѣзнь перешла на легкія, и хотя его отправили въ Римъ, но надежды не могло быть никакой: молодость для чахоточныхъ не залогъ выздоровленія, а скорѣе приговоръ къ смерти. Онъ изъ Рима уже не воротился живой. Товарищъ его Паткуль живъ, слава Богу; о живыхъ неловко печатать даже доброе.

Былъ другой сверстникъ Жозефа, съ которымъ я сблизилась и подружилась на всю жизнь въ это время и у котораго была такая же благородная, безкорыстная и нѣжная натура; это былъ двоюродный братъ мой Евгеній Александровичъ Поликарповъ, котораго мать его привезла въ Петербургъ и отдала въ пансіонъ Мюральта, на воспитаніе подъ наблюденіемъ отца, между тѣмъ какъ она съ дочерьми оставалась въ деревнѣ для устройства дѣлъ по имѣнію.

Недоставало намъ нашихъ милыхъ Воейковыхъ; онѣ были въ Петербургѣ, но въ Екатерининскомъ Институтѣ, и посѣщеніе ихъ въ комнатѣ г-жи Кремпинъ, гдѣ посидишь, поговоришь полъчаса чинно и принужденно, было тяжело, такъ непохоже на наши вольныя игры, и прогулки, и общія чтенія; а свиданія черезъ рѣшетку въ большой пріемной залѣ были еще хуже: даже самыя институтскія платья и пелеринки и рукавчики, все это было такъ формально, что тѣснило сердце и парализировало умъ; мнѣ было больно такъ видѣться съ Катей. Душа все оставалась предана ей безусловно, вѣрно, горячо; но свиданія были сдержанныя, принужденныя, какъ-то офиціальныя, и казалось, что я хожу посѣщать въ заключеніи какого нибудь арестанта подъ присмотромъ полиціи. Кажется, я съ тѣхъ поръ возненавидѣла форменную одежду и эти достопамятные рукавчики, не смотря на ихъ пользу и практичность. Конечно въ послѣдствіи съ другими маленькими дѣтьми, когда сама была уже взрослая, я видалась совершенно непринужденно въ комнатахъ инспектрисы или классной дамой; но тогда, и съ такимъ близкимъ, любимымъ другомъ какъ Катя Воейкова, эти сношенія были для меня невыносимо тягостны, и я больше съ нею переписывалась коротками записочками, чтобы поддержать сношенія, чтобъ знать, что мы живы и здоровы и любимъ другъ друга. Кажется, также непріятно дѣйствовали на Лидію эти визиты въ отношеніи къ Сашѣ Воейковой, которая была ея спеціальнымъ другомъ, хотя она была маленькимъ ребенкомъ и потому скорѣе свыклась съ Институтомъ и менѣе стѣснялась. Алину Козлову и Толстыхъ мы тоже не видали, потому что только у Воейковыхъ встрѣчали ихъ, а другъ къ другу мы не ѣздили. Такимъ образомъ

[8]) Моя вина.

нашъ дѣтскій кругъ совсѣмъ перемѣнился, именно въ то время, когда я уже вступила въ юношество. Но все таки наши новые знакомые были всѣ моложе меня.

Самые милые и близкіе тогда, съ которыми мы на всю жизнь остались въ короткихъ дружественныхъ отношеніяхъ, были Віельгорскіе. Какія у меня отрадныя воспоминанія этаго семейства! Отецъ, Михаилъ Юрьевичъ — даровитая, поэтическая натура, которая отъ времени до времени изливалась въ гармоническихъ звукахъ, передавалась публикѣ въ мелкихъ піесахъ музыкальныхъ, въ романсахъ, которые онъ пѣлъ съ неподражаемымъ увлеченіемъ и страстностью. Михаилъ Юрьевичъ былъ прежде всего композиторъ-музыкантъ, и уже потомъ свѣтскій человѣкъ, остроумный и веселый, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько мистикъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Но вездѣ и всегда онъ былъ тотъ же, человѣкъ добрый, безкорыстный, поэтическій, съ истинно христіанскою любовью ко всѣмъ людямъ-братьямъ, и самый милый, симпатичный во всѣхъ отношеніяхъ, дѣлая изъ дома и семейства своего, среди удушливой пустыни великосвѣтскаго общества, какой-то оазисъ поэтической простоты и непринужденности, гдѣ однако никогда не забывались приличія истинно образованной жизни, приличія, которыя не мѣшаютъ ни веселости, ни свободѣ, но сдерживаютъ ихъ въ границахъ скромности и благовоспитанности, которыя соблюдаютъ эстетическій элементъ равно среди обыденныхъ прозаическихъ занятій жизни и увлеченій молодости и таланта, не дозволяя уму доходить до разгула (ибо и умъ человѣческій способенъ переходить границы изящнаго не менѣе, нежели человѣческія страсти). Жена его, графиня Луиза Карловна, была урожденная принцесса Биронъ и, оставшись сиротою, воспитывалась въ Смольномъ Монастырѣ, потомъ была фрейлиной при Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, въ одно время съ моей теткой Марьей Андреевной Поликарповой (тогда княжной Щербатовой). Она въ молодости была, говорятъ, очень романическаго характера, вступила въ бракъ тайно, безъ дозволенія Императрицы, и потому графъ Віельгорскій былъ удаленъ отъ Двора. Они провели нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ своей, въ Курской губерніи, и только когда дѣти стали подростать, воротились въ Петербургъ. Все романическое въ графинѣ отрезвилось, какъ видно, въ это время и перешло въ выкокія добродѣтели семейныя, со всею простотою и преданностію обязанностямъ, которыя свойственны истинно-христіанскимъ отношеніямъ семьи. У нея осталась отъ прежней экзальтаціи только страстность въ ея любви къ дѣтямъ своимъ, и вслѣдствіе того можно сказать *односторонность*: она ревновала ихъ, не хотѣла дозволить никому помогать ей въ ихъ воспитаніи и оставила только старую няню при нихъ, добрую, но простую женщину m-rs Bennet, не имѣя гувернантки. За то она должна была всецѣло отдать себя и все свое время дѣтямъ; и хотя жила очень дружно и хорошо съ мужемъ, однако, пока дѣти были малы, она конечно не находила времени раздѣлять занятія и общественную жизнь его, какъ напримѣръ было съ моею матерью; такъ что, до выѣзда въ свѣтъ дочерей, въ домѣ Віельгорскихъ былъ настоящій *гиникей* на половинѣ графини. Вотъ этотъ-то *гиникей* и оставилъ во мнѣ такія отрадныя воспоминанія не только въ 1829 году, но и потомъ, когда я уже выѣзжала, а Віельгорскіе еще сидѣли за уроками. Графиня Луиза была еще очень хороша собой, живая, дѣятельная, умная и благоразумная, но съ оттѣнкомъ дидактическимъ, или нравоучительнымъ, какъ бываетъ большею частію съ начальницами учебныхъ заведеній; только она была непричастна величавому покровительствующему виду нѣкоторыхъ изъ нихъ; напротивъ, она была привѣтлива и добра до безконечности. Я полюбила ее отъ всей души, а она до конца жизни называла меня своей старшей до-

черью. Ея милый образъ неизгладимо сохранился у меня въ числѣ отрадно-грустныхъ образовъ прошедшаго, живущихъ вѣчно въ самой глубинѣ души, въ этой святой святыхъ, къ которой не прикасаются ни годы, ни обстоятельства, ни утомленіе жизнію, ни новыя привязанности сердца. Старшая дочь Аполлина была еще сущій ребенокъ, съ большими черными глазами изъ тѣхъ, которыхъ взглядъ *лѣзетъ въ душу* по простонародному выраженію. Вторая дѣвочка, Софья, была маленькая красавица съ выраженіемъ ангельской невинности и чистоты, которыхъ никакое прикосновеніе съ горемъ, суетой и пошлостью житейскою не могло погубить въ ней. Есть такіе кристальные ключи, которыхъ струи проходятъ неприкосновенно сквозь глинистыя, грязныя почвы, не теряя своей прозрачной чистоты. Но обѣ сестры, слава Богу, живы, а про живыхъ друзей говорить въ печати неловко. Меньшая Анолита была еще на рукахъ няни, а второй сынъ Миша еле-еле начиналъ ходить.

Часто встрѣчались мы тогда съ Трубецкими. Это было семейство красавцевъ и даровитыхъ дѣтей. Старшіе сыновья были уже скорѣе молодые люди, нежели отроки, и мы подружились со вторымъ Сергѣемъ, во сколько можно подружиться на балахъ и вечеринкахъ, ибо мы не были въѣзжи въ домъ другъ къ другу. Онъ былъ изъ тѣхъ остроумныхъ, веселыхъ и добрыхъ малыхъ, которые весь свой вѣкъ остаются Мишей или Сашей или Колей. Онъ и остался *Сережей* до конца и былъ особенно несчастливъ, или *неудачливъ* (хотѣлось бы выразить понятіе unlucky, которое такъ прискорбно къ нему идетъ). Конечно онъ былъ кругомъ виноватъ во всѣхъ своихъ неудачахъ; но его шалости, какъ ни были они непростительны, сходятъ съ рукъ многимъ, которые не стóятъ бѣднаго Сергѣя Трубецкаго. Въ первой молодости онъ былъ необычайно красивъ, ловокъ, веселъ и блистателенъ во всѣхъ отношеніяхъ какъ по наружности, такъ и по уму; и у него было теплое, доброе сердце и та юношеская безпечность, съ какимъ-то ухарствомъ, которая граничитъ съ отвагой и потому, можетъ быть, плѣняетъ. Онъ былъ *сорви голова*, ему было море по колѣно, и иногда, увы! по той причинѣ, къ которой относится эта поговорка, и кончилъ онъ жизнь безпорядочно, какъ провелъ ее; но онъ никогда не былъ злымъ, ни корыстолюбивымъ, и не пріученъ былъ въ дѣтствѣ къ той моральной выдержкѣ, которая единственно можетъ воспитать въ человѣкѣ вѣрность долгу и стойкость противъ искушеній жизни. Жаль такой даровитой натуры, погибшей изъ за ничего.

Старшая сестра его Елена умерла лѣтъ 16-ти. Другія всѣ живы, кажется, и сохранили замѣчательно долго свою красоту.

Еще съ однимъ семействомъ мы очень коротко познакомились и видались очень часто, съ семействомъ княгини * * * Мужа она лишилась самоубійствомъ и осталась съ 6-тью малолѣтними дѣтьми въ крайне-стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Братъ пріютилъ ее у себя въ домѣ; по крайней мѣрѣ такъ мы ее застали. Она была еще молода и красавица собой, добрая мать и достойная всякаго уваженія по своему поведенію, стараніямъ о дѣтяхъ и покорности волѣ Божіей, съ которою она принимала всѣ заботы и затрудненія, обрушившіяся на нее въ ея вдовствѣ. Но ужъ это былъ не домъ Віельгорскихъ; здѣсь мы находились вполнѣ въ великосвѣтской средѣ. Дѣтей держали просто, но изъ экономіи; обучали ихъ тщательно, отказывая себѣ во многомъ пріятномъ, почти необходимомъ, для того чтобъ всѣ крохи употребить на ихъ воспитаніе; но всѣ мысли, всѣхъ въ домѣ, были обращены на успѣхи въ модномъ свѣтѣ и на будущее замужество. Это такъ занимало ихъ, что одна изъ княженъ разсказывала, какъ наканунѣ дня, въ который должна была быть представлена ко Двору, она, ложась спать, вдругъ испугалась

мысли, что умереть въ ночь, *не дождавшись этаго блаженства.*

Она однако успѣла пожить, потанцовать, помыкать горе, овдовѣть и выдти вторично замужъ, вынося бодро невзгоды и веселяся свѣтомъ и его блескомъ до конца, хотя она была заботливая, по своему, мать и хлопотливая хозяйка. Но одна изъ дочерей княгини не совсѣмъ предавалась теченію; мечты и цѣли ея сестрицъ не удовлетворяли ея души; она была младшая изъ тѣхъ, которыя воспитывались дома (четвертая маленькая была отдана въ Институтъ); она была хороша собой, умна, и у нея были стремленія болѣе идеальныя, нежели блестящій балъ *и какой нибудь* свадебный вѣнецъ. Она чего-то смутно желала, она смутно понимала, что есть что̀-то повыше и милѣй; но все это было какъ-то неопредѣленно, и мнѣ было жаль ея. Она была однихъ лѣтъ съ Лидіей, мы съ нею и сошлись; это было одно изъ тѣхъ пріятельскихъ отношеній, которыя держатся искренно и тепло до замужества, но, съ перемѣной жизни, какъ-то незамѣтно отпадаютъ, безъ шума, безъ разрыва, безъ особенной боли, какъ падаютъ листья съ дерева осенью. Она вышла замужъ, и мы перестали встрѣчаться, потому что я тогда ужъ мало выѣзжала, а кругъ нашъ былъ не совсѣмъ одинаковъ.

Старшій сынъ княгини былъ упрямъ и не послушливъ, и его въ семьѣ считали какимъ-то чудовищемъ. *Polisson, brigand, mauvais sujet* были часто прилагательныя имена, въ отзывахъ о немъ Французской гувернантки и самой княгини. Изъ него вышелъ, однако, хорошій, добропорядочный человѣкъ, опора семейства; но къ несчастію онъ умеръ очень молодъ, не успѣвъ много сдѣлать пользы семьѣ.

Второй былъ тогда маленькій кудрявый, бойкій красавецъ и балованный ребенокъ. У нихъ видали мы очень часто нашего милаго Василія Алексѣевича Перовскаго, и все такого же добродушнаго, веселаго, такого же пріятеля и *товарища* дѣтей, со всегда готовой шуткой и забавной выдумкой для насъ. Мы тутъ же познакомились съ его младшимъ братомъ, юношей-юнкеромъ; очень красивый, благородной наружности, онъ былъ однако очень застѣнчивъ и неразговорчивъ, такъ что у меня въ памяти осталась только его наружность.

Изъ семейства графа Нессельроде, мы видали въ это время кой-когда сына, Дмитрія, который слылъ, чуть ли не съ пеленокъ, образцовымъ мальчикомъ, остроумнымъ и ученымъ, къ которому мы чувствовали какое-то недоумѣвающее почтеніе, потому что онъ высоко себя держалъ, не снисходя выказывать свои способности такимъ малымъ дѣтямъ какъ братья мои, а больше разговаривалъ съ гувернерами. Хотя я была изъ большихъ, но рѣдко съ нимъ танцовала. За то мы очень любили маленькую *Машу* Нессельроде, отъ которой многіе изъ нашихъ мальчиковъ были безъ памяти; она была такая хорошенькая, свѣженькая, круглолицая, съ синими, ласкающими глазами и бѣлокурыми кудрями; она была кроткая, веселенькая, общая любимица, и я не давно нашла между письмами нашими *Романсъ* Французскій, сочиненіе моего маленькаго брата, которое онъ посвятилъ Машѣ Нессельроде.

Еще видались мы, но не такъ часто какъ лѣтомъ, съ меньшими дѣтьми князя Кочубея, Михаиломъ и Сергѣемъ. Оба были прехорошенькіе мальчики, а у Михаила былъ прекрасный голосъ; за то онъ въ нашихъ шарадахъ игралъ роли пѣвцевъ, гондольеровъ, трубадуровъ; а Сергѣй являлся болѣе въ живыхъ картинахъ. Помню его особенно въ роли отрока *Аннибала*, котораго отецъ его Амалькаръ (старшій братъ, красавецъ тогда, князь Василій) заставляетъ приноситъ клятву во враждѣ къ Риму.

Наши вечернія игры и представленія все отзывались утренними уроками. Сынокъ графини Натальи Викторовны Строгановой, маленькій Гриша, былъ еще такъ малъ, что являлся только въ

картинахъ ради семейныхъ праздниковъ, въ сюрпризѣ дѣдушки или прабабушки Натальи Кириловны Загряжской. Помнится, что онъ и братъ мой Вадимъ сидѣли на ступеняхъ алтаря, у котораго присягалъ Аннибалъ, и представляли *Карѳагенскій народъ*.

Кажется, внуки Катерины Александровны Архаровой, графы Левъ и Владиміръ Соллогубъ еще жили дома, и бывали тоже на этихъ вечеринкахъ, но помню ихъ больше лѣтомъ въ Павловскѣ. Они оба были изъ *большихъ*, особенно Léon, и мы всѣ очень любили ихъ. Оба были умные, способные малые; старшій Léon не дуренъ собой, но мѣшковатъ и неповоротливъ. За то души онъ былъ замѣчательно нѣжной, мягкой и благородной. Онъ умѣлъ быть не только пріятелемъ, но *другомъ* своихъ сверстниковъ, онъ умѣлъ любить безкорыстно, забывая себя для другихъ. Онъ поступилъ на службу военную (не знаю почему) потомъ перешелъ въ статскую. . . . Ужасная болѣзнь сгубила его семейное счастіе и, пространдавъ долгіе годы, онъ умеръ, въ лѣтахъ еще не старыхъ, отъ размягченія мозга. Жаль, глубоко жаль было всѣмъ намъ друзьямъ его молодости, жаль этаго добраго, благороднаго, талантливаго Léon' а, котораго нельзя не любить, и однако смерти каторaго намъ пришлось радоваться, какъ избавленію его отъ невыносимой муки.

Второй Соллогубъ, Владиміръ, сдѣлался извѣстенъ въ нашей литературѣ; онъ былъ тогда очень дуренъ собой, но самый остроумный, бойкій, забавный изъ всѣхъ нашихъ пріятелей, съ которымъ никогда не бывало скучно, котораго всѣ наперерывъ звали къ себѣ на вечеринки, на балы, на гулянья и который все и всѣхъ умѣлъ оживлять и веселить. Надъ нимъ года прошли легко, не затрогивая ни ума, ни веселости его, и по сю пору воображеніе его также живо и свѣжо, разговоръ также остроуменъ, и съ трудомъ вѣрится, глядя на него, что это почтенный дѣдушка, и въ своемъ родѣ праотецъ многочисленнаго семейства, уже въ третьемъ поколѣніи.

Вотъ галерея портретовъ нашего кружка съ 1829 по 1830-й годъ.

Но особенно отрадно и рельефно рисуется дорогое намъ веселое и доброе лице Жуковскаго, котораго продолжали видѣть мы попрежнему часто, у насъ, у гр. Віельгорскихъ, у Мердера, при Дворѣ, иногда и у него самаго въ его квартирѣ Шепелевскаго дворца, гдѣ насъ очень занимали картины, странныя, своеобразныя, съ какимъ-то оттѣнкомъ привидѣній и почти невещественности, какъ баллады; между прочимъ небо, одно небо, безъ земли и безъ моря, неопредѣленное, пустынное, и на немъ только видно, какъ филинъ летитъ. Одна черта въ разговорѣ Жуковскаго была особенно плѣнительна. Онъ, бывало, смѣется хорошимъ, ребяческимъ смѣхомъ, не только шутитъ, *но балагуритъ*, и вдругъ, неожиданно, все это шутовство переходитъ въ нравоучительный примѣръ, въ высокую мысль, въ глубоко-грустное замѣчаніе; а по временамъ его разсказы касались чудесныхъ случаевъ, и онъ умѣлъ уносить васъ въ область загробную или въ поднебесную высь, съ такимъ полнымъ убѣжденіемъ, что иногда онъ казался такимъ же страннымъ и почти сверхъ-естественнымъ, какъ лица въ его разсказахъ.

Все у насъ шло такъ хорошо и счастливо въ ту зиму, какъ вдругъ сестра моя и меньшой братъ Вадимъ занемогли оба нервической горячкой, самой опасной. Отчаявались въ ихъ жизни. Это продолжалось нѣсколько недѣль и было первое глубокое потрясеніе въ моей жизни. Богъ спасъ ихъ однако, но и самая радость выздоровленія не была полною. Братъ былъ такъ изнуренъ, что долго-долго не могъ придти въ нормальное состояніе; я не имѣла тогда понятія о продолжительныхъ послѣдствіяхъ сильнаго тифа; его слабость, легкая глухота и неспособность заняться ничѣмъ, ни даже понимать чтенія, меня приводили въ ужасъ; смотрю, бывало,

на его прекрасное, исхудалое, почти прозрачное, блѣдное личико, когда онъ сидитъ, согнувшись впередъ, или прислонивъ къ стулу усталую голову, и глядитъ какимъ-то унылымъ взоромъ въ даль, какъ будто видитъ что-то намъ невидимое, и не отвѣчаетъ, или кивнетъ тихо головой въ отвѣтъ; смотрю, и страшная мысль промелькнетъ: „Ну если, услышавъ наши горячія настойчивыя, страстныя молитвы, Господь даровалъ ребенку только *жизнь*; а мы, не вѣдая чего просимъ, вымолили жизнь разслабленную, вялую, безсознательную, жизнь физическую, лишенную способностей ума?“

Эта пытка продолжалась недѣль пять-шесть, наконецъ онъ какъ-будто очнулся: глаза зажглися прежнимъ веселымъ, свѣтлымъ, взглядомъ, щеки заалѣли, и онъ опять сталъ смѣяться шуткамъ нашего милаго Жуковскаго, котораго онъ былъ любимецъ и скоро взялся опять за легкіе уроки и за маленькіе разсказы въ брошенныхъ имъ книжкахъ. Какая эта была радость! Какой общій, великій и святой праздникъ на душѣ у всѣхъ насъ!

„Сынъ мой сей мертвъ бѣ, и оживе: „изгиблъ бѣ—и обрѣтеся!“

Но скоро новая забота овладѣла нами: сестра ужасно выросла, вытянулась во время болѣзни, какъ бываетъ въ эти лѣта, но слабость была страшная. У нея голова была совершенно свободна, память и умъ ясны, но она еле держалась на ногахъ; силы не возвращались, и медики стали опасаться, нѣтъ ли поврежденія въ легкихъ, или въ спинной кости. Скоро рѣшили, что нужно ѣхать за границу, нужна консультація со знаменитостями медицинскими; можетъ быть, нужны будутъ морскія купанья, или другія средства укрѣпленія нервъ, или теплый климатъ. Какъ ни было прискорбно разставаться, однако послушались докторовъ, и въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1830 года, матушка съ нами четырьмя, съ нашей гувернанткой m-lle du Tour и съ докторомъ Николаемъ Андреевичемъ Филиповскимъ, поѣхала черезъ Ригу въ Берлинъ, чтобы тамъ совѣтоваться съ докторомъ Грефомъ, славнымъ тогда въ Германіи, отцемъ знаменитаго окулиста.

Перечитывая теперь письма наши того времени, мнѣ самой плохо вѣрится, какъ было утомительно, продолжительно и затруднительно путешествіе изъ Петербурга до границы. По этому думаю, что будетъ небезъинтересно прочитать отрывки изъ этихъ писемъ и сравнить наше время безостановочнаго, быстраго перелёта изъ края въ край, съ тѣмъ временемъ (42 года назадъ) когда тащились въ тяжелыхъ каретахъ, по пескамъ или грязи, безъ шоссе, останавливаясь на плохихъ станціяхъ, гдѣ всегда опасались заразиться дѣтскими болѣзнями на квартирѣ семейныхъ почтовыхъ смотрителей, и гдѣ часто цѣлыми часами ждали почтовыхъ лошадей, не смотря на рекомендаціи или *открытые листы* управляющаго почтами Булгакова. Рѣшились миновать Мемель, чтобъ не проѣзжать такъ называемый штрандъ —узкую косу на заливѣ Куришъ-Гафа, по которой ѣздили съ однимъ колесомъ въ водѣ, а другимъ въ мелкомъ пескѣ морскаго берега, длиннаго, пустыннаго.

Положили изъ Риги ѣхать черезъ Ковну и Кенигсбергъ, гдѣ *по картѣ* значилась возможность проѣзда, но не знали, *есть ли почтовая* дорога изъ царства Польскаго въ Пруссію; не знали этаго въ Петербургѣ, *но надѣялись* узнать въ Ригѣ. Поѣхали мы въ 4-хъ мѣстной каретѣ и 4-хъ мѣстной коляскѣ. Съ нами была Русская горничная, матушка Катерина, добрая и вѣрная старая дѣвушка, но отмѣнно глупая; былъ буфетчикъ Иванъ Сергѣевъ, бывшій Суворовскій деньщикъ; былъ и лакей, Иванъ Морозовъ, умный, сметливый, на всѣ руки годный, изъ всего умѣющій извлекать пользу, крѣпостной человѣкъ, истинно привязанный къ матери моей, но увы! пьяница. Никто изъ нихъ не зналъ ни слова понѣмецки, и однако же оба мущины умѣли всюду

справиться со своимъ дѣломъ, и понимали, и заставляли себя понимать съ этой особенной способностью Русскаго простолюдина, котораго языкъ (свой родной, никому неизвѣстный) доведетъ не только до Кіева, но до Рима и до Парижа.

Прощаніе съ батюшкой для насъ было глубокимъ горемъ; но онъ надѣялся, къ зимѣ, пріѣхать къ намъ въ отпускъ. Пришлось прощаться съ Дадой (моей няней), съ Гаврилой, съ нашей милой Татьяной Васильевной, съ дядюшкой и его сыномъ Eugèn-омъ. Они насъ проводили до Кипени; мы переночевали тамъ, какъ всегда, оставляя Петербургъ.

Какъ я хорошо помню эти чистыя комнаты, эту сафьянную мебель и эти старыя Англійскія гравюры хорошей красной краской печатанныя (въ родѣ киновари) со сценами изъ Шекспира и Викера Викфильдскаго, которыя всегда насъ дѣтей занимали, которыя я и теперь уже, взрослая, разсматривала съ братьями, влѣзая на стулья и диваны, чтобъ лучше прочитать стихи, мелкимъ скорописнымъ, шрифтомъ печатанные. Тяжело было на душѣ, томительно жаль всѣхъ и всего что̀ оставляли за собой въ Россіи, и все таки не предвидѣли мы тогда всего тяжелаго, печальнаго, невыносимаго, которое должно было пройдти въ эти два безконечные годы, ознаменованные такими тяжкими общественными бѣдствіями для Россіи.

Мы выѣхали изъ Кипени 6-го Іюля 1830. Привожу отрывки изъ нашихъ дорожныхъ писемъ къ моему отцу, и изъ его писемъ къ намъ.

I) «Вайвара, 8-е Іюля, 5 час. утра.

Благодарю тебя за листъ Булгакова [9]), который до сихъ поръ мнѣ не былъ нуженъ. Николай Андреевичъ дѣйствуетъ другимъ талисманомъ; онъ имъ объявляетъ: если не дадутъ лошадей, то я напишу кн. Голицыну [10]); а если дадутъ скоро, то получатъ рубль, и такимъ образомъ вчера въ 9-ть час. вечера мы доѣхали до Вайвары. Дѣти всѣ четверо, благодаря Бога, здоровы; а заразъ, ни сыпей никакихъ не слыхать. Спѣшу скорѣе отправиться, не поможетъ ли Богъ доѣхать до Роппы».

II) *Дерптъ*, 10-го Іюля.

(Мы были задержаны нездоровьемъ матушки) «7-го мы ночевали въ Вайварѣ, гдѣ очень дурной ночлегъ, а потомъ въ Ненналѣ на Чудскомъ озерѣ. Иванъ Морозъ принесъ намъ траву *Kenopodium*, которую онъ называетъ 24-е Іюня, потому что она цвѣтетъ только въ Ивановъ день, и тогда колдуны, прикоснувшись ею къ дверямъ, входятъ куда угодно, потому что никакой замо́къ не устоитъ противъ ея силы. Иванъ очень серіезно все это намъ разсказывалъ, прибавляя только слово «бывало», потому видно, что по его мнѣнію колдуны теперь не существуютъ. Я хотѣла вамъ прислать ее, на образецъ; но Никол. Андр. говоритъ, что запахъ ея очень вреденъ; а Иванъ прибавилъ, что одни колдуны могли только его сносить; а здѣсь m-e Ледебуръ, жена профессора, показывала намъ *Iris Bludowi*, которая теперь отцвѣла, а то бы я вамъ прислала цвѣтокъ вашего имени. *P. S.* Я забыла сказать, что ямщики везли такъ тихо, что Филиповской шелъ за коляской пѣшкомъ. Университетъ, т. е. зданіе, очень нравится мнѣ, и я опять краснѣю за Петербургскій. Лидія находитъ, что всѣ студенты смотрятъ разбойниками. Антонина».

а) «Петербургъ, 9-е Іюля.

По моему расчету, вы теперь близко Дерпта, въ пятницу пріѣдите въ Ригу и, можетъ быть, въ субботу утромъ отправитесь далѣе. Надѣюсь, что вы благополучно придвигаетесь къ границѣ. Я со своей стороны двигаюсь по прежнему т. е. безпрестанно, но все въ одномъ кругу: успѣлъ уже побывать въ трехъ Комитетахъ, однако же, слава Богу, успѣлъ вчера быть у обѣдни. Не останавливались

[9]) Спб. почтдиректора.
[10]) Александру Николаевичу.

ли вы на полтора часа въ Нарвѣ, чтобы отслушать обѣдню и молебенъ Богородицѣ? (8-го Іюля празднуется иконѣ Казанской Божіей Матери, фамильной иконѣ нашей, о которой разсказано во 2-й главѣ моихъ записокъ). Для вѣрности совѣтую тебѣ изъ за границы адресовать письма на имя Штиглица для доставленія ко мнѣ; это безъ сомнѣнія будетъ стоить дороже, но что такое нѣсколько копѣекъ или рублей, въ сравненіи съ тѣмъ мученіемъ, которое я вытерпѣлъ прошлаго года?

Дмитрій Блудовъ».

III) «Рига, 13-го Іюля.

Мы пріѣхали сюда только сегодня въ 10 час. утра; ты удивишься, что мы такъ долго ѣхали, я и сама этого не ожидала, но везутъ ужасно тихо, и задержка въ лошадяхъ. Въ Engelsgardts-Hof-ѣ нашли смотрителя косаго, который объявилъ, что онъ не можетъ дать лошадей и нагрубилъ Николаю Андр. Я ему сказала: что буду жаловаться; онъ мнѣ отвѣчалъ «жалуйтесь кому хотите»; но когда я сказала, очень хорошо, я изъ Риги напишу, чтобъ мой мужъ сказалъ кн. Голицыну, онъ перемѣнилъ тонъ и наконецъ отправилъ въ 10-мъ часу вечера. Хотя запрягли 7-мь лошадей въ карету и 6-ть въ коляску и тащили насъ 19-ть верстъ до 2-го часу, по проселочной мерзкой дорогѣ, я хотѣла продолжать путь до слѣдующей станціи, но и тутъ смотритель нагрубилъ и отказалъ лошадей; обѣщалъ ихъ дать въ 5 час., и такъ мы кое-какъ прилегли. Отправясь сегодня въ 5 час., тащили насъ двѣ станціи до 10-го часу. Еще та неудача, что сегодня воскресенье не нашли никого дома: всѣ по дачамъ. Бар. Палена здѣсь нѣту, и Мойеръ далъ мнѣ письмо къ совѣтнику Петерсону, который также уѣхалъ на дачу. И такъ сегодняшній день совсѣмъ потерянъ; даже на почтѣ не знаютъ, есть ли трактъ съ Маріумполя на Кенигсбергъ. Мы пошли гулять и увидѣли готическую нашу церковь, которую сторожъ намъ открылъ; образа и церковь совсѣмъ на старинный манеръ; она была построена кн. Петромъ Мих. Долгорукимъ, который умеръ 1761 года при Петрѣ III-мъ; онъ былъ генералъ-лейтенантъ, 10 лѣтъ здѣсь губернаторомъ, и похороненъ въ этой церкви, дочь его тоже.

Анна Блудова».

Этотъ путь мнѣ памятенъ до сихъ поръ; я тутъ въ первый разъ очутилась въ Жидовскомъ царствѣ, столь знакомомъ мнѣ съ тѣхъ поръ. Впечатлѣніе было непріятное, отъ ужасающей грязи и лохмотьевъ. Этотъ трактъ (Варшавскій) оставался таковъ и тогда, когда было уже выстроено шоссе. Впечатлѣніе всегда было для меня, и продолжаетъ быть, одинаковое, хотя въ то время женскій нарядъ по крайней мѣрѣ украшалъ и нѣсколько скрывалъ неопрятность Евреекъ; большія шалевыя, или похожія на шалевыя чалмы и что-то въ родѣ кафтановъ или кофтъ придавали имъ восточный характеръ, который шелъ къ типу ихъ смуглыхъ лицъ и черныхъ влажныхъ глазъ [11]). Помню, что особенно въ Кейданахъ очень много было замѣчательно-хорошенькихъ Жидовокъ, и даже одинъ прекрасный собою Еврей, такого чисто-восточнаго типа, съ такими тонкими благородными чертами, что, не смотря на свой засаленный шлафрокъ, онъ намъ показался достойнымъ быть потомкомъ Саладина или другаго рыцаря Сарацынскаго, о которыхъ мы тогда недавно читали съ нашими милыми Воейковыми, въ романѣ Вальтеръ Скота, Талисманъ. Мы, съ сестрою и нашими подругами и даже съ братомъ Андреемъ, такъ сживались съ лицами, о которыхъ читали, что олицетворяли ихъ въ нашихъ играхъ, а иногда въ лицахъ встрѣчаемыхъ нами. И такъ Кайданскій Саладинъ проводилъ насъ за нѣсколько копѣекъ въ склепъ стараго монастыря, гдѣ показалъ намъ цѣлый рядъ гробовъ, изъ которыхъ одинъ или два

[11]) Чалмы закрывали имъ волосы, не обезображивая ихъ теперешними париками и чепцами.

открывалъ, чтобы показать намъ одѣтые въ богатыхъ плятьяхъ, бальзамированные трупы магнатовъ Польскихъ, кажется Радзивиловъ. Но я въ то время еще никогда не видывала мертваго тѣла и не смѣла смотрѣть на этихъ мертвецовъ, *опасаясь испугаться*. Счастливое время, когда не было ни одной сердечной утраты! Воротясь на станцію, я стала приглядываться къ женскимъ чалмамъ, переняла ихъ форму, надѣла шаль свою такимъ образомъ на голову и прислонилась на подоконникъ открытаго окошка. Разумѣется, всѣ женщины мѣстечка собрались толпою подъ окномъ глазѣть, къ нашему великому удовольствію, всѣхъ четырехъ дѣтей. Сперва мы очень смѣялись; потомъ, вглядѣвшись въ эти красивыя лица Евреекъ, меня взяла великая жалость о нихъ, какое-то тоскливое желаніе обратить ихъ въ христіанство, просвѣтить ихъ свѣтомъ истины. Тотъ чудный, чистый міръ поэзіи, въ которомъ привыкли мы жить въ часы досуга, отражался на все видѣнное нами, и я теперь вполнѣ сознаю, сколько онъ возвышалъ дѣйствительность.—Въ Инстербургѣ мы отдыхали на почтовой станціи. У смотрителя была молодая хорошенькая жена съ 2-хъ лѣтнимъ ребенкомъ; тутъ мы видѣли, какъ легко поэтическое настроеніе и любовь къ изящному могутъ сочетаться съ исполненіемъ самыхъ прозаическихъ обязанностей, въ тѣсной рамкѣ почти бѣдной жизни, которая конечно отъ этого не теряетъ. Молодая смотрительша засучила рукава, надѣла толстый передникъ и, безъ всякихъ ужимокъ, просто и охотно, пошла въ кухню варить намъ обѣдъ, уступивъ намъ свою маленькую гостиную; мебель самая простая, далеко не комфортабельная, но занавѣски бѣлыя какъ снѣгъ, простые цвѣты въ горшкахъ на окошкахъ и небольшой шкапикъ, въ которомъ сквозь стекла виднѣлись книги, тщательно, хоть просто переплетенныя, Шиллеръ, Гёте, Виландъ, Кернеръ, всѣ мои любимые поэты, и нѣсколько религіозно-назидательныхъ сочиненій въ прозѣ, да собраніе разныхъ брошюръ про Наполеоновскія воины. А между тѣмъ и обѣдъ былъ вкусный, и масло свѣжо, и послѣ обѣда хорошія сытно-откормленныя лошади стояли запряженныя минута въ минуту къ назначенному часу, когда мы кончили пить кофей, горячій, вкусный, душистый. Послѣ Еврейскихъ ужасовъ такое было отрадное впечатлѣніе, что я помню всѣ подробности на этой станціи.

Въ Кенигсбергѣ мы нашли гравированные и раскрашенные портреты (la nouveauté de la veille) Леопольда съ его уже прошедшимъ титуломъ Leopold von Saxen-Coburg, Regent von Griechenland [12]). А нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ былъ опять избранникомъ народнымъ (или лучше сказать, дипломатическимъ) Бельгійцевъ. Эти избранія на вновь устроенные престолы можно назвать скорѣе международными, нежели народными. Правительства, дипломатія, чужестранныя, признавая, скрѣпя сердце, торжество или необходимость національнаго переворота, ухищрялись заключить въ самыя тѣсныя рамки высвободившіяся народности, и составляли списки кандидатовъ на престолъ, для выбора не истинно народнаго, но такой или другой партіи. Когда говорили Метерниху, что онъ заключаетъ Грековъ въ такія тѣсныя границы, что это королевство не можетъ быть долговѣчно, онъ отвѣчалъ: Quand on se décide à souffrir un mal, il faut qu'il soit le plus petit possible [13]). Тогда еще смѣялись надъ Ганеманомъ и не вѣрили, что и гомеопатическія лекарства могутъ содержать ядъ. Во время конференцій о Бельгіи разсказывали, что внучка князя Талейрана, ребенокъ 10 или 12 лѣтъ, заучивъ наизустъ сатирическіе куплеты, пришла спросить у дѣда что такое значитъ:

[12]) Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій, регентъ Греціи.

[13]) Когда рѣшаются допустить зло, надобно стараться, чтобъ оно было по возможности самое малое.

Vous qui faites des protocoles,
Comme on fait de petits patés [14]).

Но эта послѣдняя политическая стряпня вышла удачнѣе для Бельгіи, благодаря умѣнію короля Леопольда. Несчастная Грецiя напротивъ испила всю чашу этого *умѣреннаго зла*, которое такъ искусно изготовилъ и смѣшалъ для нея князь Метерникъ.

23 Іюля пріѣхали мы въ Берлинъ.

IV). „25 Іюля, Берлинъ.

Наконецъ былъ у меня докторъ Грефе. Онъ сказалъ, что болѣзнь Лидиньки почти ничего; но, видя ея быстрый ростъ и блѣдный цвѣтъ, онъ совѣтуетъ лечить ее дома здѣсь подъ его, Грефе, надзоромъ. Я право не знаю, на что рѣшиться и жду его втораго визита; хочу просить, чтобъ онъ рѣшительно сказалъ, беретъ ли онъ на свою отвѣтственность, что она здѣсь вылечится, и только въ этомъ случаѣ я могу рѣшиться остаться здѣсь.

Не знаю что̀ въ душѣ у Грефа, это отъ насъ закрыто, а наружность его мнѣ очень полюбилась, и кажется, что онъ съ большимъ участіемъ относится къ больнымъ».

Такъ писала матушка на второй день нашего пріѣзда въ Берлинъ. Въ послѣдствіи была консультація съ докторомъ Блюммеромъ, который нашелъ, что нѣтъ поврежденія въ спинной кости, ни въ легкихъ, а ничто иное какъ слабость мускуловъ, и было рѣшено нанять квартиру и остаться въ Берлинѣ. Это было 24-го Іюля (5 Августа новаго стиля) т. е. шесть дней послѣ славной Іюльской революціи въ Парижѣ; но тогда не было ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ: въ Берлинѣ ничего не знали кромѣ сильнаго волненія въ умахъ, а въ П.-Бургѣ и то не было извѣстно. Отецъ мой писалъ къ матушкѣ отъ 25 Іюля только о внутреннихъ дѣлахъ:

б) «Государь собирается въ Финляндію, Закревскій ѣдетъ съ нимъ. Да! подумай, Дашковъ ѣдетъ также, но не въ Финляндію, а въ отпускъ на два мѣсяца, и Министерство Юстиціи покуда поручается мнѣ; я сей часъ получилъ объ этомъ указъ. Покоряясь волѣ Государя, я однако же не безъ содроганія думаю объ этомъ страшномъ, новомъ умноженіи работъ, особливо когда вспомню о своей хилости. Дай Богъ не осрамить себя.» [15])

Между тѣмъ до насъ въ Берлинѣ стали доходить тревожныя извѣстія, которыя сильно меня интересовали. Я съ дѣтства страстно любила исторію, а вотъ уже съ 28 года, съ объявленія войны Турціи, исторія совершалась, такъ сказать, въ очію у меня, и я сама присутствовала, какъ зрительница въ первыхъ ложахъ, при великой исторической драмѣ современной. Я писала батюшкѣ:

V). „Берлинъ 24 Іюля (5 Августа).

Что̀ вы скажете о Карлѣ X и о его уничтоженіи свободы печати? Говорятъ, чуть не сдѣлалось возстаніе въ Парижѣ. Это конечно стоитъ возстанія въ Албаніи, которому впрочемъ я очень рада: пускай достается Туркамъ.

P. S. Какое ваше мнѣніе о событіяхъ во Франціи? Всѣ работники въ тѣхъ типографіяхъ, которыя закрыли за то, что печатали оппозиціонные журналы послѣ королевской прокламаціи (ordonnance), сдѣлали возмуще-

[14]) Вы, которые такъ скоро стряпаете протоколы засѣданій, какъ на кухнѣ стряпаютъ пирожки.

[15]) Батюшкѣ было тогда 45 лѣтъ, онъ былъ товарищъ Министра Просвѣщенія кн. Ливена, и въ должности главноуправляющаго Департаментомъ Иностранныхъ Исповѣданій, которымъ, какъ протестантъ, не могъ завѣдывать кн. Ливенъ. Я выписываю эти строчки изъ письма отца моего потому, что онѣ характеризуютъ его въ отношеніи къ его служебной дѣятельности. Въ полной силѣ лѣтъ, съ замѣчательной способностью къ умственному труду, онъ такъ строго смотрѣлъ на себя, такъ добросовѣстно относился къ обязанностямъ государственнаго человѣка, такъ глубоко сознавалъ отвѣтственность честнаго дѣятеля политическаго передъ своимъ Государемъ и своимъ Отечествомъ (хотя и нѣтъ у насъ офиціальной отвѣтственности министровъ), что страшился увеличенія власти, не смотря на лестную сторону такого знака довѣрія.

ніе: три полка пристали къ бунтовщикамъ и составили національную гвардію подъ командою старика Лафайета, а Броглій собралъ 60 перовъ (pairs de France), чтобы представить королю адресъ, въ которомъ собираются прямо сказать ему, что если Е. В. не отмѣнитъ послѣднихъ своихъ приказаній, скоро будетъ конецъ Монархіи во Франціи».

Когда вѣсти эти дошли до П.-Бурга, батюшка писалъ, отъ 2-го Августа:

в) «Благодаря Бога, у насъ все здорово и спокойно. Государь поѣхалъ въ Финляндію въ ночь 30-го на 31-е; но вѣроятно, что до отъѣзда за нѣсколько часовъ успѣлъ узнать о новыхъ Французскихъ происшествіяхъ. Что за дѣла тамъ дѣлаются? Счастливы мы, счастливы тѣ, которые не родились Французами! Ихъ государство въ такомъ положеніи, что честному и добросовѣстному человѣку можно только развѣ сложа руки ждать смерти, не приставая ни къ которой сторонѣ; съ одной король, ниспровергающій законы утвержденные его собственными священнѣйшими обѣщаніями и клятвами; съ другой законодательная камера, которая дѣйствуетъ какъ клубъ мятежниковъ. Многіе подозрѣваютъ, что въ самомъ совѣтѣ Карла X были измѣнники, и подлинно поступки его и министровъ такъ странны, что ихъ едва ли можно изъяснить однимъ безумствомъ. — У насъ нѣтъ почти ничего новаго. Государь возвратился изъ Финляндіи. Закревскій возведенъ въ достоинство графа Великаго Княжества Финляндскаго. Ребиндеръ получилъ Александровскую ленту и проч. проч. Да! и здѣсь одна Дубенская, не знаю дочь ли сенатора или другая, пожалована во фрейлины къ Великой Княжнѣ Маріи Николаевнѣ».

Между тѣмъ, не смотря на весь интересъ современныхъ событій, моя молодость и неприкосновенность къ Россіи этихъ событій не позволяли мнѣ слишкомъ принимать ихъ къ сердцу, и мы съ сестрою отъ всей души отдавались наслажденію прекрасной музыкой, которую часто слышали въ Opernhaus'ѣ, гдѣ оркестръ и хоры были великолѣпны, а солисты пѣли добросовѣстно, нѣкоторые даже хорошо.

Я писала отъ 25-го Іюля:

VI). «Мы были вчера въ Іосифѣ Мегюля, и я съ Лиденькой плакали съ самаго поднятія занавѣса: исторія такъ хороша; мнѣ право кажется, что она самая лучшая въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, а музыка! — она достойна сюжета; ее лучше, я думаю, нельзя хвалить. Какой оркестръ прекрасный! Quel ensemble! Помните ли вы хоръ Израильтянъ при восхожденіи солнца? Эта молитва безъ акомпанимента такъ живо мнѣ напомнила наше церковное пѣніе. Тутъ забываешь театръ, и мысли невольно стремятся къ небу. Я не могла простить Іосифу, что онъ не молится съ самаго начала, а цѣлые полчаса все вспоминаетъ дѣтство. Послѣдняя арія, гдѣ Іосифъ прощаетъ Симеона, прекрасна, и Бадеръ ее очень хорошо пѣлъ. А сегодня мы все утро провели въ лавкѣ Julius Kuhr'а, гдѣ продаютъ гравюры. Между ними есть такія чудныя. Лидія выбрала себѣ для подарка, который вы поручили маменькѣ передать ей отъ васъ: Моленіе о чашѣ Карло Долче, великолѣпно гравированное. Мы наконецъ нашли портретъ Monsieur de Bonchamp, который Лиденька такъ желала имѣть во время ея тяжелой болѣзни, и братья его подарили ей.

Я тоже купила для нея портретъ Великаго Князя; я его сравнивала съ портретами Duc de Bordeaux и маленькаго Принца Кумберландскаго: оба прехорошенькіе мальчики, но они ничего въ сравненіи съ Александромъ Николаевичемъ, хотя этотъ портретъ не совсѣмъ похожъ. Мы тоже видѣли у Kuhr'а нѣсколько старинныхъ картинъ, между прочимъ портретъ знаменитой монахини Катерины, которая вышла замужъ за Лютера. У нея лицо довольно пріятное, но тогдашній Нѣмецкій костюмъ придаетъ ей видъ пастора-проповѣдника. А карикатуры, карикатуры, какія есть забавныя — хочу нѣкоторыя послать къ вамъ съ Николаемъ Андреевичемъ».

Эти карикатуры всѣ относились къ революціи въ Парижѣ, о которой уже доходили весьма тревожныя извѣстія. Нашъ докторъ Николай Андреевичъ Филиповскій взялъ съ собой нѣсколько этихъ карикатуръ и выписки и вырѣзки изъ тогдашнихъ Французскихъ журналовъ, которые мы брали изъ кондитерской Kranzler'a Unter den Linden и которыхъ батюшка въ Петербургѣ не получалъ.

Французы остались почти тѣми же, и черезъ сорокъ лѣтъ почти тѣже шутки повторяютъ ихъ журналы. Нѣтъ сомнѣнія по крайней мѣрѣ, что ихъ предводители въ революціяхъ такимъ же точно ходульнымъ слогомъ обращаются къ народу, будь ихъ имя Gambetta или Odillon Barrot...... Напримѣръ (1-го Августа) прокламація этого послѣдняго: „La nation est debout parée de ses couleurs nationales conquises au prix de son sang. Elle veut un gouvernement et des lois dignes d'elle. Quel peuple au monde a mieux mérité la liberté!......"[16])

Совершенно такой же слогъ нашла я нынче 1871 года во Французскихъ воззваніяхъ послѣ всѣхъ пораженій Французской арміи и всѣхъ гнусностей Парижскаго населенія. Почти совершенно такою же, какъ была сорокъ лѣтъ назадъ, нашла я тоже кондитерскую Kranzler'a; прежній хозяинъ умеръ, но сыновья его продолжаютъ торговлю, и только маленькая наружная терасса, гдѣ пьютъ кофе и ѣдятъ мороженое, теперь прибавлена къ лавкѣ, какъ единственная дань времени, которое постоянно передѣлываетъ и измѣняетъ все и всѣхъ, но которому благоразумные люди и народы уступаютъ только осторожно и постепенно, какъ кондитерская Kranzler'a.

Такимъ образомъ, еще почти въ дѣтскомъ возрастѣ, сестра и я начали увлекаться политическими событіями и полемикой. Мы читали ежедневно *Le Figaro* и *La Silouette*, шуточные и карикатурные журналы, а вскорѣ стала выходить *La Mode*, хорошо писанный журналъ, который перешелъ въ политическій, чисто легитимистскій органъ de Madame (герцогини Беррійской) и къ которому мы скоро пристрастились подъ обаяніемъ поэзіи его преданности малолѣтнему королю Генриху V (Comte de Chambord) и его матери, еще молодой, отважной, еще не запятнанной тогда своимъ легкомысліемъ, регентшѣ герцогинѣ Беррійской. Эта вѣрность къ изгнанному царственному ребенку, законному наслѣднику престола, эта мужественная, безкорыстная борьба его приверженцевъ, это безбоязненное довѣріе, съ которымъ герцогиня кинулась въ войну среди возставшаго Вандейскаго населенія, напоминали намъ романы Валтера Скота, которыхъ чтеніе было для насъ такимъ праздникомъ, недавно передъ тѣмъ.

Но среди этого умственнаго возбужденія иностранной политической печати, мы бѣдствовали въ полномъ оскудѣніи умственной пищи родной. Какъ уже видно по первымъ письмамъ, почтовыя сношенія были весьма трудныя и медленныя въ то время. Книги наши мы должны были оставить въ Петербургѣ для отправленія транспортомъ. Въ самомъ Берлинѣ тогда и въ голову не приходило книгопродавцамъ держать Русскія книги, которыхъ бы никто не покупалъ; въ посольствѣ нашемъ ихъ было также мало, какъ и у книгопродавцевъ. Графъ Алопеусъ и бар. Мальтицъ не занимались Русской литературой; у насъ не было никого знакомыхъ въ посольствѣ и, разумѣется, въ незнакомые домà не было особенной причины приходить знакомиться. Въ послѣдствіи матушка очень сошлась съ семействомъ Мальтица; и онъ и жена были добрые и умные люди. Съ княземъ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, мы всѣ, даже дѣти, скоро и близко подружились. Высокій, смуглый, серьезный, онъ съ пер-

---

[16]) Народъ всталъ на ноги, украшенный своимъ національнымъ знаменемъ, завоеваннымъ цѣною крови; онъ требуетъ правительства и законовъ его достойныхъ. Укажите въ цѣломъ мірѣ народъ, который умѣлъ лучше заслужить свободу!

ваго взгляда меня немножко испугалъ; онъ мнѣ показался или суровымъ, или несчастнымъ. Вышло напротивъ, что у него было очень много того настроенія ума, которое Англичане называютъ humour. Его мѣткія замѣчанія, наблюдательность и добродушная иронія часто заставляли насъ улыбнуться надъ ближнимъ можетъ быть, но не смѣяться надъ нимъ. Не знаю, такъ ли выражаю свою мысль, но и у иныхъ людей шутка не переходитъ въ колкость, и маленькіе недостатки или смѣшныя стороны человѣка они подмѣтятъ такъ добродушно-весело, что нѣтъ и тѣни осужденія въ этомъ замѣчаніи. Къ числу этихъ людей принадлежалъ кн. Долгорукій, и сверхъ того онъ былъ совершенно Русскій, т. е. православный, и мы молились и говѣли вмѣстѣ въ нашей церкви. Онъ, однако, не долго оставался въ Берлинѣ, и скоро отправили мы съ нимъ письма въ Россію. Не помню, когда пріѣхалъ Иванъ Петровичъ Озеровъ. Онъ былъ веселый и разговорчивый, подвижной и дѣятельный столько, сколько Долгорукій былъ молчаливъ и серіозенъ, хотя не уступалъ ему въ добротѣ сердечной и услужливости къ матушкѣ, въ случаяхъ нужды. Старшимъ секретаремъ тогда былъ Бергъ, хорошо воспитанный, учтивый, но такой сдержанный, что, видѣвшись съ нимъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, я никогда не могла составить себѣ никакого мнѣнія о немъ. Но со всѣми этими господами познакомились мы гораздо послѣ; первое время матушка приходила почти въ отчаяніе. Она писала:

VII). „31-го Іюля 1830 г.

Надѣюсь на Бога, но мнѣ очень грустно; желаю одного, по благополучномъ исцѣленіи милой Лиденьки, возвратиться въ отечество и съ покаяніемъ кончить жизнь. Сегодня вечеромъ отправляется Николай Андреевичъ (Филиповской) въ Любекъ, а оттуда на пароходъ, и, счастливый человѣкъ, черезъ 12 дней уже будетъ въ Петербургѣ. Поблагодари его хорошенько: онъ насъ очень берегъ и былъ мнѣ весьма полезенъ. Безъ него не знаю, что́ бы я сдѣлала, не зная языка и не имѣя знакомыхъ здѣсь никого совершенно. Алопеусъ, правда, четыре дня какъ пріѣхалъ; но не только не былъ у меня, но даже не прислалъ провѣдать. Я послала къ нему сказать, что пріѣхала и прошу его мнѣ дать знать, когда отправитъ курьера; онъ отвѣчалъ, что курьеръ ѣдетъ черезъ часъ: вотъ все его вниманіе».

VIII). „7-го Августа.

Докторъ Грефъ обѣщалъ мнѣ прислать хорошаго Латинскаго учителя, также Нѣмецкаго и математики, а учителя Русскаго я чувствую, что ты не пришлешь; хотѣлъ скоро вслѣдъ за мной прислать, но ужъ объ этомъ и не говоришь. Книги тоже не получены. Сегодня мнѣ Мальтицъ принесъ три нумера Инвалида, и я принуждена была заставить мальчиковъ ихъ читать, чтобъ они не забыли порусски, не имѣя никакой Русской книги».

IX). «Еслибъ вы знали какъ здѣсь скучно (писала сестра) вотъ уже недѣля, какъ мы живемъ здѣсь безъ книгъ, и не имѣемъ никакого занятія, кромѣ гулянья по улицѣ; и гулять даже здѣсь не очень пріятно, ибо Пруссаки такъ не учтивы, что не могутъ пройти мимо васъ не толкая» [17]).

Старшій братъ Андрей вторилъ ей:

X). «Мнѣ здѣсь очень скучно, потому что у насъ нѣтъ книгъ, и я очень жалѣю, что мы не въ Любекѣ, куда поѣхалъ Николай Андреевичъ, ибо тамъ ихъ можно скорѣе получить».

Такъ милы и необходимы были для насъ наши книги. Впрочемъ изъ насъ братъ Андрей всѣхъ больше любилъ ихъ; ему было тогда 12 лѣтъ; бывало нельзя было его оторвать отъ книги, ни заманить никакой игрой, никакой прогулкой.—Между тѣмъ извѣстія изъ Парижа все становились тревожнѣе. Онѣ доходили уже до Петербурга. Батюшка писалъ отъ 11-го Августа 1830 года:

---

[17]) Берлинское простонародіе и доселѣ таково.

г) «Новости теперь приходятъ съ вашей стороны, но какія? Что̀ дѣлается во Франціи и чего еще надо ожидать въ будущемъ и въ близкомъ будущемъ? Я бѣшусь, страдаю негодованіемъ отъ каждой новой вѣсти, отъ каждаго № газетъ. Сегодня однакоже читалъ съ наслажденіемъ, хотя и печальнымъ, прекрасную рѣчь Шатобріана въ Камерѣ Перовъ. Она достойна его великаго таланта и благородной, истинно-рыцарской души; это, конечно, пѣснь лебедя: послѣ такой рѣчи должно замолчать; воспоминаніе объ ней довольно для остатка жизни. Ce n'est pas seulement un beau discours, c'est une belle action [18]). Посылаю вамъ шесть Русскихъ книгъ: новое изданіе сочиненій Фонъ-Визина и театръ Хмѣльницкаго».

Однако духъ возмущенія распространялся за предѣлы Франціи.

XI). „20-го Августа (1-го Сентября).

Сегодня былъ у меня вечеромъ (писала матушка) князь Репнинъ, который воротился изъ Парижа съ своей невѣстой [19]) и будущей belle-mère; былъ и гр. Алопеусъ, которому я сказывала о всѣхъ наградахъ; онъ радовался, видя по этому, что Государь былъ доволенъ Финляндіей, его родиною; а онъ мнѣ сказалъ, что въ Брюсселѣ было тоже возмущеніе».

XII). „23-го Августа.

Это письмо привезетъ вамъ Сперанскій, котораго мы къ нашему удивленію встрѣтили вчера на Schlossplatz. Странно, что всѣ которые изъ Петербурга поѣхали на пароходѣ, его очень хвалятъ, но возвращаются сухимъ путемъ: такъ дамы, воспитанныя въ монастырѣ, очень хвалятъ тамошнюю жизнь, но своихъ дочерей никогда не отдаютъ въ Смольный. Простите, милый папенька. Какъ Сперанскій счастливъ: онъ ѣдетъ *домой*. Oh, how I long for that loved home! [20]).

Антонина.

P. S. Знаете ли что̀ настоящая причина всѣхъ революцій? La Muette di Portici. Это еще возможно *à la rigueur*, но Алопеусъ ошибся и сказалъ было, что этотъ преступникъ не она, а бѣдный нашъ невинный «Crocciato in Egitto».

Для насъ, еще не посвященныхъ, не скажу въ тайны, но въ обычаи великосвѣтскіе, такія сужденія казались странными. Съ тѣхъ поръ я свыклась съ ними, но все-таки не вѣрится. Отецъ мой былъ того мнѣнія, что конечно искра всегда опасна, но что она только тогда можетъ произвести взрывъ, когда падаетъ на горючій матеріалъ. Онъ полагалъ, что нравственный развратъ, поклоненіе богатству и житейскимъ наслажденіямъ, жадность къ увеселеніямъ, любовь къ роскоши, лѣнь и эгоизмъ составляютъ ту почву, на которой ростутъ всевозможные плевелы и сорныя травы, что на подготовленное въ такой школѣ населеніе легко дѣйствуетъ всякая пропаганда революціонная, и печатная, и изустная; но что среди здраваго, дѣятельнаго человѣческаго общества, гораздо опаснѣе всякихъ политическихъ сочиненій тѣ книги, зрѣлища и привычки, которыя развращаютъ нравы и уничтожаютъ семью, которыя ставятъ удовлетвореніе своихъ страстей выше долга и считаютъ слово „обязанность“ отсталымъ выраженіемъ. Въ 1862 году мы были на морскомъ купаньѣ въ Трувилѣ и познакомились съ докторомъ ***, приверженцемъ и близкимъ человѣкомъ къ Луи-Филиппу. Въ его домъ пріѣхалъ бѣжавшій изъ Парижа король, и онъ его тайно проводилъ на лодкѣ до Honfleur'а, откуда король переѣхалъ на корабль, на которомъ отправился въ Англію. Докторъ говорилъ съ почте-

[18]) Это не только блистательная рѣчь, это великодушный поступокъ.

[19]) Молодая графиня Александра Алопеусъ, которая послѣ вышла за Лаферонне и извѣстна по книгѣ: „Le récit d'une soeur“.

[20]) О, какъ я тоскую по этой любезной родинѣ.

ніемъ, привязанностью и грустью о Луи-Филиппѣ и конечно относился враждебно къ Имперіи. Однако онъ сказывалъ намъ, какъ давно и разрушительно дѣйствовали сами правители въ отношеніи къ моральному состоянію народа. Еще при Карлѣ X-мъ, говорилъ онъ, стали обращать вниманіе единственно на политическую печать и систематически поощряли печатаніе и продажу по дешевой цѣнѣ, въ лавкахъ и у разнощиковъ, безнравственныхъ, соблазнительныхъ книгъ и гравюръ. При Луи-Филиппѣ эта система продолжалась, а при Наполеонѣ III-мъ она вполнѣ господствовала, и театры еще болѣе способствовали къ развращенію нравовъ. Франція дошла до такой степени безстыдства и матеріализма, что (говорилъ докторъ ***) я вижу съ ужасомъ паденіе народа (la décadence de la nation).

Опасенія доктора оказались слишкомъ справедливыми, но паденіе такое всегда постепенно, и оно начало проявляться гораздо прежде 1862-го года. Многіе признаки уже видны были въ 30-хъ годахъ. Съ свойственнымъ Французамъ желаніемъ распространять повсюду свои мнѣнія и принципы, они стали посылать воззванія и, кажется, даже агентовъ въ сосѣднія государства, начиная съ пограничной Бельгіи, соединенной тогда съ Голландіей, съ которой составляла она королевство Нидерландское. Король только что сосваталъ меньшую дочь свою Маріанну за меньшаго сына короля Прусскаго, принца Альбрехта, а наслѣдникъ Нидерландовъ, блистательный принцъ Оранскій, былъ женатъ на нашей Великой Княжнѣ Аннѣ Павловнѣ. Узнавъ о возмущеніи въ Брюсселѣ Государь (Николай Павловичь) послалъ довѣреннаго человѣка, генерала Дибича, для конфиденціальныхъ переговоровъ въ Берлинѣ. Онъ хотѣлъ соединенными силами поддержать условія трактата Священнаго Союза, заставивъ Францію остаться въ границахъ назначенныхъ трактатомъ 1815 года; ибо очевидно было, что Французы замышляли возвратить себѣ нѣкоторыя потерянныя провинціи, начиная съ Бельгіи. Батюшка говорилъ намъ, повторяя разсказъ Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, не помню, кажется Bourgoing, что когда онъ принесъ извѣстіе о возмущеніи послѣ coup d'état Карла X-го, Государь былъ прискорбно пораженъ. „Возможно ли, сказалъ онъ, чтобъ король рѣшился дѣйствовать противъ духа и буквы конституціи, на которой онъ присягалъ! Вѣдь это обоюдное условіе скрѣплено клятвою. Вы знаете, что я не любитель конституціоннаго правленія; я не люблю того, что называется равновѣсіе властей: мнѣ кажется, что это вѣчная борьба, положенная въ основаніе управленія, должна непремѣнно приносить съ собою раздраженіе и наконецъ враждебное чувство между Государемъ и его народомъ. Но ужъ разъ связавъ себя клятвою, надобно ея держаться. Я предвижу большія несчастія, потому что это есть потрясеніе довѣрія, т. е. нравственной основы правительствъ“.

Таково было искреннее мнѣніе Государя. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, среди волненій въ Польшѣ, когда собраніе Варшавское провозгласило низверженіе Русской династіи, Государь сказалъ: „Я бы самъ сохранилъ конституцію Польскую ради даннаго слова, и положеніе мое было бы крайне затруднительное; но они теперь развязали мнѣ руки и упростили дѣло, разорвавъ своевольно хартію“.

И такъ, Государь далеко не одобрялъ дѣйствій Карла X-го; но принцъ крови, ближайшій его родственникъ, обязанный Бурбонамъ возвращеніемъ огромнаго богатства и своего высокаго сана, спѣшилъ принять корону, которая во всякомъ случаѣ должна бы была перейти къ малолѣтнему герцогу Бордосскому, послѣ двухъ отреченій его дѣда и дяди. Такой поступокъ возмутилъ благородную душу Николая Павловича. Этотъ же герцогъ Орлеанскій могъ бы управлять Франціей какъ регентъ, при законныхъ Камерахъ, и Министерствомъ, выбран-

нымъ имъ самимъ, возстановить миръ и согласіе внутри Франціи, законнымъ, благороднымъ образомъ спасти династію, и вмѣстѣ оградить народъ отъ междоусобій и раздробленія на враждебныя партіи. Всѣ уважали Луи-Филиппа и любили семейныя добродѣтели этой отрасли Орлеановъ, столь не похожихъ на своихъ предковъ. Для многихъ, въ томъ числѣ и для Государя, властолюбіе Луи-Филиппа явилось грустнымъ разочарованіемъ. Герцогиня Орлеанская, жена его, умоляла его со слезами отказаться отъ престола, остаться вѣрнымъ долгу присяги и долгу благодарности; старшая дочь его, впослѣдствіи замужемъ за королемъ Леопольдомъ, впала въ бѣлую горячку отъ скорби о поступкѣ отца. Онъ однако принялъ вѣнецъ, и оказалось, что, въ теченіи 15-ти лѣтъ, онъ готовилъ или позволялъ готовить переворотъ въ свою пользу [21]). Вотъ причина негодованія и антипатіи, съ которой Государь всегда относился къ нему.

Но воевать съ Франціей за ея внутреннія дѣла было невозможно, и только когда увидѣли, что возгласы журналовъ, призывающихъ къ общему возмущенію въ Европѣ, начали осуществляться въ дѣйствіяхъ самого правительства Французскаго, Государю показалось своевременнымъ, если не войною, то по крайней мѣрѣ угрозою, поддержанною военнымъ движеніемъ, поставить преграду завоевательному духу Франціи.

Въ Берлинѣ было много людей благоразумно сдержанныхъ, которые чувствовали, что раны Пруссіи еще не залечились, и что не пришло время разстравлять ихъ опрометчивыми дѣйствіями. Между этими послѣдними былъ и самъ король. Но съ начала было тоже много людей сочувствовавшихъ Русскимъ предложеніямъ. Воспоминанія были живы о бѣдствіяхъ и побѣдахъ Пруссіи. Еще не перевелось то поколѣніе, которое всю душу свою положило въ борьбѣ съ Франціей. Особенно военные люди тревожно смотрѣли на происшествія и помышляли о необходимости предупредить нападеніе старыхъ враговъ. Къ этой минутѣ относится слѣдующее письмо матушки.

XIII). „1830 г. 10 Сентября.

Пишу къ тебѣ съ Мих. Мих. Сперанскимъ, который предложилъ мнѣ свезти мое письмо. Онъ ѣдетъ сегодня или завтра, очень рано, и хотѣлъ зайдти ко мнѣ. Вчера въ театрѣ одна здѣшняя дама, не знаю кто такая, разсказывала мнѣ, какіе принцы сидѣли въ королевской ложѣ, и она же мнѣ сказала, что фамилія вся въ смущеніи, потому что утромъ пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что было возмущеніе въ Брауншвейгѣ и что подожгли дворецъ. Кажется, que la gangrène fait des progrès [22]). Чѣмъ все это кончится? Здѣсь мы живемъ на большой дорогѣ; вчера пріѣхалъ Нессельроде, котораго я видѣла издали, въ ложѣ; не знаю, жена его съ нимъ ли. Бековы сей часъ уѣхали отъ меня, собираются въ Дрезденъ. Замѣть, когда будешь читать Journal des Débats 25-го Августа, каковы всѣ Французы, какъ они грозятъ всей Европѣ и какая гордость, какъ они хотятъ властвовать надъ всѣми и возмущать народъ. Здѣсь въ большомъ восхищеніи отъ Дибича: народу пропасть у трактира Рима (Hôtel de Rome) ожидаютъ, когда онъ выходитъ садиться въ карету и кричатъ ему Vivat съ восторгомъ. Дама, которая вчера сидѣла возлѣ меня, сказала, что они всѣ надѣялись видѣть его въ театрѣ, но къ ихъ сожалѣнію онъ не пріѣхалъ; театръ былъ полонъ». Черезъ недѣлю послѣ я писала къ батюшкѣ:

XIV). «Въ пятницу, $\frac{5}{17}$ Сентября, мы воротились около семи часовъ вечера изъ лавокъ и, выпивъ чай, я сѣла за арфу. Намъ уже сказали поутру, что накануне взятіе въ полицію двухъ пьяныхъ было причиною драки между народомъ и жандармами, что двухъ или трехъ буя-

[21]) Восемнадцать лѣтъ потомъ, послѣ царствованія истинно хорошаго и полезнаго, онъ бѣжалъ передъ какимъ-то призракомъ революціи, какъ бы преслѣдуемый невидимою Немезидою.

[22]) Зараза распространяется.

новъ, которые кричали: Wir brauchen keinen König! [23]) поймали и что когда спросили у нихъ, почему имъ ненуженъ король, они отвѣчали: Denn wir haben schon einen [24]). Казалось, что это шутка, и мы были очень спокойны, какъ Иванъ Сергѣевъ пришелъ къ дверямъ синей комнаты (въ которой мы учились) и сказалъ: «вѣдь здѣсь, говорятъ, хотятъ тоже революцію сдѣлать и повели войско ко дворцу». Не смотря на мою храбрость, такого рода неожиданное извѣстіе такъ меня поразило, что я, соскочивъ со стула, почти опрокинула арфу, покраснѣла по уши [25]) и, всплеснувъ руками, бросилась въ маменькину комнату, гдѣ расхохоталась надъ своимъ страхомъ, сказавъ, что бунтуютъ въ городѣ. Можете вообразить, какъ меня за веселость столь неумѣренную разбранили; а когда мы вышли на крыльцо, а на минуту и на улицу, по мнѣ такая дрожь пробѣжала и, хотя я была безъ шемизетки, однако вѣрно не отъ холоду, ибо щеки у меня страхъ какъ горѣли, да и погода была прекрасная. Я начала думать, что Пруссаки могли бы поджечь дома какъ Саксонцы, и я не видала пользы въ томъ, чтобы мнѣ быть принесенной *en holocauste* [26])за Его Величество Фридриха Вильгельма, хотя бы у себя за своего царя, надѣюсь, что не жалѣла бы жизни. Я никакъ не могу понять значеніе любимаго слова Олимпіады Петровны [27]) *se sacrifier* (жертвовать собой) или, лучше сказать, не могу видѣть въ немъ геройства: свой покой или счастье забыть для тѣхъ, которыхъ любишь, не есть жертва, а наслажденіе. А жить въ нашей квартирѣ изъ ***любви*** къ Блёмеру, котораго мы ***не*** любимъ, или съ веселымъ видомъ смотрѣть на разрушеніе нашего дома и на гибель родныхъ и друзей изъ любви къ *Монархіи вообще*, мнѣ кажется, слишкомъ Римское великодушіе, въ родѣ поступка Юнія Брута. Такъ философствовала я, между тѣмъ какъ всѣ, разными восклицаніями, показывали свой страхъ, а Андрюша и Вадимочка смѣялись, говоря, что желали бы сходить на площадь и посмотрѣть что̀ дѣлается. Во все это время швейцаръ нашъ старался успокоить насъ понѣмецки; но женщина, стоя выше насъ на крыльцѣ, съ маленькимъ соннымъ ребенкомъ на рукахъ, только что воротилась изъ *Подъ Липокъ* и слышала крикъ: «Не хотимъ полиціи!» и «Vivat! Es lebe der König! Мы не хотимъ платить податей!». Но между тѣмъ привезли двѣ пушки для защиты дворца, и солдаты ежеминутно бѣжали (а не шли) изъ казармъ мимо насъ на площадь. Мы однакоже ничего порядочно не знали о томъ что̀ происходило, какъ егерь г. Руффо (Неаполитанскаго посланника, который живетъ въ томъ же домѣ съ нами), прибѣжалъ съ улицы, говоря: «Es geht lustig da» (дѣло идетъ хорошо, или весело). Ему бы нужны были двадцать языковъ, чтобы отвѣчать вдругъ на всѣ вопросы, которыми его первую фразу заглушили. Къ нашему счастью, онъ говоритъ пофранцузски и разсказалъ, что онъ былъ у своего знакомаго, въ большомъ дворцѣ, и отправился домой уже поздно, но не могъ сквозь толпу пробиться и нашелся посреди народа и войска. Сперва собралось нѣсколько подмастерьевъ портныхъ (*Schneidergesell*), крича: «Не хотимъ полиціи! не хотимъ платить податей! Долгія лѣта королю! Урра!» Однакожъ къ нимъ скоро присоединилось нѣсколько сотенъ работниковъ и немного мелкихъ купцовъ (т. е. *Bürger*) которые пришли изъ любопытства и не могли уйдти. Тогда прискакали Польскіе уланы, какъ на сраженіе, привезли двѣ пушки, народъ взбѣсился и, схватя камни (ихъ лежало очень много близъ дворца, потому что мостили площадь), началъ бросать ихъ въ солдатъ и убилъ капитана и одного или двухъ жандармовъ. Кавалерія, а потомъ и пѣхота (въ шты-

---

[23]) Намъ не нужно короля.

[24]) Потому что король у насъ уже есть.

[25]) Вы часто говаривали, что хорошій признакъ, когда при первомъ выстрѣлѣ *краснѣютъ*, а ***не блѣднѣютъ***.

[26]) Жертва сожженія.

[27]) Шишкиной.

ки) начали разгонять народъ; нѣсколько было раненыхъ, но не было ни одного выстрѣла: всѣхъ, которые попадались имъ въ руки, жандармы посылали на гаубвахту, между прочими повара принца Адальберта, котораго не выпустили, пока самъ принцъ не написалъ къ полицеймейстеру, чтобъ его освободили, и егерь г. Ruffo, который это намъ разсказывалъ, съ трудомъ отъ нихъ отдѣлался. Такой поступокъ возбудилъ его негодованіе, и онъ долго декламировалъ противъ грубости полиціи и прибавилъ, что такъ много народа на площади, что они могли бы *что нибудь сдѣлать*, но что они не довольно храбры (*ils n'en ont pas le courage*) «О! еслибъ «это было въ Парижѣ, такъ оно бы уже шло «какъ должно (comme il faut). Какъ бы я «хотѣлъ, чтобъ здѣсь было такъ какъ во Франціи; mais ils n'ont pas de courage ces gens «là». Онъ только успѣлъ сказать, что былъ въ Парижѣ съ *monsieur Ruffo*, во время послѣдней революціи, и такъ перепугалъ маменьку, что мы воротились въ комнаты и слышали, какъ скакали разныя отдѣленія кавалеріи. Тутъ увидѣла я еще образчикъ Прусской флегмы: двухъ офицеровъ въ полномъ мундирѣ, которые шли держась за руку, на площадь, гдѣ уже сражались не въ шутку, шли потихоньку, разговаривая преспокойно, какъ бы отправляясь въ концертъ или на балъ. Мы въ десятомъ часу пошли на кровлю, гдѣ сдѣлано родъ галлереи, или «pedide motzianne» (какъ докторъ, съ своимъ хорошимъ выговоромъ, называетъ ее) ибо мы думали, что оттуда услышимъ крикъ народа. Ночь была удивительно хорошо: небо темно-синее, не видать ни одного облака, кромѣ нѣсколько прозрачныхъ тучекъ, которыя, окружая и частію закрывая мѣсяцъ, серебрились его свѣтомъ, всегда столь тихимъ, но тогда еще блѣднѣе обыкновеннаго; погода жаркая, какъ бывъ Іюлѣ; главы двухъ высокихъ тополей медленно и граціозно качались, и подлѣ нихъ темный кипарисъ озарялся свѣтомъ зарницы. Ничего не слыхать было кромѣ: Durch Cytisus und Wehmuthsfichte melodich' Gesäusel [28]).

Ахъ папенька! какъ этотъ маленькій садъ, это прекрасное небо, и особливо звѣзды напомнили мнѣ то время, какъ я съ вами смотрѣла на нихъ съ Павловскаго балкона! Какъ я понимаю чувства Батюшкова казака:

„Вы, звѣзды Сѣвера, горите
Изгнаннику свѣтлѣй!"

Но какъ это зрѣлище ни было хорошо, надобно было воротиться, и мы (слыша и видя, что многочисленные патрули расхаживали по городу) легли спать и препокойно провели ночь. Мы въ послѣдствіи узнали, что, около втораго часу, согнали народъ съ площади, и онъ бѣжалъ массой до форштата, гдѣ оборотился опять, и стычка послѣдовала вновь; нѣсколько человѣкъ было ранено, немногіе и убиты, хотя это скрываютъ; иные невинные пострадали, какъ всегда случается. Намъ разсказывалъ Ноель [29]), что одинъ изъ учителей Коллегіи ходилъ покупать дрова и возвращался домой съ знакомымъ ему молодымъ студентомъ; ему надобно было пройдти черезъ Breite Strasse, которая ведетъ къ дворцовой площади (Schlossplatz); вдругъ человѣкъ, преслѣдуемый двумя или тремя жандармами, подбѣжалъ къ нему такъ неожиданно и шибко, что сшибъ его съ ногъ, а самъ убѣжалъ; жандармы, принимая бѣднаго учителя за бѣглаго бунтовщика, начали его бить и рѣзать саблями, между тѣмъ какъ онъ, все еще лежа посреди мостовой, упрекалъ ихъ въ ихъ подломъ поступкѣ бить лежачаго; они его тяжело ранили и оставили полумертваго на улицѣ, гдѣ бы его конечно задавили, если бъ другіе пѣшіе полицейскіе не пришли скоро послѣ и, схватя его за воротъ такъ крѣпко, что чуть не удавили, увели его на гаубвахту. Храбрый другъ его, студентъ, убѣ-

---

[28]) Сквозь вѣтви кипарисовъ мелодическій шепотъ.

[29]) Нашъ Нѣмецкій учитель, потомокъ эмигрантовъ, Французскихъ Гугенотовъ, но самый честный типъ мелкаго Нѣмецкаго Bürger'а.

жалъ съ самаго начала, отправился къ его женѣ и далъ ей знать, въ какомъ положеніи находится учитель; но ея жандармы не пустили къ мужу, и такъ какъ она непремѣнно требовала видѣть его, то одинъ изъ этихъ мерзавцевъ, схватя ее за ея *cloack* (салопъ) стащилъ съ крыльца; къ счастію, она встрѣтила знакомаго ей офицера, который провелъ ее въ комнату вновь выкрашенную, безъ стеколъ въ окошкахъ, и тутъ она нашла мужа, лежащаго на полу съ двумя другими ранеными. Пролежавъ цѣлую ночь въ такомъ сыромъ мѣстѣ, безъ всякой помощи и съ тяжелыми ранами, онъ такъ занемогъ, что нѣтъ никакой надежды спасти его. Вообще жандармовъ здѣсь ненавидятъ, и они очень дурно вели себя, боясь вооруженныхъ, а убивая падшихъ бунтовщиковъ; но за то восхищаются военными, которые, не страшась никого, однако всѣхъ сколько возможно щадили. Объ Дибичѣ же говорятъ, что его на площади ранили и что не узнавши его (онъ былъ въ статскомъ сюртукѣ) жандармы схватили его и когда онъ назвался, отвѣчали, что *всякая каналья* можетъ взять это имя, да и повели его на гаубвахту, гдѣ онъ просидѣлъ до слѣдующаго утра, а первую часть ночи провелъ tête-à-tête съ поваромъ принца Адальберта,—общество, безъ сомнѣнія, очень пріятное, но которое, я думаю, нравилось бы болѣе Нессельроде, нежели Дибичу [30]). Извѣстіе объ совершенномъ побитіи королевскихъ войскъ въ Голландіи и слухи о бѣгствѣ принца Фридриха, заставляютъ здѣшнихъ политиковъ ожидать черезъ нѣсколько времени общую войну и говорятъ, что сынъ короля, Wilhelm [31]), очень ея желаетъ. Намъ сказывали, будто бы что-то было въ Россіи, а потомъ начали говорить, что въ Петербургѣ былъ страшный бунтъ, въ которомъ Государя убили. Конечно мы ссылались на Ваше письмо, чтобъ доказать несправедливость такой выдумки тѣмъ, которые намъ это разсказывали. Говорили тоже, что въ Мюнхенѣ было возмущеніе: это тоже вздоръ. Такъ какъ я дожидаюсь курьера, чтобъ отправить это письмо, то всякой день что нибудь прибавляю, и желаю, чтобъ въ ту минуту, когда придется послать его къ Репнину, мы бы получили какое нибудь совершенно новое извѣстіе et qui fut bien absurde [32]), чтобъ не наскучить вамъ моими разсказами.

Въ здѣшнихъ газетахъ Staats-Zeitung, говорятъ, что пишутъ изъ Африки «que le général Closel a rassemblé un grand nombre de *Maures et de Juifs*, dont il a formé un regiment de Cosaques» [33]). Такимъ образомъ, пожалуй изъ Англичанъ и Итальянцевъ можно составить полкъ Черкесовъ» [34]).

Пока мы уже ощущали на дѣлѣ вліяніе Французской революціи на Европу вообще, въ Петербургѣ жизнь шла обыкновенной чередой. Батюшка писалъ:

д) „29-го Августа (10 Сент.) 1830.

Въ прошедшій Четвергъ, т. е. 21-го Августа, отправивъ къ тебѣ письмо, я самъ отправился въ Царское Село и присталъ у графа Кочубея по обыкновенію [35]). Тамъ я провелъ три дня и три ночи въ занятіяхъ также, по обыкновенію и, что́ менѣе обыкновенно для меня, посреди увеселеній. Въ Пятницу, послѣ торжественной обѣдни во Дворцѣ, былъ большой обѣдъ, а ввечеру Итальянская опера «Barbiere di Seviglia, въ которой пѣла г-жа Зонтагъ [36]). Послѣ оперы былъ ужинъ.

---

[30]) Все это оказалось легендой буржуазной. Гр. Нессельроде славился своею кухнею.

[31]) Нынѣшній Германскій императоръ.

[32]) Пусть оно будетъ очень нелѣпое.

[33]) Генералъ Кловель собралъ множество Мавровъ у Евреевъ и образовалъ изъ нихъ казачій полкъ.

[34]) Это, кажется, была первая попытка Западно-Европейскаго казачества, а недавно Чайковскій въ самомъ дѣлѣ составилъ полки казачьи изъ Турокъ, изъ Черкесовъ и едва ли не Черкескіе изъ Поляковъ: ужъ такая привычка переодѣванія и актерства у нихъ!

[35]) Кочубей былъ тогда еще графомъ, и ему принадлежала дача, которая теперь называется Запаснымъ Дворцомъ, противъ воротъ парка, на которыхъ написано: „моимъ любезнымъ сослуживцамъ.“ 22-е Августа праздновался день коронаціи Николая Павловича.

[36]) Знаменитая пѣвица Генріета Зонтагъ тогда уже была помолвлена за графа Росси

На другой день опять спектакль Французскій, потомъ опять ужинъ, а послѣ ужина игры: веревочка, кошка и мышка, а для людей самыхъ степенныхъ были карты. Въ Воскресенье былъ также обѣдъ, хотя не столь большой какъ въ пятницу, а ввечеру балъ. Возвратясь въ Петербургъ, я нашелъ твое письмо, гдѣ ты разсказываешь, что̀ ты слышала отъ графа Алопеуса (о возмущеніи въ Бельгіи). Вѣроятно онъ только дожидается жены своей, чтобы ѣхать въ Россію, т. е. въ Малороссію, праздновать свадьбу будущей молодой княгини Репниной; въ Полтавѣ, какъ я слышалъ, готовятся встрѣчать ихъ. Прости, мой другъ; завтра Александровъ день, я собираюсь въ Невскій монастырь; а передъ обѣдней и послѣ обѣдни ко мнѣ будутъ нѣкоторые оффиціальные и весьма невинные мучители съ бумагами. Потому я рѣшаюсь писать вамъ наканунѣ вечеромъ, или лучше сказать ночью, ибо теперь пробило не 12 часовъ, а часъ. У меня теперь только ночью и есть минуты свободныя, да и тѣ я долженъ посвящать чтенію сенатскихъ записокъ, журналовъ консультаціи и другихъ.

Твой Д. Б.

P. S. Одинъ знакомый Филиповскому докторъ повезъ къ вамъ двѣ маленькія Русскія поэмы: «Кавказскій плѣнникъ» Пушкина и «Чернецъ» Козлова.

Вы, вѣроятно, уже знаете что у насъ во многихъ мѣстахъ свирѣпствуетъ Cholera morbus: на Кавказѣ, въ Астрахани, въ Саратовѣ, на Дону и на Уралѣ. Въ Астрахани каждый день умираетъ слишкомъ по сту человѣкъ. Правительство принимаетъ сильныя мѣры для прекращенія сей ужасной болѣзни, которой никто не знаетъ короче и не боится менѣе меня» [37]).

и пѣла въ послѣдній разъ на сценѣ. Всѣ отъ нея были въ восхищеніи и сожалѣли, что явленіе ея было такое мимолетное въ Петербургѣ. Однако судьба привела ее опять къ намъ въ качествѣ Сардинской посланницы. Я тогда съ ней познакомилась и видѣла довольно часто. Она была одна изъ самыхъ симпатичныхъ, женственныхъ, чистыхъ натуръ. Ни въ ея обращеніи, ни въ ея наружности не было слѣдовъ театральной жизни. Она всегда была безукоризненнаго поведенія и имѣла то врожденное благородство манеръ, котораго иногда не находимъ въ самомъ высшемъ обществѣ; однако она говорила намъ, что иногда ей какъ будто чего-то не доставало, когда она вспоминала чарующее впечатлѣніе вызововъ публики, восторговъ цѣлаго театра. Она одинъ разъ пѣла еще на театрѣ Эрмитажа съ любителями музыки Петербургскаго общества въ оперѣ „Sonambula" и какъ ни превосходна была Віардо въ этой роли, на мой вкусъ графиня Росси ее превосходила, именно потому, что была менѣе страстна, менѣе огненна и больше подходила къ типу простой, скромной, всей душой преданной законной своей любви Швейцарской деревенской дѣвушки, не понимающей даже возможности подозрѣнія, которое падаетъ на нее. Миловидный, чистый образъ Амины, какъ ее передавала графиня Росси, рисуется передо мной съ какой-то грустной граціей, когда я вспоминаю ея преждевременную смерть. Мужъ ея надѣлалъ столько долговъ, что ради воспитанія дѣтей она принуждена была опять пойти на сцену, когда уже голосъ ея потерпѣлъ отъ времени, и она приняла выгодное предложеніе для сезона въ Америкѣ. Я ее видѣла въ послѣдній разъ въ Гамбургѣ, въ концертѣ, который она давала передъ отъѣздомъ. Ей восторженно аплодировали, но рукоплесканія уже не радовали ея. Мы простились въ ея туалетной комнатѣ, и слезы полились изъ глазъ ея, когда она „заговорила" о предстоящей разлукѣ съ дѣтьми, объ этомъ нескончаемомъ пространствѣ, которое скоро отдѣлитъ ее отъ нихъ. Какое-то тяжелое предчувствіе томило ее. Бѣдная, она уже не возвращалась: занемогла и умерла въ Америкѣ.—Арія, которую по моему она лучше всего пѣла, была большая арія Агаты изъ Фрейшюца. Въ этой аріи я слышала тоже Жени Линдъ. У обѣихъ былъ одинаково чистый, полный, серебристый голосъ, и онѣ одинаково религіозно, какъ бы въ церкви, пѣли первое анданте: „Leise, leise, fromme Weise, schwing dich auf zum Sternenkreise! Lied erschalle, feiernd walle, mein Gebet zum Himmelshalle"!

Но ничто слышанное мною съ тѣхъ поръ не могу сравнить съ той увлекательной, чистой радостью, съ которой выливалось, какъ у птичекъ весной, изъ устъ графини Росси слѣдующее за молитвой аллегро: „All meine Pulse schlagen, und das Herz wallt ungestüm."

[37]) Она была у батюшки въ Лондонѣ, куда занесъ ее экипажъ корабля, пришедшаго изъ Индіи; но это былъ одиночный случай, никѣмъ не замѣченный въ Европѣ.

е) „6/18 Сентября.

У насъ новаго нѣтъ почти ничего, и я чуть было не сказалъ: слава Богу, потому что съ нѣкотораго времени новости по большой части дурныя. Холера въ Астрахани продолжаетъ свирѣпствовать, но уже съ меньшею силою; въ послѣднюю недѣлю, вмѣсто 850-ти человѣкъ какъ прежде, умерло только 179. Она показалась и во многихъ другихъ мѣстахъ, и для противодѣйствія ея опустошенію, чтобы лечить больныхъ, и по возможности не давать распространяться болѣзни, наряжена особенная чрезвычайная Коммиссія изъ чиновниковъ военныхъ, гражданскихъ и медицинскихъ. Начальникомъ ея самъ министръ Внутреннихъ Дѣлъ, новый графъ Закревскій. Министерствомъ покуда будетъ управлять Енгель.

P. S. Въ Александровъ день, Жуковскій пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Кажется, Мердеръ получилъ Анненскую ленту, но я не увѣренъ въ этомъ: видѣлъ его на завтракѣ митрополита и, по обыкновенной своей непримѣтливости въ дѣлахъ сего рода, не успѣлъ отличить Св. Станислава отъ Св. Анны».

ж) „16/28 Сентября.

Слава Богу, что ваша Берлинская исторія уже кончена и въ самомъ существѣ своемъ не важна. Прусское правительство дѣйствуетъ, какъ обыкновенно, съ осторожностью, твердостью и прямодушіемъ; а тамъ, гдѣ правительство благоразумно, злоумышленники рѣдко бываютъ опасны. Эта мысль меня успокоиваетъ».

Такимъ образомъ, переписка наша съ батюшкой становилась грустна и тревожна въ отношеніи къ политическимъ событіямъ и къ повальной болѣзни, вновь появившейся въ Европѣ, которая шла съ Юговостока на Сѣверъ и Западъ, какъ страшный призракъ, предпосылая предъ собою смятеніе, подозрѣніе и страхъ. Надобно признаться, что это была тяжелая пора. Но забота объ общественныхъ событіяхъ и усиленная работа не могли отвлечь отца моего отъ другой нѣжной заботы о нашемъ воспитаніи, и онъ въ это время писалъ къ матушкѣ:

з) «Нашъ маленькій Вадимъ пишетъ, что у него бываютъ дистракціи отъословъ и собакъ, которыя возятъ телѣжки. Это не совсѣмъ похвально, но похвально и мило, что онъ чистосердечно объ этомъ сказываетъ. Правда! Правда! Она лучше всего въ мірѣ. Служеніе ей есть служеніе Богу, и я молю Его, чтобъ наши дѣти во всю свою жизнь были ея обожателями, исповѣдниками, а буде нужно, и страдальцами».

Въ другомъ письмѣ, того же времени, онъ писалъ, по случаю писемъ братьевъ моихъ къ маленькому Великому Князю Александру Николаевичу:

и) «Скажи нашимъ мальчикамъ, что ихъ письма не очень хороши, но не очень и дурны, потому что просты: однако простота хотя главное, но не единственное достоинство писемъ. Нельзя писать, особенно къ Великому Князю, все то и только то, что̀ взбредетъ прежде всего на мысль; надобно подумать, поискать въ головѣ своей, что̀ можетъ быть интересно для того, къ кому мы пишемъ. Этотъ трудъ не великъ, а безъ труда ничего не сдѣлаешь на свѣтѣ, даже и самого обыкновеннаго, порядочнаго письмеца.

Третьяго дня, въ Царскомъ Селѣ, на танцовальномъ вечерѣ у графини Кочубей, Государыня очень милостиво, съ видомъ участія, спрашивала меня о всѣхъ васъ и прибавила, что наканунѣ, на дѣтскомъ балѣ, въ день рожденія Константина Николаевича, недоставало нашихъ дѣтей. Скажи это имъ».

Между тѣмъ холера начинала занимать главное мѣсто въ письмахъ батюшки.

і) „20 Сентября (2 Октября) Петербургъ.

......«О здоровьи своемъ не говорю: оно какъ и прежде хило; да теперь мнѣ и некогда и почти что стыдно думать о немъ, когда всѣ заняты мѣрами для охраненія общаго здоровья противъ печально знакомой мнѣ Cholera morbus. Мы надѣялись, что она скоро прекратится, и въ самомъ дѣлѣ прекратилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ

наиболѣе свирѣпствовала, т. е. въ Астрахани; но за то, хотя и слабѣе, однако же показывается въ иныхъ мѣстахъ, наконецъ и въ Нижегородской губерніи. Сегодня я получилъ извѣстіе отъ прокурора, что, не смотря на предосторожности, принятыя губернскимъ начальствомъ, болѣзнь изъ самого города Нижняго, въ коемъ открылась сначала, распространилась и на окрестности и достигла Балахны. Боюсь между прочимъ, чтобы не коснулась твоихъ деревень. Какъ быть! Смиряясь передъ волею Провидѣнія, надобно признаться, что Cholera morbus какъ ни вредна, ни опасна, но едва ли не лучше той нравственной болѣзни, которая волнуетъ Францію и Бельгійскія провинціи и часть Германіи. Слава Богу, по крайней мѣрѣ, что въ сильнѣйшихъ Германскихъ державахъ, Австріи и Пруссіи, нѣтъ признаковъ этой политической горячки; первую спасаетъ флегматическій, лѣнивый характеръ ея жителей, а вторую, Пруссію, благоразуміе правительства и счастливое, цвѣтущее состояніе народа; тѣмъ болѣе, что народъ, какъ я самъ могъ замѣтить и какъ единогласно утверждаютъ, вообще также благоразуменъ, умѣетъ чувствовать свое счастіе и знаетъ, что одолженъ имъ своему доброму королю. Но кстати о Пруссіи. Правди ли, что графъ Дибичъ, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Берлинъ, опасно занемогъ и до сихъ поръ еще боленъ?[38]).—Письма Андрюши и Вадима я лично вручилъ Великому Князю. Онъ ихъ принялъ очень милостиво и прибавилъ: «обѣщаю отвѣчать». При семъ случаѣ я видѣлъ и слышалъ его математическій урокъ: Великій Князь и съ нимъ Віельгорскій и Паткуль разрѣшали очень хорошо довольно трудныя задачи, подъ наблюденіемъ и руководствомъ своего учителя, академика Коленса; а я думалъ о своемъ маленькомъ геометрѣ Андрюшѣ, и спрашивалъ самъ себя, былъ ли бы онъ въ состояніи разрѣшить одну изъ сихъ задачъ?»

[38]) Этотъ слухъ, равно какъ и разсказъ нашего учителя о мнимомъ его арестованіи, оказался выдумкой.

Въ то время, какъ батюшка сообщалъ объ успѣшныхъ занятіяхъ нашего маленькаго Великаго Князя, я къ нему писала о другомъ уже взросломъ царственномъ ученикѣ:

XV) «29-го Сентября 1830. Берлинъ.

Новостей не имѣемъ кромѣ той, которую Ноель (нашъ Нѣмецкій учитель) объявилъ намъ сего дня, именно, что скоро ожидаютъ сюда «einen durchlauchtigsten Studenten». И этотъ *свѣтлѣйшій студентъ* принцъ Максимильянъ Іосифъ, сынъ моего любимаго короля-поэта Лудвига Баварскаго. Это его старшій сынъ, которому 28-го Ноября минетъ 19 лѣтъ, и его Papachen находитъ, что ему пора учиться; но, не находя видно хорошихъ учебныхъ заведеній у себя, присылаетъ его къ намъ въ университетъ, т. е. въ Берлинъ—такъ разсказываетъ Ноель».

Въ это время о нашихъ маленькихъ ученикахъ, т. е. братьяхъ моихъ, издали заботился батюшка, и онъ было думалъ, что наконецъ отыскалъ для нихъ Русскаго гувернера. Записываю исторію этой неудачи, чтобъ показать, какъ трудно было тогда условиться съ Русскимъ человѣкомъ, для воспитанія дѣтей за границей и что не такъ были неосновательны, какъ многіе думали, распоряженія, вышедшія нѣсколько спустя, т. е. запрещеніе воспитывать малолѣтнихъ дѣтей за границей. Батюшка, какъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, конечно имѣлъ болѣе удобства нежели другіе для отысканія учителя-гувернера; но вотъ что онъ писалъ:

к) «Къ сожалѣнію, я не могъ отправить Русскаго учителя; вышло недоразумѣніе. Г-нъ Порай-Кошецъ, котораго нравственность, а равно и прилежаніе, и любовь къ наукамъ всѣ очень хвалятъ, согласился ѣхать въ Берлинъ, не за тѣмъ, чтобы учить нашихъ дѣтей, а чтобы продолжать свой собственный курсъ ученія въ тамошнемъ университетѣ[39]). Такъ

[39]) Онъ соглашался давать уроки по три часа въ день, между лекціями университета, а остальное время выговаривалъ себѣ для собственныхъ занятій.

писалъ онъ къ профессору Шнейдеру. Прочитавъ это письмо, я призывалъ его къ себѣ и говорилъ, что конечно никто изъ насъ, ни ты, ни я, не захочемъ мѣшать ему самому учиться, но что однако же главнымъ его занятіемъ въ Берлинѣ должно быть ученіе нашихъ дѣтей, наблюденіе за приготовленіемъ ихъ къ урокамъ другихъ учителей, поведеніемъ ихъ, чтеніемъ и т. д. что только на сихъ условіяхъ я могу принять его и отправить къ вамъ. Онъ обѣщалъ подумать и, кажется, раздумалъ ѣхать, ибо не даетъ отвѣта. Жаль: наружность его мнѣ полюбилась; на лицѣ его выраженіе добродушной откровенности; онъ пишетъ и говоритъ довольно хорошо, хотя выговоръ его отзывается немного родиной, т. е. Малороссіей, впрочемъ очень мало. Я уже началъ искать другаго, а между тѣмъ, знаешь ли что мнѣ совѣтуетъ тотъ же профессоръ Шнейдеръ? Въ Берлинѣ четыре Русскихъ студента, посланныхъ туда для обученія правамъ. Изъ нихъ двое, Неволинъ и Пѣшехонцевъ, прекрасно знаютъ порусски, и прекрасные люди, особенно послѣдній. Прикажи одного изъ нихъ попросить къ тебѣ и уговори давать нашимъ мальчикамъ (и дѣвочкамъ) уроки Русскаго языка и словесности и Русской Исторіи и Статистики. Шнейдеръ напишетъ имъ отъ себя объ этомъ, и вѣрно который нибудь согласится. Такимъ образомъ время не совершенно будетъ потеряно и для ученія порусски и для знанія Россіи».

Однако не удалось и познакомиться съ Неволинымъ, не помню отъ чего; кажется, онъ уѣхалъ изъ Берлина. Матушка писала:

XVI). „1 (13) Октября.

..... Какія странныя условія г-на Порай-Кошеца! Какъ ты хорошо сдѣлалъ, что не согласился. Я очень рада, что не имѣю такого сумазброднаго человѣка въ домѣ. Вмѣсто гувернера у меня былъ бы на шеѣ ученикъ, и какой еще, который бы распоряжался въ моемъ домѣ; три часа въ день учить дѣтей въ тѣ часы, когда ему будетъ угодно, и всѣ здѣшніе учителя, которые и такъ съ трудомъ могли устроить часы между собой, потому что служатъ въ казенныхъ заведеніяхъ, должны бы были перемѣнить часы; а прочее время наши мальчики все бы были одни; слѣдственно была бы та выгода, что Порай-Кошецъ на нашъ счетъ пріѣхалъ бы сюда, и мы бы его содержали для того, чтобъ онъ самъ учился медицинѣ. Конечно это весьма спокойно для него. Но если такъ, то лучше поговирить съ студентами, о которыхъ ты пишешь, и Сперанскій, бывши здѣсь, мнѣ говорилъ, что онъ знаетъ студентовъ, и совѣтовалъ къ нимъ обратиться. Можетъ быть, они найдутъ время давать уроки Русскіе; что́ касается до Латинскаго языка, то у насъ теперь учитель, кажется, хорошій человѣкъ, отмѣнно прилеженъ, хорошо имъ толкуетъ и сверхъ того взыскателенъ.

О графѣ Дибичѣ пустые слухи; правда, что онъ простудился и думали, что у него воспаленіе, но Грефа призвали (онъ мнѣ это и разсказывалъ), онъ не нашелъ никакой воспалительной болѣзни: это была Молдавская лихорадка, которая не возвратилась, и онъ совсѣмъ здоровъ; хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ, но король его уговорилъ остаться посмотрѣть маневры, которые и были дня три назадъ.

Третьяго же дня у меня была гр. Алопеусъ, которая очень огорчена. Она бѣдная со слезами мнѣ разсказывала о болѣзни ея дочери, которую недѣли двѣ какъ я видѣла. Она казалась весела и здорова, но все покашливала; цвѣтъ у ней, правда, не очень здоровый, и она худа, но вдругъ кашель усилился, сдѣлалась одышка, и показался румянецъ на щекахъ съ чувствомъ боли и съ воспаленіемъ въ горлѣ. Жаль очень ея; она хорошенькая лицомъ, премилая, такой видъ добродушія и невинности, очень хорошо воспитана, талантлива, отмѣнно ласкова. Съ перваго разу она мнѣ такъ полюбилась, что я къ ней почувствовала нѣжность. Она меня просила познакомить ее съ моими дочерьми; пріѣхавъ ко мнѣ и увидавъ Антуанету, еще повторила просьбу привезти ее къ нимъ, я бы очень желала, чтобы Антуанета съ ней познакомилась, но она бѣдная занемогла. Мать, говоря о своемъ огор-

ченіи сказала: «Si vous saviez, Madame, quelle fille: c'est une amie qui ne m'a jamais quitté, dans mes maladies et mes chagrins elle était toujours près de moi.» [40]) Боятся, чтобы не сдѣлалась сухотка; ее теперь поять ослинымъ молокомъ, а весной или лѣтомъ посылають въ Эмсъ».

Свадьба съ Репнинымъ разстроилась; болѣзнь оказалась не сухоткой, а нервной лихорадкой; она было согласилась выдти замужъ не любя, такъ себѣ, какъ часто бываетъ, потому что родители и знакомые угаваривали, желая ей счастья, не слишкомъ размышляя, счастлива ли она былабъ съ Репнинымъ, къ которому имѣла только пріятельскія чувства, тогда какъ ея страстная, экзальтированная натура требовала романической, идеальной любви. Они разошлись, впрочемъ съ полнымъ уваженіемъ и даже въ дружелюбномъ расположеніи другъ къ другу.

л) „27-го Сентября. Петербургъ.

...... Посылаю тебѣ стихи Козлова, на одинъ изъ концертовъ Генріеты Зонтагъ.

Вчера ты пѣла—голосъ нѣжной,
Разсѣя мракъ мой безнадежной,
Небесной дышетъ чистотой;
Онъ вѣетъ радость надо мной,
Онъ вѣетъ сладкое томленье,
И сердцу онъ напомнилъ вновь
Безцѣнное души волненье—
Младую, первую любовь и пр. [41])

А я тебя благодарю за книги, которыя привезла гр. Соллогубъ. Здѣсь мы заняты однимъ, болѣзнью холерою, которая къ сожалѣнію, прекратясь въ Грузіи, Кавказской области, Астрахани и Саратовѣ, появилась въ другихъ мѣстахъ, не смотря не оцѣпленія, карантины и всевозможныя предосторожности. Я уже писалъ тебѣ, что она въ Нижнемъ и послѣ того получены извѣстія изъ Костромы, Ярославля и Рыбинска, что и тамъ есть больные холерой; наконецъ и въ Москвѣ нѣсколько человѣкъ сдѣлались ея жертвой, въ томъ числѣ архимандритъ Чудова монастыря и четыре студента Московскаго университета. Жаль больныхъ, умирающихъ, тѣхъ, которые будутъ оплакивать ихъ, и жаль также, что принимаемыя мѣры предосторожности и ужасъ, который распространяется повсюду отъ слуховъ о сей новой язвѣ, остановятъ на нѣсколько времени сообщенія внутри государства, повредятъ нашей внутренней торговлѣ, и еще болѣе разстроятъ состояніе богатыхъ и небогатыхъ. Будемъ однако надѣяться, что Богъ, столь явно милостивый къ Россіи, сократитъ сію годину испытаній».

Теперь, когда уже мы, къ несчастію, сроднились съ періодическими нашествіями холеры, трудно вообразить себѣ, какой ужасъ она распространяла. На нее смотрѣли какъ на чуму или на черную смерть, считали ее прилипчивою, боялись всякаго прикосновенія къ больнымъ, прокалывали, окуривали письма, и ничто, ничто не могло остановить ея ходъ, между тѣмъ какъ рвота, багровый цвѣтъ, посинѣлыя лица больныхъ возбуждали подозрѣніе въ отравѣ. Европа волновалась; слышались угрозы Россіи, а многіе врачи у насъ были изъ иностранцевъ, или носили иностранныя имена; они жертвовали собою, безбоязненно лечили въ госпиталяхъ, а больные все таки умирали, и народное подозрѣніе падало на врачей и обвиняло ихъ въ подкупѣ, чтобъ погубить вѣрную и сильную Россію. Недовѣріе, страхъ, ужасные слухи дѣйствовали на нервы, въ воздухѣ уже зараженномъ болѣзнію, и умножали число жертвъ. Отецъ мой писалъ:

м) „4/16 Октября.

Мы все по прежнему ожидаемъ и ловимъ извѣстія съ двухъ сторонъ о холерѣ физической въ Россіи, о холерѣ моральной, гораздо болѣе опасной, на Западѣ Европы. Въ Москвѣ умерло не болѣе 16-ти человѣкъ, но она только начинается; въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Рыбинскѣ много больныхъ и умирающихъ; она появилась и въ Казани; я объ этомъ имѣю

[40]) Еслибъ вы знали, что она за дочь! Она мнѣ *другъ* неотлучный; во всѣхъ моихъ болѣзняхъ и печаляхъ она не отходила отъ меня.

[41]) См. Стих. Козлова. 1840, II, 162. *П. Б.*

офиціальныя извѣстія отъ прокурора, но объ деревняхъ, твоихъ и моихъ, не знаю ничего. Авось либо Господь помилуетъ нашихъ мужичковъ.

Вы, конечно, уже знаете, что Государь поѣхалъ въ Москву и конечно также отгадали причину. Это прекрасное, сродное душѣ его движеніе спѣшить туда, гдѣ какая либо опасность угрожаетъ его подданнымъ. Эта новая черта его характера привела въ восторгъ всѣхъ умѣющихъ цѣнить порывы великодушія: она обрадовала и успокоила не только Московскихъ, но и здѣшнихъ жителей.

Таковы наши добрые Русскіе люди, самый монархическій народъ въ мірѣ; они увѣрены, что тамъ не можетъ быть зла и бѣды, гдѣ самъ Государь съ ними, гдѣ онъ самъ печется о ихъ благѣ. Такъ оправдывается и въ семъ случаѣ мое любимое правило, что хорошее движеніе всегда имѣетъ хорошее послѣдствіе.

Впрочемъ, Государь не долго пробудетъ въ Москвѣ; сегодня ожидаютъ его въ Царское Село. Я надѣюсь, или лучше сказать, увѣренъ, что онъ возвратится въ совершенномъ здоровьѣ. Поѣздка его, между прочимъ, имѣла ту выгоду, что успокоила его самого; онъ своими глазами увидѣлъ, что опасность отъ холеры не такъ велика, что противъ нея приняты всѣ нужныя мѣры предосторожности, и не безъ успѣха. Эти мѣры, т. е. очищеніе воздуха въ домахъ, размѣщеніе больныхъ въ просторныя комнаты, наблюденіе за чистотою и пищею сдѣлали, что въ нынѣшнемъ году, въ Москвѣ, умираетъ людей гораздо менѣе, нежели въ прошломъ, хотя въ то время не было никакой повальной болѣзни».

Однако, Государь не такъ скоро воротился. Вотъ письмо отъ 11-го Октября:

н) ..... «Императорская фамилія, т. е. Государыня, Великіе Князья Александръ и Константинъ, Великая Княгиня (Елена Павловна) и Великія Княжны еще въ Царскомъ Селѣ, потому что Государь еще въ Москвѣ. Его присутствіе тамъ всѣхъ и все оживило; потому, вѣроятно, онъ рѣшился пробыть въ Москвѣ нѣсколько лишнихъ дней и рѣшился выдержать въ Твери 8-ми дневный карантинъ, давая такимъ образомъ примѣръ осторожности и повиновенія закону. Его ожидаютъ въ Царское $^{16}/_{28}$ Октября, и вскорѣ потомъ всѣ переѣдутъ въ городъ......»

о) „18-е Октября.

Государь выѣхалъ изъ Москвы $^{7}/_{19}$-аго нынѣшняго мѣсяца. Нужно ли прибавлять, что тамошній народъ провожалъ его также, какъ встрѣчалъ, съ живымъ, трогательнымъ восторгомъ признательности, называя его *своимъ воскресителемъ*?»

п) „23-го Октября.

Государь благополучно возвратился изъ Москвы въ Царское Село, и нынѣ ожидаемъ его въ городъ. Онъ останавливался во второмъ карантинѣ на Ижорѣ и потому опоздалъ. Холера въ Москвѣ уменьшается; 19-го числа отъ нея умерло только 70 человѣкъ, а выздоровѣло 450, слѣдовательно перевѣсъ на сторонѣ здоровья».

И такъ, физическая холера, какъ батюшка называлъ ее, уменьшалась на нашемъ Востокѣ; но за то моральная зараза уже добиралась до насъ съ Запада и, еще скрытая отъ насъ всѣхъ, готовила Россіи другаго рода бѣды, которыхъ послѣдствія горько отзываются на насъ и до нынѣ. $^{7}/_{19}$ Октября былъ парадный спектакль въ Opernhaus'ѣ по случаю свадьбы принца Альбрехта. Давали, въ первый разъ въ Берлинѣ, новую оперу Россини *Вильгельмъ Тель*; но либретто было передѣлано для Англійской сцены и принято въ Берлинѣ подъ названіемъ *„Andreas Hofer“*. Неизгладимое впечатлѣніе оставилъ мнѣ этотъ вечеръ. Трудно выразить то высокое наслажденіе, съ которымъ слушали мы эту великолѣпнѣйшую музыку, исполненную въ совершенствѣ, равно оркестромъ, хоромъ и главными пѣвцами съ прелестными декораціями Тироля и Альповъ; къ тому же сюжетъ, перенесенный въ эпоху не очень отдаленной борьбы Германіи противъ Французовъ, дѣйствовалъ на пуб-

лику, тѣмъ болѣе, что присутствіе того короля, съ которымъ страдала и наконецъ побѣдила Пруссія, вызывало и, такъ сказать, воскрешало лучшія воспоминанія народа. Съ большимъ трудомъ достали мы нѣсколько билетовъ въ ложу.

XVII). «Но что это были за мѣста, въ темномъ углу большаго ящика: ибо иначе нельзя назвать эту паркетъ-ложу, гдѣ было дурно слышно и почти ничего не видать, и все это въ самомъ непріятномъ обществѣ, которымъ была набита ложа! Это было совершенно ново и никогда еще съ нами не случалось» (писала сестра моя). «Съ начала это мнѣ показалось ужасно досадно, но потомъ показалось забавно, въ родѣ смѣшнаго приключенія, а теперь и подавно утѣшаюсь мыслію, что въ нашемъ комическомъ положеніи намъ удалось быть зрителями такой сцены, которую вѣроятно не скоро будемъ имѣть случай увидѣть опять: я хочу сказать о восторженномъ пріемѣ короля и принца Альбрехта съ его молодой женой. Когда они сперва вошли въ королевскую ложу, публика начала кричать: виватъ и аплодировать, но когда король подошелъ къ периламъ ложи и поклонился (т. е. намъ такъ сказали, потому что наше помѣщеніе au rez de chaussée не позволяло видѣть, чтó дѣлалось въ королевской ложѣ) вдругъ раздался такой взрывъ рукоплесканій Vivat, что не слыхать было первыхъ акордовъ «God save the King», которые заигралъ оркестръ, безпрестанно прерываемый кликами и рукоплесканіями. Эта прекрасная музыка, эти радостные клики народа, привѣтствующіе своего короля, до того потрясли мою душу, что я залилась слезами. *Лидія*».

Я не могу отыскать ни матушкина письма, ни моего объ этомъ вечерѣ; но очень хорошо помню, что она воротилась озабоченная домой. Между лицами далеко не высшаго общества, о которыхъ упоминаетъ сестра въ описаніи паркетъ-ложи, находился одинъ пожилой господинъ, весьма вѣжливый и услужливый, говорившій пофранцузски. Я помню, что онъ вcталъ и далъ мнѣ свой стулъ, съ котораго высунувшись впередъ можно было видѣть и королевскую ложу. Высокій ростъ, правильныя черты короля, его спокойный, даже нѣсколько неподвижный видъ, имѣли какое-то достоинство весьма у мѣста въ эту минуту, гораздо болѣе важную въ данныхъ обстоятельствахъ, нежели обыкновенно бываютъ парадные спектакли. Онъ поклонился скорѣе задумчиво, нежели привѣтливо, представляя сына и молодую принцессу, которой отечество въ эту минуту защищалось отъ возмущенія Бельгійцевъ и нашествія Французскаго вспомогательнаго войска. Но когда послышались клики, рукоплесканія, въ которыхъ выражалось неподдѣльное чувство, король еще разъ поклонился съ такимъ растроганнымъ выраженіемъ лица, какъ я никогда потомъ не видѣла. Крѣпка была душевная связь между королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III-мъ и его народомъ. Тринадцать лѣтъ спустя, уже послѣ смерти короля, я была проѣздомъ въ Берлинѣ съ покойнымъ отцемъ моимъ. Мы пошли гулять въ Thiergarten. На маленькомъ островѣ, заросшемъ деревьями, которыя скрывали небольшой ручей, окружающій его, мы неожиданно увидѣли монументъ королю. Онъ былъ поставленъ городскими жителями въ благодарную память за удобства обширнаго парка, гдѣ горожане могутъ отходнуть и подышать чистымъ воздухомъ. Это просто мраморная статуя на небольшомъ пьедесталѣ. Но изваяніе художественное, поза такая натуральная, что кажется король въ простомъ сюртукѣ, безъ эполетъ, только что остановился на ходу, и сейчасъ же пойдетъ дальше. Сходство поразительное и пріятное. Мнѣ было какъ-то хорошо на сердцѣ, когда глядѣла я на статую. Эта простота движеній, одежды и обстановки, эти дѣти, которыя играли около статуи, это спокойствіе кругомъ, и зелень, и цвѣты, все такъ подходило къ характеру Фридриха Вильгельма III-го. Сколько великаго, сколько трагическаго,

сколько добраго было въ его царствованіе, и все это онъ вынесъ, все это онъ сдѣлалъ такъ просто, спокойно. Пошли мы назадъ черезъ мостикъ, а тутъ старый солдатъ вертѣлъ рукоятку шарманки, и звуки какой то старой пѣсни тихо раздавались подлѣ насъ. Все это такъ гармонировало вмѣстѣ. Батюшка очень любилъ подавать шарманщикамъ: онъ положилъ монету на органъ. Старикъ улыбнулся и приложилъ руку къ козырьку: „Вы ходили смотрѣть монументъ короля, спросилъ онъ, не правда ли хорошъ?“—„Да отвѣчала я, и похожъ очень, я его лично знала“. „Вы его знали?“ спросилъ онъ какъ-то радостно. „Mit dem hab ich gedient, der war ein braver Mann![42]) и слезы навернулись у него на глазахъ. Какой глубокій смыслъ въ этихъ словахъ, какая характеристика историческаго лица. Вотъ она святая связь между государемъ и его подданными—вмѣстѣ служили отечеству, вмѣстѣ тянули лямку, вмѣстѣ несли тяжесть черныхъ дней, вмѣстѣ радовались успѣхамъ родной земли, и сверхъ всего доброта, теплое сердце, ласковый обычай короля. Мнѣ кажется, что недовольно отдаютъ справедливости Фридриху Вильгельму внѣ его отечества. Героическая фигура его жены, блескъ ея красоты, восторженность ея характера, энергія, инипіатива, съ которыми она подняла духъ Германіи и, какъ древняя Валькирія, повела ее на подвигъ, весь этотъ лучезарный образъ Луизы слишкомъ затмѣваетъ короля. Но съ сущности онъ положилъ основаніе новой жизни Пруссіи. Не всегда самые блистательные люди бываютъ самые лучшіе государи — это доказалъ сынъ его Фридрихъ Вильгельмъ IV-ый, блистательнѣе котораго рѣдко можно встрѣтить человѣка.

Но, пока я заглядывала въ партеръ и издали въ королевскую ложу, учтивый незнакомецъ въ антрактахъ вошелъ въ разговоръ съ матушкой; удобство Французскаго языка, непонятнаго для другихъ нашихъ сосѣдей въ ложѣ, скоро привело къ какому-то роду интимности, и онъ спросилъ у матушки, не Русская ли она, какъ ему показалось по выговору. Она отвѣчала утвердительно. Онъ сказалъ, что самъ изъ Шлезіи и. опредѣливъ такимъ образомъ свою нейтральную національность, спросилъ, хорошія ли вѣсти получаемъ изъ Россіи. Опять утвердительный отвѣтъ. „И въ Петербургѣ не безпокоятся?“ О чемъ?—„Вы развѣ ничего не знаете?“ Про что?—„Про то что̀ дѣлается въ Варшавѣ“.

Въ то время намъ, т. е. нашему семейству, не приходила на мысль возможность переворота въ Польшѣ. Мы такъ привыкли къ дружескимъ сношеніямъ съ Поляками нашего знакомства, и они и мы такъ искренно считали себя единоземцами, и мы скорѣе считали ихъ балованными дѣтьми государства, съ ихъ многочисленными привиллегіями. Матушка въ первую минуту не поняла, что̀ хотѣлъ сказать ей новый знакомый. Видя ея непритворное удивленіе, онъ продолжалъ: „Неужели вы ничего не ожидаете? Вѣдь въ Варшавѣ теперь, или на дняхъ идетъ суматоха--тамъ революція. Я говорю серіозно (прибавилъ онъ) надѣюсь, что у васъ нѣтъ тамъ родныхъ“. Матушка не знала что̀ думать. Она надѣялась, что это одинъ изъ тѣхъ слуховъ, которыми наполнялись газеты, какъ наприм. возстаніе гвардіи въ Петербургѣ, смерть Дибича въ Берлинѣ и проч. и проч. Откуда вы это знаете? спросила она. — „У насъ въ Шлезіи всѣ это знаютъ“, сказалъ онъ.

Все это казалось невѣроятно, однако впечатлѣніе осталось непріятное. Но мы получили письма въ обыкновенные почтовые дни, и забота прошла; жизнь наша нѣсколько разнообразилась.

XVIII) 1/13 Ноября.

«Не удивляйтесь, что нѣтъ письма отъ маменьки» (писала я) «курьеръ отсюда не от-

42) Съ нимъ я служилъ. Онъ былъ честный, добрый человѣкъ.

правляется, а находится здѣсь только проѣздомъ и ѣдетъ тотчасъ, а маменька сегодня у короля на балѣ, по случаю рожденія кронъпринцессы. Вы вѣрно удивитесь, что она вамъ не писала о своемъ представленіи, но она третьяго дня сама не подозрѣвала, что это сдѣлается такъ скоро. Графиня Алопеусъ больна; m-me Мейендорфъ, урожденная Огеръ, Мансурова и m-me Мальтицъ пріѣхали къ ней вечеромъ, объявили ей, что сегодня tableaux vivants и балъ, рекомендовали ей портниху, вчера опять заѣхали за ней, повезли къ графинѣ Вреде (кажется) которая была съ кронъпринцессой въ Эмсѣ и которая узнала маменьку и приняла ее очень ласково, а сегодня король прислалъ звать маменьку къ себѣ. Маменька опять была съ m-me Мейендорфъ у разныхъ дамъ, между прочимъ у графини Редернъ, la connaissance la plus utile pour *nous* ici [43]), ибо она мать директора театровъ. Теперь уже съ часъ какъ маменька, все съ тѣми же дамами, отправилась во дворецъ къ принцессѣ Лигницъ [44]), гдѣ будутъ представлять живыя картины, а потомъ будутъ танцовать до часу, какъ сказывалъ мнѣ m-r Мейендорфъ, потому что здѣсь страхъ какъ любятъ танцовать».

XIX). Берлинъ 2/14 Ноября.

«Спѣшу написать нѣсколько строчекъ, чтобы не опоздать къ г-ну Фишеру, который отправляется въ Петербургъ въ пять часовъ; и то боюсь, что его не застанутъ; онъ у меня былъ два раза и познакомилъ меня съ своей женой: онъ женился въ Гамбургѣ, на дочери г-на Штруве. Скажу только тебѣ, что если что нибудь есть утѣшительнаго на счетъ холеры и на счетъ нашей Императорской Фамиліи, пиши мнѣ, чтобы я могла сообщить, потому что здѣсь были разныя лживыя вѣсти, и я выписывала изъ твоихъ двухъ писемъ и сообщала для помѣщенія въ здѣшнихъ газетахъ».

[43]) Знакомство самое здѣсь для насъ выгодное.

[44]) Я ошибалась—это собственный дворецъ короля.

Такъ проспала матушка, и отецъ мой продолжалъ сообщать намъ подробно о холерѣ. Кой-какія находятся и другія извѣстія въ его письмахъ, иногда про общество, иногда про наши семейныя дѣла, которыя даютъ понятіе либо о его личномъ характерѣ, либо объ образѣ мыслей и о людяхъ нашего круга. Онѣ меня такъ переносятъ въ тогдашнее время, что, кажется, должны имѣть относительный интересъ изображеніемъ прошедшаго.

р).....«Объ учителѣ для нашихъ мальчиковъ я уже писалъ и еще буду писать къ тебѣ. Ты знаешь, какъ трудно найти Русскаго съ умомъ и познаніями, который бы согласился не быть въ государственной службѣ: у насъ всѣ рехнулись на чинахъ, оттого и г-нъ Порай-Кошецъ думалъ ѣхать въ Берлинъ, лишь для своего собственнаго образованія, чтобы возвратясь получить званіе доктора и 8-й или 7-й классъ. Его планы разрушились, и сверхъ того онъ бѣдный опасно боленъ, какъ мнѣ сказывалъ Телешевъ, который съ нимъ познакомился во время нашихъ неудачныхъ негоцiацій. Вчера я узналъ, что и одинъ изъ тѣхъ Русскихъ студентовъ въ Берлинѣ, объ которыхъ говорилъ съ тобою Сперанскій, и именно лучшій изъ нихъ, Пѣшехонцевъ умеръ. За то къ вамъ ѣдетъ другой Калмыковъ, котораго я видѣлъ и просилъ явиться къ вамъ; онъ мнѣ обѣщалъ давать уроки нашимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ, если вы не успѣли взять Неволина; впрочемъ ихъ обоихъ хвалятъ. Калмыковъ принадлежитъ къ хорошей дворянской фамиліи; онъ учился сначала дома, потомъ въ университетахъ Петербургскомъ и Дерптскомъ и готовится въ профессоры правъ. Затѣмъ его отправляютъ въ Берлинъ на счетъ Министерства Просвѣщенія..... Да! знаешь ли, что Бутенева назначаютъ посланникомъ въ Турцію,—шагъ важный для службы его и кажется, однакожъ, что онъ этому не очень радъ. Ему успѣли наскучить и султанъ, и рейсъ-ефенди, и самъ Константинопольскій дипломатическій корпусъ; но для пользы дѣлъ,

особливо въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, конечно нельзя было выбрать лучшаго министра. Бутеневъ имѣетъ и талантъ, и характеръ, и мѣстныя познанія, которыя нужны нашему агенту на Босфорѣ.... Я очень усталъ, особливо же слабъ. Вчера, послѣ общаго собранія Сената, я принужденъ былъ отдать себя въ руки Филиповскаго и цирюльника, которые поставили мнѣ 16-ть піявокъ къ боку, потому что у меня уже нѣсколько дней чрезвычайное волненіе въ крови и онѣмѣніе всей лѣвой стороны тѣла.»

с) 31-го Октября (12-го Ноября).

...... «Дашковъ все не ѣдетъ, а множество дѣлъ какъ будто съ каждымъ днемъ все больше и больше размножается, такъ что я, не смотря даже на мои безсонницы, не успѣваю спускать ихъ какъ бы мнѣ хотѣлось. Между Дашковымъ и нами стала холера, но ему дозволено не заѣзжать въ Москву, и по всей вѣроятности онъ возметъ свой путь на Тулу, Калугу, Смоленскъ и Витебскъ: ужасный крюкъ, особливо въ настоящую пору года, по авось либо хоть крюкомъ, хотя по грязи, онъ дотащится къ намъ въ началѣ Ноября [45]). Я его жду съ нетерпѣніемъ. Государь здѣсь въ Аничковскомъ дворцѣ, потому что въ Зимнемъ передѣлываютъ комнаты его и Императрицы. Благодаря Бога, мое пророчество сбылось совершенно: опасности, которымъ онъ такъ великодушно подвергался, прошли мимо его; онъ здоровъ, хотя немножко похудѣлъ, даже повидимому довольно веселъ, покрайней мѣрѣ бодръ и твердъ, не смотря на многія важныя и печальныя заботы. Я вчера обѣдалъ во дворцѣ съ княземъ Ливеномъ и нѣсколькими другими; выходя видѣлъ мелькомъ Великаго Князя Наслѣдника съ его маленькими соучениками и Мердеромъ.

Между тѣмъ и въ Одессѣ показалась холера, но доселѣ не сильная; она тамъ почти встрѣчается съ чумою. Эти двѣ заразы обѣ восточныя, хотя изъ разныхъ краевъ и разными путями, пришли къ намъ, благодаря нашему мѣсту стражей просвѣщенной Европы противъ Азіятскихъ варваровъ. Казанскій губернаторъ отставленъ за болѣзнію; Пензенскій отставленъ также, но однако же, не за болѣзнію, какъ можно полагать изъ словъ указа. Новостей о томъ, что исключительно называютъ обществомъ и свѣтомъ, только одна: князь Суворовъ и фрейлина Ярцова вступаютъ въ законный бракъ; Государь при семъ случаѣ почтилъ память славнаго генералисимуса, учредивъ для внука его маіоратъ въ 25 тысячъ дохода; деньги будутъ выдаваться изъ казны князю Суворову, а послѣ него старшему его сыну, и т. д. старшимъ всѣмъ въ родѣ на вѣчныя времена».

т.) 21-го Ноября (3-го Декабря).

«Вмѣстѣ съ вашими письмами курьеръ привезъ намъ извѣстіе о паденіи Велингтонова министерства; оно произвело здѣсь довольно сильное дѣйствіе и на нашихъ, и на членовъ дипломатическаго корпуса, и въ самомъ дѣлѣ, оно важно по обстоятельствамъ. Ты знаешь, что я никогда не былъ великимъ почитателемъ Велингтона какъ министра, особливо послѣ его двухсмысленнаго и невеликодушнаго, неблагодарнаго поведенія во время нашей войны съ Турками; но теперь готовъ почти жалѣть о немъ. Богъ вѣсть, кто займетъ его мѣсто и какой системѣ будетъ слѣдовать новый первый министръ въ такую минуту, когда отъ политики Лондонскаго кабинета, можетъ быть, зависятъ спокойствіе и судьба Европы. Чтó касается до самой Англіи, перемѣна министерства вороятно не будетъ имѣть отмѣнно важныхъ для нея послѣдствій. Я не думаю, какъ нѣкоторые мнимые наши государственные люди, что она разрушается, что всѣ основанія настоящаго ея порядка скоро будутъ низвергнуты радикальнымъ преобразованіемъ Парламента. Въ этой землѣ, которая мнѣ извѣстна, можетъ быть, болѣе нежели многимъ другимъ, будто бы всезнающимъ, довольно элементовъ не только для прочности существованія, но въ случаѣ нужды и для возстановленія. Отъ Англіи пе-

[45]) Помнится, что тогда въ Россіи было только шоссе изъ Петербурга въ Москву.

рейдемъ къ Россіи. Я все еще управляю Министерствомъ Юстиціи. Дашковъ, какъ я надѣюсь, ѣдетъ къ намъ; но дорога его идетъ вокругъ Москвы, большимъ крюкомъ, и во Псковѣ или Твери будетъ перерѣзана карантиномъ, который продолжится дней четырнадцать. Жду его съ нетерпѣніемъ, если не для отдыха, то покрайней мѣрѣ для того, чтобы приняться за другую работу, окончаніе университетскихъ уставовъ; къ тому же времени успѣетъ вѣроятно проектъ устава протестанской церкви. Какъ мнѣ хочется поскорѣе видѣть исполненіе сихъ двухъ интересныхъ и важныхъ порученій, между прочимъ и для того, чтобы имѣть право отправиться въ отпускъ къ вамъ».

И батюшкѣ, и намъ становилась очень тягостна эта продолжительность разлуки. На меня стала находить тоска, болѣзненная, непомѣрная, по Россіи. Я писала уже короткія письма, не находя о чемъ говорить.

XX). $^{15}/_{27}$ Ноября.

«Вы когда къ намъ пріѣдете? Вы, нашъ милый, любезный папенька, когда будете къ намъ? Пишу только нѣсколько строчекъ; мнѣ такъ грустно, что я бы могла только о печальныхъ вещахъ говорить; а вамъ, я чай, и такъ не слишкомъ весело. Пожалуйста поклонитесь отъ меня Дадѣ (старая няня) и Гаврилѣ».

Если вѣрить предчувствіямъ, не даромъ томила меня тоска. Помѣщаю здѣсь письмо матушки, которое живѣе передастъ современное впечатлѣніе, нежели все, что память представляетъ, какъ бы ни была она жива.

XXI). Берлинъ 22 е Ноября (4-го Декабря) 1830 г.

Сегодня пишу къ тебѣ съ курьеромъ, который вѣроятно доѣдетъ до васъ скоро. Вчера кронъ-принцъ и принцесса сдѣлали мнѣ честь — позвали на музыкальный вечеръ. Первое, чѣмъ меня встрѣлила гофъ-мейстерша принцессы Вильгельмъ [46]), было извѣстіе о возмущеніи въ Варшавѣ и кровопролитіи, которое еще продолжалось по отъѣздѣ Прусскаго эстафета, и объ отъѣздѣ оттуда Великаго Князя (Константина Павловича). Меня это сразило, и я едва могла во все время удержаться отъ слёзъ и казаться веселою. Мысль, что я и четверо нашихъ дѣтей удалены отъ тебя, и Богъ знаетъ, что̀ будетъ впереди, такъ меня потрясла, что я дрожала какъ бы на дворѣ въ морозъ. Одна моя надежда, что Богъ милосердъ; Онъ помилуетъ нашего добродѣтельнаго, сострадательнаго Государя, и съ нимъ насъ всѣхъ. Сколько для него огорченій; усердно молюсь, да покрѣпитъ его Богъ! Съ нимъ можетъ сравниться одинъ только Прусскій король и его фамилія. Какіе они всѣ добродушные, милые, какое согласіе въ ихъ семействѣ. Вчера еще я вспомнила все то, что̀ говорилъ о нихъ Жуковскій; оно совершенно справедливо. Вчера же во дворцѣ я видѣла графа Дибича, qui a pris congé de moi, je puis dire, avec tendresse [47]): нѣсколько разъ цѣловалъ у меня руки, спрашивалъ что̀ я тебѣ прикажу сказать о себѣ и о дѣтяхъ; онъ ѣдетъ сегодня вечеромъ или завтра утромъ, а теперь посылаетъ фельдъегеря, который привезетъ тебѣ это письмо».

Бѣдный Дибичь, онъ прощался навсегда. Послѣ нѣсколькихъ успѣшныхъ сраженій, Гроховское дѣло казалось рѣшительнымъ, и въ Варшавѣ уже собирались принести ему ключи города для сдачи; какое-то непонятное опасеніе, колебаніе, ошибочный стратегическій разсчетъ заставили его остановиться, не пользуясь вновь прибывшимъ свѣжимъ войскомъ, гренадерской дивизіи, противъ которой Поляки сами не имѣли никакой надежды устоять. Когда въ военномъ совѣтѣ спросили у Хлопицкаго, которая позиція выгоднѣе для битвы, онъ отвѣчалъ: „Если бы была малѣйшая надежда на успѣхъ, можно было бы выбирать позицію; а для того чтобъ умирать, все равно, куда ни поставить армію“. Это

[46]) Нынѣ Германская императрица Августа, дочь великой княгини Маріи Павловны.

[47]) Онъ прощался со мной, могу сказать, нѣжно.

мнѣ разсказывалъ графъ Ѳома Лубинскій. Муниципалитетъ стоялъ у Пражской заставы съ ключами города на подушкѣ, чтобы принять Дибича съ повинной головой, какъ скоро онъ двинется къ городу. Это мнѣ сказывали Поляки и Русскіе, бывшіе плѣнными въ Варшавѣ. Дибичь этого не зналъ конечно, и вѣроятно, обычная осторожность нашихъ старыхъ вождей, боящихся за свою репутацію побѣдителей, если будутъ хотя разъ разбиты, остановила Дибича послѣ Грохова, остановила Паскевича подъ Силистріей. Но въ нашей арміи, равно какъ и въ Берлинѣ, овладѣло сомнѣніе въ вѣрности Дибича и его главныхъ совѣтниковъ, графа Толя и Нейдгарта; посыпались клеветы, появились карикатуры; помню, между прочимъ, одну, представлявшую графа Дибича за клавикордами, играющимъ акомпаниментъ дуета Нейдгарта съ Толемъ, которые, стоя сзади его, поютъ: „еще Польска не сгинѣла". А когда Дибичь умеръ холерой, между Русскими разнесся слухъ, что онъ съ отчаянія и страха, отъ своей измѣны, отравился. Меня грустно поразила, въ 1866-мъ уже году, пѣсня солдатская, перенесенная какъ переносится наша пѣсня, какъ переносятся вѣтромъ семена деревьевъ и травъ, на почву крестьянскую въ Вяземскомъ уѣздѣ, къ намъ въ деревню. Пѣли наши мужики:

„Объ измѣнушкѣ,
О великой той измѣнѣ
Графа Дибича"

И пѣли они еще:

„Пишетъ, пишетъ графъ Паскевичь
Бѣлому Царю,
Собирайся, снаряжайся
Со всей арміей, пѣхотой
И со конной гвардіей"......

Крестьяне наши, кажется, повторяли пѣсню, не обращая никакого вниманія на слова и не обижая памяти бѣднаго Дибича, но все таки было грустно встрѣтить эту долговѣчную клевету, неуловимо облетающую Русь. Въ Берлинѣ же легенда приняла другой оборотъ, и нельзя было разувѣрить публику средняго класса, между прочимъ, нашего учителя Ноеля, что Дибичь былъ отравленъ графомъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ, и Великій Князь Константинъ Павловичь тоже. Я помню, что на Орлова, который вскорѣ послѣ пріѣзжалъ въ Берлинъ, смотрѣли съ ужасомъ, какъ на какого-то члена *Vehmgericht*, или трибунала троихъ въ Венеціи. Однако я забѣгаю впередъ. Война еще, можно сказать, не начиналась; но двѣ большія ошибки уже были сдѣланы съ обѣихъ сторонъ и уничтожили всякую надежду на примиреніе. Константинъ Павловичь самъ отпустилъ или, лучше сказать, отослалъ къ мятежникамъ Польскіе полки, оставшіеся вѣрными присягѣ; Поляки, же въ полномъ народномъ собраніи, объявили низверженіе Русской царской династіи. Графъ Ѳома Лубинскій былъ тогда генераломъ Польской арміи, т. е. королевской, присягнувшей Николаю Павловичу, считавшей его законнымъ королемъ Польши. Онъ мнѣ самъ разсказывалъ о глубокой горести, о безнадежности своей и многихъ другихъ генераловъ, и между прочимъ Хлопицкаго, когда рьяные патріоты, т. е. старые заговорщики и юные энтузіасты, предложили этотъ безумный декретъ, который разрывалъ всякую связь съ недавно-прошедшимъ и уничтожалъ, вмѣстѣ съ хартіей, всѣ привиллегіи, дарованныя Александромъ I-мъ. Онъ съ нѣкоторыми другими говорилъ горячо противъ предложенія, хотѣлъ подать голосъ свой противъ и выдти изъ собранія и изъ службы. Его удержалъ Радзивилъ; онъ подозвалъ его къ себѣ и сказалъ тихо: „Что вы дѣлаете, васъ только горсть; движенія вы не остановите; оставляя армію безъ нѣсколькихъ опытныхъ генераловъ, можетъ быть раздробляя ее на партіи, вы отымаете надежды на удачу вашихъ собственныхъ желаній. (Vous ôtez les chances de réussite à vos propres voeux). Передъ дружной арміей Русское правительство, можетъ быть, согласится на уступки:

Великій Князь самъ же нѣкоторымъ образомъ даетъ санкцію (sanctionne) нашему отпору и возвращаетъ войско". Графъ Лубинскій говорилъ, что такія надежды—безумство. „Чего же вы желаете (отвѣчали ему) развѣ произвести междоусобную войну между нами самими? Польша погибнетъ".—„Она уже погибла, сказалъ Лубинскій. Вы правы, намъ остается только не за неё, а съ нею умереть. Въ самомъ дѣлѣ, грозило междоусобіе въ самой арміи и ужасы безпощадной рѣзни. Я былъ поставленъ между двумя обязанностями, между вѣрностью присягѣ и вѣрностью родинѣ, и я ни минуты не обольщался надеждою на спасеніе Польши. Il fallait courir au plus pressé и сохранить по крайней мѣрѣ единство собранія; я остался съ мятежниками, въ полномъ сознаніи безполезности ихъ дѣйствій".

Этотъ разсказъ графа Лубинскаго остался неизгладимъ въ моей памяти, и часто, часто казалось, что слышится онъ мнѣ, когда опять увлекаются благородныя, прямодушныя натуры вслѣдъ за легкомысленной толпой, которая губитъ и ихъ, и себя, не достигая никакой цѣли. И все таки, это явленіе повторяется, и все таки у честныхъ людей не хватаетъ твердости и иниціативы, которыми бы поставить предѣлъ гнуснымъ страстямъ однихъ и вѣтренной самоувѣренности другихъ. Вообще, чѣмъ дольше живу на свѣтѣ, тѣмъ больше убѣждаюсь, что честные люди во всемъ виноваты; а все таки не могу ихъ не любить, не могу отъ нихъ отстать, не могу не желать принадлежать къ числу ихъ. Alphonse Karr гдѣ-то написалъ, что раздѣленіе человѣчества на народы только географическая фикція; этнографія не имѣетъ никакого значенія, обитатели той или другой земли все таки составляютъ группы независимыя ни отъ мѣста жительства, ни отъ языка. Есть повсюду нація поэтовъ, есть нація купцовъ, есть нація мошенниковъ, есть нація, или лучше сказать, пугливая группа честныхъ людей, которые вездѣ встрѣчаютъ одинакоеыя оскорбленія, одинаковое презрѣніе и пьютъ изъ той же чаши [48]).

Извѣстія о всемъ высказанномъ дошли до Петербурга, кажется, именно черезъ Берлинъ. Вотъ письмо отца моего:

у) „28-е Ноября (10-е Декабря).

Съ нѣкотораго времени вы ко мнѣ пишите коротенькія письма съ курьерами и съ почтою. На сей разъ я хочу послѣдовать вашему примѣру и также писать вамъ не много, не оттого что я болѣе обыкновеннаго боленъ, но затѣмъ что усталъ до изнеможенія отъ трудовъ разнаго рода, которыми былъ наполненъ весь мой нынѣшній день и вечеръ. Сверхъ того признаюсь, мнѣ не очень хочется говорить о томъ, что̀ теперь занимаетъ всѣхъ насъ. Восточная холера теперь прекращается; за то появилась западная, моральная. Слава Богу, однакоже не въ Россіи, а только въ присоединенномъ къ ней Царствѣ. Вы конечно уже знаете столько же или больше насъ объ измѣнѣ, которую безъ всякаго ультрамонархизма можно назвать гнуснѣйшею изъ гнусныхъ. Такъ Варшавскіе Поляки, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, платятъ за благодѣянія, за востановленіе ихъ отечества, за необыкновенную, почти невѣроятную степень благосостоянія, до котораго Царство Польское доведено въ 15 лѣтъ подъ скипетромъ императоровъ Александра и Николая; и неблагодарные могутъ думать, что сія неблагодарность останется ненаказанною! Развѣ нѣтъ Провидѣнія?

Вы, безъ сомнѣнія, отгадали, какое дѣйствіе произвели извѣстія о новыхъ Варшавскихъ происшествіяхъ. Первое получено въ прошедшій вторникъ, вечеромъ, довольно поздно. На другой день, послѣ парада военнаго праздника Св. Георгія, Государь самъ объявилъ обо всемъ передъ рядами гвардіи, и за симъ послѣдовала трогательная, возвы-

[48]) La bande timide des honnêtes gens qui partout reçoivent les mêmes avanies, les mêmes dédains et boivent la même cigne.

шающая душу сцена. Восторгъ усердія, какъ ударъ электричества, произвелъ чрезвычайное общее движеніе въ войскѣ; всѣ генералы, офицеры, говорятъ, нѣкоторые рядовые, устремились къ Государю, окружили его, тѣснились, какъ будто составляя для него живой изъ себя оплотъ и тысячу разъ повторяя любезную Русскую клятву: «умереть за честь Царя, за цѣлость Имперіи!» Тутъ были, какъ сказываютъ, и посторонніе свидѣтели, члены дипломатическаго корпуса. Они могутъ въ нешифрованныхъ депешахъ донести своимъ Дворамъ о расположеніи умовъ въ Россіи. Вѣнецъ, носимый Николаемъ I-мъ, не изъ розъ. Судьба часто испытываетъ его твердость сильными противностями; но онъ имѣетъ утѣшеніе достойное его сердца, и въ настоящемъ случаѣ, конечно не безъ слезъ сладостнаго умиленія, слышалъ и еще слышитъ голосъ своихъ истинныхъ подданныхъ, своихъ дѣтей, ибо клики усердныхъ войновъ его гвардіи повторяются всѣми и всюду. Русскіе не умѣютъ выдавать своихъ Царей, особливо такого Царя.......

Войска для усмиренія мятежниковъ готовы, и вѣроятно теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже двинулись».

ф) „5/17 Декабря.

Мнѣ разсказывать сегодня почти нечего, да что-то и не хочется: я очень нездоровъ, очень слабъ и сверхъ того очень усталъ отъ безпрерывной работы, которую часто можно назвать механическою, но которая утомляетъ и умъ вмѣстѣ съ тѣломъ. О происшествіяхъ въ Царствѣ Польскомъ вы въ Берлинѣ узнаете прежде насъ; вѣроятно, знаете также, по крайней мѣрѣ изъ газетъ, что графъ Дибичь назначенъ главнокомандующимъ новой дѣйствующей арміи, которая сбирается на западныхъ нашихъ границахъ. Онъ пріѣхалъ въ понедѣльникъ, а со вторника нездоровъ; его посѣщаетъ лихорадка, едва ли не Молдавская. Я съ нимъ видѣлся третьяго дня; сказываютъ, что сегодня ему лучше.

Прости; право, я такъ слабъ, что насилу держу перо и почти не вижу что пишу. Сверхъ того, ужъ и поздно, а завтра (Николинъ день) надобно съ утра наряжаться, чтобы ѣхать во дворецъ».

х) „12/24 Декабря.

Пишу къ вамъ, во первыхъ, чтобъ ты, мой милый другъ, не вздумала безпокоиться, не вообразила меня мертвымъ; во вторыхъ, и за тѣмъ, чтобы доставить вамъ экземпляръ читаннаго сегодня въ Сенатѣ и сегодня же обнародованнаго манифеста [49]).

Не знаю, удалось ли мнѣ въ сей бумагѣ хоть не совсѣмъ дурно выразить мысли и чувства нашего добраго Государя, твердаго и человѣколюбиваго. Эти мысли и чувства таковы, что, право, безъ лести, Русскіе могутъ и утѣшаться и гордиться, видя его на престолѣ Россіи; они безъ сомнѣнія тронутъ и васъ за границей».

МАНИФЕСТЪ.

Божіею Милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Императоръ и Самодержецъ

Всероссійскій

и пр. и пр. и пр.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Гнусная измѣна поколебала соединенное съ Россіей Царство Польское. Люди злоумышленные, необезоруженные благодѣяніями незабвеннаго Императора Александра, великодушнаго возстановителя страны ихъ, подъ кровомъ дарованныхъ Имъ законовъ, наслаж-

---

49) Манифестъ этотъ произвелъ сильное дѣйствіе на многихъ. Между прочимъ, старый графъ Никита Петровичъ Панинъ, былъ отъ него въ восторгѣ и говорилъ: „Je voudrais aller à Pétersbourg pour voir et embrasser le jeune homme d'état qui a écrit ce manifeste, car il est vraiment d'un homme d'état“. (Я бы желалъ поѣхать въ Петербургѣ, чтобы увидать и обнять молодаго государственнаго человѣка, написавшаго этотъ манифестъ; ибо онъ поистиннѣ государственный человѣкъ). Отцу моему было тогда 45 лѣтъ, а графу Панину за 60.

даясь плодами попеченій Его, готовили въ тайнѣ ковъ для испроверженія учрежденнаго Имъ порядка, и 17-го минувшаго Ноября ознаменовали начало своихъ дѣйствій мятежемъ, кровопролитіемъ, преступнымъ покушеніемъ на жизнь любезнѣйшаго брата нашего Цесаревича Константина Павловича. Пользуясь темнотою вечера, они устремили толпу возбужденной ими неистовой черни къ Дворцу Его; и въ тоже время, въ разныхъ частяхъ Варшавы, распространяя нелѣпый слухъ, что Россійскія войска истребляютъ мирныхъ жителей, успѣли симъ обманомъ увлечь за собою народъ и наполнить городъ всѣми ужасами безначалія. Цесаревичъ, съ собравшимися къ нему Россійскими войсками и тѣми изъ Польскихъ, кои оставались вѣрны своему долгу, расположился близъ Варшавы и рѣшился не дѣйствовать наступательно, чтобы, отвращая всякій поводъ къ новымъ кровопролитіямъ, явно доказать нелѣпость и коварность извѣта и дать гражданскимъ начальствамъ время и средство, при помощи благомыслящихъ жителей, вразумить заблуждающихся и обуздать злонамѣренныхъ. Сія надежда не исполнилась. Правительственный Совѣтъ не могъ возстановить порядка; безпрестанно угрожаемый мятежниками, кои составили изъ среды своей нѣсколько противузаконныхъ обществъ, измѣняя составъ свой удаленіемъ Нами поставленныхъ членовъ и призваніемъ новыхъ, по требованіямъ предводителей бунта, онъ только умолялъ Цесаревича возвратить бывшія съ нимъ Польскія войска въ Варшаву, для спасенія собственности общественной и частной отъ новыхъ расхищеній. Вскорѣ сей Совѣтъ разрушился, и вся власть осталась въ рукахъ одного изъ генераловъ. Между тѣмъ, духъ мятежа распространялся по всѣмъ областямъ Царства Польскаго; вездѣ употребляли тѣ же средства, обманъ, угрозы, обольщенія, чтобы мирныхъ гражданъ поработить владычеству немногихъ возмутителей. Въ сихъ важныхъ и печальныхъ обстоятельствахъ, Цесаревичъ нашелъ необходимымъ, удовлетворяя желанію Правительственнаго Совѣта, дозволить [50]) *малому числу Польскихъ войскъ вѣрными пребывшихъ* возвратиться въ Варшаву, чтобы по возможности охранить личную безопасность жителей, и самъ съ Россійскими полками выступилъ изъ предѣловъ Царства Польскаго. 1-е Декабря, онъ прибылъ въ мѣстечко Влодаву, Волынской губерніи.

Такъ совершилось злодѣяніе, можетъ быть издавна умышляемое. Народъ Царства Польскаго, послѣ столь многихъ превратностей, наслаждавшійся миромъ и благоденствіемъ подъ сѣнію Державы Нашей, снова ввергнутъ въ пучину мятежей и бѣдствій, и минутно овладѣвшая имъ толпа легкомысленныхъ, хотя уже волнуемая страхомъ близкаго наказанія, дерзаетъ мечтать о торжествѣ, и Намъ, своему Государю законному, предлагать условія. Россіяне! Вы знаете, что Мы ихъ отвергнемъ съ негодованіемъ. Сердца ваши, пылающія ревностію къ Престолу, понимаютъ всѣ чувства Нашего сердца. На первую вѣсть о измѣнѣ, вы отвѣтствовали повтореніемъ клятвъ непоколебимой вѣрности, и нынѣ, на всемъ пространствѣ Нашей обширной Имперіи, мы видимъ одно движеніе: всѣ одушевляются однимъ желаніемъ не щадить трудовъ, жертвовать достояніемъ и жизнію за честь Царя своего, за цѣлость Государства. Мы съ умиленіемъ взираемъ на сей великодушный порывъ народной любви къ Намъ и Отечеству и вмѣняемъ Себѣ въ священный долгъ отвѣчать на оный словами успокоенія. Новыя жертвы, новыя усилія будутъ не нужны. Съ Нами Богъ, поборникъ справедливости, и могущество Россіи, однимъ рѣшительнымъ ударомъ, можетъ смирить дерзнувшихъ смутить Ея спокойство. Наши вѣрныя войска, еще недавно прославленныя новыми побѣдами, уже собираются на Западныхъ границахъ Имперіи. Мы готовы карать вѣроломство; но хотимъ отличить невинныхъ отъ преступниковъ, хотимъ миловать и слабыхъ, по слѣпотѣ или боязни слѣдующихъ противозаконному влеченію. Не всѣ подданные Наши Царства Польскаго, не всѣ жители Варшавы были участниками бунта и плачевныхъ его слѣдствій: многіе доказали славною смертію, что знали долгъ свой; другіе, какъ Мы видимъ изъ донесенія Цесаревича, съ слезами отчаянія, принужденно возвратились въ мѣста подвластныя мятежникамъ. Они съ обманутыми и обольщенными, безъ сомнѣнія, составляютъ большую часть войска и народа Царства Польскаго. Мы къ нимъ обращаемся въ воззваніи отъ 5-го сего мѣсяца, въ коемъ, изъявивъ Наше праведное негодованіе къ вѣроломству, повелѣваемъ немедленно положить конецъ своевольствамъ и противозаконнымъ вооруженіямъ, возстановивъ весь прежній порядокъ. Симъ они могутъ еще загладить вины своихъ соотечественниковъ и спасти Царство Польское отъ гибельныхъ послѣдствій... ..... Указавъ имъ единственное средство избавленія, Мы о семъ дѣйствіи Нашего милосердія объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, да видятъ въ немъ и твердую Нашу волю ограждать неприкосновенность правъ Престола и Отечества, и намѣреніе столь же твердое щадить заблужденіе, очищаемое раскаяніемъ.—Россіяне! Примѣръ Царя Вашего будетъ Вашимъ руководствомъ: правосудіе безъ мщенія, непоколебимость въ борьбѣ за честь и пользы Государства безъ ненависти къ ослѣпленнымъ противникамъ, любовь и уваженіе къ тѣмъ изъ подданныхъ

[50]) Эти слова прибавлены рукою Государя.

Нашихъ Царства Польскаго, кои вѣрны данной Намъ клятвѣ; готовность къ примиренію со всѣми, кои возвратятся къ долгу. Вы оправдаете надежды Наши, какъ оправдывали ихъ до нынѣ. Пребывайте въ спокойствѣ, въ твердомъ уповаціи на Бога, всегда благодѣющаго Россіи; въ твердой довѣренности къ Монарху, Который знаетъ великость и святость Своихъ обязанностей: быть хранителемъ цѣлости и достоинства Державы Своей и славы имени Русскаго.

12-го Декабря.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ВОЙСКАМЪ И НАРОДУ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

Совершившееся въ Варшавѣ гнусное злодѣяніе поколебало внутреннюю тишину страны вашей. Извѣстіе о семъ, возбудивъ въ Насъ праведное негодованіе, наполнило сердце Наше прискорбіемъ.

Сборище людей недостойныхъ, безславящихъ имя Польское, дерзнуло умышлять на жизнь Брата Государя вашего; они склонили часть войскъ къ измѣнѣ, и въ ослѣпленной народной толпѣ распространили пагубныя заблужденія на счетъ драгоцѣннѣйшихъ пользъ вашего отечества.

Еще не поздно изгладить минувшее, еще есть время предупредить безчисленныя бѣдствія. Кто не замедлитъ отречься отъ преступнаго, но минутнаго увлеченія, того Мы не смѣшаемъ съ упорными въ злодѣйствѣ. Обитатели Царства Польскаго! Внемлите увѣщанію Отца, повинуйтесь велѣнію Царя вашего.

Мы желаемъ, чтобъ воля Наша и всѣ наши намѣренія были въ точности извѣстны, и повелѣваемъ:

1-е. Чтобъ всѣ задержанные въ Царствѣ Польскомъ Наши Россійскіе подданные были освобождены безъ отлагательства.

2-е. Чтобъ Правительственный Совѣтъ въ первобытномъ своемъ составѣ вступилъ снова въ исправленіе своихъ прежнихъ обязанностей, и во всѣ права власти, коею онъ облеченъ указомъ Нашимъ 31-го Іюля (12 Августа) 1826 года.

3-е. Чтобъ въ столицѣ и областяхъ исполняли безпрекословно предписанія Именемъ Нашимъ посылаемыя изъ Правительственнаго Совѣта, въ прежнемъ онаго, какъ сказано выше, составѣ, не признавая никакой иной власти незаконно-установленной.

4-е. Чтобъ, съ полученіемъ сего, начальники каждаго изъ корпусовъ нашей Польской арміи, немедленно собравъ войска имъ ввѣренныя, шли безостановочно къ Плоцку, гдѣ назначается общее сборное мѣсто Нашей Польской арміи.

5-е. Чтобы начальники корпусовъ неукоснительно донесли Намъ о состояніи командуемыхъ ими войскъ.

6-е. Чтобъ всякое вооруженіе, къ коему преступлено по случаю мятежа въ Варшавѣ и которое не принадлежитъ къ комплекту Нашей арміи, штатомъ опредѣленному, было отмѣнено.

Сообразно сему, поручается мѣстнымъ начальствамъ, отобравъ оружіе у всѣхъ получившихъ оное не на законномъ основаніи, отдать немедленно на сохраненіе стражѣ ветерановъ и жандармамъ того мѣста.

Воины Польской арміи! Во всѣ времена вы славились честію и вѣрностію. Храбрый конно-егерьскій полкъ Нашей гвардіи и нынѣ явилъ новый, навсегда незабвенный, опытъ сихъ доблестей. Воины! Слѣдуйте сему примѣру, оправдайте ожиданія Монарха, коему вы дали клятву вѣрности.

Обитатели Царства Польскаго! Сіе воззваніе докажетъ всѣмъ непричастнымъ къ измѣнѣ, что Мы умѣемъ вѣрить ихъ приверженности, умѣемъ полагаться на ихъ мужество.

Оно для васъ ручательствомъ, что тѣ, кои, бывъ увлечены однимъ мгновеннымъ заблужденіемъ, поспѣшатъ возвратиться къ долгу, не будутъ отринуты.

Но къ вѣроломнымъ, незнающимъ чести, злодѣямъ, возмутившимъ спокойство своихъ согражданъ, не обращается слово Царя вашего. Ужель, прибѣгнувъ къ оружію, они смѣютъ надѣяться измѣной достигнуть исполненія своихъ видовъ и склонить Насъ къ уступкамъ! Вскорѣ увидятъ лживость сихъ преступныхъ надеждъ. Они—губители родной страны своей, и всѣ бѣдствія ей грозящія падутъ на главы ихъ.

Дано въ С. Петербургѣ 5/17 Декабря 1830-го года

ц) „19/31 Декабря.

...... Право не знаю, какъ мнѣ удастся дотянуть свою ношу до пріѣзда Дашкова, который все еще не пріѣхалъ, все еще въ Рязани, или въ дорогѣ, Богъ вѣсть; слухи объ немъ разные, и письма его и жены его доходятъ сюда очень неисправно, благодаря худому состоянію нашихъ замосковныхъ почтъ и карантинамъ, которые во многихъ мѣстахъ доселѣ существуютъ, хотя почти вездѣ холера прекращается. Правда, что еще не совсѣмъ прекратилась даже въ Москвѣ. Ты объ этомъ вѣроятно знаешь изъ газетъ; узнаешь изъ нихъ и объ отъѣздѣ графа Дибича къ арміи. Онъ, вчера ввечеру, отправился въ Динабургъ, гдѣ покуда будетъ его главная квартира. Между тѣмъ войска начинаютъ соби-

раться на западныхъ границахъ; и между тѣмъ также сюда пріѣхали Любецкой и Іезерской, которые можетъ быть воображали себя послами Царства Польскаго. Они получили пріемъ, который должны были ожидать, совершенно сообразный съ словами манифеста 12-го Декабря. Кстати о дѣлахъ Польскихъ: Антуанета разсказываетъ мнѣ о страшномъ метеорѣ, который озарилъ Варшаву и такъ перепугалъ сосѣдственныя деревни, что тамъ ударили въ набатъ. Скажи ей, что этотъ метеоръ былъ въ тотъ самый день 26-го Ноября, когда Государь, получивъ извѣстіе о возмущеніи въ Варшавѣ, объявлялъ его своей гвардіи, et quand Sa garde, pour parler comme Chateaubriand, lui répondit par un cri de fidelité» [51]).

XXII). «Мы получили въ воскресенье Ваше письмо отъ 28-го и съ радостію прочли что̀ пишете о 26 Ноября. Дай Богъ, чтобы гвардія была также усердна на дѣлѣ, какъ на словахъ. Я увѣрена, какъ Вы, что нашъ народъ *не умѣетъ выдавать своихъ Царей*, и что воодушевляетъ его тотъ же духъ, который велъ отцевъ нашихъ къ побѣдѣ, или честной смерти, за Царя и Святую Русь. Мы знали давно все, что̀ Вы намъ пишете о Варшавѣ, но ожидали съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ Петербурга. Здѣсь до сихъ поръ, не смотря на всѣ увѣренія въ противномъ, вѣрятъ, что разбиты были стекла вслѣдствіе уличнаго бунта [52]): вотъ дурныя послѣдствія системы политической скрытности, которой слѣдовали такъ долго у насъ, что даже теперь, когда благоразумно рѣшились печатать правду о всемъ что̀ случается, всетаки подозрѣваютъ какую-то тайну. Вы говорите, что наши письма слишкомъ коротки, однако я записываю все что̀ хоть мало-мальски похоже на извѣстія и буду писать къ вамъ, какъ скоро услышу что либо, что̀ могло бы васъ интересовать; впрочемъ, если маменька не запретитъ, потому что теперь, какъ увѣряютъ, вскрываютъ всѣ письма, даже посланныя съ курьерами; если это правда, тѣмъ хуже для тѣхъ, которые читаютъ: имъ случится иногда найти такія истины, которыя не будутъ совсѣмъ пріятны для нихъ. На столѣ, гдѣ я пишу, лежатъ два прибавленія (Suppléments) къ Journal de St. Ptbourg объ Варшавѣ, и ни слова о восторгѣ, съ которымъ слушали и отвѣчали на рѣчь Государя на парадѣ. Какъ Лаваль не догадливъ! Мнѣ кажется неумѣстна наша скромность на счетъ того, что̀ въ самомъ дѣлѣ дѣлаетъ честь вмѣстѣ Государю и его народу. Печатаютъ большими буквами на самомъ видномъ мѣстѣ въ газетѣ, какой орденъ былъ кому пожалованъ, въ какой день, а помѣщаютъ гдѣ-то въ уголкѣ стереотипнымъ шрифтомъ, возлѣ скучнѣйшихъ отчетовъ министра финансовъ, встрѣчу Государя въ Москвѣ.

Есть такія вещи, которыя бы не дурно перенять у Французовъ; посмотрите на ихъ газеты: не проходитъ дня, чтобъ не сказали что нибудь въ похвалу короля: Le Roi est allé se promener en frac, le bon Roi! Il a conduit la partrouille, l'excellent Roi!— Il s'est baissé pour ramasser le chapeau de Lafayette, oh! le Roi incomparable! Они пользутся всякимъ случаемъ, чтобы сказать, какъ онъ любимъ, и слѣдовательно какъ онъ силенъ: ибо конечно величайшая сила царя состоитъ въ любви его подданныхъ, и мнѣ бы хотѣлось, чтобъ иностранцы знали, что мы любимъ нашего Государя столько же и лучше, чѣмъ они любятъ своихъ.

Антонина».

Манифестъ и воззваніе къ Польскому народу произвели большое дѣйствіе въ Берлинѣ, гдѣ, кажется, не ожидали такихъ рѣшительныхъ мѣръ, потому что вѣрили слухамъ о Богъ вѣсть какихъ опасностяхъ самой Россіи. Я нахожу отголосокъ этого въ письмѣ матушки.

XXIII). „7/19 Декабря.

.... Я съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстій отъ тебя, здѣсь слухи были весьма дур-

[51]) И когда его гвардія, скажу словами Шатобріана, отвѣчала ему единогласной клятвой въ вѣрности.

[52]) Нѣсколько молодыхъ людей, на веселѣ, послѣ ужина, выбили стекла въ ресторанѣ.

ные о Петербургѣ и, въ первую минуту, меня очень обезпокоили, но тотъ часъ же я подумала, что это вздоръ и ничто иное какъ вѣсти, нарочно распущенныя злоумышленниками Польскими. Здѣсь всѣ очень безпокоились; я ихъ увѣряла, что это все ложь и не можетъ быть. Говорили о выбитыхъ стеклахъ, но какъ объ этомъ писали Гагарины и сказывалъ Ремеръ, то я растолковала, что это было ничто иное какъ шалости какихъ-то молодыхъ мальчиковъ, въ чемъ, наконецъ, убѣдились изъ здѣшнихъ Нѣмецкихъ газетъ. Это все наущенія мерзкихъ Французовъ; пора бы намъ поочистить Россію отъ этого яду, чтобъ было спокойствіе у насъ. Вчера мы, Русскіе, праздновали имянины нашего любезнаго Государя, столь достойнаго любви и преданности. Начали обѣдней и молебномъ, гдѣ усердно молились, потомъ у нашего посланника былъ завтракъ для всѣхъ Русскихъ. и графъ Алопеусъ читалъ намъ манифестъ. Между прочими былъ у обѣдни и на завтракѣ одинъ Полякъ, который, когда сдѣлалось возмущеніе (онъ военный) оставилъ Польшу, не хотѣлъ быть съ ними и явился сюда. Не знаю его фамиліи..... Сколько смертей въ газетахъ! Отправился и Benjamin Constant. Я въ одномъ обществѣ говорила: странно, что мы только успѣли прочесть, что Benjamin Constant говорилъ рѣчь въ Камерѣ, и вдругъ за тѣмъ узнаемъ, что онъ умеръ, ударъ что-ли?. На это мнѣ отвѣчали: тѣмъ лучше! Voilà un liberaliste de moins, il serait temps que Lafayette le suive [53].»

Lafayett-a безпрестанно называли въ рѣчахъ, въ адресахъ: „Le héros de deux mondes“ [54]), потому что онъ участвовалъ въ Америкѣ, въ войнѣ за независимость. Langeron, который былъ товарищъ его въ молодости, находилъ смѣшнымъ наивное удовольствіе, съ которымъ онъ принималъ всю эту лесть и похвалу, и говоривалъ о немъ въ это время: «Quand est ce que ce niais de deux mondes passera dans le troisième?„ [55]) При случаѣ одной оваціи, приготовленной Лафайету во время трехъ-дневнаго междуцарствія Іюльскаго, онъ, въ добродушномъ упоеніи славою, представилъ собранному народу Луи-Филиппа Орлеанскаго, рекомендуя его въ короли и прибавилъ: C'est la meilleure des Républiques. Разумѣется, этимъ словомъ воспользовались приверженцы Луи-Филиппа, и безпрестанно его повторяли въ похвалу своего избранника. Одинъ изъ маленькихъ журналовъ не преминулъ поострить надъ этимъ, признавая авторитетъ Лафайета, который сказалъ:

„C'est la meilleure des Republiques“.
Puisqu'il le dit, je le veux bien;
Mais c'est la preuve sans réplique
Que la meilleure ne vaut rien.“ [56])

Въ это время пріѣхалъ изъ Варшавы отпущенный изъ плѣна мятежниковъ одинъ изъ чиновниковъ служившихъ при Дипломатической Канцеляріи Великаго Князя. Онъ былъ племянникъ графа Алопеуса, Финляндецъ кажется, но женатъ на Полькѣ, оттого, можетъ быть, и смиловались надъ нимъ. Онъ первый привезъ намъ подробныя извѣстія о положеніи Русскихъ послѣ выѣзда Великаго Князя изъ Варшавы.

XXIV). „13/25) Декабря.

Хотя письмо это и отправится, можетъ быть, не скоро (писала я къ отцу моему) однако не хочу откладывать и записываю тотчасъ любопытныя подробности, которыя боюсь забыть. Я слышала ихъ сегодня отъ Бюцова, которому посчастливилось получить паспортъ для проѣзда изъ Варшавы сюда. Вы не знаете, можетъ быть, что онъ уже три года женатъ на Полькѣ, что у нихъ дочка лѣтъ около двухъ и что его старшая сестра жила

[53]) Вотъ однимъ либералистомъ менѣе. пора бы Лафайету отправиться туда же.

[54]) Герой двухъ міровъ.

[55]) Когда же этотъ юродивый двухъ міровъ отправится въ третій, т. е. на тотъ свѣтъ?

[56]) Это лучшая изъ республикъ. Пожалуй, мы съ нимъ согласны; но это доказательство, что лучшая изъ республикъ никуда не годится.

съ ними. Утромъ $^{17}/_{29}$ Ноября, т. е. въ два часа пополудни, онъ былъ съ докладомъ у Великаго Князя (Новосильцевъ уѣхалъ въ Россію за нѣсколько дней передъ тѣмъ). Въ половинѣ девятаго вечеромъ, въ тотъ же день, Бюцовъ спокойно пилъ чай съ женою и сестрою, когда имъ послышались крики и что-то похожее на перестрѣлку въ дали; они подбѣжали къ окошку и увидѣли Польскаго жандарма, скачущаго въ карьеръ, преслѣдуемаго тремя людьми во фракахъ, съ обнаженными саблями. Скоро они исчезли изъ виду, но черезъ нѣсколько времени жандармъ опять проскакалъ, но уже потерявъ киверъ, и одинъ изъ его преслѣдователей скакалъ за нимъ, крича: «Дай коня!» На что тотъ продолжалъ отвѣчать: «Не дамъ, не дамъ.» Еще люди показались съ обнаженными саблями и бѣлыми кокардами, бѣгали взадъ и впередъ, размахивая руками и оружіемъ, и вскорѣ явился одинъ Польскій полкъ, который поставили подъ окошками Бюцова (онъ жилъ подлѣ Брюлевскаго дворца). Онъ вообразилъ, что этотъ полкъ приведенъ туда по приказанію Великаго Князя, и когда онъ услышалъ артиллерійскіе выстрѣлы, то пожалѣлъ *о бѣдномъ народѣ*, думая, что былъ какой нибудь шумъ, или смятенье не важное. Однако, въ три часа ночи, гулъ пушекъ былъ опять слышенъ; его безпокойство усилилось, когда услышалъ онъ, что подъ окномъ на улицѣ называютъ его по имени. Жена его уже ушла спать, но сестра была въ такомъ волненіи, что не думала ложиться. Она открыла форточку и увидѣла одного бывшаго служителя ихъ, котораго за нѣсколько дней передъ тѣмъ прогнали за пьянство. Она слышала, какъ онъ говорилъ двумъ вооруженнымъ таварищамъ, что надобно убить Бюцова, если онъ попадетъ къ нимъ въ руки. Тогда Бюцовъ заперъ всѣ двери въ домѣ, и эти люди ушли. На другое утро шуринъ его пришелъ, тоже вооруженный, съ бѣлыми кокардами, совѣтовать имъ всѣмъ перейти въ его домъ, ради безопасности. Они взяли ребенка и всѣ цѣнныя вещи, которыя можно было захватить съ собой и, надѣвъ бѣлыя кокарды, прошли пѣшкомъ черезъ нѣсколько улицъ, гдѣ вооруженные мущины и женщины и даже мальчики семи-восьми лѣтъ, которые съ трудомъ держали ружья, всѣ стрѣляли на авось, въ разныя стороны, безъ всякой цѣли. Бюцовъ провелъ ночь у родственниковъ жены; но тотъ же слуга, о которомъ выше сказано, приходилъ на квартиру Бюцова съ товарищами, не нашелъ его и пришелъ искать его въ домъ шурина. Бюцовъ побоялся ввести въ опасность родственниковъ и отправился съ шуриномъ просить защиты правительства. По дорогѣ ихъ вездѣ встрѣчали съ словами: «Вы Поляки? Пойдемте, выпьемте вмѣстѣ, а тамъ возмите ружья и подеремтесь за отчизну». Они наконецъ добрались до ратуши, въ которой засѣдало ***временное правительство.*** Тамъ Бюцовъ остался три дня подъ его покровительствомъ; тогда ему сказали, что будетъ болѣе безопасно въ Замкѣ, гдѣ находились всѣ другіе Русскіе, и отправили его подъ сильнымъ карауломъ. Его женѣ позволили жить съ нимъ въ его заключеніи, потому что они просто были въ плѣну, гдѣ они оставались около двѣнадцати дней. Наконецъ, ему удалось получить паспортъ въ Берлинъ. Онъ самъ удивляется своему счастью, ибо всѣ Русскіе, которые находятся «sous la sauvegarde de l'honneur national»[57]), просто содержатся подъ стражей какъ заложники. Впрочемъ не было рѣзни, кромѣ убіенія жандарма, котораго добили прикладами ружейными; когда онъ упалъ изнемогающій отъ ранъ... Желаю вамъ счастливаго новаго года, болѣе счастливаго, по крайней мѣрѣ, нежели этотъ, котораго происшествія были таковы, что пали тяжело даже на самыхъ скромныхъ, мирныхъ, частныхъ людей, и точно можно сказать, что мы спали на волканѣ» [58]).

---

[57]) Подъ защитой національной чести (или чести народа).

[58]) Выраженіе это было тогда въ ходу, послѣ статьи Сальванди, описывающей балъ у герцога Орлеанскаго, гдѣ было сказано: „Nous dansions sur un volcan“.

XXV). „$^{17}/_{29}$ Декабря, Берлинъ.

. . . . . . «Я только что кончила учить урокъ на арфѣ къ завтрашнему; уже 12 часовъ ночи; скажу вамъ только, что мы сегодня читали Государево «воззваніе къ войскамъ и народу Царства Польскаго»; не знаю, каково оно на Русскомъ, или на Французскомъ, но на Нѣмецкомъ оно очень, очень хорошо; неужели Несельродъ могъ это написать? Я не думаю, чтобъ онъ былъ въ состояніи: для этого надобно быть Русскимъ.»

XXVI). 24 Декабря (5 Генваря).

. . . . . . «Благодарю тебя очень за манифестъ, который, сколько умѣю судить, мнѣ кажется прекраснымъ (писала матушка) и здѣсь его хвалятъ, хотя въ Нѣмецкомъ переводѣ, и, какъ сказывалъ Бюцовъ, очень дурномъ; когда я его читала, мы всѣ плакали. Воззваніе отъ 5-го тоже очень хорошо и также здѣсь въ большой похвалѣ; говорятъ, что писано на Польскомъ языкѣ. Кто-то его писалъ»?

Среди этихъ заботъ и волненій о миломъ отечествѣ, семейная жизнь все таки шла своимъ обычнымъ, мирнымъ порядкомъ.

XXVII) «Мальчики начали сего дня учиться у унтеръ-офицера Прусской экзерсиціи и безъ памяти довольны. Я это сдѣлала по совѣту Грефа, чтобы они выпрямились и были крѣпче и правда, что они очень дурно держутся съ съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь. Сего дня канунъ Рождества. Я ѣздила ко всенощной; теперь поздно, и я боюсь, чтобы не проспать обѣдни; я же такъ худо сплю по ночамъ и днемъ не могу уснуть».

Я писала въ томъ же уныломъ духѣ, какъ матушка.

XXVIII) „25 Декабря 1830 (6 Генваря 1831).

Начинаю поздравленіемъ съ праздникомъ сегодняшнимъ. Не скажу ничего о моемъ дурномъ настроеніи духа; зачѣмъ печалить васъ моими idées noires? Но хочу извиниться, что вчерашнее письмо было такое короткое; я уже говорила вамъ, что некогда было, а главная причина тому, былъ совершено потерянный вечеръ. Прошлое воскресенье матушка взяла меня съ собою къ м-me Мейендорфъ, и Боже мой, какъ мнѣ было скучно! Молодыя дѣвушки здѣшнія въ самомъ дѣлѣ миленькія, т. е. миловидны, какъ сказывалъ вамъ кто-то. Но зная, что я не говорю понѣмецки, не сказали однако ни одного слова на другомъ языкѣ, такъ что я не могла вмѣшиваться въ разговоръ; *это* никогда не дѣлается у насъ съ иностранкой. Впрочемъ потеря небольшая; я понимала все что говорилось, и что за разговоръ! «Гдѣ вы были вчера?» «такая-то дама была такъ-то одѣта», «на другой было такое-то платье».... и все тому подобное. Почта не пришла въ то утро. Я спросила у одной Русской дамы: «не получила ли она, можетъ быть, письма? Можетъ быть, мы только не получили».—Она отвѣчала холодно, что изъ Москвы только получала письма, а никогда изъ Петербурга. Одинъ служащій при нашемъ посольствѣ, сказалъ: «въ два часа, когда я оставилъ канцелярію, почта еще не пришла; а когда я выхожу изъ посольства, я стараюсь и не думать о немъ.» И это въ такое время, когда всякую минуту кровью обливается сердце, думая о томъ что происходитъ. Могутъ ли эти люди сочувствовать со мною? И могу ли я находить удовольствіе въ ихъ разговорѣ? Зачѣмъ, скажите, вы находите, что хорошо для меня выѣзжать въ свѣтъ? Неужели вы думаете, что это можетъ быть весело? Въ тысячу разъ лучше мнѣ было съ Гаврилой и Дадой. Поклонитесь имъ отъ меня и поздравьте съ новымъ годомъ..... Наконецъ, замѣтивъ вѣроятно мою скуку, м-мъ Папенгеймъ, съ которой я нѣсколько знакома, дала мнѣ альбомъ съ видами Рейна. Я ужъ и такъ была не въ духѣ, а когда я дошла до вида замка рыцаря Brömmer въ Рюдесгеймѣ, мой любимый видъ, послѣдній который я рисовала на урокѣ Ѳедорова, я вспомнила то время, когда мы тамъ были, когда мы съ вами стояли на старомъ балконѣ, разговаривая о бѣдняжкѣ, которая бросилась въ рѣку.... и вотъ книга, видъ, общество при-

торныя Нѣмецкія барышни[59]), все исчезло, мнѣ не видать было ничего, потому что глаза покрылись густой завѣсой слезъ, и я еле могла ихъ удержать. Теперь я знаю по опыту, что̀ значитъ пѣсня, надъ которой мы смѣялись: «*Сижу одна во компаніи*». Мнѣ такъ грустно, что лучше прервать письмо. Однако скажу вамъ: какъ нравится мнѣ манифестъ!»

Это послѣднее письмо 30-го года, которое нахожу въ нашихъ бумагахъ. Годъ кончался нестерпимо тяжело. Все, казалось, рушилось въ политическомъ мірѣ. Россіи грозила опасность, уже загоралась война междоусобная, худшая и злѣйшая изъ всѣхъ войнъ. Французскія газеты всѣхъ оттѣнковъ, которыя мы усердно читали, расходясь между собою во всѣхъ отношеніяхъ, согласны были въ одномъ: въ сочувствіи къ Польшѣ, въ ненависти къ Россіи. Въ Германіи, вся либеральная печать была на той же сторонѣ. Въ самомъ обществѣ Берлинскомъ была цѣлая Польская партія около дома Радзивиловъ, котораго глава, князь Антонъ, былъ женатъ на Прусской принцессѣ Луизѣ, родственницѣ, кажется, двоюродной сестрѣ короля. Это родство, ихъ огромное богатство, красота и успѣхи въ свѣтѣ ихъ старшей дочери Елизы, ставили Радзивиловъ въ какое-то особенное положеніе, и около нихъ составилось что-то въ родѣ маленькаго Двора, со всѣми увлеченіями, страстями, ненавистью, свойственными политической партіи. Такова была наша обстановка. Разлука съ отцемъ, опасность, въ которой онъ находился отъ холеры, неисправность почтъ, разстоянія не сокращенныя тогда ни желѣзными путями, ни телеграфомъ, все это умножало заботы, безпокойства и томительную тоску, которая одолѣвала въ промежутки между полученіемъ каждаго письма; а извѣстія, самыя искаженныя, самыя злонамѣренныя, долетали ежеминутно изъ Wilhelmstrasse, гдѣ былъ палацъ Радзивила. И тѣмъ больнѣе, тѣмъ несноснѣе было все это, что мы во всю жизнь привыкли смотрѣть на Поляковъ какъ на Русскихъ, даже на Поляковъ подданныхъ Пруссіи, или Австріи; ибо большею частью они были такъ называемые смѣшанные подданные.

Не дай Богъ переживать еще такую пору!

Зимній Дворецъ.
1871

---

[59]) Я послѣ коротко познакомилась и очень полюбила многихъ изъ этихъ барышень, которыхъ разговоръ показался такой глупый, съ непривычки къ пустому говору салонному, въ которомъ обмѣниваются не мыслями, а только словами при первой встрѣчѣ. Это поражаетъ всегда новаго человѣка съ перваго раза. Недавно моя маленькая племянница, 12-ти лѣтняя, воротясь изъ гостинной матери, куда дѣтей призывали по Англійскому обычаю послѣ обѣда съ гостьми, сказала въ недоумѣніи своей нянѣ: „Я бъ хотѣла знать, не ужели у меня будутъ такіе глупые разговоры, когда я буду большая? Всѣ эти гостьи только и говорятъ что о платьяхъ и нарядахъ, и даже мужчины тоже.“

Такимъ образомъ второе поколѣніе тоже удивляется, какъ мы; что значитъ свѣжій глазъ и свѣжій умъ! И племянница моя, маленькая Анюта, перестанетъ удивляться и недоумѣвать, какъ я перестала: она свыкнется, а можетъ быть и слюбится съ такими разговорами.—„Tutto il mondo è come la nostra famiglia“ (Цѣлый свѣтъ похожъ на насъ).

ИСТОРІЯ ИЗДАНІЯ «ОПЫТА О ЧЕЛОВѢКѢ» ВЪ ПЕРЕВОДѢ ПОПОВСКАГО.

Первое письмо „Опыта о человѣкѣ" Попе было переведено студентомъ академіи наукъ Николаемъ Поповскимъ въ 1753 году. 23 Августа того же года Ломоносовъ сообщилъ этотъ переводъ И. И. Шувалову съ увѣреніемъ, что „въ немъ нѣтъ ни единаго стиха, который былъ бы имъ поправленъ". 28 Марта 1754 года Ломоносовъ увѣдомлялъ Шувалова, что „Поповскій свой переводъ *всѣхъ* стиховъ Попіевыхъ, нѣсколько еще исправленныхъ, сегодня въ канцелярію для посылки его сіятельству отдалъ" [1]). Поповскій не зналъ поанглійски и переводилъ „Опытъ о человѣкѣ" съ прозаическаго Французскаго перевода, сдѣланнаго Силуэттомъ [2]). Поповскій признавался, что нѣкоторыя мѣста Французскаго перевода были ему „не весьма вразумительны"; „сіе происходило отъ моего ли слабаго разсужденія или отъ ***темности переводу Французскаго,*** не знаю," прибавляетъ онъ. Гравюры, приложенныя къ переводу Поповскаго, взяты съ тѣхъ, которыя были приложены къ нѣкоторымъ изданіямъ перевода Силуэтта и были выгравированы ***J. Punt***'омъ съ картинъ, написанныхъ Блекеемъ (Blakey) [3]). Печатаніе перевода Поповскаго встрѣтило препятствія со стороны духовной цензуры, которая нашла, что издатель оныя книги ни изъ Св. Писанія, ни изъ содержимыхъ въ православной нашей церкви узаконеній ничего не заимствуя, единственно всѣ свои мнѣнія на естественныхъ и натуральныхъ понятіяхъ полагаетъ, присовокупляя къ тому и Коперникову систему, также и мнѣнія о множествѣ міровъ, Св. Писанію совсѣмъ несогласныя [4]). „Сумнительными" цензура признала въ первомъ письмѣ стихи 36, 50, 75, 461, 465, 468, 475. и 540; во второмъ—5, 196 и 285—315; въ третьемъ 45, 76, 265—300, 440—475, 510 и 545; въ четвертомъ: 26—46, 135, 575 и 576. [5]) На этихъ основаніяхъ духовная цензура отказала Шувалову въ позволеніи напечатать „Опытъ о человѣкѣ." Шуваловъ, признавая книгу Поповскаго „весьма небезполезною учащемуся юношеству," передалъ ее для разсмотрѣнія архіепископу Амвросію, человѣку, „разумъ котораго (по отзыву Новиковскаго Словаря о Россійскихъ писателяхъ) былъ просвѣщенный, чуждъ суевѣрія и лицемѣрія." Архіепископъ озаботился, чтобы въ переводѣ Поповскаго не осталось ничего о „множествѣ міровъ, Коперниканской системы и натурализму склоннаго." Съ этою цѣлью на 17-й страницѣ (по первому изданію „Опыта") Амвросій выкинулъ слѣдующіе шестнадцать стиховъ [6]) изъ перваго письма „Опыта" (стихъ 461 и слѣд.)

Міръ каждый въ степеняхъ порядокъ наблюдаетъ
И чинъ въ теченіяхъ всечасно наглядаетъ;
Но чинъ сей надлежитъ не только для него,
Какъ и до зданія вселенныя всего.
Въ единомъ изъ міровъ малѣйшій непорядокъ
Не одного его приводитъ лишь въ упадокъ,

---

[1]) Сочиненія Ломоносова, изданіе Смирдина I, 677. Его сіятельству—президенту Академіи, гр. Разумовскому.

[2]) Essai sur l'homme par M. Pope. Traduit de l'anglois. Amsterdam. 1738 (безъ имени переводчика). Перепечатывался много разъ; вошелъ въ Oeuvres diverses de M. Pope. Tome second, contenant les pieces traduites en prose. 1749. Amsterdam et Leipzig. Это послѣднее изданіе вновь перепечатано съ гравюрами въ 1754 году. Силуэттъ жаловался, что его переводъ напечатанъ былъ въ Парижѣ съ ошибками и *измѣненіями* по причинамъ, которыя онъ не считалъ нужнымъ сообщать читателю.

[3]) Напр. въ Oeuvres diverses de M. Pope. Amserdam. 1754. Одно изъ великолѣпнѣйшихъ изданій перевода Силуэтта (по шрифту и гравюрамъ) было напечатано въ 1745 г. въ 4 д. л. Оно носитъ заглавіе: Essai sur l'homme, par monsieur Alexandre Pope. Traduction francoise en prose par M-r S ****. Nouvelle édition avec l'original anglois, ornée des figures en taille douce. A Lausanne et à Genève.

[4]) Библіограф. Записки 1858, стр. 489.

[5]) Тамъ же, стр. 490.

[6]) Въ замѣнъ ихъ, духовнымъ цензоромъ написано было только *двѣнадцать* стиховъ.

Но всѣхъ другихъ міровъ и весь вселенной кругъ
Къ паденью страшному влечетъ съ собою вдругъ:
Оставитъ тутъ земля свой путь въ минуту кратку,
Хотя то тамъ, то тутъ, безъ чину и порядку,
И солнце, и луна, и весь строй свѣтлыхъ звѣздъ
Подвигнутся съ своихъ въ нестройномъ бѣгѣ мѣстъ,
И ангели съ круговъ, которыми владѣютъ,
Въ семъ замѣшательствѣ стремглавъ снисшасть имѣютъ;
Тогда бы тварь на тварь, и міръ на міръ упалъ,
Вся твердь бы потряслась, весь свѣтъ бы возстоналъ.

Вмѣсто этихъ стиховъ, выброшенныхъ „за несходство ихъ съ авторомъ" (по словамъ Амвросія), архіепископъ положилъ „другіе стихи противъ точнаго Французскаго перевода" [7]). Амвросій, какъ видно, имѣлъ подъ руками не тотъ близкій къ оригиналу прозаическій переводъ „опыта о человѣкѣ" Силуэтта, которымъ пользовался въ своемъ трудѣ Поповскій, но стихотворный переводъ аббата Дю-Ренеля. По крайней мѣрѣ, стихи, вставленные Амвросіемъ въ замѣнъ вышеприведенныхъ, оказываются довольно близкимъ переложеніемъ стиховъ Дю-Ренеля [8]).

Кромѣ того пр. Амвросій отмѣтилъ въ переводѣ Поповскаго „противное Св. Писанію и политическому узаконенію и вмѣсто того, безъ дальной перемѣны, въ одних токмо терминахъ исправилъ". При этомъ исправленіи онъ обратилъ вниманіе на тѣ мѣста, которыя были признаны „за сумнительныя" духовною цензурою, разсматривавшею переводъ Поповскаго до Амвросія: большая часть указанныхъ ею „сумнительныхъ" мѣстъ книги онъ замѣнилъ своими стихами и кромѣ того призналъ необходимымъ передѣлать нѣсколько стиховъ, ускользнувшихъ отъ вниманія прежняго цензора [9]).

Такимъ образомъ духовною цензурою исключены были изъ рукописи Поповскаго слѣдующіе стихи:

Въ первомъ письмѣ:

ст. 37. Хотя тѣмъ мірамъ нѣтъ предѣловъ, ни числа,
Въ которыхъ Богъ свои являетъ намъ дѣла.
ст. 49. Коль многія живутъ и разны существа
На каждой изъ планетъ для славы божества.
ст. 93. Но напротивъ того всесильный нашъ Творецъ
Съ намѣреніемъ вдругъ имѣетъ и конецъ
ст. 125. Онъ столько смертному далъ совершеннымъ быть,
Сколь много совершенствъ онъ могъ въ себя вмѣстить,
ст. 225. Вопи, что ежели несчастны человѣки,
Коль не дано однимъ жить въ безконечны вѣки,
Когда не объ однихъ печется божество,
Всѣхъ совершенствъ въ одно не влило существо.
ст. 242. И ангелъ бы хотѣлъ за Бога почитаться
ст. 298. Всѣмъ смертнымъ мудро жить, безстрастно и исправно
ст. 498. А Богъ душа, что все сіе устроилъ дѣло,
Хоть премѣняется во всякомъ существѣ,
Но во своемъ одинъ и тотъ же естествѣ.
ст. 504. Въ зефирахъ холодитъ, цвѣтетъ на деревахъ.
ст. 507. Не раздѣляется, но всѣмъ себя дѣлитъ.
ст. 535. Хотя бы въ мірѣ семъ, хотябъ въ другомъ ты былъ.
ст. 554. Невѣдомое въ немъ все строитъ мастерство.

---

[7]) Библіограф. Записки 1858 года, стр. 490.

[8]) У Дю-Ренеля это мѣсто сокращено, также какъ у Амвросія, и рѣзкости подлинника сглажены. Для сравненія съ цензурными стихами, напечатанными въ Русскомъ переводѣ, прилагаемъ соотвѣтствующіе стихи Дю-Ренеля:

Si chaque tourbillon où nagent les planètes,
Se meut différemment selon des lois secrètes;
Si conservant toujours un ordre merveilleux,
Il forme, il affermit l'assemblage des cieux:
Qu'une seule planète en rompe l'harmonie,
Des autres tourbillons tout-à-coup désunie,
Elle entraine en tombant tous les globes divers,
Qui par leur union forment cet Univers.
De son centre ébranlé la terre derangée
Sera dans le chaos au même instant plongée;
Les astres, les soleils, l'un sur l'autre entassés,
Par les globes voisins ne sont plus balancés etc.

[9]) Къ отмѣченнымъ духовною цензурою сумнительнымъ мѣстамъ Амвросій прибавилъ въ первомъ письмѣ стихи 93, 125, 225, 242, 298, 498, 504, 507, 535; въ четвертомъ письмѣ стихъ 65.

Во второмъ письмѣ измѣнены слѣдующіе стихи:

ст. 195. Возможноль страсти намъ почесть вредомъ какимъ?
ст. 284 Иль внутренность, или подагру вводитъ вновь.
ст. 289. Не долженъ истреблять онъ въ насъ страстей конечно,
Но токмо управлять волненіе сердечно;
Плѣнившую насъ страсть не долженъ выгонять
И съ нею такъ какъ другъ, не недругъ поступать,
ст. 295. Различными страстьми туда мы и сюда,
Какъ сильнымъ вѣтромъ трость, колеблемся всегда.

Въ третьемъ письмѣ передѣланы:

ст. 45. *Превѣчной* цѣпи сей, что утвердилъ Творецъ,
Скажи, о смертной! мнѣ, нашелъ ли ты конецъ.
ст. 75. Которой кожей *волкъ* [10]) отъ мраза прежде грѣлся,
Въ ту нынѣ ужь герой или монархъ одѣлся.
ст. 545. Пусть спорятъ глупые ревнители чрезъ мѣру,
Которую почесть всѣхъ должно лучше вѣру;
Котора главному насъ всѣхъ концу вредитъ,
Та вѣра на себѣ имѣетъ ложный видъ.

Въ четвертомъ письмѣ измѣнены:

ст. 65. Ни звѣрской лютостью наполненный тиранъ,
Ни крови жаждущій разбойникъ согражданъ.... [11])
ст. 239. Но кто, кромѣ Творца, другой тебя увѣритъ,
Кто правдою живетъ, кто льститъ и лицемѣритъ?
Святаго духа полнъ тѣмъ кажется Кальвинъ,
Другимъ онъ адскій сынъ, наперсникъ сатанинъ.
ст. 271. Бездѣльникъ достаетъ чрезъ земледѣльство хлѣбы
И мореплаваньемъ находитъ всѣ потребы.
ст. 316. Хранящаго покой всеобщій гражданина
Почти величествомъ монаршескаго чина.

Наконецъ Амвросій оставилъ безъ измѣненія слѣдующіе стихи, показавшіеся духовной цензурѣ сомнительными: въ первомъ письмѣ 75 и 475; во второмъ ст. 5 и стихи 296—315; въ третьемъ письмѣ ст. 265—300, 440—475, 510 и въ четвертомъ стихи 26—46, 135, 575 и 576. Послѣ такихъ передѣлокъ Русскій переводъ „Опыта о человѣкѣ" разрѣшенъ былъ къ напечатанію.

Шуваловъ, принимавшій живое участіе въ изданіи труда Поповскаго, который былъ уже въ то время профессоромъ Московскаго университета, требовалъ, чтобы переводчикъ исправилъ стихи, вставленные Амвросіемъ и не имѣвшіе размѣра, согласивъ ихъ смыслъ съ измѣненіями цензуры [12]). Но Поповскій отказался исполнить желаніе куратора и навязать Англійскому поэту мысли, которыхъ не было въ его знаменитомъ „Опытѣ." Ссылаясь на трудность подобной работы, Поповскій напротивъ въ первомъ изданіи своего перевода выдѣлилъ стихи, измѣненные духовною цензурою, изъ своихъ собственныхъ, напечатавши первые болѣе крупнымъ шрифтомъ противъ того, какимъ набранъ былъ его переводъ „Опыта." Въ предисловіи Поповскій сверхъ того предполагалъ, по видимому, объяснить происхожденіе стиховъ, напечатанныхъ крупнымъ шрифтомъ, но кураторъ удержалъ его отъ этого поступка. Въ Октябрѣ 1757 г. Шуваловъ писалъ директору Московскаго Университета И. И. Мелиссино: „Высокородный господинъ, Императорскаго Московскаго Университета директоръ! Предисловіе, сочиненное господиномъ Поповскимъ къ книгѣ Попія, печатать съ отмѣною, чтобъ подлинныхъ стиховъ господина Поповскаго, переправленныхъ Синодомъ, не печатать и въ предисловіи оное перемѣнить въ концѣ, гдѣ о оныхъ стихахъ упоминается. И какъ сей переводъ господину Поповскому много чести принесетъ, то я уповаю, что скоро первое изданіе раскупятъ, а второе напечатаетъ, можетъ быть, какъ отъ него переведено безъ поправленія было.

---

[10]) Въ печатномъ: *звѣрь*.

[11]) Въ печатномъ:
Ни сильный въ державѣ надъ подданными царь,
Ни землю орющій для податей пахарь.

[12]) Біограф. Словарь проф. Моск. Унив. II, 133.

Кураторъ Иванъ Шуваловъ“ [13]). Приказаніе это было исполнено, но въ концѣ предисловія переводчикъ не преминулъ дать отвѣтъ и духовной цензурѣ, и самому куратору въ слѣдующихъ словахъ: „Какъ матерія сія нѣжная, то можетъ найтись *кому нибудь* нѣчто и сомнительное въ разсужденіи нашей религіи, въ чемъ однако *справедливый* читатель меня извинитъ для двухъ причинъ: первая, что я не богословъ, и потому простительно мнѣ будетъ естьли гдѣ не могъ усмотрѣть несходства съ нашею религіею; второе, что я не критикомъ былъ, но переводчикомъ; слѣдовательно хотя бы и усмотрѣлъ нѣчто противное, однако *поправлять не имѣлъ никакого права*. Я только старался какъ можно ближе подходить къ Французскому переводу; и такъ *сомнительныя* [14]) мѣста могутъ больше причтены быть Французскому переводчику, которому я слѣдовалъ, нежели мнѣ.“

Предисловіе Поповскаго набиралось въ то время, когда текстъ перевода „Опыта о человѣкѣ“ былъ уже отпечатанъ. 14 Августа 1757 года Мелиссино далъ канцеляріи Московскаго Университета слѣдующее „извѣстіе“: „Его высокопревосходительство (т. е. Шуваловъ) изволилъ мнѣ именно приказать послать въ канцелярію извѣстіе, чтобъ, не дожидаясь апробаціи его высокопревосходительства, печатать сочиненія господина Ломоносова, также и переводъ господина Попія. Того ради канцеляріи университета приказать безъ всякаго отлагательства оныя печатать и чтобъ было каждаго выхода по тысячѣ двѣсти экземпляровъ.“ Шуваловъ заботился не только о безотлагательномъ напечатаніи труда Поповскаго, но и объ изящномъ его изданіи: онъ выбиралъ гравюры, приложенныя къ Русскому переводу „Опыта“ [15]). Въ началѣ Октября Шуваловъ писалъ директору Университета: „Посланной отъ меня манускриптъ перевода господина Поповскаго сочиненія Попія прислать ко мнѣ возвратно.“ Въ томъ же мѣсяцѣ печатаніе книги было кончено, и 3 Ноября Шуваловъ въ ордерѣ на имя Мелиссино сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „Цѣна на книгу *Опытъ о человѣкѣ* довольная, по доношенію господина Хераскова, положена, которую (ежели она приведена совсѣмъ въ совершенство) извольте приказать продавать по шестидесяти копѣекъ.“ Наконецъ, Шуваловъ принялъ участіе и въ распространеніи книги Поповскаго, какъ видно изъ слѣдующаго его ордера: „Напечатанной *Опытъ о человѣкѣ* прислать сюда въ Санктпетербургъ, немедля, 400 экземпляровъ, за которые отсюда деньги перешлются. По полученіи же сего ордера, въ будущую почту, прислать экземпляровъ 15, буде больше не возможно, въ счетъ означеннаго числа.“

Такимъ образомъ студенческій трудъ Поповскаго вышелъ въ свѣтъ только черезъ три года по доставленіи его въ полномъ видѣ Шувалову. За нѣсколько мѣсяцевъ до полученія отъ Поповскаго перевода перваго письма „Опыта о человѣкѣ“, Ломоносовъ доносилъ въ Канцелярію Академіи Наукъ: „Николай Поповскій *задаваемыя ему отъ меня* разныя матеріи стихами сочинялъ и *переводилъ* весьма изрядно и нынѣ имѣетъ опытъ своего искусства въ переводѣ стихами, который уже, по соизволенію Канцеляріи Академіи Наукъ, къ печа-

---

[13]) На копіи письма помѣта „получено 15 Октября.“ См. *Книга записная отъ его высокопревосходительства Ивана Ивановича Шувалова ордеромъ 1757 г.* (въ библіотекѣ Москов. Университ.)

[14]) Это именно выраженіе употребила духовная цензура о стихахъ, подвергшихся измѣненію.

[15]) Въ 1757 г. Шуваловъ писалъ директору Университета: „Къ прежде посланнымъ тремъ выгродорованнымъ Попія фигурамъ и послѣднія двѣ на прошедшей недѣлѣ посланы.“ Гравюры были тиснуты въ Моск. Синадальной типографіи, потому что университетская еще не имѣла становъ. *Біогр. Сл. проф. Моск. Ун. II*, 314.

танію отданъ“ [16]). Не принадлежалъ ли и переводъ „Опыта о человѣкѣ“ къ числу работъ, заданныхъ Поповскому Ломоносовымъ? Это весьма вѣроятно. По видимому, „Опытъ“ Попе пользовался въ то время уваженіемъ и въ средѣ ученыхъ спеціалистовъ. Извѣстный физикъ Рихманъ, который палъ жертвою своихъ наблюденій надъ электричествомъ, и котораго Ломоносовъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ назвалъ „лучшимъ професоромъ“ тогдашней Академіи Наукъ, удѣлилъ часть досуга отъ своихъ ученыхъ занятій на переводъ перваго письма „Опыта о человѣкѣ“ на Нѣмецкій языкъ [17]). Рекомендованный въ члены Петербургской Академіи Наукъ сильнымъ А. И. Остерманомъ, Рихманъ изъ домашнихъ учителей графа перешелъ въ 1736 г. въ студенты по физическому классу и 20 Февраля 1741 признанъ достойнымъ професорскаго званія [18]). Это было уже послѣ паденія его знаменитаго покровителя, который въ Январѣ тогоже 1741 года сосланъ былъ въ Сибирь. Ученикъ Рихмана Ѳедоръ Остерманъ былъ не „въ авантажѣ“ въ это время: его лишили ленты ордена Александра Невскаго и перевели изъ гвардіи въ армію. Именно въ эту тяжелую для Ѳедора Остермана эпоху, черезъ нѣсколько дней послѣ публичнаго приговора его отцу (18 Января), напомнилъ о себѣ Рихманъ своему молодому ученику, доставивши ему свой переводъ перваго письма „Опыта о человѣкѣ,“ которое носило заглавіе: Von der Natur und dem Zustande des Menschen in Absicht auf die Welt. Не безъ намѣренія, можетъ быть, а не ради одного размѣра замѣнилъ Рихманъ обращеніе Попе къ графу Болингброку: Awake, *my John*! словами Mein Graf [19]). Начало „Опыта о человѣкѣ“ имѣло, въ устахъ Рихмана, примѣненіе къ тогдашнимъ обстоятельствамъ Ѳедора Остермана. Вотъ это начало по переводу Рихмана:

Weil sichs, mein Graf, nur vor den Stoltz
und Ehrgeitz grosser Fürstenschickt,
So wollen wir ihrer schlechten Wahl die
Kleinigkeiten alle gönnen,
Wir, weil wir sterben, da wir kaum, was
um uns ist, vorm Tod erblickt,
Wir müssen diese kurtze Zeit so gut gebrauchen, wie wir können.
Drum hurtig, lasst uns doch noch vor des
Menschen Spiel-und Schau-Gerüst
Und drauf desselben kurtzen Tandl mit
freyem Geist beschauen.
Hier ist ein weiter Labyrinth, der doch
nicht ohne Regeln ist,
Hier ist ein oedes Distel-Feld gezierl mit
bunten Blühmen-Auen.
Hier ist ein Garten so uns reitzt und locket mit verbothner Frucht.
Wohlan getrost! Wir wollen frisch daszelbe
weite Feld durchstreichen,
Den wahren Grund von allem dem, was man
theils im Verborgnen sucht,
Theils was uns vor den Augen liegt, wo
möglich suchen zu erreichen;
Die tiefsten Oerter, alles das, was in verborg'nen Höhlen kreucht
Das alles wollen wir uns unterstehen auszuspühren.
Auf Höhen, wo man schwindlich wird, wo
alles unserm Aug' entweicht,
Auf alles das soll unsere Geist sein fortgesetztes Dencken führen.

[16]) Матеріалы для біогр. Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 190.

[17]) Экземпляръ этого перевода, писанный собственною рукою Рихмана, находится въ библіотекѣ Московскаго Университета. На заглавномъ листѣ рукописи надпись (вѣроятно, сдѣланная Остерманомъ): Werthes Geschenck von dem Hr. Professore Richmann. За тѣмъ другою рукою приписано: Obiit mense Julio 26 1753 Petropoli perculsus a Fulmine, cum pervestigationi ulteriori Electricitatis indagaret hora prima pomeridiana in aedium vestibulo Academiae sculptoris Joh. Sokolof. Ampliorem descriptionem casus v. in Novis publicis Petrop. 1753, № 62.“ Внизу той же страницы подпись владѣльца: „Ѳедора Остермана.“

[18]) Пекарскій, Исторія Имп. Ак. Н. I, стр. XI, 697.

[19]) Это выраженіе употребляетъ Рихманъ и въ письмѣ къ Остерману, при которомъ посланъ былъ послѣднему Нѣмецкій переводъ „Опыта“.

Рихманъ переслалъ Остерману свой переводъ съ слѣдующимъ письмомъ, помѣщеннымъ въ концѣ рукописи:

„Mit diesem schlechten Versuch einer Uebersetzung eines Englischen Briefes des Herrn Alexander Pope Esqr. nimmt die Freyheit sich in Ew. Hochgeb. beständiges hochgeneigtes Andencken zu empfehlen

Ew. Hochgebohren
meines werthesten Herrn Grafen
gehorsahmster Diener

Richmann.

S. Pet. den 4 Febr. 1742.

Прибавимъ, что графъ Θедоръ Остерманъ „любилъ науки и Латинскій языкъ" и переписывался на этомъ языкѣ съ митрополитомъ Платономъ, „у котораго онъ въ старости учился богословію" [20]).

Н. Тихонравовъ.

---

[20]) Б. Каменскій, *Слов.* достоп. людей Русской земли, IV, 92.

ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

I. Письмо Н. М. Карамзина къ князю Андрею Ивановичу Вяземскому.

Это письмо было написано по отъѣздѣ князя Андрея Ивановича Вяземскаго изъ Москвы въ Нижній Новгородъ, куда назначенъ онъ былъ Нижегородскимъ и Пензенскимъ намѣстникомъ или генералъ-губернаторомъ. Оно даетъ нѣкоторое понятіе о личности князя, о домѣ его и средѣ, которой онъ былъ средоточіемъ, о сношеніяхъ его съ молодымъ литераторомъ, сношеніяхъ уже довольно пріязненныхъ, еще гораздо прежде того времени, когда Карамзинъ вступилъ въ семейство его. Письмо это еще, можетъ быть, любопытно и тѣмъ, что нѣсколько знакомитъ съ обстановкою и настроеніемъ Московскаго общества той эпохи или, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторою частію этого общества.

Наши новѣйшіе романисты и повѣствователи обыкновенно представляютъ намъ Москву, созданную и описанную Грибоѣдовымъ. Вольно же было умному Чацкому, если только онъ въ самомъ дѣлѣ былъ уменъ, закабалить и закрѣпить себя Фамусову и обществу, которое около него собиралось. Вольно же было ему влюбиться въ *негодяйку*, какъ самъ Грибоѣдовъ называетъ героиню комедіи своей, Софью Павловну *); негодяйку, которая, къ несчастію, сдѣлалась въ послѣдствіи образцомъ и родоначальницею почти всѣхъ героинь нашей новѣйшей повѣствовательной литературы. Вотъ въ чемъ заключается настоящее горе Чацкаго, а вовсе не въ умѣ, который тутъ совершенно въ сторонѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что домъ князя Вяземскаго, по умственному движенію, которое въ немъ господствовало, былъ не единственнымъ исключеніемъ въ Москвѣ; но были и другіе кружки болѣе или менѣе доступные изящнымъ и благороднымъ развлеченіямъ образованнаго общежитія. Просвѣщенные Европейскіе путешественники, посѣщавшіе тогдашнюю Москву, умѣли оцѣнить ее, и не рѣдко въ путевыхъ запискахъ ихъ встрѣчаемъ сочувственные отзывы о Московскомъ житьѣ-бытьѣ.

*) Смотри Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву, изданіе общества Любителей Россійской Словесности при Москов. Унив. М. 1860, стр. 18.

*

Сіятельный князь.
Милостивый государь,
Князь Андрей Ивановичъ!

Будучи верстъ за триста отъ Москвы *) и переѣзжая изъ одной деревни въ другую, имѣлъ я честь получить ваше письмо отъ 24 Сентября только за нѣсколько дней передъ симъ. Хотя оно и долго было въ дорогѣ, однакожъ тѣмъ не менѣе обрадовало меня и возобновило въ моемъ сердцѣ чувство признательности за ваше ко мнѣ милостивое расположеніе. Занимаясь дѣлами важной должности, вы находите еще время помнить и такихъ неважныхъ въ чиновномъ свѣтѣ людей, какъ я, помнить и обязывать ихъ знаками вашей благосклонности! Мнѣ остается чувствовать всю цѣну ея, и утѣшаться мыслію, что я нѣкоторымъ образомъ заслуживаю оную моею сердечною и самою безкорыстною къ вамъ привязанностію.

Вы заблаговременно жалуете мнѣ патентъ на право гражданства въ будущей *Утопіи*. Я безъ шутки занимаюсь иногда такими планами и, разгорячивъ свое воображеніе, заранѣе наслаждаюсь совершенствомъ человѣческаго блаженства. Для чего не сочинять намъ романовъ, когда вся жизнь наша есть ничто иное какъ романъ, отчасти подобный романамъ

*) Карамзинъ не рѣдко гостилъ у П. И. Плещеевой въ Орловской губерніи *П. Б.*

дѣвицы *Скюдери*? [1]) Всему есть время, и сцены перемѣняются. Когда цвѣты на лугахъ Паѳосскихъ теряютъ для насъ свѣжесть и красоту свою, мы перестаемъ летать зефиромъ и заключаемся въ кабинетѣ для философскихъ мечтаній и умствованій, скучныхъ румяному и вѣтренному юношѣ, но пріятныхъ такому человѣку, у котораго на лбу, холодною рукою времени, рисуются уже морщины. Лучше читать Юма, Гельвеція, Мабли, нежели въ томныхъ элегіяхъ жаловаться на холодность или непостоянство красавицъ. Такимъ образомъ скоро бѣдная Муза моя или пойдетъ совсѣмъ въ отставку, или. . . будетъ перекладывать въ стихи *Кантову* Метафизику съ Платоновою Республикою.

Какъ скоро получу Пазиграфію [2]) немедленно отправляю ее къ вамъ. Прочитавъ въ журналѣ извѣстіе о семъ изобрѣтеніи, я тоже подумалъ, что̀ и вы, и также вспомнилъ Сарти [3]); но люди, достойные вѣроятія, напримѣръ извѣстный Сикаръ, увѣряютъ [4]); что въ сей выдумкѣ нѣтъ ни малаго шарлатанства, и что 12 правилъ и 12 знаковъ, нужныхъ для разумѣнія Пазиграфіи, всякой пойметъ въ часъ. Можетъ быть, она есть ничто иное какъ грамматика общаго іероглифическаго языка, основаннаго на самыхъ простыхъ и легкихъ правилахъ; но какъ же обойтись безъ лексикона? Не знаю. Подождемъ и увидимъ. Между тѣмъ *Волке*, бывшій профессоръ въ Петербургѣ, увѣдомляетъ ученую публику, что онъ еще прежде Французовъ изобрѣлъ общій языкъ для глазъ и слуха, но по нѣкоторымъ причинамъ не могъ до сего времени обнародывать своихъ идей, которыя скоро будутъ имъ приведены въ систему и публикуются. Еще какой-то Англичанинъ печатаетъ въ Лондонѣ *Паноірафъ* [5]) своей выдумки. Надѣюсь что всѣ сіи *Пази* и *Паны* дойдутъ до насъ, не смотря на новую коммиссію строгихъ ценсоровъ, которые, какъ слышно, будутъ на границѣ разсматривать всѣ иностранныя, входящія въ Россію, книги.

Военныя происшествія взяли другой оборотъ въ Германіи. Французы много потеряли. Чудныя дѣла дѣлаются! Исторія человѣчества становится вѣкъ отъ вѣка интереснѣе. Одни говорятъ, что въ ней нѣтъ ничего новаго; а другіе, что въ ней все ново, и никакихъ повтореній не бываетъ. Какъ бы то ни было, и чѣмъ бы ни кончилась нынѣшняя война, можемъ сказать смѣло, что важныя, великія перемѣны готовятся въ политической системѣ Европы.

Отсутствіе ваше чувствительно въ Москвѣ для всѣхъ тѣхъ, которые имѣли честь и удовольствіе проводить иногда вечерніе часы въ вашемъ домѣ [6]), пріятномъ для Музъ, Грацій,

---

[1]) Дѣвица Скюдери, Французская писательница XVII вѣка, извѣстная своими длинными и скучными романами.

[2]) *Пазиграфія* всеобщая или всемірная азбука, искуство писать на одномъ нарѣчіи такъ, чтобы оно и безъ перевода было понятно тѣмъ, которые не знаютъ того языка. Здѣсь вѣроятно идетъ рѣчь о способѣ, изобрѣтенномъ въ 1797 г. какимъ-то Мемье (Maemien,) который предлагалъ изображать слова всѣхъ извѣстныхъ языковъ общими условными знаками.

[3]) Неизвѣстно, о какомъ Сарти здѣсь говорится. Сарти знаменитый въ свое время Итальянскій музыкальный композиторъ, находился въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины и умеръ въ Петербургѣ въ 1802 г.

[4]) Сикаръ, Французскій аббатъ, посвятившій жизнь свою ученію глухо нѣмыхъ.

[5]) Панографъ—тоже родъ всеобщихъ письменъ.

[6]) Нынѣ княгини Н. В. Долгоруковой, близъ Пречистенки, въ тупомъ переулкѣ, у бывшаго Колымажнаго двора. *П. Б.*

философовъ и свѣтскихъ людей. Какое превращеніе! Тамъ, гдѣ прежде слушали мы или плѣнительные звуки музыки или разговоры занимательные для сердца и разума, гремятъ теперь рубли, которые сыплются изъ мѣшковъ или въ мѣшки господина Диккенсона! Однакожъ, будучи не совсѣмъ эгоистомъ, не смѣю желать вашего возвращенія. И. Б. Пестель [1]) сказывалъ мнѣ, что вы зимою поѣдите въ Петербургъ, и что княгиня будетъ васъ между тѣмъ дожидаться въ Москвѣ: въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть сердечное удовольствіе видѣть васъ, хотя и не на долго.

Увѣряя васъ въ моемъ неограниченномъ почтеніи и въ душевной преданности и прося о продолженіи вашихъ ко мнѣ милостей, имѣю честь быть, сіятельный князь, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Николай Карамзинъ.

C'est avec la plus grande reconnoissance que j'ai lû les trois lignes de madame la princesse [2]), ajoutées dans votre lettre. Je suis extrêmement sensible à cette marque de sa bonté; mais je n'ose pas l'importuner par une lettre qui ne seroit écrite qu'en mauvais françois. Le vous prie, mon prince, de vouloir bien lui répéter l'assurance de mon profond respect [3]).

Москва, Октября 20, 1796.

---

[1]) Иванъ Борисовичъ Пестель,бывшій Московскій почтдиректоръ, а позднѣе Сибирскій генералъ-губернаторъ, былъ человѣкъ образованный и находился въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ кн. Вяземскимъ и Карамзинымъ.

[2]) Княгиня ЕвгеніяИвановна Вяземская была родомъ Ирландка изъ фамиліи Орейли.

[3]) Съ величайшею признательностью прочиталъ я три строки, приписанныя княгинею въ письмѣ вашемъ. Очень живо чувствую это доказательство ея благосклонности, но не смѣю безпокоить ее письмомъ, которое было бы писано на худомъ Французскомъ языкѣ. Прошу ваше сіятельство принять на себя трудъ повторить ей увѣреніе въ моемъ глубокомъ почтеніи.

II. Письмо Н. В. Гоголя къ князю П. А. Вяземскому.

Нижеслѣдующее письмо Гоголя, писанное по поводу извѣстной Переписки его съ друзьями, очень замѣчательно, какъ нѣкотораго рода исповѣдь въ авторскихъ недостаткахъ и погрѣшностяхъ, которые онъ самъ въ себѣ сознавалъ. Сознаніе и судъ его надъ собою искренни и вѣрны. Эта книга была не только переломомъ въ умѣ, понятіяхъ, талантѣ и въ *манерѣ* (какъ говорится въ живописи) но по несчастію и гибельнымъ переломомъ въ самой жизни его. При появленіи своемъ она не была достойно оцѣнена современной журналистикой и критикой. Затрудняясь напасть на духъ книги, имъ не сочувственный, онѣ болѣе обратили общее вниманіе на нѣкоторыя ея странности, и съ какимъ-то злорадствомъ и ожесточеніемъ, а между тѣмъ и съ совершенно грубымъ неуваженіемъ къ личности автора, напали на него. Нравственная, возвышенная и трогательная стороны сочиненія не были ни поняты, ни замѣчены. Вообще у насъ еще не было настоящей критики, т. е. критики, излагаемой въ строгихъ условіяхъ науки. Были болѣе или менѣе счастливые, но во всякомъ случаѣ рѣдкіе опыты критики, предпринятые людьми съ умомъ, со вкусомъ и тонкимъ чувствомъ изящнаго; но тѣ писатели, которые у насъ преимущественно признаются критиками и основателями школы, подходятъ подъ опредѣленіе, составленное Французскимъ писателемъ Лабрюеромъ: „Критика часто не есть наука, а ремесло, въ которомъ нужно болѣе здоровья, нежели ума, болѣе рабочей силы, чѣмъ способности, болѣе навыка. чѣмъ генія.“ Можно не обинуясь сказать, что критика, на которую съ такимъ удовольствіемъ ссылаются

нѣкоторые изъ нашихъ новыхъ авторовъ, особенно отличается: образцовымъ невѣжествомъ, самонадѣянностью и удальствомъ. Какъ бы то ни было, нападки на Переписку съ друзьями, глубоко оскорбили Гоголя, а еще болѣе опечалили его. Выходитъ на повѣрку, что Гоголь былъ черезчуръ возвеличенъ и превозвышенъ своими пристрастными поклонниками, и черезчуръ порицаемъ своими, равно пристрастными, недоброжелателями. На совѣсти тѣхъ и другихъ лежитъ грѣхъ, что они, такъ сказать, сбили его съ почвы, на которой замѣчательное дарованіе его моглобы спокойно и правильно развиваться. Жуковскій и Пушкинъ высоко цѣнили это дарованіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, зорко видѣли и недостатки его и не щадили ихъ. Особенно въ Пушкинѣ утратилъ онъ надежнаго руководителя и, такъ сказать, опекуна.

Февраля 28 (1846).

Вы уже вѣроятно получили, мой добрый князь, мое письмо и въ немъ просьбу мою усердную, убѣдительную просьбу о возстановленіи моей книги въ ея настоящемъ видѣ. По клочку, обгрызенному цензурой, о ней нельзя судить. Въ глубинѣ ея лежитъ правда, и правда ея можетъ обнаружиться только тогда, когда вся книга будетъ прочитана, вся сплошь, въ той именно связи и въ томъ размѣщеніи статей, какое составлено у меня. А потому я просилъ Плетнева включить съизнова все выброшенное цензурой и приказать переписать всѣ статьи непропущенныя; еще лучше, если всю книгу переписать сплошь. Нѣтъ нужды, если дѣло отъ этого затянется. О представленіи поспѣшномъ моей книги Государю я вовсе не думаю. У меня одно желаніе, чтобы она была прочитана прежде вами, взвѣшена, разобрана строго и выправлена. Мнѣ бы желалось, чтобы ее прочелъ также внимательно гр. М. Ю. Вьелг., потомъ В. А. Перовскій, и сказали бы оба свои замѣчанія, а потомъ чтобы она поступила вновь къ вамъ и вы бы, вновь ее прочитавши, выправили ее совершенно (если она окажется для этого годною). Князь! Не позабуду по гробъ этой услуги вашей. Появленіе книги моей уже можетъ быть важно потому, если заставитъ хотя задуматься общество о предметахъ болѣе существенныхъ. Это правда, что на ней лежитъ какой-то фальшивый тонъ и неумѣстная восторженность что̀ произошло отъ (того) что книга эта дѣйствительно долженствовала явиться по смерти. Здѣсь дѣйствовалъ также страхъ за жизнь свою и за возможность окончить начатый трудъ (М. Д.), страхъ извинительный въ моихъ болѣзненныхъ недугахъ, которые были слишкомъ тяжелы. Этотъ страхъ заставилъ говорить впередъ о многихъ такихъ вещахъ, которыя слѣдовало развить во всемъ сочиненіи, такъ чтобы не походило оно на проповѣдь. Вотъ отъ чего въ нѣкоторыхъ письмахъ есть нѣкоторыя неумѣстныя вставки, выходящія изъ обыкновеннаго тона писемъ. Вотъ отъ чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть напыщенности и выраженія, показывающія самонадѣяннаго или высоко задумавшаго о себѣ человѣка. Я ихъ не могу хорошо всѣхъ видѣть, но вы ихъ замѣтите, потому что въ чужомъ глазу бревно виднѣе, и потому что вашъ умъ способенъ обнимать многія стороны дѣла. Я увѣренъ, что если только выбросить всѣ неприличныя и заносчивыя выраженія, книга моя приметъ видъ, въ которомъ можетъ предстать на цензуру и въ публику. Нѣтъ вещи, которой бы нельзя было сказать, если только съумѣешь сказать поосмотрительнѣе и полегче,

Пословица недаромъ говоритъ: тѣхъ же щей да пожиже влей. И такъ окажите мнѣ дружбу, которой я разумѣется теперь еще не заслужилъ, но которую заслужу, потому что отъ всего сердца люблю васъ; а кого любишь, тому хочется и служить. Вооружитесь, послѣ внимательнаго прочтенія моей рукописи, перомъ, и сначала изгладьте *я* во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно неприлично высунулось. Во всѣхъ же мнѣніяхъ и мысляхъ вообще о предметахъ повыше, представьте себѣ мысленно мою личность, и вездѣ гдѣ только примѣтите, что чиновникъ 8 класса слишкомъ зарапортовался, сдѣлайте такъ, чтобы онъ не позабылъ, что онъ чиновникъ 8 класса. Иногда помѣщеніе подлѣ одной фразы другой, нѣсколько смягчающей ее, или болѣе объясняющей, уже дѣлаетъ то, что таже мысль принимается, которая за минуту предъ тѣмъ была отвергнута. Не поскупитесь также и вашей собственной мыслью, если бы она была слѣдствіемъ моей мысли. Мнѣ чувствуется, что вамъ теперь должно быть многое знакомо изъ того что̀ незнакомо неиспытаннымъ и неискушеннымъ страданіями людямъ. Душа ваша, я знаю, много страдала втайнѣ и пріобрѣла чрезъ то высшее познаніе вещей. Не будемъ считаться мыслями: онѣ не наши и не принадлежатъ намъ; онѣ посылаются Богомъ и могутъ всѣхъ равно посѣтить. Взгляните на мою рукопись какъ на вашу собственную и родную. Не выдалъ бы я ея, еслибы не почелъ дѣла въ ней содержимаго общимъ дѣломъ. Скажу вамъ также, что въ ней сверхъ всего есть также и мое собственное душевное дѣло, что̀ вы я думаю уже и примѣтили, а потому для меня слишкомъ важны всѣ мнѣнія ею возбужденныя въ публикѣ. Мнѣ нужны всѣ эти нападенія, которыхъ такъ боится человѣкъ, потому что, опровергая меня, всякъ мнѣ что нибудь да выскажетъ, чего бы никакъ не высказалъ (иные даже и не заговорятъ по тѣхъ поръ, покуда не разсердятся). Это и меня покажетъ яснѣе самому себѣ и то общество, съ которымъ мнѣ нужно имѣть дѣло. Мнѣ нужно много поумнѣть для того, чтобы Мертвыя Души вышли тѣмъ чѣмъ слѣдуетъ быть имъ. И вотъ почему я вдвое болѣе хлопочу о моей книгѣ. И такъ не оставьте меня, добрый князь, и Богъ васъ да наградитъ за то, потому что подвигъ вашъ будетъ истинно христіанскій и высокій. Не оставьте меня также хоть нѣсколькими строчками вашего отвѣта на это письмо мое, адресуя въ Неаполь, Palazzo Fernandino. Весь вашъ Г.

III. Указъ Петра Великаго къ Архангельскому вице-губернатору Курбатову.

Въ архивѣ князя П. А. Вяземскаго отыскалось письмо къ нему, писанное Николаемъ Александровичемъ Скалономъ (отъ 4 Ноября 1847) изъ Архангельска гдѣ онъ находился по обязанностямъ службы. Въ этомъ письмѣ находятся между прочимъ слѣдующія любопытныя строки о Петрѣ Великомъ: „Въ этомъ краю Россіи, отдаленномъ отъ всѣхъ внутреннихъ событій, впечатлѣнія сохраняются сильнѣе: нигдѣ я столько не слышалъ о Петрѣ, и въ памяти народной все имъ сдѣланное свѣжо и благодарно. Въ Холмогорахъ вамъ покажутъ на лугу мѣсто, гдѣ отдыхалъ Петръ, гдѣ онъ разсматривалъ роскошную траву, и въ настоящее время на этомъ лугу пасется превосходный скотъ, даръ Петра. Изъ Мезени, при берегахъ Океана, Архангельскъ снабжался крѣпкими лошадьми и рогатымъ скотомъ Англійской породы: это также подарокъ Петра. Въ Холмогорахъ есть еще род-

ня Ломоносова, по женской линіи; представитель ея нѣкто мѣщанинъ Лопатинъ, знаменитый рѣщикъ изъ моржевой кости и столь же знаменитый пьяница. Изъ воспоминаній болѣе отдаленныхъ въ поморскомъ краѣ сохранилась память Мароы Борецкой: весь поморскій берегъ съ богатыми посадами принадлежалъ ей, и разныя легенды объ ней живутъ по сіе время въ народѣ Посылаю вамъ указъ Петра*), хранящійся въ нашемъ архивѣ, довольно оригинальный".

Господинъ вице-губернаторъ,

По полученіи сего указу, сыщите двухъ человѣкъ Самоядовъ молодыхъ ребятъ, которые бъ были дурняя рожищемъ и смяшняя, лѣтами отъ 15 до 18 въ ихъ платьѣ и уборахъ, какъ они ходятъ по своему обыкновенію, которыхъ надо послать въ подарокъ грандукѣ Флоренскому, и какъ ихъ сыщите, то немедленно отдайте ихъ тому, кто вамъ сіе наше письмо объявитъ.

Петръ.

Изъ Амстердама, Генваря въ 11 день 1717.

*) Копія.

ЗАПИСКИ ВЕБЕРА *).

276. Въ Россію посланъ указъ о выселеніи изъ оной еще 12,000 семействъ въ Петербургъ, на жительство.

277. Всѣ другія распоряженія и значительныя издержки клонились къ тому, чтобы всю вообще торговлю перевести изъ Архангельска въ Петербургъ. Противъ этаго купцы сдѣлали съ своей стороны слѣдующія представленія:

1) Въ Вологдѣ (между Москвою и Архангельскомъ) живутъ три Нѣмецкихъ купца, которые очищаютъ и обработываютъ всю пеньку, отправляемую въ Архангельскъ и въ чужія земли, для чего содержать на свой счётъ болѣе 25,000 рабочихъ людей. Но Вологда такая дешевая по продовольствію мѣстность, что на прокормленіе въ ней рабочихъ требуется издержекъ въ пятеро меньше, чѣмъ въ Петербургѣ; слѣдовательно, если купцы будутъ держать столько же народу въ такомъ дорогомъ мѣстѣ, какъ Петербургъ, то они нетолько не получатъ никакой прибыли, но потерпятъ убытки.

2) Самая большая часть товаровъ, идущихъ за границу, собирается въ мѣстахъ близь Вологды, откуда съ великимъ удобствомъ по тамошнимъ рѣкамъ отправляется въ Архангельскъ. Въ Петербургъ же отправлять товары такимъ дальнимъ сухимъ путемъ стóитъ гораздо дороже, и купцы, слѣ-

*) Нѣмецкій подлинникъ этихъ записокъ раздѣленъ (довольно произвольно) на параграфы, изъ коихъ первые 275-ть, въ переводѣ на Русскій языкъ, помѣщены выше (стр. 1057 и слѣд.) Записки составлены уже по возвращеніи автора домой, и вѣроятно параграфами означены его выдержки изъ современныхъ, веденныхъ въ Россіи, отмѣтокъ и тетрадей. *П. Б.*

довательно, должны будутъ терпѣть несравненно болѣе издержекъ.

3) Мѣстность въ Петербургѣ такого свойства, что пенька не можетъ пролежать тамъ нѣсколько мѣсяцевъ не испортившись.

4) Водяной путь по Финскому заливу чрезвычайно опасенъ, и застраховка по немъ, особенно во время Сѣверной нынѣшней войны, почти невыносима.

278. 20 Октября мы отправились съ царемъ въ Шлюссельбургъ праздновать тамъ памятный день завоеванія этой важной пограничной крѣпости. Онъ лежитъ по сю сторону прямо въ концѣ Ладожскаго озера, посреди рѣки, и своими орудіями господствуетъ надъ обоими берегами. Онъ обведенъ высокою и толстою каменною стѣною, съ шестью больверками, и обтекаетъ его кругомъ большая быстрая рѣка, и поистинѣ удивительно, какъ Русскіе могли взобраться на такую крѣпость и взяли её, съ помощію однихъ осадныхъ лѣстницъ. Она называлась прежде Нотебургомъ; но такъ какъ она открыла дверь Русскимъ для завоеванія, то царь назвалъ её Шлюссельбургомъ. За 400 лѣтъ назадъ, она построена была Новгородскою княгинею Мароою; въ настоящее время снабжена продовольствіемъ на цѣлыя 10 лѣтъ, и царь приказалъ не только усилить ея наружныя укрѣпленія, но и приготовиться къ громаднымъ работамъ внутри ея, по устройству казармъ на 4000 слишкомъ солдатъ. Посреди крѣпости стоитъ церковь, надъ которой Русскіе возвели колокольню; подлѣ нея—небольшой деревянный домъ, гдѣ графъ Пиперъ проводилъ тогда свою уединенную жизнь. Послѣ того какъ его перевезли сюда изъ Петербурга, онъ сдѣлался очень боленъ; по этому 21 числа посѣтилъ его князь Меншиковъ, а потомъ и великій канцлеръ. Русскіе разсказывали мнѣ, что хотя графъ Пиперъ, во все время плѣна своего, обнаруживалъ такое упрямство, что навлёкъ на себя немилость царя, тѣмъ не менѣе, содержаніе его измѣнено было къ лучшему, и онъ самъ передалъ князю Меншикову слѣдующее заявленіе: «хотя онъ бѣдствуетъ и находится въ такомъ положеніи, что можетъ быть не долго и проживетъ; но все это ему не такъ тяжело, какъ немилость его царскаго величества, и онъ ничего больше не желаетъ, какъ чтобы царь снялъ съ него гнѣвъ свой». Вслѣдствіе этаго къ нему посланъ былъ лейбъ-медикъ Арескинъ, который и засвидѣтельствовалъ царю, что графъ не надёженъ въ здоровьѣ, если его оставить безъ лѣкаря. По этому царь дозволилъ перевести его на нѣсколько недѣль въ Петербургъ и оказывать необходимое попеченіе. У графа былъ только одинъ слуга и никакой другой книги кромѣ Библіи и церковной исторіи. Мы не добились просимаго дозволенія поговорить съ графомъ и видѣть его иначе какъ черезъ затворенное окно.

279. 22-го числа царю привезли донесеніе о томъ, что супруга царевича разрѣшилась отъ бремени великимъ княземъ. Того же числа мы возвратились водою въ Петербургъ, и на дорогѣ царь къ случаю заговорилъ о Шлюссельбургѣ и другихъ завоеваніяхъ, увѣряя насъ, что предки его нѣкогда владѣли всѣмъ этимъ, что́ и можетъ быть доказано имѣющимися на лицо въ Московскомъ Архивѣ подлинными грамотами. По случаю этой рѣчи царя, одинъ извѣстный иностранный министръ имѣлъ со мною разговоръ объ этомъ дѣлѣ и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сообщилъ

мнѣ написанную въ Сибири полатыни однимъ ученымъ Шведскимъ офицеромъ рукопись: Изложеніе (Deduction) споровъ между Швеціей и Россіею. Я могъ бы привести здѣсь переводъ этой рукописи; но такъ какъ я предположилъ въ этомъ сочиненіи ничего не говорить о политикѣ, то откладываю это до другаго времени, когда будетъ переведено и противуположное, на Русскомъ языкѣ существующее сочиненіе.

280. Теперь я долженъ упомянуть о кончинѣ цесаревны и о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ ея жизни, на сколько они принадлежатъ къ исторіи Россіи. Извѣстно, что она была достойная принцесса изъ дому Вольфенбиттельскаго и родная сестра нынѣ царствующей императрицы Римской. Уже давно царь намѣревался, посредствомъ женитьбы сына своего, породниться съ какимъ нибудь могущественнымъ домомъ въ Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ пробудить царевича изъ его обычной лѣни вліяніемъ благовоспитанной супруги; ибо царевичь этотъ, вслѣдствіе постояннаго вреднаго обращенія съ невѣжественными людьми, усвоилъ себѣ такія наклонности, которыя дѣлали его непріятнымъ въ образованномъ обществѣ и были причиною, что онъ, не желая оставить своего образа жизни, не понималъ и того, что такимъ образомъ онъ подвергалъ опасности и свои наслѣдственныя права̀. При такомъ его поведеніи царь всё болѣе и болѣе гнѣвался на него и наконецъ далъ стороною замѣтить, что если онъ не перемѣнится въ скоромъ времени, то непремѣнно будетъ постриженъ въ монахи, ибо лучше отрѣзать одинъ членъ отъ тѣла, чѣмъ допускать гибель цѣлаго тѣла.

Слухи объ этомъ дошли до царевича, и приверженцы его стали ревностно совѣтовать ему, ради собственнаго его благополучія, затаить свою ненависть къ иноземцамъ и высмотрѣть себѣ супругу въ какомъ нибудь могущественномъ домѣ въ Германіи, чтобы съ помощію ея высокихъ родственниковъ обезпечить себѣ наслѣдованіе престола, и въ тоже время и у самаго царя, изъ уваженія къ такой супругѣ, пріобрѣсть лучшее положеніе, чѣмъ то, въ которомъ онъ теперь находился. Всѣ эти представленія произвели на царевича такое сильное вліяніе, что онъ бросился къ стопамъ государя-отца, завѣряя его, что отнынѣ твердо рѣшился измѣнить свою жизнь и думаетъ достигнуть этого лучше всего сообществомъ съ разумною супругою, почему настоятельно проситъ его величество дозволить ему чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше поѣхать въ Германію и тамъ высмотрѣть себѣ такую супругу. Просьба эта положила основаніе браку его съ помянутой принцессой, которая пребывала тогда при Саксонскомъ дворѣ у его величества короля Польскаго и въ 1711 году, въ Торгау, повѣнчана была съ царевичемъ. По пріѣздѣ ея въ Россію, царевичь не очень измѣнилъ себя для нея, и я всегда замѣчалъ въ обществѣ, что онъ никогда не говорилъ съ нею ни слова и нарочно избѣгалъ ея.

Цесаревна жила въ своемъ домѣ въ лѣвомъ флигелѣ, а царевичь въ правомъ; въ продолженіи восьми дней они видались обыкновенно одинъ только разъ, и еслибъ царевичь въ прижитіи себѣ наслѣдника не видѣлъ опоры своей безопасности, то оба супруга пребыли бы навсегда незримыми другъ для друга. Домъ свой царевичь запустилъ до того, что супруга его въ своемъ спальномъ покоѣ не была защищена отъ сырости и когда

царь, бывало, строго выговаривалъ ему за это, то цесаревна должна была выслушивать всевозможныя угрозы отъ своего супруга: онъ попрекалъ ей тѣмъ, что она клевещетъ или ябедничаетъ на него царю, а между тѣмъ эта разумная принцесса переносила свое несчастное положеніе съ великою твердостію и никому не повѣряла своихъ жалобъ и слёзъ, кромѣ стѣнъ и своей подруги, принцессы Остъ-фрисландской. Потребовалось бы нѣсколько дестей бумаги, еслибъ я захотѣлъ войти въ подробности злополучія цесаревны; по этому я удовольствуюсь тѣмъ, что упомяну объ одной Финской дѣвицѣ, которую царевичь взялъ къ себѣ въ домъ въ наложницы и постоянно проводилъ съ нею дни и ночи. Такое семейное и домашнее положеніе продолжалось до самой кончины кронъ-принцессы, послѣдовавшей частію отъ постоянныхъ непріятностей, частію отъ небрежности. повивальной бабки.

281. Разрѣшившись 21 Октября отъ бремени и теперь еще живущимъ (вмѣстѣ съ княжною сестрою своею) и одареннымъ необыкновенными тѣлесными и душевными качествами великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ, супруга царевича, черезъ 6 дней послѣ родовъ, впала въ такое опасное состояніе, что тогда же стали сомнѣваться въ ея выздоровленіи, и такъ какъ она почувствовала близость кончины своей, то приказала попросить къ себѣ царя (царица не выходила, будучи въ послѣднихъ дняхъ беременности). По прибытіи царя (котораго, по случаю нездоровья ввезли къ цесаревнѣ на креслѣ съ колесами) она трогательно простилась съ нимъ, поручивъ ему своихъ наслѣдниковъ и прислугу; за тѣмъ приласкала и оросила горькими слезами дѣтей своихъ и передала ихъ царевичу, который взялъ ихъ на обѣ руки, понёсъ въ свою комнату и болѣе уже не приходилъ къ супругѣ. Послѣ того она позвала къ себѣ въ комнату всю прислугу свою, которая находилась въ передней и молилась за нее (прислуги этой было болѣе 200 человѣкъ), утѣшала, наставляла и благословила ее и потомъ осталась одна съ священникомъ. Когда же доктора̀ предложили ей еще нѣкоторыя лекарства, она бросила пузырки за постель и громко сказала: «Не мучьте меня, дайте спокойно умереть, ибо я и не хочу жить долѣе!». 1-го Ноября вечеромъ, проведши въ теплой молитвѣ время до 11-ти часовъ, она получила наконецъ отъ Бога разрѣшеніе всѣхъ скорбей, послѣ пятидневныхъ великихъ страданій, на 21 году жизни, пробывъ 4 года и 6 дней въ брачномъ состояніи.

282. 7 Ноября, безъ всякаго бальзамированія (котораго она не пожелала), съ достодолжнымъ великолѣпіемъ, погребли ее въ главной крѣпостной церкви; а 8 Ноября нынѣ царствующая царица, къ великой радости царя, разрѣшилась отъ бремени царевичемъ Петромъ Петровичемъ, и по этому случаю устроенныя празднества и ликованія продолжались цѣлые 8 дней.

283. 17 Ноября совершенъ обрядъ крещенія новорожденнаго, и высокими воспріемниками были короли Датскій и Прусскій. Обрядъ праздновался съ особеннымъ великолѣпіемъ. Самое замѣчательное на этомъ праздникѣ составлялъ пирогъ, изъ котораго вышла довольно красивая карлица, совершенно нагая и украшенная красными лентами и фонтанжемъ. Явившись изъ пирога, она произнесла рѣчь, угощала присутствующихъ

бывшимъ у нея виномъ изъ своего же стакана, сама выпила за здоровье различныхъ особъ и за тѣмъ убрана была со стола.

На столѣ дамскомъ такимъ же образомъ являлся карликъ. Когда стемнѣло, все общество отправилось на островъ Іеннессари, гдѣ сожженъ былъ превосходный фейерверкъ въ честь новорожденнаго царевича. По отдаленности подмостокъ иллюминаціи, я не могъ прочитать всего девиза и разобралъ вверху только слѣдующія слова, изображенныя громадными буквами: «Надежда и терпѣніе».

284. 4 Декабря, именно въ то самое время, когда я имѣлъ честь принимать его у себя за столомъ, съ его министрами и генералами, царь получилъ извѣстіе о взятіи острова Рюгена, и поэтому случаю давалъ 9 числа почетный пиръ, на которомъ между прочими особенностями было роздано гостямъ 200 дынь, привезенныхъ водою изъ Астрахани. Его величество разсказывалъ намъ, что Астрахань благословенная страна и что еслибъ у нея были сообщенія съ Индостаномъ, Персіею и въ особенности съ Чернымъ моремъ, для доставленія водою превосходныхъ дешевыхъ произведеній изъ ея области въ другія земли, то она была бы настоящимъ раемъ.

Хотя изъ Астрахани и можно еще отплыть Каспійскимъ моремъ, но далѣе водою въ Персію доставить уже ничего нельзя; сообщенія же этого моря съ Чернымъ, а слѣдовательно и съ Средиземнымъ моремъ не имѣется до сихъ поръ, потому что начатое въ 1707 году соединеніе Волги съ Дономъ, впадающимъ въ Азовское море, плохо подвигается впередъ.

285. Царь опасался, что Татары, по наущенію Турокъ, могутъ вмѣшаться въ Польскія дѣла и придвинуться съ ордами своими къ границамъ; поэтому онъ послалъ съ 6-ю полками драгуновъ генералъ-маіора Вейсбаха (стоявшаго лѣтомъ у Кіева въ Бастовѣ *, а осенью въ Стародубѣ) въ Воронежъ на рѣку Донъ, для старательнаго наблюденія за намѣреніями Татаръ.

Въ тоже время Запорожцамъ и подвластнымъ его величеству Татарамъ также повелѣно, по первому приказу, быть наготовѣ и явиться въ поле на коняхъ.

286. 14 Января скончалась вдовствующая царица, супруга царя Ѳедора Алексѣевича (своднаго брата настоящаго царя). Она была родная сестра еще нынѣ живущаго Русскаго великаго адмирала Апраксина. Имя ей было Марѳа Матвѣевна, и скончалась она 51 лѣтъ отъ роду. Всѣ генеалогіи давно уже занесли её безо всякаго основанія въ числоумершихъ, и произошло это отъ слѣдующаго заблужденія: такъ какъ она прожила въ супружествѣ всего только 4 недѣли, то отъ преждевременной кончины супруга своего въ 1682 году помѣшалась и содержалась поэтому въ заперти въ своихъ покояхъ, гдѣ въ теченіи семи лѣтъ ее не показывали никому, кромѣ прислуги.

287. Хоронили ее въ вечерніе сумерки съ большимъ великолѣпіемъ. Отъ ея печальнаго дома до церкви было разстояніе съ небольшую четверть мили, и весь этотъ путь по льду уставленъ былъ двойнымъ рядомъ факеловъ, между которыми и совершалась процессія. Богатую корону, всю усѣянную драгоцѣнными камнями, нёсъ тайный совѣтникъ Толстой, а гробъ и провожатыхъ (числомъ

*) Въ Хвостовѣ или Фастовѣ.

более 500, изъ которыхъ 200 были въ похоронныхъ плащахъ), везли на саняхъ. Тѣло, по совершеніи надъ нимъ послѣдняго погребальнаго обряда, погребено въ новой царской усыпальницѣ въ крѣпостной церкви, гдѣ такимъ образомъ покоятся вмѣстѣ сынъ и двѣ дочери его царскаго величества, и сія послѣдняя царица.

288. На этихъ похоронахъ впереди тѣла шло всё Русское духовенство: архіереи, архимандриты, митрополиты, священники, пѣвчіе и всѣ другіе церковнослужители, въ великолѣпныхъ церковныхъ облаченіяхъ, со множествомъ свѣчей, кадилъ и съ непрестаннымъ пѣніемъ, что всё придавало процессіи внушающій благоговѣніе видъ.

289 Въ подобныхъ случаяхъ у Русскихъ искони въ обыкновеніи были громкія рыданія, плачь и разныя причитанія, которыя часто казались мнѣ на сколько искренними, на столько же и притворными; но царь рѣшительно хочетъ вывести этотъ обычай, и на упомянутыхъ похоронахъ строго приказано было, чтобы никто громко не плакалъ и не причитывалъ.

290. Изъ простонародья многіе думаютъ, что душа покойника находится еще шесть недѣль въ томъ мѣстѣ, гдѣ она оставила тѣло; поэтому родственники во все это время окуриваютъ постель умершаго и отправляютъ при томъ ежедневно панихиды.

291. Есть еще одна вдовствующая царица, супруга другаго своднаго брата царя, Ивана Алексѣевича, по имени Прасковья, о которой упомянуто было выше и которая прибыла изъ Москвы въ Петербургъ съ своими тремя царевнами.

292. Князь Гагаринъ, бывшій правитель всей Сибири, получивъ извѣстіе, что у восточнаго предѣла Каспійскаго моря, въ странѣ Самаркандъ, гдѣ родина Тамерлана, открыты нѣкоторые минералы, послалъ туда изъ Сибири свѣдущихъ людей для изслѣдованія. Люди эти, порывшись нѣкоторое время въ землѣ, нашли много древнихъ мѣдныхъ фигуръ, которыя и прислали къ Гагарину, а сей послѣдній прислалъ ихъ, какъ большую рѣдкость, его царскому величеству въ Петербургъ, гдѣ и я видѣлъ ихъ. Это были чисто языческіе идолы, въ видѣ минотавровъ, быковъ, гусей, отвратительныхъ старцевъ и дѣвицъ. Всѣ эти изображенія, повидимому, дѣйствительно древнія и внутри сильно отдающія запахомъ мускуса, держатъ въ рукахъ или копытахъ нѣчто въ видѣ подсвѣчниковъ, въ которыхъ вѣроятно горѣли свѣчи во время идолослуженія. У гуся верхняя и нижняя части клюва, у минотавра морда снабжены пружиною, въ родѣ шарнера, и подвижными языками; внутри же замѣтна дудка или труба, проходящая къ лицевой части головы, черезъ которую идолослужители говорили и морочили народъ. Выбитыя на этихъ идолахъ надписи, хотя и никому непонятныя, сходны, повидимому, съ Персидскими и Монгольскими письменами. Его величество приказалъ рыть далѣе въ этомъ Самаркандѣ, надѣясь, что, можетъ быть, найдутся еще подобныя вещи, или откроются и богатыя золотыя жилы.

293. 6 Февраля оба царскія величества, царь и царица, отправились въ Германію и тамъ въ Данцигѣ присутствовали на бракосочетаніи старшей княжны, дочери вдовствующей царицы Прасковьи съ герцогомъ Мекленбурскимъ.

294. Въ Петербургѣ получено извѣстіе, что Кубанскіе Татары, въ количествѣ 6000 человѣкъ, по своему ежегодному обыкновенію, сдѣлали набѣгъ на Казанское царство и увели было въ плѣнъ отъ 6 до 7 тыс. душъ. Полковникъ Шварцъ, изъ Нѣмцевъ, уже 18 лѣтъ состоящій на царской службѣ, погнался за ними съ 600 драгунъ, изъ Шведскихъ плѣнныхъ, находящихся у царя на службѣ, настигъ ихъ въ 40 миляхъ за Казанью и хотѣлъ было стрѣлять по нимъ изъ орудій, но Татары выставили впередъ плѣнныхъ Русскихъ, и полковникъ Шварцъ принужденъ былъ поэтому напасть на нихъ съ одними шпагами въ рукахъ. Онъ обратилъ Татаръ въ бѣгство, захватилъ въ плѣнъ сына начальствовавшаго хана и множество другихъ Татаръ, высвободилъ Русскихъ, получивъ въ добычу 1500 лошадей, и тотчасъ же приказалъ повѣсить на деревѣ ханскаго сына, а добычу раздѣлить между солдатами. Этотъ Шварцъ пріѣжалъ въ Петербургъ для донесенія Сенату о совершенной имъ экспедиціи и, получивъ новыя инструкціи, уѣхалъ обратно къ себѣ.

295. Отсутствіе двора и различныя другія причины побудили меня осуществить давно желанную поѣздку въ городъ Москву, и такъ какъ я познакомился съ архіепископомъ Рязанскимъ, то и упросилъ его снабдить меня письменнымъ приказомъ во всѣ Русскіе монастыри и церкви, чтобы мнѣ, чужестранцу, вопреки существующему въ Россіи обыкновенію, безпрепятственно показано было все замѣчательное. Кромѣ того, я взялъ съ собою и приказъ его царскаго величества къ Московскому начальству оказывать мнѣ всякое содѣйствіе и услугу, и такимъ образомъ въ этомъ путешествіи я имѣлъ вполнѣ удобный случай осмотрѣть и узнать все достойное примѣчанія.

296. Выѣхавъ подъ вечеръ 24 Февраля 1716 г. изъ Петербурга, 25-го я пріѣхалъ въ Новгородъ, 27 въ Тверь, а въ 8 часовъ утра 28 числа, слѣдовательно менѣе чѣмъ въ четверо сутокъ, прибылъ въ Москву. Весь этотъ путь, болѣе 120 Нѣмецкихъ добрыхъ миль, совершаютъ на саняхъ чрезвычайно быстро; лѣтомъ же напротивъ въ теченіи 2, 3 недѣль, и сія послѣдняя ѣзда невыносимо тягостна, по причинѣ множества досчатыхъ мостовъ на дорогѣ.

297. Безъ удобства саней, употребляемыхъ въ Россіи, иностранцу невозможно было бы вынести въ дорогѣ сильные морозы. Сани сверху и кругомъ крѣпко закрыты и укутаны, такъ что ни малѣйшій вѣтеръ не можетъ проникнуть въ нихъ, а по обѣимъ сторонамъ вдѣлываются маленькія оконца и сумки или карманы для книгъ, ради препровожденіи времени, и для съѣстныхъ припасовъ; вверху надъ головою виситъ фонарь съ восковою свѣчею, которую зажигаютъ съ наступленіемъ ночи. Въ самыхъ саняхъ внутри стелется постель, въ которой и лежишь день и ночь во время пути, а въ ногахъ кладутся нагрѣтыя каменныя плиты, или мѣдныя фляги съ горячей водой, чтобы теплѣе было въ саняхъ; около флягъ стаставится ларецъ съ виномъ и водкою, для предохраненія этихъ напитковъ отъ мороза, хотя, впрочемъ, при всѣхъ предосторожностяхъ, самые горячіе напитки замерзаютъ и обращаются въ лёдъ. Въ такой спальнѣ ѣдутъ день и ночь, не выходя изъ саней, развѣ за надобностію, тѣмъ болѣе, что по всей дорогѣ нѣтъ ни гостинницъ, ни съѣстныхъ припасовъ, которые бы

можно было купить, кромѣ черстваго простаго хлѣба и предурной водки, такъ что всегда слѣдуетъ держать при себѣ въ саняхъ свой холодный обѣдъ.

298. На протяженіи всей дороги находится 24 почтовыя станціи или яма, какъ Русскіе ихъ называютъ, на разстояніи 4 или 5 миль одна отъ другой, и на каждой станціи стоятъ 20 и болѣе почтовыхъ лошадей, содержимыхъ особыми, приставленными для того крестьянами, кои, получая ничтожныя почтовыя деньги съ проѣзжающихъ, освобождаются отъ всѣхъ другихъ повинностей и служатъ только для провоза проѣзжающихъ. Такое удобство и дешевизна ѣзды очень облегчаютъ дворъ и купцовъ въ ихъ путешествіяхъ между Петербургомъ, Москвою и Архангельскомъ, которыя иначе совершались бы съ великими трудностями. Почтальёны имѣютъ только одинъ значекъ, изображеніе государственнаго орла, который надѣваютъ они на время дороги, ходятъ же они въ простой крестьянской одеждѣ и никакихъ почтовыхъ трубъ или рожковъ не употребляютъ.

Въ 1718 году верховая почта, т. е. верхомъ на лошади, устроена по Нѣмецкому образцу, и почтальёны дуютъ теперь въ рогъ какъ умѣютъ, и носятъ сѣрые кафтаны, на спинкѣ которыхъ пришитъ вырѣзанный изъ краснаго сукна почтовый рожекъ. Крестьянамъ, приставленнымъ для верховой почты, въ началѣ очень не нравилась эта игра на рожкѣ и точно опредѣленное время ѣзды, и я помню еще одного такого новичка почтальёна въ Петербургѣ, который, со злости на такое нововведеніе, выпилъ столько водки, что тутъ же на мѣстѣ и умёръ: такимъ образомъ ему лучше было умереть, чѣмъ дуть въ рожокъ, и этимъ онъ явилъ образецъ упрямства своей націи.

Возящіе проѣзжихъ почтальёны, или извощики, носятъ всё еще, какъ сказано, крестьянскую одежду и, вмѣсто почтоваго рожка, очень звонко свищутъ губами; этимъ же свистомъ подгоняютъ они лошадей и поворачиваютъ съ дороги встрѣчныхъ проѣзжихъ. Пріѣзжая на слѣдующую станцію, они поднимаютъ громкій крикъ передъ станціоннымъ домомъ и кричатъ: «давай!» т. е., давай лошадей до тѣхъ поръ, пока не запрягутъ новыхъ лошадей и не поѣдутъ далѣе. Они гонятъ лошадей всегда въ галопъ, чуть только позволяетъ дорога, хотя сѣдоки и не требуютъ этаго.

299. Одинъ математикъ-Англичанинъ, жившій въ Москвѣ, предложилъ его царскому величеству провести прямую проѣзжую дорогу изъ Москвы въ Петербургъ, по прямой линіи; предложеніе это было одобрено, и ему оказано было такое содѣйствіе, что въ 1718 году всѣ работы по проложенію новаго пути, стоившія громадныхъ издержекъ, окончены, и путешественники выиграли разстоянія болѣе 30-ти миль.

300. Важнѣйшіе города на этой дорогѣ Новгородъ, Тверь и Валдай. Новгородъ довольно обширный, но состоящій большею частію изъ простыхъ, деревянныхъ крестьянскихъ избъ; онъ обведенъ глубокимъ рвомъ и защищенъ древнею каменною стѣною.

21 годъ тому назадъ, онъ весъ сгорѣлъ, и теперь едва видны только слѣды его древняго великолѣпія; только при старательномъ изслѣдованіи, на большихъ разстояніяхъ по обѣимъ сторонамъ города, можно замѣтить, какъ далекò простиралась окружность его въ древнія временà. Многіе каменные монастыри уцѣлѣли отъ по-

жара, и теперь насчитываютъ ихъ, вмѣстѣ со вновь выстроенными, до 180 церквей въ самомъ городѣ и окрестностяхъ.

Нѣкогда Новгородъ славился цвѣтущимъ состоянiемъ по своей торговлѣ, ибо находился въ Ганзейскомъ союзѣ и былъ въ немъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ для другихъ городовъ; отсюда-то и произошла извѣстная Русская пословица: «кто противъ Бога и великаго Новгорода?»

Русскiе и теперь еще славятся этимъ городомъ и держатъ его въ великомъ почетѣ по причинѣ покоящихся въ немъ нетлѣнныхъ мощей св. Антонiя и чудесъ его. Они показываютъ даже тотъ мельничный жерновъ, на которомъ этотъ святой приплылъ въ Новгородъ изъ Рима по открытому морю.

301. Въ городѣ Твери около 2000 домовъ, 70 церквей и монастырей и довольно сильная, на горѣ возведенная, крѣпость, въ которой живётъ комендантъ. Городъ стоитъ на рѣкѣ Волгѣ, впадающей въ Каспiйское море: и такъ какъ лежащее на тойже рѣкѣ царство Казанское сплавляетъ сюда ежегодно по нѣскольку тысячь ластовъ хлѣба, что Тверь составляетъ настоящее складочное мѣсто для хлѣбной торговли, и отсюда уже саннымъ путемъ развозится все потребное количество хлѣба для армiи и въ Петербургъ.

302. Валдай—городокъ менѣе значительный, и домà въ немъ, равно какъ и въ другихъ посредственныхъ городахъ и мѣстечкахъ, деревянные, выстроенные изъ бревенъ, сложенныхъ одно на другое и подверженные весьма частымъ пожарамъ, потому что очень немногiе изъ нихъ имѣютъ трубы.

303. Почва земли почти до самой Москвы песчаная и не особенно плодородная; по дорогѣ ничего кромѣ еловаго лѣсу не видно, хотя всё таки страна отъ Петербурга до Твери кажется плодороднѣе, чѣмъ отъ Твери до Москвы. Деревень встрѣчается мало, и расположены онѣ не въ лѣсахъ или кустарникахъ, а на открытыхъ, ровныхъ поляхъ, и крестьянскiя избы сложены изъ голыхъ бревенъ, безъ извести, оконъ и желѣза. Печи въ этихъ избахъ преогромныя и занимаютъ четвертую часть всего жилаго помѣщенiя. Когда печь вытопятъ и закроютъ, вся семья забирается къ вечеру на неё, укладывается тамъ плотно другъ къ другу и прожаривается вдоволь. Если на печи мѣста не хватаетъ, устроиваются изъ досокъ, подъ самымъ потолкомъ, палати, на которыя и забираются остальные члены семьи, такъ что на полу никто никогда и не спитъ. Когда я, бывши въ Твери, засталъ такимъ образомъ на печи и на палатяхъ цѣлыхъ 20 человѣкъ: родителей и дѣтей, зятьевъ и невѣстокъ и остальныхъ челядинцевъ, то спросилъ ихъ, «не тѣсно ли имъ такъ спать?» мнѣ отвѣчали, что имъ очень удобно въ такомъ тепломъ мѣстѣ, что они покоятся тамъ очень хорошо и никакой другой постели не употребляютъ.

304. Такъ какъ почва земли въ большой части страны по этой дорогѣ (какъ упомянуто) мало плодородна, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жатва не вознаграждаетъ и затраченнаго на неё труда, то многiе крестьяне вовсе не заботятся объ обработкѣ земли, а собираютъ и продаютъ только то, чтò доставляетъ имъ сама природа. Сѣна у нихъ вдоволь и чего сами не изведутъ, возятъ въ другiя мѣстà и обмѣниваютъ на потребный зерновой хлѣбъ. Хмѣль растётъ тамъ вездѣ самъ собою, очень часто въ лѣ-

сахъ, и не требуетъ за собой никакого ухода или заботы. Этотъ хмѣль крестьяне собираютъ, развозятъ и продаютъ и такимъ образомъ поддерживаютъ свои средства къ существованію. Вообще сельское населеніе ведетъ горестную жизнь тѣмъ болѣе, что всѣ крестьяне — рабы и работаютъ на господъ своихъ; но выносятъ они такое состояніе очень терпѣливо, потому что не знаютъ иного, лучшаго образа жизни, и другаго они не видали и у родителей своихъ и дѣдовъ. На всей большой дорогѣ нѣтъ у крестьянъ ни порядочнаго домохозяйства, ни продажныхъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, и каждый ѣдущій въ Москву долженъ запасаться необходимымъ продовольствіемъ на все время пути. Никакихъ свѣчей у крестьянъ нѣтъ, а хозяинъ, хозяйка и дѣти носятъ тонкія зажженыя лучины въ рукахъ, или во рту, держа ихъ наискось, бѣгаютъ съ этими лучинами всюду въ избѣ и отправляютъ съ ними всѣ свои работы. Прежде крестьяне носили длинныя, до земли доходившія одежды и очень не охотно соглашались измѣнить ихъ; но ихъ отъучили отъ такихъ длиннополыхъ кафтановъ слѣдующимъ, довольно дѣйствительнымъ средствомъ. У городскихъ заставъ понаставили солдатъ, которые каждаго крестьянина, прибывшаго въ городъ въ длинномъ кафтанѣ, ставили на колѣни и тутъ же обрѣзывали ножницами кафтанъ до колѣнъ, да кромѣ того взыскивали съ него и денежную извѣстную пеню. Теперь крестьяне ходятъ уже въ своихъ суровыхъ короткихъ, по колѣна идущихъ, кафтанахъ, а лѣтомъ въ такой же короткой рубахѣ, выпущенной поверхъ портовъ и охватываемой поясомъ, на которомъ спереди виситъ обыкновенно большой ножъ въ ножнахъ, съ боку кнутъ, а сзади заткнуты корявыя рукавицы и топоръ. Волосы подстригаютъ они коротко, до ушей, и зиму и лѣто носятъ мохнатыя шапки; бороды до сихъ поръ крестьянамъ еще оставлены, потому что между ними мало рукъ, которыя могли бы пріучиться къ бритвѣ. Обувь ихъ составляютъ лапти, плетеные изъ лыкъ, и иной обуви они и не знаютъ. На шеѣ, съ самаго часа крещенія, они носятъ крестъ, а при немъ и денежный кошель, хотя мелкую монету, если ее немного, долго держатъ во рту, и если имъ подаришь или заплатишь за что̀ такою монетою, они тотчасъ бросаютъ ее въ ротъ и держатъ ее тамъ подъ языкомъ.

Въ каждомъ селеніи есть какъ бы старшій крестьянинъ, котораго зовутъ старостой; онъ заправляетъ деревней, но власть его очень ограничена, и чего онъ самъ порѣшить не можетъ, то̀ переносится имъ въ городскую канцелярію.

Какъ въ городахъ, такъ и по селеніямъ Русскіе женятся очень молодые, и всѣ крестьянскія избы всегда полны ребятишками. Если крестьянинъ берётъ жену изъ другаго селенія, то платитъ за дозволеніе отъ 4 до 5 рублей, за жену же изъ своей деревни только 4 пфенинга. Въ малыхъ и большихъ мѣстечкахъ или сёлахъ есть церкви; но такъ какъ проповѣдей въ нихъ не говорятъ и школъ нигдѣ по деревнямъ нѣтъ, то народъ не можетъ имѣть большихъ свѣдѣній въ религіи, а тѣмъ менѣе въ чтеніи и письмѣ, хотя нынѣ правящій царь, желая изгнать древнюю слѣпоту и невѣжество, имѣетъ намѣреніе поставить учителей, для обученія дѣтей чтенію и письму, по всѣмъ селеніямъ

своего государства, какъ это заведено уже въ городахъ.

305. Русскіе держатся уставовъ своей вѣры съ слѣпою покорностію и чрезвычайно строго, и я всегда удивлялся тому, какъ ревностно крестьяне соблюдаютъ свои посты, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ до того суевѣрны, что и проѣзжему въ это время не продаютъ ни молока, ни яицъ. Они вѣруютъ, что если будутъ соблюдать свято только эти посты, то во всякое другое время могутъ жить въ свое удовольствіе, почему у нихъ и совершается такая бездна безпорядковъ и насилій во время масляницы, которая составляетъ карнавалъ Русскихъ и предшествуетъ ихъ великому посту.

306. На погребеніи родственниковъ своихъ Русскіе поднимаютъ громкій плачь и причитанья. Въ Петербургѣ они сдерживаютъ еще себя тѣмъ, что (какъ выше уже сказано) тамъ это положительно запрещено; въ отдаленныхъ же отъ Петербурга мѣстностяхъ Русскіе продолжаютъ вести себя въ этомъ отношеніи постарому, и въ одномъ селеніи, на похоронахъ, я слышалъ въ домѣ покойника, черезъ окна, такой необычайный плачь и крикъ родныхъ умершаго и стороннихъ, нарочно нанятыхъ для того, бабъ, что крики эти разносились по всему селенію.

Въ Петербургѣ, въ случаѣ смерти простолюдина, выставляютъ его прежде на улицу, зажигаютъ передъ нимъ восковую свѣчу и просятъ у проходящихъ подаянія на погребеніе умершаго. Сердобольные прохожіе люди кладутъ около свѣчи деньги, и если близкіе покойника или тѣ люди, которые хотятъ снести его въ могилу, найдутъ, что собраннымъ подаяніемъ достаточно оплачивается ихъ трудъ, то кладутъ покойника въ рогожу, увязываютъ въ ней и, повѣсивъ его въ родѣ мѣшка на шестѣ, взваливаютъ на плечи двумъ, изъ среды своей, носильщикамъ и такимъ образомъ несутъ на кладбище, уговоривъ въ такомъ случаѣ еще нѣсколькихъ пріятелей покойнаго проводить его до могилы. Однажды я видѣлъ, какъ двое Русскихъ, пронесши уже подобнымъ образомъ покойника порядочное разстояніе, разсудили затѣмъ, что собранныхъ денегъ было недостаточно; поэтому они положили тѣло на землю, зажгли восковую свѣчу, стали посвоему креститься и причитать свою краткую обычную молитву: «Господи помилуй!» и поджидали такимъ образомъ подаянія; они никакого подаянія не получили, а ночь между тѣмъ наступила, но они все таки не хотѣли окончательно унести тѣло для погребенія, въ надеждѣ на завтра получить хоть ничтожную милостыню; поэтому они высмотрѣли подъ мостомъ узкое, пустое мѣстечко, сунули покойника туда, и какъ голова его не умѣщалась тамъ свободно, то они гнули и теребили покойника до тѣхъ поръ, пока не запрятали его и съ головой; за тѣмъ благословили его и пошли своею дорогой. На слѣдующій день они отнесли тѣло на кладбище.

307. Незадолго передъ Рождествомъ Христовымъ у Русскихъ бываетъ праздникъ, называемый ими родительскою субботою; въ этотъ день кровные родственники умершихъ собираются на ихъ могилы, приносятъ туда разнаго рода подарки и съѣстные припасы, поднимаютъ тамъ громкій плачь, спрашиваютъ покойниковъ: «что они подѣлываютъ, зачѣмъ умерли, что свело ихъ въ могилу?» и т. п. затѣмъ, расходятся по домамъ, а священники собираютъ съ могилы оставленные тамъ кушанья и подарки, въ

пользу церкви. Подобный надгробный плачь бываетъ, впрочемъ, и въ другіе дни, когда покойникъ недавно погребенъ, и въ Москвѣ я каждый день видѣлъ на кладбищѣ людей, съ плачемъ и скорбными тѣлодвиженіями преклоняющихся надъ могилами.

308. Въ одномъ селеніи близъ города Твери, я съ удивленіемъ услыхалъ двухъ Русскихъ, говорившихъ на чуждомъ языкѣ, именно на Финскомъ. Когда я спросилъ ихъ: Русскіе ли они, и если природные Русскіе, то не живали ли они въ Финляндіи, они сначала не хотѣли совсѣмъ отвѣчать, но наконецъ сказали, что они Русскіе и никогда далеко отъ своей деревни не уходили, а выучились говорить порусски и пофински отъ своихъ родителей; при этомъ они указали мнѣ на одного старика, который могъ сообщить мнѣ болѣе свѣдѣній по этому предмету. Этотъ старикъ разсказалъ, что отецъ его, въ числѣ нѣсколькихъ тысячь другихъ Финскихъ жителей, во время смутъ и враждебныхъ столкновеній между Русскими и Шведами, оставилъ свое отечество и отдался подъ покровительство царя; эти колоніи поселились въ разныхъ мѣстахъ, до самой Твери и до сихъ поръ удержали Финскій языкъ, хотя и довольно уже испорченный.

По счисленію сказаннаго старика я нашелъ, что переселеніе, о которомъ онъ говорилъ, совершилось во времена Густава Адольфа и генерала его Якова де-ла-Гарди, который нанёсъ Русскимъ много вреда, ибо тогда царь Михаилъ Ѳеодоровичь уступилъ Шведамъ Кексгольмъ и Ингерманландію; жители же этихъ мѣстъ, частію по собственному побужденію, ради перемѣны управленія, частію же по принужденію царей, переселились въ Россію. На всемъ пути моемъ до Новгорода я не встрѣчалъ подобнаго рода людей; но, по собраніи болѣе точныхъ свѣдѣній, я узналъ, что по обѣимъ сторонамъ большой дороги, цѣлый рядъ селеній (какъ Венды въ Германіи) наполненъ этими Финскими переселенцами. Хотя они называютъ себя Русскими и на словахъ признаютъ Русскую вѣру, но въ сердцѣ питаютъ свою особую вѣру и держатся обычаевъ, которые, не смотря на строгій надзоръ Русскихъ, передаютъ отъ дѣтей внукамъ, въ такой тайнѣ, что ихъ нельзя ни въ чемъ сослѣдить. Прежде ихъ очень преслѣдовали, но при теперешнемъ правленіи на нихъ смотрятъ сквозь пальцы, потому что живутъ они тихо и въ точности несутъ всѣ свои подати и повинности. У нихъ есть и свои Русскія церкви, но въ удаленныхъ и глухихъ мѣстностяхъ; они рѣдко посѣщаютъ ихъ, и хотя часто слышится колокольный звонъ, возвѣщающій богослуженіе, но это только для виду, и тѣ заѣзжіе со стороны люди, которые случайно пожелали бы присутствовать на молитвѣ и пошли бы въ церковь, увидали бы, что двери ея заперты, и въ ней нѣтъ ни священника, ни прихожанъ.

309. Городъ Москва лежитъ въ обширной, красивой равнинѣ; пространствомъ своимъ и сотнями золоченыхъ колоколень, блестящихъ на солнцѣ, представляетъ она зрѣлище прекрасное, хотя внутренность ея не соотвѣтствуетъ такому наружному виду. Длину ея считаютъ въ полторы, а ширину въ одну Нѣмецкую милю; въ прежнее время она имѣла въ окружности девять Нѣмецкихъ миль:

Весь городъ раздѣляется на 4 округа или части, и каждая изъ нихъ обнесена стѣной и обведена глубоки-

ми рвами, которые, впрочемъ, не защитили бы противъ порядочнаго нападенія. Въ округѣ первой стѣны лежатъ слободы или пригороды, черезъ которые протекаетъ рѣка Москва. Значительнѣйшая часть этихъ слободъ уничтожена прежними набѣгами Татаръ, а равно и частыми пожарами.

Въ округѣ 2-й стѣны лежитъ царь-городъ или царскій городъ; а въ 3-ей Китай-городъ, называемый такъ потому, что въ немъ продаются Китайскіе товары. Въ 4-й стѣнѣ лежитъ Кремль, которымъ называютъ и царскій дворецъ, мѣстожительство царя и вмѣстѣ небольшой городъ. Подлѣ и вокругъ дворца находятся канцеляріи, домъ патріарха и 40 слишкомъ большихъ и малыхъ церквей. Передъ дворцомъ большой рынокъ и самая значительная площадь въ городѣ. Всѣ церковныя, духовенству принадлежащія и свѣтскія зданія въ Кремлѣ чрезвычайно прочны и возведены исключительно изъ камня.

Въ помянутомъ Китаѣ-городѣ находится мѣсто, назначенное собственно для торговли, и всѣ тамошнія лавки раздѣлены особыми входами, такъ что для каждаго сорта товаровъ опредѣлены особыя отдѣленія и улицы, что̀ при обширности города представляетъ большое удобство для покупателей. Изображенія божества и святыхъ продаются или, какъ Русскіе выражаются, мѣняются на деньги въ особомъ отдѣленіи, и никто здѣсь не смѣетъ торговаться за такія иконы, но обязанъ или заплатить запрошенную цѣну, или оставить лавку.

Въ этой части города, исключительно назначенной для торговли, не смотря на обширность ея, всегда такая бездна и давка народу на всѣхъ улицахъ, что съ трудомъ пробираешься, и этотъ округъ я каждый день находилъ оживленнѣе, чѣмъ ярмарки въ Германіи. Въ царь-городѣ находятся большіе рынки, на которыхъ продаются только одни деревянные предметы и товары. Тамъ стоитъ наприм. нѣсколько сотень деревянныхъ домовъ, сдѣланныхъ на продажу, и если находится покупщикъ, то такой домъ тутъ же разбирается по частямъ, перевозится на мѣсто, куда желаетъ покупщикъ, и тамъ скорёхонько опять складывается. Эти дома, которыми застроена бо̀льшая часть Москвы, складываются изъ большихъ и малыхъ бревенъ, собираемыхъ въ четвероугольникъ одно на другое; щели въ нихъ проконопачиваются мхомъ, а крыши выстилаются тонкими досками или тёсомъ. На этомъ же рынкѣ стоитъ и нѣсколько тысячь гробовъ различной величины; это просто выдолбленныя бревна въ видѣ корыта, съ крышею, нѣсколько заостренною къ верху. Какъ только умираетъ простолюдинъ, близкіе его покупаютъ подобный гробъ и въ немъ несутъ его для погребенія въ могилу. Какъ я сказалъ уже, бо̀льшая часть домовъ въ Москвѣ деревянные, и сложены они почти также, какъ деревенскія избы. Великіе и частые пожары образовали во многихъ мѣстахъ пустыя и печальныя площадки, къ скорой застройкѣ которыхъ надежды не предвидится тѣмъ болѣе, что по вышедшему въ послѣднее время указу не только никто не смѣетъ вновь построить деревянный домъ, но и для улучшенія существующихъ уже хорошихъ домовъ обязаны всѣ употреблять исключительно камень; и отъ такихъ-то пустопорожнихъ мѣстъ городъ еще болѣе теряетъ въ своемъ объемѣ.

Намѣреніе его царскаго величества было, кажется, таково, чтобъ воздер-

жать своихъ Московскихъ подданныхъ отъ расходовъ на постройки въ Москвѣ и заставить ихъ по возможности строиться въ Петербургѣ; когдаже эта цѣль будетъ до нѣкоторой степени достигнута, то его величество имѣетъ въ виду не допускать Москву до разрушенія, но желаетъ поддерживать ее въ томъ состояніи, въ которомъ она теперь находится.

Въ Москвѣ считали все таки до 3000 каменныхъ зданій, которыя вообще прочно сложены и большею частію стоили громадныхъ издержекъ, и одни эти каменные домà могли бы составить хорошій городъ, еслибъ всѣ они стояли въ извѣстномъ порядкѣ и примыкали другъ къ другу. Но они разбросаны тамъ и сямъ, и въ промежуткахъ между ними раскидано нѣсколько тысячь деревянныхъ домовъ, и всѣ эти дома кромѣ того выходятъ не на улицу, а построены позади, внутри дворовъ и отъ пожара и воровъ обведены высокими каменными стѣнами. Улицы выведены также безпорядочно, и лишь въ очень немногихъ мѣстахъ замощены мостовою; въ остальныхъ же вездѣ уложены мостками изъ досокъ, которые въ лѣтнее время дѣлаютъ ѣзду по городу чрезвычайно затруднительною.

Меня увѣряли, что въ Москвѣ и ея окрестностяхъ должно быть 1500 церквей и монастырей, и такъ какъ у каждой церкви непремѣнно по нѣскольку колоколовъ, то колокольный звонъ въ Москвѣ безъ конца. Колокола здѣсь не приводятся въ движеніе ногой, какъ въ Германіи, но звонятъ въ нихъ, дергая за веревку, привязанную къ языку. Въ большіе праздники, и особенно на святой недѣлѣ, простолюдины неудержимо тѣснятся на колокольни, чтобы позвонить хорошенько; они вѣрятъ, что отъ такого усердія и уши ихъ, и другія дѣла на цѣлый годъ пребудутъ благополучны.

Въ городѣ нѣсколько часовъ, и на выстроенной княземъ Меншиковымъ изящной церкви часы съ колокольною игрою. У каждаго боярскаго двора имѣется стража, которая выбиваетъ часы деревяннымъ молоткомъ по большой доскѣ. Простой народъ считаетъ дневные часы съ восхода солнца до заката.

Бѣднаго люду и безбожной сволочи, которая ничего не дѣлаетъ отъ лѣни, въ Москвѣ такая бездна, и всевозможныя уголовныя происшествія такъ часты, что чуть только наступаютъ сумерки, никто по своей охотѣ не выходитъ изъ дому безъ надёжныхъ проводниковъ. Воры становятся гдѣ нибудь въ уголку улицы и бросаютъ толстыя дубинки въ головы проѣзжающихъ или проходящихъ съ такою ловкостью, что рѣдко даютъ промаху. Самое опасное время бываетъ на масляницѣ, когда народъ безумѣетъ и свирѣпѣетъ, и наканунѣ моего пріѣзда въ Москву на улицахъ найдено болѣе 60 убитыхъ людей; двухъ изъ нихъ я самъ видѣлъ на дорогѣ, въѣзжая въ городъ. Опасность усиливается и предосторожность путниковъ умножается отъ того, что ихъ величества находятся въ отсутствіи, въ отдаленныхъ странахъ, и люди готовые на всё недоброе обыкновенно говорятъ себѣ: «До Бога высоко, до царя далеко!» (Bog wissoko, ossodar dalioko).

Въ Москвѣ заведенъ такой обычай, что всѣ найденные на улицахъ убитыми въ продолженіи цѣлаго года свозятся за городъ въ одну глубокую яму, а въ Пятидесятницу, въ извѣстный опредѣленный для того день, посылается туда священникъ,

который отправляетъ разомъ по всѣмъ усопшимъ панихиду и приказываетъ затѣмъ засыпать такую могилу землею.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ его царское величество учредилъ въ Москвѣ три гимназіи и учителями въ нихъ опредѣлилъ многихъ Русскихъ ученыхъ монаховъ, которые обучались въ Польшѣ, Украйнѣ и Пруссіи. Въ первой гимназіи отъ 300 до 400 учениковъ, изъ Поляковъ, украинцевъ и Русскихъ, которымъ въ нѣсколькихъ классахъ преподаютъ *humaniora*, и эти иноки—острые и разумные люди. Когда мнѣ показывали зданіе и церковь этой гимназіи, а также и методу преподаванія въ ней, то подъ конецъ одинъ изъ гимназистовъ высшаго класса, какой-то князь, сказалъ довольно искусную, за ранѣе выученную, рѣчь на Латинскомъ языкѣ, которая состояла изъ комплементовъ.

Въ другой гимназіи проходятъ всю математику, и въ ней до 700 учениковъ, которые по способностямъ раздѣляются на три класса и содержатся вообще въ строгой дисциплинѣ. Преподаватели въ ней — Русскіе, но самый главный изъ нихъ Англичанинъ, въ совершенствѣ обладающій Русскимъ языкомъ; онъ превосходно обучилъ многихъ молодыхъ людей, поступившихъ уже въ морскую и военную службу. По приказу его царскаго величества, онъ послалъ въ настоящее время во вновь учрежденную въ Петербургѣ морскую академію еще сотню молодыхъ людей, которыхъ вывелъ онъ изъ грубѣйшаго невѣжества, а затѣмъ и самъ онъ былъ призванъ въ Петербургъ въ эту Академію, въ качествѣ профессора.

Юношество, находящееся въ 3-ей гимназіи, обучается наукамъ, исключительно относящимся до мореплаванія.

4 Марта я осматривалъ главную церковь въ Кремлѣ. Это просторное, древнее и чрезвычайно прочно сооруженное каменное зданіе. Противъ самаго алтаря и въ шести шагахъ отъ него, на правой рукѣ, находился царскій, а на лѣвой патріаршій стулъ. Посреди церкви висѣла серебрянная корона необыкновенной величины. Образъ Божіей матери и другія иконы и украшенія алтаря унизаны множествомъ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ различныхъ родовъ, стоимость которыхъ оцѣнивается суммою свыше полтонны золота. Священники показывали мнѣ другой образъ Святой Маріи, сдѣланный Святымъ Лукою. Въ этой главной церкви покоятся весьма чтимые Русскими святые: Эолъ *) (Aeolus?), Антоній и Филиппъ, въ каменныхъ гробницахъ, обнесенныхъ желѣзными рѣшетками. При мнѣ открыли гробъ перваго святаго, и нетлѣнныя мощи его были обложены и совершенно покрыты множествомъ шелковыхъ одеждъ, изъ подъ которыхъ священники показывали только одну руку, которую пришедшіе съ нами Русскіе цѣловали съ великимъ благоговѣніемъ и умиленіемъ. Въ этой же церкви находился и тотъ образъ, который изрубилъ ножемъ одинъ Русскій, заживо сожженный въ прошломъ году, по уличеніи его въ ереси и непочитаніи иконъ, о чемъ я разсказывалъ уже выше.

Въ отдѣльной камерѣ хранится великое богатство золотыхъ чашъ, тарелокъ и другой церковной утвари, а также и чисто и чётко писанный Новый Завѣтъ въ серебрянномъ пере-

---

*) Вѣроятно Іовъ – патріархъ. *Примѣч. переводчика.*

плетѣ, усѣянномъ множествомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. Показывали мнѣ еще чашу изъ яшмы, весьма древней Греческой работы, которую св. Антоній бросилъ будто бы въ Римѣ въ воду, и затѣмъ, прибывъ въ Новгородъ, снова обрелъ её въ тамошней рѣкѣ. Этому Антонію и чудесамъ его Русскіе придаютъ великое значеніе.

На колокольнѣ этой церкви лежитъ большой знаменитый колоколъ, которому подобнаго нѣтъ нигдѣ, въ чемъ согласны между собою всѣ описатели онаго. Въ одинъ пожаръ колоколъ этотъ раскололся и упалъ на землю. Близь церкви видна еще яма, въ которой онъ былъ вылитъ и которую не зарываютъ въ воспоминаніе объ этомъ событіи; но никто изъ Русскихъ не могъ мнѣ объяснить, какимъ образомъ эта громадная махина поднята была на высоту колокольни. Родившіеся въ Москвѣ Нѣмцы, которыхъ я взялъ съ собою на колокольню, разсказывали мнѣ, по преданію, слѣдующее: по неимѣнію свѣдущихъ иноземныхъ людей, Русскіе подбивали подъ колоколъ и укрѣпляли нѣсколько тысячь кольевъ и такимъ образомъ, мало по малу, приподнимали его постепенно всё выше и выше и наконецъ, съ несказанными трудами, приподняли его такимъ образомъ до потребной высоты, а за тѣмъ спустили его по скату въ отверстіе колокольни. Колоколъ исписанъ множествомъ именъ людей, осматривавшихъ его.

Подлѣ соборной церкви стоитъ домъ, въ которомъ живётъ патріархъ. Въ одномъ большомъ его покоѣ, подобномъ конвикторіи, стоялъ на возвышеніи въ 4 ступенки стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ одинъ за трапезой; остальныя духовныя особы сидѣли и кушали за низкими столами. На верху была библіотека, состоявшая изъ Русскихъ, Славянскихъ, Польскихъ и восточныхъ древнихъ книгъ; я не нашелъ въ ней никакой другой Нѣмецкой книги, кромѣ Священнаго Писанія, переведеннаго д. Мартиномъ Лютеромъ и напечатаннаго въ Люнебургѣ въ 1650 году. Ни въ одной церкви, ни въ монастырѣ я не видѣлъ Ветхаго Завѣта, но вездѣ одинъ только Новый Завѣтъ, на переплетъ и украшенія котораго Русскіе обращаютъ большое вниманіе. Ветхій Завѣтъ, за исключеніемъ 1-й книги Моисея, считается безполезнымъ для назиданія прихожанъ. Въ помянутой же выше комнатѣ стоятъ шесть деревянныхъ ящиковъ или сундуковъ, съ хранящимися въ нихъ 77-ью патріаршими ризами, которыя, по упраздненіи патріаршества, теперь не употребляются при богослуженіи.

Нѣкоторые Англичане, бывшіе со мной и хорошо знающіе толкъ въ драгоцѣнныхъ камняхъ и жемчугѣ, увѣряли, что драгоцѣнности на всѣхъ этихъ одеждахъ или ризахъ не оцѣнимы. Ризы, которыя носили умершій въ 1702 году патріархъ Адріанъ и предшественникъ его святой Никонъ, хранились въ двухъ особыхъ сундукахъ, и одну изъ нихъ, работы многоцѣнной, 100 лѣтъ тому назадъ, прислали въ подарокъ Греческіе патріархи. Митры и посохи, предносимые передъ патріархами, обиты золотомъ и богато усѣяны драгоцѣнными камнями; одинъ изъ такихъ посоховъ подарилъ Московскому патріарху отецъ нынѣшняго Персидскаго государя. Все одѣяніе, принадлежащее къ облаченію патріарха, состояло изъ такого множества частей, и было такъ тяжеловѣсно, что я едва могъ поднять оное одною рукою.

5 Марта осматривалъ я церковь Архангела, въ которой находятся гробницы всѣхъ Русскихъ царей. Священникъ провелъ меня въ отдѣльную отъ церкви камеру, къ сторонѣ, позади алтаря, въ которой стояли 3 каменные гроба. Въ первомъ изъ нихъ покоился знаменитый царь Иванъ Васильевичь, а въ остальныхъ оба сына его. Истинный Димитрій, убитый въ 1591 году своимъ главнымъ гофмейстеромъ Борисомъ Годуновымъ (который по смерти царя Ѳеодора избранъ былъ царемъ), лежитъ въ особомъ мѣстѣ въ этой церкви; гробница его стоитъ въ колонадѣ противъ алтаря, подъ другимъ небольшимъ придѣломъ или алтаремъ въ честь его, и Русскіе чтутъ этого Димитрія, почти какъ святаго; большинство твердо вѣритъ, что подосланные Борисомъ убійцы умертвили этаго юнаго царевича, который жилъ въ Угличѣ, городкѣ въ 180 верстахъ или въ 36 Нѣмецкихъ миляхъ отъ Москвы, вмѣстѣ съ своею матерью, и что тѣло бывшаго потомъ на престолѣ и безжалостно убитаго Лже-Димитрія сожжено въ прахъ и слѣдовательно не могло быть положено въ гробницу. Отецъ нынѣ царствующаго государя, Алексѣй Михайловичь, съ двумя сыновьями своими: Ѳеодоромъ и Иваномъ Алексѣевичами, которые оба царствовали, лежатъ почти посреди церкви, близко другъ отъ друга, и три мѣдные гроба ихъ одѣты великолѣпнѣйшими покровами. Бирюзовый камень, который царь Иванъ носилъ на себѣ и который вдѣланъ здѣсь въ крышку его гробницы, цѣнится особенно дорого по необычайной величинѣ.

Остальные цари лежатъ длиннымъ рядомъ вдоль стѣны, тѣсно одинъ къ одному, и гробы ихъ также покрыты драгоцѣнными покровами. Великіе князья царской крови, не правившіе царствомъ, покоятся въ особомъ мѣстѣ, и гробы ихъ (которыхъ я насчиталъ въ этой церкви около 30) вообще менѣе великолѣпны. Всѣ покровы на царскихъ гробахъ раскладываются на нихъ только въ большіе праздничные дни, или для показа чужестранцамъ (какъ это было въ настоящемъ случаѣ), и никогда въ другое время, и работы они превосходной, по Русскому образцу; самая основа ихъ шелковая или бархатная; вверху на многихъ изъ нихъ массивный золотой крестъ, а по краямъ каждаго покрова обозначены имена покойниковъ, вышитыми или низанными Русскими буквами изъ многихъ тысячь жемчужинъ и дорогихъ каменьевъ разнаго рода. Въ этой же церкви показывали мнѣ также гробъ св. Алексія и кусокъ дерева отъ креста Спасителя. На налоѣ передъ алтаремъ видѣлъ я здѣсь же четырехъ-угольную доску или плиту, раздѣленную на 30 или болѣе маленькихъ отдѣленьицъ, изъ которыхъ въ каждомъ вдѣлано по небольшой частицѣ костей или мощей, съ надписью какому святому они принадлежатъ, и изъ нихъ-то набожные люди выбираютъ мощи того или другаго, по нуждамъ своимъ, или особому благоговѣнію къ нимъ, прикладываются и служатъ передъ ними молебны.

Послѣ этаго я отправился въ женскій монастырь, называемый Чудовымъ (*) и послалъ увѣдомить настоятельницу о желаніи моемъ обозрѣть монастырь; когда же она не только

(*) Монастырь этотъ есть Вознесенскій, а не Чудовъ, который стоитъ тутъ же вблизи и называется Архангело-чудовымъ, и изъ него-то авторъ и пошелъ въ Вознесенскій женскій монастырь. *Пр. переводчика.*

удивилась просьбѣ моего посланнаго, но и представляла разныя къ тому препятствія, то я послалъ къ ней дьяка или канцелярскаго чиновника, который всюду сопровождалъ меня, съ письменнымъ приказомъ архіепископа Рязанскаго и, по предъявленіи этаго приказа, она тотчасъ же велѣла отворить для меня церковь и выслала двухъ старыхъ монахинь проводить меня. Одна изъ этихъ монахинь постоянно придерживала меня за рукавъ и когда я, желая изъ любопытства посмотрѣть на алтарѣ одну чрезвычайно-древнюю, изящную икону, высвободился отъ нея, то сей часъ же, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я былъ, стали окуривать ладаномъ и затѣмъ, сдѣлавши мнѣ легкое замѣчаніе, показали мнѣ гробницы всѣхъ царицъ и царевенъ, которыя были украшены также, какъ и гробы царей, и вообще убраны были хорошо. Царицы и царевны покоились большею частію въ каменныхъ гробахъ; онѣ положены въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ умирали одна за другою. Мнѣ показывали также гробницу св. Аилтуля *), Ailtuli, жившаго за 300 лѣтъ тому назадъ и мнѣ много разсказывали о чудесахъ его.

Настоятельница этаго знаменитаго монастыря, которую Русскіе называютъ игуменьей, приказала изъ любопытства просить меня пожаловать къ ней въ комнату, хотя она больна и вообще рѣдко съ кѣмъ видится. Ей прислуживало съ великимъ уваженіемъ довольное число монахинь; она жаловалась мнѣ на нездоровье, отрѣзала кусочекъ чернаго хлѣба, обмакнула его въ неизвѣстное мнѣ сладковатое питьё и подала мнѣ съѣсть его. За тѣмъ одна монахиня принесла койкакія шелковыя работы, дѣланныя въ монастырѣ, которыя настоятельница подарила мнѣ на память. Настоятельница очень много распрашивала меня о состояніи Нѣмецкихъ земель, о женскихъ тамошнихъ монастыряхъ и съ большимъ вниманіемъ слушала сообщенныя ей мною свѣдѣнія. Наконецъ, въ знакъ особаго своего расположенія, приказала она нѣкоторымъ изъ важнѣйшихъ монахинь своихъ угостить меня въ ихъ общей трапезной кельѣ, что̀ монахини и исполнили съ великою учтивостію и вниманіемъ ко мнѣ и были очень разговорчивы со мною; за тѣмъ, угостивъ меня, противъ моего желанія, пятью чарками водки, они просили меня не замедлить снова посѣтить ихъ.

Едва успѣлъ я возвратиться домой, какъ одинъ изъ прислужниковъ описаннаго сейчасъ монастыря принёсъ мнѣ отъ настоятельницы письмо, съ различными незначительными подарками, монастырской работы. Такъ какъ нѣкоторые пріятели вразумили меня, что это было вѣжливое напоминаніе о хорошемъ отвѣтномъ подаркѣ и благодарности за обозрѣніе монастыря, то я уплатилъ мой долгъ, пославъ ей нѣсколько картинъ духовнаго содержанія, для украшенія ея келій.

Въ этомъ монастырѣ есть и замужнія женщины, которыя или сами поступили сюда вслѣдствіе неудовлетворительнаго супружества и другихъ уважительныхъ причинъ, или заточены сюда своими мужьями, что̀ въ

*) Такого святаго и мощей не было и нѣтъ, и въ Вознесенскомъ монастырѣ покоятся мощи только одной святой, Ефросиніи. Подъ этимъ именемъ не хотѣлъ ли авторъ сказать о Тайтулѣ, женѣ Татарскаго хана, которую, какъ извѣстно, св. Алексій излѣчилъ отъ глазной болѣзни. Вѣроятно Веберу сообщили объ этомъ событіи, а онъ плохо понялъ, перепуталъ и изъ имени Татарки Тайтулы сдѣлалъ св. Айтуля. *Примѣч. переводчика.*

этой странѣ сдѣлать вовсе не трудно. Русскія женщины живутъ въ большой зависимости; положеніе ихъ рабское, и мужья держатъ ихъ такъ строго, что многія питаютъ страхъ къ брачному состоянію и охотнѣе избираютъ монастырь. Мужья, если пожелаютъ поступить въ монахи, то такою перемѣною состоянія могутъ также расторгнуть бракъ. Между молоденькими монашенками есть очень много такихъ, которыя живутъ въ монастырѣ по принужденію и которыхъ отдали насильно сюда или родители за непослушаніе, или чаще братья и другіе родственники, для того, чтобы имѣть возможность по своему желанію распорядиться наслѣдствомъ; потому и случается, что въ такихъ монастыряхъ, какъ напримѣръ помянутый выше Чудовъ монастырь, попадается очень много молодыхъ, красивыхъ и знатнаго рода монашенокъ. Монахини носятъ длинныя, черныя, съ широкими рукавами рясы, перетянутыя поясомъ, а на головѣ черные же, на плеча ниспадающіе, широкіе клобуки, и когда присутствуютъ на богослуженіи, то покрываютъ еще верхнюю часть лица флёромъ. Молитвенные часы совершаютъ онѣ какъ днемъ, такъ и ночью и поютъ въ два хора по Русскимъ нотамъ или напѣву; но мелодіи ихъ поются почти въ одинъ тонъ, и потому въ нихъ нѣтъ никакого искусства. Русскіе не допускаютъ въ церквахъ никакой инструментальной музыки и говорятъ, что одинъ только голосъ человѣка можетъ восхвалять Бога. Точно также у нихъ въ церквахъ нѣтъ стульевъ, и молящіеся либо стоятъ, либо припадаютъ на колѣни, крестясь безпрестанно передъ образами и повторяя краткую молитву: Господи помилуй! въ то время, какъ священникъ служитъ обѣдню. Русскіе безпрестанно прибѣгаютъ къ крестному знаменію, которое совершаютъ они сложивъ два (*sic*) перста и прикладывая ихъ сперва на голову, потомъ на грудь, на правое и на лѣвое плечо, и на всѣхъ улицахъ, гдѣ только завидятъ они церковь или крестъ, ихъ всегда встрѣчаешь въ такомъ благоговѣйномъ положеніи.

За четверть мили отъ города лежитъ еще чрезвычайно богатый, такъ называемый Дѣвичій монастырь, въ которомъ жила и погребена замѣшанная въ бывшемъ бунтѣ сводная сестра его царскаго величества, царевна Софія, и въ который никто, безъ особеннаго дозволенія бывшаго тогда вице-царя Московскаго, князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, не допускался. Этотъ господинъ имѣлъ обыкновеніе приневоливать приходящихъ къ нему гостей выпивать чарку сильной, съ перцемъ смѣшанной, водки, которую держалъ въ лапѣ хорошо обученый большой медвѣдь, при чемъ часто, ради потѣхи и въ случаѣ отказа гостей пить водку, этотъ медвѣдь принуждалъ ихъ къ тому, срывая съ нихъ шляпу, парикъ или хватая за платье. Хотя этотъ князь Ромодановскій, бывши въ Петербургѣ, принялъ меня по своему весьма дружественно, но по причинѣ описаннаго сейчасъ пріема я не рѣшился въ Москвѣ сдѣлать ему визитъ, почему и не могъ осмотрѣть внутри сказанный знаменитый Дѣвичій монастырь. Лежитъ этотъ монастырь на прекрасной равнинѣ, и изъ него открывается видъ на всю вокругъ лежащую окрестность. Въ немъ триста монахинь, живущихъ очень строго и никогда не выходящихъ изъ монастыря; въ праздничные только дни они пользуются однимъ удовольствіемъ: гуля-

ютъ по большой, окружающей монастырь каменной стѣнѣ. Другая сводная сестра его царскаго величества, царевна Катерина, по основательному подозрѣнію, также прожила въ этомъ монастырѣ нѣсколько лѣтъ, но благодаря ходатайству третьей сводной же сестры царя Маріи (впавшей потомъ въ немилость по дѣлу царевича Алексѣя) и благодаря просьбѣ царевны Натальи, она выпущена изъ монастыря семь лѣтъ тому назадъ. Она жила тогда въ Москвѣ, въ своемъ дворцѣ, совсѣмъ на краю пригорода, получала соотвѣтственное своему состоянію содержаніе и отличалась большимъ умомъ и геройскимъ духомъ. Его царское величество приказалъ ей прибыть въ Петербургъ и жить тамъ, но она отъ этаго упорно уклонилась.

Въ описанномъ Дѣвичьемъ монастырѣ показывали мнѣ на окружающей его стѣнѣ комнату, въ которой царевна Софія содержалась въ началѣ своего заточенія и изъ которой она должна была смотрѣть на казнь повѣшенныхъ передъ ея окномъ, преданныхъ ей, бунтовщиковъ. Она прожила пятнадцать лѣтъ въ этомъ монастырѣ, и однажды, вспоминая ее, царь высказалъ такое мнѣніе о ней, что если бъ не жажда ея къ правленію, то она была бы совершенная царевна по тѣлеснымъ и духовнымъ дарованіямъ своимъ.

Въ полумили отъ города лежатъ еще Симоновскій, Донской и другіе монастыри, которые всѣ состоятъ изъ прочныхъ, цѣнныхъ и большими каменными стѣнами окруженныхъ зданій и храмовъ. Послѣдне-названный монастырь состоитъ изъ однихъ чистыхъ Украинцевъ и другихъ Русскихъ, родомъ съ рѣки Дона и, какъ разсказывалъ мнѣ настоятель, поводомъ къ сооруженію его послужила найденная сто лѣтъ тому назадъ на той рѣкѣ икона Дѣвы Маріи, каковую икону онъ показывалъ мнѣ.

10-го Марта я отправился въ Воскресенскій монастырь, въ сопровожденіе 8 драгунъ и одного капрала, данныхъ къ услугамъ моимъ. Въ этотъ монастырь стекается множество богомольцевъ, и онъ у нихъ въ большомъ уваженіи, потому что патріархъ Никонъ устроилъ его внутри по образцу Св. Гроба Іерусалимскаго, самымъ точнымъ образомъ, сообразно его величинѣ, украшенію и всѣмъ вообще принадлежностямъ, при посредствѣ нѣсколькихъ искусныхъ мастеровъ-строителей, которыхъ онъ нарочно для этаго посылалъ въ Іерусалимъ; и сооруженіе это стоило громадныхъ издержекъ. Монастырь находится въ 8 миляхъ отъ Москвы, окруженъ большою, высокою каменною стѣною и рѣкою, обильною рыбой. Внутри, по стѣнѣ кругомъ, расположены кельи для 80 иноковъ, и тамъ же помѣщаются 4 плѣнныхъ Шведа, именно два главныхъ лейтенанта, одинъ генералъ-адьютантъ и одинъ тайный секретарь Цедергельмъ. Пока я былъ въ монастырѣ, ихъ не выпускали изъ комнатъ, но во всякое другое время имъ позволяютъ ходить на охоту, въ сопровожденіи стражи.

Зданіе святаго гроба и всего храма сооружено изъ высѣченныхъ четырехъ-угольныхъ камней, точно также, какъ и почти всѣ другіе монастыри въ Москвѣ, и точно также, какъ въ самомъ Іерусалимѣ. Оно раздѣляется поверхъ земли, на землѣ и подъ землею на множество отдѣленій, придѣловъ, небольшихъ часовень и галлерей, изъ которыхъ въ каждой части свой алтарь, и этихъ алтарей я насчиталъ болѣе 70. Передъ дверью гроба, у отваленнаго камня, гдѣ нарисована стража,

сускло горѣла лампада, у которой тидѣлъ старый монахъ и просилъ подаянія. Осмотрѣвъ все замѣчательное, равно какъ и гробъ погребеннаго тамъ же патріарха Никона, золотую церковную утварь и всю остальную сокровищницу, пошелъ я къ архимандриту или настоятелю монастыря, и въ назидательной бесѣдѣ съ нимъ о разныхъ предметахъ я между прочимъ узналъ, что, въ четверти мили отъ монастыря, патріархъ Никонъ прожилъ въ одной пустынѣ цѣлыя 20 лѣть; но что къ мѣсту этому, зимой и по причинѣ весьма глубокаго снѣгу, добраться мнѣ было нельзя. Я много слышалъ объ этомъ замѣчательномъ Никонѣ, и такъ какъ Русскіе чтутъ его весьма высоко, то мнѣ крайне хотѣлось взглянуть на это уединенное мѣсто, и я, послѣ многотрудныхъ усилій (потому что снѣгъ былъ глубиною въ ростъ человѣка) черезъ два часа, пробрался туда. Я нашелъ тамъ весьма небольшую каменную часовню, окруженную нѣсколькими деревьями и деревяннымъ тыномъ. Два окаменѣвшіе отъ дряхлости монаха, услыхавъ произведенный нами шумъ, вышли къ намъ, изумились сначала такому необычайному посѣщенію солдатъ, но потомъ успокоились послѣ привѣтствій и объясненій моего дьяка, и повели меня во дворъ, гдѣ по чрезвычайно-узкой, каменной, винтообразной лѣстницѣ, устроенной такъ, что въ ней едва могъ пройти одинъ человѣкъ, я протѣснился въ верхъ и прежде всего вошелъ въ маленькую часовню, въ которой патріархъ совершалъ свое одинокое богослуженіе; часовня эта была около сажени въ длину и столько же въ ширину. Жилой покой былъ немногимъ болѣе, и въ немъ висѣла широкая желѣзная пластинка съ мѣднымъ изображеніемъ креста, на тяжелой цѣпи, что всё вмѣстѣ вѣсило болѣе 20 фунтовъ, и такой-то крестъ, помянутый патріархъ, цѣлыя 20 лѣтъ; день и ночь, не снимая, носилъ на шеѣ. Мѣсто для сна длиною было два локтя и шириной едва одинъ локоть, вся постель состояла изъ четырехъугольнаго камня, на которомъ никакой постилки не было, кромѣ тростниковой, которая доселѣ хранится въ монастырѣ и показывается; ибо богомольцы смотрятъ на нее, какъ на святыню и на половину уже повыдергали изъ нея тростинки. Внизу этой храмины была небольшая печь, въ которомъ патріархъ варилъ себѣ снѣдь. Помянутые два старца живутъ зиму и лѣто въ этой пустынѣ и существуютъ подаяніемъ отъ приходящихъ сюда богомольцевъ. Въ Русскихъ монастыряхъ вообще содержаніе довольно порядочное. Каждый монастырь имѣетъ настоятеля или архимандрита, къ которому монахи состоятъ въ повиновеніи и почтеніи. Прежде доходы ихъ были громадные, и хотя излишнее у нихъ отобрано, но и теперь у нихъ есть порядочные достатки. По истинѣ нельзя не удивляться тѣмъ неописаннымъ сокровищамъ, которыя видишь въ церквахъ и монастыряхъ, въ драгоцѣнныхъ камняхъ, золотѣ и жемчугѣ, и которыя у духовенства во всей Россіи лежатъ какъ бы погребенныя, хотя духовенство это, послѣ Нарвскаго дѣла, когда вообще обстоятельства были затруднительны и когда порядочное число церковныхъ колоколовъ пришлось переливать въ пушки, обложено было контрибуціей.

310. Такъ какъ его царское величество до сихъ поръ не находитъ нужнымъ назначить патріарха, то церковное управленіе лежитъ на

собственныхъ его высокихъ заботахъ, а послѣ него вѣдается митрополитами, архіереями, въ мужскихъ монастыряхъ—архимандритами, а въ женскихъ – игуменьями.

311. Попы или мірскіе священники одни только могутъ быть женатыми, и то одинъ только разъ, ибо въ этомъ смыслѣ Русскіе толкуютъ извѣстное изрѣченіе: «Епископъ долженъ быть мужемъ одной жены». Духовныя лица, въ противность обыкновенію остальныхъ Русскихъ, носятъ волосы длинные, какіе пожелаютъ, и до сихъ поръ они удержали еще право носить бороду, которую, ради уподобленія Богу (живописцы рисуютъ Бога съ бородою) они очень чествуютъ и послѣ жизни считаютъ её дороже всего.

312. Въ городѣ Москвѣ есть аптека, если не лучшая изъ всѣхъ въ Европѣ, то могущая стать на ряду съ важнѣйшими изъ нихъ. Аптека эта снабжаетъ лекарствами армію и всѣ большіе города Россіи, сама же ежегодно снабжается новыми запасами на 20 и болѣе тысячь рублей. Зданіе аптеки одно изъ лучшихъ въ городѣ, и всѣ служащіе въ ней изъ Нѣмцевъ.

313. Въ Москвѣ же показывается искусственный земной глобусъ, помѣщаемый въ небольшомъ, нарочно для того устроенномъ, домѣ и сдѣланный мастерскою рукою въ Голландіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ; подлѣ глобуса лежитъ тамже четырехъ-весельная шлюпка, сдѣланная собственными руками царя Михаила Ѳеодоровича и сохраняемая теперь въ этомъ помѣщеніи, какъ рѣдкость.

Въ концѣ города находится звѣринецъ въ саду, въ которомъ помѣщены живые львы, тигры, пантеры, бѣлые медвѣди, черныя лисицы, рыси, соболи, и множество дорогой и красивой птицы всякаго рода.

314. Такъ какъ вокругъ Москвы много прекрасныхъ лѣсовъ, наполненныхъ множествомъ пѣвчихъ птицъ, неплодородное же пространство около Петербурга, напротивъ, отличается большимъ недостаткомъ въ нихъ, то немного лѣтъ назадъ накуплено было нѣсколько тысячъ всевозможныхъ птицъ на 1500 рублей, на рынкахъ въ Москвѣ и окрестныхъ селеніяхъ, и отвезено въ Петербургъ, гдѣ выпустили ихъ въ кустарникахъ на свободу, вслѣдствіе чего птицы эти съ той поры тамъ размножились.

Живые соболи въ помянутомъ звѣринцѣ-саду очень похожи на кошку, и бьютъ ихъ изъ лука и тупыми стрѣлами. Дороговизна ихъ мѣха извѣстна, и я видѣлъ одинъ такой мѣхъ чернаго соболя на шубѣ, посланной царемъ султану; ее цѣнили свыше четырехъ тысячь рейхсъталеровъ.

У древнихъ историковъ читаемъ много басень и различныхъ мнѣній о золотомъ рунѣ; но еслибъ точнѣе взглянуть на торговлю, которую вели древніе Скиѳы съ Сибирякми, отъ которыхъ между прочими товарами они получали и соболь, и доставляли его въ Колхиду, а Колхидяне въ свою очередь перепродавали его Грекамъ, то съ полнымъ основаніемъ можно полагать, что такъ какъ Греки получали этотъ мѣхъ чаще всего изъ третьихъ рукъ, и должны были слѣдовательно платить за него большую цѣну золотомъ, то они и приняли обыкновеніе мѣхъ этотъ совершенно справедливо называть vellus aureum, или золотымъ руномъ.

Какъ только соболевые мѣха доставятъ Сибирскому губернатору и выдѣлаютъ ихъ, то прикладываютъ

къ нимъ печать и отсылаютъ въ Сенатъ. Сибирское царство уплачиваетъ свои подати большею частію этимъ товаромъ.

17 лѣтъ назадъ, его царское величество приказалъ было начать постройку въ Москвѣ цейгъ-гауза, громадной величины и прочности, но возведены были только фундаментъ и стѣна; ибо царь, по случаю закладки Петербурга, приказалъ прекратить дальнѣйшую постройку цейгъ-гауза.

315. Осмотрѣть царскій тронъ, а слѣдовательно и дворецъ, я могъ лишь незадолго до моего отъѣзда, потому что главный хранитель государственныхъ сокровищъ, князь Прозоровскій (отецъ княгини Голицыной, о которой ниже буду говорить подробнѣе), постоянно былъ боленъ и никому не хотѣлъ довѣрить ключи отъ покоя, гдѣ находится тронъ. Самый дворецъ лежитъ близъ Москвы рѣки, и всё зданіе онаго возведено изъ высѣченныхъ четырехъ угольныхъ камней, очень прочно, но симметрія и расположеніе страдаютъ, по причинѣ многихъ прибавокъ и частыхъ пристроекъ.

На самой внутренней площадкѣ дворца стоитъ древняя маленькая церковь, построенная еще прежде города и чтимая, какъ уцѣлѣвшая до сихъ поръ древность. Въ покои царя, теперь запущенные и мало меблированные, ведетъ въ верхъ широкая лѣстница, и передъ нею показывали мнѣ площадку, на которой въ 1682 г. собрались взбунтовашіеся стрѣльцы и подхватывали на свои копья многихъ знатныхъ Русскихъ бояръ, выброшенныхъ изъ оконъ и съ лѣстницы дворца. Изъ жилаго покоя идётъ ходъ въ царскую часовню, въ которой богослуженіе совершается и теперь. Царскій тронъ стоитъ здѣсь прямо противъ алтаря и спереди совершенно открытъ; напротивъ, мѣста царицы и царевенъ совсѣмъ закрыты, и въ нихъ, вмѣсто оконъ, подѣланы небольшія отверстія, въ палецъ ширины, черезъ которыя онѣ слѣдятъ за богослуженіемъ, и ходятъ онѣ въ церковь изъ своихъ покоевъ также совершенно закрытымъ ходомъ, чтобы, согласно древнему обычаю, ихъ никто не могъ видѣть ни въ церкви, ни во время шествія.

Корона и скипетръ были въ особой комнатѣ запечатаны и заперты, и печать и ключь находились у государственнаго канцлера графа Головкина, за отсутствіемъ котораго нельзя было поэтому и пройти въ эту комнату. Тронъ, на которомъ царь даетъ аудіенцію, недавно перенесенъ изъ аудіенцъ-залы въ другую палату, потому что его царское величество мало теперь заботится о соблюденіи подобной торжественности. Троновъ такихъ два, и оба они лѣтъ 60 тому назадъ подарены были Персидскимъ шахомъ царю Алексѣю Михаловичу. Они похожи на обыкновенныя кресла, но только съ выдающимся впередъ подножіемъ, и самое мѣсто для сидѣнья нѣсколько выше отъ земли. Цѣнность ихъ заключается во множествѣ разнаго рода драгоцѣнныхъ камней, которыми они богато усѣяны. Одинъ изъ этихъ троновъ цѣннѣе другаго, и на спинкѣ его выведено золотыми Латинскими буквами воззваніе къ царю, въ которомъ Персы называютъ царя: Potentissimum et felicissimum Rutenorum Imperatorem. Показываютъ еще и третій тронъ, въ половину меньше и не столь драгоцѣнный, какъ первые два, этотъ тронъ шахъ прислалъ въ даръ царевичу, который и возсѣдаетъ на немъ во время торжественныхъ ауді-

енцій. Кромѣ описаннаго, я во дворцѣ не видѣлъ болѣе ничего, достойнаго примѣчанія.

316. За день до моего отъѣзда, настоятельница Чудова монастыря снова прислала ко мнѣ съ увѣдомленіемъ, что такъ какъ назначено постриженіе одной дѣвицы въ монахини, съ обычными обрядами, то я могу, если желаю, прійти посмотрѣть на эту церемонію. Я отправился и, по прибытіи въ церковь, нашелъ тамъ пѣвшихъ уже монахинь и большое собраніе дѣвицъ, между которыми были и знатнѣйшія со всего города женщины, а ихъ бы въ другое время рѣдко можно было и встрѣтить гдѣ либо. Кромѣ меня и слуги моего ни одного мужчины въ церковь не впустили, и двѣ старушки поставили меня, противъ моего желанія, у алтаря, для того чтобы я лучше могъ всё видѣть, и чтобы и меня также видѣли всѣ. Послѣ пѣнія обоихъ хоровъ, продолжавшагося немалое время, всѣ монахини вышли изъ церкви черезъ два покоя въ 3-й, откуда и вывели постригаемую въ ихъ санъ дѣвицу. Дѣвица эта одѣта была въ длинномъ черномъ кафтанѣ, и ея длинные, русые волосы были разсчесаны такъ, что всё лице закрывалось ими. Когда она, совсѣмъ преклонившись, приблизилась къ стоявшему посреди церкви налою и къ священнику, бывшему у налоя, то сдѣлала три земные поклона, и затѣмъ осталась распростертою на землѣ. Тогда священникъ сталъ читать молитву, по окончаніи коей предлагалъ новопостригаемой дѣвицѣ различные вопросы: «Не поступаетъ ли она въ монастырь по принужденію? Отреклась ли она отъ міра? Обѣщаетъ ли повиноваться установленнымъ правиламъ и проч. и проч.,» на каковые вопросы дѣвица громкимъ голосомъ отвѣчала всякій разъ: «да, ей Богу, обѣщаю и проч.» За тѣмъ священникъ снова началъ молитву, и потомъ приказалъ дѣвицѣ приподняться, встать и открыть лице. Нѣсколько старыхъ монахинь приподняли съ лица ея волосы, разобравъ ихъ по сторонамъ, и тогда оказалось, что постригаемая была молодая, красивая дѣвица, лѣтъ около двадцати. Она подступила ближе къ налою, взяла лежавшія на немъ ножницы, подала ихъ священнику, у котораго поцѣловала при этомъ руку, и просила его постричь себя. Священникъ отказывался, положилъ ножницы снова на налой, и такая церемонія повторилась въ другой и въ третій разъ, когда священникъ оставилъ наконецъ ножницы у себя и срѣзалъ у нея съ головы на переднемъ проборѣ, крестообразно, четыре пряди волосъ; въ это же время хоръ пѣлъ молитвы. За тѣмъ двѣ пожилыя монахини препоясали новопостриженную поясомъ и облачили её, а стоявшіе вокругъ родственники ея не переставали оплакивать горькими слезами умершую для свѣта монахиню. Въ заключеніе священникъ прочелъ ей монастырскія правила, по окончаніи которыхъ её вывели изъ церкви прежнимъ порядкомъ и препроводили къ больной настоятельницѣ. Сія послѣдняя опять попросила меня къ себѣ, спрашивала, какъ понравилась мнѣ церемонія, и проч. и угощала также, какъ и въ первый разъ.

Когда я только вошелъ въ церковь, то всё бывшее тамъ женское общество въ высшей степени удивлялось моему присутствію, потому что онѣ ничего не знали о предъявленномъ мною игуменьѣ приказѣ архіепископа. Любопытство нѣкото-

рыхъ женщинъ простиралось до того, что они дергали меня за рукава, предлагали различные вопросы и заводили разговоры о томъ: откуда я взялся? что̀ я дѣлаю въ Москвѣ? и т. п. Нѣкоторыя спрашивали меня даже, крещеный ли я, христіанинъ ли, и на утвердительные мои отвѣты присовокупляли: почему же я въ такомъ случаѣ не кланяюсь и не кладу земныхъ поклоновъ, какъ онѣ? Я отвѣчалъ, что это только наружная церемонія, у насъ неупотребительная, а что во всемъ остальномъ мы точно также, какъ и онѣ, молимся Богу. Разговѐры эти повели къ тому, что и послѣ богослуженія онѣ, съ большими любезностями впрочемъ, задержали меня цѣлый часъ, распрашивали о разныхъ предметахъ въ Нѣмецкихъ земляхъ и въ особенности о положеніи дѣвицъ, въ такомъ ли онѣ гнётѣ и униженіи, въ какомъ содержатся въ Россіи? На всё это я далъ имъ удовлетворительные отвѣты, и онѣ были такъ довольны, что на прощаніи вовсе не тихо проговаривали: какъ бы желали онѣ выйти замужъ въ тѣхъ Нѣмецкихъ земляхъ! Русскіе жены и дочери, какъ я выше уже говорилъ, содержатся очень уединенно и выходятъ только въ церковь и къ самымъ близкимъ родственникамъ. Я видѣлъ много женщинъ поразительной красоты, но онѣ не совсѣмъ еще отвыкли отъ своихъ старыхъ манеръ, потому что, въ отсутствіе двора, за этимъ нѣтъ строгаго наблюденія. Знатныя одѣваются понѣмецки, но поверхъ надѣваютъ свои старыя одежды, и въ остальномъ держатся еще старыхъ порядковъ, на примѣръ въ привѣтствіяхъ онѣ по прежнему низко кланяются головой до самой земли. Тѣ Русскія женщины, которыя, побывши съ мужьями своими за границей, возвратились домой въ Москву, бросаютъ здѣсь заимствованные ими въ чужихъ странахъ обычаи, не желая, чтобы старики смѣялись надъ ними. Въ Петербургѣ же, напротивъ того, по строгому приказу, обычаи эти удерживаются. Дѣвицы, впрочемъ, охотницы поразсказать многое о старыхъ временахъ и обычаяхъ, и между прочимъ о томъ, что прежде придворныя женщины ѣздили верхомъ, въ качествѣ амазонокъ, у кареты царицыной.

Когда Русскій приглашаетъ къ себѣ гостей, не родственниковъ, то хозяйка или вовсе не является, или выйдетъ передъ обѣдомъ только для привѣтствія гостей поцѣлуемъ и для угощенія ихъ чаркой водки, послѣ чего, отвѣсивъ имъ низкой поклонъ, уходитъ своей дорогой къ себѣ.

Пять лѣтъ назадъ, было предположеніе, чтобы самыхъ молоденькихъ и красивыхъ Русскихъ дѣвицъ, по примѣру ихъ братьевъ и на счетъ родителей ихъ, посылать на хлѣбы къ кому нибудь въ Кёнигсбергъ, Берлинъ, Дрезденъ и въ другіе города, для обученія иноземнымъ нравамъ и языкамъ, и равно и работамъ необходимымъ для дѣвицы; но родители возражали, что эти юныя дѣти не устоятъ передъ иноземной галантностью, и честь ихъ можетъ подвергнуться опасности, и тѣмъ отклонили исполненіе этаго предположенія.

Кто хочетъ назвать какую либо женщину хорошенькой и желаетъ понравиться ей своею любезностію, тотъ называетъ ее красною дѣвицею, ибо они считаютъ, что той, которая не красна, не слѣдуетъ и показываться. Оттого и бываетъ, что женщины въ этой странѣ вездѣ имѣютъ обыкновеніе сильно румяниться. Жен-

щины незнатнаго состоянія, кромѣ того, накладываютъ на свои нарумяненныя лица еще множество пятнышекъ для большей красоты. Еще недавно обычай этотъ доходилъ до такого безобразія, что изъ такихъ мушекъ женщины выдѣлывали и наклеивали себѣ на лицо разнаго рода фигуры, кареты, лошадей, деревья и тому подобныя изображенія

Женщины, за исключеніемъ самыхъ знатныхъ, и теперь еще носятъ лѣтомъ подъ платьями своими шубки; тѣже, которыя ѣздятъ ко двору, хотя и одѣваются по иноземному образцу и очень хорошо, но въ обращеніи съ посторонними или иностранцами до сихъ поръ еще какъ-то дики и своенравны, что̀ одному извѣстному Нѣмецкому кавалеру пришлось дознать собственнымъ опытомъ, когда, бывши въ Кроншлотѣ, онъ пожелалъ было поцѣловать у одной дѣвицы руку и награжденъ былъ за это полновѣсною оплеухою. Что̀ касается до разсказа о Русскихъ женщинахъ, будто онѣ считаютъ себя въ нелюбви у мужей, коль скоро сіи послѣдніе не бьютъ ихъ, то разсказъ этотъ надо понимать въ такомъ смыслѣ: хотя вѣрно то, что мужья держатъ своихъ женъ строго и въ постоянномъ страхѣ, но все таки въ этихъ побояхъ жены находятъ плохое для себя удовольствіе или забаву; а такъ какъ онѣ часто предаются пьянству и другимъ безобразіямъ (говорю только о простомъ народѣ) и хозяйство оставляютъ въ запущеніи, то мужъ, принимающій къ сердцу воспитаніе дѣтей, вынужденъ бываетъ (или и просто со злости) до тѣхъ поръ прибѣгать къ плети для исправленія своей жены, пока хозяйство его не пойдетъ лучше, или пока не пройдетъ гнѣвъ его. Но какъ скоро онъ потеряетъ всякую надежду на исправленіе своей жены, или самъ сдѣлается никуда негоднымъ, то оставляетъ жену и дѣтей жить, какъ они хотятъ, бросаетъ жену и привязывается къ другой, вслѣдствіе чего та жена, которую мужъ пересталъ бить, можетъ дѣлать вѣрное заключеніе о невѣрности супруга и говорить: «онъ меня больше не любитъ, потому что не бьетъ».

317. Знатнѣйшія фамиліи уже перебрались изъ Москвы въ Петербургъ, хотя, впрочемъ, въ ней остались еще многіе бояре, которые разъѣзжаютъ на улицахъ въ сопровожденіи многочисленной прислуги и на нѣсколькихъ лошадяхъ, запрягаемыхъ въ сани.

Старики въ Москвѣ носятъ большею частію собственные волосы, и нѣкоторые подстригаютъ себѣ ножницами бороды. Хотя они и носятъ Нѣмецкое платье, но на многихъ сейчасъ можно замѣтить, что они не привыкли къ нему съ дѣтства.

318. Обширный городъ Москва оживленъ, впрочемъ, и кишитъ населеніемъ, и изъ праздношатающихся въ ней излишнихъ молодыхъ людей можно было бы набрать еще препорядочную армію.

319. Страна около Москвы самая пріятная, и живущіе въ ней иностранцы не нахвалятся тѣми отрадными удовольствіями, которыми наслаждаются они лѣтомъ въ тѣни многихъ рощъ, садовъ, загородныхъ дачъ, фермъ и скотныхъ дворовъ, во всей окрестности. Нѣкоторые Англійскіе купцы (очень хорошо тамъ устроившіеся) въ Февралѣ, и даже раньше, выгоняютъ въ садахъ розы, гвоздики и превкусную спаржу.

Всѣ необходимые для человѣческой жизни предметы, имѣющіеся въ Москвѣ и около нея, равно какъ и дома̀, чрезвычайно дешевы, и въ ней можно

прожить на третью часть тѣхъ расходовъ, которые требуются на прожитокъ въ страшно-дорогомъ Петербургѣ. Такое положенiе еще улучшилось съ того времени, какъ въ Москвѣ не живетъ дворъ, переѣхавшiй въ Петербургъ; но съ другой стороны это же и составляетъ причину, почему цѣны на подмосковныя имѣнiя упали: ибо крестьяне не могутъ уже съ такимъ удобствомъ обращать свои произведенiя въ деньги, такъ что дворянское помѣстье, стоившее прежде 10,000 рублей, продается теперь за 4,000, при чемъ помѣщики много теряютъ; иностранцы же, живущiе въ Россiи безъ помѣстiй, устроиваются тамъ очень хорошо. Хлѣба, домашняго и дикаго скота и садовыхъ плодовъ, всевозможное изобилiе, и только рыба нѣсколько дорогà, по причинѣ густаго населенiя и соблюдаемыхъ Русскими постовъ. Изъ Самоѣдiи, черезъ Архангельскъ, привозятся иногда на саняхъ битые олени, которые составляютъ отлично лакомое блюдо. Вкусомъ они почти тоже, что̀ и дикiя козы. Такъ какъ стерлядь, бѣлуга и другая вкусная, привозимая съ Волги рыба очень цѣннà, то Русскiе на своихъ пирахъ подаютъ рыбу, какъ роскошнѣйшее блюдо. Но всякую рыбу готовятъ они, во время постовъ, съ орѣховымъ масломъ. Князь Гагаринъ, въ бытность мою въ Россiи, давалъ посредственный обѣдъ, на которомъ подано было болѣе 50 рыбныхъ блюдъ, различнѣйшимъ образомъ и на постномъ маслѣ изготовленныхъ. Этотъ вельможа ѣлъ на серебрѣ, жилъ великолѣпно и держалъ себя покняжески, особенно когда былъ губернаторомъ Сибири. Онъ провелъ меня въ свой кабинетъ и показывалъ свою икону, которая вся была унизана драгоцѣннѣйшими бриллiантами, и тамошнiе ювелиры увѣряли меня, что эта святыня стоила князю 130,000 рублей.

320. Русскiе имѣютъ свое особое право и сокращеннѣйшiй порядокъ судопроизводства (modum summarissimum procedendi). Въ дѣлопроизводствѣ у нихъ мало письмà, но всё болѣе возлагается на сообразительность и справедливость судьи, который выслушиваетъ стороны и произноситъ рѣшенiе. Канцелярiя Московская вѣдаетъ земскiя дѣлá и собираетъ подати. Я былъ на одномъ засѣданiи, и въ одно утро было тутъ болѣе 200 просителей, или по какимъ либо дѣламъ явившихся туда лицъ, изъ Русскихъ, Сибиряковъ, Астраханцевъ, Казаковъ, Калмыковъ и Татаръ; одни представляли свои счёты или отчёты, другiе приносили жалобы, и съ тридцать подобныхъ дѣлъ были въ этотъ разъ окончены.

Князь Өедоръ Юрьевичь, о которомъ я выше упоминалъ, былъ въ Москвѣ высшiй или главный судья (supremus justitiarius). Онъ наказывалъ подсудимыхъ, не спрашиваясь ни у кого, и на его приговоръ не было никакой жалобы. За свои строгiе и жестокiе приговоры, онъ почитался ужасомъ страны, не имѣлъ никакого состраданiя и однимъ словомъ и взглядомъ нагонялъ страхъ на людей. Хотя онъ былъ довольно страннаго нрава, но пользовался большою благосклонностiю царя за то, что судилъ безпристрастно и не бралъ подарковъ. Но, не смотря на то̀, что онъ осудилъ и перевелъ много воровъ и разбойниковъ, всё таки онъ не могъ отъучить тамошняго люда отъ этого промысла, потому что Русскiй человѣкъ видитъ мало разницы между жизнiю и смертiю и съ великимъ хладнокровiемъ идётъ на смертную

казнь. Впрочемъ, послѣ того какъ онъ въ послѣднее время своего управленія повѣсилъ за рёбра 200 такихъ преступниковъ, этотъ родъ казни устрашилъ нѣсколько и уменьшилъ число уличныхъ разбойниковъ. Всѣ тюрьмы въ Москвѣ полны этими преступниками; содержатся они подаяніями, и нѣкоторые, совсѣмъ безъ работы, остаются въ нихъ всю свою жизнь. Какъ скоро преступленія въ странѣ начинаютъ усиливаться, то помянутый вице-царь, князь Өедоръ Юрьевичъ велитъ взять изъ этихъ заключенныхъ и уличенныхъ преступниковъ нѣсколько человѣкъ и казнитъ ихъ для устрашенія другихъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, то царь, въ качествѣ вице адмирала, отдавалъ ему всякую почесть, приличествующую коронованной главѣ; сынъ его, наслѣдовавшій ему послѣ его смерти, былъ совершенно подобенъ отцу, и его чествуютъ теперь точно такимъ же образомъ, какъ и отца.

321. Выше я упоминалъ объ одномъ Черкасскомъ князѣ Александрѣ Бекевичѣ и о посылкѣ его къ Каспійскому морю. Бекевичь этотъ возвратился изъ своей поѣздки въ то время, когда я былъ въ Москвѣ, проѣхалъ въ Ригу для представленія его царскому величеству своихъ свѣдѣній и, снабженный новыми наставленіями, вторично отправился къ Каспійскому морю. Свѣдующій въ горномъ дѣлѣ Блюгеръ, который назначенъ былъ въ товарищи Бекевичу и сопровождалъ его въ первую поѣздку до Астрахани, сообщилъ мнѣ въ Москвѣ (въ которой онъ и остался) слѣдующія свѣдѣнія о своей посылкѣ съ Бекевичемъ. Извѣстная рѣка Дарія протекаетъ изъ страны Калмыковъ, изливается въ сѣверную часть Каспійскаго моря и приноситъ сюда множество золотаго песку. Рѣку эту открыли и знали еще прежде, но такъ какъ въ недавнее время съ Калмыками сдѣлался разрывъ по поводу торговли, то они не только отвели въ сторону и направили ея впаденіе въ море въ другое мѣсто, но и самое устье омелководили до того, что Русскимъ невозможно ходить ни съ какими судами. Уже и прежде подумывали о завладѣніи этимъ воднымъ путёмъ и о томъ, чтобы сдѣлать его судоходнымъ, не только ради содержимаго имъ золотаго песку, но и для того, что черезъ эту рѣку можно бы было установить большую торговлю съ Узбекскими Татарами и съ Индіей. Поэтому-то его царское величество и посылалъ туда помянутаго Александра Бекевича, чтобы онъ сдѣлалъ точное описаніе береговъ Каспійскаго моря, что̀ онъ и исполнилъ, представивъ опись его величеству; при этомъ его величество предположилъ, по завладѣніи рѣкой, заложить на ней небольшую крѣпость въ 200 или 300 человѣкъ гарнизона.

Разрывъ и неудовольствіе Калмыковъ съ Русскими получили начало отъ слѣдующаго обстоятельства. Изъ народцевъ Калмыцкихъ одни пріѣзжали въ Астрахань, и другіе, по рѣкѣ Иртышу, въ Сибирь, въ главный ея городъ Тобольскъ, привозили чай, всякія Китайскія матеріи, и въ особенности много соли, которою изобиливали нѣкоторыя рѣки въ ихъ землѣ, такъ что она наростала и выходила изъ подъ воды подобно сахарной головѣ, и должно быть очень была хороша. Въ замѣнъ этихъ произведеній они вывозили изъ Сибири деньги, юфть, желѣзо и мѣха̀. Такъ какъ эти народцы часто были неспокойны, и его царское величество желалъ при томъ, чтобы добываніе соли перешло

въ руки его подданныхъ и чтобы и Китайскіе товары получались не чрезъ посредство Калмыковъ, то съ небольшимъ годъ назадъ онъ послалъ генералъ-маіора Бухольца, изъ Нѣмцевъ, съ тремя полками драгунъ, за 1000 верстъ, или за 150 миль далѣе Тобольска, въ Калмыцкія земли для того, чтобы завладѣть тамъ мѣстами, гдѣ добывается соль и заложить крѣпость для обуздыванія этихъ народцевъ, каковое распоряженіе, конечно, не понравилось тѣмъ народцамъ, и они не только не явились съ солью въ Тобольскъ во время ярморокъ, но на зло Русскимъ обезводили и преградили доступъ въ помянутую рѣку Дарію. Сказаннаго Бухгольца доставилъ изъ своей губерніи князь Гагаринъ, который и снабдилъ его тамъ всѣмъ необходимымъ для достиженія изложенной цѣли. Тотъ же Блюгеръ разсказалъ мнѣ далѣе, что онъ оставилъ Бекевича въ Астрахани, и самъ, по данному ему приказанію, отправился на правую сторону, въ страну Черкасовъ, чтобы лично обозрѣть тамъ серебряные рудники, о богатствѣ которыхъ неоднократно уже доносили царю. По прибытіи его въ эти мѣста, жители подтвердили ему, что у нихъ есть серебряныя руды, но при этомъ смѣялись надъ нимъ, что онъ пріѣхалъ осматривать рудники зимою, когда всё покрыто льдомъ и снѣгомъ, вслѣдствіе чего онъ велѣлъ провести себя къ князьямъ земли ихъ, которые и дали ему нѣсколько кусковъ серебряной руды; руду эту онъ испробовалъ и нашелъ, что она богата серебромъ, послѣ чего и отправился обратно въ Москву, гдѣ и ожидалъ теперь дальнѣйшихъ приказаній царя, съ Бекевичемъ.

322. Князья въ Черкасской землѣ, по предъявленіи Блюгеромъ царскаго приказа, приняли его очень радушно, но зарились на всё, что онъ съ собою привёзъ и всё вымѣнивали у него на лошадей. Знатнѣйшіе жители страны ходили въ панцыряхъ, поверхъ которыхъ носили шелковые кафтаны, а изъ оружій лукъ и стрѣлы; всѣ были отличные ѣздоки верхомъ, лѣтомъ жили въ лѣсахъ, подъ маленькими шатрами или палатками, но семьи ихъ помѣщались въ порядочныхъ деревянныхъ домахъ, гдѣ велось хозяйство. Блюгеръ добавилъ, что онъ много путешествовалъ, но нигдѣ не встрѣчалъ въ одно время столько красивыхъ и отвратительныхъ женщинъ, какъ въ Черкасской землѣ. Въ прошломъ году тамъ былъ большой неурожай, и онъ въ цѣлой странѣ не нашелъ ни куска хлѣба, за то вездѣ много скота. Крестьяне живутъ бѣдно и горестно. Въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ онъ встрѣчалъ надгробные камни съ Латинскими надписями, которыхъ разобрать было уже нельзя, и Черкасы говорили ему, что могилы подъ тѣми камнями принадлежали христіанамъ, которые въ древнія времена жили въ ихъ странахъ. Жили же тамъ христіане именно тогда, когда христіанскіе императоры имѣли мѣстопребываніе свое на Востокѣ.

323. Въ тоже время въ Москвѣ находился одинъ Французскій выходецъ, по имени Пуссе (Pousset), тонкій и разумный человѣкъ, прибывшій изъ Астрахани, и онъ-то сообщилъ мнѣ о своемъ положеніи и о состояніи Астраханскаго царства слѣдующія свѣдѣнія. Пять лѣтъ назадъ, его царское величество выписалъ его изъ Берлина и послалъ въ Азовъ для разведенія виноградныхъ садовъ, по предварительномъ изслѣдованіи тамошней почвы; но едва онъ прибылъ

на мѣсто, какъ городъ Азовъ подпалъ опять владычеству Турокъ. Поэтому его величество послалъ его въ Астрахань, чтобы тамъ сдѣлать опытъ, и, онъ съ великимъ стараніемъ развелъ тамъ разные сорта Французскаго винограда. Хотя полученный имъ виноградъ имѣетъ хорошій цвѣтъ и пріятный вкусъ, но всё таки Пуссе никакъ не могъ достигнуть, чтобы виноградъ имѣлъ тѣже достоинства, которыя имѣетъ онъ во Франціи. Онъ привезъ съ собою семь сортовъ разведеннаго имъ винограда (которые я всѣ отвѣдывалъ и нашёлъ его отзывъ о нихъ справедливымъ), чтобы его царское величество отвѣдалъ оный и приказалъ продолжать резведеніе виноградниковъ, или прекратить оное. Въ тоже время онъ хотѣлъ представить его величеству проэктъ, въ которомъ обязывался въ немного лѣтъ добыть изъ шелковаго червя такое громадное количество шелку въ Астраханскомъ краю, что Россія не только не будетъ нуждаться въ Персидскомъ шёлкѣ, но въ состояніи будетъ продавать оный и другимъ народамъ, если только его царское величество прикажетъ доставить ему отъ 16 до 20 тысячъ молодыхъ шелковичныхъ деревьевъ.

324. Царство Астраханское, своею торговлею доставляющее царю ежегодно болѣе 200 тысячь рублей, лежитъ въ превосходномъ климатѣ и было бы плодороднѣйшею изъ странъ, еслибъ по временамъ падалъ тамъ дождь; но несчастная особенность этой страны состоитъ въ томъ что небо всё лѣто ясно и только весною падаетъ нѣсколько капель дождя; остальное лѣтнее время знойно-жгучее и все высушающее; поэтому въ бо́льшей части этого царства земля не производитъ ни зерна, никакого садоваго плода и ничего служащаго на пользу жизни человѣка, такъ что жители, безъ своихъ сосѣдей и безъ торговли съ этими сосѣдями, не могли бы и существовать. Многочисленные сорта превосходнѣйшихъ дынь, растущихъ тамъ, сажаются вдоль рѣчныхъ береговъ, и съ помощію приспособленныхъ для того мельницъ вода изъ рѣкъ проводится какъ на эти дынные огороды, такъ и на вновь разведенные тамъ виноградники. Такимъ же образомъ предполагалъ Пуссе воздѣлывать и увлажнять шелковичныя деревья, если только его царское величество соблаговолитъ одобрить его проэктъ о доставленіи шелковицы на мѣсто.

Но благодѣтельная природа вознаградила этотъ совершенный недостатокъ дождя особеннымъ образомъ. Волга, какъ въ Египтѣ Нилъ, разливается весною на 10, 12 и болѣе миль по обоимъ берегамъ внутрь страны, затопляетъ её, увлажняетъ и удобряетъ ее до того, что, по спаденіи воды и разстаяніи снѣга, трава вырастаетъ изъ земли въ 4 недѣли высотою въ два локтя, и страна получаетъ кормъ для скота. Садовые плоды и разнаго рода хлѣбъ сплавляются сюда по Волгѣ изъ Казанской губерніи, и ежегодные многочисленные караваны Калмыковъ доставляютъ потребный убойный скотъ, кожу и другіе товары, за которые сами они получаютъ деньги, дыни, рисъ, разныя ткани и всѣ товары, приходящіе въ Астрахань изъ Персіи. Поэтому, такъ какъ безъ сношенія съ Калмыками, Астраханцы и существовать бы не могли, то послѣдніе очень радушно принимали Калмыковъ, равно и ладили съ ними до сихъ поръ, какъ съ подручниками царскаго величества.

325. Караваны этихъ бродячихъ Калмыковъ отличаются слѣдующими

особенностями. Народцы эти не живутъ въ какомъ нибудь опредѣленномъ мѣстѣ, но приходятъ сюда въ низъ съ границъ Великой Татаріи, собираясь ради безопасности въ большія орды или общины отъ 6-ти до 12 тысячь человѣкъ и ведя съ собою нѣсколько тысячь верблюдовъ, лошадей, быковъ, коровъ, овецъ и всякаго рода птицъ. Это движеніе свое начинаютъ они съ наступленіемъ весны, когда трава до нѣкоторой степени подрастётъ вслѣдствіе разлитія Волги, и тянутся они такимъ образомъ, весьма медленно совершая свой путь по мѣрѣ того, какъ скотъ ихъ потравитъ траву и оставляя за собой голыя поля. У нихъ есть родъ кожаныхъ шалашей, которые они называютъ кибитками и которые растягиваются на шестахъ; они разкладываютъ въ нихъ огонь, готовятъ кушанья, и когда загасаетъ огонь, затыкаютъ сверху дымовое отверстіе и такимъ образомъ сберегаютъ себѣ тепло на время ночи. Утромъ эти жилища нагружаютъ они снова на вьючныхъ животныхъ и продвигаются далѣе. Достигнувъ Астрахани, они продаютъ тамъ и промѣниваютъ свои товары и возвращаются, когда трава вторично взойдетъ, опять такимъ же образомъ, назадъ на свою родину. Такія передвиженія совершаютъ они изъ году въ годъ. Они всегда имѣютъ при себѣ своихъ идоловъ, покланяются различнаго рода фигурамъ, совершаютъ какіе-то нелѣпые обряды въ идолослуженіи своемъ, будучи слѣпыми язычниками и не зная, для чего они живутъ на свѣтѣ.

326. Тотъ же выше упомянутый Пуссе, а равно и другія лица, разсказывали мнѣ объ одномъ замѣчательномъ происшествіи, о которомъ я хотя и слышалъ въ Петербургѣ, но не могъ тамъ собрать никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній. Въ послѣдній день праздника Рождества Христова 1715 года, свыше 30 тысячь Кубанскихъ Татаръ (изъ тѣхъ, которые въ Ноябрѣ мѣсяцѣ были разбиты подъ Казанью, какъ выше сказано) двинулись подъ Астрахань, съ намѣреніемъ напасть на Калмыцкіе караваны (о прибытіи которыхъ и о расположеніи ихъ станомъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города Татары получили извѣстіе). Они привели это намѣреніе въ исполненіе и, втрое превосходя числомъ Калмыковъ, одержали надъ ними побѣду, перебивъ болѣе 3000 Калмыковъ, и потянули назадъ, не причинивъ Русскимъ жителямъ ни малѣйшей обиды или безпокойства. Когда же Астраханскій комендантъ, а съ нимъ Александръ Бекевичь, пришли съ тремя тысячами войска на помощь Калмыцкому каравану и хотѣли уже начать вторичный бой съ Татарами, то Кубанскій военный начальникъ предъявилъ коменданту письменный приказъ царя, которымъ дозволялось нападать на Калмыковъ вездѣ, гдѣ только ихъ встрѣтятъ. Комендантъ хотя и удивился, но принужденъ былъ пойти назадъ въ городъ. А Кубанцы послѣ этаго вторично напали на Калмыковъ и перебили ихъ великое множество. Былъ ли предъявленный приказъ подложный, или его царское величество дѣйствительно далъ оный Кубанцамъ, въ наказаніе и устрашеніе Калмыковъ (чего они заслужили до нѣкоторой степени засореніемъ рѣки Даріи и оставленіемъ Сибирской ярмарки) или же наконецъ приказъ этотъ данъ былъ съ цѣлію расположить Кубанцевъ дѣйствовать на будущія времена противъ Турокъ, объ этомъ

никакого вѣрнаго дознанія получить я не могъ.

Александръ Бекевичь (разсказывали мнѣ далѣе) былъ Черкасскій князь и нѣсколько лѣтъ тому назадъ передался вмѣстѣ съ землею своею подъ власть и защиту царя. Въ Грузіи было еще два князя, которые, тяготясь Турецкимъ игомъ, также хотѣли послѣдовать этому примѣру и просили у царя черезъ Бекевича двѣ или три тысячи солдатъ, для необходимаго въ такомъ случаѣ подкрѣпленія ихъ и защиты.

327. Большинство Татарскихь жителей, населяющихъ земли около Астрахани, суть Магометане, хотя и подвластные царю, и тѣмъ легче оставить ихъ, не предпринимая никакой религіозной перемѣны, что они народъ бродячій, который, въ случаѣ какихъ либо стѣсненій, тотчасъ уходитъ изъ подъ власти и передается другому владычеству. Помянутый Пуссе очень много вращался между этими Татарами, находилъ между ними немало смышленыхъ людей, и знатныя ихъ лица, которымъ онъ преподалъ полезныя указанія въ хозяйствѣ, оказались ему весьма благодарными за это. Объ ихъ образѣ жизни онъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе. Въ 1715 г. знатный Татаринъ въ знакъ признательности, просилъ Пуссе, съ женою его, тоже Француженкою, къ себѣ въ жилище, находившееся въ 16-ти миляхъ отъ Астрахани; сначала Пуссе, не довѣряя Татарину, не хотѣлъ ѣхать, но наконецъ уступилъ просьбамъ и согласился. Проводникъ указывалъ дорогу и привезъ Пуссе въ красивую рощицу, гдѣ гости нашли Татарина въ лѣтнемъ жильѣ, въ чистой палаткѣ. Онъ одѣтъ былъ въ нарядное платье и сидѣлъ съ трубкой; онъ весьма дружески привѣтствовалъ гостей и угостилъ ихъ кофеемъ и разными сластями. Иностранецъ-гость, довольно запросто обращавшійся съ хозяиномъ еще въ Астрахани, спросилъ его о женахъ и о томъ, не льзя ли ему видѣть ихъ. Хозяинъ отвѣчалъ, что хотя у нихъ не дозволяется этого, но такъ какъ Пуссе былъ иностранецъ и притомъ хорошій его пріятель, то онъ прикажетъ позвать женъ. Черезъ полъ часа изъ какой-то бесѣдки ,обсаженной розами и находившейся отъ палатки въ разстояніи, которое можно перебросить камнемъ, вышли семь почетно-убранныхъ женщинъ (которыхъ всѣхъ можно назвать прекрасными). Онѣ пришли въ палатку и по приказанію мужа привѣтствовали и поцѣловали гостей. Но мужъ тотчасъ же приказалъ имъ удалиться, потому что боялся, чтобъ сосѣди не узнали о его поступкѣ. Женщины взяли съ собою Француженку (такой барыни они никогда еще не видывали) въ свое жильё изъ зелени, несмотря на отговорки ея. Во время обѣда мужчины вдругъ услыхали, что Француженка жалобно кричитъ и взываетъ о помощи. Мужчины побѣжали на крикъ и нашли, что семь Татарокъ смѣялись надъ Француженкою, которую они раздѣли почти до нага; онѣ разсказали мужчинамъ, что прежде сами сдѣлали тоже, т. е. раздѣлись, и Француженка потѣшалась надъ ними, и что теперь она также должна была послѣдовать ихъ примѣру, и съ этими словами они опять напали на Француженку; но Татаринъ, по усиленнымъ просьбамъ Пуссе, угомонилъ ихъ, и объявилъ гостю, что такое раздѣваніе между посѣщающими другъ друга женщинами составляетъ въ ихъ странѣ величайшую вѣжливость, какую только онѣ могутъ

оказать другъ другу. Гости, однакожъ, опасаясь еще новой, подобной же дикой вѣжливости, поторопились возвратиться въ Астрахань, куда Татаринъ на слѣдующій день прислалъ имъ всякаго рода подарковъ, чтобы снова пріобрѣсть ихъ прежнее расположеніе.

Тотъ же Пуссе не могъ достаточно наговориться о роскоши этой націи, но особенно выхвалялъ онъ ихъ порядочный образъ жизни и то, что они поставляютъ себѣ за великую честь оказать кому какую либо услугу и гостепріимство. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ (говорилъ далѣе Пуссе), въ Астрахани, поспорили между собою за вѣру два Татарина, Персидскаго и Магометанскаго толка, и принесли коменданту свои жалобы. Когда комендантъ, человѣкъ разсудительный, увидалъ изъ объясненій обѣихъ сторонъ, что Татаринъ (Магометанинъ), поносилъ пророка Али, а Персіянинъ напротивъ пророка Магомета, обманщикомъ и бродягой, то, пожавъ плечами, изрекъ такой приговоръ: «Господа, ни того, ни другаго изъ васъ я наказать не могу, потому что вы оба—правы».

328. Въ Москвѣ и въ цѣлой Россіи живетъ еще много плѣнныхъ Шведовъ, и я не могу не сообщить здѣсь нѣкоторыхъ свѣдѣній, переданныхъ мнѣ въ Москвѣ о настоящемъ ихъ положеніи. Со времени битвы подъ Полтавой (изъ которой одинъ Шведъ сдѣлалъ анаграму: vapulat), простые солдаты два раза получали изъ Швеціи на свое содержаніе векселя, по которымъ каждому солдату досталось черезъ банкъ по три рейхсъ-талера; офицерамъ же ничего не было прислано. Они впрочемъ содержались сноснѣе; но такъ какъ многіе изъ нихъ, въ противность данному слову, будучи выпущены, не возвращались назадъ, а другіе, вступивъ въ Русскую службу, тайно убѣгали, то теперь надзоръ за ними строже: ихъ размѣщаютъ въ дали другъ отъ друга, бдительнѣе присматриваютъ за ними, и въ особенности сторожатъ за тѣми, которые дали за другихъ поручительство въ неукрывательствѣ, такъ что въ настоящее время во всѣхъ областяхъ и городахъ Русскаго государства плѣнныхъ этихъ постоянно имѣютъ на виду. Плѣнныхъ оберъ-офицеровъ насчитываютъ еще свыше 2000 человѣкъ; развѣ десятая часть ихъ можетъ проживать на собственныя средства, остальные принуждены были научиться всякаго рода искусствамъ и ремесламъ, чтобы добывать себѣ хлѣбъ. Достойно удивленія, какимъ множествомъ способовъ эти бѣдные люди снискиваютъ себѣ пропитаніе и какъ далеко и широко распространились ихъ ручныя издѣлія, которыя во всей Россіи покупаются очень дешево. Въ Сибири проживаетъ до 1000 оберъ-офицеровъ, которые завели тамъ всякаго рода фабрики и мануфактуры. Я видѣлъ въ Москвѣ работы этихъ людей, живописцевъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, кузнецовъ, дѣлателей картъ, точильщиковъ, столяровъ, сапожниковъ и портныхъ, и лучшіе Московскіе мастера находили эти работы безукоризненными. Нѣтъ только между ними парикмахеровъ и шляпныхъ дѣлъ мастеровъ. Нѣкоторые выдѣлываютъ лучшія золотыя и серебряныя парчи, другіе становятся музыкантами, содержатели гостинницъ, торговыми людьми, которымъ дозволяется и разъѣзжать внутри страны, потому что они не могутъ бѣжать отъ своихъ занятій; третьи, наконецъ, поступаютъ въ

помощники къ Русскимъ хозяевамъ. Тѣ, которые никакого ремесла не знаютъ и одарены хорошими физическими силами, ходятъ въ лѣсъ, рубятъ тамъ дрова по сажени въ день, и вечеромъ получаютъ за это свой алтынъ или добрые гроши. Другіе, напротивъ, обладая какими нибудь знаніями, завели порядочныя школы въ нѣсколько классовъ, въ которыхъ и обучаютъ не только дѣтей Шведскихъ плѣнныхъ (нѣкоторые Шведы взяты были съ ихъ женами, другіе же поженились на Русскихъ женщинахъ), но и Русскихъ, ввѣряемыхъ имъ дѣтей, Латинскому, Французскому и другимъ языкамъ и также морали, математикѣ и всякаго рода тѣлеснымъ упражненіямъ. Школы эти пріобрѣли уже такую извѣстность между Русскими, что сіи послѣдніе присылаютъ въ нихъ для обученія сыновей своихъ изъ Москвы, Вологды и другихъ мѣстностей и городовъ. Учителя въ нихъ, бывшіе прежде высшими и низшими оберъ-офицерами, ведутъ теперь весьма нравственную жизнь, вполнѣ посвятили себя духовному званію и содержаніе свое получаютъ, отъ учениковъ и отъ знаменитаго господина Франка, изъ Галле. Въ Москвѣ, между прочимъ, есть и такіе плѣнные, которые занимаются исполненіемъ разныхъ порученій, справокъ, и люди эти всѣ надёжнаго поведенія. Наконецъ, есть и такіе, которые приняли Русскую вѣру, вступили въ Русскую службу и поженились на Русскихъ, чѣмъ и доставили себѣ безбѣдное существованіе. Одинъ извѣстный лейтенантъ, Бременскій уроженецъ, потерявшій здоровье въ морозную зиму подъ Полтавой и не знавшій никакого ремесла, завелъ въ Тобольскѣ кукольную комедію, на которую стекается множество горожанъ, не видавшихъ никогда ничего подобнаго. Вообще, большимъ счастіемъ для всѣхъ этихъ плѣнныхъ было то̀, что они попали въ такую дешевую мѣстность; потому что за 12, за 20 рублей въ годъ они имѣютъ весьма порядочное продовольствіе; равно и то̀, что князь Гагаринъ, бывшій тогда губернаторомъ Сибири, не отпускалъ отъ себя ни одного плѣннаго, не утѣшивъ и не облегчивъ его. Шведы не могли достаточно восхвалить добросердечіе этаго господина и увѣряли, что единственное ихъ несчастіе состояло въ томъ, что они жили въ такой отдаленной странѣ. Всѣ они имѣютъ тамъ свои даровыя помѣщенія и ни ловлею соболей и никакой другой работою не обложены. Словомъ, кто промышляетъ хоть какимъ нибудь ремесломъ, тотъ можетъ доставить себѣ достаточное содержаніе. Одинъ Шведскій полковникъ, по имени Шёнстромъ, человѣкъ съ хорошими средствами, ученостію и съ умомъ, провелъ время плѣна своего въ Сибири въ интересныхъ наблюденіяхъ и изученіи страны и ея обитателей. Онъ писалъ къ другу своему въ Москву, что на границахъ Сибири онъ встрѣтилъ языческій народецъ (вѣроятно сосѣдній съ Остяками), и по ближайшему изслѣдованію его вѣры и образа жизни нашелъ много такого, что̀ имѣетъ весьма большое сходство съ древнимъ язычествомъ; при томъ, такъ какъ народецъ этотъ, въ богослуженіи своемъ, упоминаетъ имена Тора, Фрегга (Fregga) и Одде (Odde), бывшихъ древними языческими божествами въ Упсалѣ, то онъ полагаетъ, что язычники эти, имѣющіе свой собственный языкъ, должны были происходить отъ тѣхъ Готовъ,

которые въ древности оставили Швецію, вышли на берегъ Остзейскаго моря и частію потянули къ Черному морю, а частію въ Русскія земли и что, вѣроятно, нѣкоторые изъ нихъ, подъ гнётомъ и силою враговъ своихъ, принуждены были оставить занятыя ими мѣста́, потянуть далѣе и наконецъ искать безопасности въ отдаленнѣйшихъ странахъ за Сибирью, куда никто уже не хотѣлъ слѣдовать за ними. Этотъ полковникъ составилъ любопытныя замѣчанія, которыми со временемъ хотѣлъ подкрѣпить приведенное здѣсь предположеніе. Объ этихъ Остякахъ читатель найдетъ ниже болѣе подробныя свѣдѣнія. Что же опять касается до Шведскихъ плѣнныхъ въ Россіи, то бо̀льшая часть ихъ изъ простыхъ солдатъ совсѣмъ обнищали и должны проживать работой. Имена̀ и мѣста жительства офицеровъ записаны въ точности, такъ что эти господа могутъ быть легко отысканы въ случаѣ будущаго мира; съ простыми же солдатами сдѣлать это гораздо труднѣе, потому что они отдѣльно каждый не записаны и проживаютъ не только въ городахъ, но и по селеніямъ и въ отдаленныхъ боярскихъ помѣстьяхъ, гдѣ, вслѣдствіе женитьбы и перемѣны вѣры, прочно основались и обзавелись хозяйствомъ, такъ что подобные плѣнные охотно останутся навсегда въ этой странѣ. Въ Петербургѣ проживаетъ еще болѣе 1000 плѣнныхъ, которые ежедневно заработываютъ себѣ муку, соль и проч., а также пользуются правомъ просить и милостыню. Въ началѣ Сѣверной войны, когда Русскіе употребляли Калмыковъ и Татаръ для опустошенія Эстляндіи, Ингерманландіи и Финляндіи, многія тысячи жителей изъ этихъ областей уведены были въ Калмыцкія земли и распроданы Сибирякамъ, Татарамъ, Казакамъ, Туркамъ и даже въ Персію, и я слышалъ отъ людей, которые встрѣчали такихъ плѣнныхъ въ сказанныхъ странахъ, что они находили ихъ тамъ перемѣнившими вѣру и живущими довольно порядочно. Поэтому Русскіе такой плѣнъ и разсѣяніе Шведовъ по всему свѣту считаютъ особеннымъ божескимъ предопредѣленіемъ.

329. Караванъ, ходившій въ послѣдній разъ въ Китай и прибывшій оттуда въ Москву четыре мѣсяца тому назадъ, вывезъ оттуда громадныя богатства. Когда я былъ въ Москвѣ у князя Гагарина и засталъ у него коммиссара и фискала этаго каравана, князь приказалъ имъ, пожеланію гостей, разсказать всё замѣчательное въ ихъ путешествіи, въ слѣдствіи чего они и сообщили слѣдующія свѣдѣнія.

330. Выѣхали они изъ Москвы три года тому назадъ. Первые удивительные народцы, встрѣченные ими въ Сибири, по сю сторону, къ Россіи, были Остяки, невѣжественные язычники и идолопоклонники. Вся одежда ихъ состоитъ изъ шкуръ, а пища изъ осетра и другихъ рыбъ, которыхъ они бьютъ въ водѣ стрѣлами. Они не знаютъ хлѣба и если имъ дадутъ его поѣсть, то выплевываютъ его, охотно и скоро упиваются водкой, денегъ не берутъ, потому что не знаютъ имъ никакой цѣны, а скорѣе берутъ табакъ, шерстяныя матеріи и другія бездѣлицы. Далѣе путешественники по рѣкѣ Оби поплыли почти до самаго города Енисейска, лежащаго на р. Енисеѣ. Страна вокругъ этаго большаго и довольно укрѣпленнаго города представлялась имъ уже нѣсколько лучше и производила рожь. Отсюда они дошли до города Иленска, въ сосѣдствѣ съ которымъ оби-

талъ странный народецъ Тунгузы, не знающій ничего ни о Богѣ, ни объ Его всемогуществѣ. Лѣтомъ народцы эти ходятъ нагіе, живутъ вообще крайне бѣдно, блуждаютъ подобно оленямъ и дня по четыре остаются иногда безъ всякой пищи. Покойниковъ своихъ они не хоро нятъ, а кладутъ ихъ на высокія деревья; въ одномъ мѣстѣ долго они не остаются, а перекочевываютъ изъ одной мѣстности въ другую. У нихъ существуетъ престранный способъ дѣлать лице красивымъ по ихъ понятіямъ: въ дѣтствѣ они вышиваютъ щеки окрашенными въ черную краску нитками, всякаго рода фигурами, оставляютъ это шитье въ кожѣ на нѣсколько дней, за тѣмъ вытягиваютъ нитки вонъ, вслѣдствіе чего и остаются черныя точки и слѣды вышитыхъ на щекахъ фигуръ; чѣмъ болѣе кто обезображиваетъ лице свое подобными болѣзненными прокалываніями, тѣмъ красивѣе и знатнѣе считается у своего народца. Далѣе путники прибыли въ городъ Буратъ (Burat), а затѣмъ въ Якутскъ, гдѣ и далѣе находили уже однихъ язычниковъ. Оттуда пробрались они въ Даурію, гдѣ нашли Конни-Тунгузовъ (Konni-Tungusen). Здѣсь владѣтельный князь былъ человѣкъ лѣтъ около 30-ти, по имени Ларимугъ (Larimuh), котораго отецъ вслѣдствіе притѣсненій перешелъ изъ подъ Китайскаго владычества подъ покровительство царя, и съ цѣлымъ домомъ своимъ и за 3000 подданныхъ принялъ христіанскую вѣру. Остальные всё еще пребывали въ идолопоклонствѣ.

Когда они достигли до послѣдней пограничной крѣпости обширнаго Русскаго государства, то должны были пробыть еще 15 недѣль въ пути до города Пекина; при вступленіи ихъ въ Китайскія владѣнія, таможенный начальникъ осмотрѣлъ ихъ товары, взялъ пошлины, а за тѣмъ съ двумя стами солдатъ ихъ провели черезъ замѣчательную Китайскую стѣну (которую, впрочемъ, они не могли хорошенько осмотрѣть) въ предмѣстье Пекина, гдѣ они и расположились на большомъ подворьи, выстроенномъ для Русскихъ каравановъ; здѣсь они сложили свои товары и должны были дожидаться купцовъ, потому что ѣхать въ городъ съ товарами и продавать ихъ тамъ никому не дозволяется. Сначала обыкновенно вымѣниваются царскіе, а потомъ и купеческіе товары на неклейменое золото, серебро и всякаго рода Китайскіе товары. Въ восхваленіи своихъ товаровъ Китайцы вообще крайне безстыдны, но часто довольствуются и десятою долею того, что̀ запрашиваютъ въ началѣ. Драгоцѣнные камни, часы и подобныя рѣдкости они очень высоко цѣнятъ и часто платятъ вдвое и болѣе настоящей стоимости. Впрочемъ, Китайцы вообще народъ смышленный, и съ ними хорошо имѣть дѣло. Городъ Пекинъ лежитъ въ трехъ стѣнахъ. Въ самой внутренней, называемой Китайцами красною, была резиденція императора, котораго однакожъ никто никогда видѣть не можетъ. Однажды, въ бытность тамъ Русскаго каравана, императоръ Китайскій отправлялся на охоту, и два трубача ѣздили и трубили впередъ по всѣмъ улицамъ, черезъ которыя долженъ былъ ѣхать императоръ, для того, чтобы народъ уходилъ скорѣе прочь, или же, припавъ ницъ на землю, лежалъ на ней до тѣхъ поръ, пока не проѣдетъ императоръ. Этому императору было въ то время лѣтъ около 60, и онъ очень славился своимъ добрымъ управленіемъ. У него было 19 сыновей, которые открыто

являлись всюду и изъ которыхъ избранный отцемъ наслѣдуетъ правленіе по смерти отца. Старшій изъ этихъ сыновей просилъ коммиссара Русскаго каравана пожаловать къ нему, вмѣстѣ съ другими Русскими, такъ какъ онъ очень желалъ посмотрѣть на людей, принадлежащихъ такой націи; вслѣдствіи чего онъ коммиссаръ, съ 30-ю важнѣйшими изъ своихъ, богато одѣвшихся и принарядившихся въ парики, отправился къ наслѣдному принцу, который весьма радушно принялъ гостей, расспрашивалъ ихъ о многомъ, угощалъ чаемъ и одарялъ подарками, по обычаю Китайцевъ.

Въ числѣ тамошнихъ Іезуитовъ, одинъ, по имени Киліанъ (Kilian), былъ въ большомъ уваженіи и милости у императора, постоянно долженъ былъ находиться при немъ и даже спать во дворцѣ; онъ перевелъ много книгъ на Китайскій языкъ, сдѣлалъ великіе успѣхи въ распространеніи христіанской религіи, построилъ множество церквей и въ послѣднее время для сооруженія новыхъ получилъ отъ императора богатое вспомоществованіе; полагали даже, что императоръ этотъ, въ сердцѣ своемъ истинный Христіанинъ, потому что онъ во всемъ предоставляетъ Іезуитамъ полную власть и свободу. Извѣстный споръ между тамошними Іезуитами и Доминиканцами тогда продолжался еще. Необращенные Китайцы, кромѣ того, что между ними есть идолопоклонники, не имѣютъ ни совѣсти, ни вѣры и всё благо свое поставляютъ во временныхъ наслажденіяхъ. Вслѣдствіе великаго размежеванія границъ, бывшаго 23 года назадъ, по договору, нѣсколько Китайцевъ должны были перейти подъ Русское владычество, а 90 Русскихъ семействъ подъ владычество Китайское. Всѣхъ этихъ Русскихъ, въ особенное имъ отличіе, императоръ взялъ въ Пекинъ, и изъ молодежи ихъ образовалъ себѣ лейбъ-гвардію, которая по рангу стояла выше всякой другой и считалась вѣрнѣйшею его стражею. Эти Русскіе въ Пекинѣ сохранили свою вѣру, и такъ какъ бывшіе съ ними Русскіе священники перемерли, то они просили императора прислать новыхъ изъ Россіи, на что тотъ и соизволилъ писать къ князю Гагарину (который мнѣ подтверждалъ это) и приказалъ прислать нѣсколько священниковъ. По приказу его царскаго величества князь выслалъ туда двухъ архимандритовъ, съ нѣсколькими попами и протопопами, и эти миссіонеры встрѣчали сказанный Русскій караванъ у Китайской стѣны. Простоявши въ Пекинѣ 16 недѣль, караванъ по прежнему сопровожденъ былъ до границы и осмотренъ въ таможнѣ, со взятіемъ пошлинъ. Въ Пекинѣ давалось имъ даровое продовольствіе только въ теченіи ста дней, ибо время это условлено между обоими дворами. Въ концѣ концовъ путешествіе это было самое тягостное: ибо, при всей успѣшности онаго, нужно было употребить на него по крайней мѣрѣ 16 мѣсяцевъ на дорогу туда и столько же на обратный путь, и никто конечно не рѣшился бы охотно на такія трудности, еслибъ громадныя выгоды не вознаграждали ихъ съ избыткомъ.

Князь Гагаринъ добавилъ къ этому разсказу слѣдующее. Китайскій императоръ или ханъ всѣ дѣла свои съ Россіею ведетъ посредственно, черезъ него Гагарина, и никогда не отправляетъ посольства къ царю (который не жалуетъ излишнихъ церемоній), а только къ нему Гагарину, въ Тобольскъ, при чемъ кредитивныя

грамоты пишутся одновременно на Китайскомъ, Монгольскомъ и Латинскомъ языкахъ. При этомъ случаѣ князь замѣтилъ, что при обширности Русскаго государства не слѣдуетъ удивляться тому, что въ различныхъ недоступныхъ мѣстностяхъ находится еще такое множество языческихъ народцевъ, которые до сихъ поръ не обращены еще въ христіанство. Но его царское величество, начавъ уже дѣло обращенія этихъ язычниковъ, прилагаетъ свою высокую заботливость неуклонно продолжать это дѣло.

331. Нѣкоторыя духовныя лица въ Москвѣ увѣряли меня, что два года тому назадъ, по приказанію царя, нѣсколько человѣкъ изъ ихъ среды посланы были въ качествѣ священниковъ и учителей къ различнымъ языческимъ народцамъ, и въ особенности къ Остякамъ, чтобы вывести этихъ бѣдныхъ людей изъ мрака невѣжества и что будто это похвальное распоряженіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣло уже и желанный успѣхъ. Что это согласно съ истиною, подтверждаетъ и то прекрасное описаніе, которое составилъ Шведскій капитанъ Мюллеръ во время своего пребыванія плѣнникомъ въ Сибири о доселѣ неизвѣстныхъ свѣту Остякахъ и которое я получилъ въ рукописи въ Петербургѣ [1]).

332. Когда 26-го Марта я снова возвратился въ Петербургъ, то изъ новаго нашелъ недавно обнародованный царскій указъ духовенству, слѣдующаго содержанія [2])

333. Во все время отсутствія царя изъ своего государства, въ Петербургѣ было мало, или почти ничего, замѣчательнаго, кромѣ развѣ того, что Ревельская гавань, постройка и исправленіе которой стоили неизчислимыхъ денегъ, болѣе чѣмъ на половину разрушена бурею и въ два года затѣмъ снова приведена въ прежнее состояніе.

334. 30-го Іюня умерла въ Петербургѣ царевна Наталья Алексѣевна, единственная родная сестра царя; набальзамированное тѣло ея оставалось во дворцѣ ея до возвращенія его царскаго величества.

335. Въ это время вышеупомянаемый Молдавскій господарь Кантемиръ писалъ изъ своихъ Украинскихъ деревень въ Петербургъ къ пріятелю письмо на Латинскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

«Многочтимый другъ мой!

Давши обѣтъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ посѣтить мощи Кіевскихъ святыхъ, признанныхъ святыми уже послѣ ихъ смерти, я отправился прошлаго мѣсяца въ эту поѣздку и, исполнивъ святое обѣщаніе свое, возвратился домой къ занятіямъ домашними дѣлами и къ возобновленію прерванной, но обычной моей переписки съ отдаленными друзьями. Когда я возвратился такимъ образомъ изъ сказанной поѣздки, то 27-го Сентября, въ «Regiomonte», на Украйнѣ, я получилъ разомъ четыре письма твои, посланныя тобою изъ Петербурга, и хотя поздно, потому что они задержаны были гдѣ нибудь (въ Москвѣ, можетъ быть) и всѣ исколоты были сорока предохранительницами

[1]) Далѣе у Вебера слѣдуетъ, на стр. 169—215, опускаемое здѣсь описаніе Остяковъ.

[2]) Указъ этотъ въ П. Собр. Зак. томъ V № 2985, гдѣ онъ озаглавленъ такъ: „Генваря 22. Сенатскій. О разсылкѣ копій съ обѣщанія, чинимаго архіереями при поставленіи ихъ въ сей чинъ“. Архіереи обязуются къ умѣренности въ наложеніи церковнаго проклятія, къ строгости относительно монаховъ; даютъ обѣтъ не строить лишнихъ церквей, не потворствовать юродивымъ, явленію ложныхъ мощей и мнимо-чудотворныхъ иконъ, и не вступаться въ мірскія дѣла.

(дырочками) отъ чумы, но тѣмъ не менѣе они были для меня весьма желанными, потому что увѣдомляли меня о многихъ обстоятельствахъ, которыхъ я до того не зналъ, но которыя всегда весьма желалъ узнать».

«Въ замѣнъ этихъ свѣдѣній сообщаю здѣсь и тебѣ то, что̀ удалось мнѣ узнать во время моей Кіевской поѣздки. Посланецъ Хотинскаго (Choziniensis) паши (Bassae), присланный къ Кіевскому правителю Голицыну (Gallyzinium), для извѣданія намѣренія, по которому Русскія войска обращали оружіе свое на Польшу, не только собственнымъ свидѣтельствомъ своимъ потверждалъ пораженіе Турокъ, но и сознавался даже, что оно было гораздо сильнѣе, чѣмъ какъ извѣстно о немъ по донесеніямъ Нѣмцевъ, добавляя къ тому, что главною причиною неудачи Турокъ была трусость спаговъ (Sipahiorum) и остальныхъ конныхъ полковъ; что ихъ-то стремительнымъ бѣгствомъ и началось общее пораженіе, что при этомъ погибло отмѣнное Оттоманское войско въ 80 тысячъ человѣкъ; что въ Бѣлградѣ, на третій день послѣ пораженія, умеръ визирь Али-паша, раненый въ битвѣ въ бокъ, и что на мѣсто его, по повелѣнію султана, вытребованъ былъ префектъ Вавилоніи, Гассанъ-паша. Я едва вѣрю, что Гассанъ-паша приметъ предлагаемую ему почетную должность, потому что онъ живётъ въ своихъ странахъ (т. е. въ Вавилоніи) вполнѣ съ царскимъ авторитетомъ, для котораго ему не достаетъ только одного этаго титула, и тѣмъ болѣе, что уже и прежде сего ему дважды предлагали визиратство, но онъ не хотѣлъ поступать на эту заманчивую съ виду, но опасную должность, отговариваясь, что онъ не достоинъ занимать такое высокое мѣсто. Что̀ бы и какъ бы то ни было, но такъ какъ Турки не могутъ въ этомъ году собрать и вновь поставить уничтоженное у нихъ войско, то, кажется, что побѣда эта принесётъ великіе плоды цезарю и послужитъ средствомъ для дальнѣйшихъ другихъ, еще бо̀льшихъ побѣдъ, лишь бы только порядкомъ, противнымъ природѣ, по паденіи на Востокѣ луны, не взошло на Западѣ солнце или намѣстникъ солнца, и не возмутило бы опасными послѣдствіями (effluxibus) Христіанскаго дѣла. Десять тысячь Татаръ, имѣвшихъ намѣреніе опустошить Трансильванію, загнанные Цесарскими войсками въ тѣсные проходы Молдавскихъ горъ, погибли тамъ всѣ до одного. Носятся также слухи, что Венеціане потопили въ морѣ, близъ Корциры, множество Турецкихъ триремъ и что тѣже Венеціане заставили положить оружіе и сдаться 10 тысячь Янычаръ, которыхъ Турки высадили уже на островъ».

«Конница его царскаго величества, при мнѣ еще, подъ начальствомъ Реннія (Roenii), раздѣленная на три отряда, вступила въ предѣлы Польши. Кіевскій гонецъ, проѣзжавшій черезъ наши деревни, сообщалъ намъ, что Поляки, кажется, не посмѣютъ отказывать въ кормѣ и продовольствіи сказанной конницѣ, пока не увѣрятся въ помощи отъ Турокъ. Извѣстно, что Татарскій ханъ, съ нѣсколькими тысячами войска, стоялъ уже нѣсколько времени въ Хотинѣ и намѣревался оказать помощь Полякамъ противъ Русскихъ; но послѣ Венгерскаго пораженія Оттоманы перемѣнили образъ мыслей, и болѣе благоразумные изъ нихъ полагаютъ, что опасно возбуждать противъ себя еще новыхъ непріятелей. Но, между тѣмъ, другой отрядъ Крымскихъ Ту-

рокъ опустошилъ около р. Оскола *) Русскія земли, и сверхъ нѣсколькихъ плѣнныхъ угналъ еще полторы тысячи лошадей, пасшихся подъ Бахмутомъ. Хотя начальники мѣстные и жаловались на такой грабежъ, но Татары отвѣчали на эти жалобы, что грабежъ совершенъ вовсе не по приказанію хана, а просто разбойниками; при чемъ, ни самыхъ разбойниковъ, ни похищеннаго ими они не отыскали. Постоянные дожди и довольно глубокій снѣгъ вредятъ нашимъ полямъ и угрожаютъ осеннимъ посѣвамъ гибелью, а слѣдовательно и голодомъ всей странѣ нашей, если только Богъ не предотвратитъ этаго несчастія. Прощай. Изъ глуши моего Соломинео (Solomineo). 6-го Октября 1716-го года».

«Твой—другой ты. Димитрій Кантемиръ».

336. Превосходно собранная библіотека покойнаго герцога Курляндскаго, состоящая изъ 4000 книгъ, перевезена въ крѣпость, въ Петербургъ, и въ этомъ городѣ тогда же вторично перечислены домà, которыхъ оказалось теперь свыше 50000.

337. Два купца вошли въ Сенатъ съ предложеніемъ о томъ, что посредствомъ соединенія многихъ судоходныхъ рѣкъ, озёръ и притоковъ, Русскіе купцы могли бы проходить съ своими товарами изъ Архангельска въ Восточный Океанъ, а слѣдовательно легко и кратчайшей дорогой сноситься съ Японіей и Остъ-Индіей, отъ чего государство Русское получило бы великую пользу. Рѣки же тѣ отъ Архангельска были слѣдующія: Двина, Тафта, Иртышъ, Обь, Кета, Іенисей-Ангуръ, Байкалъ-озеро, Шилка и Амуръ, изливающійся черезъ Даурію въ Океанъ. Въ такомъ случаѣ не было бы надобности помышлять объ открытіи пути черезъ Новую Землю, который до сихъ поръ не отысканъ и считается почти невозможнымъ.

338. Генералъ-фельдъ-цейгмейстеръ Брюсъ, Шотландецъ по происхожденію, хотя и родившійся въ Россіи, отлично знаетъ математику, вслѣдствіе чего царь совѣтовался съ нимъ и назначалъ его по разнымъ дѣламъ, касающимся Русскаго и Азіатскихъ государствъ. Онъ увѣрялъ меня, что Японское государство, о географическомъ положеніи котораго до сихъ поръ еще ничего вѣрнаго не знаютъ, сопредѣльно съ Татаріей, а сія послѣдняя граничитъ съ Россіею. Года два назадъ онъ исходатайствовалъ у царя приказъ къ Нерчинскому коменданту въ Даурію, гдѣ прежде того состоялъ комендантомъ кн. Гагаринъ, чтобы тотъ послалъ двухъ человѣкъ на самые крайніе предѣлы Россіи съ тѣмъ, чтобы они сѣли на судно у береговъ Восточнаго Океана и развѣдали бы, нельзя ли отрыть тамъ въ морѣ гдѣ либо земли. Эти два человѣка не имѣли ни малѣйшаго понятія о мореплаваніи; тѣмъ не менѣе, проходивши нѣсколько недѣль вдоль морскаго берега и выглядывая землю, они увидали наконецъ миляхъ въ двухъ отъ берега твердую землю, сдѣлали чёлнъ, пустились на немъ въ море къ усмотрѣнной ими землѣ, и черезъ два дня возвращались уже оттуда назадъ; но въ то самое время, когда они почти уже достигли берега, налетѣвшая буря разбила и потопила ихъ, такъ что поджидавшіе ихъ на берегу люди никакъ не могли спасти ихъ. Такимъ образомъ осталось неизвѣстнымъ, чтò нашли и открыли эти потонувшіе люди. Брюсъ

*) Эта рѣка впадаетъ въ рѣку Донъ, не подалеку отъ его истока. *Прим. Вебера.*

имѣлъ намѣреніе посовѣтовать царю, чтобы послать туда еще разъ нѣсколько свѣдущихъ людей, которые разумѣли бы наблюденіе свѣтилъ небесныхъ и употребленіе компаса, съ надлежащимъ количествомъ экипажа, и чтобы люди эти построили себѣ надёжное судно и пустились въ море, гдѣ навѣрное откроютъ нѣчто новое и найдутъ путь къ наиполезнѣйшимъ сношеніямъ съ Японіей.

У сего Брюса былъ кабинетъ Китайскихъ рѣдкостей, и онъ очень сожалѣлъ, что невозможно никакъ пріобрѣсти точныхъ свѣдѣній о положеніи и особенностяхъ Китайскаго государства, потому что наряжаемыя туда посольства и всѣ Русскіе купцы не имѣютъ права оставаться тамъ долѣе 3-хъ или самое большое 4-хъ мѣсяцевъ; въ противномъ случаѣ они должны оставаться тамъ на всю жизнь.

339. Въ лѣтніе мѣсяцы (считая весь Іюль и половину Августа) въ Петербургѣ была неописанная жара, отъ которой хлѣбъ и плоды созрѣли чрезвычайно быстро; но первый, по причинѣ наступившаго за тѣмъ осенняго дождливаго времени, свезенъ въ риги сырой, сушился въ избахъ и далъ плохой умолотъ, потому что сѣмя, или зерно въ немъ, почти всё высыпалось еще въ тѣ шесть жаркихъ недѣль, когда и ночи были не холодны вслѣдствіе незначительнаго уклоненія солнца отъ горизонта. Въ такой сильный зной очень плохо приходилось и отъ недостатка въ напиткахъ, потому что пиво, продающееся въ царскихъ пивныхъ лавкахъ, по крѣпости своей не утоляло жажды, да иностранецъ и не рѣшался брать пива изъ этихъ простонародныхъ кабаковъ, гдѣ стòило только взглянуть на продажу онаго, чтобы потерять къ нему всякій аппетитъ. Пиво это стоитъ тамъ обыкновенно въ огромныхъ открытыхъ кадкахъ, или чанахъ, изъ которыхъ тѣснящійся около нихъ народъ зачерпываетъ свою долю деревяннымъ ковшомъ и, чтобы не проливать ничего даромъ, выпиваетъ пиво надъ кадкой, въ которую стекаетъ такимъ образомъ по бородѣ то, чтò не попало въ ротъ. (Рабочимъ простолюдинамъ, по недостатку бородобрѣевъ, надо было дозволить носить бороду). При томъ, если у пришедшаго выпить не окажется денегъ, то онъ оставляетъ въ закладъ свой старый тулупъ, рубаху, онучи или другое что, безъ чего можетъ обойтись до вечера, когда получитъ подённую плату свою и заплатитъ за пиво, и онъ вѣшаетъ такой закладъ свой тутъ же, на кадку, которая часто кругомъ бываетъ обвѣшена этими грязными закладами, и никто не брезгаетъ этимъ, хотя не рѣдко тò или другое изъ этаго добра сваливается отъ тѣсноты людской въ самую кадь и преспокойно плавается тамъ въ пивѣ по нѣскольку часовъ.

Для своего дому царь держитъ Англійскаго и Голландскаго пивоваровъ, которые варятъ превосходное пиво всѣхъ сортовъ, и не такъ какъ всѣ другіе жители Петербурга, которые употребляютъ для варки раскаленные камни или ядра.

340. Въ это же лѣто окончательно устроена Морская Академія, и въ цѣлой обширной Россіи не было ни одной знатной фамиліи, которая бы не обязалась выслать въ эту академію сына, или другаго родственника, отъ 10 до 18 лѣтняго возраста; поэтому, въ Петербургѣ встрѣчаешь этихъ молодыхъ новобранцевъ изъ всѣхъ уголковъ и мѣстъ Россіи, и въ этой академіи собраны такимъ образомъ представители всего Русскаго дворян-

ства. Теперь уже четыре года, какъ весьма свѣдующіе профессоры и учители обучаютъ этихъ юношей всѣмъ знаніямъ относящимся до мореплаванія, равно языкамъ, фехтованію и другимъ тѣлеснымъ упражненіямъ, и содержатъ ихъ въ строгомъ повиновеніи.

341. Изъ Шлезвига прибыли 20 овцеводовъ и посланы въ Казань, чтобы ознакомить Русскихъ со стрижкою тамошнихъ овецъ и съ обработкой шерсти, и чтобы шерсть эту употреблять и обращать въ надлежащія издѣлія, съ цѣлью избѣжать необходимости за чистыя деньги выписывать сукно на одежду арміи изъ Англіи, какъ это дѣлалось до сихъ поръ. Но съ этими своими шерстяными издѣліями Русскіе и по настоящее время далеко не ушли, и главнѣйшую причину дурнаго качества ихъ шерсти приписываютъ тому, что стада овецъ въ теченіи многихъ лѣтъ перемѣшаны съ козами.

342. Напротивъ того, устроенная въ ½ мили отъ Петербурга, льняно-ткацкая фабрика дѣйствуетъ такъ успѣшно, что полотно, изготовленное на ней изъ Русскаго льна, не уступитъ самому тонкому Голландскому. Мастеромъ на ней Голландецъ, а до двадцати подмастерьевъ его всѣ изъ Германіи. Пряжа изготовляется въ особой вновь выстроенной прядильнѣ, и одна старая Голландка надзираетъ за работой слишкомъ 80-ти безпутныхъ женщинъ, которыя обучаются здѣсь употребленію прялки, неизвѣстной до сихъ поръ въ Россіи. Воздѣлываніе льна въ Россіи заведено также на разумныхъ основаніяхъ. Кромѣ того, въ 2-хъ миляхъ отъ описанной прядильни, за Дудергофомъ, по приказанію царя, устроена бумажная фабрика, а не въ дальнемъ отъ нея разстояніи соломорѣзка, и оба эти заведенія, приведенныя въ безукоризненно-отличное состояніе, устроены и управляются Нѣмцами, изъ коихъ каждый получаетъ ежемѣсячно по 16-ти спецiесъ-талеровъ*). О соломорѣзкахъ Русскіе до сихъ поръ ничего незнали, равно какъ и объ изготовленіи хорошаго масла, которое они топятъ изъ сливокъ только въ горшкѣ и тотчасъ употребляютъ.

Противъ Шлиссельбурга, у рѣки Невы, построено нѣсколько мукомольныхъ, пильныхъ и рѣзныхъ мельницъ, а ближе къ Петербургу и въ Москвѣ пороховые заводы и лабороторіи, селитряные и сѣрные заводы. Всѣ потребные матеріалы для этихъ заведеній находятся въ Россіи, равно какъ и пенька для обширныхъ веревочныхъ работъ, на которыхъ въ Петербургѣ, на большой назначенной исключительно для того площади, ежедневно работаютъ нѣсколько сотъ человѣкъ Русскихъ рабочихъ, въ изобиліи доставляющихъ разные канатныя и веревочныя издѣлія, потребныя для кораблей. Тоже самое должно сказать и о литейномъ заводѣ, на которомъ безостановочно выливаются новыя орудія. Въ Олонецкѣ въ громадномъ количествѣ добывается желѣзная руда, и командированный туда генералъ-маіоръ Геннингсъ, иноземными мастерами и Русскими подмастерьями и рабочими, изготовляетъ не только пушки, мортиры, гаубицы и малыя огнестрѣльныя орудія, но и всякое другое оружіе, въ такомъ огромномъ количествѣ и такого достоинства, что скоро можно будетъ торговать всѣми этими издѣліями въ иностранныхъ земляхъ. Въ

*) Спецiесъ-талеръ равняется талеру и восьми грошамъ.

большихъ въ Петербургѣ построенныхъ кузницахъ куются якори и всякіе другіе желѣзные снаряды, потребные для построекъ кораблей и домовъ.

Множество кирпичныхъ заводовъ доставляютъ кровельную черепицу и обозженный кирпичь для Петербургскихъ построекъ, хотя матеріалы эти и оказываются еще не довольно прочны; а такъ какъ, кромѣ того, известка тамъ не хороша, или же изготовляется и потребляется въ дѣло зимою (постройки въ Петербургѣ продолжаются безпрерывно, круглый годъ), то не удивительно, что возведенные вновь домà и дворцы, въ два или въ три года, требуютъ уже поправокъ. Улицы теперь во всемъ обширномъ Петербургѣ вымощены, что̀ стоило жителямъ громадныхъ издержекъ, по недостатку голыша въ тамошней болотистой мѣстности, и что̀ въ то же время придало городу совершенно другой видъ. Въ добавокъ каждый домовладѣлецъ обязанъ насадить липы передъ своимъ домомъ и дворомъ. Книгопечатаніе не нуждается ни въ какихъ усовершенствованіяхъ, и царь приказалъ печатать въ типографіяхъ еженедѣльныя Русскія вѣдомости, чтобы всѣми мѣрами обратить вниманіе своихъ подданныхъ на то, что̀ дѣлается въ свѣтѣ, въ каковыхъ видахъ переведенъ въ Прагѣ четырьмя монахами, свѣдущими въ Славянскихъ языкахъ, большой лексиконъ Буддея. Введеніе въ исторію Пуфендорфа, Разговоры Эразма Роттердамскаго, Истинное Христіанство Арндта, Orbis Pictus уже три года переведены и напечатаны на Русскомъ языкѣ.

Такъ какъ я заговорилъ о различныхъ знаніяхъ въ Россіи, то кстати упомяну здѣсь вообще о томъ, что̀ царь пріумножилъ и улучшилъ въ этомъ отношеніи въ теченіи времени до 1720 года.

Открытіе рудокопень, лежавшихъ до сихъ поръ погребенными въ Россіи, составляетъ послѣ кораблестроенія одно изъ важнѣйшихъ заботъ его; такъ, учрежденная въ 1718 году Бергъ-коллегія сдѣлала уже и дѣлаетъ всевозможныя распоряженія къ отысканію и разработкѣ разныхъ рудъ, и есть уже надежда, что кромѣ существующихъ желѣзныхъ рудъ въ горахъ и найденнаго въ рѣкахъ богатаго золотомъ песку, найдутся средства добывать и разработывать золото, и серебро, и другіе менѣе цѣнные металлы большими кусками и глыбами, и такимъ образомъ отъ этой доходной работы получатся громадныя богатства. Если теперь это великое предпріятіе удачно исполнится, то изъ приведенныхъ выше новыхъ порядковъ легко заключить, что, обладая своими металлами, порохомъ, свинцомъ, оружіемъ, одеждой, продовольствіемъ и золотомъ для содержанія и употребленія своей арміи, царь не будетъ уже нуждаться ни въ какой иноземной помощи, ни въ какихъ чуждыхъ странахъ. При томъ, такъ какъ онъ хорошо знаетъ, что ввозъ необходимыхъ для Россіи шелковыхъ, шерстяныхъ и льняныхъ матерій стòитъ несказанныхъ денегъ, то, кромѣ упомянутыхъ учрежденій, онъ задумалъ съ 1718-го года и о заведеніи шелковой мануфактуры, для чего выписалъ изъ Франціи большое число мануфактиристовъ и привлекъ денежныя средства нѣсколькихъ Русскихъ вельможъ, которые добровольно пожелали положить на это дѣло часть капиталовъ своихъ. Но такъ какъ другіе Русскіе напротивъ очень притѣсняли пріѣхавшихъ мануфактури-

стовъ въ доставленіи имъ содержанія, поставляли всевозможныя препятствія и дѣлали непріятности, то большинство этихъ иностранцевъ уѣхало изъ Россіи, и я не знаю уже, въ какомъ положеніи находится тамъ это дѣло въ настоящее время.

Мнѣ пришлось бы говорить черезъ чуръ много, еслибъ я захотѣлъ привести здѣсь всѣ относящіяся сюда заботливыя распоряженія по части порядка, полиціи, заведенія машинистовъ, архитекторовъ и всякаго рода художниковъ, всевозможныхъ профессій, какія только можно придумать; поэтому я удовольствуюсь подтвержденіемъ еще разъ того, что при всемъ этомъ царь умѣетъ соединить полезное съ пріятнымъ. Ибо кромѣ того что онъ завелъ превосходныя дачи или увеселительные загородные домà, сады съ оранжереями, звѣринцами, каскадами, гротами, водомётами и проч., устроилъ машину на главной церкви съ колькольной игрой, изготовленную въ Голландіи, завёлъ зимнія ассамблеи или собранія, кромѣ того, что приказалъ составить планъ постройки зданія для оперы и концертовъ и разныхъ другихъ увеселеній, служащихъ для забавы и привлеченія иностранцевъ, онъ принялъ также всѣ мѣры и къ тому, чтобы сдѣлать свою столицу пріятною и для ученаго міра.

Если будетъ продолжаться постоянно приращеніе и теперь уже драгоцѣнной библіотеки, то въ немного лѣтъ она станетъ на ряду съ важнѣйшими Европейскими, не по числу, но по достоинству находящихся въ ней книгъ. Превосходныя картины, которыми обладаетъ царь, нельзя купить ни за какія деньги. Вещи, перешедшія къ нему отъ предковъ его и полученныя имъ изо всѣхъ Азіятскихъ областей, тщательно хранимыя въ Петербургѣ, составляютъ превосходнѣйшій кабинетъ рѣдкостей. Древности, которыя найдены были у Каспійскаго моря въ разныхъ развалинахъ языческихъ капищъ и молелень, въ 1716 и 1718 годахъ, и которыя состоятъ изъ всякаго рода жертвенной утвари и ветхихъ, но разборчивыхъ еще рукописей на пергаментѣ (онѣ были у меня въ рукахъ), могутъ образовать прелюбопытное собраніе идоловъ, и ученый, свѣдущій въ древнихъ восточныхъ языкахъ, въ древностяхъ и въ миѳической теологіи, будучи допущенъ къ изученію этихъ сокровищъ, можетъ многое разъяснить для всего ученаго міра.

Химическія и другія рѣдкости изъ царства растительнаго и минеральнаго, множество уродовъ, Готторпская сфера, представляющая систему Коперника, математическіе инструменты и множество другихъ вещей, состоявшихъ прежде подъ наблюденіемъ умершаго царскаго лейбъ-медика Арескина, по справедливости заставляютъ удивляться, какимъ образомъ такое громадное, драгоцѣнное собраніе могло быть составлено здѣсь въ столь короткое время.

Звѣринецъ дикихъ животныхъ и въ особенности красивый левъ и львица его, которыхъ два года назадъ прислалъ изъ Персіи царскій посланникъ Волынскій, также заслуживаютъ того, чтобы полюбоваться ими.

Объ асамблеяхъ я долженъ упомянуть здѣсь только тò, что они начались съ 1719 года, собирались трижды въ недѣлю и что его царское величество приказалъ напечатать составленныя для нихъ правила, кото-

рыя мною переведены и заключаются въ слѣдующемъ: *)

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Какимъ образомъ асамблеи отправлять надлежітъ.

Асамблеи—слово Французжское, которого на Рускомъ языкѣ однімъ словомъ выразіть невозможно, но обстоятельно сказать, волное, въ которомъ домѣ, собраніе или съѣздъ дѣлаетца не для толко забавы, но и для дѣла. Ибо тутъ можетъ другъ друга відѣть, и о всякой нуждѣ переговоріть, также слышать что гдѣ дѣлаетца, при томъ же и забава. А какімъ образомъ оные Асамблеи отправлять, то опредѣляется ніже сего пунктами, покамѣстъ въ обычеи воідетъ.

1) Въ которомъ дому имѣетъ Асамблея быть, то надлежітъ пісмомъ, или инымъ знакомъ объявіть людемъ, куды всякому волно прітіть, какъ мужскому полу, такъ и женскому.

2) Ранѣе пяти или четырехъ часовъ не начинается, а далѣе десяти по полудни не продолжается.

3) Хозяінъ не повіненъ гостеи ни встрѣчать, ни провожать, ни потчівать, и не точію вышеписанное не повіненъ чініть, но хотя и дома не случится оного, нѣтъ нічего, но токмо повіненъ нѣсколько покоевъ очістіть, столы, свѣчи, пітье употребляемое въ жажду кто попросітъ, игры на столахъ употребляемые.

*) Объявленіе это Веберомъ переведено на Нѣмецкій съ Русскаго довольно вѣрно, но съ незначительными пропусками, почему мы сочли за лучшее привести здѣсь не переводъ съ Веберова перевода, а подлинный текстъ объявленія, какъ оно перепечатано съ двухъ современныхъ корректурныхъ экземпляровъ въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 г. стр. 270, съ соблюденіемъ и современнаго правописанія.

4) Часы не опредѣляютца въ которомъ быть, но кто въ которои хочетъ [1]), лішебъ неранѣе и не позжѣе положеннаго времени. Такжо тутъ быть сколько кто хочетъ, и отъѣхать воленъ когда хочетъ.

5) Во время бытія въ Асамблеѣ волно сідѣть, ходіть, играть и въ томъ никто другому прешкодить, или унімать, также церемоніи дѣлать вставаньемъ, провожаньемъ и прочімъ, отнюдъ да не дерзаетъ, подъ штрафомъ велікого Орла, но только при пріѣздѣ и отъѣздѣ поклономъ почтіть должно.

6) Опредѣляетца, какімъ чінамъ на оные асамблеи ходіть, а именно, съ вышніхъ чіновъ до оборъ офіцѣровъ и дворянъ, также знатнымъ купцамъ и началнымъ мастеровымъ людемъ, также и знатнымъ пріказнымъ [2]); тожъ разумѣетца и о женскомъ полу, ихъ женъ и дѣтей.

7) Лакѣямъ или служітелемъ въ тѣ апартаменты не входіть, но быть въ сѣняхъ, или гдѣ хозяинъ опредѣлітъ, также когда въ Австеріи, и въ прочіхъ мѣстахъ будутъ балы, или бонкетъ, также не волно вышепісаннымъ служітелемъ въ тѣ апартаменты входіть, кромѣ вышеозначенныхъ мѣстъ [3]).

[1]) У Вебера прибавлено здѣсь: „лишь бы его видѣли на асамблеи“, и этимъ пунктъ этотъ у него и заканчивается.

[2]) Въ первой изъ современныхъ корректуръ этотъ пунктъ оканчивается такъ: „такімъ же образомъ разумѣется и женскому полу пріходітя на Асамблеи противъ выше означенныхъ мужеска полу чіновъ“. См. тамъ же стр. 271. Къ мастеровымъ людямъ у Вебера прибавлено: „преимущественно кораблестроителямъ.“

[3]) Этотъ 7-пунктъ у Вебера переведенъ иначе, именно такъ: „Лакеямъ (за исключеніемъ хозяйскихъ) опредѣляется мѣсто особо, чтобы въ комнатахъ Асамблеи оставалось достаточное пространство.“ Этимъ у Вебера и заканчивается объявленіе; но въ первой изъ означенныхъ современныхъ корректуръ есть

На этихъ асамблеяхъ одна комната назначена для танцевъ, другая для всякаго рода карточной игры и особенно для шахматной (въ которой отличаются самые простые Русскіе люди), въ третьей комнатѣ курятъ и ведутъ бесѣды, а въ четвертой женщины играютъ въ фанты и другія забавныя игры.

Хотя на асамблеяхъ никому не предлагается вина или водки больше того, сколько кто самъ пожелаетъ, кромѣ случаевъ (которые нерѣдко повторяются) когда кто поступитъ въ противность установленнымъ правиламъ; тѣмъ не менѣе иной Русскій порядочно напивается и смотритъ на учрежденіе асамблей, какъ на одно изъ лучшихъ нововведеній въ Россіи.

Обязанность дать у себя асамблею выпадаетъ на долю каждаго знатнаго придворнаго, по крайней мѣрѣ однажды въ зиму, и полицей-мейстеръ объявляетъ каждому, у кого она должна справляться, по усмотрѣнію царя.

Въ тоже время заведены оперы и комедіи и изысканы денежныя на нихъ средства, хотя самъ царь также мало находитъ удовольствія въ этихъ зрѣлищахъ, какъ и въ охотѣ.

Хотя Русскіе сами пытались завести у себя театральныя зрѣлища, но безъ надлежащаго руководительства попытки эти до сихъ поръ были очень плохи.

Царевна Наталья, еще до отъѣзда царя, устроила представленіе одной трагедіи, на которое дозволялось приходить всякому. Для этой цѣли она приказала приготовить большой пустой домъ и раздѣлить его на ложи и партеръ. Десять актеровъ и актрисъ были всѣ природные Русскіе, никогда не бывавшіе за границей, и потому легко себѣ представить, каково было ихъ искусство. Сама царевна написала драму и комедію на Русскомъ языкѣ, взявъ содержаніе ихъ частію изъ Библіи, частію изъ свѣтскихъ происшествій. Въ забавной пьесѣ появлялись въ перемѣшку то арлекинъ, то оберъ-офицеръ, а подъ конецъ вышелъ ораторъ, объяснившій исторію представленнаго дѣйствія и обрисовавшій въ заключеніи гнусность возмущенія и бѣдственный всегда исходъ онаго. Какъ увѣряли меня, во всемъ этомъ драматическомъ представленіи, подъ вымышленными именами, представлялось одно изъ послѣднихъ возмущеній въ Россіи. Шестнадцать музыкантовъ, состоявшіе при этомъ зрѣлищѣ, были всѣ чисто Русскіе и играли, какъ и всѣ другіе артисты, безъ всякаго искусства. Нѣсколько офицеровъ завѣряли меня и ежедневныя наблюденія под-

---

еще слѣдующее продолженіе, которое мы также считаемъ не лишнимъ привести здѣсь читателю.

8) Также объявляется при семъ реестръ кому Асамблеи держать, которыя начнутся отъ 27 числа сего мѣсяца. Первая будетъ у Князь Папы, а потомъ будутъ слѣдоваться другіе, кому сказано будетъ отъ того хозяіна у кого будутъ сідѣть на Асамблее, а тотъ хозяінъ повіненъ спрашівать о томъ у Прінцыпаловъ. И у кого означатъ Асамблес быть, то повіненъ тотъ хозяінъ тогда объявіть тому, кому повелѣно имѣть асамблея.

РЕЕСТРЪ.

Князь Папа. Санктъпітербургскій Архіерей Стрешневъ. Адміралъ Апраксинъ. Вице-Адміралъ Петръ Міхаіловъ. Вице-Адміралъ Креісъ. Шаутбеинахтъ Свѣтлѣишіи К. Меншиковъ. Шаутбеінахтъ Паданъ. К. Яковъ Долгорукой. К. Дмитрей Галіцынъ. Оборъ К. Серваеръ Іванъ Головінъ. Петръ Толстои. Гавріла Головкінъ. Петръ Шафіровъ. К. Алексѣи Черкаской. К. Щербатовъ. Адамъ Веиде. К. Петръ Галіцынъ. Алексеи Салтыковъ. Григореи Чернышевъ. Павелъ Егушінскіи. Антонъ Девіеръ. Стефанъ Клокачевъ. Стефанъ Нелединскіи. Іванъ Стрешневъ. Андреи Апраксинъ. Алексеи Макаровъ.“ Подъ именемъ Вице-Адмирала Петра Михайлова разумѣлся, какъ извѣстно, самъ царь (Тамъ же стр. 272).

твердили мнѣ эти увѣренія, что Русскимъ, какъ науки, такъ и музыку, нужно вбивать и преподавать батогами (при чемъ провинившійся долженъ лечь на землю, и его бьютъ шпицъ-рутенами), безъ чего они ничего усвоить себѣ не могутъ. Если у генерала остался какой нибудь молодой парень, или уже и пожилой, котораго нужно обучить полковой музыкѣ, то такого, хотя бы онъ никогда не слыхивалъ никакой музыки и не имѣлъ къ ней ни малѣйшей способности, отдаютъ на извѣстное время учителю, для первоначальнаго обученія Евангельскому пѣнью, которое составляетъ ихъ обычное пѣнье, менуэтамъ (Mennet) и проч; если же учащійся въ это время ничего не успѣлъ, то его бьютъ батогами, ради исправленія, до тѣхъ поръ и такъ часто, пока онъ не научится и не станетъ играть. Также поступаютъ они и во всѣхъ другихъ дѣлахъ своихъ и даже въ военныхъ упражненіяхъ. Отсюда и происходитъ, что въ Русскомъ народѣ, при такой строгой дисциплинѣ, существуетъ такое слѣпое повиновеніе старшимъ, въ особенности у солдатъ, которые оказываютъ всевозможную вѣрность и выносливость въ войнѣ, и при своемъ грубомъ невѣжествѣ обнаруживаютъ знаніе и исполненіе всего того, что̀ необходимо кождому доброму воину.

Говоря о нововведеніяхъ, которыми стараются украшать Петербургъ и сдѣлать его пріятнымъ, я вспомнилъ слова князя Меншикова, говорившаго, что Петербургъ другая Венеція и что иностранцамъ заманчиво поэтому пріѣзжать въ Россію. Это со временемъ можетъ будетъ и справедливо (за исключеніемъ, разумѣется, климата), если только Русскіе наиболѣе приспособятся къ волѣ и намѣреніямъ царя и радушнѣе будутъ встрѣчать заѣзжихъ гостей своихъ, а равно, когда каждому предоставлена будетъ бо̀льшая, чѣмъ до сихъ поръ, свобода пріѣзда въ Петербургъ и выѣзда изъ онаго, и когда уменьшится страшная дороговизна на всѣ предметы.

Вдовствующая герцогиня Курляндская 31-го Августа отправилась изъ Петербурга въ Митаву, съ оберъ-гофъ-мейстериной своей, графиней Матвѣевой, женою бывшаго посланника, для принятія во владѣніе вдовьяго удѣла своего. Въ настояшее время такою оберъ-гофъ-мейстериной при герцогинѣ состоитъ вдова генерала Рённенъ (Rönnen), графиня же Матвѣева скончалась въ Петербургѣ въ 1720-году.

Въ зимніе мѣсяцы, по приказанію царя, пріѣхало въ Петербургъ нѣсколько сотъ дворянскихъ семействъ, которые жаловались, что такимъ переѣздомъ они лишились двухъ третей своего состоянія, потому что въ Петербургѣ они должны были обстроиваться вновь и прокармливаться на чистыя деньги, тогда какъ внутри Россіи они могли бы жить и продовольствоваться отъ своихъ имѣній несравненно дешевле. Крестьянамъ, которые обязаны бываютъ такимъ же образомъ тащиться въ Петербургъ, перемѣщеніе это обходится не легче; но всѣ эти неудобства и лишенія, какъ знатные, такъ и простые Русскіе люди умѣютъ какъ-то переносить съ невѣроятнымъ почти терпѣніемъ. Простолюдины зачастую говорятъ, что жизнь ихъ просто одна тягость. Если кто заболѣетъ изъ нихъ, то ложится на полъ и мало печалится о томъ, встанетъ онъ или нѣтъ, почему и не хочетъ принимать никакихъ лѣкарствъ. Одинъ Евангеличекій проповѣдникъ въ Россіи разсказы-

валъ мнѣ, что когда онъ распрашивалъ нѣкоторыхъ простодушныхъ Русскихъ крестьянъ объ ихъ вѣрѣ и о томъ, чтò должны они дѣлать, чтобы достигнуть блаженства, то они отвѣчали ему, что и не слыхивали о томъ, что могутъ попасть на небо и полагали всегда, что оно назначено только царямъ да знатнѣйшимъ боярамъ.

Въ Январѣ 1717 г. слѣдовалъ я за царемъ въ Германію и къ концу того же года возвратился снова въ Петербургъ, въ каковой промежутокъ времени, какъ я сказалъ уже, внутри Россіи ничего замѣчательнаго не случилось (кромѣ бѣгства царевича, о которомъ скажу ниже).

Въ заграничномъ путешествіи своемъ въ Данцигъ, въ Данію, въ Голландію и Францію царь провелъ почти два года, и всѣ изданныя имъ въ это время распоряженія къ предположенной мною задачѣ не относятся, почему я оставляю ихъ въ сторонѣ и послѣдую далѣе за внутренними, домашними дѣлами въ Россіи.

343. Въ Октябрѣ 1717 года царь снова прибылъ въ Петербургъ и до конца этого года непрестанно занимался тѣмъ, чтò приводилъ снова въ надлежащее положеніе дѣлà, совершенно запущенныя въ его отсутствіи, а также подвергалъ справедливому наказанію тѣхъ, которые дѣйствовали противно своимъ обязанностямъ. Онъ взялъ на себя трудъ лично изслѣдовать жалобы спорившихъ сторонъ и каждое утро въ 4 часа присутствовалъ въ Сенатѣ.

Но такъ какъ дѣлà, подлежавшія этому изслѣдованію, казались въ началѣ весьма запутанными и требовали немалаго времени, чтобы удостовѣриться въ злоупотребленіи обвиняемыхъ, то учрежденъ былъ особый судъ (трибуналъ), и въ тоже время разстрѣлянъ вполнѣ изобличенный князь Волконскій, губернаторъ Архангельскій. Сказанный судъ состоялъ изъ нѣсколькихъ коллегій, а каждая коллегія изъ маіора, капитана и лейтенанта лейбъ-гвардіи, которые должны были, по здравому разуму и справедливости, изслѣдовать каждое дѣло и учинить законный приговоръ. Такимъ образомъ въ Россіи дошло до того, что какой нибудь почтенный членъ Сената, изъ важнѣйшихъ родовъ государства, долженъ былъ являться передъ лейтенантомъ и давать ему объясненія и отвѣты.

344. Въ Ноябрѣ царь издалъ запрещеніе носить на одеждахъ золото и серебро, отпустилъ разныхъ оказавшихся безполезными ремесленниковъ, вызванныхъ изъ заграницы, другихъ посадилъ на половинное жалованье и принялъ многія другія дѣйствительныя средства, чтобы какъ нибудь уменьшить недостатокъ въ деньгахъ.

Около этого же времени нѣкоторые знатные Русскіе люди составили общество (о которомъ я уже упоминалъ выше) изготовленія золотой и серебряной парчи, которое царь освободилъ на много лѣтъ отъ пошлинъ и, напротивъ, привозную изъ заграницы парчу обложилъ: лучшую трижды удвоенною, а худшую дважды удвоенною пошлиною, каковой налогъ долженъ былъ впервыя взиматься только съ 1719 г. и имѣлъ конечною цѣлію, вмѣстѣ съ поощреніемъ новой мануфактуры, заставить иноземныхъ купцевъ привозить въ Россію вмѣсто товара чистыя деньги.

345. Юный великій князь (подъ которымъ я разумѣю здѣсь сына царевича) получилъ отъ царя царскій портретъ, усѣянный бриліантами и за свой бодрый, воинственный нравъ

объявленъ сержантомъ лейбъ-гвардіи; затѣмъ его одѣли въ сержантскій кафтанъ и стали наставлять въ первоначальныхъ строевыхъ пріёмахъ, которые, впрочемъ, онъ не только быстро изучилъ, но уже годъ тому назадъ самъ выдѣлывалъ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія изъ построеній и упражненій.

346. Въ началѣ этого трактата я уже сообщалъ о Бухарскомъ послѣ Ачерби и объ его представленіи, въ бытность его въ 1714 году въ Петербургѣ. Когда онъ, на обратномъ пути своемъ, пріѣхалъ въ Астрахань, то узналъ, что въ его отсутствіе дѣла въ отечествѣ его приняли совершенно другой видъ и что тамъ произошло всеобщее возмущеніе, вслѣдствіе чего, ради безопасности, онъ пробылъ нѣкоторое время въ Астрахани, а затѣмъ рѣшился всё таки отправиться домой. Но едва только прибылъ онъ въ отечество, какъ вмѣстѣ съ нѣсколькими тысячами другихъ Бухарцевъ былъ казненъ ханомъ Гамаліемъ (Gamalie), который снарядилъ и отправилъ къ царю другаго посла, по имени Батуча (Batucha), для заявленія царю своей покорности и возобновленія стараго союза, а въ тоже время для испрошенія защиты противъ хана Каракалпаковъ и другихъ сосѣдей.

20-го Декабря помянутый Батуча имѣлъ первую свою аудіенцію у царя, въ канцеляріи, гдѣ собралось и множество знатныхъ Русскихъ и хотя эти послѣдніе всѣ стояли, но Батуча потребовалъ себѣ стулъ и сѣлъ на него съ особенною важностію; когда же прошелъ великій канцлеръ и далъ ему знакъ идти къ царю, посолъ проворно вскочилъ со стула, бросилъ свою саблю въ руки богато одѣтыхъ прислужниковъ и, низко наклонившись, пошелъ въ царскій покой.

По окончаніи аудіенціи, царь вышелъ съ посломъ изъ своего покоя въ канцелярію, и здѣсь одинъ старый Татаринъ, важнѣйшій изъ прислужниковъ Батучи, привѣтствовалъ его низкимъ поклономъ, съ заявленіемъ, что онъ желалъ бы сказать царю нѣсколько словъ; когда же ему дано было позволеніе говорить, онъ громкимъ голосомъ и дѣлая руками различные жесты, произнесъ рѣчь, которую посолъ, знавшій Русскій языкъ, тудъ же перевелъ порусски и которая собственно заключала въ себѣ слѣдующее пожеланіе: «подобно тому, какъ одно солнце освѣщаетъ всю землю, такъ да будетъ онъ царь одинъ ея обладателемъ». Царь улыбнулся добродушному оратору, но оставилъ его безъ отвѣта.

347. 31-го Декабря его царское величество отправился въ Москву, въ которой онъ не былъ уже цѣлыя восемь лѣтъ; въ это же время прибылъ изъ Персіи одинъ Іезуитъ, съ извѣстіемъ, что Русскій посланникъ Артемій Волынскій пріѣхалъ уже въ гор. Испагань, а секретарь посольства его, Венигеркиндъ (Wenigerkind), ученый Нѣмецъ, съ 30-ю служителями, умеръ отъ горячки по ту сторону Каспійскаго моря. Смерть этого почтеннаго мужа весьма прискорбна и достойна сожалѣнія, потому что онъ обладалъ обширными познаніями въ философіи и имѣлъ намѣреніе, а также и порученіе, сообщать всѣ замѣчательныя открытія, которыя онъ могъ сдѣлать въ Персіи и вообще на пути своемъ. Въ моихъ многочисленныхъ поѣздкахъ у меня пропали интересныя письма этого человѣка, которыя писалъ онъ ко мнѣ во время пути своего.

348. Послѣдній Русскій караванъ, отправившійся въ Китай, долженъ былъ простоять нѣсколько мѣсяцевъ по сю сторону Китайской стѣны, и присланный на границу мандаринъ, подъ разными ничтожными предлогами, всё отговаривался и не давалъ позволенія проѣхать въ Пекинъ; наконецъ, когда отправленъ былъ къ Китайскому двору нарочный и сдѣлалъ болѣе настоятельныя и серьёзныя представленія, тогда уже надумались, и караванъ пропустили.

349. Въ Январѣ прибылъ курьеръ изъ Украйны съ непріятнымъ извѣстіемъ, что Кубанскіе Татары снова собрались большими силами и приблизились къ Русскимъ границамъ, не подкрѣпляемые, впрочемъ, на этотъ разъ Турками; ибо Турецкій комендантъ Азова самъ прислалъ съ нарочнымъ къ уполномоченнымъ на Русскихъ границахъ дать знать о такомъ замыслѣ Татаръ, объясняя, что, такъ какъ никто не могъ обуздать этаго народа и онъ очень благоденствуетъ послѣ вторженія своего въ прошломъ году въ Россію отъ пріобрѣтенной добычи, то и рѣшился теперь со всею силою своею сдѣлать вторичный набѣгъ въ предѣлы Россіи.

350. Съ этой Кубанскою войною не должно смѣшивать ту, которую царь предпринялъ и поручилъ вести у Каспійскаго моря Грузинскому кн. Александру Бекевичу и о которой 4-го Февраля получены были въ Петербургѣ слѣдующія подробности.

351. Выше было уже сказано, что два года назадъ царь вторично послалъ этаго князя (который самъ происходилъ отъ Татарскихъ предковъ и женатъ былъ на княжнѣ Голициной, утонувшей въ Волгѣ), въ качествѣ генерала и начальника войскъ въ 3000 человѣкъ (въ числѣ коихъ было и 300 плѣнныхъ Саксонцевъ, захваченныхъ при Полтавѣ въ Шведскихъ полкахъ) въ Великую Татарію для разработки тамъ рудъ и золотаго песку. Намѣреніе царя было таково, чтобы построить у Каспіискаго моря двѣ крѣпостцы, для облегченія торговыхъ сношеній и прикрытія лагеря, устроеннаго тамъ для этой цѣли, что̀ всё и было тѣми войсками исполнено, благодаря неимовѣрному множеству раковинъ, находившихся тамъ на песчаныхъ отмеляхъ; и сначала Татары и Калмыки нисколько не мѣшали дѣлу, позднѣе же, когда Русское войско двинулось во внутрь страны, такъ называемыя степи, по утомительной и вслѣдствіи недостатка воды въ высшей степени убійственной дорогѣ, и приблизилось къ мѣсту нахожденія золотаго песку, жители подвластные хану Ширванскому, числомъ свыше 50,000, стали уже подозрѣвать недоброе и отказались отъ подарковъ, предложенныхъ имъ отъ имени царя. Но, въ тоже время, они всё еще не обнаруживали нерасположенія, притворяясь, что имъ очень прискорбно видѣть, какъ такое почтенное войско терпитъ лишенія и страдаетъ; они предлагали даже свои услуги пособить горю, обѣщали доставить войску воду и продовольствіе, если только оно раздробится на части и приметъ обратный путь отдѣльными колоннами. Генералъ довѣрился такимъ предательскимъ услугамъ, и частію по необходимости, частію по неопытности въ войнѣ, приказалъ своей арміи раздѣлиться и идти небольшими отрядами въ 300 и 500 человѣкъ и такимъ образомъ предалъ себя и своихъ на разбой волковъ, скрывавшихся въ овечьихъ шкурахъ. Самаго его пригласили къ обычному

у Татаръ знаку кровопролитія, именно: на разостланное на землѣ передъ палаткою хана красное сукно, и такъ какъ онъ не хотѣлъ добровольно стать на колѣни на этомъ сукнѣ, то нѣсколько сабельныхъ ударовъ по икрамъ были началомъ страшно-мучительной смерти его.

Такое же бѣдствіе постигло и всё раздробленное его войско, и ни одному способному носить оружіе не было пощады, кромѣ артиллеристовъ, которыми впослѣдствіи воспользовались побѣдители, вмѣстѣ съ ихъ пушками и амуницiей при завоеваніи одной пограничной Персидской крѣпости Мецецъ(Mezetz), въ которой разграбили монастырь, обитый внутри золотомъ и множество другихъ драгоцѣнностей, а коменданта ея принудили къ постыдному договору. Пощадили также музыкантовъ и многихъ молодыхъ волонтеровъ, большею частію боярскихъ дѣтей, которыхъ пораспродали, и одинъ изъ нихъ, перешедшій черезъ многія руки, попалъ снова къ своимъ землякамъ и въ настоящее время находится въ Петербургѣ.

За тѣмъ обѣ помянутыя крѣпости Русскія разрушены Татарами безъ особенной трудности, и тамошній капитанъ галернаго флота, по имени Третель, имѣлъ счастіе спастись во время и впослѣдствіи сопровождалъ Русскаго посланника въ Персію, Волынскаго, на пути его туда и обратно.

Простирающаяся на нѣсколько тысячь верстъ степь или пустыня (въ одной Нѣмецкой мили пять вёрстъ) есть такое пространство, на которомъ хотя и растутъ въ изобиліи всѣ возможные плоды, низменныя фруктовыя деревья, рисъ и душистые цвѣты, кустарники, но высокій тростникъ закрываетъ собою даже всадника на лошади, и нужно прежде выжечь на тысячу и болѣе вёрстъ тростникъ, чтобы можно было продовольствовать лошадь и доставить солдатамъ безопасность; въ противномъ случаѣ трава произрастаетъ скудно и еще рѣже встрѣчаются ключи, или колодцы.

Въ Петербургѣ твердо убѣждены, что его царское величество, въ скоромъ времени и съ незначительнымъ даже войскомъ, заботливо только снабженнымъ водою и провіантомъ, можетъ чувствительно отомстить этимъ Кибитскимъ Татарамъ (какъ называютъ ихъ нѣкоторые отъ ихъ палатокъ, именуемымъ потатарски кибитками); ибо кромѣ сабель, стрѣлъ и быстрыхъ лошадей, у этихъ Татаръ вообще средства обороны въ плохомъ состояніи; говорятъ, что также скоро состроены будутъ и новыя крѣпости для прикрытія назначенныхъ туда чернорабочихъ и мастеровъ.

Торговля золотымъ пескомъ давно уже велась съ успѣхомъ и Персіянами; но туземные жители засорили и сдѣлали несудоходнымъ устье рѣки Дарьи, по которой можно было изъ Каспійскаго моря прямо достигнуть до мѣстонахожденія золотаго песку, и самую рѣку отвели въ равнину. Возстановить всё это въ прежнемъ видѣ и было поручено, между другими дѣлами, Александру Бекевичу, съ тою цѣлію, чтобы избѣжать необходимости проходить опаснымъ сухимъ путемъ, черезъ степи; ибо сказанная рѣка беретъ начало изъ находящихся внутри страны рудниковъ и приноситъ съ собою внизъ завѣтный песокъ.

Вызванный изъ Саксоніи на царскую службу мастеръ горныхъ дѣлъ, теперешній горный совѣтникъ Блюгеръ, вторично представилъ въ Петербургъ нѣсколько пробъ находящейся

въ описанныхъ выше мѣстахъ руды и золотаго песку, по которымъ оказалось, что масса руды и песку, равная по вѣсу 3-мъ дукатамъ, содержитъ съ себѣ чистаго золота на $2^1/_4$ дуката.

352. Изъ Новгорода получено извѣстіе, что царевичь съ тайнымъ совѣтникомъ Толстымъ, прибылъ изъ Неаполя, былъ въ Новгородѣ проѣздомъ въ Москву; изъ этого же послѣдняго города извѣщали, что послѣ того, какъ бывшій тамъ вице-царь Ромодановскій скончался, и его царское величество возвёлъ въ эту высокую должность единственнаго сына покойнаго, то въ виду того, чтобы не вымерло имя такой знатной древней фамиліи, повелѣно было: обѣимъ сестрамъ теперешняго вице-царя, не имѣющаго по себѣ наслѣдника и послѣдняго представителя этого имени, выдти за мужъ за двухъ знатныхъ Русскихъ вельможъ подъ такимъ условіемъ, чтобы оба эти мужа откинули свои родовыя прозванія и приняли бы прозваніе Ромодановскихъ.

353. Въ дѣлѣ царевича напали теперь на болѣе ясные слѣды, потому что 18-го Февраля, въ полночь, домъ прежняго великаго любимца и адмиралитетсъ-совѣтника Кикина оцѣпили вдругъ 50 гренадеровъ, и самаго его, бывшаго уже въ постели, при объявленіи ему царской немилости, заковали въ оковы и арестовали, такъ что онъ едва успѣлъ сказать нѣсколько успокоительныхъ словъ и проститься съ супругою своею, которая вмѣстѣ съ княгинею Черкасскою считалась первою красавицею въ Россіи. Такимъ же образомъ поступлено было съ Сибирскимъ царевичемъ и со всѣми служителями царевича Русскаго, которыхъ, большею частію уже закованныхъ, 22-го Февраля, привезли въ Москву, откуда одинъ хорошій пріятель мой прислалъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Тайный совѣтникъ Толстой, ѣхавшій съ царевичемъ изъ Неаполя, достигнулъ Твери впередъ и прибылъ сюда и, ему было приказано съѣздить обратно въ Тверь, откуда нѣсколько дней тому назадъ онъ опять прибылъ сюда и привезъ съ собою царевича, который палъ къ стопамъ своего государя отца и встрѣченъ былъ гнѣвною рѣчью послѣдняго. Не возможно описать смущеніе мыслящихъ по старинѣ Русскихъ, для которыхъ Петербургъ, корабли, вода, иноземные обычаи и языкъ кажутся ужасомъ, и такъ какъ въ теперешнихъ смутныхъ обстоятельствахъ много виноваты Русскіе священники, то легко отъискать причину, почему царь подрѣзалъ имъ крылья и опредѣлилъ имъ ограниченное содержаніе, приказавъ заниматься только церковью и священнослуженіемъ. Весь ходъ этого слѣдствія будетъ напечатанъ, и на этотъ разъ я сообщу здѣсь только то, что царевичь всенародно отказался отъ наслѣдованія и лишь подъ этимъ условіемъ, а также и подъ обязательствомъ, что онъ откроетъ совѣтчиковъ своихъ, дано ему прощеніе.

Кикинъ имѣлъ шпіоновъ даже въ покоѣ царя и приспособилъ себѣ камеръ-пажа Баклановскаго, посредствомъ 20 тысячь рублей, въ случаѣ наступленія опасности заранѣе онъ долженъ былъ увѣдомить Кикина, чтобы дать ему время и возможность убѣжать. Баклановскій стоялъ позади царя, когда тотъ писалъ князю Меншикову собственноручный приказъ схватить и прислать сюда Кикина, и невѣрный слуга тотчасъ же побѣжалъ на почту и отправилъ къ Ки-

кину въ Петербургъ курьера (который прибылъ въ Петербургъ почти въ одинъ часъ съ царскимъ нарочнымъ и слѣдовательно поздно уже); такъ какъ царю показалось подозрительнымъ отсутствіе пажа, и онъ послалъ въ городъ освѣдомиться о томъ, зачѣмъ онъ уходилъ, то дѣло всплыло наружу, и пажъ заключенъ въ тюрьму съ остальными обвиняемыми».

«Кромѣ этаго произошло здѣсь и нѣчто забавное, что̀ и сообщаю въ заключеніе».

«Извѣстно, что здѣсь передъ Кремлемъ и въ другихъ мѣстахъ до сихъ поръ стоятъ воткнутыми на высокихъ шестахъ, на показъ, головы бывшихъ бунтовщиковъ, со времени большаго Стрѣлецкаго бунта. Казненные были всё знатные господа, и наслѣдники ихъ, равно какъ и другіе ихъ родственники, люди всѣ съ состояніемъ и средствами, которые живутъ въ Москвѣ, или по деревнямъ. Эти-то родственники рѣшились въ настоящее время войти ко двору съ слѣдующимъ челобитьемъ, или прошеніемъ: родныя головы такъ долго уже стояли на воздухѣ часовыми, что можно было бы теперь и отпустить ихъ. Они, родственники эти, могутъ еще открыть царю столько мошенниковъ, воровъ и измѣнниковъ, что такое зрѣлище могло быть замѣнено въ десять разъ бо̀льшимъ количествомъ головъ»... и проч.

„Москва, $^{6}/_{17}$ Февраля 1718 года“.

354. Говоря о Сибирскомъ царевичѣ, привезенномъ подъ стражею въ Москву, необходимо упомянуть здѣсь, что въ Россіи названіемъ царевичей чествуютъ только сыновей Русскихъ царей и потомковъ прежнихъ царей Сибирскихъ, остальные же Русскіе просто такъ и называются князьями. Супруга царя называется царицей, царская дочь—царевной.

Царевичь Сибирскій былъ внукъ Сибирскаго царя, который въ 1587 поступилъ въ подданство къ Русскому царю Ѳеодору Ивановичу и тѣмъ присоединялъ Сибирь къ Россіи; а такъ какъ это великое событіе совершилось при сильномъ содѣйствіи одного Сибирскаго крестьянина Строгонова, то этому Строгонову и потомкамъ его дарованы были большія льготы и имѣнія, и въ настоящее время эти Строгоновы иначе и не называются какъ богатыми крестьянами (reiche Bauern). Старшій сынъ умершаго три года назадъ Строгонова находится теперь въ Петербургѣ.

Помянутый Сибирскій царевичь есть послѣдній представитель своей фамиліи, не имѣющій наслѣдниковъ; равнымъ образомъ и фамилія Казанскаго царя Семеона, котораго царство завоевано Русскими въ половинѣ 16 вѣка и который самъ былъ тогда взятъ вмѣстѣ съ женою своею въ Москву, совершенно вымерла.

355. Князь Меншиковъ получилъ въ Петербургѣ повелѣніе прислать въ Москву, за строжайшимъ карауломъ, генералъ-лейтенанта, полковника лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, кавалера ордена слона, бывшаго въ тоже время и генералъ-инквизиторомъ, князя Василія Володиміровича Долгорукаго. По этому повелѣнію князь Меншиковъ немедленно отправился съ сильнымъ отрядомъ солдатъ къ Долгорукому, объявилъ ему царскую немилость, и тотъ, отдавая свою шпагу Меншикову, сказалъ: «Совѣсть у меня чиста̀, умирать—одинъ разъ». Въ тотъ же вечеръ Долгорукій посаженъ въ крѣпость, а Меншиковъ между тѣмъ посѣтилъ такимъ

же образомъ и арестовалъ сенатора Петра Матвѣевича Апраксина (брата великаго адмирала, оказавшагося невиннымъ), Абрама Ѳедоровича Лопухина (бывшаго до сихъ поръ только подъ домашнимъ арестомъ), сенатора Самарина, Воинова, Ворова, Ивана Васильевича Кикина, брата Александра Кикина, и девять другихъ знатныхъ Русскихъ господъ.

356. Около этаго времени въ Олонецѣ открытъ былъ цѣлебный источникъ или колодезь, и посланъ туда медикъ для изслѣдованія свойствъ воды, которую онъ долженъ былъ давать пить больнымъ людямъ. Такъ какъ вода эта помогла находившимся тамъ больнымъ, а позднѣе и многимъ другимъ и даже самому царю, то источникъ Олонецкій вошелъ въ такую славу, что въ настоящее время онъ сдѣлался почти универсальнымъ лечебнымъ средствомъ въ Россіи, и къ нему стекаются больные изъ всѣхъ концевъ и мѣстъ Россіи. Цѣлебное свойство воды главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что она очищаетъ желудокъ и возбуждаетъ аппетитъ; осадокъ въ водѣ представляетъ красноватую землю, на видъ очень похожъ на Португальскій нюхательный табакъ, и я видѣлъ образчики этой земли, по которымъ оказалось, что желѣзо въ этой минеральной водѣ составляетъ почти треть ея основныхъ началъ. Источникъ этотъ или колодезь находится на восемь миль далѣе на сѣверъ отъ Олонецкихъ рудокопень. Такъ какъ при пользованіи этими водами необходимъ сильный моціонъ, а по причинѣ снѣгу и другимъ неудобствамъ холоднаго климата имѣть его тамъ невозможно, то его величество приказалъ устроить биліардъ и токарный станокъ, на которыхъ во время своего пребыванія онъ ежедневно и упражняетъ свой организмъ. Нѣкоторые остроумные люди, угадывающіе тайныя намѣренія царя, разсказываютъ, что своимъ примѣромъ онъ старается только указать подданнымъ дорогу въ Олонецъ; ибо, бывши въ Пирмонтѣ, Карлсбадѣ и въ Спа, онъ замѣтилъ, что многіе знатные люди посѣщаютъ эти воды только для развлеченія, тѣмъ способствуя процвѣтанію и обогащенію водъ. А такъ какъ рабочій народъ въ городкѣ Олонецѣ не имѣетъ почти ничего, кромѣ царскаго жалованья, а съ другой стороны множество плохаго орудія тамошняго издѣлія, шпагъ и прочаго, остается ежегодно непроданнымъ, то сказанные люди и полагаютъ, что открытіемъ цѣлебныхъ водъ царь желалъ только привлечь въ Олонецъ своихъ подданныхъ (которые и безъ того охотно прибѣгаютъ къ простымъ естественнымъ средствамъ и имѣютъ прирожденное отвращеніе къ аптекамъ) и тѣмъ привести въ лучшее состояніе торговлю оружіями тамошняго артиллерійскаго управленія, состоящаго въ веденіи генералъ-маіора Геннингса, и самое мѣсто сдѣлать болѣе зажиточнымъ.

357. По обнародованіи въ Москвѣ отреченія царевича отъ наслѣдованія престоломъ, присланъ былъ въ Петербургъ князю Меншикову и всему Сенату указъ его царскаго величества о томъ, чтобы созвать въ Петербургѣ всю милицію, дворянство, горожанъ и крестьянъ, для приведенія ихъ къ присягѣ въ вѣрности наслѣдному царевичу Петру Петровичу, какъ будущему царю, каковая церемонія и совершена была съ особенною торжественностію 9-го Марта, въ церкви св. Троицы.

Того же числа отправился я изъ Петербурга въ Москву и хотя надѣялся

проѣхать туда въ три дня, подобно тому, какъ было это въ первую мою поѣздку, но выпавшій снѣгъ и ужасный холодъ воспрепятствовали этому и продлили время моего пути. Въ эту вторую поѣздку мою, между прочимъ, я дозналъ, что отъ Гамбурга до Москвы надо считать добрыхъ 400 Нѣмецкихъ миль.

358. Въ Москвѣ я нашелъ прибывшаго обратно изъ Китая Лангена, который нѣсколько уже недѣль поджидалъ тамъ царя (царь остался очень доволенъ его экспедиціей) и въ Мартѣ мѣсяцѣ получилъ изъ Китая по особому случаю еще одно извѣстіе о томъ, что тамошній императоръ, по настоянію мандариновъ, рѣшился извести въ своей имперіи христіанскую религію и что преслѣдованіе оной началось уже и на дѣлѣ. Находясь въ такой крайности, Іезуиты написали весьма трогательное письмо къ Римскому императору, которое и препроводили съ другимъ письмомъ къ его царскому величеству на Латинскомъ языкѣ; это другое письмо было слѣдующаго содержанія.

«Великомощнѣйшій царь! Въ прошломъ мѣсяцѣ текущаго 1717 г. христіанство въ великой Китайской имперіи повелѣніемъ 9-ти высшихъ государственныхъ чиновъ поставлено въ крайнюю опасность, которую одинъ Римъ могъ бы отклонить, еслибъ только ему было извѣстно истинное положеніе дѣлъ. Но изъ такой отдаленной страны и въ настоящее именно время, когда никакіе корабли отсюда не отплываютъ, я рѣшительно не знаю, къ кому обратиться и ничего инаго не могу предпринять, какъ только нижайше повергнуться къ стопамъ вашего царскаго величества и всеподданнѣйше просить, дабы вы соблаговолили высочайше и всемилостивѣйше повелѣть мое донесеніе о здѣшнихъ событіяхъ, которое вмѣстѣ съ симъ посылается, снабженное всѣми надлежащими документами, вѣрно и возможно скорѣе, переслать черезъ страну вашего величества въ Австрію, въ Вѣну, къ его императорскому величеству Карлу VI-му, какъ ближайшему родственнику вашего царскаго величества. Надѣюсь, что, изъ любви къ Богу и главѣ вѣры, ваше величество соблаговолите принять во вниманіе эту просьбу, такъ какъ, ревнуя къ вѣрѣ, ваше царское величество многократно уже подвизались собственною высочайшею особою своею, не щадя своей крови и жизни, противъ Турокъ, Татаръ и другихъ невѣрныхъ и въ этихъ подвигахъ стяжали себѣ высокодостославныя побѣды, которыя ваше величество, по благословенію Божію, одержали надъ врагами вѣры и тѣмъ расширили предѣлы своего царства. За такое, испрашиваемое здѣсь, всемилостивѣйшее благодѣяніе мы навѣки пребудемъ всеподданнѣйше благодарны вашему величеству, и въ числѣ 80-ти вѣроучителей и двухъ сотъ тысячь здѣшнихъ христіанъ никогда не престанемъ молить неотступно Бога, дабы Онъ продлилъ на многія будущія лѣта жизнь и благосостояніе вашего церскаго величества, всего царскаго дома вашего и царства, да пріумножитъ и благословитъ Онъ ваше величество всѣми временными и вѣчными благами Своими. Вашего царскаго величества, неизвѣстный вамъ, но на всегда преданнѣйшій Киліанъ Штумпфъ, *Китайскій и Японскій визитаторъ.*

Пекинъ, 25-го Іюня 1717-го года.

Помянутые здѣсь миссіонеры два года уже находились въ опасномъ положеніи, ибо посланные ими на собственныя средства въ Римъ уполно-

моченные, для исходатайствованія у папы желаемой новообращенными христіанами индульгенціи на чествованіе Конфуція и на удержаніе нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ, не возвращались назадъ; вслѣдствіе чего, съ дозволенія совѣта мандариновъ, миссіонеры тѣ напечатали воззванія на Латинскомъ, Китайскомъ и Татарскомъ языкахъ и распространили ихъ по всему свѣту.

Между тѣмъ въ Москвѣ великій трибуналъ (судилище) постоянно занимался двумя уголовными дѣлами: объ упомянутыхъ обвиняемыхъ, привезенныхъ изъ Петербурга, и о генералъ-маіорѣ Глѣбовѣ. Это были два различныя слѣдствія, изъ коихъ одно касалось царевича Алексѣя, а другое прежней царицы, которая привезена была теперь въ Москву, изъ Суздальскаго монастыря, вмѣстѣ съ генераломъ-маіоромъ Глѣбовымъ, и это послѣднее слѣдствіе окончено было въ Москвѣ, а первое въ Петербургѣ. Присутствіе всего двора, бо̀льшей части генераловъ и штабъ-офицеровъ и собранныхъ изо всей Россіи важнѣйшихъ духовныхъ чиновъ и бояръ, оживило Москву до того, что она кишѣла народомъ, а процессіи, совершавшіяся часто духовными чинами въ царскій дворецъ, въ каретахъ и въ сопровожденіи всего ихъ штата, для суда надъ сочленомъ своимъ, епископомъ Ростовскимъ, представляли вообще зрѣлище чрезвычайно любопытное. Но еще бо̀льшій интересъ возбуждали рѣчи царя, которыя онъ, въ противность обычаю предковъ своихъ, держалъ въ аудіенцъ-залѣ къ духовенству и ко всѣмъ важнѣйшимъ чинамъ своего государства и въ которыхъ онъ, съ прирожденнымъ ему краснорѣчіемъ (въ которомъ онъ на словахъ и въ письмѣ былъ первый во всемъ своемъ царствѣ) представлялъ этимъ высшимъ чинамъ и народу опасность, грозившую государству и преступленія, замышленныя такимъ множествомъ злодѣевъ въ оскорбленіи его величества. Вслѣдствіе этихъ-то злоумышленій Досиѳей, епископъ Ростовскій и Пустынной (Pustinoi), духовникъ бывшей царицы, лишены были духовнаго сана и преданы свѣтскому суду.

На этихъ торжественныхъ собраніяхъ царь всегда являлся въ своемъ обыкновенномъ кафтанѣ, и никто не запомнитъ, чтобы видѣлъ его когда либо въ древней, велико-княжеской одеждѣ или въ чрезмѣрно богатомъ убранствѣ, къ которому онъ чувствовалъ природное отвращеніе, хотя, по наслѣдству отъ родителя и дѣдовъ своихъ, онъ обладаетъ множествомъ клейнодовъ и драгоцѣнностей, какъ это можно видѣть между прочимъ изъ описанія посланника императора Фердинанда I-го, Герберштейна, который говоритъ: «Во время аудіенціи, на великомъ князѣ была корона, которая по своей цѣнности и дорогимъ камнямъ отнюдь не уступитъ папской, или какой нибудь другой коронѣ. Царская мантія богато унизана была рубинами, брилліантами и алмазами, изъ коихъ нѣкоторые были величиною въ орѣхъ, и царевичь одѣтъ былъ также великолѣпно. По окончаніи аудіенціи царь пошелъ къ столу, за которымъ сотни боярскихъ дѣтей приносили такое же число кушаній на золотой и серебряной посудѣ, и оной вообще было такое изобиліе, что можно было бы нагрузить ею до двадцати подводъ».

Присутствовавшіе на вѣнчаніи нынѣ правящаго царя съ теперешнею его супругою были изумлены богатствомъ драгоцѣнныхъ камней въ вѣн-

цѣ царицы, и вообще великолѣпіе одежды ея при этомъ случаѣ было неописанно. Царь же, напротивъ того, любитъ всегда простую одежду и очень небольшую свиту, такъ что даже и на этотъ разъ, въ Москвѣ, среди домашней смуты, онъ не имѣетъ у саней своихъ болѣе двухъ или трехъ слугъ, съ которыми и разъѣзжаетъ вездѣ по городу, и днемъ, и ночью; а при производствѣ слѣдствія самъ трудится болѣе всѣхъ, хотя завѣдываніе онымъ возложено на тайнаго совѣтника Толстаго и на сенатора Мусина-Пушкина.

359. Сенаторъ Самаринъ объявленъ былъ свободнымъ, равно какъ и Петръ Матвѣевичь Апраксинъ, сенаторъ и бывшій Астраханскій губернаторъ, потому что оказалось, что послѣдній ничего другаго не сдѣлалъ, какъ ссудилъ только царевичу, при отъѣздѣ его изъ Петербурга въ Германію, 3000 рублей, не зная вовсе объ его намѣреніяхъ. Князь же и генералъ-лейтенантъ Володиміровичь Долгорукій, напротивъ того, отданъ подъ дальнѣйшій и болѣе строгій надзоръ.

360. Главныя лица, замѣшанныя во всемъ этомъ дѣлѣ, кромѣ царевича и не разъ упомянутаго уже Кикина, были: бывшая царица Евдокія, или Авдотья, урожденная Лопухина, ея духовникъ, сводная сестра его величества Марія Алексѣевна, царевичь Сибирскій, бояринъ Степанъ Глѣбовъ, архіепископъ Ростовскій Досиѳей и казначей Суздальскаго монастыря.

361. Въ это же время обнародовано объявленіе, въ которомъ обнаруживалось преступленіе Суздальскихъ виновныхъ изъ писемъ и словесныхъ признаній; но письма эти у меня всѣ пропали, кромѣ того, которое епископъ Досиѳей, запутавши многихъ своими вымышленными видѣніями, собственноручно писалъ къ сводной сестрѣ его царскаго величества, царевнѣ Марьи Алексѣевнѣ, каковое письмо найдено было въ покояхъ царевны и заключало въ себѣ слѣдующее. (*)

362. 26-го Марта совершена казнь нѣкоторыхъ виновныхъ на общественномъ рынкѣ въ городѣ Москвѣ. Бояринъ Степанъ Глѣбовъ живой посаженъ на колъ; епископъ Досиѳей, Кикинъ, казначей Суздальскаго монастыря и еще одинъ Русскій колесованы, послѣ чего тѣло епископа брошено въ огонь, а голова его вмѣстѣ съ головою Кикина и двухъ другихъ воткнуты на высокихъ шестахъ, разставленныхъ четырехъ-угольникомъ на возведенной вновь высокой каменной стѣнѣ; посреди этаго четырехъ-угольника помѣщено тѣло посаженнаго на колъ Глѣбова. Пажъ Баклановскій и нѣсколько монахинь жестоко наказаны тѣлесно, а остальные виновные перевезены въ Петербургъ. Во время этой казни, къ мѣсту собралось громадное множество любопытнаго народа, живущаго въ Москвѣ, такъ что нѣкоторые насчитывали его отъ двухъ до трехъ сотъ тысячь душъ.

363. По этому случаю кто-то поздравлялъ его царское величество съ тѣмъ, что онъ открытіемъ и казнію заговорщиковъ противъ его высокой особы, благодаря своей неутомимой заботливости и неустрашимости, снова привелъ благо государство въ прежнее безопасное состояніе. Царь, задумчиво отвѣчалъ: «Если огонь по-

(*) Письмо это, равно какъ и пояснительные отвѣты при допросѣ Досиѳея на тёмныя мѣста въ немъ, напечатаны въ приложеніяхъ къ VI-му тому Устрялова Исторіи Петра Великаго, почему мы здѣсь ихъ и не приводимъ.

«падаетъ на солому и другія легко сгараемыя вещества, то распространяется все далѣе вокругъ себя; «если жъ попадаетъ на желѣзо или камень, то гаснетъ самъ».

364. Ходившія въ то время слухи о бывшемъ, или ожидаемомъ еще, возстаніи въ Россіи были совершенно неосновательны, и при этомъ случаѣ я долженъ замѣтить, что хотя и нельзя отрицать того, что нѣкоторыя отдѣльныя лица питали въ себѣ разные возмутительные помыслы и были недовольны настоящимъ правленіемъ; но простой, тёмный народъ, никогда не поднимающійся безъ вождей, такъ страшно запуганъ, и безопасность царскаго трона такъ прочно установлена, что плохо пришлось бы недовольнымъ, если бъ они вздумали посягнуть на возстаніе: ибо царь вполнѣ можетъ расчитывать на преданное ему войско.

365. Для возмущенія необходимо, чтобы духовенство или знатнѣйшіе бояре пошли впереди. Но большинство поповъ въ Россіи люди низкаго происхожденія, безъ связей и богатства; всю же свѣтскую знать изъ цѣлой Россіи царь призвалъ въ Петербургъ и постоянно имѣетъ её на виду, передъ своими глазами; поэтому невѣроятно, чтобы этотъ монархъ, пока онъ живъ, могъ чего либо опасаться.

366. Хотя Русское дворянство искони отличалось покорностію и преданностію царямъ своимъ, но черты эти въ прежнее время были ничто въ сравненіи съ теперешними.

367. Уже братъ нынѣ правящаго царя, царь Ѳеодоръ проложилъ путь къ настоящей формѣ правленія; онъ созвалъ дворянъ изо всей Россіи, съ приказаніемъ, чтобы они представили ко двору всѣ письменные документы о своемъ происхожденіи, о льготахъ и проч., для утвержденія. Вслѣдствіе этаго каждый бояринъ постарался представить во дворецъ всѣ самые точныя грамоты свои, которыя царь, не читая, свернулъ всѣ въ комокъ и цѣлою кучей бросилъ въ печь, объявивъ боярамъ, что отнынѣ всѣ вольности и прерогативы должны будутъ основываться исключительно на заслугахъ, а не на породѣ. Этому закону нынѣ царствующій императоръ и далъ полную силу.

368. Извѣстно уже, что власть духовенства теперь ограничена; но не смотря на то, царь самъ не лишаетъ никого изъ духовныхъ сановниковъ служебнаго сана, а созываетъ для этого духовные чины; поэтому-то, при лишеніи сана судимаго въ Москвѣ архіепископа Ростовскаго происходили такія частыя пренія: ибо господа члены духовенства отговаривались тѣмъ, что за неимѣніемъ патріарха, они не могутъ лишить своего товарища его званія; когда же эти духовные чины, на вопросъ царя о томъ, могутъ ли они возвести и облачить кого либо въ архіепископы, отвѣчали: «могутъ», то онъ изрёкъ, такое рѣшеніе: «Ну, такъ вы можете и низвести его и разоблачить».

369. Приведенное мною выше свѣдѣніе о письменныхъ родословныхъ и разныхъ привилегіяхъ даётъ мнѣ поводъ сказать здѣсь, что Русская Исторія и въ особенность недавно вышедшее въ Гельмстедѣ дѣльное введеніе въ оную, могли бы значительно пополниться и уясниться, если бъ явились на свѣтъ и обнародованы были во всеобщее свѣдѣніе тѣ рукописи и письменные памятники, которые хранятся въ разныхъ мѣстахъ у нѣкоторыхъ Русскихъ фамилій; ибо многіе знатные домà, или роды, не смот-

ря на бывшее невѣжество свое, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій вели последовательно, передавая отъ отцевъ дѣтямъ, записки о разныхъ происшествіяхъ при прежнихъ царяхъ, въ которыхъ семейства ихъ, или родственники ихъ, принимали какое либо участіе, и такія записки оставили и потомкамъ своимъ.

370. Большое историческое сочиненіе, которое три года тому назадъ написалъ и приготовилъ къ печати членъ военнаго совѣта, г. Гюйсенъ, о славнѣйшихъ дѣяніяхъ его царскаго величества, хотя само по себѣ очень хорошо и достойно прочтенія; но такъ какъ этотъ неоспоримо ученый мужъ не имѣлъ подъ руками никакихъ свѣдѣній изъ Русскихъ канцелярій и другихъ правительственныхъ мѣстъ, кромѣ тѣхъ, которыя помѣщались въ разныхъ газетахъ, какъ напр. въ Mercures Historiques, и въ подобныхъ общедоступныхъ изданіяхъ, то въ его сочиненіи многое слѣдовало бы исправить и измѣнить, и желательно, чтобы авторъ, прежде изданія своего труда, познакомился съ болѣе вѣрными источниками и такимъ образомъ составилъ бы болѣе правдивое и совершеннѣйшее описаніе дѣяній царя.

371. Передъ отъѣздомъ царя, было еще нѣсколько конференцій съ посланникомъ Бухарскихъ Татаръ и съ казацкимъ гетманомъ, и такъ какъ я имѣлъ случай познакомиться съ первымъ, то и сталъ было разспрашивать его о разныхъ дѣлахъ страны его и о сосѣдственныхъ съ нею земляхъ; но онъ отвѣчалъ мнѣ такъ несбстоятельно и даже глупо, что совѣтники его должны были помочь ему и разъяснить мнѣ его отвѣты. Я узналъ потомъ, что посланникъ этотъ былъ просто Астраханскій купецъ и что Татарскій ханъ прислалъ его въ качествѣ посланника собственно потому, что онъ знаетъ Русскій и Татарскій языки и съ давняго времени находится въ сношеніяхъ съ Русскими. Посланникъ этотъ просилъ между прочимъ, чтобы царь подарилъ ему нѣсколько Шведскихъ дѣвицъ, или дозволилъ бы ему купить ихъ, ибо-де повелитель его слышалъ, что Шведы народъ воинственный и онъ очень бы желалъ развести въ своей странѣ такую воинственную породу. Разумѣется, ему отказано было въ такой забавной просьбѣ, и онъ удовольствовался тѣмъ, что пріобрѣлъ двухъ Шведскихъ слугъ и увёзъ ихъ съ собою.

Бухарцы эти не подвластны царю; но такъ какъ ихъ сильно притѣсняютъ сосѣдніе съ ними Калмыки и Монголы, обитающіе въ странахъ между Китайскою стѣною и рѣкою Аргунь, то обыкновенно они ищутъ защиты царя, за что съ своей стороны обязываются, по первому мановенію его, являться къ нему на службу.

372. Когда мы отправлялись 1-го Апрѣля изъ Москвы, то изъ дворца дали намъ знать, что такъ какъ крестьяне на большой дорогѣ чрезвычайно обезсилены и отягчены, то чтобы мы ѣхали другою дорогою, взявъ нѣсколько правѣе, по направленію на Ладожское озеро. Эта дорога въ зимнее время для проѣзда довольно удобна; но такъ какъ на пути насъ застигла ростопель и мы должны были переправляться черезъ двадцать и болѣе рѣкъ, на которыхъ не было ни мостовъ, ни паромовъ, такъ что мы сами принуждены были устроивать послѣдніе, и такъ какъ, съ другой стороны, крестьяне въ этихъ мѣстахъ никогда не видывали подобныхъ намъ путешественниковъ и, завидя

насъ, бѣжали отъ насъ съ дѣтьми и лошадьми своими въ лѣса, то это было наитруднѣйшее изъ путешествій, какія когда либо совершалъ я, и бывшіе между нами нѣкоторые странствующіе господа, изъѣздившіе цѣлыя двѣ части свѣта, говорили, что они не помнятъ, чтобы переносили когда либо такую бездну непріятностей и лишеній, какія вынесли они на этой дорогѣ.

Съ великими трудами добрались мы наконецъ до Кашны (Kaschna, Кашинъ), гдѣ воевода Алсуфьевъ прислалъ намъ для подкрѣпленія пива, меду, водки и хлѣба, за тѣмъ самъ отговорилъ насъ и представилъ намъ очевидную опасность, которой мы подвергнемся, если будемъ продолжать нашу прежнюю дорогу; поэтому, безъ дальнѣйшихъ размышленій, мы воротились въ Тверь, а оттуда поѣхали уже по большой дорогѣ, и такимъ образомъ въ три недѣли прибыли наконецъ въ Петербургъ, гдѣ въ это время дѣлались приготовленія къ пріему вице-царя Московскаго, Ромодановскаго.

373. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ передъ праздникомъ, и въ почетъ ему не только стрѣляли троекратно изъ пушекъ, но и самъ его величество, въ качествѣ вице-адмирала, съ большою свитою явился къ нему на встрѣчу, принялъ его съ глубокимъ уваженіемъ и вмѣстѣ съ генералъ-лейтенантомъ Бутурлинымъ сѣлъ спиною къ вице-царю на переду кареты, провезъ его такимъ образомъ во дворецъ, гдѣ его также со всѣмъ почтеніемъ привѣтствовала царица вмѣстѣ со всѣми своими дамами и усадили его въ кресла, а царь и царица стали по сторонамъ его и подчивали его виномъ и водкою. Ромодановскій человѣкъ лѣтъ около 40, и женатъ онъ былъ на родной сестрѣ царицы Прасковьи (матери герцогини Мекленбургской).

374. Государственные преступники также привезены въ Петербургъ изъ Москвы, и наложница царевича подъ стражею изъ Лейпцига. Камеръ-геръ же Нарышкинъ, родственникъ царя съ матерней стороны, сосланъ въ свои помѣстья, гдѣ и сошелъ съ ума.

375. Изъ Порты пріѣхалъ Турецкій ага и передалъ свои кредитивныя грамоты великому канцлеру и вице-канцлеру, но по причинѣ оказаннаго сему послѣднему въ Константинополѣ суроваго пріема и содержанія, и агѣ дана была сухая аудіенція, которую онъ долженъ былъ простоять.

376. Его царское величество совершалъ въ это время увеселительныя прогулки по разнымъ мѣстамъ, но особенно занятъ былъ спускомъ въ море 22 линейныхъ кораблей.

377. Сводная сестра его царскаго величества, Екатерина Алексѣевна, уже много лѣтъ жившая въ Москвѣ и не замѣшанная въ послѣднемъ заговорѣ, скончалась тамъ послѣдняго числа Мая мѣсяца, и при дворѣ по этому случаю наложенъ былъ трауръ.

378. Наложница царевича, Евфросинія, получила свободу, такъ какъ добровольно во всемъ призналась и кромѣ того доказала, что своими увѣщаніями она много содѣйствовала къ возвращенію царевича въ отечество. Происхожденія она была самаго низкаго, родомъ изъ Финокъ, попала въ плѣнъ и, по ея увѣренію, вступила въ любовную связь по принужденію: на нее замахивались ножемъ и грозили смертію, въ случаѣ ея сопротивленія. Многіе увѣряли, будто, принявъ Русскую вѣру и родивъ перваго ребенка, она была повѣнчана съ царевичемъ,

во время путешествія, однимъ Греческимъ священникомъ, который также былъ заарестованъ и привезёнъ къ слѣдствію изъ Лейпцига; обстоятельство это многимъ казалось основательнымъ, потому что, когда царь совершенно освободилъ и простилъ Евфросинью, то ей возвращены были нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи, и сверхъ того ей объявили, что если она выйдетъ замужъ, то ея мужу будетъ выданъ изъ царской казны хорошій брачный подарокъ; но на это послѣднее предложеніе она рѣшительно отвѣчала, что, взятая и въ первое сожительство по принужденію, она не хочетъ по своей волѣ принадлежать еще кому либо. О такомъ отвѣтѣ ея ходили разнаго рода толки.

379. Сначала полагали было, что послѣдними кровавыми казнями въ Москвѣ всё слѣдствіе закончено и всякій поводъ къ дальнѣйшимъ безпокойствамъ уничтоженъ, тѣмъ болѣе, что, со времени прибытія нашего въ Петербургъ, все что̀ было открыто по слѣдствію, тщательно хранилось въ тайнѣ, что̀ и давало поводъ думать, что важнѣйшее всё дознано и подавлено при послѣднихъ Московскихъ казняхъ; но теперь, къ прискорбію, увидали, что всѣ употребленныя въ Москвѣ пытки и казни далеко еще не разъяснили истины, и что изъ показаній находящихся въ заключеніи подсудимыхъ ничего бы не добились, еслибъ по перехваченнымъ и по зашитымъ въ разныхъ одеждахъ письмамъ не обнаруживалось вполнѣ всё дѣло. По этому его царское величество вынужденъ былъ назначить вторичное уголовное судилище и немедленно вызвать для этаго въ Петербургъ изъ внутреннихъ областей Россіи важнѣйшихъ духовныхъ чиновъ.

380. Когда всѣ эти чины собрались въ Іюнѣ въ Петербургѣ и царь въ тоже время нарядилъ и свѣтское судилище (изъ министровъ, сенаторовъ, губернаторовъ, генераловъ и штабъофицеровъ лейбъ-гвардіи), то духовные члены суда сперва, въ теченіи 8-ми дней, ежедневно совершали по нѣскольку часовъ колѣнопреклоненіе и, проливая горячія слёзы, неотступно молили Бога, дабы Онъ внушилъ имъ такія мысли, какихъ требовали ихъ честь и благо Русскаго народа. За тѣмъ 25-го Іюня открытъ былъ въ Сенатѣ Уголовный Судъ, въ который его величество явился со всѣми духовными и свѣтскими судьями, по отправленіи въ церкви св. Духа торжественной литургіи, для испрошенія помощи Божіей въ такомъ важномъ предстоящемъ имъ дѣлѣ. Когда все это собраніе расположилось за судейскими столами, открыли двери и окна присутствія, чтобы каждому былъ свободный доступъ и привели царевича, подъ карауломъ 4-хъ унтеръофицеровъ. За тѣмъ начался допросъ царевичу и прочитано, во всеуслышаніе, всё слѣдственное производство, извлеченіе изъ котораго, переведенное и сообщенное мнѣ въ Петербургѣ, я привожу здѣсь для того, чтобы передать читателю свѣдѣнія о главнѣйшихъ обстоятельствахъ этаго важнаго событія (*).

381. Когда такимъ образомъ, заключеніемъ духовнаго суда и приговоромъ суда свѣтскаго, царевичь осу-

(*) Это извлеченіе или экстрактъ, какъ называетъ его Веберъ, переводить здѣсь считаемъ излишнимъ, потому что всѣ документы, по процессу царевича, были обнародаваны по повелѣнію Петра, и кромѣ того они приводятся у разныхъ писателей и между прочимъ у Устрялова въ приложеніяхъ къ VI тому его Исторіи Петра Великаго.

жденъ былъ на смертную казнь, то рано утромъ 6-го Іюля собрался снова Уголовный Судъ, и царевичь, приведенный изъ крѣпости 4-мя унтеръ-офицерами и поставленный предъ судомъ, долженъ былъ еще разъ признаться передъ нимъ въ своемъ преступленіи и выслушать подписанный свѣтскими судьями смертный свой приговоръ, послѣ чего его снова отвели въ темницу.

382. Въ Четвергъ, 7-го Іюля, его царское величество рано утромъ получилъ донесеніе, что чувствительное душевное потрясеніе и страхъ смерти причинили царевичу сильный апоплексическій ударъ; въ полдень, второй гонецъ принёсъ еще извѣстіе, что царевичь опасенъ, вслѣдствіе чего его величество созвалъ важнѣйшихъ придворныхъ чиновъ и держалъ ихъ всѣхъ у себя до тѣхъ поръ, пока 3-й гонецъ не принесъ вѣсти, что царевичь безнадеженъ, не переживетъ вечера, почему и желалъ бы видѣть и въ послѣдній разъ говорить съ государемъ, отцемъ своимъ. Его величество отправился поэтому со всѣмъ высокимъ обществомъ къ находившемуся въ агоніи царевичу, который, завидѣвъ государя-отца, въ слезахъ и простирая къ царю свои руки, говорилъ, что онъ тяжко и дерзко согрѣшилъ противъ Бога и его величества; что онъ не надѣется на выздоровленіе, и что если-ему суждено умереть, то такъ тому и быть, ибо онъ не достоинъ жизни; но всё таки онъ умоляетъ его величество, ради Бога, снять съ него проклятіе, которое царь наложилъ на него въ Москвѣ, простить ему всѣ его преступленія, дать ему свое отцовское благословленіе и молиться за его грѣшную душу.

Во время этой трогательной рѣчи его величество и всё бывшее съ нимъ общество плакали не переставая; затѣмъ, въ отвѣтъ на слезную рѣчь сына, царь въ патетическихъ, но краткихъ словахъ, высказалъ ему всѣ его противъ его величества преступленія и въ заключеніе простилъ ему всё, далъ ему своё благословеніе и разстался съ нимъ, при громкихъ рыданіяхъ и обильныхъ слезахъ съ обѣихъ сторонъ.

Вечеромъ, въ 5 часовъ, явился 4-й гонецъ (маіоръ лейбъ-гвардіи Ушаковъ) съ донесеніемъ, что царевичь молитъ объ исполненіи послѣдняго его желанія: еще разъ поговорить съ государемъ отцемъ своимъ, на что его величество не рѣшался было; но за тѣмъ, когда ему представили, что слѣдовало бы уважить эту послѣднюю просьбу, что онъ не можетъ отказать въ такомъ утѣшеніи борющемуся со смертію и можетъ быть не помирившемуся еще со своею совѣстію царевичу, царь уступилъ; но только что онъ вошелъ было въ шлюпку, чтобы отправиться къ сыну, какъ явился 5-й гонецъ, съ извѣстіемъ, что царевичь отдалъ уже душу свою Богу.

383. 9-го Іюля тѣло покойнаго въ гробу, обитомъ чернымъ бархатомъ и покрытомъ богатою золотою парчею, взято изъ крѣпости и подъ водительствомъ великаго канцлера и нѣкоторыхъ другихъ знатныхъ особъ перенесено въ церковь святыя Троицы, гдѣ и выставлено для того, чтобы всѣ желающіе могли видѣть его. Четыре офицера лейбъ-гвардіи стояли постоянно у гроба, составляя стражу и допуская приходившихъ, которыхъ тѣснилось несчетное множество, къ последнему цѣлованію руки царевича.

384. 10-го Іюля тѣло всё еще было выставлено въ той же церкви, а 11-го числа былъ обрядъ погребенія; имен-

но, вечеромъ, въ сопровожденіи царя, царицы и всѣхъ придворныхъ чиновъ, тѣло покойнаго изъ церкви св. Троицы снова перенесено въ крѣпость, въ тамошнюю соборную церковь, гдѣ и положено въ погребальномъ склепѣ, рядомъ съ блаженной памяти его супругою. Царь и всѣ остальные провожатые въ этой печальной процессіи держали въ рукахъ маленькія горящія восковыя свѣчи, но всѣ были безъ траурныхъ мантій, и только однѣ дамы одѣты были въ черныхъ тафтяныхъ платьяхъ. Присутствовавшіе на похоронахъ увѣряли, что его величество, провожая тѣло сына въ церковь, горько плакалъ и что священникъ для подобной рѣчи своей, взялъ текстомъ слова Давида: «Ахъ, Авессаломъ, сынъ мой, Авессаломъ».

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА КЪ ВОСПОМИНАНІЮ О Ѳ. И. ИНОЗЕМЦОВѢ.

(Р. Арх. 1872. стр 718.)

Сочувствуя вполнѣ всему сказанному въ статьѣ о покойномъ Ѳ. И. Иноземцовѣ, желалъ бы, я въ слабый знакъ моей благодарности ему, почтить его память дополненіемъ свѣдѣній, относящихся къ мѣсту его рожденія и сообщить нѣкоторыя подробности о его семействѣ. Въ очеркѣ дѣятельности этаго блестящаго прививателя, такъ сказать, медицинскаго дѣла на отечественной почвѣ, меня особенно поразила вѣрность словъ почтеннаго его біографа, что „Русскому обществу высшаго сословія, самая медицинская наука рисовалась дотолѣ (т. е. до появленія Ѳедора Ивановича И.) не иначе, какъ въ видѣ Нѣмецкихъ ея представителей.“ И въ самомъ дѣлѣ, хотя, въ первой четверти настоящаго вѣка, пользовались изъ Русскихъ врачей немалою извѣстностію и практикою Мудровъ, Мухинъ, а позднѣе Высоцкій и Альфонскій (слава послѣдняго была въ полномъ разгарѣ, когда Ѳедоръ Ивановичь поступилъ въ Московскій университетъ), но лавры свои эти Русскіе врачи раздѣляли съ Французами Митивье, Помо и Скюдери, и съ Нѣмцами Фразè (или Фразеромъ) и Рейманомъ до 1812 года, а позднѣе, съ не совсѣмъ Русскими по происхожденіи Маркусомъ и Рихтеромъ; да и перевѣсъ чуть ли не былъ (до 1820 года) на сторонѣ иностранцевъ, по крайней мѣрѣ въ Московскихъ аристократическихъ домахъ. Мнѣ сдается, что это такъ и было, потому что въ раннемъ моемъ дѣтствѣ я не разъ слыхалъ о гг. Митивье, Помо и Рейманѣ, какъ о врачахъ, посѣщавшихъ наше семейство, но никогда не слыхалъ о гг. Мудровѣ и Мухинѣ; а въ домѣ дяди и тетки моей Дивовыхъ, домашнимъ медикомъ былъ г. Скюдери. Ѳ. И. Иноземцовъ ознаменовалъ собою новую эру въ этомъ смыслѣ; хотя въ его время были въ Москвѣ инородные, довольно извѣстные врачи, но онъ рѣшительно затмѣвалъ ихъ всѣхъ практикою и популярностію своею въ высшихъ слояхъ общества. Допускаю впрочемъ, что въ этомъ могла отчасти ему способствовать та новая пора, когда высшее наше общество начинало наконецъ понимать, что не все дурно то что Русское [1]).

За тѣмъ, обращаюсь къ дополненію статьи С. А. Смирнова. Авторъ говоритъ, „что въ 1802 г. въ деревнѣ Бѣлкинѣ, Боровскаго уѣзда, Калужск. губ., родился Ѳедоръ Ивановичь, въ семействѣ одного небогатаго чиновника“. Это вѣрно; но автору, хотя лично знакомому съ Ѳедоромъ Ивановичемъ, вѣроятно не были извѣстны слѣдующія подробности. Отецъ Ѳедора Ивановича,

[1]) А въ Петербургской аристократической практикѣ, славились до 1820 года, Англичане гг. Лейтонъ и Крейтонъ и Нѣмецъ Штофрегенъ; о Русскихъ же врачахъ, на сколько знаю я, и помину не было.

Иванъ Ильичъ Иноземцовъ (коего я отчетливо помню въ моемъ дѣтствѣ), былъ очень долго управляющимъ родовымъ имѣніемъ матери моей, графини Анны Артемьевны Бутурлиной, селомъ Бѣлкинымъ, гдѣ семейство наше постоянно проводило лѣто до 1816 г. включительно. Тамъ родился Ѳедоръ Ивановичь и тамъ же умеръ (если не ошибаюсь) отецъ его, между 1812 и 1814 годами. Иванъ Ивановичь былъ самъ вывезенъ еще мальчикомъ (не знаю по какому случаю) изъ Персіи или изъ Грузіи, дѣдомъ моимъ по отцу графомъ Петромъ (правильнѣе, Іоною) Александровичемъ Бутурлинымъ, давшимъ воспитаннику своему фамилію Иноземцова по поводу нерусскаго его происхожденія, и съ тѣхъ поръ Иванъ Ильичь остался навсегда своимъ человѣкомъ въ нашемъ семействѣ. Весьма правдоподобно, что дѣдъ мой записалъ своего воспитанника куда нибудь на службу ради легкаго полученія чиновъ, вещь обычная и нетрудная для тогдашнихъ сановныхъ вельможъ; но мнѣ о томъ ничего не извѣстно. Какихъ лѣтъ оставилъ Ѳедоръ Ивановичь родительскій кровъ и куда онъ первоначально поступилъ, также сказать не могу; но я слыхалъ отъ своихъ, что по ходатайству отца моего, графа Дмитрія Петровича, онъ поступилъ позднѣе во вновь открывшуюся Московскую медицинскую академію [2]); но, повторяю, это лишь семейный слухъ. По смерти Ивана Ильича Иноземцова, дочь его Елизавета, коей было тогда менѣе десяти лѣтъ, взята была въ домъ матерью моею, въ родѣ воспитанницы и помощницы старшей ея горничной (барской барыни), и она оставалась у насъ въ домѣ до 1817 года, когда все наше семейство переселилось окончательно въ Италію. О дальнѣйшій судьбѣ этой дѣвушки, ничего не знаю; но помню, что она была смуглая, черноглазая и черноволосая, съ восточнымъ совершенно типомъ, съ каковымъ былъ и ея отецъ.

За тѣмъ, отрадно мнѣ сообщить одну прекрасную черту изъ жизни Ѳедора Ивановича, доказывающую, какъ онъ дорожилъ дѣтскими своими воспоминаніями.

Въ 1843 году, у жены моей разболѣлся большой палецъ на ногѣ по милости одного мозольнаго оператора-шарлатана, до такой степени, что Андрей Станиславовичь Кроненбергъ [3]) (домашній медикъ князя С. М. Голицына и съ коимъ я находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ), находя, какъ онъ сказалъ намъ послѣ, что больному пальцу угрожаетъ антоновъ огонь и что придется, быть можетъ, прибѣгнуть къ ампутаціи, заявилъ себя недостаточно компетентнымъ въ этомъ случаѣ, относящемся къ области хирургіи, и съ дозволенія жены моей (такъ какъ я въ то время находился временно въ Петербургѣ), привезъ къ ней Ѳедора Ивановича. Послѣ перваго его визита, жена моя вручила ему 25 рублей ассигн. бумажку (обычная тогда плата знаменитостямъ подобнымъ ему), которую онъ хотя и принялъ, но поѣхалъ къ повѣренному по дѣламъ матери моей и моего брата (жившихъ за границею) Ивану Антоновичу Кавецкому, прося его передать женѣ моей, что онъ желаетъ навѣщать ее постоянно и надѣется помочь ей, но подъ однимъ условіемъ: чтобы о платѣ ему она не помышляла, потому-де (сказалъ онъ), что его семейство и онъ самъ, въ своемъ дѣтствѣ, много обязаны были семейству графовъ Бутурлиныхъ и что онъ считаетъ особеннымъ счастіемъ быть въ чемъ нибудь полезнымъ для нихъ. Жену мою онъ скоро совершенно вылечилъ, и съ тѣхъ поръ наши съ нимъ отношенія, при рѣдкихъ нашихъ

[2]) Кстати добавлю, что домъ этотъ на Рождественкѣ (нынѣ университетская клиника) принадлежалъ нѣкогда дѣду моему по матери, графу Артемію Ивановичу Воронцову, владѣвшему также въ Петербургѣ домомъ на Садовой что̀ нынѣ пажескій корпусъ.

[3]) Основавшій въ 1841 г. Московскую Дѣтскую больницу что̀ на Большой Бронной.

встрѣчахъ (такъ какъ я около 20 лѣтъ не жилъ въ Москвѣ), остались какъ бы родственныя и всегда безденежныя. Послѣдній разъ, когда я былъ у него на консультаціи въ Январѣ 1865 года, онъ все распрашивалъ меня о моихъ сестрахъ, коихъ, по оставшейся съ дѣтства привычкѣ, онъ неиначе называлъ какъ полуименами, такъ какъ вторая изъ нихъ была сверстницею ему, а первая (нынѣ графини Дини) была семью годами старше его.

Графъ М. Бутурлинъ.

С. Игнатьевское.
Іюня 1872 года.

ВОСПОМИНАНІЯ О ДИРЕКТОРѢ ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ ЕГОРѢ АНТОНОВИЧѢ ЭНГЕЛЬГАРДТѢ.

1775—1862.

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.
(„19. Октября 1825 г.“ *А. Пушкина*)

*

Благословите положившихъ
Святой Отечеству обѣтъ,
И съ дѣтской нѣжностью любившихъ
Васъ, други нашихъ рѣзвыхъ лѣтъ!
Мы не забудемъ наставленій,
Плодъ вашихъ опытовъ и думъ,
И мысль объ нихъ, какъ нѣкій геній,
Неопытный удержитъ умъ.
(„Шесть лѣтъ“ прощальная пѣснь воспитанниковъ Царско-сельскаго Лицея, *барона А. А. Дельвига*).

Ежели любопытно знать жизнь всякаго общеполезнаго дѣятеля, трудившагося на пользу ближнихъ, то тѣмъ болѣе намъ Русскимъ любопытно имѣть точное понятіе о нашихъ общественныхъ дѣятеляхъ; а въ особенности о тѣхъ изъ нихъ, которые посвятили свои труды на воспитаніе, на образованіе ума и сердца юношества и которые продолжали напутствовать своихъ воспитанниковъ и на службѣ, истинно отеческими совѣтами и неусыпными заботами о нихъ. Таковъ былъ директоръ Царскосельскаго Лицея Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ; и конечно нѣтъ сомнѣнія, что не только его воспитанники, но и всѣ соотечественники наши, съ живымъ участіемъ, прочтутъ это, хотя весьма краткое, но правдивое жизнеописаніе и нѣкоторые своеобразные эпизоды изъ его жизни.

Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ родился въ Ригѣ 12 Августа 1775 года. Отецъ его д. ст. сов. Антонъ Владиміровичъ Энгельгардтъ, женатъ былъ на Христинѣ ди Пріауда (nobile di Venezia). Въ 1779 году онъ переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, гдѣ Императрицею Екатериною II-ю ему ввѣрена была должность директора ге-

неральной экономіи Лифляндіи (Der Lievländische General-Oeconomie Director). Онъ скончался въ 1808 году, 79 лѣтъ отъ роду.

Основаніе воспитанію Энгельгардта положила его умная, высокообразованная мать. Лѣтъ 8-ми онъ отданъ былъ въ славившійся въ то время въ Петербургѣ *дѣвичій* пансіонъ сестеръ Бардевигъ. Въ этомъ пансіонѣ были преподавателями Крафтъ, Шторхъ, Буссе и многіе другіе. Одаренный счастливою воспріимчивостію, трудолюбіемъ и любовію къ наукѣ, мальчикъ дѣлалъ быстрые успѣхи во всѣхъ преподаваемыхъ предметахъ, а въ особенности въ познаніи языковъ, къ изученію которыхъ онъ обнаруживалъ большія способности.

По истеченіи 8-ми лѣтъ, онъ возвратился въ родительскій домъ, гдѣ подъ руководствомъ учителей занимался математикою и Латинскимъ языкомъ. Этимъ кончились его школьныя, научныя занятія. Прочія же познанія, которыми онъ въ послѣдствіи обладалъ, пріобрѣлъ онъ усидчивымъ трудомъ, занимаясь дома въ свободное отъ службы время.

Школьная привычка находиться постоянно въ изящно-образованномъ женскомъ обществѣ, а въ родительскомъ домѣ ежедневное обращеніе съ высокообразованными и учеными людьми, были причиною, что молодой человѣкъ постоянно уклонялся отъ общества холостой молодежи и всегда предпочиталъ проводить свободное отъ занятій время или съ учеными людьми, или въ лучшемъ женскомъ обществѣ. Потому-то обладалъ онъ въ высшей степени тѣмъ, что Французы называютъ: exquise aménité, или fine fleur de politesse.

По обычаю того времени, еще 5 лѣтнимъ ребенкомъ былъ онъ зачисленъ сержантомъ въ гвардію. По достиженіи 16-ти лѣтняго возраста онъ поступилъ на дѣйствительную службу сержантомъ въ Преображенскій полкъ. Въ продолженіи одного года онъ находился при князѣ Потемкинѣ ординарцемъ и участвовалъ въ распоряженіяхъ извѣстнаго праздника, даннаго княземъ Императрицѣ. Въ 1793 году онъ посланъ былъ курьеромъ съ дипломатическими депешами въ Вѣну. Въ 1795 г. 1-го Января произведенъ въ Смоленскій драгунскій полкъ капитаномъ и прикомандированъ къ канцеляріи князя Зубова. Находясь при Потемкинѣ, а потомъ при Зубовѣ, онъ былъ близкимъ свидѣтелемъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Великой Екатерины.

По восшествіи на престолъ Императора Павла I, Энгельгардтъ перешелъ въ гражданскую службу и поступилъ въ канцелярію вице-канцлера князя Александра Борисовича Куракина. Этотъ истинно русскій вельможа былъ для Энгельгардта не столько начальникомъ, сколько благодѣтелемъ. Онъ пріютилъ молодаго человѣка у себя, давъ ему все приволье и всѣ жизненныя удобства, какъ бы родственнику. Кромѣ значительныхъ служебныхъ занятій, князь удостоивалъ его полнымъ своимъ довѣріемъ и принималъ до самой своей кончины дѣятельнѣйшее участіе во всѣхъ его житейскихъ обстоятельствахъ.

По удаленіи князя Куракина отъ дѣлъ, Энгельгардтъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1799 года, опредѣленъ былъ секретаремъ великаго магистра Мальтійскаго ордена, т. е. самаго Императора Павла. По этому случаю Государь лично исполнилъ надъ нимъ обрядъ сопричисленія къ ордену и собственноручно возложилъ на него командорскіе знаки ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго.

Время служенія его секретаремъ великаго магистра заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя своеобразныя событія, которыя заслуживаютъ быть упомянутыми.

Такъ, однажды Павелъ I, потребовавъ къ себѣ Энгельгардта, приказалъ ему заказать у ювелира Мальтійскій крестъ, по модели собственноручно имъ вырѣзанной изъ пергамента, и присовокупилъ: „Когда крестъ будетъ сдѣланъ, отнеси его графу Салтыкову, и скажи ему, чтобы онъ его возложилъ на себя

и явился ко мнѣ." Энгельгардтъ немедленно принялся за исполненіе приказанія Государя; но, видя, что размѣръ модели до безобразія великъ, приказалъ ювелиру сдѣлать крестъ немного поменьше. Когда крестъ былъ готовъ, Энгельгардтъ отнесъ его къ князю Салтыкову, передавъ ему повелѣніе Государя. Онъ былъ въ полной увѣренности, что Государь будетъ доволенъ исполненіемъ порученія. Каково же было его удивленіе, когда вскорѣ послѣ свиданія съ Салтыковымъ, онъ получилъ отъ графа записку слѣдующаго содержанія: „Sa Majesté l'Empereur, en voyant la „nouvelle croix, soudain a été pris d'une „colère indescriptible!.. Il me l'a arrachée „et l'a jetée à terre!.... J'ai cru remar„quer que Sa Majesté soupçonne que „la croix a été faite trop grande, dans „l'intention de la ridiculiser. Je vous „plains de tout mon coeur!"

Само собою разумѣется, что, послѣ подобной записки, Энгельгардтъ ежеминутно долженъ былъ ожидать фельдъегеря, который его отвезетъ въ крѣпость или куда подальше. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ записки, пріѣхалъ фельдъегерь, который, взявъ его съ собою, отвезъ прямо къ Государю. Энгельгардъ, какъ ни былъ перепуганъ, однако не забылъ взять съ собой модель, данную ему Государемъ.

Въ пріемной Императора находились графъ Кутайсовъ, Обольяниновъ и графъ Паленъ. Этотъ послѣдній, будучи въ родствѣ съ тещей Энгельгардта, сказалъ ему: „Что ты, братецъ, напроказилъ? Го„сударь въ такомъ гнѣвѣ, что мнѣ съ „докладомъ къ нему идти нельзя! Жаль „мнѣ тебя, плохо тебѣ будетъ! Ступай, „Государь тебя ждетъ!" Записка Салтыкова и слова Палена хоть кого-бы смутили; однако Энгельгардтъ, уповая на Божію милость и не зная за собой никакой вины, довольно бодро вошелъ въ царскій кабинетъ. Первое, что ему бросилось въ глаза, былъ разбитый крестъ, лежавшій на письменномъ столѣ. Самого Павла Петровича не было въ кабинетѣ; но слышны были его быстрые шаги въ сосѣдней комнатѣ, а также стукъ трости и громкое дыханіе. Но вотъ приближаются шаги, и явился Государь со шляпою на головѣ, въ большихъ перчаткахъ и съ тростью въ рукѣ. Сердце замерло у Энгельгардта; онъ съ трепетомъ ожидалъ рѣшенія своей участи. Государь, въ продолженіи десяти минутъ, въ пылу страшнаго гнѣва, высказалъ ему самый ужасающій спичь, котораго послѣднія слова были: „размозжу! размозжу!" Энгельгардтъ стоялъ какъ вкопанный, съ поникшей головой, не смѣя на него взглянуть, потому что Государь считалъ дерзкимъ того, кто ему прямо глядѣлъ въ глаза.

„Что-же вы молчите?! Отвѣчайте! отвѣчайте!", сказалъ Государь.

„Ежели Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ милостиво выслушать меня, то всеподданнѣйше осмѣлюсь донести, что я, по крайнему моему усердію и разумѣнію, въ точности исполнилъ повелѣніе Вашего Императорскаго Величества".

„А! Вотъ какъ! Это значитъ, что я не правъ, я виноватъ?!" возразилъ Государь, и за симъ воспослѣдовалъ второй спичь, но болѣе въ умѣренномъ тонѣ, который онъ кончилъ словами: „Докажите! Докажите! Вы головой мнѣ отвѣтите!" Энгельгардтъ, подавая Государю модель, сказалъ ему: „Вотъ модель, данная мнѣ В. И. В.; не благоугодно-ли будетъ сличить ее съ крестомъ?" Государь, взявъ модель, сталъ своеручно сличать и, убѣдясь, что крестъ не только не болѣе, но даже нѣсколько менѣе модели, бросилъ модель, снялъ шляпу и перчатки, отложилъ трость и, сильно отдуваясь, подошелъ къ окну и сталъ по стеклу пальцами постукивать любимый маршъ. Спустя нѣсколько минутъ, онъ обратился къ Энгельгардту съ яснымъ взоромъ и милостивымъ выраженіемъ лица: „Я виноватъ!" сказалъ онъ. „Venez, embrassez-moi en frère d'armes!" Энгельгардтъ, вслѣдствіе этаго всемилостивѣйшаго призыва, хотѣлъ поцало-

вать царскую руку, но когда Государь повторилъ: „Embrassez moi, Vous dis-je!„ онъ, съ подобающимъ смиреніемъ, поцаловалъ его въ плечо.—„Садись!“ сказалъ Государь, сѣвъ на диванъ, „я вижу, что ты наше дѣло хорошо знаешь! Садись!“ повторилъ Государь, видя, что Энгельгардъ не рѣшается сѣсть, „потолкуемъ о нашихъ орденскихъ дѣлахъ“. Энгельгардтъ сѣлъ, и около получаса Государь такъ милостиво и ласково съ нимъ разговаривалъ, что въ послѣдствіи, разсказывая объ этомъ событіи, Энгельгардъ говорилъ: „Я за Павла Петровива въ огонь и воду радъ былъ идти!“

Кто-то перервалъ ихъ разговоръ, постучавъ ручкой замка̀ кабинетной двери. Государь громко сказалъ: „войди!“ Явился графъ Кутайсовъ. При входѣ его Государь всталъ и, принявъ величественное выраженіе лица и осанки, сказалъ Энгельгардту: „Я вижу, что ты меня понимаешь! Закажи другой крестъ по твоему усмотрѣнію; остаюсь къ тебѣ благосклоненъ!“ Когда новый крестъ былъ готовъ, Государь имъ былъ доволенъ, благодарилъ Энгельгардта и пожаловалъ ему драгоцѣнный бриліантовый перстень.

По своей оригинальности заслуживаетъ быть упомянута внезапная аудіенція, данная Павломъ I-мъ Баварскому посланнику.

Государь, узнавъ, что курфирстъ Баварскій завладѣлъ землями принадлежащими Мальтійскому ордену, пришелъ въ ужасное негодованіе на курфирста и потребовалъ, чтобы Баварскій посланникъ явился къ нему немедленно на аудіенцію. При этой аудіенціи конечно не было возможно соблюсти обычнаго церемоніала. Просто дано было знать посланнику, что Государь немедленно требуетъ его къ себѣ. Посланникъ, зная характеръ Павла I, поспѣшилъ поѣхать во дворецъ, нисколько не подозрѣвая, для какой экстренной надобности такъ поспѣшно Государь его потребовалъ. Пріѣхавъ во дворецъ, онъ тотчасъ былъ допущенъ въ кабинетъ Государя. Павелъ Петровичь обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью:

„Monsieur le Ministre! Vôtre Maître est un insolent! Il s'est avisé de s'emparer de terres et des propriétés de l'ordre de S-t Jean de Jérusalem, dont je suis le Grand-Maître! Partez aujourd'hui même pour la Bavière, et dites de ma part à Votre Maître, que si dans un mois, à partir d'aujourd'hui, je n'ai pas sur cette affaire une satisfaction complette, le général Korsakoff, qui est dans son voisinage avec $^{50}/m.$ hommes, recevra l'ordre de mettre la Bavière à feu et à sang! Allez, Monsieur! Et pressez Vous!“

Напуганный до полусмерти посланникъ былъ тѣмъ болѣе въ отчаяніи, что вовсе не былъ готовъ къ подобной внезапной и дальной поѣздкѣ. Онъ поспѣшно отправился домой. Выходя изъ кареты, онъ встрѣтился съ Энгельгардтомъ, который, видя его блѣднымъ и разстроеннымъ, спросилъ его, не боленъ-ли онъ?—„Прошу васъ пожаловать ко мнѣ, я имѣю крайнюю надобность съ вами посовѣтоваться по самому важному дѣлу,“ возразилъ посланникъ и, войдя въ квартиру, разсказалъ въ подробности все съ нимъ случившееся и что, не имѣя ни денегъ, ни дорожной кареты, не знаетъ что̀ ему дѣлать. Энгельгардтъ ему замѣтилъ, что ежели Государь въ вечернемъ рапортѣ не увидитъ его имени между выѣхавшими изъ Петербурга, то пошлетъ его съ фельдъегеремъ, пожалуй даже въ противуположную сторону, какъ ослушника его высочайшей воли. „Впрочемъ не унывайте,“ присовокупилъ Энгельгардтъ, „прикажите приготовить все небходимое для вашего отъѣзда, а я надѣюсь достать вамъ и денегъ, и карету.“

Энгельгардтъ обратился къ Англійскимъ банкирамъ, которые были въ дѣловыхъ связяхъ съ тестемъ его Англичаниномъ Витекеромъ. Вскорѣ были доставлены: деньги, карета и почтовыя лошади. Такимъ образомъ оторопѣлый дипломатъ благополучно выѣхалъ изъ Петербурга до вечерней зари.

Въ назначенный срокъ посланникъ возвратился въ Петербургъ съ собственноручнымъ письмомъ Максимиліана-Іосифа къ Павлу I. Курфирстъ смиренно просилъ Императора принять земли и имущество Мальтійскаго ордена подъ его высокое покровительство. Тѣмъ эта дипломатическая негоціація и кончилась.

Посланникъ также привезъ богатую золотую табакерку съ бриліантовымъ вензелемъ Максимиліана-Іосифа, для подарка Энгельгардту отъ курфирста, въ благодарность за помощь, оказанную его посланнику въ трудную для него минуту. Въ память этаго событія, Энгельгардтъ второму сыну своему далъ имя Максимиліана. Павелъ Петровичь, самодовольно потирая руки, говорилъ: „C'est moi qui ai négocié cette délicate question diplomatique! Et je m'en vante!"

Случай, сдѣлавшій Энгельгардта лично извѣстнымъ Государю Александру Павловичу и имѣвшій впослѣдствіи большое вліяніе на его служебное поприще, долженъ быть также здѣсь упомянутъ.

Александръ Павловичь, будучи еще Наслѣдникомъ престола, обязанъ былъ присутствовать въ капитулѣ Мальтійскаго ордена при всѣхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ предсѣдателемъ былъ Павелъ I. Не имѣя точнаго понятія объ этихъ дѣлахъ, Наслѣдникъ былъ всегда въ большомъ затрудненіи отвѣчать Государю, когда онъ отъ него требовалъ мнѣнія по какимъ либо формальностямъ орденскихъ дѣлъ, чѣмъ конечно Павелъ I былъ не доволенъ. Энгельгардтъ, по званію секретаря Великаго Магистра, былъ докладчикомъ по всѣмъ дѣламъ ордена и зналъ орденскіе статуты въ совершенствѣ. Желая выручить Наслѣдника изъ неловкаго положенія, онъ испросилъ у него позволеніе представлять ему, на канунѣ каждаго засѣданія, краткую записку о предстоявшемъ засѣданіи, съ мнѣніемъ, основаннымъ на подходящихъ къ дѣлу статьяхъ и параграфахъ орденскаго статута. Наслѣдникъ съ благодарностію принялъ это предложеніе. Въ слѣдующее засѣданіе Государь, выслушавъ докладъ секретаря, вновь обратился къ Наслѣднику съ вопросомъ: „Какое Ваше мнѣніе по этому важному дѣлу?" и, получивъ весьма удовлетворительный отвѣтъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ сказалъ: „На чемъ основываете Ваше мнѣніе?"—„На такомъ-то параграфѣ такой-то статьи, Ваше Величество!"—„А что въ этомъ праграфѣ сказано?" возразилъ Государь; въ отвѣтъ Наслѣдникъ цитировалъ весь параграфъ наизустъ. Этотъ неожиданный отвѣтъ тронулъ Павла Петровича до умиленія. Онъ всталъ, обнялъ съ нѣжностію смущеннаго юношу и сказалъ ему: „Je reconnais en Vous mon sang! Vous êtes mon digne fils!"

Послѣ засѣданія, Александръ Павловичь сказалъ Энгельгардту: «Спасибо тебѣ за оказанную мнѣ услугу! Никогда не забуду, что тебѣ я обязанъ первымъ нѣжнымъ объятіямъ моего отца и Государя!"

Благословенный Царь вполнѣ сдержалъ слово данное Наслѣдникомъ престола: въ продолженіи всего его царствованія, онъ постоянно былъ милостивъ и благосклоненъ къ Энгельгардту, который его любилъ почти до обожанія.

Въ 1800 г. Энгельгардтъ вступилъ въ бракъ со вдовою Екатерининскаго почтдиректора Гана, урожденною Витекеръ. Отецъ ея былъ Англичанинъ, а мать была баронесса Фонъ-деръ-Паленъ. Этотъ бракъ, продолжавшійся 58 лѣтъ, былъ конечно одинъ изъ счастливѣйшихъ въ нашемъ шаткомъ мірѣ(*)

По вошествіи Государя Александра Павловича на престолъ, Энгельгардтъ былъ опредѣленъ помощникомъ статсъ-секретаря 1-ой Экспедиціи Государствен-

---

(*) Отъ этаго брака родились: *Александръ*, род. 1801. ум. 1843 г. въ чинѣ Полковника. *Максимиліанъ*, род. 1803. ум. 1858. въ чинѣ. Д. Ст. Совѣт. *Наталія*, за мужемъ за Барон. А. Ѳ. Остенъ-Сакенъ, род. 1806 ум. 1846. Въ живыхъ остались: *Елизавета*, род. 1805, вдова Дѣйст. Тайнаго Совѣт. Барона Р. Ѳ. Остенъ-Сакенъ; и младшій сынъ *Владиміръ*, род. 1808. Дѣйств. Стат. Совѣт., нынѣ въ отставкѣ. Двѣ дочери умерли малолѣтними.

наго Совѣта. Эту должность онъ занималъ до Іюня мѣсяца 1812 года.

Упомяну оригинальный анекдотъ этаго времени.

Извѣстно, что любимымъ мѣстопребываніемъ Императора Александра I было Царское Село. У Энгельгардта была тамъ своя дача, которая находилась противъ Александровскаго сада, на улицѣ, ведущей въ село Кузьмино. При дачѣ проживала, зимой и лѣтомъ, огромная собака Султанъ, изъ породы водолазовъ, которая къ чужимъ людямъ вообще была не ласкова, а военныхъ, неизвѣстно по чему, терпѣть не могла. Однажды Государь, ѣхавшій изъ Петербурга, остановился у подъѣзда Энгельгардта. Султанъ съ страшнымъ лаемъ, выбѣжавъ изъ калитки сада, бросился къ царскому экипажу. Энгельгардтъ взглянулъ въ окно, чтобы узнать причину этаго лая и, увидя царскую коляску, опрометью побѣжалъ на встрѣчу Царя, чтобы отогнать разъяренную собаку. Испуганный, блѣдный прибѣжалъ онъ къ подъѣзду, и что-же видитъ: Государь стоитъ спокойно близъ коляски, а Султанъ съ покорностью лижетъ его руку! — „Отчего ты такой блѣдный? Ты нездоровъ?" сказалъ Государь. „Отъ испуга, Ваше Величество, услыша лай собаки и увидя Вашу коляску у подъѣзда!" „Чего тутъ пугаться?" возразилъ Государь, „вѣдь она тебя слушается?" „Слушается, Государь, но вѣдь я ея хозяинъ." „А я твой хозяинъ," сказалъ Государь, „видишь, собака это понимаетъ: она мнѣ руку лижетъ".

Въ лѣтнее время Александръ Павловичь нерѣдко удостоивалъ Энгельгардта милостивымъ посѣщеніемъ, и при этихъ случаяхъ любилъ бесѣдовать, по его выраженію, на распашку. Такъ однажды, сидя у Энгельгардта на балконѣ, Государь спросилъ его: „Какая, по твому мнѣнію, самая полезная дѣятельность человѣка, въ отношеніи общества, къ которому онъ принадлежитъ?" — „Полагаю, что дѣятельность добросовѣстнаго педагога самая полезная". „Почему такъ?" возразилъ Государь. „—Потому," отвѣчалъ Энгельгардтъ, что всякая другая дѣятельность, какъ-бы ни была она усердна, остается дѣятельностію *единичною*, между тѣмъ какъ педагогъ, воспитавъ и образовавъ хотя только десять юношей, этимъ удесятерилъ свою дѣятельность на пользу общества. Я полагаю, что нѣтъ полезнѣе и выше призванія педагога, посвятившаго себя всецѣло на образованіе отличныхъ гражданъ для своего Отечества". „Ты правъ", сказалъ Государь, «l'éducation de la jeunesse est la vocation la plus belle, mais, je pense, aussi la plus difficile!"

Должно полагать, что вслѣдствіе этаго и подобныхъ разговоровъ, Энгельгардтъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1812 года, назначенъ былъ директоромъ Педагогическаго Института.

Сознавая въ полной мѣрѣ все значеніе возложенной на него обязанности, съ горячею любовію приступилъ онъ къ достиженію столь важной цѣли: образованію отличныхъ дѣятелей на поприщѣ преподаванія наукъ, распространенія просвѣщенія и возвышенія общественной нравственности. Въ хорошихъ преподавателяхъ былъ тогда большой недостатокъ.

Съ молодыхъ лѣтъ чувствовалъ Энгельгардтъ влеченіе, даже призваніе къ педагогическимъ занятіямъ. Тогда уже читалъ онъ предпочтительно сочененія, въ которыхъ развивались лучшія методы воспитанія юношества, и постоянно имѣлъ желаніе быть во главѣ воспитательнаго заведенія. Наконецъ исполнилось его желаніе: то, что онъ по сіе время изучалъ въ теоріи, могъ онъ теперь приложить къ практикѣ, а со временемъ, черезъ собственную практику, пополнить пробѣлы теоріи.

Неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ, въ 1812 году, при нашествіи Наполеона на Россію, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій, нашелъ нужнымъ приказать Энгельгардту отправиться съ Педагогическимъ Институтомъ и съ Гимназіею въ Петроза-

водскъ; между тѣмъ какъ, въ то же время, Императрица Марія Ѳеодоровна, со всѣми дѣвичьими институтами и благотворительными заведеніями, оставалась безвыѣздно въ Петербургѣ. Хорошо ли, дурно-ли распорядился министръ, не наше дѣло разбирать; скажемъ только одно, что, не смотря на всѣ неудобства подобной поѣздки съ такимъ множествомъ молодыхъ людей и дѣтей, въ трескучій морозъ 1812 года, Русская пословица: „нѣтъ худа безъ добра", вполнѣ оправдалась: тяжка была поѣздка, нечего сказать; но за то дала она Энгельгардту ежедневные случаи изучать коротко характеры и наклонности своихъ воспитанниковъ и такъ съ ними сблизиться, какъ конечно, оставаясь въ Петербургѣ, онъ того и въ цѣлый годъ достигнуть не успѣлъ бы.

Между студентами того времени были замѣчательныя личности, каковы: бывшій въ послѣдствіи ректоромъ С. Петербургскаго университета П. А. Плетневъ, профессоры К. И. Арсеньевъ, И. П. Шульгинъ, В. М. Архангельскій, П. Е. Георгіевскій, А. Ѳ. Оболенскій и многіе другіе; нѣкоторыхъ изъ нихъ Энгельгардтъ позднѣе опредѣлилъ преподавателями въ Царскосельскій Лицей и состоявшій при немъ Благородный Пансіонъ.

Энгельгардтъ имѣлъ и даръ, и счастіе пріобрѣтать полное довѣріе и любовь студентовъ; это и дало ему возможность имѣть самое благотворное вліяніе на нравственное и умственное направленіе молодыхъ людей.

Во время его управленія Институтомъ, выпущено изъ онаго около ста студентовъ, изъ которыхъ большая часть заявила себя, въ послѣдствіи, отличными преподавателями наукъ и словесности; а нѣкоторые изъ нихъ отличались на государственной службѣ, какъ по юридической части, такъ и по другимъ служебнымъ отраслямъ.

Въ 1816 году, 11 го Января, Энгельгардтъ получилъ отъ графа Аракчеева записку слѣдующаго содержанія:

„Графъ Аракчеевъ проситъ покорно господина директора Педагогическаго Института Энгельгардта пожаловать къ нему завтрешній день послѣ обѣда въ 6 часовъ."

Между оставшимися послѣ Энгельгардта бумагами, съ подлинной запиской Аракчеева найдена слѣдующая собственноручная записка Егора Антоновича:

„Записка, по приказанію графа Аракчеева составленная и поданная ему 12 Января 1816 г.

„Имѣя первымъ правиломъ повиноваться всегда волѣ Государя моего, я бы и въ настоящемъ случаѣ не дозволилъ себѣ другой мысли, еслибъ воля Его Императорскаго Величества относительно назначенія меня директоромъ Лицея была произнесена безусловно. Но какъ, по особенной и лестной для меня милости, предоставлено мнѣ нѣкоторымъ образомъ право изъяснить мнѣніе мое, то и осмѣливаюсь оное изложить съ тою откровенностію, которая, кажется мнѣ, прилична добросовѣстному подданному.

„Мѣсто, мнѣ всемилостивѣйше предлагаемое, по предмету занятій въ ономъ, болѣе всякаго другаго въ государствѣ, соотвѣтствуетъ моимъ способностямъ и любимымъ наклонностямъ. Съ радостію посвятилъ бы я всѣ свои силы, всю жизнь свою на усовершенствованіе заведенія, которое, находясь подъ непосредственнымъ покровительствомъ Его Величества, могло бы быть возведено на высокую степень совершенства. Но обстоятельства, здѣсь неудобоизлагаемыя, по нынѣшнему положенію, безпрерывно стѣсняютъ начальника въ скоромъ принятіи мѣръ, необходимыхъ для нравственнаго и физическаго улучшенія заведенія и воспитанниковъ.— Если начальникъ учебнаго заведенія честный человѣкъ, если признанъ въ полной мѣрѣ достойнымъ возлагаемой на него довѣренности, то долженъ онъ пользоваться довѣренностію полною; онъ долженъ быть освобожденъ отъ

всякой мелочной и раздробительной зависимости, полагающей безпрестанно преграды свободному его дѣйствію. Онъ долженъ быть въ заведеніи какъ отецъ семейства и подобно ему управлять. При такой только независимости можетъ существовать то единство, то согласіе въ общемъ, безъ коихъ никакое нравственное заведеніе не можетъ имѣть основательнаго успѣха".

„Итакъ, если Его Императорскому Величеству угодно, чтобы я управлялъ должностію директора Лицея, не такъ какъ простой, одной наружности держащійся наемникъ, но какъ человѣкъ полагающій всю свою душу и сердце въ исправленіи священной и любезной ему обязанности, то осмѣливаюсь представить слѣдующія предварительныя начала:

„1-ое. Управленіе Лицея сдѣлать совершенно независящимъ отъ всякаго посторонняго и раздробительнаго вліянія такъ, чтобы директоръ, не выходя изъ общихъ предѣловъ законныхъ, имѣлъ право распоряжать во всемъ по усмотрѣнію и совѣсти своей, отдавая въ концѣ каждаго года отчетъ въ управленіи своемъ и подвергая себя строжайшей, передъ Богомъ и Царемъ, отвѣтственности за всякое злоупотребленіе своей власти".

„2-ое. Предоставить директору право избирать и опредѣлять себѣ въ сотрудники тѣхъ людей, которыхъ онъ считаетъ способнѣйшими къ общему дѣлу, а равномѣрно удалять тѣхъ, которые окажутся неспособными или вредными".

„3-ье. Предоставить директору право, не выходя изъ предѣла назначенной на содержаніе заведенія суммы, давать оной, по усмотрѣнію надобности, временное направленіе на ту или другую вѣтвь внутренняго хозяйства".

„Я чувствую, что требуемое мною чрезвычайно много въ себѣ заключаетъ; я не смѣю почти надѣяться, чтобы на такое изъятіе воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе, но не менѣе того я почелъ долгомъ сказать то, что предписываютъ мнѣ совѣсть и душевная благодарность за обращенное на меня Монаршее довѣріе; ибо только на основаніи сихъ началъ, могу я надѣяться исправлять возлагаемую на меня должность съ тѣмъ успѣхомъ, который нѣкогда будетъ лестнѣйшей наградой за труды мои.

„Егоръ Энгельгардтъ".

Послѣ подписи, тѣмъ-же почеркомъ карандашемъ приписано: „Писано по требованію графа Аракчеева, въ его кабинетѣ, на его письменномъ столѣ."

Высочайшимъ указомъ отъ 27 Января 1816 г. *) Энгельгардту повелѣно быть директоромъ Царскосельскаго Лицея и состоящаго при немъ Благороднаго Пансіона. Тѣмъ-же числомъ Января, Энгельгардтъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Это новое назначеніе, во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовавшее педагогическимъ стремленіямъ Энгельгардта, дало ему возможность примѣнить къ дѣлу воспитанія Лицеистовъ извѣстныя ему лучшія теоріи педагогіи, въ совокупности съ четырехлѣтнимъ практическимъ опытомъ, пріобрѣтеннымъ въ Педагогическомъ Институтѣ. Эта новая сфера дѣятельности была именно та, о которой онъ мечталъ съ молоду.

Онъ не только былъ дѣятельнымъ, добросовѣстнымъ начальникомъ, но истиннымъ отцемъ-другомъ своихъ воспитанниковъ, которые, съ своей стороны, вознаграждали его чистѣйшею любовію и полною довѣренностію.

*) Такимъ образомъ блестящая плеяда лицеистовъ-первокурсниковъ, вышедшая изъ заведенія въ Іюнѣ 1817 г. и содѣлавшая царскосельскій лицей дорогимъ и любезнымъ для Россіи, находилась въ вѣдѣніи Энгельгардта менѣе полутора года. Восторженныя воспоминанія Пушкина, Дельвига и др. относились болѣе къ первому директору Лицея В. Ѳ. Малиновскому; по крайней мѣрѣ Пушкинъ, сколько намъ извѣстно, не питалъ къ Энгельгардту особенной привязанности, находя въ его дѣятельности что-то искусственное и напускное, хотя разумѣется, не могъ не уважать и не цѣнить его. Но Россія не забудетъ, что спасеніемъ Пушкина отъ Соловецкой ссылки она обязана дѣятельному предстательству предъ государемъ и Е. А. Энгельгардта. *П. Б.*

Замѣчательны были нѣкоторые педагогическіе пріемы Егора Антоновича, которые конечно имѣли успѣхъ, единственно по тому нравственному, обаятельному вліянію, которое онъ имѣлъ на своихъ воспитанниковъ.

Такъ онъ говорилъ всѣмъ воспитанникамъ „*ты*", и лишь въ видѣ особаго, въ исключительныхъ случаяхъ, наказанія, обращался къ нимъ съ словами: „*Вы и Господинъ* NN". Случаи эти были весьма рѣдки, и наказаніе это онъ налагалъ лишь тогда, когда полагалъ, что проступокъ воспитанника не подходилъ подъ нарушеніе общей школьной дисциплины, но признавалъ оный особо-важнымъ по нравственнымъ послѣдствіямъ, въ виду отступленія отъ тѣхъ началъ непоколебимой правды и честности въ помышленіяхъ, которыя, по завѣренію Егора Антоновича, должны быть присущи всякому Лицеисту, какъ лучшее и неизмѣнное его достояніе въ будущей государственной и общественной дѣятельности, и нарушеніе коихъ не долженъ дозволить себѣ тотъ, кто имѣетъ честь быть Царскосельскимъ Лицеистомъ.

Получивъ свѣдѣніе о неприличномъ поступкѣ воспитанника, Егоръ Антоновичъ подходилъ къ провинившимуся, когда онъ въ рекреаціонномъ залѣ стоялъ въ кругу своихъ товарищей, и обращался къ нему, примѣрно, со словами: „Господинъ N. N, вы хорошо провели время-тамъ-то и тогда-то?" и не дождавшись отвѣта, проходилъ далѣе. Блѣднѣлъ бѣднякъ, хотя онъ одинъ и понялъ значеніе этихъ словъ. Онъ предчувствовалъ чтò его ожидаетъ; общее молчаніе товарищей доказывало ему, что тутъ-же произносился общій приговоръ надъ нимъ: онъ подвергся опалѣ товарищей, онъ былъ осужденъ на одиночество въ шумной толпѣ юношей. Проходилъ день, другой, Егоръ Антоновичъ не замѣчалъ болѣе провинившагося; обращаясь же къ другимъ воспитанникамъ, тутъ-же дѣлалъ имъ замѣчаніе за такія-то шалости и стращалъ, что попадутся, но тѣмъ самымъ доказывалъ, что наложилъ опалу на N. N. не за обыкновенную провинность, которую однако не желалъ раскрывать предъ товарищами его, оставляя оную на совѣсти виновнаго. Когда же Егоръ Антоновичъ замѣчалъ, что онъ съ грустію и раскаяніемъ искалъ взора его, при входѣ въ залъ, то обращался къ нему опять, примѣрно, со словами: „Что ты тутъ одинъ сидишь, ступай тотчасъ играть съ товарищами!", и освободившійся отъ опалы бросался къ нему на шею, цаловалъ его со слезами на глазахъ; товарищи мгновенно прибѣгали, обнимая его и директора; радость непритворная была всеобщая, все было забыто, и никто не доискивался причинъ этой кратковременной опалы.

Государь Александръ Павловичъ, пожаловавъ однажды къ Энгельгардту и найдя его окруженнымъ семействомъ и воспитанниками, сказалъ: „Вижу и радуюсь, что директоръ и его воспитанники составляютъ одну нераздѣльную семью!" Это царское слово вполнѣ выражаетъ отношенія, въ которыхъ находился Энгельгардтъ съ дѣтьми его сердца, воспитанниками Лицея. Неоспоримая эта истина оправдывалась въ продолженіи 46 лѣтъ (1816—1862), т. е. до самой кончины Энгельгардта. Ни почести, ни отсутствіе, ни суета мірская, ни даже ссылка не могли прервать этой сердечной связи, основанной на любви, уваженіи и полной преданности.

Въ доказательство сказаннаго, приведу слѣдующій фактъ упомянутый въ „Историческомъ очеркѣ Императорскаго Лицея," сочиненіи г-на Селезнева, 1861 г. (стр. 150 и 151).

„По окончаніи выпускныхъ экзаменовъ воспитанниковъ 3-го курса Лицея (въ Іюнѣ 1823) для нихъ наступилъ часъ разлуки съ Лицеемъ. Воспитанники обступили Егора Антоновича и убѣдительно просили его дозволить имъ провести еще одинъ день въ Лицеѣ. Этотъ послѣдній день былъ употребленъ директоромъ и его воспитанниками на посѣщеніе, вмѣстѣ, наиболѣе любимыхъ

ими мѣстъ Царскаго-Села и его окрестностей. Возвращаясь съ дальней прогулки, Егоръ Антоновичь отдыхалъ въ кругу своихъ питомцевъ въ одной изъ аллей Царскосельскаго парка. Мысль о близкой разлукѣ навела грусть на юную толпу, и воспитанники не могли удержать слезъ. Въ эту минуту явился среди нихъ Государь: слезы также заблистали на Его глазахъ. „Ты счастливъ, Энгельгардтъ", сказалъ онъ Егору Антоновичу. „Ты окруженъ благодарными, любящими сердцами!" Обращаясь затѣмъ къ воспитанникамъ, Монархъ сказалъ: „Я доволенъ вашимъ экзаменомъ по наукамъ: онъ доказалъ, что вы умѣли воспользоваться средствами вамъ данными для пріобрѣтенія познаній. Спасибо за то! Но сегодня я вижу экзаменъ по мнѣ: я вижу, что у васъ сердца съ чувствомъ, любящія, признательныя. Сохраните всегда эти чувства, дающія главное достоинство человѣку!"

Въ „Историческомъ очеркѣ Лицея," также упомянуто (стр. 142 и 143) о замѣчательномъ письмѣ Энгельгардта къ князю А. Н. Голицыну.

Сохранилось, говоритъ г-нъ Селезневъ, письмо Энгельгардта къ князю А. Н. Голицыну, гдѣ директоръ проситъ: „Оказать намъ, Лицейскимъ, новую милость, поднеся Государю, вмѣсто краснаго яичка, первый опытъ литографированныхъ видовъ Царскаго-Села. Ихъ снималъ и литографировалъ нашъ воспитанникъ Лангеръ, беднѣйшій изъ всѣхъ ихъ, потому что не только ничего не имѣетъ собственнаго на свѣтѣ, но не имѣетъ ни отца, ни матери, ни родныхъ; онъ совершенно одинъ на свѣтѣ. Между тѣмъ талантъ его и страсть къ рисованію и живописи, во всѣхъ родахъ, дѣйствительно рѣдкіе, и еслибъ были поощрены, то Лангеръ, безъ сомнѣнія, могъ быть отличнымъ художникомъ. Государь такъ милостивъ: онъ не откажется, я думаю, доставить послѣ выпуска бѣдному Лангеру средства поѣхать на одинъ годъ въ Дрезденъ, а потомъ въ Италію. За поведеніе, нравственность и успѣхи Лангера можно смѣло ручаться, онъ во всякомъ отношеніи достоинъ Монаршей милости. Сверхъ двухъ экземпляровъ для Его Величества, пріемлю я смѣлость приложить еще по одному экземпляру для обѣихъ Императрицъ. Если наклейка и обдѣлка футляровъ и проч. не такъ-то совершены, то это можетъ извиняемо быть тѣмъ, что всѣ работы — нашихъ воспитанниковъ, которые не совсѣмъ въ томъ опытны. Пятый экземпляръ мы просимъ ваше сіятельство принять и удостоить уголочка въ вашей учебной комнатѣ. Дай Богъ нашему предпріятію успѣха, т. е. чтобы послѣдствіемъ оного было нѣчто болѣе основательное обыкновенныхъ подарковъ за подносимыя сочиненія. Препоручивъ судьбу бѣднаго Лангера въ руки вашего сіятельства, я увѣренъ въ успѣхѣ!" Въ postscriptum Энгельгардтъ прибавляетъ: „При отправленіи сего, догадался, хотя нѣсколько поздно, что надлежало бы изготовить еще одинъ экземпляръ для великой княгини Александры Өеодоровны, какъ по приличію, такъ и потому, что вѣроятно воспослѣдуетъ подарочекъ, въ которомъ мой бѣдный художникъ имѣетъ великую надобность. Мы не преминемъ изготовить сей экземпляръ и доставить къ вашему сіятельству, дня черезъ два".

Произведеніе воспитанника Лангера удостоилось Высочайшаго воззрѣнія: повелѣно было заплатить за всѣ издержки по литографіи; художникъ получилъ отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны бриліантовый перстень, отъ Маріи Өеодоровны золотые часы, отъ Великаго Князя препровождены такіе-же часы съ цѣпочкой. Лангеръ, кончивъ курсъ въ 1820 г., поступилъ на службу по мин. народн. просвѣщенія, посѣтилъ Италію и читалъ впослѣдствіи въ Лицеѣ курсъ теоріи изящныхъ искуствъ.

Эти виды Царскаго-Села, воспитанника Лангера, хранятся до сихъ поръ у большой части бывшихъ Царскосельскихъ лицеистовъ, которые смотрятъ на это прелестное царское мѣстопребы-

ваніе, какъ бы на вторую родину, что̀ выразилъ и Пушкинъ въ піэсѣ: „19 Октября 1825 г".:

Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни повело,
Все тѣ-же мы: намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ—Царское-Село!

Скромный авторъ прекрасной книги: „Благородный Пансіонъ имп. царскосельскаго Лицея", (С. П. б. 1869), черезъ 44 года послѣ выпуска изъ Благороднаго Пансіона, восклицаетъ (стр. 230 и 231):

„Царское-Село! Сколько значенія, силы и обаянія въ этихъ двухъ словахъ для бывшихъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея и его Пансіона! Какъ громко и краснорѣчиво говорятъ они ихъ уму и сердцу! Въ Царскомъ-Селѣ были родные и дорогіе имъ Лицей и Пансіонъ, въ стѣнахъ которыхъ они провели лучшія лѣта жизни, — лѣта отрочества и юношества; пріобрѣли неоцѣненныя блага высшаго умственнаго образованія и приготовились съ пользою и честію служить Отечеству и обществу. Здѣсь была *вторая родина* ихъ, гдѣ они сугубо родились для новой жизни, умственной и нравственной, на пользу общественную, и въ этой второй родинѣ ихъ: *Царское-Село,* Лицей и его Пансіонъ были такъ тѣсно связаны между собою, что составляли одно нераздѣльное цѣлое, которое Пушкинъ удивительно мѣтко, вѣрно и сильно выразилъ словами *„Отечество намъ Царское-Село!"*

Относительно хозяйственной части по управленію Лицеемъ, Энгельгардтъ держался того правила, что штатная годовая сумма, отпускаемая правительствомъ Лицею, должна быть израсходована самымъ благоразумнымъ и добросовѣстнымъ образомъ, вся сполна на пользу воспитанниковъ и заведенія. Въ его управленіи преподаватели и наставники были отличные; одежда, бѣлье и пища, болѣе чѣмъ удовлетворительны, а въ сравненіи съ другими заведеніями даже роскошны. Онъ конечно не заботился о скопленіи экономическаго капитала для представленія начальству, въ видахъ полученія за то какой либо награды. Энгельгардтъ подобнымъ ложнымъ и пошлымъ тщеславіемъ не былъ одержимъ. Конечно и у него оставались отъ благоразумнаго хозяйства остаточныя суммы; но эти суммы всѣ употребляемы были на пользу воспитанниковъ и заведенія, какъ-то: на обогащеніе библіотеки, приведенной имъ въ блестящее положеніе, на увеличеніе кабинетовъ: физическаго и минералогическаго; на выписку лучшихъ изданій періодической печати Русской и иностранной; и наконецъ на изящныя удовольствія, которыя конечно много содѣйствовали къ развитію молодыхъ людей, обреченныхъ уставомъ Лицея, въ продолженіи шести лѣтъ, отнюдь не выѣзжать изъ Царскаго Села.

Зимою, Энгельгардтъ устраивалъ въ Лицеѣ домашніе спектакли, въ которыхъ дѣйствующими лицами были воспитанники, а зрителями профессоры съ ихъ семействами, родственники и лучшее Царскосельское общество. Были также представляемы шарады въ лицахъ и живыя картины. Послѣ представленій были танцы, потомъ ужинъ и, не позже перваго часа по полуночи, все было кончено.

Энгельгардтъ самъ сочинялъ или передѣлывалъ приличныя для этихъ спектаклей піесы и тщательно слѣдилъ за репетиціями. Онъ былъ и педагогъ, и преподаватель, и писатель, и архитекторъ, и садоводъ, и агрономъ, и даже былъ весьма искусенъ въ футлярномъ мастерствѣ. Онъ свободно изъяснялся и писалъ на шести языкахъ. Можно сказать, что природа создала его быть педагогомъ.

Лѣтомъ Энгельгардтъ занимался съ своими воспитанниками садоводствомъ, а въ каникулярное время предпринималъ пѣшеходныя прогулки по окрестностямъ Царскаго Села, продолжавшіяся иногда отъ двухъ до трехъ сутокъ.

Личное, весьма благосклонное расположеніе Александра Павловича къ Эн-

гельгардту дало ему возможность исходатайствовать у Государя весьма существенныя преимущества для своихъ воспитанниковъ при выходѣ изъ Лицея: Государь назначилъ сумму для экипированія молодыхъ людей при вступленіи ихъ въ свѣтъ и приказалъ опредѣлять воспитанниковъ Лицея въ службу съ назначеннымъ имъ особо жалованьемъ, которымъ они пользовались до полученія штатнаго мѣста съ высшимъ окладомъ.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1822 года, Лицей и состоявшій при немъ Благородный Пансіонъ поступили подъ главное начальство Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича. Вслѣдствіе сего, бывшій въ то время начальникъ пажескаго и кадетскихъ корпусовъ, генералъ-адъютантъ графъ Коновницынъ вступилъ въ завѣдываніе Лицеемъ и Пансіономъ.

Эта перемѣна начальства имѣла прискорбныя послѣдствія, какъ для дѣла воспитанія, такъ и для самаго Энгельгардта.

Взглядъ военнаго начальства на воспитаніе юношества вовсе не согласовался съ педагогическими правилами Энгельгардта. Лицей, какъ высшее учебное заведеніе, основанное на чисто гражданскихъ гумманныхъ началахъ, не могъ, безъ значительнаго ущерба своихъ правъ, вступить въ узкую колею военной дисциплины; а потому, Энгельгардтъ, отстаивая права Лицея, былъ поставленъ въ весьма непріятныя отношенія къ военному начальству.

Въ 1816 году, при вступленіи въ Лицей, Энгельгардтъ отмѣнилъ излишніе военные атрибуты, обременяющіе воспитанниковъ, какъ-то: треугольныя шляпы, бѣлыя суконныя штаны и ботфорты. Въ будни воспитанники одѣты были въ синихъ суконныхъ сюртукахъ съ краснымъ воротникомъ, синихъ жилетахъ и просторныхъ брюкахъ. Онъ отнюдь не требовалъ чтобы воспитанники постоянно были застегнуты на всѣ пуговицы и на всѣ крючки воротника. Онъ слѣдилъ только за тѣмъ, чтобы они во всякое время, съ головы до ногъ, были опрятно и прилично одѣты. Въ праздникъ, когда шли къ обѣдни, воспитанники надѣвали мундиры съ краснымъ воротникомъ и шитыми петлицами: въ старшемъ курсѣ съ золотыми, а въ младшемъ съ серебряными; а треугольныя шляпы были замѣнены легкими фуражками изъ синяго сукна съ чернобархатнымъ околышемъ и красными кантами.

Главный военный начальникъ (не помню, который, Коновницынъ или Кутузовъ), войдя однажды въ Лицейскій садъ, гдѣ воспитанники гуляли, бѣгали, играли и увидя одного воспитанника не застегнутаго на всѣ пуговицы и крючки, спросилъ Энгельгардта: „почему этотъ воспитанникъ не застегнутъ какъ должно?“—„Потому, отвѣчалъ Энгельгардтъ, „что ему послѣ игры, вѣроятно, жарко“.—„А почему же вотъ этотъ застегнутъ?“ – „Потому, что онъ не бѣгалъ, такъ ему и не жарко“, возразилъ Энгельгардтъ. На это господинъ военный начальникъ замѣтилъ директору, что подобные безпорядки впредь допускаемы быть не могутъ и что, при военной дисциплинѣ, единообразіе есть непремѣнное условіе порядка и благоустройства учебнаго заведенія. Хотя Энгельгардтъ и объяснялъ господину начальнику, что такъ какъ натуры и темпераменты у его воспитанниковъ различные, то онъ отъ нихъ требовать не можетъ, чтобы они всѣ одинаково ощущали и холодъ и жаръ; но господинъ начальникъ возразилъ: “Если это возможно въ кадетскихъ корпусахъ, гдѣ также дворянскія дѣти воспитываются, то тотже порядокъ возможенъ и долженъ быть заведенъ въ Лицеѣ и въ Пансіонѣ“.

Вслѣдствіе этаго разговора, Энгельгардтъ получилъ предписаніе о строгомъ соблюденіи военной дисциплины и о введеніи единообразія въ Лицеѣ и состоявшемъ при немъ Благородномъ Пансіонѣ.

Изъ „Очерка Лицея", г-на Селезнева усматривается (стр. 54), что „по случаю бывшаго въ Лицей 12 Декабря 1822 года (въ день рожденія Государя) концерта воспитанниковъ, возникла въ 1823 году обширная переписка (10, одно за другимъ, предписаній), съ управленіемъ главнаго директора пажескаго и кадетскихъ корпусовъ, поставлявшая Энгельгардта въ необходимость изъяснять и защищать свои права, и отъ предмета незначительнаго перешедшая, при всей осторожности и благоразумной сдержанности Энгельгардта, къ вопросамъ и замѣчаніямъ, которые и не для Энгельгардта были бы крайне непріятны". Всѣ упомянутыя и подобныя имъ обстоятельства вынудили Энгельгардта просить увольненія отъ занимаемой имъ должсти и отъ службы. Не смотря на это, милостивое благоволеніе Государя къ Энгельгардту нисколько не измѣнилось ни прежде, ни послѣ увольненія.

1823 года 23 Октября, Энгельгардтъ всемилостивѣйшее былъ уволенъ отъ службы съ пенсіею въ 3000 рублей, выше положенной и по штату.

Во время управленія Энгельгардта Лицеемъ, выпущено изъ этаго заведенія 79 молодыхъ людей, и почти столько-же изъ Пансіона.

Воспитанники Энгельгардта, поступившіе во всѣ роды государственной службы, оказались большею частію отлично способными, дѣятельными, безкорыстными и весьма полезными людьми, какъ въ служебномъ, такъ и въ общественномъ быту. Въ Государственномъ Совѣтѣ, въ Сенатѣ, въ министерствахъ, въ вѣдомствахъ военномъ и морскомъ, вездѣ красуются и понынѣ бывшіе воспитанники Энгельгардта. Называть ихъ нѣтъ надобности: имена главнѣйшихъ изъ нихъ извѣстны всей Россіи, а нѣкоторыхъ даже и всей Европѣ. Кто въ Европѣ не знаетъ знаменитаго нашего Русскаго канцлера князя Александра Михайловича Горчакова и безсмертнаго поэта Пушкина?

На своемъ вѣку Энгельгардтъ образовалъ около 300 полезныхъ Отечеству дѣятелей, и тѣмъ, полагаю, заслужилъ, чтобы память о немъ была сохранена съ должною благодарностію.

Ежели потомство не можетъ его поставить на ряду съ тѣми людьми, въ честь которыхъ воздвигаются памятники, то смѣю думать, что Егоръ Антоновичь Энгельгардтъ въ полной мѣрѣ заслужилъ ту честь, чтобы во имя и въ память его, была учреждена стипендія въ императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ, въ которомъ уже существуетъ подобное учрежденіе въ память воспитанника Е. А. Энгельгардта — поэта Пушкина. Не лишнимъ считаю упомянуть и то обстоятельство, что Петербургскій Университетъ образовался изъ Педагогическаго Института, котораго Энгельгардтъ былъ директоромъ.

Оставивъ службу, Энгельгардтъ жилъ въ Петербургѣ въ уединеніи, въ кругу семейства, старыхъ друзей и навѣщавшихъ его воспитанниковъ Царско-Сельскаго Лицея и Педагогическаго Института.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1824 г., ровно черезъ годъ послѣ того, что Егоръ Антоновичь оставилъ Лицей, онъ получилъ отъ находившихся на службѣ бывшихъ его воспитанниковъ приглашеніе присутствовать на ихъ сходкѣ 19 Октября,—въ память основанія Лицея. На эту сходку собрались всѣ его бывшіе воспитанники, находившіеся въ то время въ Петербургѣ. Между ними былъ также нашъ Лицейскій поэтъ Баронъ Дельвигъ, который тутъ-же написалъ, по этому случаю, экспромптомъ, куплеты на голосъ извѣстной пѣсни Коцебу: „Es kann doch nicht immer so bleiben". Эти куплеты никогда не появлялись въ печати; подлинный автографъ Дельвига найденъ въ бумагахъ Егора Антоновича.

19 Октября 1824.

Семь лѣтъ пролетѣло, но дружба
Ты та-же у старыхъ друзей;
Все любишь лицейскія пѣсни,

Все сердцу твердишь про Лицей. (bis)
Останься-жъ вѣкъ нашей хозяйкой
И долго въ сей день собирай
Друзей, не старѣющихъ сердцемъ,
И имъ старину вспоминай. (bis)
Нашъ милый начальникъ! Ты съ нами,
Ты любишь и насъ и Лицей;
Мы пьемъ за твое всѣ здоровье,
А ты пей за насъ, за друзей! (bis)
Б. Дельвигъ.

Эти простыя, но задушевныя строфы были пропѣты хоромъ всѣми присутствующими Лицеистами; послѣдній-же куплетъ былъ повторенъ два раза въ честь и въ здравіе находившагося среди нихъ, всѣми душевно любимаго и уважаемаго, директора.

Въ заключеніе была пропѣта: Лицейская прощальная пѣснь „Шесть лѣтъ", также сочиненія барона Дельвига.

Съ тѣхъ поръ, каждый годъ въ этотъ день, 19 Октября, Егоръ Антоновичь постоянно присутствовалъ на сходкахъ его бывшихъ питомцевъ.

Хотя Энгельгардтъ не имѣлъ уже никакихъ служебныхъ обязанностей, однако дѣятельность его не уменьшилась,— она была только разнообразнѣе. Въ эту эпоху его жизни онъ совершилъ нѣсколько путешествій по Россіи, которыя дали ему богатую жатву матеріаловъ для составленія изданныхъ имъ:

„Russische Miszellen, zur genauern Kenntniss Russlands und seiner Bewohner", въ четырехъ частяхъ. Въ Германіи эти книги имѣли большой успѣхъ.

Въ 1825 году Энгельгадтъ былъ избранъ въ старшины Евангелической Реформатской церкви. Тридцатилѣтняя дѣятельность его въ этомъ званіи была весьма плодотворна для той среды въ которой онъ, совмѣстно съ достопочтеннымъ своимъ другомъ, пасторомъ Муральтомъ, неусыпно и усердно трудился.

Прочитавъ въ 1826 году, въ иностранныхъ газетахъ (Gazette universelle de Lyon, l'Etoile, Hamburger Correspondent и друг.), статью противъ Лицея и его воспитанниковъ, Энгельгардтъ, какъ бывшій директоръ Лицея, выступилъ на защиту и помѣстилъ въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ и въ двухъ Остзейскихъ свои возраженія на клеветы, которыми въ этой статьѣ Іезуиты думали очернить Лицей. По этому-же предмету онъ написалъ письмо къ шефу корпуса жандармовъ графу А. Х. Бенкендорфу.

Въ 1834 году, Энгельгардтъ, по представленію графа Канкрина, былъ назначенъ директоромъ по изданію Земледѣльческой Газеты. Онъ издавалъ ее въ продолженіи 19-и лѣтъ и, какъ видно, съ дѣйствительною пользою, потому что въ числѣ его корреспондентовъ было не мало крестьянъ, которые ему сообщали о результатахъ ихъ практическихъ опытовъ по сельскому хозяйству. Для тридцатыхъ годовъ фактъ этотъ весьма не маловаженъ.

Мирная, патріархальная жизнь почтенной четы Энгельгардтъ, видимо хранимая благодатію Божіею, была помрачаема и скорбными событіями.

Такъ въ 1843 году скончался ихъ первенецъ, всѣми любимый и уважаемый сынъ Александръ, въ лѣтахъ полнаго развитія человѣческаго возраста, 42 лѣтъ. А въ 1846 году не стало и дочери ихъ Наталіи. Она оставила пятерыхъ дѣтей и убитаго горемъ мужа барона А. Ѳ. Остенъ-Сакена, столь любимаго лицеистами, когда онъ былъ ихъ наставникомъ въ Лицеѣ при Е. А. Энгельгардтѣ.

Насталъ 1850 годъ, а съ нимъ и 11-ое Ноября: годовщина полувѣковаго брачнаго сожитія маститой четы Энгельгардтъ. Для празднованія этой *золотой свадьбы*, дѣти ихъ, внучата, родственники, друзья и Лицеисты собрались со всѣхъ концовъ Петербурга и даже изъ другихъ городовъ Россіи; второй сынъ Максимъ, пріѣхалъ изъ Варшавы, а младшій Владиміръ изъ Москвы. Было рѣшено, въ тайномъ семейномъ и дружескомъ совѣтѣ, устроить наканунѣ знаменательнаго дня такъ называемый въ Лифляндіи: *Polterabend*, что-то въ родѣ нашего Русскаго дѣвичника.

Вечеромъ, 10 Ноября, патріархальная чета, ничего не подозрѣвая, сидѣла по своему обыкновенію въ гостиной. Почтенная Марія Яковлевна вязала дорожный шарфъ для сына, а Егоръ Антоновичь картонничалъ, клеилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бесѣдовалъ съ своей полувѣковой сожительницей. Мало по малу стали съѣзжаться всѣ члены семейства и, — какъ-бы нечаянно, — пріѣхали также старые друзья и нѣсколько бывшихъ воспитанниковъ Егора Антоновича.

Когда всѣ усѣлись въ гостиной, вдругъ изъ сосѣдней комнаты была выброшена маленькая колыбель, въ которой находилась кукла, изображающая дитя въ пеленкахъ; и вслѣдъ за тѣмъ вошла въ попыхахъ дѣвица, одѣтая нянькою, чтобы убѣдиться, живъ-ли ребенокъ и найдя его, разумѣется, цѣлымъ и невредимымъ, она прочитала премилые стихи, напоминавшіе Егору Антоновичу первое для него знаменательное событіе, случившееся съ нимъ въ Ригѣ, когда ему было только второй годъ. Родители его жили въ форштатѣ, во второмъ этажѣ каменнаго дома. Случившійся въ сосѣднемъ домѣ пожаръ такъ перепугалъ няньку, что она въ безпамятствѣ бросилась спасать ребенка, но въ торопяхъ, не обдумавъ какъ бы это сдѣлать безопаснѣе, она взяла на столѣ стоявшіе бронзовые часы, съ футляромъ, сунула ихъ подъ перину въ люльку, гдѣ лежалъ ребенокъ, обвязала люльку простынею, въ два узла и преблагополучно выкинула изъ окна на дворъ! Къ счастію, что на томъ мѣстѣ, куда упалъ воздушный путешественникъ, лежала большая куча сѣна и соломы, и будущій педагогъ остался живъ и невредимъ!

За этимъ прологомъ послѣдовалъ въ подобномъ-же родѣ, цѣлый рядъ воспоминаній изъ жизни маститыхъ супруговъ.

На другой день, 11 Ноября 1850 г. къ утреннему завтраку юбиляровъ съѣхались всѣ члены семейства, для поздравленія патріархальной четы со днемъ полувѣковаго брачнаго юбилея. Старшіе приносили приличные къ этому дню подарки, а внучата подходили съ букетами и привѣтствіями въ стихахъ. Архитекторъ Ю. А. Боссе (извѣстный профессоръ Академіи Художествъ) поднесъ юбилярамъ большую картину, мастерски акварелью написанную. Эта картина изображала, съ верху до низу, послѣдовательно между изящными арабесками, главнѣйшія эпохи жизни Егора Антоновича и Маріи Яколевны. На самомъ низу, въ медальонѣ, были изображены старички сидящими при свѣтѣ лампы, въ гостиной настоящаго ихъ жилища.

Съ полудня до самаго обѣда, домъ ихъ не переставалъ быть наполненнымъ многочисленными поздравителями.

Послѣ обѣда стали съѣзжаться знакомые и бывшіе воспитанники Егора Антоновича. Послѣ чая затѣяли танцы; въ залѣ на фортепіано заиграли старинный вальсъ, и маститые юбиляры открыли балъ вальсомъ!....

Послѣ золотой свадьбы, еще восемь лѣтъ прожила благополучно почтенная чета. Въ 1858 году, въ ночь между 12 и 13 Февраля, скончалась Марія Яковлевна на 81 году отъ рожденія.

Эта утрата, и вслѣдъ за тѣмъ смерть сына Максима Егоровича, пріѣхавшаго изъ Варшавы на похороны матери, разрушительно подѣйствовали на духовную и физическую натуру 86-хъ лѣтняго старца.

Ужасно было одиночество Егора Антоновича послѣ кончины жены и сына! Потому дочь его, баронесса Елизавета Егоровна Остенъ-Сакенъ, упросила его переѣхать на жительство къ ней. Поселившись у дочери, онъ однакожъ воображалъ, что гоститъ у нея временно. Память о минувшемъ, давнопрошедшемъ, одна въ немъ была жива; современныя-же событія скользили по немъ, не оставляя ни малѣйшаго слѣда въ его памяти. Онъ былъ какъ архивъ, переполненный старыми дѣлами, въ которомъ нѣтъ мѣста для дѣлъ современныхъ. Проживши у дочери около двухъ

лѣтъ, онъ иногда говорилъ ей: „Eh bien, „ma chère, au revoir! Il est temps que je „retourne à la maison. Maman m'attend, „elle est seule, il faut que j'aille lui tenir „compagnie!"

Эта мысль не покидала его до самой кончины, послѣдовавшей четыре года послѣ смерти жены, 15 Января 1862 года, на 87 году его земнаго поприща.

Похороны достопочтеннаго педагога, прослужившаго пяти царямъ, въ продолженіи 60 лѣтъ, были весьма трогательны и назидательны.

Реформатская церковь, въ благодарность за тридцатилѣтніе труды покойника, по ея благоустройству, — была убрана въ глубочайшій трауръ. Не смотря на то, что по волѣ усопшаго, личныхъ приглашеній на похороны сдѣлано не было, а только черезъ газеты было извѣщено о кончинѣ Егора Антоновича, церковь едва могла помѣстить всѣхъ пріѣхавшихъ отдать послѣднюю дань любви и уваженія покойнику. Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичь Ольденбургскій соизволилъ также пожаловать въ церковь съ воспитанниками Александровскаго Лицея.

Пѣли ученики сиротской школы, основанной церковнымъ старшиной Энгельгардтомъ. Рѣчь пастора содержала въ себѣ изображеніе долголѣтней и многополезной общественной дѣятельности усопшаго.

Выносъ изъ церкви былъ замѣчателенъ тѣмъ, что лежащаго въ гробѣ педогога несли восемь высокихъ государственныхъ сановниковъ, бывшіе воспитанники Царскосельскаго Лицея.

Большая часть находившихся въ церкви слѣдили за печальной колесницей до самаго Смоленскаго кладбища, гдѣ гробъ былъ опущенъ въ семейный склепъ (покойнымъ устроенный), въ которомъ уже находились: его жена, двое сыновей, дочь, воспитанница и двое внучатъ.

Вѣчная память тебѣ, другъ правды и просвѣщенія, неутомимый дѣятель на поприщѣ общественнаго блага!

Владиміръ Энгельгардтъ.

О СМЕРТИ А. С. ГРИБОѢДОВА ВЪ ТЕГЕРАНѢ.

(По подлиннымъ документамъ).

Сорокъ три года прошло со времени трагической смерти Грибоѣдова, но въ Русской печати еще не появилось ни одного сколько нибудь полнаго, связнаго и достовѣрнаго разсказа о Тегеранской катастрофѣ.

Первое печатное извѣстіе о ней явилось въ половинѣ Марта 1829 г. въ Journal de S.-Pétersbourg и оттуда было перепечатано Русскими газетами. Все извѣстіе ограничивалось нѣсколькими строками, заявлявшими, что 31 Января (собственно 30-го), въ Тегеранѣ, вслѣдствіе драки, происшедшей передъ домомъ нашего посланника, между его людьми и Персіянами, при чемъ нѣкоторые были убиты, несмѣтная толпа черни выломила ворота посольства, перелѣзла черезъ стѣны и, не смотря на сопротивленіе нашихъ казаковъ и Персидскаго караула, ворвалась во внутренніе покои и изрубила всѣхъ, кого встрѣтила. Спастись удалось только секретарю, г. Мальцову, и еще троимъ изъ свиты. Затѣмъ, было упомянуто о мѣрахъ, тщетно предпринятыхъ Персидскимъ правительствомъ къ усмиренію мятежа, о смущеніи правительства шаха, наложеніи траура при его Дворѣ и объ изъявленной готовности дать всякое удовлетвореніе.

Этимъ и заключились всѣ сообщенія о погибели Русской миссіи и одного изъ лучшихъ писателей нашихъ. Только, около года спустя, въ одномъ изъ частныхъ писемъ къ Ѳ. Булгарину, изъ Тифлиса, было мимоходомъ сказано, что причиною гибели Грибоѣдова, повидимому, надо считать вражду къ нему Персіянъ за укры-

вательство въ домѣ посланника бывшихъ у нихъ въ рабствѣ Русскихъ подданныхъ изъ Армянъ.

Затѣмъ, въ теченіе почти тридцати лѣтъ, не являлось рѣшительно никакихъ извѣстій о Тегеранскихъ убійствахъ. Въ появлявшихся же, время отъ времени, замѣткахъ и воспоминаніяхъ о Грибоѣдовѣ говорилось болѣе о предчувствіи имъ насильственной смерти, нежели о самой катастрофѣ. Она передавалась, обыкновенно, въ двухъ-трехъ словахъ, чаще всего стереотипною фразою, что Грибоѣдовъ «погибъ жертвою неистовства Тегеранской черни». Между тѣмъ заграничная печать знала объ этомъ ужасномъ событіи гораздо болѣе нашего. На другой-же годъ послѣ Тегеранскихъ убійствъ, появился въ Nouvelles Annalles des Voyages (1830, t. 48) подробный и обстоятельный «Разсказъ Персіянина о событіяхъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ убіеніе Русскаго посольства въ Персіи». Къ этому разсказу мы вскорѣ возвратимся, а пока замѣтимъ, что для большинства Русской публики и онъ оставался неизвѣстенъ около 30 лѣтъ, до появленія въ переводѣ въ 1858 г. при изданіи сочиненій Грибоѣдова, сдѣланномъ г. Серчевскимъ.

Спустя семь лѣтъ по выходѣ этого изданія, сообщены были въ газетѣ «Кавказъ» (1865) два-три перевода изъ Персидскихъ источниковъ объ убійствѣ нашей миссіи, но о нихъ можно сказать только, что все дѣло они передавали крайне односторонне и въ совершенно-искаженномъ видѣ. Затѣмъ, уже въ концѣ 1867 г., газета «Москва» передала *первый Русскій* разсказъ объ этомъ печальномъ событіи, разсказъ довольно близко подходящій къ истинѣ, хотя и заключающій недомолвки и кое-какія неясности. Онъ принадлежитъ графу И. О. Симоничу, бывшему нашимъ полномочнымъ министромъ при Персидскомъ дворѣ.

Наконецъ, въ недавное время, въ «Русскомъ Архивѣ» (1871 г. стр. 187) было напечатано уже совершенно фантастическое описаніе Н. В. Берга составленное, имъ, по разсказамъ С. А. Соболевскаго, слышавшаго все, будто-бы, отъ самаго Мальцова. Статейка г. Берга, прикрытая авторитетомъ *очевидца*, наполнена такими несообразностями, что приходилось бы опровергать почти каждую строку не только въ свѣдѣніяхъ, касающихся до Грибоѣдова, но даже и до г. Мальцова, который, будто бы, все, написанное г. Бергомъ, самъ разсказывалъ *). Для примѣра, мы укажемъ только на то, что въ приводимыхъ ниже документахъ вовсе не говорится о «толстыхъ, рыжихъ Нѣмкахъ», которыя по г. Бергу были едва-ли не главной причиной гибели посольства, Грибоѣдовъ не являлся на крышѣ махающимъ саблею и не погибъ отъ ружейнаго выстрѣла въ упоръ. Въ посланники попалъ онъ вовсе не «нечаянно». Самъ г. Мальцовъ не прятался на *чердакѣ* у какого-то *Армянина*, а напротивъ не оставлялъ своей квартиры, чѣмъ только и спасся и этого мнимаго Армянина вовсе не посылалъ въ Тифлисъ, гдѣ онъ, по г. Бергу, «*вскорѣ*

---

*) Опроверженіе статьи Н. В. Берга появилось въ Русскомъ же Архивѣ (1871, стр. 1299); впрочемъ авторъ вовсе не думалъ придавать записаннымъ разсказамъ С. А. Соболевскаго значеніе исторической достовѣрности и самъ выразилъ желаніе, чтобъ этими слухами вызвано было изложеніе подлинное и обстоятельное, каковымъ нынѣ читатели обязаны достоуважаемому П. А. Ефремову. *П. Б.*

и очутился», какъ будто отъ Тегерана до Тифлиса рукой подать. Не упоминаемъ уже о мелочахъ, какъ напр. обиліе у г. Мальцова золота, да еще въ *большихъ* и малыхъ *мѣшкахъ* и въ карманахъ платья, ученье Персидскому языку въ Москвѣ и пр.

Выше мы упомянули о разсказѣ Персіянина, находившагося въ Персидской свитѣ, сопровождавшей нашу миссію изъ Тавриза (гдѣ было постоянное пребываніе посольства) до Тегерана, куда Грибоѣдовъ временно отправлялся какъ полномочный министръ, по случаю ратификаціи Туркменчайскаго договора, которымъ закончена была тогдашняя война Россіи съ Персіей. Этотъ Персіянинъ находился при миссіи и во все время пребыванія ея въ Тегеранѣ; въ день убійствъ онъ былъ постоянно при посланникѣ, который и погибъ на его глазахъ. Казалось-бы, что разсказъ подобнаго человѣка долженъ имѣть чрезвычайно важное значеніе при описаніяхъ этого печальнаго событія, а между тѣмъ до настоящаго времени на него почти не обращали вниманія. Причина этому та, что иные съ недостовѣрчивостью относились къ *Персидскому* свидѣтельству, какъ одностороннему; иные же вовсе не придавали ему значенія, считая его подлогомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ такъ мало настоящаго, чисто «Персидскаго» элемента, въ особенности при сличеніи съ несомнѣнно-Персидскими разсказами, переведенными въ газетѣ «Кавказъ» [1]); а съ другой стороны, въ немъ такъ много Европейскаго и въ тонѣ, и въ изложеніи, и во взглядахъ, и въ отношеніяхъ къ шаху и Персидскому правительству, что недовѣріе къ восточному происхожденію его можно было считать вполнѣ основательнымъ. Однако, къ крайнему изумленію, сравнивая его съ несомнѣнно-достовѣрными извѣстіями, доставленными намъ въ копіяхъ изъ бумагъ, оставшихся по смерти Я. О. Ярцова, мы нашли его сходнымъ съ этими документами не только въ общемъ изложеніи хода всего дѣла, но и во многихъ частностяхъ. Существенная разница заключается въ томъ, что кое-какія свѣдѣнія, не выходившія за стѣны посольства, остались неизвѣстными Персіянину, тогда какъ, съ другой стороны, разсказъ его пополняетъ Русскія свѣдѣнія въ тѣхъ именно случаяхъ, когда авторъ, по незнанію Персидскаго языка, не могъ получить достовѣрныхъ свѣдѣній отъ окружавшихъ Русскую миссію Персіянъ и по той-же причинѣ, конечно, не могъ знать въ подробности обо всемъ, чтò дѣлалось и говорилось въ Тегеранѣ, разскащику же Персіянину этотъ городъ былъ родной.

Печатая новыя свѣдѣнія, мы, такимъ образомъ, даемъ достовѣрное свидѣтельство о катастрофѣ и, какъ намъ кажется, представляемъ подтвержденіе достовѣрности прежней статьи, считавшейся или невѣрною, или даже подложною. На нашъ взглядъ въ ней остаются теперь для оспариванія только частности; ибо нельзя признать все изложеніе ея безукоризненно-вѣрнымъ и безпристрастнымъ; но, затѣмъ, всякое сомнѣніе въ подлинности ея должно рушиться. Мы можемъ еще прибавить, что, по нашему мнѣнію, она дѣйствительно писана *не Персіяниномъ*, но вѣроятно, по дѣйствительному разсказу Персіянина, составлена кѣмъ-нибудь изъ членовъ одного изъ Европейскихъ

[1]) Изъ исторіи Ровзетъ-уль-сафа, „Очаровательный садъ".

посольствѣ въ Тегеранѣ и даже, по всей вѣроятности, Англійскаго, на чтò отчасти указываетъ передача въ ней нѣкоторыхъ собственныхъ Персидскихъ именъ по Англійскому произношенію ихъ.

Чтобъ не прибѣгать къ безпрестаннымъ ссылкамъ и сличеніямъ съ статьею Персіянина, мы вкратцѣ излагаемъ ея содержаніе, обращая вниманіе преимущественно на тѣ частности, которыя или вовсе ускользнули отъ Русскаго, или переданы имъ съ недостаточною полнотою. Во всѣхъ-же случаяхъ, гдѣ оба разсказа почти совпадаютъ между собою, мы ограничиваемся только краткимъ указаніемъ, чтобъ не заставить читателя дважды перечитывать одно и тоже. Къ сожалѣнію намъ не предоставлено прàва напечатать вполнѣ всѣ имѣющіяся у насъ бумаги, но дозволено сдѣлать подробныя извлеченія, чѣмъ мы и пользуемся въ возможно-обширномъ размѣрѣ. Мы принимаемъ при этомъ на себя *полную* отвѣтсвенность за вѣрность передачи разсказа и надѣемся, что лица имѣющія право на полное печатаніе документовъ, изъ которыхъ мы беремъ наши свѣдѣнія, со временемъ подѣлятся ими съ читающею публикою [2]).

Вотъ въ кратцѣ разсказъ Персіанина.

Разскащикъ былъ назначенъ секретаремъ къ михмандарю, избранному Аббасомъ-Мирзой для сопровожденія Русской миссіи изъ Тавриза въ Тегеранъ. Первоначально избранный въ михмандари *Мирза-Муса-Хана* отказался, и выбранъ былъ Назаръ-Али-Ханъ. Персидская свита выѣхала изъ Тавриза черезъ два дня послѣ Грибоѣдова и когда догнала его, то оказалось, что михмандарь Грибоѣдовымъ былъ встрѣченъ сухо, и это по мнѣнію Персіянина произошло отъ замѣны болѣе важнаго по своему положенію Мирзы-Мусы-Хана. За Грибоѣдовымъ слѣдовали: гг. Мальцовъ и Аделунгъ—секретари посольства; медикъ, Мурза Нариманъ, переводчикъ Армянскаго языка; Грузинскій князь Дадашъ-бекъ (Дадашевъ) и Рустемъ-

[1]) Чтобъ напомнить о *служебной* дѣятельности Грибоѣдова, для краткости, мы приводимъ послужной его списокъ за 1829 г. съ подлиннаго документа, не являвшагося въ печати.

„Статскій совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Грибоѣдовъ отъ роду имѣетъ 39 лѣтъ. Полномочный министръ при Персидскомъ дворѣ. Изъ дворянъ. За матерью его состоитъ въ разныхъ губерніяхъ 1000 душъ. По выпускѣ изъ императорскаго Московскаго университета кандидатомъ правъ 12-го класса, вступилъ въ службу въ формированный графомъ Салтыковымъ Московскій гусарскій полкъ корнетомъ 1812 г. Іюля 26. По расформированіи онаго, поступилъ въ Иркутскій гусарскій полкъ тѣмъ-же чиномъ, того-же года, Декабря 7. Изъ онаго полка, вслѣдствіе прошенія его, высочайшимъ приказомъ уволенъ отъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ съ прежнимъ статскимъ чиномъ 1816 г. Марта 25-го. Опредѣленъ въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ, губернскимъ секретаремъ 1817 г. Іюля 9. Произведенъ въ переводчики того-же года, Декабря 31. Опредѣленъ секретаремъ къ Персидской миссіи 1818 г. (вмѣсто мѣсяца и числа поставлена черта). Пожалованъ въ титулярные совѣтники того-же года, Іюля 17. Произведенъ въ коллежскіе ассесоры высочайшимъ указомъ 1822 г. Января 3. Получилъ дозволеніе носить орденъ Льва и Солнца 2-й степени, Марта 10. Выбылъ изъ миссіи Персидской и по высочайшему повелѣнію опредѣленъ по дипломатической части къ г. главноуправляющему въ Грузіи, Февраля 19. Уволенъ по дипломатическимъ дѣламъ въ Москву и Петербургъ на 4 мѣсяца — 1823 г. Марта 5. Съ высочайшаго соизволенія, по представленію генерала Ермолова, отпущенъ заграницу къ минеральнымъ водамъ до излеченія – 1824 г. Мая 1. По высочайшему повелѣнію, объявленному начальникомъ главнаго штаба, произведенъ въ надворные совѣтники 1826 г. Іюня 8. По представленію генерала Паскевича, всемилостивѣйше произведенъ въ коллежскіе совѣтники — 1827 г. Декабря 6. Награжденъ чиномъ статскаго совѣтника, орденомъ Св. Анны 2-й степени съ

бекъ, начальники прислуги (впрочемъ Дадашевъ не ѣхалъ вмѣстѣ, ибо въ это время еще находился въ Рештѣ), 16 казаковъ и 30 чел. прислуги изъ Магометанъ, Русскихъ, Грузинъ и Армянъ. Строгаго надзора за прислугой не было, и въ особенности Грузины и Армяне раздражали Персидскую свиту своимъ поведеніемъ.

Хозяйственною частью посольства завѣдывалъ Рустемъ-бекъ, который и получалъ отъ Персіянъ на ежедневное продовольствіе посольства натурою все, начиная съ быка, теленка и пяти барановъ до виноградныхъ выжимокъ и угольевъ, всего на сумму до 75 червонцевъ въ день. Конечно, вся провизія собиралась Персіянами натурою-же съ народа, при проѣздѣ, и разныхъ обозначенныхъ въ спискѣ припасовъ въ иной деревушкѣ вовсе нельзя было достать. Въ такихъ случаяхъ Рустемъ-бекъ требовалъ деньгами и во весь путь до Тегерана собралъ болѣе 200 черв. Персіяне были крайне недовольны этимъ, тѣмъ болѣе, что полагали будто это дѣлается съ вѣдома Грибоѣдова; а Грибоѣдовъ узналъ объ этомъ уже близъ Тегерана, когда въ одномъ селеніи Рустемъ-бекъ *прибилъ* старика, который давалъ ему 9 черв. вмѣсто требуемыхъ 14. Грибоѣдовъ тогда-же не велѣлъ собирать денегъ и обѣщалъ возвратить на обратномъ пути все, взятое Рустемомъ; но его самого все таки оставилъ при себѣ по прежнему.

Во всѣхъ городахъ на пути своемъ посольство было встрѣчаемо съ особымъ почетомъ. Высшіе начальники съ свитою сами выходили или выѣзжали на встрѣчу и подносили обыкновенно болѣе или менѣе цѣнные подарки. Грибоѣдовъ съ своей стороны никому никакихъ *подарковъ не дѣлалъ* и давалъ только по 1 или по 2 черв. хозяину дома, гдѣ останавливался. Погода была дурная, снѣгъ глубокъ, дороги плохи; а между тѣмъ онъ спѣшилъ, не давая отдыха свитѣ, такъ-что Персіянинъ замѣчаетъ, что онъ никогда не забудетъ того, чтó они вытерпѣли при переѣздахъ и какимъ опасностямъ подвергались. Лошади также были утомлены, такъ-что неоднократно забирали новыхъ у жителей или *отнимали* у проѣзжихъ (и разумѣется даромъ).

Въ Казвинѣ едва не случилось непріятностей, могшихъ имѣть дурныя послѣдствія. Грибоѣдовъ, встрѣченный депутаціей, съ министромъ Мирзой-Набби-Ханомъ во главѣ, съ начальниками военныхъ отрядовъ и пр., былъ у него на обѣдѣ, а между тѣмъ въ это время Рустемъ-бекъ, узнавъ, что одинъ изъ слугъ послѣдняго Эриванскаго губернатора изъ Персіянъ привезъ оттуда молоденькую Нѣмку [3]),

---

алмазными знаками и 4000 р., 1828 г. Марта 14. Назначенъ полномочнымъ министромъ при дворѣ Персидскомъ—1828 г. Апрѣля 25". Потомъ добавлено: „Во время смятенія, происшедшаго въ Тегеранѣ, лишился жизни 1829 г. Января 31." Въ формулярѣ онъ обозначенъ „холостымъ".

Замѣтимъ, что „объявленное начальникомъ штаба", производство Грибоѣдова послѣдовало вслѣдствіе того, что онъ, по подозрѣнію въ участіи въ заговорѣ „декабристовъ", былъ арестованъ, привезенъ въ Петербургъ и содержался въ крѣпости 4 мѣсяца, какъ объ этомъ подробно разсказано въ статьѣ Д. А. Смирнова, напечатанной во 2-мъ выпускѣ „Бесѣдъ въ обществѣ любителей Росс. Слов." (М. 1868 г.). Но Грибоѣдовъ оказался неприкосновеннымъ къ дѣлу, почему и былъ выпущенъ изъ крѣпости съ награжденіемъ чиномъ. Смирновъ, не приводя впрочемъ текста, упоминаетъ и объ экспромтѣ, сказанномъ Грибоѣдовымъ по случаю этого ареста:

По духу времени и вкусу,
Я ненавижу слово рабъ.
Меня и взяли въ Главный Штабъ
И потянули къ Іисусу. П. Е.

[3]) Не эта ли единственная Нѣмка во всей Грибоѣдовской исторіи, съ которой происшествіе не имѣло никакихъ послѣдствій, яви-

сталъ ее требовать, а узнавъ, что она продана одному сеиду (потомку Пророка), родственнику начальника духовныхъ коллегій, и не смотря на то, что она уже была женою этого сеида и имѣла двухъ дѣтей, явился къ нему съ казаками, вытащилъ на площадь и *велѣлъ бить палками*, требуя освобожденія женщины. Народъ взволновался, но Мирза-Набби, передъ домомъ котораго происходила экзекуція, успѣлъ ее остановить, уговорилъ сеида привести жену съ дѣтьми и сказалъ о томъ Грибоѣдову; а онъ, узнавъ о нежеланіи Нѣмки возвратиться въ Грузію, отпустилъ ее къ мужу. Впрочемъ, на другой день Русскимъ удалось возвратить одну 7-лѣтнюю дѣвочку, не смотря на упорство Персіянъ. Для дальнѣйшаго-же разыскиванія Русскихъ плѣнныхъ, Мирза-Набби далъ въ распоряженіе Грибоѣдова нѣсколько Персидскихъ офицеровъ.

Нельзя не согласиться, что все изложенное не могло не повлiять на Персіянъ съ дурной стороны. Поборы съ народа, подарки на его-же счетъ отъ высшихъ властей, утомленіе Персидской свиты быстрою ѣздою, самоволье и вымогательства прислуги, отобраніе плѣнныхъ, битье Персіянъ и палочная экзекуція, а съ другой стороны—отсутствіе подарковъ отъ самого посланника, все это, вѣроятно, возбуждало неудовольствіе населенія и властей, и молва объ этомъ навѣрное дошла до Тегерана еще до пріѣзда Грибоѣдова, а потомъ была подтверждена и, можетъ быть съ преувеличеніями, сопровождавшею его Персидскою свитою.

Миссія приблизилась къ Тегерану въ злополучное по мнѣнію Персіянъ время, ибо солнце было въ созвѣздіи Скорпіона. Она была встрѣчена далеко за городомъ военными отрядами и почетнѣйшими жителями съ высшими сановниками во главѣ. Посольство остановилось въ домѣ умершаго Мухаммедъ-Хана-Зембурекчи-Баши[4]), и племянникъ министра иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ михмандаремъ. Ко входу былъ поставленъ почетный караулъ въ 80 чел., и для услуги посланника отряжено 15 шахскихъ феррашей[5]). Прежній михмандарь съ свитою также помѣстился вмѣстѣ съ посольствомъ. На другой день Грибоѣдовъ посѣтилъ министра иностранныхъ дѣлъ и еще троихъ сановниковъ, равныхъ первому по должностямъ, а черезъ день назначена была аудіенція у шаха. Посланническій поѣздъ отличался особой пышностью, и всѣмъ Персіянамъ велѣно было на пути привѣтствовать посланника по-европейски, снимая шапки. Но уже первая аудіенція не прошла безъ легкаго неудовольствія. Грибоѣдовъ просидѣлъ почти часъ передъ шахомъ, возсѣдавшимъ въ коронѣ и тяжелой одеждѣ, унизанной драгоцѣнными камнями, такъ-что тотъ былъ очень утомленъ такимъ долгимъ визитомъ. Грибоѣдовъ тогда же хотѣлъ посѣтить и принца, но получилъ отказъ, потому что не было испрошено разрѣшенія шаха. Тогда онъ отправился къ *Эминъ-ед-Даулету*, котораго *считалъ* первымъ министромъ, и только дня черезъ два-три отправился къ министру иностранныхъ дѣлъ; при этомъ Персіяне нашли *страннымъ*, что посланникъ не хочетъ войти въ сношеніе съ верховнымъ министромъ *Мотемидъ-ед-Даулетомъ*, всѣми уважаемымъ и важ-

---

лась у г. Берга подъ именемъ „толстыхъ, рыжихъ Нѣмокъ", имѣвшихъ важное вліяніе на судьбу посольства? П. Е.

[4]) Начальникъ артиллеріи.

[5]) Служителей.

нымъ по званію, мѣсту и власти. Намѣстникъ, можетъ-быть тоже въ виду этихъ дипломатическихъ промаховъ Грибоѣдова, думалъ уклониться отъ свиданія съ нимъ, но Грибоѣдовъ *настоялъ* на своемъ желаніи.

Недѣли двѣ въ честь Грибоѣдова устраивались празднества, при чемъ особое соревнованіе оказывали тѣ лица, которыхъ Грибоѣдовъ посѣтилъ прежде другихъ, болѣе можетъ быть важныхъ. Персіянинъ однако замѣтилъ, что въ эти двѣ недѣли пиршествъ дружеское расположеніе съ обѣихъ сторонъ начало уже ослабѣвать.

Затѣмъ послѣдовала вторая аудіенція. Грибоѣдовъ вручилъ копію съ мирнаго договора и опять просидѣлъ очень долго, такъ что утомленный шахъ прекратилъ аудіенцію словомъ: «*мураххасъ*» (отпускъ). Грибоѣдовъ счелъ это обидою и оскорбленіемъ себѣ и обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ съ рѣзкой нотой о неумѣстности этого выраженія. Объясненіемъ министра онъ не удовлетворился, да и тотъ съ своей стороны замѣтилъ Грибоѣдову объ употребленіи имъ въ корреспонденціяхъ званія шаха безъ титуловъ. Возникли также споры по поводу трактата, многія статьи котораго показались стѣснительными шаху, хотя конечно Грибоѣдовъ не могъ ни уничтожить, ни измѣнить ихъ. Были еще и ссоры между Тегеранцами и людьми посланника, такъ напр. слуги одного Персіянина избили посольскаго слугу Александра, любимца и молочнаго брата Грибоѣдова; а у одного казака разбили на базарѣ бутылку съ водкой, за что виновный былъ строго наказанъ. На посольскую прислугу всѣ жаловались. Сначала Персіяне не допускали Армянъ и Грузинъ въ посольство, но потомъ они стали туда проникать больше и больше и завели сплетни.

Между тѣмъ и подарки, назначенные шаху, которымъ слѣдовало прибыть одновременно съ посольствомъ, не достигли еще до Тегерана, потому что сначала были задержаны почему-то въ Астрахани, а потомъ завезены не въ ту гавань, куда слѣдовало. Министры и шахъ не могли быть довольны такой невнимательностью. Не ожидая однако доставленія подарковъ, такъ-какъ трактатъ уже былъ ратификованъ, Грибоѣдовъ рѣшился возвратиться въ Тавризъ, оставивъ для поднесенія ихъ секретаря, г. Мальцова, и переводчика, Мирзу Наримана; а самъ — поднесъ шаху только 25 платинокъ и роздалъ еще 30 штукъ троимъ изъ министровъ.

Въ эти три недѣли пребыванія посольства въ Тегеранѣ, отношенія между обѣими сторонами сдѣлались очень неудовлетворительными. Кромѣ указанныхъ выше причинъ, особенное вліяніе на это имѣли истребованія посланникомъ Русскихъ подданныхъ, взятыхъ въ плѣнъ и нерѣдко проданныхъ въ другія руки и уже перепроданныхъ, особенно-же женщинъ, при чемъ владѣльцы конечно не получали никакого вознагражденія. Какъ на признакъ того, что неудовольствіе высшаго Персидскаго правительства на посланника сдѣлалось извѣстнымъ чуть-ли не всему городу, Персіянинъ указываетъ на то, что одинъ изъ офицеровъ не продалъ г. Мальцову сторгованную лошадь, «опасаясь немилости шаха».

День отъѣзда посольства уже былъ назначенъ, и шахъ прислалъ Грибоѣдову орденъ Льва и Солнца 1-й ст., ордена для секретарей и богатые подарки посланнику и всей свитѣ, да-

же казакамъ серебряныя медали. На другой день была прощальная аудіенція, въ которой однако шахъ опять употребилъ слова «мураххасъ». Замѣчено было также, что ему непріятно слишкомъ развязное обращеніе Грибоѣдова въ его присутствіи и упорство сидѣть передъ Его Величествомъ.

Вечеромъ того-же дня случилось событіе, имѣвшее гибельное вліяніе на участь посольства. Главный евнухъ шаха, Мирза-Якубъ, явился въ посольскій домъ и заявилъ, что онъ желаетъ возвратиться на родину въ Эривань. Грибоѣдовъ отказался принять его, какъ пришедшаго воровски, ночью; но Мирза-Якубъ явился утромъ на другой день и былъ оставленъ. Онъ пользовался довѣріемъ и милостями шаха, занималъ должность казначея и главнаго хранителя всѣхъ сокровищъ и богатствъ гарема и зналъ самыя сокровенныя его тайны, такъ что надо было полагать, что шахъ употребитъ всевозможныя средства, чтобъ не выпустить такого человѣка. Персіяне, съ своей стороны, хотя и сознавали, что въ силу мирнаго трактата Грибоѣдовъ имѣетъ право принять Якуба подъ свое покровительство, но никакъ не могли сообразить, чтобъ онъ рѣшился до крайности оскорбить и унизить гордость царя царей, который и безъ того уже перенесъ много униженій, вслѣдствіе неудачной войны. Подозрѣвали даже, что Якубъ переманенъ именно съ намѣреніемъ, чтобы вывѣдать отъ него о богатствахъ, драгоцѣнностяхъ и тайнахъ Персидскаго правительства.

Министры и главный начальникъ евнуховъ Манучаръ-Ханъ, тотчасъ-же письменно потребовали выдачи Якуба. Онъ самъ съ начала было поколебался и, повидавшись (въ присутствіи г. Мальцова и переводчика) съ своимъ начальникомъ, хотѣлъ остаться въ Тегеранѣ, но вечеромъ опять пришелъ изъ своей квартиры въ посольство.

На другой день домъ его былъ описанъ и запечатанъ, а Грибоѣдову сообщено, что Якубъ не отдалъ отчета въ 30 или 40 тыс. тумановъ. Одинъ изъ посольскихъ людей, Рустемъ-бекъ, хотѣлъ взять вещи изъ квартиры Якуба, сорвалъ печати и велѣлъ начать перевозку, но явилась стража и не допустила до этого. Якубъ былъ отправленъ къ начальнику евнуховъ для отвѣта, съ г. Мальцовымъ и переводчикомъ, при чемъ гаремные слуги, во внутреннихъ дворахъ, осыпàли его бранью и плевали на него; пострадала даже одежда переводчика. Якубъ сказалъ начальнику своему, что обвиненіе противъ него — клевета и подлость. Едва успѣли его увести обратно въ посольство. Грибоѣдовъ пришелъ въ негодованіе, отнеся дурное обращеніе слугъ съ Якубомъ прямо на свой счетъ, и михмандарь тщетно успокоивалъ его. Черезъ два дня назначена была частная аудіенція у шаха, изъ которой однако ничего не вышло. Обвиненіе противъ Якуба рѣшено было отдать на разсмотрѣніе суда подъ предсѣдательствомъ верховнаго муллы; но Якубъ заявлялъ, что разсмотрѣніе это будетъ пристрастно и между тѣмъ, не стѣсняясь, началъ разсказывать самыя интимныя вещи о жизни шаха, о гаремныхъ приключеніяхъ и даже «вонзилъ жало своего осужденія въ святость духовнаго сана». Въ это время Грибоѣдову сообщено было, что шахъ отмѣняетъ своѐ согласіе на то, чтобъ г. Мальцовъ и переводчикъ оставались въ Тегеранѣ послѣ отъѣзда посланника, во избѣжаніе столк-

новеній, могущихъ быть «отъ ихъ не опытности въ дѣлахъ».

25 Января Мирза-Якубъ, въ сопровожденіи г. Мальцова и Мирзы-Наримана, былъ отправленъ къ верховному муллѣ. Ждали цѣлый часъ, но «по нездоровью» муллы не были приняты, тогда какъ, собственно говоря, онъ опасался увлечься негодованіемъ и боялся подать поводъ собравшемуся народу къ убійству Якуба. А этотъ, между тѣмъ, указалъ еще нѣсколько плѣнницъ, содержавшихся въ гаремахъ, особенно у сына послѣдняго правителя Эривани, который двухъ невольницъ уступилъ Али-Яръ-Хану, бывшему первому министру. Этотъ послѣдній, пользовавшійся расположеніемъ Грибоѣдова, въ бытность свою плѣнникомъ въ Тавризѣ, дозволилъ спросить ихъ о желаніи возвратиться на родину. Для спроса были посланы Рустемъ-бекъ съ помощникомъ начальника шахской стражи, нѣкоторыя лица изъ свиты посланника, и къ нимъ примѣшалось нѣсколько Армянъ, чтобы выручить своихъ родственницъ. Имъ вывели молодую женщину и 13-лѣтнюю дѣвочку, которыхъ никто не призналъ за своихъ родныхъ, а онѣ не изъявили желанія возвратиться. Али-Яръ-Ханъ, съ своей стороны, въ свидѣтели опроса пригласилъ нѣкоторыхъ почтенныхъ согражданъ, а вечеромъ даже предупредилъ Грибоѣдова противъ вѣроятнаго доноса отъ Рустемъ-Бека, громко заявившаго, что вытребуетъ дѣвочку во-чтобы то-ни-стало. Не смотря на это, на другой же день Рустемъ-бекъ явился къ Али-Яръ-Хану съ письменнымъ требованіемъ присылки плѣнницъ въ посольство, для личнаго убѣжденія Грибоѣдова. Онѣ были приведены въ сопровожденіи жениха дѣвицы и нѣсколькихъ слугъ; мужчины не были допущены во дворъ посольства, а женщины, хотя сначала и изъявили желаніе остаться въ Тегеранѣ, но потомъ уступили предложенію Рустема: остаться на день или на два въ посольскомъ домѣ (вѣроятно, чтобъ обдумать свое рѣшеніе). Онѣ были отданы на попеченіе Якуба; слуги Али-Яръ-Хана возстали было противъ этого, однако удалились. Женщины эти, спустя два дня, согласились воротиться на родину.

По понятіямъ Персіянъ, бывшихъ при посольствѣ, освобожденіе этихъ плѣнницъ могло произвести ужасныя послѣдствія, почему михмандарь, не скрывая своего опасенія, просилъ Грибоѣдова отпустить ихъ, но—безуспѣшно. Также тщетны остались двухдневныя старанія шахскаго секретаря и министра иностранныхъ дѣлъ относительно этого дѣла и выдачи Мирзы-Якуба.

Отъѣздъ посольства былъ назначенъ на 31 Января, а 29-го женщины были отправлены въ баню, въ одномъ изъ отдѣленій посольства. Это было «верхомъ безразсудства», замѣчаетъ Персіянинъ. Слуги Али-Яръ-Хана старались похитить ихъ при возвращеніи изъ бани. Грибоѣдовъ объ этомъ произшествіи узналъ только по поднявшемуся шуму и сдѣлалъ выговоръ своимъ людямъ, ставившимъ его въ болѣе и болѣе опасное положеніе. Между тѣмъ, по всему Тегерану уже были разнесены самые неблаговидные слухи о немъ, и вечеромъ всѣ муллы собраны были въ одну изъ мечетей, подъ предсѣдательствомъ ихъ верховнаго главы. Они рѣшили, что всякому терпѣнію есть предѣлы, что религіи нанесено оскорбленіе, шахъ явно униженъ и самыя священныя права попраны. Къ намѣстнику, Али-

Шаху, была отправлена депутація, съ предупрежденіемъ, что ежели Мирза-Якубъ и женщины не будутъ выданы, то народъ возметъ ихъ силою. Онъ просилъ воздержаться до рѣшенія посланника.

О собраніи муллъ Персіянинъ сообщилъ Мирзѣ-Нариману, но онъ только посмѣялся. Во вторникъ-же 29 Января верховный министръ пожелалъ видѣться съ Грибоѣдовымъ, чтобъ «воспрепятствовать разрыву двухъ государствъ и спасти отъ смерти нѣсколькихъ честныхъ людей».

Въ среду, 30 Января, на разсвѣтѣ, михмандарь и Мирза-Нариманъ получили приглашеніе немедленно, по весьма важному дѣлу, явиться къ намѣстнику; но Грибоѣдовъ еще спалъ, и только часа черезъ два мирза могъ получить отъ него инструкцію. Поэтому михмандарь отправился прежде него. Еще рано утромъ, у главной мечети было значительное скопище народа, и въ ней снова собрались муллы, которые и приказали запереть на базарѣ всѣ лавки и всѣмъ правовѣрнымъ идти къ Русскому посольству требовать выдачи Мирзы-Якуба и женщинъ. Двое Грузинскихъ торговцевъ бросились предупредить объ этомъ посланника; и въ тоже время главный начальникъ евнуховъ Манучаръ-Ханъ, по приказанію самаго шаха, послалъ племянника своего, Мирзу-Селлимана (кн. Соломонъ Меликовъ) извѣстить Грибоѣдова о положеніи дѣла и просить отказаться отъ защиты укрываемыхъ.

Толпа въ 400 — 500 чел., въ предшествіи уличныхъ мальчишекъ, съ палками и шпагами, бросилась отъ мечети къ посольству, такъ-что Мирза-Селлиманъ съ трудомъ и уже не во̀время успѣлъ опередить ихъ, а Мирза-Нариманъ не успѣлъ отправиться къ намѣстнику, по его утреннему приглашенію. Каменья посыпались на посольскій дворъ, и вокругъ раздавались неистовые крики толпы, но въ средѣ посольства разсказщикъ не замѣтилъ твердой воли храбро защищать свою жизнь и присутствія духа къ устраненію опасности; т.-е. надо было принять рѣшительныя мѣры къ оборонѣ или выдать укрывшихся, но ни того, ни другаго сдѣлано не было.

Помѣщеніе, которое занималъ Грибоѣдовъ въ посольскомъ домѣ, состояло изъ большой гостиной съ передними комнатами на концахъ и двумя небольшими особыми отдѣленіями; оно сообщалось крышами и дворами съ помѣщеніемъ Мирзы-Якуба, бывшимъ ближе ко входу. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ и, когда чернь ворвалась во дворъ, то послышалось приказаніе одного мирзы, старавшагося утишить мятежъ, чтобъ схватили Якуба и шли назадъ. Мирза-Якубъ тотчасъ же палъ, пораженный кинжалами, а слуги Али-Яръ-Хана овладѣли женщинами. Въ это время были убиты Дадашевъ, казакъ и двое слугъ; они, защищаясь, убили двоихъ или троихъ Персіянъ, тѣла которыхъ и были отнесены въ мечеть, что̀ еще болѣе возбудило народъ.

Во время нападенія, въ комнатѣ съ Грибоѣдовымъ находились Аделунгъ, докторъ, Грузинскій князь (Меликовъ), родственникъ жены посланника, Мирза-Нариманъ, двое Грузинскихъ купцовъ, Рустемъ-бекъ, Магометъ-Али, Ферашъ-баши и порядочное число прислуги; казаки были на дворѣ и въ сосѣднихъ комнатахъ, гдѣ былъ и разсказщикъ. Сюда-то, въ промежуткѣ, когда чернь повлекла по городу тѣло Мирзы-Якуба, явился торговецъ-кондиторъ, чтобъ спасти Мирзу-Селлимана (Меликова), у дя-

ди котораго онъ прежде служилъ, и предложилъ также безопасный пріютъ посланнику; но Грибоѣдовъ отказался—или чтобъ не оставлять своихъ во время опасности, или вовсе ея не предчувствуя: ибо вообще не разсчитывали на вторичное нападеніе, хотя казаки и слуги и сдѣлали нѣкоторыя приготовленія къ защитѣ.

Часа черезъ полтора явилась опять толпа, гораздо значительнѣйшая и уже съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, и среди нея замѣтны были солдаты. Опять раздались неистовые крики и посыпалась куча камней, такъ-что осажденные укрылись въ комнату (спальную) выходившую во дворъ. Напрасно Грибоѣдовъ старался обратиться къ народу; также не принесли пользы и выстрѣлы, сдѣланные казаками, по его приказанію, холостыми зарядами. Казаки защищались храбро; одинъ изъ курьеровъ, Хачатуръ, бросился на осаждавшихъ со шпагой, сбилъ двоихъ съ ногъ, заставилъ отступить нѣсколькихъ, поднялся по лѣстницѣ, чтобъ прогнать помѣстившихся на стѣнахъ и, не боясь камней, смѣло бросался впередъ, пока не переломилась шпага и его не разтерзали на части. Первые натиски Персіянъ, вообще, были отбиты, дворъ отчасти даже былъ очищенъ, но помѣстившіеся по стѣнамъ продолжали стрѣлять и бросать каменья и кирпичи. Персидская стража разсѣялась при самомъ началѣ дѣла, безъ малѣйшаго усилія къ защитѣ; однако продолжительность осады давала надежду, что шахъ успѣетъ прислать войско на помощь. Осаждавшіе пробили, наконецъ, крышу и начали оттуда стрѣльбу. Первыя пули поразили молочнаго брата Грибоѣдова, который съ сердечнымъ сокрушеніемъ вскрикнулъ: «Посмотрите, посмотрите! злодѣи, они убили Александра!» Пока осажденные успѣли перебѣжать въ гостиную, было убито еще двое. Грибоѣдовъ, сложа руки на груди, медленными шагами прохаживался взадъ и впередъ и, по временамъ, запускалъ руки въ волосы; его лицо было покрыто кровью отъ удара камнемъ въ правую сторону головы. «Видно, они хотятъ насъ убить, мирза!» сказалъ онъ Персіянину-разкащику, который отвѣчалъ только утвердительнымъ знакомъ. Потомъ онъ слышалъ восклицаніе посланника: «Фетхъ-Али-Шахъ! Фетхъ-Али-Шахъ...» (слова, неудобныя для печати).

Въ это время, медикъ, бывшій при посольствѣ и съ начала дѣла оказавшій особое присутствіе духа, не видя средства къ спасенію, съ коротенькой шпагой устремился на толпу и оттѣснилъ многихъ; когда-же сабельнымъ ударомъ отрубили ему лѣвую руку, то онъ вбѣжалъ въ ближайшую комнату, оторвалъ часть занавѣски, обвернулъ ею раненую руку и смѣло выпрыгнулъ въ окно, но погибъ подъ градомъ камней. Еще 4 или 5 челов. были убиты, остальные же рѣшились укрыться въ отдаленныхъ комнатахъ; но Мирза- Селлиманъ и Мирза-Нариманъ погибли во время перехода, и почти всѣ казаки уже были истреблены. Нападавшіе старались проникнуть и въ это убѣжище; тогда разскащикъ, отмахиваясь саблею, бросился въ толпу и замѣшался въ ней какъ-бы свой. Съ толпою онъ опять былъ отброшенъ въ комнату, гдѣ и насчиталъ 17 мертвыхъ тѣлъ своихъ товарищей. Грибоѣдовъ былъ пораженъ нѣсколькими сабельными ударами въ лѣвую сторону груди, подлѣ-же него умиралъ казацкій урядникъ, до послѣд-

ней минуты заслонявшій его своимъ тѣломъ.

Перибивъ всѣхъ, чернь предалась грабежу. Мертвыхъ раздѣли до-гола и поволокли во дворъ, гдѣ ругались надъ трупами, громоздя отвратительныя пирамиды.

Было за полдень, когда разскащикъ добрался до своей квартиры при началѣ посольскаго помѣщенія. Тамъ жили только мусульмане, бывшіе при посольствѣ и, поэтому, все отдѣленіе не подверглось никакому насилію. Тамъ-то спасся и г. Мальцовъ, отрѣзанный толпою отъ своихъ товарищей при самомъ началѣ нападенія. Деньгами и обѣщаніями ему удалось убѣдить отрядъ Персидской стражи взять его подъ свою охрану. Какъ только утишился мятежъ, послали сказать Али-Шаху о его спасеніи, и намѣстникъ выслалъ пѣхотную роту, какъ-бы для охраненія мусульманъ, а при наступленіи ночи г. Мальцевъ, одѣтый въ Персидскій мундиръ и помѣщенный въ задніе ряды солдатъ, прибылъ во дворецъ шаха.

Разскащикъ прибавляетъ, что, по приказанію шаха, при началѣ возмущенія, сдѣланы были покушенія къ его прекращенію, но все было тщетно. Не помогло даже личное вмѣшательство Али-Шаха (намѣстника), и чернь даже грозила ему и самому шаху. Трупъ Мирзы-Якуба таскали по всему городу и бросили въ ровъ. У Персіянъ было убито отъ 26 до 27 человѣкъ; Русскихъ-же при посольствѣ погибло 42 человѣка. Послѣ долгихъ розысканій, передъ окнами квартиры Грибоѣдова, въ грудѣ труповъ отыскали и его тѣло, которому «не было нанесено поруганія». На другой день его отпѣли въ Армянской церви, а прочихъ похоронили въ общей могилѣ за городомъ.

Таковъ разсказъ Персіянина, а вотъ и Русскій разсказъ, современный самому событію и составленный 20 Марта 1829 года по подлиннымъ достовѣрнымъ источникамъ.

«Въ Тегеранѣ посланникъ нашъ былъ принятъ съ такими почестями, которыхъ никогда не оказывали въ Персіи ни одному Европейцу. Послѣ первой аудіенціи у шаха, при которой соблюдены были всѣ постановленія существующаго церемоніала, и великолѣпныхъ угощеній, дѣланныхъ намъ, по приказанію шаха, тамошними вельможами, посланникъ имѣлъ приватную аудіенцію у Его Величества. Шахъ обошелся съ нимъ чрезвычайно ласково, говорилъ ему: «вы мой елинъ, мой визирь, всѣ визири мои ваши слуги, во всѣхъ дѣлахъ вашихъ прямо адресуйтесь къ шаху; шахъ ни въ чемъ вамъ не откажетъ», и подобныя вѣжливости, на которыя Персіяне щедры въ обратной пропорціи скупости своей на все прочее. Все что̀ посланникъ требовалъ было безъ отлагательства исполнено, а именно послѣдовалъ строжайшій фирманъ на имя Яхъя-Мирзы, воспрещающій въ Рештѣ всѣ притѣсненія, дѣлаемыя тамъ нашимъ промышленникамъ, и таковый же на имя Казбинскаго шахзады, повелѣвающій освободить находящихся тамъ плѣнныхъ, въ домѣ бывшаго сардаря Эриванскаго Гуссейнъ-Хана. Шахъ прислалъ посланнику орденъ Льва и Солнца 1-й степени, а прочимъ чиновникамъ, въ томъ числѣ и *г. Мальцову*, тотъ же орденъ 2-й степени. Посланникъ сбирался ѣхать въ Табризъ, а для сношеній съ министерствомъ шаха и для представленія Его Величеству подарковъ отъ нашего Двора оставлялъ *г. Мальцова* въ Тегеранѣ. Онъ имѣлъ прощальную

аудіенцію у шаха, лошади и карета были готовы къ отъѣзду, какъ вдругъ неожиданный случай далъ дѣламъ нашимъ совсѣмъ иной оборотъ, и посѣялъ сѣмя бѣдственнаго раздора съ Персидскимъ правительствомъ.

«Нѣкто Ходжа-Мирза-Ягубъ, служившій болѣе 15-ти лѣтъ при гаремѣ Шаха, подкупившій, какъ *надо полагать* переводчика нашего, штабсъ-капитана Шахназарова, пришелъ вечеромъ къ посланнику и объявилъ ему желаніе возвратиться въ Эривань, свое отечество. Посланникъ сказалъ ему, что ночью прибѣжища себѣ ищутъ только воры, что министръ Россійскаго Императора оказываетъ покровительство свое гласно на основаніи трактата, и что тѣ, которые имѣютъ до него дѣло, должны прибѣгать къ нему явно, днемъ, а не ночью. Мирза-Ягубъ былъ отосланъ съ ферашами въ домъ свой, съ увѣреніемъ, что Персіяне не осмѣлятся сдѣлать ему ни малѣйшаго оскорбленія. На другой день, онъ опять пришелъ къ посланнику съ тою же просьбою. Г. Грибоѣдовъ уговаривалъ его остаться въ Тегеранѣ, представлялъ ему, что онъ здѣсь занимаетъ второе мѣсто въ шахскомъ андерумѣ, и слѣдовательно важный человѣкъ, между тѣмъ какъ у насъ онъ ничего значить не можетъ; но усмотрѣвъ, что Мирза-Ягубъ пребываетъ неколебимымъ въ своемъ намѣреніи, онъ наконецъ принялъ его въ домъ миссіи, дабы вывезти съ собою въ Табризъ, а оттуда, на основаніи трактата, отправить въ Эривань; послалъ человѣка взять оставшееся въ домѣ Мирзы-Якуба имущество, но когда вещи были навьючены, пришли фераши Манучаръ-Хана, которые увели лошадей и катеровъ *) его къ своему господину. Шахъ разгнѣвался, весь дворъ возопилъ, какъ будто-бы случилось величайшее народное бѣдствіе. Въ день двадцать разъ приходили посланцы отъ шаха съ самыми нелѣпыми представленіями. Они говорили, что ходжа (евнухъ) тоже, что жена шахская, и что, слѣдовательно, посланникъ отнялъ жену у шаха, изъ его андерума. Г. Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что Мирза-Ягубъ, на основаніи трактата, теперь Русскій подданный, и что посланникъ Русскій не имѣетъ права выдать его, ни даже отказать ему въ своемъ покровительствѣ. Персіяне, видя, что они ничего не возмутъ убѣдительною своею логикою, прибѣгли къ другому средству: они взвели огромныя денежныя претензіи на Мирзу-Ягуба и сказали, что онъ обворовалъ казну шахскую, и потому отпущенъ быть не можетъ. Для приведенія въ ясность сего дѣла, Грибоѣдовъ отправилъ его вмѣстѣ съ переводчикомъ Шахназаровымъ къ Манучаръ-Хану. Комната была наполнена ходжами, которые ругали Мирзу-Ягуба и плевали ему въ лице. «Точно я виноватъ», сказалъ онъ Манучаръ-Хану, «что первый отхожу отъ шаха; но ты самъ скоро за мною послѣдуешь». Такимъ образомъ въ этотъ день кромѣ ругательства ничего не послѣдовало. Шаху угодно было, чтобы духовный судъ разобралъ дѣло; г. Грибоѣдовъ на это согласился и послалъ *г. Мальцова*, чтобы протестовать въ случаѣ противузаконнаго рѣшенія. Съ Мирзою-Ягубомъ и переводчикомъ пріѣхалъ *онъ* въ домъ шера (духовнаго суда), и объявилъ Манучаръ-Хану, что буде кто-либо позволитъ себѣ сдѣлать по прежнему

*) Муловъ.

какое нибудь ругательство въ его присутствіи, то онъ этого не стерпитъ, кончитъ переговоры, увезетъ съ собою Мирзу-Ягуба, и они болѣе его никогда не увидятъ; что *онъ* съ своей стороны *ручается* ему, что Мирза-Ягубъ также не скажетъ никому обиднаго слова. «Мирза-Ягубъ долженъ казначею шахскому нѣсколько тысячь тумановъ», сказалъ Манучаръ-Ханъ, «неужели теперь эти деньги должны пропасть?» *Г. Мальцовъ* отвѣчалъ ему, что Мирза-Ягубъ объявилъ посланнику, что онъ никому не долженъ здѣсь гроша, и что слѣдовательно должно представить законные документы, и что буде есть дѣйствительные векселя, то-есть засвидѣтельствованные въ свое время у гакима, онъ будетъ принужденъ удовлетворить Зурабъ-Хана. «Такихъ документовъ нѣтъ, но есть росписки и свидѣтели». «На основаніи трактата» сказалъ и тогда *г. Мальцовъ* «ваше высокостепенство, такія росписки и словесныя показанія, буде самъ должникъ не признаетъ ихъ справедливыми, въ денежныхъ дѣлахъ не имѣютъ никакой силы. Точно Мирза-Ягубъ получалъ деньги отъ Зурабъ-хана, но онъ былъ казначеемъ въ андерумѣ и имѣлъ отъ шаха различныя порученія, на каковыя и издерживалъ получаемыя деньги. Онъ говоритъ, что можетъ это доказать имѣвшимися въ его домѣ бумагами и росписками, но ваше высокостепенство послали людей своихъ, которые силою вторглись въ его домъ, когда онъ уже находился подъ покровительствомъ нашей миссіи, которые унесли его вещи, увели катеровъ и лошадей, можетъ быть и выкрали означенныя бумаги. Вамъ слѣдовало описать его вещи и бумаги въ присутствіи Русскаго чиновника, а не самовольно захватить все что̀ ни попало, и слѣдовательно вся отвѣтственность, за нарушеніе права Русскаго подданнаго, падаетъ на васъ. Какимъ образомъ судъ можетъ приступить къ справедливому рѣшенію, когда Зурабъ-Ханъ имѣетъ при себѣ документы, между тѣмъ какъ бумаги Мирзы-Ягуба у него отобраны, и можетъ быть теперь уже уничтожены». — «Хорошо», сказалъ Манучаръ-Ханъ, «но въ трактатѣ вовсе нѣтъ того, что̀ вы говорите;» и когда по приказанію *г. Мальцова* переводчикъ прочелъ нѣкоторыя отмѣченныя *имъ* статьи комерческой конвенціи, то всѣ присутствующіе остолбенѣли отъ удивленія. «Если такъ», сказалъ Манучаръ-Ханъ, «то духовнаго суда по этому дѣлу быть не можетъ; пусть останется какъ есть».

На другой день г. Грибоѣдовъ былъ у шаха и согласился на предложеніе Его Величества разобрать дѣло Мирзы-Ягуба съ мегтемидомъ и Мирзою Абуль-Гассанъ-Ханомъ; но сіе совѣщаніе отлагали со дня на день, до тѣхъ поръ, пока смерть посланника и Мирзы-Ягуба сдѣлала оное невозможнымъ».

«Между тѣмъ посланникъ прилагалъ неусыпное стараніе объ освобожденіи находившихся въ Тегеранѣ плѣнныхъ. Двѣ плѣнныя Армянки были приведены къ нему отъ Аллаяръ-Хана. Онъ допросилъ ихъ въ присутствіи *г. Мальцова* и когда онѣ объявили желаніе ѣхать въ свое отечество, то онъ оставилъ ихъ въ домѣ миссіи, дабы потомъ отправить по принадлежности; впрочемъ это обстоятельство такъ маловажно, что объ ономъ распространяться болѣе нечего. Съ Персидскимъ министерствомъ объ сихъ женщинахъ не было говорено ни слова, и только послѣ смерти посланника начали объ нихъ толковать. *Г. Мальцовъ* это

представилъ въ Тебризѣ каймакаму, утверждавшему, что женщины были главною причиною убіенія посланника: «Ваше высокостепенство, сказалъ онъ ему, имѣете въ рукахъ своихъ всю переписку посланника съ Тегеранскимъ министерствомъ; тамъ много говорено о Ходжѣ-Мирзѣ-Ягубѣ, но есть-ли хоть одно слово о женщинахъ?» — «Точно объ женщинахъ нигдѣ не упоминается, но онѣ удержаны были вами насильственно противъ своей воли.» — «Смѣю увѣрить ваше высокостепенство, отвѣчалъ ему *Мальцовъ*, что при мнѣ объявили онѣ посланнику желаніе возвратиться въ свое отечество; а лучшимъ доказательствомъ, что посланникъ никогда не бралъ тѣхъ, которыя не имѣли желанія отсюда ѣхать, можетъ служить происшествіе вамъ извѣстное, которому весь Казбинъ былъ свидѣтелемъ. Тамъ находились, въ домѣ однаго сеида, двѣ женщины, изъ коихъ одна Армянка, а другая Нѣмка изъ принадлежащихъ къ Тифлису колоній. Онѣ были приведены къ г. Грибоѣдову, и когда объявили желаніе оставаться въ Казбинѣ, то немедленно же были отосланы къ сеиду».

«Между тѣмъ дошло до свѣдѣнія муштегида Мирзы-Масси, что Мирза-Ягубъ ругаетъ мусульманскую вѣру. Какъ, говорилъ муштегидъ, этотъ человѣкъ двадцать лѣтъ былъ въ нашей вѣрѣ, читалъ наши книги и теперь поѣдетъ въ Россію и наругается надъ нашей вѣрою; онъ измѣнникъ, невѣрный и повиненъ смерти!» Также обѣ женщины доложили ему, что ихъ насильно удерживаютъ въ нашемъ домѣ и принуждаютъ будто бы отступиться отъ мусульманской вѣры. Мирза-Масси отправилъ ахунтовъ къ шахзадѣ Зилли-Султану (Али-Шаху); они сказали ему: «Не мы писали мирный договоръ съ Россіею и не потерпимъ, чтобы Русскіе разрушали нашу вѣру; доложите шаху, чтобы намъ непремѣнно возвратили плѣнныхъ, а не то мы сами расправимся». Зилли-Султанъ просилъ ихъ повременить, обѣщалъ обо всѣмъ донести шаху. Ахунты пошли домой и дорогой говорили народу: «Запирайте завтра базаръ и сбирайтесь въ мечетяхъ; тамъ услышите наше слово». — Наступило роковое 30 число Генваря; базаръ былъ запертъ, народъ съ самаго утра собрался въ мечети. «Идите въ домъ Русскаго посланника, сказали ахунты, отбирайте плѣнныхъ, убейте Мирзу-Ягуба и Рустама» — (Грузина, находящагося въ услуженіи у посланника.) Тысячи народа съ обнаженными кинжалами вторгнулись въ нашъ домъ и кидали каменья. *Находившійся въ помѣщеніи на первомъ посольскомъ дворѣ, г. Мальцовъ* видѣлъ, какъ въ это время пробѣжалъ черезъ дворъ коллежскій ассесоръ князь Соломонъ Меликовъ, посланный къ г. Грибоѣдову дядею своимъ Манучаръ-Ханомъ; народъ кидалъ въ него каменьями и вслѣдъ за нимъ помчался на второй и третій дворы, гдѣ находились плѣнные и посланникъ. Всѣ крышки были уставлены свирѣпствующею чернію, которая лютыми криками изъявляла радость и торжество свое. Караульные сарбазы наши не имѣли при себѣ зарядовъ, бросились за ружьями своими, которые складены были на чердакѣ и уже растащены народомъ; съ часъ казаки наши отстрѣливались. Между тѣмъ повсемѣстно началось кровопролитіе. Посланникъ, полагая сперва, что народъ желаетъ только отобрать плѣнныхъ, велѣлъ тремъ казакамъ, стоявшимъ у него на часахъ, выстрѣлить холостыми зарядами, и тогда только приказалъ заряжать пи-

столеты пулями, когда увидѣлъ, что на дворѣ начали рѣзать людей нашихъ. Около 15-ти человѣкъ, изъ чиновниковъ и прислуги, собрались въ комнатѣ посланника и мужественно защищались у дверей; пытавшіеся вторгнуться силою были изрублены шашками; но въ это самое время запылалъ потолокъ комнаты, служившей послѣднимъ убѣжищемъ Русскимъ; всѣ находившіеся тамъ были убиты низверженными сверху каменьями, ружейными выстрѣлами и кинжальными ударами ворвавшейся въ комнату черни. Начался грабежъ. Я видѣлъ, какъ Персіяне выносили на первый дворъ добычу и съ крикомъ и дракою дѣлили между собою. Деньги, *бумаги посольства*, *журналы*: все было разграблено. (Надо полагать, что всѣ бумаги и цыфирь наша находятся въ рукахъ Персидскаго министерства). Въ это время пришелъ присланный отъ шаха маіоръ Гадди-Бекъ съ сотнею сарбазовъ; но у сего вспомогательнаго войска не было патроновъ; оно имѣло приказаніе употреблять противъ вооруженной, свирѣпствовавшей черни одно краснорѣчіе, а не штыки и потому было спокойнымъ свидѣтелемъ неистовства. Также присланъ былъ визирь Мирза-Меммедчи-Али-Ханъ и сергенгъ. Увидѣвъ Сергенга, съ которымъ былъ довольно коротко знакомъ, *г. Мальцовъ* просилъ его къ себѣ. Онъ сказалъ *ему*, что посланникъ и всѣ чиновники миссіи убиты, что не понимаетъ, какъ могъ *онъ* спастися, приставилъ къ комнатѣ *его* караулъ и обѣщался вечеромъ посѣтить *его*. За часъ до захожденія солнца, когда уже въ разоренномъ домѣ нашемъ оставались одни только сарбазы, пришелъ шахской чиновникъ, который четыремъ стѣнамъ прочелъ громогласно фирманъ, повелѣвающій народу, подъ опасеніемъ шахскаго гнѣва, удалиться спокойно изъ нашего дома и воздержаться отъ всякаго безчинства. Въ 9 часовъ вечера присланъ былъ сергенгъ съ вооруженными куламами, нарядилъ *г. Мальцова* и людей *его* въ сарбазскія платья и повелъ во дворецъ Зилли-Султана.»

«Въ сей ужасный день убито 37 человѣкъ нашихъ и 69 Тегеранскихъ жителей».

*

«Представивъ краткое описаніе произшествія ужаснаго, безпримѣрнаго въ дипломатическихъ лѣтописяхъ, надобно разрѣшить вопросъ, былъ-ли посланникъ предувѣдомленъ объ угрожавшей *посольству* опасности или нѣтъ?.. Даже наканунѣ того дня, онъ не говорилъ ни слова объ этомъ; никто изъ *посольства* ничего не зналъ; вотъ почему не были нисколько приготовлены къ нападенію; казаки наши находились въ особенномъ занимаемомъ ими домѣ, гдѣ и были зарѣзаны; да и всѣ прочіе не могли защищаться, находясь врозь по своимъ квартирамъ, не имѣя при себѣ ни ружія, ни зарядовъ въ исправности. — Нѣсколько дней послѣ смерти посланника, Мирза-Мехти, человѣкъ очень умный и уважаемый покойнымъ г. Грибоѣдовымъ, увѣрялъ *г. Мальцова*, что онъ за три дни увѣдомилъ его о томъ, что муллы возмущаютъ народъ противъ Русскихъ, и что для избѣжанія опасности должно немедленно выдать Мирзу-Ягуба; но посланникъ вѣроятно почелъ этотъ совѣтъ одною хитростію, острасткою, которою хотѣли у него выманить ходжу, и потому оставилъ безъ всякаго вниманія, въ увѣренности, что Персидское правительство, послѣ столь дорого купленнаго имъ мира съ Россіею, не будетъ смѣть оскорбить сію сильную державу въ

лицѣ ея посланника. Не зная ни Персидскаго, ни Татарскаго языка, *секретарь, оставшійся въ живыхъ*, могъ получить извѣстіе или отъ самаго посланника, или отъ переводчика нашего Шахназарова, который, по увѣренію Персіянъ, былъ подкупленъ Мирзою-Ягубомъ, принялъ отъ него нѣкоторые подарки и взялъ сверхъ того обѣщаніе, что ежели онъ вывезетъ благополучно Мирзу-Ягуба изъ Персіи, то получитъ отъ него за трудъ 500 червонцевъ. Вотъ почему не допускалъ онъ до *посольства* никакихъ слуховъ о томъ, что̀ приготовлялось въ городѣ; ибо зналъ, что немедленно бы увѣдомленъ былъ посланникъ, который, усмотрѣвъ невозможность держать долѣе Мирзу-Ягуба, можетъ-быть выдалъ бы его, отъ чего и пропали бы обѣщанные имъ 500 червонныхъ Шахназарову. Изъ одной ноты къ Мирзѣ-Абдулъ-Гасанъ-Хану, которую посланникъ велѣлъ *секретарю* написать вечеромъ, наканунѣ убіенія своего, должно заключить, что точно онъ не почиталъ себя въ совершенной безопасности. Шахъ былъ очень сердитъ на посланника, говорилъ ему: «Продолжайте, отымите у меня всѣхъ женъ моихъ. Шахъ будетъ молчать, но Наибъ-Султанъ ѣдетъ въ Петербургъ и будетъ на васъ лично жаловаться Императору». Въ вышеупомянутой нотѣ, въ сильныхъ выраженіяхъ, были изложены всѣ поступки г. Грибоѣдова, съ самаго пріѣзда его въ Персію; она заключалась между прочимъ слѣдующими словами: «Нижеподписавшійся, убѣдившись изъ недобросовѣстнаго поведенія Персидскаго правительства, что Русскіе подданные не могутъ пользоваться здѣсь не только должною пріязнію, но и даже личною безопасностію, выѣдетъ немедленно изъ Тегерана и испроситъ у великаго Государя своего всемилостивѣйшее позволеніе удалиться изъ Персіи въ Россійскіе предѣлы». На другой день утромъ ужаснымъ образомъ объяснились эти слова.

Единственный спасшійся чиновникъ посольства г. Мальцовъ обязанъ чудеснымъ спасеніемъ своимъ какъ необыкновенному счастію, такъ и тому, что не потерялся среди ужасовъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ. *Онъ* жилъ рядомъ съ Табризскимъ мегмендаремъ нашимъ Назаръ-Али-Ханомъ Авшарскимъ, на самомъ первомъ дворѣ; кромѣ *его* Русскихъ тамъ не было, а жили еще приставленный отъ шаха мегмандарь Мирза-Абуль-Гусейнъ-Ханъ и караульный султанъ. Когда народъ съ крикомъ, волною хлынулъ мимо оконъ *его*, *онъ* не могъ понять что̀ это значитъ, хотѣлъ броситься къ посланнику, но не успѣлъ дойти до дверей, какъ уже весь дворъ и крышки были усыпаны свирѣпствующею чернью. *Онъ* пошелъ въ балахане *) *свой*, и не прошло пяти минутъ, какъ уже рѣзали кинжалами передъ *его* глазами курьера нашего Хачатура. Между тѣмъ народъ бросился на второй и третій дворы; тамъ завязалась драка, началась перестрѣлка. Увидѣвъ, что многіе изъ Персіянъ не охотно идутъ впередъ, *г. Мальцовъ* далъ одному ферашу *своему* 200 червонцевъ и приказалъ раздать эти деньги благонадежнымъ, ему извѣстнымъ людямъ, сбирать ихъ къ *его* дверямъ, и говорить народу, что здѣсь квартира людей Назаръ-Али-Хана. *Онъ* видѣлъ, какъ между тѣмъ сарбазы и ферâши шахскіе спокойно прохаживались между народомъ и грабили

*) Не это ли указаніе г. Бергъ принялъ за фактъ бѣгства г. Мальцова въ красномъ *халатѣ* къ Армянину! *П. Е.*

находившіяся въ нижнихъ комнатахъ *его* вещи. *Онъ* сидѣлъ такимъ образомъ болѣе трехъ часовъ въ ежеминутномъ ожиданіи жестокой смерти *). Неоднократно народъ бросался къ дверямъ, но къ счастію былъ удерживаемъ подкупленными людьми, которые ограждали *его* именемъ Назаръ-Али-Хана; потомъ, когда уже начинало утихать неистовство, пришелъ сергенгъ и приставилъ караулъ къ *его* дверямъ. Ночью повели *его* во дворецъ. Большая часть *его* имущества была уже разграблена ферашами шахскими, остальныя вещи заперъ *онъ* въ яктаны и просилъ караульнаго султана приложить къ нимъ собственную свою печать, такъ-какъ *его* была уже украдена, что̀ и было исполнено; но султанъ ночью самъ выкралъ остальныя вещи и возвратилъ *потомъ* почти пустые яктаны. *Г. Мальцовъ* остался безъ переводчика, безъ гроша денегъ, съ одною рубашкою на тѣлѣ и безъ надежды на возвращеніе когда-либо въ свою границу. (Въ послѣдствіи, передъ выѣздомъ *его*, возвратили *ему* отчасти пропавшія у него деньги и вещи, и потребовали за то отъ него росписку, въ которой онъ долженъ былъ объявить себя вполнѣ удовлетвореннымъ Персидскимъ правительствомъ и отказаться отъ всякаго дальнѣйшаго иска. Онъ далъ оную, почтя неприличнымъ спорить съ тамошнимъ министерствомъ о какихъ-нибудь пяти или шести стахъ червонныхъ). Зилли-Султанъ самъ находился въ назначенной для жилья г. Мальцова комнатѣ. Онъ началъ ему описывать, въ преувеличенныхъ выраженіяхъ, свою горесть и отчаяніе; самъ сказалъ, что онъ ѣхалъ было усмирять народъ, но испугавшись ругательствъ черни, съ поспѣшностью возвратился во дворецъ, велѣлъ запереть ворота, разставилъ сарбазовъ по стѣнамъ, чтобы разъяренная чернь не вторгнулась въ шахскій дворецъ. Г. Мальцовъ объявилъ ему желаніе ѣхать немедленно въ Россію, и ему обѣщано было, что его отправятъ черезъ три дни. На другой день, пѣшкомъ, Зилли-Султанъ пошелъ къ муштеиду Мирзѣ-Маси. Немедленно за нимъ послалъ г. Мальцовъ одного преданнаго ему ферата подслушать, что̀ будутъ говорить въ домѣ шера. Посланецъ его принесъ ему весьма неутѣшительное извѣстіе: муштеидъ совѣтовалъ шаху, что-бы его содержать хорошо въ Тегеранѣ, оказать всевозможныя почести, отправить, и велѣть убить дорогою, какъ опаснаго человѣка. Шахъ прислалъ къ нему всѣхъ визирей своихъ, и онъ имѣлъ честь увидѣть и тѣхъ высокостепенныхъ особъ, какъ-то: Мехтемидъ-Довлета и Манучаръ-Хана, которые по чрезмѣрной спѣси не хотѣли удостоить своего посѣщенія покойнаго посланника. Всѣ они съ восточнымъ краснорѣчіемъ описывали отчаяніе шаха и собственную свою горесть. «Шахъ заплатилъ 8 куруръ **) изъ казны за дружбу Россіи, говорили они, и вотъ что сдѣлали муллы и народъ Тегеранскій. Какой позоръ Ирану, что̀ скажетъ Россійскій Императоръ!» Имъ хотѣлось вывѣдать образъ мыслей. *г. Мальцова*. Онъ, зная, что за малѣйшее слово, несоотвѣтственное ихъ видамъ, долженъ будетъ распроститься съ жизнію, притворился убѣжденнымъ ихъ рѣчами. «Надобно быть

---

*) Разсказываютъ еще, будто г. Мальцовъ былъ спрятанъ въ уголья, коими былъ засыпанъ. *П. Е.*

**) Куруръ составляетъ около 500 тыс. руб.

совершенно безсмысленнымъ человѣкомъ, сказалъ онъ, чтобы хотя одно мгновеніе подумать, что шахъ допустилъ-бы сіе ужасное происшествіе, еслибъ былъ увѣдомленъ однимъ часомъ ранѣе о намѣреніи мулловъ и народа. Я самъ былъ свидѣтелемъ отмѣнной благосклонности шаха къ посланнику и безпримѣрныхъ почестей, оказанныхъ ему въ Тегеранѣ. Я самъ видѣлъ, что шахъ принялъ всевозможныя мѣры для усмиренія черни, послалъ Зилли-Султана, визиря, сарбазовъ, ферашей; къ сожалѣнію они пришли слишкомъ поздно для охраненія посланника. Я самъ могу служить очевиднымъ доказательствомъ покровительства и отличнаго уваженія, которое Персидское правительство не перестаетъ оказывать Русскимъ, ибо вѣрно-бы погибъ, если-бы присланные отъ шаха сарбазы не оградили меня отъ опасности. Хотя не могу сказать вамъ утвердительно, какъ это дѣло будетъ принято Августѣйшимъ моимъ Государемъ, ибо этого знать никто не можетъ, но полагаю, что Его Величество, узнавъ о почестяхъ оказанныхъ въ Тегеранѣ посланнику и о всѣхъ мѣрахъ принятыхъ шахомъ для отвращенія сего бѣдственнаго происшествія, сохранитъ къ Персидскому монарху ту же дружбу, которую всегда питалъ къ нему въ душѣ своей».—Отвѣтъ этотъ очень понравился визирямъ; они описали его шаху какъ здравомыслящаго и благонамѣреннаго человѣка. Шахъ приказалъ Мирзѣ-Абуль-Гасанъ-Хану увѣрить его въ отличной своей къ нему благосклонности и сказать, что онъ не понимаетъ, почему Мальцовъ спѣшитъ ѣхать въ Россію; ибо ему, какъ старшему секретарю посольства, надлежало-бы по смерти министра отправлять должность его, что шахъ имъ весьма доволенъ и будетъ просить Государя Императора о назначеніи его повѣреннымъ въ дѣлахъ при Тегеранскомъ Дворѣ. Г. Мальцовъ отвѣчалъ, что должности теперь болѣе здѣсь никакой не имѣетъ и обязанъ явиться къ своему начальству въ Россію; но сочтетъ за особенное счастіе, если министерству угодно будетъ отправить *его* ко Двору великаго монарха, удостоивающаго его особенной благосклонности своей».

«Между тѣмъ, не смотря на настоятельное его требованіе, ничего не приготовляли къ его отъѣзду. До него доходили самыя неблагопріятныя извѣстія; говорили, что оставленнаго въ Казбинѣ при вьюкахъ курьера нашего зарѣзали и отобрали находившихся у него плѣнныхъ, что Аббасъ-Мирза будто-бы сговорился съ посланцомъ паши Арзрумскаго и хотѣлъ напасть на наши границы, что г. Амбургеръ *) былъ убитъ, отказавшись выдать находящіяся у насъ въ залогѣ драгоцѣнныя каменья Аббаса-Мирзы. Бывшій свидѣтелемъ подобнаго ужаснаго происшествія въ Тегеранѣ, *г. Мальцовъ* нѣкоторымъ образомъ долженъ былъ вѣрить всему, что̀ *ему* разсказывали. *Его* содержали подъ карауломъ во дворцѣ, не хотѣли выпускать изъ Тегерана; онъ не зналъ, какая участь ожидаетъ его и потерялъ совершенно надежду увидѣть когда-либо свое отечество. Наконецъ дней черезъ 17 прибылъ курьеръ въ Тегеранъ отъ Аббасъ-Мирзы. Зилли-Султанъ (почесть безпримѣрная) и всѣ министры снова удостоили г. Мальцова своего посѣщенія, и объявили, что черезъ три дни онъ будетъ отправленъ въ Россію. Вотъ въ чемъ состояло дѣло: шахъ, не зная, что̀ съ *нимъ* дѣлать,

*) Нашъ консулъ въ Тавризѣ. *П. Б.*

задержать-ли, отправить, убить-ли въ Персіи, или отпустить въ Россію, просилъ совѣта у Аббасъ-Мирзы, и какъ Наибъ-Султанъ написалъ, чтобы его немедленно отправить въ отечество, и онъ между тѣмъ уже успѣлъ, безпрерывнымъ притворствомъ въ продолженіи трехъ недѣль, убѣдить приставленныхъ для наблюденія за *нимъ* Персидскихъ чиновниковъ, что будетъ сильнымъ адвокатомъ въ пользу шаха, то и дѣло рѣшено наконецъ въ его пользу. Шахъ прислалъ ему въ подарокъ двѣ шали и худую лошадь цѣною не болѣе 10 червонцевъ; онъ хотѣлъ-было отказаться отъ щедрыхъ подарковъ Его Величества, но наконецъ принялъ ихъ по слѣдующей причинѣ: если-бы онъ отъ оныхъ отказался, то шахъ изъ сего заключилъ-бы, что онъ имѣетъ противъ него личную злобу, полагая, что онъ самъ участвовалъ въ убіеніи посланника и слѣдовательно въ этомъ видѣ намѣренъ представить все дѣло *своему* правительству, тогда-бы приносимый *ему* къ ужину пловъ приправили-бы, безо всякаго сомнѣнія, такою пряностію, которая въ 24 часа отправила бы его въ сообщество товарищей его, погибшихъ въ Тегеранѣ.»

«*Г. Мальцовъ* имѣлъ прощальную аудіенцію у шаха. Онъ началъ говорить ему о своей горести, разъ десять повторялъ, что онъ заплатилъ восемь куруровъ изъ казны своей за дружбу Россіи и не будетъ нарушать оной (это конечно по Персидской логикѣ лучшее доказательство, которое можетъ онъ придумать въ свое оправданіе); онъ желаетъ наказать преступниковъ, но теперь не смѣетъ, ибо Мирза-Масси оказываетъ имъ покровительство свое, а онъ самъ боится его гнѣва: вотъ слова достойныя *прибѣжища* *цѣлаго свѣта*! Потомъ заставилъ *г. Мальцова* проговорить все что *онъ* думаетъ о случившемся произшествіи. Здѣсь, болѣе чѣмъ когда-либо, надлежало пламя праведнаго негодованія заливать холодною струею благоразумной осторожности. Г. Мальцовъ снова повторилъ ему тоже, что прежде говорилъ министрамъ, и рѣчь свою унизалъ отборнымъ бисеромъ восточныхъ комплиментовъ. Шахъ былъ весьма доволенъ, говорилъ, что ему очень горестно разставаться съ нимъ и что онъ надѣется скоро опять увидѣть его въ своей лучезарной столицѣ. Вечеромъ шахъ прислалъ ему ужинъ изъ андеруна своего и самъ требовалъ, чтобы онъ о сей великой почести не забылъ увѣдомить свое правительство. Наконецъ былъ онъ отправленъ съ конвоемъ изъ Тегерана; дорогою шагзады высылали ему изъ городовъ истегбали на встрѣчу; вездѣ былъ онъ принятъ хорошо, особенно же въ Табризѣ. Аббасъ-Мирза показался ему истинно огорченнымъ всѣмъ случившимся въ Тегеранѣ, ибо онъ знаетъ, что по ту сторону Кафланку всѣ его ненавидятъ, и онъ безъ пособія Россіи никогда не будетъ шахомъ. «Я стараюсь всѣми мѣрами, говорилъ онъ, пріобрѣсть милостивое расположеніе Императора; вотъ что теперь сдѣлали въ столицѣ Фетхъ-Али-Шаха, и гнѣвъ Россіи можетъ пасть на мою голову. Я слуга Императора, пусть прикажетъ онъ мнѣ, и если Фетхъ-Али-Шахъ боится наказать преступниковъ, то я не боюсь, самъ поѣду въ Тегеранъ, казню нѣсколько сотъ виновныхъ!»

«Я знаю, ваше высочество, (сказалъ г. Мальцовъ Аббасъ-Мирзѣ) что многіе злоумышленные люди, враги Россіи и еще болѣе Персіи внушали вамъ, что Россія не проститъ убіенія посланника, непремѣнно объявитъ войну Персіи и совѣтовали вамъ воспользь-

зоваться теперешними обстоятельствами, чтобъ учинить нападеніе въ наши предѣлы. По неограниченной моей преданности къ вашему высочеству, мнѣ несказанно пріятно было видѣть, что вы не послушались сего, вреднаго для васъ, совѣта и испытываете всѣ способы получить всемилостивѣйшее прощеніе отъ Государя Императора и сохранить дружбу съ Россіею. Вамъ извѣстно, что Россія не ищетъ пріобрѣтенія земель отъ Турецкой имперіи, а объявила ей войну, только за притѣсненія и обиды, дѣланныя тамошнимъ правительствомъ нашимъ подданнымъ; слѣдовательно, пути къ примиренію недалеки, и блестящіе успѣхи нашего войска заставляютъ уже Турокъ желать мира.» — «Точно, мнѣ совѣтовали, возразилъ Аббасъ-Мирза; но я Императора почитаю отцемъ своимъ, осмѣлюсь-ли когда нибудь имѣть противъ него враждебные замыслы? Всего долженъ я ожидать отъ милости Его Величества, у меня нѣтъ на свѣтѣ другой надежды»!

«Аббасъ-Мирза готовъ былъ объявить войну Турціи, напасть на Багдадъ, если это только было-бы пріятно Государю Императору. Г. Мальцовъ отвѣчалъ на это согласно съ послѣднею инструкціей, полученною посланникомъ въ Тегеранѣ отъ г. вице-канцлера. Намѣреніе Наибъ-Султана объявить войну Турціи почиталъ г. Мальцовъ довольно искреннимъ, ибо онъ желалъ пріобрѣсть Баязитъ и Мушь, которые, по словамъ его, Россіи не нужны, а ему очень бы кстати. Дабы объявить войну, просилъ онъ, чтобы ему подарило или даже продало наше правительство 10 т. ружей и нѣсколько пушекъ, ибо онъ имѣлъ большой недостатокъ въ оружіи, лишившись почти всего въ послѣднюю кампанію. Войска сбирались довольно дѣятельно въ Адзербайджанѣ, но почиталось это единственно мѣрою осторожности, принятою Аббасъ-Мирзою, чтобы быть въ состояніи претензію на престолъ поддержать силою противъ соперниковъ своихъ. Ежели Россія желала мира съ Турціею, то и Аббасъ-Мирза готовъ былъ на миръ съ сею державою и предлагалъ намъ свое медіаторство; но должно замѣтить, что это были слова самого Наибъ-Султана. Не смотря на то, онъ просилъ, чтобы ему въ самомъ скоромъ времени сказали, чтò онъ долженъ предпринимать, и обѣщалъ заранѣе готовность свою на все, чтò только будетъ угодно Россіи».

«Болѣе, чѣмъ когда-либо, Аббасъ-Мирза желалъ тогда ѣхать въ Петербургъ. «Ваши министры вѣрно боятся, сказалъ онъ г. Мальцову, что я, пріѣхавъ, въ Петербургъ, стану просить Государя Императора объ уступкѣ двухъ послѣднихъ куруръ и Талышинскаго ханства; развѣ они не помнятъ, что я Наибъ-Султанъ и сынъ Пади-Шаха, что я не иначе явлюсь въ Петербургъ, какъ съ двумя послѣдними курурами!» Это едва-ли онъ въ состояніи былъ исполнить, ибо денегъ самъ не имѣлъ, а Фетхъ-Али-Шахъ, не смотря на всѣ старанія Табризскихъ нагоціаторовъ, рѣшительно не давалъ ни гроша.»

«Каймакамъ долженъ былъ вслѣдъ за г. *Мальцовымъ* отправиться съ Эмиръ-Задою въ Тифлисъ; но было весьма сомнительно, чтобы сей хитрый человѣкъ отважился на такое путешествіе.»

* *
*

«Персидское правительство говоритъ, что оно нисколько не участвовало въ убіеніи нашего посланника, что оно

даже ничего не знало о намѣреніи мулловъ и народа; но стòитъ только побывать въ Персіи, чтобы убѣдиться въ нелѣпости сихъ словъ. Многіе изъ Персидскихъ чиновниковъ увѣряли г. Мальцова, что они уже за три дня предувѣдомляли г. Грибоѣдова объ угрожавшей ему опасности. Въ Персіи секретныхъ дѣлъ почти нѣтъ: среди важныхъ государственныхъ занятій и преній, визири пьютъ кофе, чай, курятъ кальяны, и многочисленные ихъ пишхадметы (прислуга) всегда находятся при нихъ въ компаніи. Визири разсуждаютъ громогласно приоткрытыхъ окнахъ, и толпы ферашей, стоящихъ на дворѣ, слышатъ слова ихъ и чрезъ два часа разносятъ государственныя тайны по всему базару. Какъ-же могло Персидское правительство не знать ни слова о дѣлѣ, въ которомъ участвовалъ цѣлый Тегеранъ? Муллы проповѣдовали гласно въ мечетяхъ; наканунѣ они были у Шахзады-Зилли-Султана, наканунѣ велѣли запирать базаръ, и есть даже слухи, что въ самое время убіенія посланника Муштеидъ-Мирза-Масси сидѣлъ у шаха.»

«Положимъ даже, что не шахъ, а муллы, послали народъ въ домъ нашей миссіи, но и тогда шахъ виноватъ:—зачѣмъ допустилъ онъ это? Если-бы онъ рѣшительно сего не хотѣлъ, то могъ-бы приставить сильный караулъ къ нашему дому, который встрѣтилъ-бы чернь пулями и штыками, могъ ночью перевести посланника и чиновниковъ въ дворецъ или наконецъ, увѣдомивъ г. Грибоѣдова о возмущеніи народномъ, просить его ночью удалиться изъ Тегерана въ какую-нибудь загородную дачу: но тогда-бы уцѣлѣлъ Мирза-Ягубъ, а этого именно и не хотѣлось Фетхъ Али-Шаху.»

«Вотъ какъ по видимому произошло все дѣло. Шахъ испыталъ всѣ мѣры удержать Мирзу-Ягуба, сперва убѣжденіями, просьбами, потомъ ложными денежными претензіями, наконецъ гнѣвомъ и угрозами: ничто не удалось. Ему непремѣнно надобно было истребить сего человѣка, знавшаго всю тайную исторію его домашней жизни, всѣ сплетни его гарема; пока посланникъ былъ живъ, этого никто сдѣлать не могъ.—Отправить сарбазовъ, которые отобрали бы силою Мирзу-Ягуба и убили его шахъ не смѣлъ, ибо это было-бы явное нарушеніе съ его стороны мирнаго трактата, за который заплатилъ онъ 8 куруръ. Ему сказали: «народъ вторгнется въ домъ посланника, убьетъ Мирзу-Ягуба, а мы притворимся испуганными, велимъ запереть вороты дворца, пошлемъ Зилли-Султана и визиря унимать чернь, пошлемъ сарбазовъ, которымъ не велимъ никого трогать и скажемъ: мы ничего не знали, это все сдѣлалъ проклятый народъ; мы тотчасъ послали вспомоществованіе, но къ сожалѣнію злодѣйство ужъ было совершенно:»—однимъ словомъ, все то, чтò шахъ говорилъ и писалъ послѣ въ свое оправданіе. Шаху для достиженія своей цѣли другаго средства не оставалось; отъ Русскихъ онъ надѣялся отдѣлаться обыкновенными своими отговорками и потому не принялъ никакихъ мѣръ для безопасности *миссіи.*»

«Безъ какой-нибудь выгоды или корысти ничего не предпринимаютъ, даже и злодѣйствъ, и потому нельзя думать, чтобы шахъ желалъ смерти нашего посланника, которая могла подвергнуть его величайшей отвѣтственности. Его Величеству вѣроятно представили, что народъ возметъ только плѣнныхъ, убьетъ Мирзу-Ягуба, но

не тронетъ Русскихъ, и тогда ему легко будетъ во всемъ случившемся извиниться. Но вѣроятно были люди, которые желали смерти посланника, устроили тайными сношеніями адскій заговоръ и открыли изъ онаго шаху только то, что̀ могло интересовать Его Величество».....

«До пріѣзда г. Грибоѣдова въ Персію, каймакамъ старался его описывать правительству какъ опаснаго человѣка. Посланникъ былъ съ нимъ въ ссорѣ и сдѣлалъ ему даже личное оскорбленіе, выгнавъ его высокостепенство изъ дома своего.—Посланникъ говорилъ гласно, что онъ постарается, чтобы каймакама смѣнили и мѣсто его отдали Мирзѣ-Мемшедъ-Али-Мустафѣ: эти слова переданы каймакаму, и онъ, узнавъ о пріемѣ, сдѣланномъ посланнику въ Тегеранѣ, долженъ былъ точно бояться за свое мѣсто. Братъ каймакама, Мирза-Муса-Ханъ былъ назначенъ при *миссіи* мегмендаремъ, что̀ было г. Грибоѣдову очень непріятно; но онъ не ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и въ Тегеранѣ ни разу не видался съ посланникомъ; Мирза Муса-ханъ имѣлъ съ каймакамомъ самую дѣятельную переписку.»

«Квартира приставленнаго отъ шаха магмендаря Мирзы-Абдулъ-Гуссейнъ-Хана была дочиста ограблена, также и комната караульнаго султана; въ комнатѣ Назаръ-Али-Хана, приставленнаго каймакамомъ, ничего не тронуто, и самъ *г. Мальцовъ* спасся подъ егидою его имени. Самъ Назаръ-Али-Ханъ въ этотъ день съ утра вышелъ изъ дома миссіи и не видѣлся съ посланникомъ, у котораго обыкновенно просилъ, изъ учтивости, позволенія отлучаться.»

«Въ Табризѣ, довольно гласно обвиняютъ каймакама. Онъ долженъ былъ отправиться въ Тифлисъ съ Эмиръ-Задою; но притворился больнымъ, чтобы не ѣхать; это знаютъ отъ г. Кармина, который лечилъ каймакама отъ притворной его болѣзни. Желая испытать каймакама, настаивали, чтобы онъ скорѣе ѣхалъ въ Тифлисъ, говоря ему, что онъ умнѣйшій человѣкъ въ цѣлой Персіи, и что кромѣ его, этого дѣла никто уладить не можетъ. Каймакамъ всегда смущался, полагая себя разгаданнымъ и потомъ пріискивалъ различные предметы, чтобы только отложить непріятное путешествіе. Но что болѣе всего огорчало: это торжество Англичанъ»....

«Англичане страшились вліянія посланника нашего на Персидское правительство; съ самого пріѣзда его никто на нихъ не обращалъ вниманія. Наибъ-Султанъ явно говорилъ о неограниченной преданности своей къ Россіи; въ Тегеранѣ были оказаны такія почести г. Грибоѣдову, какихъ не могли они купить себѣ за истраченныя ими въ Персіи 9 куруръ тумановъ. Всѣ долголѣтніе труды ихъ и деньги пропадали разомъ: имъ надлежало дѣла свои поправить, или вовсе отказаться отъ Персіи. Извѣстно, какъ Англичане завистливы на власть и вліяніе свое въ Азіи, и поведеніе ихъ съ Французами въ Персіи даетъ поводъ къ ужаснѣйшимъ заключеніямъ..... Выгоды ихъ сходились въ теперешнемъ случаѣ съ выгодами каймакама; каймакамъ человѣкъ имъ преданный, и они теперь притворяются съ нимъ въ ссорѣ, ругаютъ его, чтобы отдалить отъ себя подозрѣніе.....»

«Всѣ Персидскіе вельможи на жалованьи у Англичанъ по мѣрѣ своей власти, и надо полагать, что Муштеидъ-Мирза Масси, человѣкъ, передъ которымъ трепещетъ самъ шахъ, вѣроятно продалъ имъ совѣсть свою.

Когда былъ въ Тегеранѣ баронъ Розенъ и потомъ адъютантъ графа Паскевича-Эриванскаго Фелькерзамъ, тамъ находился всегда Англійскій чиновникъ для наблюденія за ихъ сношеніями съ дворомъ шахскимъ.... Отчего же, когда г. Грибоѣдовъ, который былъ для нихъ гораздо опаснѣе, поѣхалъ въ Тегеранъ, они не отправили туда никого изъ своихъ?»...

«Теперь Англичане восторжествовали; увѣряютъ Персіянъ, что мы, находясь въ непримиримой войнѣ съ Турціею, имъ ничего сдѣлать не можемъ; говорятъ, что Англія скоро объявитъ войну Россіи; совѣтуютъ Аббасъ-Мирзѣ учинить нападеніе на наши пограничныя области; между тѣмъ Англійскій посланникъ подалъ оффиціально протестъ Персидскому правительству противъ случившагося въ Тегеранѣ происшествія и оставшихся въ Табризѣ купцовъ нашихъ принялъ подъ свое покровительство».

* * *

Этимъ донесеніемъ заканчиваются имѣющіяся у насъ свѣдѣнія объ убійствѣ Грибоѣдова. Послѣ убиства этого присланъ былъ въ Тегеранъ генералъ-маіоръ князь Долгоруковъ, которымъ и былъ составленъ списокъ всѣхъ лицъ убитыхъ въ Тегеранѣ, состоявшихъ при миссіи и консульствѣ. Въ спискѣ этомъ показаны: «Статскій совѣтникъ *Грибоѣдовъ*, протоколистъ *Аделунгъ*, штабсъ-капитанъ *Шахназаровъ*, коллежскій регистраторъ *Дадашевъ*, канцеляристъ *кн. Коболовъ*, коллежскій ассесоръ *кн. Меликовъ*, пріѣхавшій къ дядѣ своему Манучаръ-Хану. Изъ курьеровъ: *Сагакъ* и *Хачатуръ*, 9 линейныхъ казаковъ и одинъ урядникъ». Кажется, однако, что въ этотъ списокъ вошли не *всѣ* убитыя лица, какъ видно изъ отсутствія въ немъ нѣсколькихъ именъ, указанныхъ выше и изъ несоотвѣтствія общаго числа погибшихъ съ показаніями Персіянина и съ разсказомъ нашего соотечественника.

1 Марта 1872

П. Ефремовъ.

ПИСЬМА ГРИБОѢДОВА КЪ РОДОФИНИКИНУ *).

I.

Іюля 10-го дня 1828 года изъ Тифлиса.

М. Г. Константинъ Константиновичъ. Чувствительнѣйше благодарю ваше превосходительство за партикулярное письмо ваше отъ 19-го истекшаго Іюня. Изъ официальныхъ бумагъ моихъ вы уже знаете о моемъ прибытіи въ Тифлисъ; я нѣсколько на пути сюда былъ задержанъ недостаткомъ конвоя на линіи и испорченностію дороги въ горахъ.

Будьте спокойны на счетъ Персіи. Официальныхъ бумагъ о сношеніяхъ нашихъ съ нею за послѣднее время я почти никакихъ не нашелъ, но столько узналъ, чтобъ пріостановиться отсылкою курьера къ Амбургеру. Графъ Иванъ Ѳедоровичъ между прочимъ запретилъ ему отдавать Аббасъ-Мирзѣ портретъ и отвѣтъ Государя Императора, до нѣкотораго времени. Также здѣсь удержаны еще знаменитые плѣнники Гассанъ-Ханъ и зять Шахской, человѣкъ 70 офицеровъ и до 1500 рядовыхъ Персидскихъ. Хан-

*) Директору Азіятскаго департамента. Означенные документы взяты изъ сохранившихся бумагъ покойнаго Я. О. Ярцева и сообщевы въ Р. Архивъ П. А. Ефремовымъ. Они важны потому, что показываютъ, какъ относился Грибоѣдовъ къ своимъ служебнымъ занятіямъ и служатъ опроверженіемъ мнѣнію, будто правительство сдѣлало ошибку, поручивъ важное мѣсто посланника къ Персіи человѣку, ознаменовавшему себя только успѣхами въ словесности. *П. Б*

ская провинція еще занята нашими войсками, и болѣе 8000 семействъ Армянскихъ переселены уже по сю сторону Аракса, остальные за ними вслѣдъ выводятся. — Вотъ что съ нашей стороны. — Съ Персидской долго медлили ратификаціею. Миръ-Гассанъ-Хана Талышинскаго генералъ Раль еще не выжилъ изъ его ханства, и такъ далѣе. Въ прежнія времена можно бы опасаться важнѣйшихъ несогласій; но теперь все это уладится просто, само собою.

Ратификація о сю пору должна уже прибыть къ гр. Паскевичу съ возвращеніемъ его адъютанта; для сего предмета и ханъ, говорятъ, прибылъ въ Гумры, съ которымъ я черезъ три дня увижусь.

Говорилъ я съ плѣнными, которымъ сообщеніе со всѣми свободно, съ муштеидомъ, имѣющимъ вѣрныя свѣдѣнія изъ Табриза, съ архіепископомъ Нерсесомъ, прибывшимъ обратно отъ патріарха, котораго онъ провожалъ, съ Коцебу, только что возвратившимся изъ Тегерана; наконецъ съ цѣлымъ городомъ: потому что я здѣсь всѣхъ знаю. Персія въ такомъ истощенномъ положеніи, что не помышляетъ о войнѣ ни съ кѣмъ въ свѣтѣ, развѣ мы подадимъ ей способы возстать противъ Турціи. Повиновенія внутри государства очень мало: отъ этого не скоро и не всѣхъ выдаютъ нашихъ плѣнныхъ. Въ замѣну и мы своихъ задерживаемъ. Говорятъ, что Амбургеръ въ отчаяніи отъ характера людей, съ которыми имѣетъ дѣло; они еще безчестнѣе и лживѣе прежняго сдѣлались послѣ военныхъ неудачей прошедшаго и нынѣшняго года. Впрочемъ нечему удивляться. Мы ихъ устрашили, но не перевоспитали. И задача эта нà скоро рѣшиться не можетъ. Амбургеръ, по частнымъ слухамъ, дѣйствуетъ очень умно и усердно. А я оттого не возвѣстилъ моего пріѣзда сюда, чтобы не помѣшать ему. Хочу сперва узнать въ главной корпусной квартирѣ, въ чемъ дѣло. Pour ne pas tomber là comme une bombe*). Оттудова отправляю я вамъ проектъ моего письма къ Абулъ-Гассанъ Хану.

Секретно. На границѣ чума. Вотъ причина, которая могла бы меня задержать въ карантинѣ гораздо долѣе, чѣмъ ваше превосходительство-бы думали. И тогда не пѣняйте, если я въ одно время въ двухъ мѣстахъ разомъ не буду. Либо въ Персіи величаться, либо въ Турціи окуриваться.

Удивляюсь, куда дѣвался конвертъ вашего превосходительства № 1117; но здѣсь его нѣтъ ни на почтѣ, ни въ канцеляріи. Также недостаетъ газетъ № 68, 69, 70. Удостойте меня поскорѣе присылкою кредитива. Иначе боюсь, что опять е. с. вице-канцлеръ и вы будете пѣнять мнѣ, за чѣмъ не поспѣшаю въ Персію. Съ чѣмъ же я явлюсь туда??? Такъ же одолжите увѣдомленіемъ, когда вещи могутъ прибыть въ Зензелей, чтобы я до тѣхъ поръ могъ распорядиться отправкою туда надежнаго чиновника, и именно Дадашева.

Чтò прикажете дѣлать съ юными оріентальными дипломатами, которые цвѣтутъ здѣсь какъ сонныя воды въ бездѣйствіи? Развѣ вы изволите ассигновать имъ особенное жалованіе? Бероева можно будетъ со временемъ помѣстить на консульское мѣсто гдѣ нибудь при Каспійскомъ морѣ. Шаумбургъ просится въ отпускъ. Лебе-

*) Чтобы не явиться туда совершенно врасплохъ.

девъ! Кузьминъ! Ваценко etc. По прибытіи въ лагерь гр. Ив. Ѳедор. обо всемъ донесу обстоятельнѣе вашему превосходительству.

II. *)

Получ. 30 Іюля 1828.

Честь имѣю донести вашему превосходительству, что я прибылъ сюда въ Тифлисъ въ ночь на 6-е сего мѣсяца. На другой день по утру я видѣлся съ г. генералъ-адъютантомъ Сипягинымъ и любопытствовалъ узнать отъ него о послѣднихъ сношеніяхъ нашихъ съ Тавризомъ и Тегераномъ; также я былъ въ канцеляріи г. главноуправляющаго Грузіею, гдѣ думалъ найти бумаги касательно сего предмета; но всѣ свѣдѣнія мною собранныя такъ недостаточны, что я никакъ не рѣшился послать курьера въ Персію съ увѣдомленіемъ о моемъ пріѣздѣ и почелъ нужнымъ предварительно видѣться съ графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, къ которому сего дня, 11-го Іюля, отправляюсь.

Я, немедля здѣсь нисколько, тотчасъ поспѣшилъ въ дѣйствующій отрядъ, но мѣстное начальство не могло рѣшиться снабдить меня всѣмъ нужнымъ къ сей поѣздкѣ, потому что въ теченіи 13-ти дней не было курьера отъ г. корпуснаго командира, и неизвѣстно было, останется ли онъ въ Карсѣ или придвинетъ войско свое ближе сюда къ Ахалцыху; въ семъ послѣднемъ случаѣ сообщеніе съ нимъ открылось бы ближайшее. Теперь отправляюсь давно учрежденнымъ военнымъ путемъ на Гумры, а оттуда далѣе чрезъ Турецкую границу.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

Тифлисъ
Іюля 11-го дня 1828 года
№ 1-й

*) Съ подлинника, подписаннаго Грибоѣдовымъ. Это письмо офиціальное, за номеромъ.

III.

Іюля 12-го 1828-го года изъ Тифлиса.

Ваше превосходительство. Всѣ недостающіе пакеты, о которыхъ я такъ безпокоился, сейчасъ получены, и я сажусь въ коляску. Офиціально получите отъ меня извѣщеніе объ этомъ изъ Гумровъ, если карантинныя постановленія тамъ меня задержатъ, такъ какъ и здѣсь, я, страха ради, прожилъ три дни лишнихъ.

Покорно благодарю за содѣйствіе ваше къ отправленію вещей моихъ въ Астрахань. Но какъ же мнѣ будетъ съ посудою и проч? Она мною нарочно куплена въ Англійскомъ магазинѣ для дороги. Нельзя же до Тейрана ничего не ѣсть. Здѣсь я въ домѣ графа *) всё имѣю, а дорогою не знаю, въ чемъ попотчивать кофеемъ и чаемъ добрыхъ людей.

Копію съ Высочайшей грамоты я здѣсь оставляю и патентъ консульскій для перевода. Аделунгъ при этомъ будетъ. Мальцова беру съ собою. Но предупреждаю ваше превосходительство, что мнѣ непремѣнно надобно сюда воротиться, на 7 дней. Я кромѣ пары платья теперь ничего съ собою не беру. А то мнѣ окуркою все перепортятъ. Я думаю, что уже довольно безтрепетно подвизаюсь по дѣламъ службы. Чрезъ бѣшеныя Кавказскія балки переправлялся по канату, а теперь поспѣшаю въ чумную область. По словамъ Булгарина, вы, почтеннѣйшій Константинъ Константиновичъ, хотите мнѣ достать именное повелѣніе, чтобы мнѣ ни минуты не медлить въ Тифлисѣ. Но, ради Бога, не натягивайте струнъ моей природной пылкости и усердія, чтобы не лопнули.

Здѣсь такая дороговизна, что мочи нѣтъ. Война преобразила этотъ край

*) Паскевича.

совершенно. Рублями серебромъ щитаютъ тамъ, гдѣ платили прежде абазами, или по вашему [1]), піастрами. За чѣмъ же вы, достойнѣйшій мой начальникъ и покровитель, ускромили у меня жалованіе болѣе нежели на мѣсяцъ? Здѣсь въ казенной экспедиціи полученъ указъ, что я удовлетворенъ съ 25-го Апрѣля, а мнѣ отпущено ipso facto только съ 2-го Іюня. Нельзя ли дополнить къ концу года? При томъ за что же Амбургеръ лишается того, что̀ грудью заслуживаетъ? Я знаю, что вы въ Петербургѣ дружны и уважаемы всѣми министерствами; напишите требованіе и поможете намъ грѣшнымъ.

Извините, что такъ много говорю вамъ о своихъ карманныхъ дѣлахъ. О политическихъ всегда буду доносить вамъ, какъ и е. с. вице-канцлеру, съ тою цѣлію, что вы не откажете способствовать къ успѣшному прохожденію моей должности искренними совѣтами. Опытность ваша велика, а моя часть недостаточна.

IV. [2])

Получ. 3-го Сентября 1828

По возвращеніи моемъ изъ лагеря подъ Ахалкалакомъ, я и секретарь миссіи г. Мальцовъ сильнѣйшею лихорадкою заплатили дань здѣшнему мучительному климату во время жаровъ; я, и по сихъ поръ одержимый сею болѣзнію, не могу выходить изъ комнаты. Война отвлекла отсюда почти всѣхъ искусныхъ врачей; такимъ образомъ я долженъ ожидать выздоровленія единственно отъ дѣйствія природы, безъ всякаго пособія искусства. Это меня понуждаетъ просить ваше превосходительство, чтобы вы обратили вниманіе на будущее положеніе наше въ Персіи, гдѣ въ случаѣ болѣзни моихъ чиновниковъ или многочисленной прислуги, мы уже совершенно должны отдаться на произволъ климата и всѣхъ мѣстныхъ невыгодныхъ обстоятельствъ.

Ваше превосходительство, въ бытность мою въ С.Петербургѣ, сами полагали назначеніе врача при миссіи необходимымъ; но при составленіи штатовъ сіе частію было упущено по скорому отъѣзду изъ столицы его сіятельства г-на вице-канцлера. Притомъ же вы весьма справедливо разсуждали, что назначеніе къ миссіи человѣка, который только носитъ званіе доктора медицины и еще не освоился съ болѣзнями и съ способомъ лѣченія въ томъ краю, куда онъ посылается, не принесло бы никакой пользы.

При семъ случаѣ замѣчу еще, что отдаваться Россійскимъ чиновникамъ въ Персіи въ руки Англійскихъ врачей совершенно неприлично: 1-е, потому, что мы можетъ быть не всегда будемъ находиться съ ними въ одномъ мѣстѣ; 2-ое, они уже тамъ пользуются слишкомъ большимъ вліяніемъ и уваженіемъ, чтобы по первому требованію быть готовыми къ нашимъ услугамъ, и по большей части отказываются отъ платы за пользованіе, а сіе налагаетъ на Россійскихъ чиновниковъ нѣкоторый родъ одолженія безъ всякой возможности быть имъ иначе полезными.

Надлежитъ присовокупить, что въ политическомъ отношеніи учрежденіе врача при миссіи было бы весьма полезно для бо̀льшаго сближенія съ самими Персіянами, которые не чуждаются пособій Европейскихъ докторовъ и открываютъ имъ входъ во внутренность семействъ и даже га-

[1]) Родофиникинъ служилъ прежде консуломъ въ Сербіи.
[2]) Съ офиціальнаго подлинника.

ремовъ своихъ, впрочемъ ни для кого не доступныхъ. Во всѣхъ восточныхъ государствахъ Англичане симъ способомъ пріобрѣли себѣ рѣшительное вліяніе; стòитъ только припомнить себѣ слабое начало Гюзератской компаніи, которая одному изъ своихъ врачей, счастливо вылѣчившему нѣкотораго изъ сосѣднихъ Индостанскихъ державцевъ, обязана была уступкою въ ея пользу значительныхъ владѣній, которыя потомъ, постепенно возрастая, въ наше время доставили Англіи владычество надо всею Восточною Индіею. Еще нынѣ въ самой Персіи Ирландецъ г. Кормикъ, лейбъ-медикъ Аббасъ-Мирзы, рѣшительно владѣетъ умомъ его и всѣми намѣреніями. Г. Макниль въ Тегеранѣ тѣмъ же кредитомъ пользуется во дворцѣ самого Шаха. Онъ теперь нѣсколько дней находится въ Тифлисѣ, и я въ частыхъ съ нимъ разговорàхъ изумлялся глубокимъ познаніямъ этого человѣка о малѣйшихъ интересахъ и соотношеніяхъ того государства, въ которомъ онъ уже нѣсколько лѣтъ пребываетъ въ качествѣ доктора Англійской миссіи и предворнаго врача Его Величества Шаха. Смѣло могу увѣдомить ваше превосходительство, что никакой дипломатъ не можетъ достигнуть сего обыкновенными путями безъ вспомогательныхъ средствъ той полезной науки, которая г. Макнилю повсюду въ Персіи доставила входъ безпрепятственный.

По симъ причинамъ честь имѣю представить на благоусмотрѣніе вашего превосходительства объ опредѣленіи къ миссіи служащаго нынѣ въ Астрахани городовымъ лѣкаремъ доктора медицины г. Александра Семашко. Я объ немъ уже много былъ наслышанъ въ С.Петербургѣ отъ торгующихъ тамъ Персіянъ и отъ нѣкоторыхъ нашихъ чиновниковъ долго проживавшихъ въ Астрахани. Всѣ согласно признавали, что онъ совершенно ознакомился со способомъ лѣченія болѣзней въ жаркихъ климатахъ, и Азіатскіе жители Астрахани возымѣли къ нему полное довѣріе. Я только въ сомнѣніи, согласится ли г. Семашко покинуть Россію для употребленія себя на службу Его Императорскаго Величества въ краю чужомъ, скучномъ, не представляющемъ никакой приманки для человѣка съ талантомъ, въ Персіи, коей имя даже пугаетъ самыхъ отважнѣйшихъ искателей случаевъ отличиться и сдѣлаться извѣстными Правительству своимъ усердіемъ и способностями. Я списался въ вышеупомянутымъ докторомъ, и нынѣ имѣю его рѣшительное согласіе быть употребленнымъ при миссіи, если на то только будетъ согласно мое начальство. Прошу ваше превосходительство, принявъ въ уваженіе изложенныя мною причины, подкрѣпить оныя при его сіятельствѣ г. вице-канцлерѣ сильнымъ вашимъ содѣйствіемъ. Полагаю, что окладъ 600 червонныхъ будетъ достаточенъ для безбѣднаго прожитка г. Семашки въ Персіи, также на инструменты и другія вещи необходимыя въ практикѣ его искусства. Чтò же касается до ежегодныхъ издержекъ на лѣкарства, то ваше превосходительство сами примѣрно, лучше меня, можете опредѣлить, какая для сего сумма будетъ потребна на 50 человѣкъ прислуги и казаковъ при мнѣ находящихся включительно. Къ сему надобно пріобщить такое или бóльшее еще число природныхъ Персіянъ всякаго званія, которые будутъ прибѣгать къ нашему врачу съ просьбами о ихъ пользованіи.

№ 24 Тифлисъ
17 Августа 1828.

V.

Октября 30-го дня 1828 года изъ Табриза.

Почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства отъ 25 Сентября имѣлъ честь получить вчера и спѣшу благодарить за участіе, которое вамъ угодно принимать въ домашнихъ и дипломатическихъ моихъ дѣлахъ.

На счетъ моей свадьбы, это вещь простая. Кабы я не заболѣлъ въ Тифлисѣ, то она бы отложена была до будущаго лѣта; но, замѣшкавшись по разстройству здоровья, не хотѣлъ я упустить сего случая, и просилъ тогда же графа Ивана Ѳедоровича довести сіе до Высочайшаго свѣдѣнія, посредствомъ отношенія къ е. с. г. вице-канцлеру. Ни болѣзнь, ни жена однако меня долго не задержали. 6-го Августа я воротился изъ Турціи въ Тифлисъ, а 9-го Сентября выѣхалъ сюда. Но за то лихорадка мнѣ съ жестокостію отплатила на дорогѣ, и я въ Табризъ доплелся въ полномъ смыслѣ полуживой. Для пользы ввѣренныхъ мнѣ дѣлъ я слишкомъ рано сюда прибылъ, и зналъ это напередъ, но боялся быть въ отвѣтственности передъ начальствомъ, которое у насъ соразмѣряетъ успѣхъ и усердіе въ исполненіи поручаемыхъ дѣлъ по болѣе или менѣе скорой ѣздѣ чиновниковъ. Изъ Тифлиса я бы угрожалъ Аббасъ-Мирзѣ, что вовсе не буду, коли онъ сполна не заплатитъ слѣдующихъ намъ денегъ. Такъ я и началъ; а онъ, зная, что мое прибытіе есть залогъ его безопасности и покровительства Россіи, поспѣшилъ начать уплату. Если бы я еще мѣсяцъ сюда не пріѣхалъ и продолжалъ мой маневръ, то о сю пору весь 8-й куруръ былъ бы уже въ нашихъ рукахъ. Теперь же что̀ вышло? Меня мучатъ съ утра до глубокой ночи безтолковыми предложеніями, просятъ неотступно о прощеніи имъ сперва двухъ сотъ, потомъ 100, потомъ пятидесяти тысячь туманъ. Доводы неоспоримы, они раззорены кругомъ, а я конечно ни на что не соглашаюсь. Но дѣла нейдутъ впередъ. До моего сюда прибытія выколотили у нихъ 200 т., покуда я еще въ Эривань не прибылъ, и 100 съ тѣхъ поръ; но коль скоро услыхали, что я въ Нахичевани, то рѣшительно отказались платить болѣе. Таково умоначертаніе здѣшнаго народа и правительства. Всякаго новопріѣзжаго дипломатическаго агента они встрѣчаютъ, какъ человѣка облеченнаго въ обширную власть, который долженъ имъ дѣлать отъ себя уступки, угожденія, подарки и т. д. Въ двадцать пять дней я у нихъ насилу могъ изнасильствовать 50 т. сверхъ 300, а за 150 т. остальными ѣду въ Тегеранъ, куда посланъ Аббасъ-Мирзою Макниль исходатайствовать ему въ займы отъ отца его 100 т. Дѣйствія Макниля я долженъ буду подкрѣплять моимъ настояніемъ при Шахѣ. Теперь ваше превосходительство сообразите трудность моего положенія. Война съ Турціею не кончена, и теперь совсѣмъ не тѣ обстоятельства, чтобы съ ненадежнымъ сосѣдомъ поступать круто и ссориться.

Мало надѣюсь на свое умѣніе, и много на Русскаго Бога. Еще вамъ доказательство, что у меня Государево дѣло первое и главное, а мои собственныя ни въ грошъ не ставлю. Я два мѣсяца какъ женатъ, люблю жену безъ памяти, а между тѣмъ бросаю ее здѣсь одну, чтобы поспѣшить къ Шаху за деньгами, въ Тегеранъ, а можетъ быть и въ Испагань, куда онъ на дняхъ отправляется.

Ивановъ рѣшительно отказался отъ своей должности и подалъ офиціальную бумагу, что онъ ни за что не останется. Онъ вамъ самъ скажетъ, что я его уговаривалъ самыми убѣдительными доказательствами, объявилъ ему отъ вашего имени, что онъ не найдетъ въ Петербургѣ ни мѣста ни жалованія; но онъ остался непреклоненъ и на дняхъ ѣдетъ. Нельзя же мнѣ поневолѣ держать чиновника! Ему же хуже, и жаль: онъ гораздо способнѣе, нежели я полагалъ. Рука по французски и по русски очень четкая, а на Русскомъ языкѣ и слогъ его не дуренъ.

Прощайте ваше, превосходительство.

Амбургеръ желаетъ имѣть Шаумбурга, но обо всемъ этомъ я офиціально отнесусь къ в. п. съ Ивановымъ: онъ дни черезъ два ѣдетъ.

VI. *)

Передано 12 Февраля 1829.

По прибытіи моемъ въ Табрисъ, я здѣсь нашелъ г. титулярнаго совѣтника Иванова, который убѣдительно просилъ меня уволить его отъ занимаемой имъ нынѣ должности секретаря г-на генеральнаго консула. Я старался отклонить г-на Иванова отъ принятаго имъ намѣренія; но причины его показались мнѣ въ послѣдствіи уважительными. Пробывъ 6 лѣтъ въ Персіи въ одномъ чинѣ, онъ рѣшительно полагаетъ для себя невыгоднымъ остаться здѣсь долѣе. Что̀ касается до своего повышенія, то онъ убѣжденъ въ справедливости начальства, что проведенное имъ здѣсь время будетъ принято во вниманіе; но при нынѣшней своей должности опасается, что родъ занятій съ нею сопряженныхъ, по неважности своей, лишаетъ его возможности усовершенствовать свои способности, дабы сдѣлаться со временемъ полезнымъ для завѣдыванія дѣлами, требующими гораздо болѣе навыка и познаній. И потому онъ готовъ на условіяхъ менѣе выгодныхъ на счетъ жалованья продолжать службу свою въ Петербургѣ подъ лестнымъ начальствомъ вашего превосходительства, или во внутренности Россіи, но только не здѣсь и не въ нынѣшнемъ качествѣ. Я съ моей стороны не могъ долѣе отказывать ему въ его просьбѣ и далъ ему позволеніе ѣхать, полагая, что держать чиновника въ противность его склонностямъ, мало обѣщаетъ успѣха для дѣлъ ему ввѣренныхъ; съ другой стороны мнѣ самому извѣстно, съ какими лишеніями сопряжено долговременное пребываніе въ Персіи, если оно даже подкрѣплено доброю волею и твердымъ намѣреніемъ устоять противъ непріятностей, скуки, отсутствія развлеченій и всѣхъ невыгодъ здѣшняго края.

Я долженъ отдать справедливость г. Иванову, что онъ чиновникъ ревностный и способный для канцелярскихъ упражненій. Здѣсь онъ также съ успѣхомъ управлялъ дѣлами въ отсутствіи въ Тегеранѣ г. Амбургера. И потому я, не желая, чтобы онъ время свое потерялъ безполезно, рекомендовалъ его его сіятельству господину графу Паскевичу Эриванскому для причисленія его къ своей канцеляріи на мѣсто титулярнаго совѣтника Шаумбурга, котораго можно перемѣстить сюда въ должность секретаря г. генеральнаго консула, что̀ и почитаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства.

№ 153. Ноября 9-го дня 1828 года
Табрисъ

---

*) Съ офиціальнаго, исколоннаго ради чумы, подлинника.

ПИСЬМО ГРАФА ПАСКЕВИЧА КЪ ГРАФУ НЕССЕЛЬРОДУ.

Получ. 9-го Декабря 1828.

Милостивый государь, графъ Карлъ Васильевичъ! Вашему сіятельству конечно уже извѣстно, что полномочный нашъ министръ при Персидскомъ Дворѣ г. статскій совѣтникъ Грибоѣдовъ передъ отъѣздомъ своимъ въ Персію женился на дочери генералъ-маіора князя Чавчевадзева, одного изъ значительнѣйшихъ помѣщиковъ Грузинскихъ, не испросивъ на сіе разрѣшенія.

Въ слѣдствіе чего обязанностію поставляю увѣдомить ваше сіятельство, что женидьба г. Грибоѣдова совершилась нѣкоторымъ образомъ неожиданно и по соединившимся разнымъ обстоятельствамъ, въ особенности по поспѣшности, съ коею должно было ему выполнить Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, дабы скорѣе прибыть въ Персію, не могла быть отложена на дальнѣйшее время; и потому по убѣдительной о семъ г. статскаго совѣтскаго Грибоѣдова просьбѣ, я принялъ на себя дать ему разрѣшеніе совершить сей бракъ.

Почему, прося покорнѣйше васъ, милостивый государь, буде вы изволите признать нужнымъ, довести о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, съ отличнымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга «Графъ И. Паскевичъ».

Эриванскій.

№ 279. 23 Ноября 1828-го года. Тифлисъ.

ПИСЬМО ГРАФА НЕССЕЛЬРОДЕ КЪ ГРАФУ КАНКРИНУ. [1]

Милостивый государь, графъ Егоръ Францевичъ! Государь Императоръ, по представленію г-на генералъ-фельдмаршала графа Паскевича Эриванскаго, Всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ вдовѣ убитаго въ Тегеранѣ министра нашего статскаго совѣтника Грибоѣдова, урожденной княжнѣ Чавчевадзе, пожизненный пенсіонъ по пяти тысячъ рублей въ годъ ассигнаціями и столько же, то есть по пяти же тысячъ рублей въ годъ ассигнаціями, пожизненнаго пенсіона матери помянутаго министра Грибоѣдова, въ Москвѣ находящейся. Сверхъ сего, въ вознагражденіе разграбленнаго въ Тегеранѣ имущества г. Грибоѣдова, благоугодно Его Императорскому Величеству, чтобъ было отпущено шестьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями, изъ коихъ тридцать тысячъ вдовѣ министра Грибоѣдова, а 30-ть тысячъ матери его [2]).

Сообщая вашему сіятельству сію монаршую волю для дальнѣйшихъ по усмотрѣнію вашему распоряженій къ исполненію оной, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію и пр.

№ 348.
26-го Генваря 1830.

---

[1]) Съ черноваго подлинника.

[2]) Въ подлинникѣ сначала было написано: вдовѣ Грибоѣдова 20, а матери 40 тысячь рублей.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ „ОТВѢТА" Г. БЕРГА НА МОИ ЗАМѢЧАНІЯ

„на его Записки о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ".

Всѣ конечно повѣрятъ мнѣ, когда скажу, что „Отвѣтъ" г. Берга на мои замѣчанія (Русск. Арх. 1872, стр. 1031 и слѣд.) я прочиталъ съ отраднымъ чувствомъ. Изъ него я удостовѣрился, что не ошибся въ моихъ симпатіяхъ, что имѣю дѣло съ литераторомъ, оживляемымъ тѣми благородными чувствами, съ которыми, увы, такъ рѣдко встрѣчаемся въ литературныхъ препинаніяхъ. Irritabilis gens scriptorum, несчастное авторское самолюбіе, такъ часто самой благонамѣренной полемикѣ придаетъ закваску личности, что другой разъ и не рѣшишься высказать чтó нужно для возстановленія истины, изъ опасенія вызвать оглушающіе крики раздраженныхъ гусей. Но такъ понимать полемику и такъ принимать откровенныя замѣчанія, какъ ихъ понимаетъ и принимаетъ г. Бергъ это есть именно służyć poczciwej sławie (служить честной славѣ), какъ сказалъ Кохановскій.

Отдавъ эту дань моему, не противнику, а соискателю истины, я все таки не могу оставить его отвѣта, не сказавъ нѣскольких словъ какъ въ оправданіе противъ сдѣланнаго мнѣ имъ упрека, такъ и для того, чтобы при этомъ случаѣ высказать одно обстоятельство, пополняющее мою статью объ Огрызкѣ и его газетѣ и которое, хотя относится лично до меня, но представляетъ характеристическую черту къ исторія нашей письменности, цензуры и администраціи недавно прошедшаго времени. Притомъ, къ случаю, выскажемъ и еще кое-что.

Будемъ говорить по порядку и начнемъ съ упрека.

Говоря объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ учрежденіе газеты „Слово", заведеніе Огрызкомъ типографіи, перепечатаніе имъ Volumina Legum и запрещеніе газеты (о чемъ въ то время написано было много фантастическаго въ журналахъ) и представляя эти обстоятельства въ истинномъ ихъ свѣтѣ, я по этому поводу привелъ Французскую поговорку что" полдня надо искать въ 12, а не въ 14 часовъ". Поговорка эта значитъ, что въ изслѣдованіи сущности всякаго предмета не должно докапываться глубже самаго дна, дабы не докопаться до абсурда, что не надо увлекаться ни предвзятыми убѣжденіями, ни слишкомъ утонченными предположеніями, а доискиваться истины постепенно, шагъ за шагомъ, ставя слѣдующій шагъ неиначе, какъ утвердивъ предъидущій на почвѣ положительныхъ данныхъ. Я прибавилъ, что, иначе поступая въ области Исторіи, можно переполнить ее ошибочными данными собственнаго издѣлія.

Поговорка была направлена вообще на всѣхъ тѣхъ, которые писали о дѣлѣ, касающемся изданій Огрызки безъ знанія этого дѣла и, къ сожалѣнію, она нашла себѣ примѣненіе къ нѣкоторымъ пунктамъ статьи г. Берга. А какъ онъ упрекнулъ меня въ этой цитатѣ, то я въ оправданіе себя вынужденъ указать на эти пункты. Вотъ они:

1) Г. Бергъ видѣлъ нарушеніе гармоніи въ управленіи Россіи и Польши отъ того, что въ Петербургѣ разрѣшалось изданіе газеты на Польскомъ языкѣ, безъ сношенія съ правительствомъ Царства. Въ этомъ онъ оказывалъ болѣе проницательной заботливости, чѣмъ всѣ намѣстники и начальствующія лица, смѣнявшіеся въ тамошнемъ краѣ въ теченіе пятидесяти семи лѣтъ (1815—1872), изъ которыхъ никто не заявлялъ подобнаго опасенія, даже и самъ П. А. Мухановъ (I).

2) Г. Бергъ, подобно другимъ, писавшимъ объ этомъ предметѣ, назвалъ типографію Огрызки *Польскою*, тогда какъ, собственно говоря, никакая типографія, какъ напримѣръ и никакая аптека, не имѣютъ своей народности: онѣ готовы на услуги

всѣхъ и вѣроятно по этому называются полатыни *officina*; онѣ такія же космополитки, какъ и всѣ заведенія, гдѣ за деньги производятся работы и продаются товары.

3) Въ изданіи Volumina Legum, г. Бергу, подобно другимъ, писавшимъ объ этомъ, видѣлось нѣчто такое, чего въ дѣйствительности не было, какъ это въ моей статьѣ доказано.

Все это были маленькія „midi à 14 heures" и, кажется, я употребилъ эту поговорку не безъ основанія. Но г. Бергу захотѣлось переобратить *) ее на меня, кольнуть меня собственною моею булавкою. Онъ усматриваетъ подобный оптическій обманъ въ томъ, что его сужденіе о г. Крашевскомъ я назвалъ абсолютнымъ и диктаторскимъ.

Я желалъ бы, подражая похвальному примѣру г. Берга, отступиться отъ сказаннаго мною; но въ интересѣ истины не могу этого сдѣлать, не могу принять его упрека и долженъ отстаивать употребленныя мною выраженія.

Говорить *абсолютно*—это говорить отъ своего имени, безъ мотивовъ и оговорокъ. Мы такъ говоримъ, и справедливо, о томъ что намъ извѣстно положительно.

Г. Бергъ, самъ не бывши Польскимъ литераторомъ, такимъ образомъ, то есть безъ всякихъ ссылокъ и оговорокъ, выразился о г. Крашевскомъ, назвалъ его, proprio motu, первымъ свѣтиломъ въ Польской литературѣ. Это-то и есть говорить абсолютно. Такъ именно говорятъ диктаторы; слѣдовательно „абсолютно" и „диктаторски" слова близко значущія (синонимы), а потому можно развѣ признать, что одно изъ нихъ лишнее, но нельзя сказать, чтобы одно или другое было неумѣстно. Только теперь, изъ отвѣта г. Берга, узнаёмъ, что̀ послужило ему основаніемъ къ пожалованію одного изъ тогдашнихъ Польскихъ писателей въ такое высокое званіе. Это было во 1-хъ, избраніе его обществомъ Варшавскихъ Евреевъ въ редакторы газеты, предназначенной для уничтоженія враждебной тѣмъ же Евреямъ „Варшавской Газеты", а во 2-хъ, оваціи, дѣлаемыя г. Крашевскому въ его разъѣздахъ по Царству Польскому и въ бытность въ Краковѣ, распространеніе въ тамошнемъ краѣ его портретовъ и бюстовъ и наконецъ „общій говоръ".

Эти обстоятельства, особенно тому, кто хорошо знаетъ исторію Польской литературы за послѣднее 50-лѣтіе, не представляли бы еще достаточнаго повода превознести г. Крашевскаго надъ всѣми современными ему писателями по слѣдующимъ соображеніямъ. Евреи практичный народъ, это безспорно; но, принимая выборъ ихъ за рѣшительный критерій къ сужденію о достоинствѣ писателя, г. Бергъ не обратилъ вниманія на то, что всякій выборъ тогда только служитъ чему бы то ни было доказательствомъ, когда онъ состоялся вслѣдствіе конкурренціи; эта истина даже выражена въ пословицѣ „на безрыбьѣ...." Въ настоящемъ же случаѣ неизвѣстно, была ли конкурренція, то есть была ли кому либо другому предлагаема сдѣлка, которую принялъ г. Крашевскій, или заявлялъ ли кто нибудь самъ, изъ названныхъ мною писателей, желаніе занять положеніе, установляемое условіями сдѣлки? Вотъ существенный элементъ, котораго не достаетъ въ аргументаціи, основанной на чутьѣ „практическаго народа".

Это одно. Что̀ же касается овацій и „общаго говора", подтверждаемаго „вещественными доказательствами" бюстовъ и портретовъ, то одно и другое могло конечно показаться многозначущимъ г. Бергу, не вполнѣ, какъ видно, знакомому съ прецедентами края въ дѣлѣ литературнаго вкуса, но не въ состояніи было бы прельстить насъ, старожиловъ міра Польской литературы. Приведемъ только одно, но это одно послужитъ болѣе чѣмъ достаточнымъ противувѣсомъ тріумфамъ г. Крашевскаго въ краяхъ за Нѣманомъ и Бугомъ. Довольно

*) Французское retorquer.

сказать, что въ этой странѣ долго не понимали Мицкевича, что все общество и всѣ журналы, съ рѣдкимъ единомысліемъ, провозгласили его бездарнымъ сумасбродомъ, что не нашлось *ни одного* голоса для протеста противъ такого приговора. Это продолжалось не малое время, и приговоръ вошелъ бы въ „законную силу", на основаніи „земской давности", еслибы къ счастью, до истеченія срока этой давности, и именно въ 1830 году, Нѣмецкія, а за ними и Французскія газеты не повторили словъ Гёте, который Мицкевича призналъ первымъ поэтомъ вѣка. Послѣ того въ Варшавѣ, Познани, Краковѣ, восторгамъ конца уже не было.

Надѣюсь, что для г. Берга, почитателя Мецкевича и прекраснаго переводчика его твореній, приведенный случай будетъ настоящимъ argumentum ad hominem, и что онъ впередъ не безусловно будетъ полагаться на привислянскій „общій говоръ" въ дѣлѣ литературы.

Можно бы мнѣ возразить, что я говорю о довольно давно прошедшемъ времени и что съ тѣхъ поръ, особенно послѣ урока съ Мицкевичемъ, общественный вкусъ сдѣлалъ тамъ успѣхи. Дай Богъ, чтобы то, что́ сказано о прошедшемъ, не относилось и къ настоящему!

Для исчерпанія предмета скажу еще, что ссылка г. Берга на то, ка̀къ онъ выразился о плодовитости г. Крашевскаго (стр. 1213) не можетъ неутрализировать силу фразы, гдѣ послѣдній названъ *свѣтиломъ*; все таки это названіе даетъ невѣрное понятіе о Польской литературѣ тому, кто съ нею незнакомъ.

Мнѣ право совѣстно, что я такъ много написалъ о преувеличенной метафорѣ, употребленной г. Бергомъ. Но и и онъ, и многіе поймутъ, что не одинъ его lapsus calami я имѣлъ тутъ въ виду.

И такъ покончимъ съ этимъ. Но въ отвѣтѣ г. Берга есть мѣсто, которое живо напомнило мнѣ одинъ курьезный со мной случай. Г. Бергъ говоритъ о тормозахъ, которые встрѣчаетъ при своихъ изслѣдованіяхъ въ Варшавѣ. Я тѣмъ охотнѣе вѣрю его словамъ, что подобныя препятствія я испыталъ самъ на себѣ даже въ обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ, когда хотѣлъ раскрыть истину, и то въ дѣлѣ, не до одного меня касающемся. Я разскажу этотъ *казусъ* здѣсь въ дополненіе къ моей статьѣ объ Огрызкѣ и его газетѣ и въ объясненіе заключающагося въ ней намека. Разсказъ этотъ, какъ я упомянулъ, послужитъ также одною изъ данныхъ для характеристики времени и самой обстановки.

Упомянутый намекъ есть слѣдующій. Прописавъ поименно составъ бывшаго на 1862 годъ Главнаго Управленія Ценсуры (Рус. Арх. 1872, стр. 1035), я говорю: „Одно это исчисленіе достаточно къ опроверженію *болѣе чѣмъ неумѣстныхъ выходокъ*, которыя, по дѣлу Огрызки, случалось намъ читать въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ".

Вотъ къ чему относится этотъ намекъ.

Въ 1864 году, когда уже Огрызко былъ осужденъ за государственныя преступленія, въ выходившемъ тогда журналѣ „Виленскій Дневникъ" появилась статья безъ имени автора, въ которой проводились слѣдующія положенія: Огрызко испросилъ разрѣшеніе издавать газету „Слово" на Польскомъ языкѣ, съ предвзятою цѣлью прекратить ее вскорѣ, послѣ напечатанія какихъ нибудь 15—20 нумеровъ. Разрѣшеніе это нужно было ему лишь для того, чтобы завести собственную типографію, а завести ее нужно было для того, чтобы перепечатать не находившійся уже въ продажѣ сборникъ Сеймовыхъ постановленій бывшей Польской Рѣчи Посполитой (Volumina Legum), который, въ случаѣ удачи Польскаго возстанія, представилъ бы собою готовый кодексъ для воскресшей Польши. Для осуществленія этого плана, Огрызко имѣлъ единомышленника и дѣятельнаго помощ-

ника въ средѣ самаго Главнаго Управленія Цензуры. Это былъ членъ *Польскаго происхожденія,* котораго авторъ статьи означалъ псевдонимомъ Сигизмунда Катоновича. (Такъ какъ въ этомъ Управленіи я одинъ былъ такого происхожденія, и отчество мое, хотя не Катоновичь, но сходно съ нимъ, Антоновичь: то это было явное указаніе на меня).

Переходя къ участію моему въ планѣ Огрызки, глубокомысленный авторъ статьи Виленскаго Дневника говоритъ, что я, одаренный *медоточивымъ* красночѣріемъ (?) убѣдилъ моихъ сочленовъ сперва разрѣшить изданіе газеты и учрежденіе типографіи, а потомъ, когда въ слѣдствіе тогожъ плана потребовалось прекратить это изданіе, то опять, по моему же (т. е. Сигизмунда Катоновича) медоточивому внушенію, газета Главнымъ Управленіемъ была запрещена, а въ слѣдъ за этимъ разрѣшено напечатаніе Volumina Legum.

И такъ я обвинялся въ сознательномъ содѣйствіи государственному преступнику, а Главное Управленіе Цензуры, высшее государственное установленіе, составленное изъ специальныхъ знаменитостей, представляющихъ интересы всѣхъ частей управленія, обвинялось въ томъ, что слѣпо, безсознательно поддавалось внушеніямъ одного изъ своихъ членовъ, и безусловно исполняло все, что было ему диктовано въ интересѣ Польскаго мятежа.

Въ этомъ сколько гнусномъ, столько же и нелѣпомъ доносѣ, не знаешь чему болѣе удивляться: безстыдной ли дерзости, или бросающемуся въ глаза безсмыслью и полнѣйшему невѣжеству доносчика. Мнѣ сказывали, что это писалъ кто-то изъ состоявшихъ при тогдашнемъ Виленскомъ, Ковенскомъ, Гродненскомъ и Минскомъ генералъ-губернаторѣ, генералѣ М. Н. Муравьевѣ; но кто именно, я и до сихъ поръ не знаю. Я и тогда подумалъ, и теперь остаюсь въ убѣжденіи, что этотъ нѣкто долженъ былъ быть изъ дворни генерала, кто нибудь изъ полуграмотныхъ субъектовъ его лакейской, буфета или конюшни. Онъ не могъ быть изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ, потому что и самый мелкій чиновникъ понимаетъ административныя приличія и смыслитъ хотя сколько нибудь въ дѣлопроизводствѣ; въ Виленскомъ же извѣтѣ видно было полное незнаніе и того и другаго.

Но что прикажете дѣлать? Это было въ самый разгаръ эпидемически господствовавшей полонофобіи, когда неосмысленная ненависть ко всему Польскому, *безъ изъятія,* почиталась квинтессенціею патріотизма, когда, по непостижимому помраченію ума, не допускалось никакого различія между преступниками, сумасбродами-мятежниками и личностями Польскаго происхожденія, искренно преданными законному правительству, когда великое большинство, громадное Панургово стадо, такъ наивно какъ маленькія дѣти въ Буку и Дюкдюка, а деревенскія бабы въ Домовыхъ и Лѣшихъ, вѣрило въ существованіе пресловутаго Польскаго катихизиса, найденнаго будтобы на *одномъ* убитомъ повстанцѣ и служащаго руководствомъ всѣмъ Полякамъ, находящимся въ Россійской службѣ (!!).

Въ такомъ по истинѣ болѣзненномъ настроеніи общественнаго мышленія, поглощалось съ жадностью все, что было писано противъ Поляковъ и поглощалось безъ всякой критики, безъ малѣйшаго соображенія, имѣетъ ли написанное хотя общій смыслъ, представляетъ ли хотя физическую возможность.

Памятно, что при томъ же настроеніи, всѣ Русскія газеты наперерывъ перепечатали статью Виленскаго Дневника, спѣша распространить какъ можно болѣе заключающіеся въ ней нонсенсы.

Когда статья такъ разгуливала по Россіи, Главное Управленіе Ценсуры было уже упразднено и преобразовано въ Совѣтъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, по дѣламъ книгопечатанія, такъ что этому министру подчинена цензурная

часть, состоявшая до того въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. По особому высочайшему повелѣнію, изъ бывшаго Главнаго Управленія я былъ перемѣщенъ членомъ въ упомянутый Совѣтъ, состоявшій изъ новыхъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра, покойнаго А. Г. Тройницкаго.

Глубоко возмущенный пасквилемъ, явно на меня направленнымъ, я чувствовалъ, что мнѣ нельзя пройти его молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что тутъ оскорблялась не одна моя личность, но и оффиціальный характеръ, который я имѣлъ, а вмѣстѣ оскорблялось и Главное Управленіе Цензуры, въ полномъ его составѣ; я же обвинялся въ тяжкомъ преступленіи. Поэтому, если бы тогда существовало теперешнее судоустройство, я не приминулъ бы привлечь доносчика къ суду и потребовать, чтобы онъ былъ подвергнутъ тому наказанію, которому подлежалъ я, въ случаѣ еслибы онъ доказалъ свой извѣтъ.

Но въ тогдашнемъ положеніи оставалось одно: отвѣчать печатно и изобличить всенародно автора пасквиля въ ложности и нелѣпости его показаній.

Въ такомъ смыслѣ и составлена была мною статья, со всѣми нужными доводами и матеріяльными доказательствами.

По вопросу, въ какомъ изданіи помѣстить мой отвѣтъ, не могло быть сомнѣнія. Онъ не могъ быть напечатанъ ни въ одной частной газетѣ; всѣ они con amore повторили Виленскую статью, да притомъ все что̀ исходило изъ Вильны, почиталось неприкосновеннымъ, наводило паническій страхъ. Это былъ какой-то status in statu, внѣ всякаго критическаго разбора.

Такимъ образомъ единственное приличное мѣсто для моего оправданія представляла правительственная газета, издававшаяся при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, „Сѣверная Почта". Я имѣлъ полное право полагать это по уваженіямъ, что въ дѣлѣ моемъ, какъ выше объяснено, заинтересовано было и правительственное установленіе, и что я самъ принадлежалъ къ составу того же министерства.

На этомъ, какъ мнѣ казалось, твердомъ основаніи, я обратился *по командѣ*, къ предсѣдателю нашего Совѣта А. Г. Тройницкому, прося его приказать или исходатайствовать приказаніе помѣстить мою статью въ Сѣверной Почтѣ.

Покойный Александръ Григорьевичъ, тонкій *по своему* дипломатъ, нашелъ мою статью и мое домогательство основательными и обѣщалъ доложить кому слѣдуетъ. Чрезъ два дня онъ объявилъ мнѣ слѣдующую резолюцію: „По условію заключенному съ редакторомъ Сѣверной Почты, министерство можетъ требовать помѣщенія въ ней только оффиціальныхъ статей, все же прочее предоставляется усмотрѣнію самаго редактора, и слѣдовательно я долженъ обратиться къ нему".

Я такъ и сдѣлалъ; но редакторъ, узнавши, что это возраженіе на нѣчто *написанное въ Вильнѣ*, почти испугался и отказалъ мнѣ безусловно.

Хотя все это было довольно ясно, но я, чтобы исчерпать всѣ средства, еще разъ былъ у г. Тройницкаго и просилъ его передоложить, что кромѣ статей чисто-оффиціальныхъ въ Сѣверной Почтѣ нерѣдко печатаются и полуоффиціальныя вещи, и что мое оправданіе, по изложеннымъ уже уваженіямъ, носитъ именно такой характеръ; что если извѣтъ останется безъ опроверженія, то это не можетъ не компрометировать и самое министерство, въ которомъ я служу, и т. п. Г. Тройницкій чрезъ нѣсколько дней долженъ былъ объявить мнѣ рѣшительный отказъ и на этотъ разъ уже безъ мотивовъ и оговорокъ.

И такъ, въ конечномъ результатѣ, я вынесъ грустное убѣжденіе, что, *въ данныхъ обстоятельствахъ*, можетъ быть изображено въ самомъ унизительномъ видѣ цѣлое высшее государственное установленіе, можетъ быть возведено на состоящаго въ службѣ, заслуженнаго чиновника (я тогда уже былъ

тайнымъ совѣтникомъ) тяжкое обвиненіе, и ни это установленіе, ни эта личность не могутъ, во всей Русской прессѣ, найти мѣста для своего оправданія и защиты отъ кого слѣдуетъ.

„Свѣжо преданіе........"

Какія были эти *данныя обстоятельства*, ставившія преграду дѣйствію самой простой справедливости? Я разъяснять не берусь; остается только, въ общемъ интересѣ, желать, чтобы они никогда не повторились.

Изъ этого увидитъ г. Бергъ, что тормазы къ раскрытію истины могутъ случаться не въ одной Варшавѣ и не въ такой неблагопріятной обстановкѣ, въ какой они ему мѣшаютъ.

Оканчиваю мою статью, повторяя изъявленіе моего искренняго уваженія къ г. Бергу за его благородный взглядъ на замѣчанія, дѣлаемыя добросовѣстно и добронамѣренно. Мнѣ очень пріятно будетъ продолжать съ нимъ обмѣнъ мыслей и по возможности содѣйствовать ему quand même къ разъясненію истины въ событіяхъ недавней исторіи.

Осипъ Пржецлавскій.

Село Первитино.
30 Мая 1872 года.

Примѣчанія.

I. Павелъ Александровичь Мухановъ (умершій въ текущемъ году за границею, членъ Государственнаго Совѣта и предсѣдатель Археографической Коммисіи), большую часть служебнаго своего поприща проходилъ въ Царствѣ Польскомъ. Съ усмиреніемъ перваго мятежа 1831 года онъ является уже тамъ на сценѣ. При князѣ Паскевичѣ онъ занималъ значительныя служебныя положенія, но пользовался особеннымъ довѣріемъ князя Горчакова и былъ, можно сказать, его правою рукою; а въ послѣднее время, до возстанія 1862 года, Мухановъ былъ главнымъ начальникомъ общирныхъ вѣдомствъ Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ. и Народнаго Просвѣщенія.

Въ управленіи ввѣренными ему частями онъ былъ безукоризненъ и оставилъ по себѣ славу человѣка безкорыстнаго и справедливаго.

Этого, можетъ, было бы и довольно для другого времени; но нашъ вѣкъ болѣе требователенъ: для него мало того, чтобы мирно и чинно *управлять*, нужно подвигаться. Нынѣшніе правители должны, по возможности, отрѣшаться отъ устарѣлыхъ взглядовъ, отъ *исключительностей* и предубѣжденій; имъ нужно непремѣнно запастись эклектизмомъ.

Всякій понимаетъ, что прежде всего обязанность министра въ Царствѣ Польскомъ была строго наблюдать общія пользы Имперіи и, въ соприкосновеніи ихъ съ интересами Царства, отдавать преимущество первымъ. Но это справедливо лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда эти два интереса приходятъ между собою въ столкновеніе, когда противурѣчатъ одинъ другому. Всякій же разъ, когда они идутъ по линіямъ, не сходящимся съ собою, когда и въ своемъ продолженіи они не сойдутся и другъ другу не помѣшаютъ: то нѣтъ раціанальной причины останавливать въ Царствѣ Польскомъ прогрессъ чего бы то ни было законнаго.

Тутъ-то и была слабая сторона въ Мухановѣ. Онъ былъ постоянно озабоченъ одною и тоюже мыслію о выгодахъ Имперіи, былъ всегда подъ вліяніемъ опасенія, чтобы то, что́ дѣлается въ Царствѣ въ разныхъ отрасляхъ развитія, не повредило этимъ выгодамъ. Но для основательнаго сужденія объ этомъ, нужны разныя условія. Нужно хорошо уяснить себѣ, въ чемъ состоятъ истинные обоюдные интересы, оцѣнить степень и самую возможность взаимнаго ихъ на себя вліянія, умѣть различить дѣйствительные выгоды и ущербы съ ихъ оттѣнками отъ кажущихся, наконецъ предусматривать въ отдаленной перспективѣ послѣдствія мѣропріятій. Задача не легкая, и Мухановъ на нашелся на высотѣ условій, требуемыхъ для удовлетворительнаго разрѣшенія ея и по-

тому, совѣстливо исполняя свою обязанность блюстителя выгодъ Имперіи, онъ счелъ за лучшее, за безопаснѣйшее, останавливать въ Царствѣ всякое развитіе. Онъ не могъ отвергать видимой полезности разныхъ прежнихъ учрежденій, которыя засталъ на мѣстѣ, хотя ихъ еще не было въ Россіи (гласный судъ, ипотека, земское кредитное общество, общественное страхованіе, эмеритура служащихъ и т. п.), и онъ не уничтожалъ того что̀ уже было, но покрайней мѣрѣ не соглашался на введеніе ничего новаго такого, что̀ не введено было еще въ Имперіи.

(Въ томъ мѣстѣ моей статьи, къ которому относится настоящее примѣчаніе, я потому упомянулъ о г. Мухановѣ, что еслибы существовало малѣйшее опасеніе по поводу разрѣшенія изданія Польскихъ газетъ въ Россіи безъ сношенія съ правительствомъ Царства, то г. Мухановъ, вѣчно стоявшій на пикетѣ, не преминулъ бы первый затрубить тревогу).

Въ подтвержденіе того, что̀ сказано объ исключительномъ взглядѣ Муханова, приведемъ здѣсь знаменательный примѣръ. Одинъ Варшавскій сенаторъ (Европейская знаменитость, хорошо извѣстная въ Петербургѣ), разсказывалъ мнѣ, что, бывши въ Варшавѣ, въ 50-хъ годахъ, онъ сообщилъ Муханову проектъ одного существеннаго улучшенія по учебной части. По разсмотрѣніи проекта, Мухановъ не нашелъ ничего сказать противъ него, но отозвался, что какъ это не введено въ Имперіи, то онъ не находитъ возможнымъ согласиться. Напрасно сенаторъ доказывалъ, что польза, ожидаемая отъ нововведенія, могла бы со временемъ быть распространена и на Россію, что проба сдѣланная въ Царствѣ могла бы послужить указаніемъ... Тутъ Мухановъ не далъ ему докончить и сказалъ: „Я не могу дозволить, чтобы Царство *указывало* что нибудь Имперіи, чтобы оно опережало ее“.

Эта одна черта достаточно характеризуетъ всю систему дѣятельности. Впрочемъ это только одинъ примѣръ; но таковъ былъ общій принципъ, который Мухановъ превозглашалъ во всеуслышаніе *).

Изъ этого видно, что въ складѣ ума Муханова недоставало существенной стихіи необходимой въ такихъ правителяхъ, какіе требуются для нашего времени; недоставало эклектизма, этого качества пчелы, которая собираетъ медъ со всякихъ цвѣтовъ, не справляясь объ ихъ народности и Линеевыхъ названіяхъ. Безъ этого живительнаго качества, дѣятельность всякаго „власть имѣющаго“ должна сойти на простую рутину и повлечь за собою невозмутимый застой.

Горячая привязанность къ отечеству, ко всему родному, чувство прекрасное. Но извѣстно, что найлучшія чувства, самыя добродѣтели, когда переступятъ за раціональные предѣлы, могутъ обращаться въ зло.

Что̀, напримѣръ, можетъ быть похвальнѣе усердія чиновника къ службѣ? Однакожъ Талейранъ повторялъ своимъ подчиненнымъ: „pas trop de zèle, messieurs, pas trop de zèle.“ Такъ и въ настоящемъ случаѣ; нѣтъ сомнѣнія, что исключительность Муханова была у него формою прекраснаго чувства, патріотизма; но такъ какъ оно было доведено до крайности, то и оставалось вполнѣ непроизводительнымъ, а потому вреднымъ.

Къ счастію Россіи, любовь къ отечеству иначе была понимаема Петромъ Великимъ, этимъ державнымъ эклектикомъ попреимуществу. И вотъ по чему мы съ такимъ восторгомъ празднуемъ

---

*) Позволимъ себѣ замѣтить, что многоуважаемый авторъ, кажется, недостаточно оцѣниваетъ положеніе, въ которомъ находился покойный П. А. Мухановъ. Система, коей онъ держался, была общею, правительственною, и къ ней привели императора Николая сами Поляки мятежомъ 1830 и 1831 годовъ. Мухановъ же былъ первоначально человѣкъ военный; къ нему вопіяла Русская кровь, пролитая въ подавленіи этаго мятежа, и онъ лично и дѣятельно участвовалъ въ штурмѣ Варшавы. *П. Б.*

двухвѣковый день пришествія на свѣтъ этого великаго человѣка *).

II. Я воображаю себѣ, какой гвалтъ поднялся бы на меня. если бы то, что пишу сегодня (30 Мая 1872 года) дабы посмѣяться надъ кошемаромъ *Польскаго катихизиса*, я писалъ тому лѣтъ 7-мь или 8, когда очень многіе вѣрили, что онъ дѣйствительно существуетъ и служитъ руководствомъ всѣмъ личностямъ *Польскаго* происхожденія, состоящимъ въ Россійской службѣ. Такое именно вѣрованіе было однимъ изъ тѣхъ умственныхъ повѣтрій, которымъ отъ времени до времени подвергаются преимущественно общества Славянскія. Повальныя болѣзни эти довольно скоро вылечиваются общественнымъ разсудкомъ, который, какъ бы уснувъ на короткое время, вдругъ просыпается и уничтожаетъ расшедшуюся ложь. Та однакожъ, о которой рѣчь, была болѣе упорна.

Мы пережили въ Петербургѣ нѣсколько подобныхъ эпидемій; прежде чѣмъ приступлю къ Катехизису, въ pendant къ нему и какъ бы для рамки, въ которой онъ рельефнѣе будетъ красоваться, разскажу о двухъ общественныхъ повѣріяхъ, не менѣе его въ свое время распространенныхъ и не менѣе фантастичныхъ.

Въ половинѣ Октября 1825 года, въ Петербургѣ разнесся слухъ, что изъ какого-то Малороссійскаго уѣзда привезли попа съ козлиною головою и рогами. Онъ тамъ у себя, въ деревнѣ, нарядился было въ шкуру козла, чтобы постращать одну бабу и отнять у ней найденный кладъ; но дьяволъ, котораго онъ въ этомъ костюмѣ представлялъ, распорядился такъ, что голова и шкура приросли къ тѣлу. Вотъ и привезли этого великаго грѣшника въ Невскій монастырь, и каждое утро и каждый вечеръ водятъ его на покаяніе въ Казанскій соборъ. Весь (какъ говорятъ о преобладающемъ большинствѣ) Петербургъ повѣрилъ этому драматическому разсказу. Въ теченіе болѣе недѣли, мало того, что десятки тысячъ любопытныхъ стояли по нѣскольку часовъ подъ дождемъ по всей указанной дорогѣ, а другіе десятки окружали соборъ,—мало того: жилище митрополита осаждаемо было мѣняющимися по цѣлымъ днямъ десятками пышныхъ каретъ, большею частію съ дамами высшаго общества. Онѣ умоляли высокопреосвященнаго показать имъ корыстолюбиваго попа, оригинально наказаннаго за его auri sacra fames.

„..... И вотъ общественное мнѣніе", скажемъ съ Грибоѣдовымъ.

Не знаю, какъ монастырь избавился отъ каретныхъ посѣтительницъ и посѣтителей. Но съ пѣшею толпой полиція раздѣлалась безцеремонно. На 8-й уже день, когда, послѣ многихъ увѣщаній, народъ все еще не расходился и домогался попа, то привезли пожарныя трубы и стали обливать. Тутъ уже никакое любопытство не устояло противъ душей Октябрской воды. Всѣ разбѣжались и болѣе уже не собирались. Попъ и съ рогами канулъ въ воду, и общество стало мало по малу смекать, что, дескать, можетъ его и совсѣмъ не было.

Басня о попѣ-рогоносцѣ туманила Петербургъ за два мѣсяца до 14 Декабря 1825 года. Слышно было, что будто бы изъ слѣдствія о Декабристахъ открылось, что они пустили ее въ обращеніе для испытанія легковѣрія народа, который, какъ и войско, они замыслили морочить другими выдуманными ими нелѣпостями.

Другія въ томъ же родѣ сказки были тѣ, которыя волновали населеніе сѣверной столицы во время первой холеры (1830 года); онѣ тѣмъ ближе идутъ къ нашему предмету, что бѣдствіе это пришлось какъ разъ на время перваго Польскаго возстанія и что вся холера приписана была вліянію мятежниковъ.

*) О, если бы воскресла на западныхъ окраинахъ Россіи дѣятельность Петра Великаго.! Давно перестали бы онѣ быть орудіемъ чужеземныхъ каверзъ, и сами были бы счастливѣе. *П. Б.*

Трудно теперь и повѣрить, чтобы въ Европейской столицѣ и въ XIX столѣтіи могли быть въ обращеніи такіе абсурды, какіе тогда большинствомъ принимались за звонкую монету. Но это большинство составляла не одна толпа. Неудивительно, напримѣръ, что простой народъ былъ убѣжденъ, что по ночамъ (замѣтьте, по Іюньскимъ Петербургскимъ ночамъ), Поляки расхаживали по огородамъ и посыпали ядомъ овощи; но какъ понять, что были оффиціальные ученые, которые оказывали не болѣе здраваго разсудка? Такъ, инженеръ-генералъ Опперманъ, умирая холерою, велѣлъ запечатать при себѣ графинъ съ Невскою водою, изъ котораго пилъ въ послѣдній разъ и послалъ его въ Академію Наукъ для изслѣдованія: какимъ ядомъ отравлена Нева? Другой примѣръ съ ученымъ же. Къ извѣстному О. И. Сенковскому, жившему тогда на дачѣ надъ самою Невою, пріѣзжаетъ его домашній врачь, докторъ медицины и хирургіи Нѣмецъ (фамилію къ сожалѣнію я забылъ) и передаетъ за самое достовѣрное, что въ прошлую ночь (также Іюньскую) вошли въ Неву пять Англійскихъ кораблей (excusez du peu) зафрахтованные мятежниками съ полнымъ грузомъ мышьяку, и весь этотъ грузъ высыпали въ рѣку. Онъ, докторъ, пріѣхалъ нарочно предостеречь, чтобы для дачи не брали воды изъ Невы. Сенковскій съ чувствомъ поблагодарилъ заботливаго врача, но попросилъ его болѣе не трудиться ѣздить къ нему.

Давно уже сказано, что всякая страсть равно, любовь, страхъ, гнѣвъ, ненависть не только помрачаютъ, но даже отнимаютъ разумъ; и вотъ наглядное подтвержденіе этой аксіомы.

Я нисколько не думаю преувеличивать, когда на одномъ умственномъ уровнѣ съ предыдущими баснями ставлю сказаніе о Польскомъ катехизисѣ.

Мнѣ можно бы возразить, что въ послѣднемъ нѣтъ той физической невозможности, которая въ двухъ первыхъ бросается въ глаза. Но я удерживаю мое сопоставленіе: если въ катихизисѣ нѣтъ физической невозможности, потому что всякій могъ взять листъ бумаги и написать его, за то есть моральная, умственная невозможность. Существованіе катихизиса не можетъ, какъ существованіе попа съ рогами и отравленіе Невы, быть опровержено прямымъ указаніемъ на матеріальный абсурдъ; за то оно опровергается какъ логическими соображеніями, такъ положительными современными фактами [1]).

Въ виду того, что говоръ о катихизисѣ почти затихъ, что изъ верхнихъ этажей онъ спустился уже въ подвальные и что едвали теперь кто нибудь, не побоясь быть смѣшнымъ, рѣшится извлечь его оттуда, я колебался, говорить ли мнѣ объ немъ серьёзно. Но я подумалъ, что пишу для изданія, собирающаго историческіе матеріалы. Въ этой пріуготовительной работѣ ничто не должно быть пропускаемо, особенно ничто такое, что нѣсколько сряду лѣтъ занимало общество и имѣло своего рода вліяніе. И такъ я выскажу что́ знаю и что́ думаю о предметѣ.

Прежде всего вотъ обстоятельство немаловажное, но мало кому извѣстное: сказаніе у насъ о Польскомъ катихизисѣ не имѣетъ даже достоинства оригинальной выдумки; оно Германскаго происхожденія и подогрѣто изъ Нѣмецкихъ газетъ. Во время смутъ въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ, въ 1846 году, въ одной тамошней газетѣ появилась статья съ изложеніемъ *почти* такогоже катихизиса, какой мы, послѣ 1862 года, читали во всѣхъ Русскихъ газетахъ. И онъ также былъ найденъ на одномъ убитомъ мятежникѣ, такъ что и это обстоятельство въ Русской версіи не ново, а всецѣло принадлежитъ изобрѣтательности того ума, который выдумалъ обезьяну. Многіе въ свое время читали эту газету, но позабыли о Познанской сказкѣ и

[1]) Ну а не подтверждается ли оно логически же общеизвѣстными фактами изъ исторіи изувѣрства, напр. отравою въ видѣ св. Причастія? *И. Б.*

вспомнили ее только, когда она ожила въ Русскихъ газетахъ въ измѣненной нѣсколько формѣ, во время послѣдняго Польскаго мятежа. Въ обоихъ текстахъ проводится одинаковая главная мысль, но версіи значительно рознятся. Русская версія примѣнена къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и къ положенію Поляковъ въ Русской службѣ [2]).

Если это маленькое сочиненіе будетъ разсматривать экспертъ, опытный вообще въ писательскомъ дѣлѣ, искусившійся въ разныхъ родахъ стиля, особенно въ канцелярскомъ: то откроетъ въ немъ несомнѣнные отличительные признаки бюрализма. Они видны и въ фразировкѣ, и въ строеніи періодовъ, и въ казенномъ, канцелярскомъ складѣ мысли. Катихизисъ отзывается привычною его сочинителю рутиною докладныхъ записокъ, писанныхъ самими столоначальниками или дѣльными, но несчастливо служащими старшими ихъ помощниками, гдѣ все отчетливо, все связно, гдѣ, какъ въ канцеляріяхъ говорятъ „бумага сама за себя отвѣчаетъ.“ Это въ особенности видно въ тѣхъ мѣстахъ текста, гдѣ имѣлось цѣлью внушить недовѣріе къ служащимъ Полякамъ, а одноплеменныхъ имъ отстранить отъ службы въ будущемъ [3]).

Катихизисъ имѣетъ форму инструкціи и приписывается эмиграціонному комитету; но еслибы этотъ комитетъ хотѣлъ удалить всѣхъ Поляковъ изъ Россійской службы, то не могъ бы поступить болѣе цѣлесообразно, какъ снабдить ихъ такою инструкціею, которая, попавшись въ руки Русскаго правительства, что́ весьма легко могло случиться, на всегда преградила бы имъ служебную карьеру. Подробности этой мнимой инструкціи, чрезвычайно предусмотрительно примѣненныя ко всѣмъ случайностямъ карьеры Поляковъ въ Россійской службѣ, эти-то подробности, при внимательномъ анализѣ, и выдаютъ автора, несомнѣнно указывая на доморощенное происхожденіе Русскаго текста: никакой иностранный комитетъ не можетъ знать тѣхъ подробностей и предвидѣть тѣхъ случайностей [4]).

Такъ-то излишняя тщательность оказываетъ иногда медвѣжую услугу, слишкомъ утонченная старательность порождаетъ промахи и обнаруживаетъ затаенную заднюю мысль. Второ-и третье-степеннымъ дѣятелямъ никогда не довольно часто напоминать Талейраново „pas trop de zèle“. Кромѣ того что здѣсь сказано объ изложеніи, если бы страстно желавшіе вѣрить въ подлинность Польскаго катихизиса не состояли подъ вліяніемъ страсти, всегда помрачающей здравый судъ, то ихъ конечно поразило бы то обстоятельство, что найденъ былъ всего *одинъ* его экземпляръ на *одномъ* убитомъ повстанцѣ, что ихъ не найдена тысяча на тысячѣ другихъ убитыхъ, и не найдено нѣсколько тысячь въ бумагахъ арестованныхъ и сужденныхъ въ теченіе двухъ лѣтъ разныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ о мятежѣ [5]). Мнѣ покрайней мѣрѣ не случилось читать въ газетахъ ничего о повторившейся сего рода находкѣ. Какъ же это могло случиться, когда катихизисъ не долженъ былъ никогда покидать Поляка?

По этому, если катихизиса былъ только одинъ экземпляръ, то, согласитесь, объ немъ не стоило говорить, а уже никакая логика, ни справедливость не должна была позволить считать солидарными съ убитымъ повстанцомъ *всѣхъ* Россійскихъ подданныхъ Польскаго проис-

---

[2]) Все это покамѣстъ еще не доказательство. *П. Б.*

[3]) Читатели могутъ провѣрить этотъ отзывъ автора, прочитавъ Польскій катихизисъ въ приложеніяхъ ко 2 и 3 изданіямъ книги Ю. Ѳ. Самарина: „Іезуиты“. *П. Б.*

[4]) Отчего же? Мы знаемъ, что въ такъ называемую эмиграцію удалялись Поляки, искушенные въ Русской государственной службѣ. *П. Б.*

[5]) По чемъ знать? Вѣдь эти бумаги не обнародованы доселѣ. Щадя Поляковъ, великодушное правительство наше предпочитаетъ набросить на дѣла ихъ покровъ забвенія: такъ не было выпущено въ свѣтъ второе, вдвое умноженное вопіющими обличеніями и раскрытіями, изданіе книги объ Огрызкѣ, составленное изъ подлинныхъ дѣлъ г. Гогелемъ, по порученію графа Баранова. *П. Б.*

хожденія [6]. Тоже самое, съ тѣмъ же логическимъ ограниченіемъ, должно было разумѣть и въ такомъ случаѣ, еслибы найдена была, положимъ, и тысяча копій.

Я твердо увѣренъ, что ничего подобнаго такому нелѣпому обобщенію частнаго и даже недоказаннаго случая не моглобы имѣть мѣста въ настоящее время, и не могло бы именно по причинѣ введенія судебной реформы. Учрежденіе новаго судоустройства имѣло ближайшею цѣлью даровать болѣе правильное отправленіе правосудія въ дѣлахъ частныхъ лицъ; но оно, по естественной связи причинъ съ слѣдствіями, достигаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ несравненно высшей цѣли, и кругъ благотворнаго вліянія его несравненно обширнѣе круга частныхъ интересовъ.

Учрежденіемъ этимъ создана и открыта совершенно въ Россіи новая, общедоступная сфера, въ которой общество знакомится съ процессомъ правильнаго юридическаго мышленія, въ которой присутствуетъ при разностороннихъ умственныхъ состязаніяхъ, гдѣ исчерпываются всѣ возможныя комбинаціи пониманія закона для того, чтобы не мертвая его буква, а истинный духъ, задушевная мысль законодателя, служили указаніемъ къ рѣшенію вопросовъ. Прежніе пресловутые законовѣдцы, которыхъ главное достоинство состояло въ умѣніи обходить законъ и высматривать въ немъ лазейки, при теперешнихъ совѣстливыхъ искателяхъ юридической правды, изъ мастеровъ дѣла стали жалкими инвалидами отжившаго сутяжничества, заслуживающими презрѣнія за свою недобросовѣстность. Гласные суды, это по истинѣ школа, гдѣ общество, проводя пріятно время какъ на зрѣлищѣ, незамѣтно для него самаго вбираетъ въ себѣ и ассимилируетъ своему организму понятія права, гдѣ пріобрѣтаетъ драгоцѣнный навыкъ сужденія не по первому впечатлѣнію, а на основаніи доказательствъ или по раціональнымъ выводамъ. Кто, напримѣръ, хотя не имѣвшій никакого научнаго развитія, присутствовалъ при разбирательствѣ уголовныхъ дѣлъ на нѣсколько хорошо руководимыхъ судебныхъ слѣдствіяхъ, съ хорошими адвокатами, тотъ, даже на единѣ самъ съ собою, не позволитъ уже себѣ судить опромечтиво о чьей либо виновности, научится въ обвиняемомъ уважать священное право быть судимымъ и защищаться. Вотъ что въ короткое время гласный судъ сдѣлалъ уже для общества, и вотъ почему я сказалъ и повторяю, что теперь такая клевета, какъ та, которая была распространена на цѣлое племя, не моглабы войти въ общее обращеніе; общественное мнѣніе потребовало бы теперь данныхъ болѣе вѣродостойныхъ, чѣмъ безотвѣтственная журнальная статья; прежде чѣмъ повѣрить извѣту, оно спросилобы, оправдывался ли обвиняемый и имѣлъ ли возможность оправдываться? А въ случаѣ еслибы нашлись къ обвиненію доказательства, тоже общественное мнѣніе потребовало бы строгаго разбора невиновныхъ и строгаго отдѣленія ихъ отъ виновныхъ.

Отъ аналитическихъ соображеній, перейдемъ теперь къ замѣчаніямъ *a posteriore.*

Я провелъ на службѣ въ Петербургѣ болѣе 40 лѣтъ, изъ нихъ 28 приходится на службу Русско-польскую (въ Коммисіи составленія законовъ Царства). Въ этотъ періодъ, ознаменованный двумя Польскими возстаніями, Краковскими и Познанскими смутами 1846, обще-европейскими смутами 1848 года, я разновременно знавалъ въ Россійской службѣ мало сказать 200 личностей Польскаго происхожденія, изъ Царства, изъ всѣхъ западныхъ, югозападныхъ и Бѣлорусскихъ губерній. Изъ этого числа со многими я былъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ. Но ни я и никто изъ моихъ друзей и знакомыхъ, даже во время самыхъ смутъ, никогда и не слыхали ни о

[6]) За чѣмъ же *всѣхъ*? Въ Россіи такого заключенія не дѣлаютъ; подозрѣніе остается только подозрѣніемъ. *П. Б.*

какомъ Польскомъ катихизисѣ. Естественно ли это, и какъ это согласить съ общею молвою? [7]) Мы, служащіе въ столицѣ Имперіи, въ центральныхъ правительственныхъ установленіяхъ, находились именно въ такихъ служебныхъ обстоятельствахъ, къ которымъ наставленія мнимаго катихизиса прямо относились. Если мы ничего объ немъ не знали, то спрашивается: для кого онъ былъ предназначенъ и какимъ образомъ достигалъ своей цѣли?

Но отъ этаго намъ было нелегче. Когда газеты въ одинъ голосъ выдавали катихизисъ за общее исповѣданіе вѣры всѣхъ служащихъ нашей категоріи, когда цензура допускала такую наглую клевету, а опроверженія на нее не допускала, то такое положеніе нѣкоторымъ молодымъ чиновникамъ показалось невыносимымъ. Подъ тяжестію такого подозрѣнія, они сочли дѣломъ чести оставить службу. Одного изъ нихъ, мнѣ близкаго, я съ трудомъ уговорилъ остаться, объяснивъ, что о Польскомъ катихизисѣ не было печатано ничего оффиціальнаго, что слѣдовательно извѣстіе объ немъ можно считать злою газетною сплетнею, и притомъ она такъ нелѣпа, что долго просуществовать не можетъ.

Часто объ этомъ же бывалъ разговоръ съ покойнымъ министромъ статсъ-секретаремъ Царства Польскаго, О. И. Тымовскимъ, у котораго по субботамъ собирался интимный кружокъ на копѣечный вистъ. Когда кто нибудь заводилъ рѣчь о томъ, на что всѣ мы тогда сѣтовали, то почтенный старецъ только вздыхалъ и съ грустью замѣчалъ: „Que voulez vous; quand on est par terre et qu'on l'est par sa faute, on est exposé à reçevoir des coups de pieds“ [8]). Однажды онъ сказалъ: „Боже мой, не довольно ли дѣйствительныхъ грѣховъ лежитъ уже на Польскомъ имени, зачѣмъ выдумывать небывалые!“

Всякій разъ, когда обвиненіе, подобно настоящему, относится не къ совершившемуся, опредѣленному факту, а къ неуловимому нематерьяльному дѣянію, то въ опроверженіе обвиненія невозможно представить прямыхъ, осязательныхъ доказательствъ. Тогда остается одно: прибѣгнуть къ тому умственному процессу, который въ геометріи и логикѣ называется *доказательствомъ отъ противнаго* (probatio per absurdum). Я именно такъ и сдѣлалъ, и мнѣ кажется, что и аналитическимъ разборомъ самаго corporis delicti, и соображеніями, и живыми свидѣтельствами, достаточно доказалъ несправедливость и даже логическую несостоятельность того, что въ прессѣ было разглашено о мнимомъ Польскомъ катихизисѣ. Да и надо же было когда нибудь покончить съ этой Нѣмецкой выдумкой, которая, переодѣвшись въ Русское слово и въ Русскую обстановку, слишкомъ долго, въ ущербъ здравому разсудку, разжигала международныя страсти.

По этому мы имѣемъ право надѣяться, что въ исторіи послѣдняго десятилѣтія она явится не въ иной формѣ, какъ въ видѣ одного изъ ложныхъ слуховъ, въ извѣстное время волновавшихъ общество.

Будемъ также надѣяться, что съ развитіемъ составляющихъ одно великое отечество соплеменныхъ обществъ, такъ быстро и такъ дружно, по августѣйшей инйціативѣ подвигающихся по всѣмъ отраслямъ благаго прогресса, одно изъ этихъ обществъ будетъ менѣе легковѣрно къ злонамѣреннымъ внушеніямъ, а другое не подастъ въ будущемъ повода къ этимъ внушеніямъ, слѣдовательно и къ выдумкамъ подобнымъ той, о которой здѣсь была рѣчь [9]).

---

[7]) Извиняемся передъ авторомъ: намъ кажется это весьма естественнымъ и служащимъ именно къ его чести: воспитанники фанатическихъ ксендзовъ (вѣроятныхъ сочинителей катихизиса) не посмѣли о томъ и заикаться въ его присутствіи, хорошо зная вѣрноподданническія его чувства. *П. Б.*

[8]) Какъ же быть! Когда упадешь по своей винѣ, то не удивительно, что проходящіе тебя попираютъ ногами.

[9]) Вотъ къ этому заявленію почтеннаго автора присоединяемъ и наши сочувственныя и горячія желанія. *П. Б.*

ИЗЪ ЖИЗНИ ВИТЕБСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ 1858 ГОДА.

Въ 1858 г. въ Дрисенскомъ уѣздѣ, Витебской губерніи, обнаруживалось стремленіе поселянъ къ отпаденію отъ Православія. Крестьяне селенія Дзіорновицъ, помѣщика Корсака, первые подали тому примѣръ, уклонившись въ наступившую четыредесятницу отъ исповѣди и св. причащенія. Ими были подаваемы просьбы о дозволеніи (какъ они выражались) быть, по прежнему, Римско-Католиками; и хотя имъ неоднократно было объявляемо, что домогательство это не можетъ быть уважено, но крестьяне упорно пребывали въ своемъ заблужденіи, и всѣ увѣщанія, какъ духовенства, такъ и губернскихъ властей, оказывались безуспѣшными. Вскорѣ потомъ, я былъ назначенъ для обревизованія Витебской губерніи, и на меня, вмѣстѣ съ тѣмъ, было возложено изслѣдованіе всего относящагося до этого дѣла. Мнѣ было необходимо предварительно познакомиться съ документами. по предмету возсоединенія Греко-Уніятской церкви съ Православною, и изъ этихъ документовъ я почерпнулъ слѣдующія свѣдѣнія.

Не за долго до помянутаго возсоединенія (1839) возникли, въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ, со стороны Римско-Католическаго духовнаго начальства, жалобы на произвольное возвращеніе Греко-Уніятскимъ духовенствомъ принадлежавшихъ къ его паствѣ прихожанъ. Предъявлялось, что разысканія объ этихъ прихожанахъ производятся по одностороннимъ показаніямъ Греко-Уніятскихъ священниковъ; что они, безъ сношенія съ Римско-Католическими начальствами, требуютъ отъ настоятелей Латинскихъ метрическіе акты и церковныя книги для просмотра; что разными насильственными мѣрами, при содѣйствіи гражданскихъ властей, принуждаютъ отрекаться отъ Римскаго обряда людей, которые никогда къ Уніи не принадлежали и что нерѣдко присоединяютъ къ уніятскому обряду однофамильцевъ Уніятовъ, вѣнчаютъ иногда насильно Уніятокъ съ Римско-католиками и, по совершеніи брака, признаютъ сихъ послѣднихъ тоже принадлежащими къ своей паствѣ.

Тщательное изслѣдованіе этихъ обвиненій не только не подтвердило ихъ, но привело къ открытію, что Латинскіе ксендзы, разъѣзжая по деревнямъ, уговаривали крестьянъ не возвращаться въ ихъ прародительское исповѣданіе; привлекали Греко-уніятскихъ прихожанъ, о возвращеніи коихъ даже и Латинское начальство сдѣлало распоряженіе; принимали въ Римскій обрядъ Уніятокъ, состоявшихъ въ замужествѣ за Латинскими прихожанами; наконецъ приглашали въ помощь свою миссіонеровъ и публичными проповѣдями возбуждали явное презрѣніе къ Восточному обряду и Православію. При этомъ поименно указаны были ксендзы, съ обстоятельствами, сопровождавшими ихъ происки.

Между тѣмъ, несмотря на противудѣйствіе Латинскаго духовенства, вся Греко-Уніятская церковь возвратилась въ нѣдры Православія. Въ указѣ Правительствующаго Сената, Іюня 23-го 1839 года, значится, что по принесенной Государю Императору Греко-Уніятскими преосвященными епископами: Литовскимъ Іосифомъ, Оршинскимъ Василіемъ и епископомъ Брестскимъ Антоніемъ съ прочимъ духовенствомъ всеподданѣйшей просьбѣ о дозволеніи всѣмъ имъ, вмѣстѣ съ ввѣренною имъ паствою, присоединиться къ ихъ прародительской Православной церкви (при чемъ поднесенъ былъ составленный въ г. Полоцкѣ епископами съ духовенствомъ соборный актъ съ приложеніемъ къ оному собственноручнаго объявленія 1305 священниковъ и монашеской братіи, коими изъявлено твердое намѣреніе признать единство ихъ церкви съ Православною, Каѳолическою, Восточною церковію и быть въ послушаніи св. Сѵнода) Его Императорскому Величеству благоугодно бы-

ло въ 1 день Марта 1839 г. Высочайше повелѣть Святѣйшему Суноду разсмотрѣть означенный актъ и объявленія и положить, сообразно съ правилами Святой церкви, постановленіе, которое и послѣдовало 23 Марта въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Епископство, священство и духовныя паствы такъ именовавшейся донынѣ Греко-Уніятской церкви, по священнымъ правиламъ и примѣрамъ святыхъ отецъ, принять въ полное, совершенное общеніе Святой Православной Каѳолической Восточной церкви и въ нераздѣльный составъ Всероссійской церкви. Въ особенности епископамъ и священству преподать соборное благословеніе Св. Сунода съ молитвою вѣры и любви къ Верховному Святителю исповѣданія нашего, Іисусу Христу, да утверждаетъ ихъ въ изрѣченномъ исповѣданіи и да благо управляютъ дѣло служенія. Въ управленіи ввѣренныхъ имъ паствъ, имъ поступать на основаніи Слова Божія, правилъ церковныхъ и согласно съ предписаніями Св. Сунода, и утверждать эти паствы въ единомысліи Православныя вѣры; а къ разнообразію нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, не касающихся догматовъ и таинствъ, являть апостольское снисхожденіе и къ древнему единообразію возвращать оныя, посредствомъ свободнаго убѣжденія, съ кротостію и долготерпѣніемъ". Греко-Уніятская Духовная Коллегія переименована въ Бѣлорусско-Литовскую Духовную Коллегію, и преосвященный Іосифъ, возведенный въ санъ архіепископа, сдѣланъ предсѣдателемъ сей Духовной Коллегіи.

Не дремала однако Латинская пропаганда, не переставала она возбуждать возсоединенныхъ къ отторженію отъ Православія. Направленныя къ тому дѣйствія и распоряженія Римско-католической Духовной Коллегіи и Латинскихъ консисторій вызвали наконецъ необходимость принять мѣры къ отмѣнѣ таковыхъ противузаконныхъ распоряженій, поставить на видъ сдѣланныя отступленія отъ закона, сообщить какъ Православнымъ первосвященнымъ, такъ и Римско-католическимъ, обоюдныя жалобы ихъ духовенствъ, для принятія предосторожностей, чтобы отнюдь къ тому не было подаваемо справедливаго повода, подъ опасеніемъ строгой законной отвѣтственности; внушить Римско-католическимъ приходскимъ священникамъ, чтобы при необходимости точнаго выполненія Высочайшаго повелѣнія о возвращеніи изъ Латинства бывшихъ Уніятовъ (не дожидаясь требованій со стороны духовенства Православнаго), Католическіе священники сами сообщали оному полные именные списки всѣмъ своимъ прихожанамъ, съ отмѣткою въ оныхъ безъ малѣйшей утайки, какія лица слѣдуютъ къ возврату, съ предъявленіемъ (коль скоро возродится сомнѣніе въ правильности отмѣтокъ въ этихъ спискахъ) подлинныхъ метрическихъ актовъ. При этомъ постановлено было, что въ случаѣ пропуска лицъ въ метрическихъ актахъ или утраты самихъ актовъ, основываться на таковыхъ же документахъ возсоединенныхъ церквей, къ приходу коихъ означенныя лица принадлежали; также считать достаточнымъ собственное сихъ лицъ сознаніе, что они приняли Латинскій обрядъ послѣ Высочайшаго о томъ воспрещенія; если же представленный Латинскимъ приходскимъ ксендзомъ списокъ окажется удовлетворительнымъ и по оному всѣ слѣдующія къ возврату лица будутъ изъ Латинскаго прихода переданы въ Православный, то симъ оканчивается на всегда по тому приходу и самое дѣло о возвращеніи изъ Латинства. Это основано на указѣ Правительствующаго Сената 1810 года, коимъ опредѣлялось, что въ виду могущихъ возникнуть затрудненій въ исчисленіи давности перехода не цѣлыми деревнями, но лично нѣкоторыхъ Уніятовъ въ Римскій обрядъ, и дабы на случай споровъ, можно было имѣть для доказательства и свидѣтельскія показанія (къ чему весьма отдаленное время могло бы быть препятствіемъ), назначить таковый срокъ съ

1798 г, такъ какъ первое запрещеніе подговаривать Уніятовъ переходить въ Римскій обрядъ послѣдовало въ 1799 году Римско-католическимъ преосвященнымъ предоставлено было, по дѣламъ сего рода, въ случаѣ давности совращенія или по инымъ особымъ уваженіямъ, а также и во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, обращаться къ преосвященнымъ Православнымъ о каждомъ лицѣ особо, входя сколько возможно и въ личныя сношенія, такъ какъ Православные преосвященные, при мѣстномъсоображеніи, могли ближе видѣть, въ какихъ случаяхъ нужно немедленно приступить къ изслѣдованію обстоятельствъ совращенія изъ Православія или бывшей Уніи въ Латинство и къ преслѣдованію по законамъ, и въ какихъ можно отлагать оныя до времени, и даже оставлять нѣкоторыя дѣла безъ дальнѣйшаго преслѣдованія.

Приведеніе въ исполненіе этихъ мѣръ и тщательное за онымъ наблюденіе имѣли желаемый успѣхъ, и никакихъ дальнѣйшихъ попытокъ, къ отторженію отъ Православія въ Сѣверо-западномъ краѣ не проявлялось до 1858 г., когда, какъ выше сказано, въ Дрисенскомъ уѣздѣ Витебской губ., въ селеніи Дзіорновицъ, стала обнаруживаться подпольная агитація Латинскаго духовенства, при содѣйствіи католическихъ помѣщиковъ, направленная въ совращенію крестьянъ этого селенія.

Крестьяне эти, возсоединенные изъ Уніи къ Православію, постоянно исповѣдывались и причащались у своего приходскаго священника; но, окруженные со всѣхъ сторонъ католическими костелами и подъ вліяніемъ Доминиканъ, дѣйствовавшихъ совокупно съ помѣщиками на ихъ убѣжденія послѣдовательно, безъ устали, въ виду того, что *gutta lapidem cavat non vi, sed saepe cadendo* *), внушавшихъ имъ, будто исповѣдующіе Католичество одни только могутъ обрѣсти душевное спасеніе, что вѣра Православная есть *хлопская*, Католическая же ***панская***, они стали замѣтно колебаться.

Замыслы отторгнуться отъ Православія впервыя обнаружились между крестьянами помѣщика Корсака, изъ коихъ фельдшеръ Сивоха, главный агентъ Доминиканской пропаганды, сталъ разъѣзжать по деревнямъ Забляцкаго прихода, уговаривая и другихъ крестьянъ къ отступничеству. Совращеніе стало быстро распространяться, и составился общій сговоръ отторгнуться отъ Православія и обратиться въ Католичество. Поданы прошенія о дарованіи на то дозволенія сперва Римско-католическому митрополиту, а потомъ министру внутреннихъ дѣлъ и наконецъ и на Высочайшее имя. Въ Волынецкомъ Доминиканскомъ монастырѣ произносились фанатическія проповѣди и пущены въ ходъ (какъ наиболѣе соблазнительное и цѣлесообразное орудіе обольщенія), печатные патенты, дарующіе отпущеніе и всепрощеніе грѣховъ. Таковыя ухищренія не могли не подѣйствовать на слабые умы народа неразвитаго, подчиненнаго гнету католическихъ пановъ и утверждаемаго, въ своемъ заблужденіи, Дризенскимъ предводителемъ дворянства, который препроводилъ къ Римско-католическому митрополиту просьбу пяти крестьянокъ помѣщика Корсака. Въ просьбѣ этой онѣ жаловались на чинимыя ихъ мужьямъ и братьямъ преслѣдованія за подачу всеподданнѣйшаго прошенія о дозволеніи имъ оставаться въ Римско-католической вѣрѣ, на невыносимыя истязанія, ими будто бы претерпѣваемыя, отъ мѣстныхъ гражданскихъ и духовныхъ властей. Онѣ просили оставить ихъ привлеченныхъ (какъ они объясняли) къ Православію противъ желанія, въ Латинскомъ исповѣданіи, въ коемъ онѣ крещены и воспитаны. Къ сему предводитель дворянства присовокуплялъ, что Дзіорновицкіе крестьяне издревле Католики и таковыми должны оставаться и что они несправедливо причислены къ Православію; что Православное духовенство, для закрытія прежнихъ по

*) Капля долбитъ камень не своею силою, но частымъ паденіемъ.

сему дѣлу противузаконныхъ поступковъ (т. е. несправедливаго внесенія сихъ лицъ въ свои списки и ложнаго донесенія о добровольномъ принятіи ими Православія) желая скрыть предъ правительствомъ неисполненіе сими крестьянами рѣшительно никакихъ религіозныхъ обязанностей, ложно рапортовало о точномъ исполненіи оныхъ и, опасаясь отвѣтственности, вину свою старается отнести къ другимъ причинамъ; что коммиссія, на которую возложено было разъясненіе сего дѣла, превратно показываетъ сознаніе крестьянъ, при чемъ употребляетъ насилія и тѣлесныя наказанія.

По тщательномъ изслѣдованіи, обвиненія коммиссіи въ насиліяхъ и истязаніяхъ оказались совершенно ложными. Главные члены этой коммиссіи, жандармскій штабъ-офицеръ Лосевъ и совѣтникъ Витебскаго губернскаго правленія Говоровичь, извѣстны были какъ люди въ высшей степени кроткіе, осторожные и благоразумные; и всѣ ихъ усилія направлены были къ вразумленію крестьянъ, къ убѣжденію ихъ въ томъ, что домогательство о возвращеніи въ Католичество, какъ несогласное съ законами, не могло быть уважено. Но крестьяне, подстрекаемыя ксендзами и ободряемые предводителемъ дворянства и помѣщиками, не хотѣли внять никакимъ увѣщаніямъ. Упорство ихъ усиливалось, дѣло грозило принять неблагопріятный оборотъ и распространиться на сосѣдніе Дзіорновицкому возсоединенные приходы въ уѣздахъ Дрисенскомъ и Полоцкомъ, гдѣ съ любопытствомъ ожидали, чѣмъ все это кончится.

Въ виду настойчиво приводимыхъ Дрисенскимъ предводителемъ дворянства аргументовъ касательно неприкосновенной будто бы принадлежности Дзіорновицкаго прихода къ Латинству, мнѣ предстояло тщательно ознакомиться со всѣми обстоятельствами, относящимися собственно до этого прихода. Изъ собранныхъ по сему документальныхъ свѣдѣній видно слѣдующее.

Въ 1792 г. суфраганомъ Полоцкимъ, Тарновскимъ, составлена была генеральная визита, въ которой значилось, что Дзіорновицкій, Витебской губерніи Дрисенскаго уѣзда, Римско-католическій костелъ принадлежалъ Греко-уніятскому духовенству; въ послѣдствіи онъ былъ присвоенъ Римско-католиками, и преосвященный Василій, архіепископъ Полоцкій и Витебскій, просилъ въ Іюнѣ 1840 г. генералъ-губернатора Смоленскаго, Витебскаго и Могилевскаго Дьякова сдѣлать распоряженіе, на основаніи указа Правительствующаго Сената 25 Октября 1807 года, о передачѣ сего костела въ вѣдомство Православнаго духовенства. Къ дѣлу, вслѣдствіе того производившемуся, представлены были: 1) показаніе бывшаго Греко-Уніятскаго священника Яновскаго, управлявшаго Дзіорновицкимъ приходомъ, до занятія онаго Латинскимъ духовенствомъ, о томъ, что костелъ этотъ до Марта мѣсяца 1795 г. былъ приходскою Греко-унитскою церковію, но въ послѣдствіи церковь эта обращена въ костелъ, а прихожане обращены въ Латинство; 2) выданный въ 1773 г. архіепископомъ Іассономъ Смогоржевскимъ документъ (бенедикція) объ освященіи Дзіорновицкой церкви по обряду, описанному въ Православномъ требникѣ. Со стороны же Латинскаго духовенства, въ дѣлѣ оказался лишь одинъ документъ митрополита Сестренцевича 1797 года о предоставленіи Дзіорновицкой церкви (во имя Михаила Архангела) привиллегіи на разрѣшеніе отъ грѣховъ. Хотя же помѣщикъ имѣнія Дзіорновицъ и ксендзъ Королевичь показывали, что тамошній костелъ устроенъ въ 1770 г. и освященъ по Римскому обряду, но документовъ на сіе никакихъ не представлено.

Имѣя въ виду какъ сіи обстоятельства, такъ и то, что по свѣдѣніямъ, представленнымъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ отъ Римско-Католическаго епархіальнаго начальства за 1840 и 1841 годы, Дзіорновицкая церковь показана приходскою, но числа прихожанъ вовсе

не означено (изъ чего слѣдуетъ, что они, какъ Уніяты, возвратились въ Православіе) указомъ Правительствующаго Сената 28 Сентября 1842 г. предписано было возвратить изъ Латинскаго въ вѣдомство Православнаго духовенства церковь въ с. Дзіорновицахъ, *въ которой* (подчеркнутыя слова находятся въ предложеніи о семъ Римско-католической Духовной Коллегіи) *съ возвращеніемъ Греко-Уніятовъ въ Православіе, нѣтъ вовсе прихожанъ Римско-католическаго исповѣданія.* Распоряженіе сіе исполнено въ Январѣ 1843 г. Мѣстное Латинское приходское духовенство, донося Консисторіи о передачѣ Дзіорновицкаго костела въ Православное вѣдомство, упоминаетъ между прочимъ, что въ томъ приходѣ осталось Римско-католиковъ разнаго сословія 2718 душъ безъ костела и что богослуженіе для нихъ отправляется въ каплицѣ. По разбору же, учиненному въ 1845 г. приходскимъ ксендзомъ, обще съ Православнымъ священникомъ, число лицъ переданныхъ Православному духовенству, показано 1721.

Изъ этого ясно видно, что, вопреки утвержденіемъ Дрисенскаго предводителя дворянства о неправильной передачѣ этихъ послѣднихъ лицъ Православному духовенству, она была произведена на основаніи учиненнаго самимъ Латинскимъ духовенствомъ (совокупно съ Греко-россійскимъ) разбора; и если и допущено были тутъ какія либо неправильности, то вина въ томъ падаетъ на самаго ксендза, участвовавшаго въ разборѣ.

Прибывъ съ запасомъ вышеизложенныхъ свѣдѣній въ Витебскъ, я узналъ, что за нѣсколько до того дней, содержавшійся въ тюрьмѣ, главный агентъ Католической пропаганды и глава сговора, Викентій Сивоха выразилъ губернскому прокурору Готовцову [1]), раскаяніе и желаніе примириться съ Восточною церковью, и что онъ былъ, вслѣдствіе того, допущенъ къ исповѣди и пріобщенію св. тайнъ. Обрадованный такимъ извѣстіемъ, въ надеждѣ, что примѣръ зачинщика и коновода благотворно подѣйствуетъ на четерыхъ другихъ его одновотчинниковъ, обличенныхъ въ совращеніи и находившихся въ Дрисенской тюрьмѣ, я ихъ вызвалъ къ себѣ; но, къ сожалѣнію, увѣщанія какъ мои, такъ и Сивохи, не имѣли вліянія на умы этихъ закоснѣлыхъ фанатиковъ, и я принужденъ былъ отослать ихъ назадъ съ приказаніемъ отвести имъ отдѣльное помѣщеніе и содержать съ кротостію и въ полномъ довольствіи, поручивъ наблюденіе за этимъ прокурору и его помощнику.

За тѣмъ, признавая необходимымъ заручиться содѣйствіемъ или, по крайней мѣрѣ, предупредить противудѣйствіе со стороны Дзіорновицкаго помѣщика Корсака, я письменно выразилъ ему увѣренность въ признаніи имъ за непреложную истинну того, что Государь нашъ, равно пекущійся о благѣ всѣхъ Своихъ подданныхъ, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали, покровительствующій всѣмъ видамъ служенія Богу не только у Христіанъ, но и у Евреевъ и Мусульманъ, ограждающій ихъ отъ всякихъ притѣсненій, не можетъ однако допускать совращенія изъ господствующей въ Россійской Имперіи церкви. Къ этому я присовокупилъ, что хотя онъ Корсакъ и доноситъ Коммиссіи, что, исповѣдуя самъ Римско-католическую вѣру, онъ не можетъ въ иномъ смыслѣ дѣйствовать на религіозныя убѣжденія своихъ крестьянъ, но я позволяю себѣ однако ему напомнить, что онъ обязался подпискою утверждать этихъ крестьянъ въ Православіи. Въ заключеніе я писалъ, что онъ, какъ вѣр-

[1]) Нынѣ сенаторъ. Своимъ просвѣщеннымъ стремленіемъ къ добру и пользѣ, своею неуклонною правдивостію и возвышеннымъ взглядомъ на выполненіе лежавшихъ на немъ обязанностей, Готовцовъ снискалъ себѣ уваженіе и признательность всѣхъ благомыслящихъ людей.

ноподданный Государя Императора и какъ просвѣщенный христіанинъ, сознаетъ, что и Римско католическимъ исповѣданіемъ повелѣвается повиноваться верховной власти и законамъ государства; а, какъ сердобольный отецъ, къ коему крестьяне несомнѣнно питаютъ болѣе довѣрія нежели къ кому либо, конечно не откажется вразумить ихъ и внушить имъ, что неповиновеніемъ они навлекаютъ на себя достойную кару, губятъ себя и свои семейства. Вмѣстѣ съ тѣмъ я приглашалъ г. Корсака прибыть въ его имѣніе Дзіорновицъ, ко времени моего туда пріѣзда.

Между тѣмъ, воспользовавшись съѣздомъ въ Витебскъ уѣздныхъ предводителей дворянства равно какъ и нѣкоторыхъ помѣщиковъ, по случаю торжественнаго открытія, въ присутствіи моемъ, 1-го Іюля 1858 г., Комитета для составленія проэкта объ улучшеніи быта крестьянъ, я отнесся къ нимъ, подобно какъ къ Корсаку, съ напоминаніемъ о данныхъ ими подпискахъ касательно утвержденія подвластныхъ имъ крестьянъ Православнаго исповѣданія въ выполненіи требъ по этому обряду. Настоянія мои въ особенности обращены были къ Дрисенскому предводителю, которому я повторилъ, въ самыхъ положительныхъ выраженіяхъ, что считаю невозможнымъ ожидать отъ него, какъ отъ исповѣдующаго Латинство, вліянія на религіозныя убѣжденія его крестьянъ, но въ тоже время въ правѣ требовать, чтобы, на основаніи данной имъ подписки, онъ не оказывалъ мнѣ противодѣйствія въ удержаніи послѣдователей Православія въ вѣрѣ ихъ прародителей.

Отправившись затѣмъ въ Дзіорновицъ, я засталъ на пути своемъ, въ Полоцкѣ, прибывшихъ ко мнѣ на встрѣчу посыланныхъ мною къ Корсаку жандармскаго штабъ-офицера Лосева и состоявшаго при мнѣ чиновника Милоса. Они доставили мнѣ отвѣтъ сего послѣдняго, въ коемъ, между прочимъ, выражая сожалѣніе, что по случаю постояннаго болѣзненнаго состоянія, преклонности лѣтъ и отдаленности, онъ лишенъ возможности оказывать мнѣ лично содѣйствіе, помѣщикъ заявлялъ, что, будучи преисполненъ вѣрноподданническою преданностію къ обожаемому Монарху, онъ ничего болѣе не желаетъ какъ чтобы крестьяне поняли свое заблужденіе и, восчувствовавъ раскаяніе, съ благоговѣніемъ обратились къ этому долгу и тѣмъ себѣ, семействамъ своимъ и ему доставили спокойствіе. Для достиженія сего Корсакъ отрядилъ ко мнѣ довѣренное ему лицо, Жарновскаго, ему и всему уѣзду (какъ онъ выразился) въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, извѣстнаго своею честностію и добросовѣстностію.

Въ Полоцкѣ сообщены мнѣ были непреложныя свѣдѣнія о подпольныхъ козняхъ и ухищреніяхъ членовъ Латинскаго духовенства, съ указаніями ихъ именъ. Нѣкоторыя изъ сихъ свѣдѣній мнѣ были переданы самими Римско-католическими ксендзами, претерпѣвшими гоненія отъ своихъ начальниковъ за то, что они не соглашались принимать къ исповѣди и св. причастію лица, принадлежавшія Православной церкви. Изъ этихъ сообщеній, между прочимъ, видно, что настоятели Забяльскаго Доминиканскаго, равно и Полоцкаго, монастырей ободряли Дзіорновицкихъ крестьянъ, говоря имъ: „Держитесь, дитки: всѣхъ въ Сибирь не сошлютъ; мы будемъ Бога молить, чтобы васъ поддерживалъ“.

Снабдивъ Жарновскаго надлежащею инструкціею, я отправилъ его съ г.г. Лосевымъ и Милосомъ въ Дзіорновицъ, приказавъ собрать, къ моему пріѣзду, всѣхъ домохозяевъ изъ деревень, принадлежащихъ Корсаку; самъ же прибылъ туда 12 Іюля. Когда явился я къ толпѣ, собранной на пространной площади, предъ помѣщичьимъ домомъ, мнѣ представился образецъ того раболѣпства, въ коемъ Польскіе паны содержали своихъ подвластныхъ. Крестьяне лежали навзничь на землѣ, и съ трудомъ могъ я ихъ уговорить встать. Тогда было имъ прочитано и повторено Жарнов-

скимъ, на Бѣлорусскомъ нарѣчіи, мое къ нимъ слѣдующее обращеніе. „Государю Императору донесено было объ уклоненіи вашемъ, въ великій постъ, отъ выполненія святаго долга исповѣди и причастія, по обряду Православной вѣры, къ которой вы принадлежите. Прискорбно было сердцу нашего Государя узнать, что въ то самое время когда Онъ, въ особенности, заботится объ улучшеніи вашего быта. вы измѣняете своей вѣрѣ. Не довольно того: вамъ объявлено на просьбы ваши о дозволеніи перейти въ Католическую вѣру, что это не возможно, но вы не послушались увѣщаній. Вы остаетесь упорными въ желаніи быть Католиками, вы не покоряетесь волѣ царской и законамъ; вы принимаете на себя тяжкій грѣхъ и заслуживаете наказанія отъ Бога и отъ власти имъ на земли поставленной. Образумьтесь, ребята, не слушайтесь совѣтовъ людей, ведущихъ васъ къ вашей погибели. Развѣ вы не знаете, что когда въ 1845 г. Дзіорновицкій костелъ былъ переданъ Православному духовенству, разбирали васъ Католическій ксендзъ вмѣстѣ съ Православнымъ священникомъ, и по указанію лишь ксендза, вы записаны въ книги Православныхъ прихожанъ? Я самъ разсматривалъ эти книги и нашелъ тамъ имена ваши и крещеныхъ, по обряду Православія, дѣтей вашихъ. Развѣ вы не знаете, что повиновеніе властямъ повелѣвается равно какъ Православною, такъ и Католическою вѣрою? Вы все твердите одно и тоже, что подали просьбу Всемилостивѣйшему Государю о дозволеніи вамъ быть Католиками, но не знаете, чѣмъ рѣшена эта просьба. Хотя это рѣшеніе вамъ было нѣсколько разъ объявлено, но я еще разъ, и въ послѣдній разъ, вамъ объявляю волю Государя, чтобы тѣ, которые были записаны въ 1845 г. въ книги Православныхъ прихожанъ, и не смѣли думать о переходѣ въ Католическую вѣру; тѣхъ же изъ васъ, которые не были записаны, никто не принуждаетъ и принуждать не имѣетъ права къ переходу въ Православіе. Повторяю, ребята, образумьтесь: пощадите себя и дѣтей своихъ; послѣдуйте примѣру Сивохи, и раскаяніемъ вашимъ вы снищете милосердіе нашего Отца-Царя, столько заботящагося о вашемъ счастіи".

Съ изумительною покорностію эти жертвы Римско-католической агитаціи выслушали мои слова; но пропитанные ученіями Доминиканцевъ (дающихъ, при вступленіи въ орденъ, обѣтъ всѣми средствами распространять Латинство) они съ воплями и рыданіями умоляли меня оставить ихъ въ Католическомъ вѣроисповѣданіи, изъявляя готовность подвергнуться всякимъ истязаніямъ для спасенія душевнаго и достиженія царствія небеснаго. „Тѣла наши принадлежатъ вамъ", говорили они, „а души наши Богу". Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, мнѣ пришлось бороться съ ихъ фанатизмомъ; но усердною помощію Жарновскаго, пріуготовившаго ихъ своими увѣщаніями, мнѣ наконецъ удалось побѣдить это упорство. Крестьяне, убѣдившись въ торжественно и рѣшительно объявленной имъ невозможности перейти изъ Православія въ Латинство и въ ложности увѣреній помѣщиковъ и ксендзовъ, будто на таковый переходъ Государь Императоръ соизволяетъ, постепенно стали изъявлять раскаяніе и, подходя ко мнѣ поодиночкѣ, испрашивали прощенія. Таковые были отдѣляемы, и ихъ имена вносимы въ особый списокъ. Оставалось 8 человѣкъ изъ самыхъ закоснѣлыхъ въ упорствѣ. Я имъ объявилъ, что я истощилъ всѣ доводы увѣщанія, и слѣдовательно средства огражденія ихъ отъ судебнаго преслѣдованія, и мнѣ остается приступить къ распоряженіямъ, которыя указаны закономъ. Вскорѣ потомъ и эти отщепенцы образумились, и по объявленіи мнѣ о томъ внесены были въ списокъ возвратившихся къ Православію. Всему этому былъ составленъ актъ.

Въ тотъ же день крестьяне эти вмѣстѣ со мною отправились въ церковь, для слушанія вечернихъ молитвъ. Въ выс-

шей степени трогательно было видѣть этихъ заблудшихъ чадъ благоговѣйно колѣно-преклоненными. Они обливались слезами, испрашивая у подножія алтаря оставленія имъ ихъ прегрѣшенія. По окончаніи службы, они подошли ко мнѣ съ просьбою присутствовать при принятіи ими, по совершеніи исповѣди, святыхъ Христовыхъ тайнъ.

На другое утро, въ воскресеніе, мнѣ было донесено, что въ теченіи ночи, нѣкоторые помѣщики и ксендзы разъѣзжали по деревнямъ, подгаваривая крестьянъ не поддаваться моимъ увѣщаніямъ, не увлекаться увѣреніями въ несоизволеніи верховной власти на принятіе ими Римско-католической вѣры, и утверждая, что я вовсе не уполномоченъ объявить имъ рѣшеніе на ихъ просьбы, что я лице подставное, мнимый сенаторъ.

Отправивъ нарочнаго для приглашенія къ себѣ помѣщика и ксендза, имена коихъ мнѣ были указаны, я пошелъ въ церковь, гдѣ дѣйствительно засталъ незначительное количество молящихся, которые, по окончаніи литургіи, въ присутствіи моемъ, пріобщились св. тайнъ.

Отъ возвратившагося между тѣмъ посланнаго моего я узналъ, что помѣщикъ нигдѣ не былъ отысканъ; прибывшему же ксендзу я объявилъ торжественно, что если онъ или его собратія и соумышленники, какого бы званія они ни были, будутъ продолжать свои дѣйствія, то я имъ немедленно докажу на дѣлѣ свое право предать ихъ суду за совращеніе, причемъ указалъ ему на статью закона, опредѣляющую мѣру наказанія, коему подвергаются совратители. Посѣтивъ за тѣмъ Забляцкій монастырь, я подтвердилъ то же самое настоятелю онаго. Монастырь этотъ, расположенный въ живописной мѣстности, въ близкомъ разстоянии отъ Дзіорновицъ, служа центромъ и притономъ Римско-католической пропаганды, давно считался заштатнымъ и, на основаніи примѣненнаго къ католическимъ монастырямъ въ Россіи положенія, установленнаго буллою папы Бенедикта XIV относительно Базильянскихъ монастырей, долженъ былъ упраздниться, по уменьшеніи опредѣленнаго комплекта монаховъ; но находились постоянно средства удерживать это указанное число монаховъ, замѣщеніемъ выбываемыхъ другими изъ разныхъ мѣстъ, къ монастырю причисляемыхъ.

На прощаніи съ Дзіорновицкими крестьянами, я заявилъ что остающіяся, для присутствованія при ихъ примиреніи съ Церковію, уполномоченныя мною лица Лосевъ и Милосъ отнюдь не будутъ ихъ принуждать къ поспѣшному выполненію этого долга, что имъ дано будетъ время приготовиться къ столь неизмѣримо высокому дѣлу, каково принятіе тѣла Христова. Согласно сему, дано было мною поименованнымъ лицамъ наставленіе. Я поручилъ имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, тщательно наблюдать, чтобы земская полиція отнюдь не дозволяла себѣ никакихъ понудительныхъ распоряженій и чтобы съ невозмутимымъ терпѣніемъ и кротостію выжидаемы были заявленія крестьянъ о желаніи исповѣдываться и пріобщиться по обряду Православія.

Въ продолженіи дальнѣйшей моей поѣздкѣ по губерніи, я получалъ самыя отрадныя донесенія о постепенно совершавшемся возвращеніи заблудшихъ овецъ въ стадо, напутствуемое пастырями Церкви Православной. Остававшіеся въ теченіи многихъ мѣсяцевъ некрещенными младенцы воспринимаемы были отъ купели, и стали совершаться браки по обряду Восточной церкви.

На обратномъ моемъ пути въ Витебскъ, я засталъ на одной станціи близь Полоцка ожидавшую меня толпу моихъ знакомцевъ, Дзіорновицкихъ крестьянъ; но вмѣсто предполагаемаго мною, при видѣ ихъ, новаго колебанія, я былъ обрадованъ тѣмъ, что они повторяли просьбу испросить имъ у Всемилостивѣйшаго Государя прощеніе. Они увѣряли, что всѣ до единаго восчувствовали раскаяніе и усердно выполняютъ установленныя Православною Церковію требы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти несчастныя жертвы фана-

тическаго гнета своихъ владѣльцевъ заявляли опасеніе подвергнуться преслѣдованіямъ сихъ послѣднихъ. „Ты отъ насъ уѣдешь (говорили они) а мы, несчастные, останемся одни подъ властію пановъ и ксендзовъ". Я увѣрялъ ихъ, что пребуду на всегда ихъ защитникомъ, но они настоятельно потребовали, чтобы я выдалъ имъ письменное, собственноручное свидѣтельство, съ приложеніемъ моей печати, что̀ и было мною исполнено.

По прибытіи въ Витебскъ (гдѣ, между прочимъ, никто не хотѣлъ вѣрить возможности такого исхода этого дѣла) вызвавъ къ себѣ изъ тюрьмы оставшихся тамъ совращенныхъ крестьянъ помѣщика Корсака, я имъ объявилъ о совершившемся; но они мнѣ возразили, что не иначе тому повѣрятъ какъ когда такіе-то изъ ихъ одновотчинниковъ подтвердятъ имъ это лично. Люди эти мною немедленно вытребованы изъ Дзіорновицъ; оставшіеся отщепенцы убѣдились въ истинѣ моего завѣренія, послѣдовали примѣру своихъ собратовъ и 8-го Августа въ Спасо-Преображенской церкви, въ Витебскѣ, исповѣдались и пріобщились Святыхъ Тайнъ.

Такимъ образомъ, съ благословенія Господняго, полнымъ успѣхомъ увѣнчалось дѣло несомнѣнной важности какъ въ религіозномъ, такъ и политическомъ отношеніи; дѣло, на исходъ котораго въ окружности взирали съ напряженнымъ любопытствомъ и которое могло принять самое гибельное, въ неисчислимыхъ размѣрахъ, развитіе, угрожая поколебаніемъ совершившагося въ 1839 году возсоединенія Уніи съ Православіемъ. Результатъ этотъ достигнутъ мѣрами кроткими, терпѣніемъ, устраненіемъ всякаго насилія, столь несовмѣстнаго ни съ достоинствомъ религіи, ни съ благодушіемъ нашего Монарха.

Все здѣсь вкратцѣ изложенное основано на непреложной истинѣ и подтверждается документально. Между тѣмъ появились о дѣлѣ семъ разсказы, въ нѣкоторыхъ клерикальныхъ журналахъ, какъ то: *L'Univers*, *Union Catholique*, *L'ami de la religion* и отдѣльныхъ брошюрахъ подъ громкимъ заглавіемъ: *Martyres de la Pologne*, въ коихъ съ изумительною наглостію извращаются всѣ факты, до дѣла сего относившіеся, группируются обвиненія въ жестокихъ гоненіяхъ, которымъ будто подвергнуты Католики въ Россіи вообще, въ истязаніяхъ, и т. д. Писали и разглашали печатно о атакахъ въ штыки, объ алтаряхъ орошаемыхъ кровью, о насильственномъ приведеніи къ причастію и пр.; словомъ подбирались черты, прямо заимствованныя изъ хроникъ инквизиціи и столь чуждыя Православной Церкви. Все это — месть агитаторовъ, озлобленныхъ тѣмъ, что у нихъ ускользало изъ рукъ сильное оружіе въ подготовкѣ къ вспыхнувшему за тѣмъ мятежу.

Возвратившіеся на лоно Восточной Каѳолической Церкви, со времени выше-очерченнаго событія, исполняютъ, какъ видно изъ всѣхъ сообщаемыхъ свѣдѣній, съ истиннымъ усердіемъ требы по обрядамъ этой церкви, и никакихъ колебаній уже не проявляется. Къ утвержденію ихъ въ своемъ долгѣ содѣйствуютъ особенныя заботы правительства о постройкѣ новыхъ и исправленіи старыхъ Православныхъ церквей, объ улучшеніи быта православнаго духовенства, объ избраніи достойныхъ пастырей въ сѣверо-западномъ краѣ. Повсюду явилась готовность частныхъ лицъ посильно содѣйствовать правительству въ дѣлѣ воздвиженія и приведенія въ благолѣпіе храмовъ Господнихъ, что̀ не можетъ не имѣть вліянія на умы простолюдиновъ, на коихъ, вездѣ и во всѣхъ странахъ, болѣе или менѣе дѣйствуютъ внѣшнія впечатлѣнія. Но лучшимъ, самымъ твердымъ ручательствомъ въ охраненіи порядка и непоколебимости религіозныхъ вѣрованій у тамошнихъ поселянъ служитъ достославное событіе, совершившееся, на основаніи манифеста 19 Февраля 1861 года. Благотворные плоды онаго нигдѣ такъ не ощущаются какъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ существовала самая рѣзкая противуположность въ положеніи

помѣщичьихъ крестьянъ Православныхъ и Римско - католиковъ: между тѣмъ какъ первые подвергались преслѣдованіямъ и оскорбительному презрѣнію, послѣднимъ предоставлялись разныя льготы и преимущества.

Отнынѣ уже нельзя увѣрять крестьянъ, будто Католическая вѣра—панская, а Православная—хлопская.

М. Щербининъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДТА *).

Bruchstücke

aus der Mappe eines alten practischen Erziehers.

Quod munus reipublicae afferre majus meliusve possumus quam si docemus atque erudimus juventutem?

Cicer. de Divin. II, 4.

*

Die Grundlage jeder Erziehung muss Liebe seyn. Man muss die Kinder die man ziehen will lieben, herzlich lieben; ohne dem ist es gar nicht möglich das Resultat des freiwilligen Gehorsams, des Frohsinns und des Vertrauens hervorzubringen, auf welchem jede vernünftige Erziehung gebaut seyn muss.

Sage dem Knaben nie: ich liebe dich, *zeig's* ihm in deinem Thun, in deiner herzlichen Theilname an seinen Freuden, seinen Leiden, und der Knabe wird dich lieben, ohne es dir, ohnes es vielleicht sich selbst zu sagen.

Nur *der* findet Vertrauen bei Kindern und besonders bei Jünglingen, der kraftvoll und *eifrig* dasteht für das was er zu ihrem Besten will, und der unermüdet sich gern und liebevoll mit seiner ganzen Kraft dazu hergiebt, dem zu dienen, der ihrer bedarf.—Das wahre Vertrauen der Menschen kann nur aus *Thaten* hervorgehen, die von jedem guten Menschenherzen als gut, als edel und als *uneigennützig* anerkannt werden.

*

Daher soll Religion, d. h. Glaube an Gott, und Liebe zu Gott, und Hoffnung, und festes Vertrauen auf Gott, nicht durch Wortregeln und Bibelsprüche allein (die von den Kindern gewöhnlich gar nicht, oder was noch ärger ist, schief verstanden werden), sondern durch das beständige Hinweisen auf die lebendigen ewigen Wohlthaten des Schöpfers in das Herz der Kinder gepflanzt werden. Das Hören und Auswendiglernen von Sprüchen und Sentenzen ist Sache des Ohres und des Kopfes, aber der Kopf liebt nicht, kann nicht lieben; das kann nur das Herz des Menschen. das der Tempel der Liebe ist. Und zum Herzen sprechen nicht Worte, sondern Gefühle in Thaten ausgedrückt.

*

Nur der *freiwillige* Gehorsam, d. h. der Gehorsam der aus der inneren Herzensüberzeugung, aus dem richtigen regen Gefühl von Recht und Unrecht entspringt, nur der ist *wahrer* Gehorsam, welcher dauert, wenn auch kein Zuchtmeister da ist.

*

Nur auf Entschlüssen die aus dem Herzen kommen, ruht Segen.—Nur *das* Gute was aus dem Innern des Menschen seine Wurzel hat, mag den äussern Reizungen zum Bösen widerstehen.

*

Ein wichtiger Punkt für moralische und intellectuelle Bildung der Kinder, Knaben und Jünglinge ist, dass sie nicht tagelang der Zerstreung und Gendankenlosigkeit überlassen seyen, sondern vom Morgen bis an den Abend immer wissen was sie zu thun haben und gewöhnt werden es zu thun. — Das beständige Bewustseyn der Pflicht macht das Pflichterfüllen zur Gewohnheit.

*

*) Печатаются съ подлинной рукописи автора. *П. Б.*

Ganz ohne Strafen erziehen wollen ist ein Hirngespinst. Strafen sind nöthig, aber in der langen Zeit, während welcher der Erzieher seine Zöglinge ermahnen, zurechtweisen, abhalten, bessern d. h. erziehen soll, treten eine Menge solcher wichtiger unvorhergesehener Fälle ein, für welche er ein passendes und (damit es wirke), *ungewöhnliches* Strafmittel in Bereitschaft haben mus. Es ist daher höchst nothwendig, dass der Erzieher sehr sparsam mit den Strafen sey, und sie ja nicht leichtsinnig, bei unbedeutenden Vergehungen verschwende, damit es ihm nicht fehle, wenn er einmal bei einer ernsteren Gelegenheit eine wirksame Strafe nöthig hat.

*

Der Knabe der unvernünftig und oft gestraft wird, weint zwar wohl noch bei der Strafe, aber das sind wahrlich nicht Thränen der Reue, sondern Thränen des Ingrimms.—Er sieht in seinem Erzieher nur einen hassenswerthen Zuchtmeister, der da nur so eine Art Rache ausübt, und statt ihn zu bessern, verschlechtert man ihn.

*

Öffentliche Strafen sind bei vielen, bei den meisten Zöglingen, gefährlich; sie tödten mit einem Schlage die Schaam, die Furcht vor der offentlichen Meynung.

*

Der Prügel, er sey physisch oder moralisch, kann wohl aus einem ganz erträglichen Scolaren ein zweibeiniges Last und Zugvieh bilden, aber gewiss nie einen *Menschen*, nie einen *Mann*.

*

Der bestrafte Zögling muss immer an den strafenden Erzieher bemerken, dass es ihn kränkt die Strafe dictiren zu müssen und dass er gerne diese unvermeidliche Folge eines begangenen Vergehens vor den Augen der Welt verbergen mögte. — Auf diese Art kann eine Bestrafung oft dazu dienen das Freundschaftsband, welcher Erzieher und Zögling verbindet, zu befestigen und für die Lebenszeit dauernd zu machen.

*

Wenn der Erzieher von seinem Zöglinge geliebt ist, so hat er, ohne zur Strafe seine Zuflucht zu nehmen, hundert Mittel diesen zu strafen: ein ernsterer Blick, eine trocknere Anrede als gewöhnlich, ein Vermeiden des gewöhnlichen freundlichen Gespräches u. s. w. werden auf den Zögling tiefen, wirkenden Eindruck machen, *wenn der Erzieher von dem Zöglinge geliebt ist.*

Русскій переводъ.

Отрывки

изъ тетради стараго практическаго воспитателя.

Какой даръ можемъ мы принести обществу, лучшій и бо́льшій, какъ не образованіе и воспитаніе юношества?

Цицеронъ.

Основою всякаго воспитанія должна быть любовь.—Должно любить дѣтей, которыхъ мы хотимъ воспитать, сердечно любить ихъ: безъ этого не возможно пріобрѣсть отъ нихъ добровольное повиновеніе, радушіе и довѣріе, на которыхъ утверждается всякое разумное воспитаніе.

Не говори никогда воспитаннику: я люблю тебя; покажи это ему на дѣлѣ своимъ сердечнымъ участіемъ въ его радостяхъ и огорченіяхъ, и онъ будетъ любить тебя, не говоря тебѣ о томъ, можетъ быть самъ не сознавая этого.

Только тотъ пріобрѣтаетъ довѣріе дѣтей, и въ особенности юношей, кто сильно и ревностно отстаиваетъ то, что̀ считаетъ для нихъ полезнымъ и кто не устаетъ, охотно и любовно, со всею силою души, дѣйствовать на тѣхъ, кто въ немъ нуждается. Истинное довѣріе можетъ происходить только изъ *дѣяній*, которыя каждое доброе сердце признаетъ хорошими, благородными и безкорыстными.

Потому религія т. е. вѣра въ Бога и надежда на Него, и любовь, и твердое упованіе, должны быть внушаемы дѣтямъ не одними словесными правилами и библейскими изрѣченіями (которыя или совсѣмъ не понимаются дѣтьми, или,

что̀ еще хуже, понимаются превратно), но постояннымъ указаніемъ на живыя и вѣчныя благодѣянія Творца.—Слушаніе, заучиванье текстовъ и изреченій есть дѣло слуха и головы; но голова не любитъ, не можетъ любить: это можетъ только сердце человѣка, этотъ храмъ любви. А сердцу должно говорить не словами, но чувствами, олицетворенными въ дѣяніяхъ.

Только *добровольное* повиновеніе, т. е. такое, которое проистекаетъ изъ внутренняго сердечнаго убѣжденія, изъ вѣрнаго чувства правды и неправды, можетъ назваться *настоящимъ* повиновеніемъ, которое не ослабнетъ и тогда, когда нѣтъ карателя.

Только на тѣхъ намѣреніяхъ, которыя происходятъ отъ сердца, покоится благословеніе. Только *то* доброе, котораго корень въ душѣ человѣка, можетъ противустоять внѣшнимъ увлеченіямъ зла.

Весьма важно для нравственнаго и духовнаго образованія дѣтей, мальчиковъ и юношей, чтобъ они по цѣлымъ днямъ не предавались разсѣянности и умственму застою; но знали бы съ утра до вечера, что̀ должны они дѣлать, и привыкали бы исполнять свое дѣло.—Постоянное сознаніе своего долга обратитъ ихъ обязанность въ привычку.

Воспитаніе безъ всякаго наказанія есть химера. Наказанія необходимы; но въ то продолжительное время, въ теченіи котораго воспитатель наставляетъ, остерегаетъ, образуетъ и улучшаетъ своихъ воспитанниковъ, бываетъ множество такихъ важныхъ непредвидѣнныхъ случаевъ, для которыхъ воспитатель долженъ имѣть въ запасѣ соотвѣтствующее и (чтобъ оно было дѣйствительно) *необыкновенное* средство наказанія. По этому крайне необходимо, чтобъ воспитатель былъ очень бережливъ въ своихъ наказаніяхъ и не расточалъ ихъ легкомысленно при незначительныхъ проступкахъ.

Мальчикъ, неразумно и часто наказываемый, хотя и плачетъ при наказаніи, но это слезы не раскаянія, а негодованія. Онъ видитъ въ своемъ воспитателѣ ненавистнаго ему карателя, который совершаетъ надъ нимъ только свою месть, а это, вмѣсто исправленія, дѣлаетъ его только хуже.

Публичныя наказанія опасны для многихъ, для большинства воспитанниковъ; они однимъ ударомъ умерщвляютъ въ нихъ стыдъ, страхъ предъ общественнымъ мнѣніемъ.

Истязаніе, физическое или нравственное, можетъ произвесть изъ сноснаго школьника двуногое рабочее животное; но никогда не образуетъ *человѣка*, никогда не образуетъ *мужа*.

Наказываемый воспитанникъ долженъ видѣть на своемъ воспитателѣ, что для него самаго больно назначать ему наказаніе, и что онъ охотно скрылъ бы отъ всѣхъ это неизбѣжное слѣдствіе совершеннаго проступка.—Такимъ образомъ самое наказаніе можетъ часто содѣйствовать къ укрѣпленію дружественной связи между воспитателемъ и воспитанникомъ, которая продолжается на всю жизнь.

Если воспитатель любимъ своимъ воспитанникомъ, то, не прибѣгая къ наказанію, имѣетъ сотни средствъ для его вразумленія: суровый взглядъ, сухая противъ обыкновенія рѣчь, устраненіе отъ обыкновенной дружеской бесѣды и т. п. произведутъ на воспитанника глубокое, дѣйствительное впечатлѣніе—*если только воспитатель любимъ своимъ воспитанникомъ*.

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА КЪ ГРАФУ М. А. КОРФУ.

Сейчасъ былъ у Смирдина и кажется дѣло сдѣлано. Н. М. можетъ пріѣхать къ нему для окончательныхъ условій; я бы совѣтовалъ ему справиться сперва*) о томъ, что̀ берутъ обыкновенно за переводы à tant la feuille и требовать туже цѣну; такимъ образомъ онъ вѣрно получитъ болѣе, нежели условясь брать годовую плату. Въ случаѣ какого нибудь затрудненія пусть онъ располагаетъ мною: я готовъ служить ему отъ всей души.

Радуюсь, что на твое дружеское письмо могъ отвѣчать удовлетворительно и исполнить твое приказаніе. Сердечно благодарю за поздравленія.

Весь твой
Александръ Пушкинъ.

Пятница.

Адресъ: Его Превосходительству Милостивому Государю Модесту Андреевичу Барону Корфу.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Все это письмо и адресъ на немъ писаны рукою А. С. Пушкина на почтовомъ листѣ большаго формата, сложенномъ вчетверо; адресъ на оборотѣ, печать сорвана. Вмѣстѣ съ разными другими, оно подарено было въ 1840 году, графомъ М. А. Корфомъ въ мой сборникъ автографовъ. Содержаніе его дѣлаетъ столь же много чести Пушкину, какъ и графу Корфу. Первый не на словахъ только, но и на дѣлѣ доказываетъ горячую готовность исполнить просьбу, съ которою обратился къ нему его Лицейскій товарищъ, а этотъ послѣдній ходатайствовалъ о другѣ дѣтства, мать котораго нѣкогда оказала важную услугу матери графа. Мы лично имѣли честь знать баронессу Ольгу Сергѣевну Корфъ, рожденную Смирнову, воспитавшую своихъ дѣтей въ самыхъ религіозныхъ, высокихъ и благородныхъ чувствахъ. Мы помнимъ ее, въ преклонныхъ лѣтахъ, окруженную заботливою любовью двухъ поколѣній ея многочисленнаго потомства. Она скончалась въ С. Петербургѣ въ 1843 году и погребена возлѣ дѣтей, которыхъ имѣла скорбь пережить, на Старо-лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Мы близко знали и то лицо, которо́е въ письмѣ Пушкина обозначено начальными буквами его имени и отчества (но не фамиліи). Назвать же его однакожъ не рѣшаемся, опасаясь тѣмъ оскорбить скромность графа Модеста Андреевича и произвести непріятное впечатлѣніе на нисходящихъ человѣка, котораго мы искренно любили и который, при блестящихъ дарованіяхъ и многостороннемъ образованіи, постоянно нуждался, вслѣдствіе разныхъ несчатныхъ обстоятельствъ своей страдальческой жизни. Письмо это мы можемъ лишь гадательно отнести къ послѣднимъ годамъ жизни Пушкина, т. е. къ тому времени, когда онъ и графъ Корфъ, бывшій тогда управляющимъ дѣлами комитета гг. министровъ (если уже не государственнымъ секретаремъ) не только были сосѣдями, живя оба у Пѣвческаго моста (одинъ въ домѣ Волконскихъ, другой въ домѣ, принадлежавшемъ тогда Ломану, теперь же Н. А. Какошкину), но и имѣли

*) Это слово, вторично написанное по ошибкѣ, перечеркнуто въ текстѣ.

часто случай встрѣчаться, постоянно посѣщая оба многочисленныя тогдашнія великосвѣтскія Петербургскія вечернія собранія. Что же касается *до поздравленій*, за которыя благодаритъ Пушкинъ, то едвали самъ графъ Модестъ Андреевичъ теперь вспомнитъ, къ чему именно они относились.

Къ стати замѣтить, что въ примѣчаніе наше къ письму Пушкина къ Н. А. Дуровой (см. *Р. Архивъ*, 1872 г. стр. 202) вкрались двѣ опечатки. Тамъ сказано, что мы видѣли, въ квартирѣ покойнаго Александра Сергѣевича, графа Г. А. Строгонова, тогда какъ слѣдовало напечатать А. Г., Александра Григорьевича, т. е. графа Строгонова, еще недавно бывшаго Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, тогда какъ отецъ его, былъ графъ Григорій Александровичъ, знаменитый въ свое время дипломатъ, впослѣдствіи оберъ-камергеръ. Тамъ также напечатано „на порали»,вмѣсто „не порали“ такую-то набережную назвать Пушкинскою? Прибавимъ, что и нѣкоторыя части набережной Фонтанки можно было бы назвать, въ память жившихъ тамъ историческихъ личностей, *Карамзинскою, Шереметевскою, Разумовскою*, и т. п., и это было бы тѣмъ удобнѣе, что при теперешней системѣ нумераціи домовъ, ихъ очень трудно отыскивать на всемъ протяженіи этой огромной набережной.

Баронъ Ѳ. Бюлеръ.

QUI PRO QUO СЪ А. И. ПОДОЛИНСКИМЪ.

„Быль молодцу не укора“.

(Русская поговорка).

На страницахъ 857—0865 „Русскаго Архива“ нынѣшняго года, г. А. И. Подолинскій заявилъ, что все то, что я въ статьѣ моей „Знакомство съ Воейковымъ“ (№№ 9, 10 и 11 „Русс. Вѣст.“ 1871 г.) напечаталъ о встрѣчахъ моихъ съ А. И. Подолинскимъ въ Петербургѣ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, — мнѣ просто померещилось, такъ какъ въ означенное время, т. е. въ началѣ тридцатыхъ годовъ, г-нъ Подолинскій не былъ въ Петербургѣ.

Обличеніе это, написанное, правду сказать, далеко не деликатно, пришлось по вкусу „Биржевымъ Вѣдомостямъ“ и было ими тиснуто въ ихъ фельетонѣ 14 Апрѣля. — Увѣренный какъ нельзя болѣе, что въ тридцатыхъ годахъ у графа Д. И. Хвостова и А. Ѳ. Воейкова я встрѣчалъ мелькомъ молодаго человѣка съ фамиліею Подолинскаго, я въ № 100 „Русскаго Міра“ отозвался объ этомъ весьма категорически и рѣшительно, упрекая самаго г. Подолинскаго въ неправдѣ и обѣщая розыскать и возстановить истину фактически.

Съ Апрѣля мѣсяца до половины Іюля, я хлопоталъ объ этомъ усердно, и напалъ на путь этой Аріадниной нити въ лабиринтѣ сбивчивыхъ воспоминаній разныхъ лицъ, указавшихъ мнѣ, между прочимъ, на одного изъ бывшихъ служителей Воейкова, находящагося нынче гдѣ-то въ Казанской губерніи. Къ горю моему, какъ нарочно, добрые мои знакомые, временные жители Казани: Б. Г. Гл. М-нъ и кн. М. Н. Щ**** оставили этотъ городъ, почему я видѣлъ себя лишеннымъ возможности слѣдовать дальше по этой нити, какъ вдругъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ случай сводитъ меня съ однимъ изъ стариннѣйшихъ моихъ знакомцевъ, товарищемъ 1828 — 1829 годовъ, когда мнѣ было лѣтъ 17, а ему

немного больше, и вотъ онъ разъяснилъ мнѣ всю суть, результатомъ которой было то, что г-нъ А. И. Подолинскій вполнѣ правъ, говоря, что я *его* не могъ видѣть въ тридцатыхъ годахъ въ Петербургѣ; но что правъ и *я*, говоря въ статьѣ моей, что встрѣчался въ тѣ годы въ Петербургѣ съ молодымъ человѣкомъ, носившимъ фамилію Подолинскаго.—Дѣло объясняется тѣмъ, что въ Петербургѣ жилъ-былъ въ тридцатыхъ годахъ богатенькій хохликъ, Черниговецъ, нѣкто П**р*скій, имѣвшій физическое сходство съ авторомъ „Борскаго", „Дива и „Пери", „Нищаго" и прочаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ страдавшій нелѣпѣйшею страстишкою слыть въ посѣщаемыхъ имъ обществахъ за поэта, болѣе или менѣе извѣстнаго. И вотъ, онъ вздумалъ являться сначала „Подолинскимъ", когда я и видѣлъ его, сіяющаго брильянтами, у графа Хвостова и у А. Ѳ. Воейкова. Но потомъ, плѣнясь стихотвореніями „Бернета", печатавшимися въ „Библіотекѣ для Чтенія", онъ сталъ выдавать себя за „Бернета", считая, что это настоящее имя поэта, а не nom de guerre нѣкоего чиновника министерства финансовъ г. Жуковскаго. Говорятъ, вышла въ одномъ домѣ средней руки, по этому случаю, преводевильная сцена между г-мъ П***р**скимъ и г-мъ Жуковскимъ, вслѣдствіе чего первый уѣхалъ въ Хохландію свою въ 1838 году. — Послѣ преступныхъ самозванствъ Бабаева, носившаго имя князя Гохчайскаго и tutti quanti другихъ ему подобныхъ, въ повѣсничествѣ довольно нелѣпомъ г-на П***р**скаго нѣтъ ничего изумительнаго; но забавно только то, что происшествіе это всплыло наружу лишь по истеченіи 40 лѣтъ, какъ весьма неважное и не оставившее никакого впечатлѣнія. Само собою разумѣется, вздумалъ бы г. П***р**скій облечься не въ Бернета или въ Подолинскаго, а въ Пушкина или въ Гоголя, шумъ поднялся бы вовсе не такой. —Въ будущемъ моемъ второмъ изданіи всѣхъ моихъ, до 1873 года гдѣ бы то ни было напечатанныхъ „Воспоминаній", я, само собою разумѣется, буду говорить о г-нѣ Подолинскомъ, не иначе какъ съ объясненіемъ этого quiproquo, подавшаго поводъ г-ну Подолинскому напомнить о себѣ, а мнѣ въ моихъ „Воспоминаніяхъ" прибавить преинтересную и смѣхотворную страницу.

„Петербургскій Старожилъ"

С. П. б. 13 Ав. 1872 г.

(Сообщено)

ЛИСТКИ ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ В. П. БУРНАШЕВА.

I.

Въ числѣ самыхъ блестящихъ гвардейскихъ офицеровъ эпохи тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ былъ полковникъ л. гв. уланскаго полка Лизогубъ, который извѣстенъ былъ въ высшемъ обществѣ подъ наименованіемъ, вполнѣ ему приличнымъ, „le beau Lizogoub". Кромѣ красоты, замѣчательной ловкости, изящества манеръ, доказанной храбрости, благороднаго удальства, остроумія, начитанности и значительнаго состоянія, Лизогубъ владѣлъ еще въ высокой степени совершенства музыкальнымъ талантомъ, какъ піанистъ и пѣвецъ, при чемъ онъ не только былъ замѣчательнымъ исполнителемъ, но и композиторомъ: многія изъ піесъ, имъ написанныхъ, понынѣ пользуются хорошею репутаціею между истинными любителями и любительницами легкой, пріятной музыки. Изъ числа этихъ піесъ въ особенности извѣстенъ прелестный его романсъ: „Dans tes beaux yeux!", который и теперь нерѣдко поютъ внучки тѣхъ за 40 лѣтъ предъ симъ молоденькихъ особъ, сердечки которыхъ, можетъ быть, не совсѣмъ-то бывали равнодушны къ изящному автору этого, въ тѣ времена, моднѣйшаго романса.

При всѣхъ этихъ качествахъ и достоинствахъ, прекрасный Лизогубъ платилъ довольно щедро дань тогдашнему

уланству, почему ему не рѣже другихъ сотоварищей случалось принимать участіе въ веселыхъ, дружескихъ кутежахъ, совершавшихся, впрочемъ, всегда въ своемъ интимномъ обществѣ, а отнюдь не въ публикѣ, т. е. не въ собраніяхъ общественныхъ и не въ клубахъ, тогда еще не развивавшихся въ Петербургскомъ быту.

Разъ послѣ какого-то веселаго офицерскаго завтрака, продлившагося до вечера, Лизогубъ вспомнилъ, что онъ имѣетъ приглашеніе на балъ, даваемый въ этотъ день мѣстнымъ градскимъ главою. Это было на походѣ во время дневки полка въ какомъ-то нашемъ Русскомъ городѣ, да чуть ли не во Псковѣ въ 1831 году, когда гвардія шла въ Царство Польское помогать усмирять первое повстанье. На этомъ балу, отличавшемся всею эксцентричностью провинціальности, въ тѣ времена особенно наивной и рельефной, одна очень молоденькая и смазливенькая купеческая вдовушка, воспитанная, по видимому, въ какомъ-то губернскомъ или Московскомъ пансіонѣ, танцовала лучше всѣхъ, и потому блестящій гвардеецъ, открывавшій мазурку, предпочелъ ее другимъ и танцовалъ съ нею въ первой парѣ, ловко повертывая ее, лихо гремя шпорами (что считалось mauvais ton въ высшемъ обществѣ, но здѣсь дѣлало великій эффектъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ, прожигая пламенными взглядами и заставляя бѣдняжку горѣть и алѣть подъ бѣлилами. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, онъ спрашиваетъ свою дамочку, начинавшую, кажется, въ него сильно влюбляться: „Вы знаете мою фамилію?“—„Нѣтъ-съ, не знаю-съ“, былъ отвѣтъ съ потупленіемъ глазокъ. — „Моя фамилія Лизогубъ“. —„Вы вѣрно-съ графъ или князь?“, спрашиваетъ красавица. —„Ни то, ни другое“.—“Ахъ!-съ, а я думала, что вы сіятельство“, воскликнула дама, кусая губы и дѣлая глазки.—„А знаетели, сударыня, вы такія прелестныя: хотите ли быть госпожею Лизогубъ?“—„Ахъ! Богъ мой-съ, позвольте съ тятинькой посовѣтоваться“.—„За чѣмъ? Вы можете сдѣлать это сами“.—„Какъже-съ?“, спросила жеманная купеческая вдовушка и снова куснула нижнюю губку.—„Да вотъ такъ: вмѣсто того, чтобъ кусать губку вашу, оближите ваши губы, и вы будете г-жа Лизогубъ“, отвѣчалъ веселый уланъ, быстро облетая залу съ своею сконфуженной мазуристкой, ломавшей голову надъ тѣмъ, что гвардейскій полковникъ ей сказалъ, и какъ только кончился танецъ побѣжавшей распрашивать своего брадатаго тятиньку, только что кончившаго партію въ бостонъ и собиравшагося идти къ роскошному ужину, великолѣпно сервированному въ столовой, куда, разумѣется, хозяинъ-амфитріонъ приглашалъ и полковника Лизогуба, собиравшагося съ полнымъ знаніемъ дѣла заняться какимъ-то стерляжьимъ майонезомъ и запить его шампанскимъ, роскошно нѣжившимся въ серебряной вазѣ, полной льдомъ.

Но, увы, не все дѣлается какъ хочется, особенно человѣку служащему: влетаетъ въ залу полковой адьютантъ и прямо къ полковнику Лизогубу съ приглашеніемъ отъ имени генерала Алферьева, командира полка, сейчасъ явиться по весьма важному дѣлу. Извиняясь передъ хозяевами и надѣвая саблю на ходу, Лизогубъ спрашиваетъ со смѣхомъ: „Что ужъ не дошли ли сюда Поляки и штурмуютъ богоспасаемый городъ Псковъ?“—„Хуже, отвѣчаетъ адъютантъ, хуже: потому что наше уланьё надѣлало глупостей въ трактирѣ; разбили всѣ окна и всю посуду, вышвырнули въ окна (благо перваго этажа) трехъ полицейскихъ чиновниковъ. Великій Князь ужасно разгнѣвался и велѣлъ сейчасъ доложить ему, кто участвовалъ въ этомъ гвалтѣ. Вотъ для этого генералъ собираетъ всѣхъ штабъ-офицеровъ“.—„Какъ, кто?, восклицаетъ Лизогубъ, разумѣется всѣ, всѣ, всѣ, и я первый участвовалъ. Пусть всѣхъ разжалываютъ въ рядовые; стою на томъ, что я участвовалъ въ шумѣ, и всѣхъ полицейскихъ я вышвырнулъ. Чтожъ это такое? Уланамъ въ доносчики идти что-

ли? Et où est donc l' esprit de corps? l' esprit de corps avant tout". — Явясь въ общій сборъ, Лизогубъ отдалъ свою саблю генералу Алферьеву, говоря, что онъ былъ со всѣми, тогда какъ всѣ знали, что кутило только десять или двѣнадцать человѣкъ. Тогда всѣ, сколько было штабъ и оберъ-офицеровъ, сложили свои сабли передъ генераломъ на столѣ, объявляя, что „всѣ" были участниками безпорядка въ трактирѣ. Тутъ генералъ Алферьевъ, тронутый до слезъ благороднымъ духомъ своего полка, сказалъ: „Ну, господа уланы, не откажите и мнѣ сѣдому старику, и я былъ съ вами, и я кладу мою саблю къ вашимъ, подписываю свою фамилію впереди списка, покрытаго фамиліями всего полка". — Но все общество офицеровъ, также тронутое великодушіемъ своего отца-командира, упросило его не подписываться на спискѣ и сабли не отдавать бригадному, а донести только, что весь корпусъ офицеровъ подписался на листѣ, въ заголовкѣ котораго рукою Великаго Князя Михаила Павловича было написано: „Собственноручныя подписи фамилій виновниковъ".

Когда списокъ этотъ поданъ былъ его высочеству, онъ, увидѣвъ, что подписались „всѣ до одного" и узнавъ, что и генералъ хотѣлъ было подписаться со всѣми, подумалъ нѣсколько и сказалъ: „Что подѣлаешь съ этими чертями; но за тѣмъ, чего и не подѣлаешь съ ними въ виду непріятеля! Десятку шалуновъ ужъ не миновать бы бѣлой лямки; но разжаловать весь полкъ нельзя: Государь не согласится. Сажать же подъ арестъ я, какъ корпусный командиръ, могу безъ спроса, а потому принимаю ихъ сабли, которыя сохранить въ штабу до границы, и пусть генералъ Алферьевъ ведетъ своихъ уланъ до границы съ арестованнымъ корпусомъ офицеровъ; а на послѣдней дневкѣ, передъ переходомъ въ Царство, возвратитъ имъ ихъ сабли, которыя, надѣюсь, въ первомъ же дѣлѣ они будутъ умѣть промять послѣ ихъ лёжки". — Приказаніе было исполнено, и полкъ весь походъ до границы дѣлалъ съ офицерами, ѣхавшими при своихъ частяхъ безъ сабель. Великій Князь въ одномъ мѣстѣ на походѣ, ѣдучи въ коляскѣ, поравнялся съ полкомъ, который выстроился на дорогѣ, и Великій Князь, дѣлая видъ, что недоволенъ офицерами, какъ бы будировалъ ихъ и, здороваясь съ полкомъ, по обыкновенію сказалъ: „Здорово уланы", а когда весь полкъ прокричалъ сакраментальный отвѣтъ, то его высочество добавилъ: „Здоровался я съ командиромъ полка и съ нижними чинами, т. е. со всѣми кто при оружіи". — Потомъ, замѣтивъ любимаго своего вахмистра Васильева изъ эскадрона ротмистра Депрерадовича, молодца изъ молодцовъ, ѣздока удивительнаго, но до того растолстѣвшаго, что рѣдкая лошадь его выносила, Великій Князь сказалъ: „Васильевъ! Эко пузо! Ты все толстѣешь!" — „Радъ стараться, Ваше Императорское Высочество", гаркнулъ Васильевъ. — Великій Князь расхохотался и не могъ уже больше выдерживать своего напускнаго гнѣвнаго вида. Онъ опять обратился къ Васильеву и сказалъ: „Ежели ты радъ стараться, то постарайся объяснить мнѣ, какъ это теперь вы поймете команду: „сабли вонъ" или „сабли въ ножны", когда примѣра нѣтъ отъ господъ офицеровъ? А?" — „Поймемъ-съ по чувствію. Ваше Императорское Высочество. — „По чувствію", повторилъ, смѣясь Великій Князь и, обратясь къ Лизогубу, продолжалъ: „А вотъ я хотѣлъ бы знать, по какому „чувствію" полковникъ Лизогубъ могъ одновременно бить окна и посуду въ трактирѣ и швырять титулярныхъ въ окна и въ тоже самое время учить купчиху, какъ ей сдѣлаться госпожею Лизогубъ? А, полковникъ Лизогубъ, васъ я спрашиваю: по какому-съ „чувствію"? — „Купеческую вдовушку, отвѣчалъ Лизогубъ, подавшись на конѣ немного впередъ, — училъ я, ваше в-ство, по „чувствію" уланской шутливости, а въ суматохѣ трактира участіе принималъ по „чувствію" уланской чести". — Великій Князь махнулъ рукой,

засмѣявшись однако и сказалъ: „А все таки съ чувствіемъ уланской чести вы, господа, до границы прогуляетесь безъ сабель, благо, по мнѣнію Васильева, уланы понимаютъ команду безъ жеста, „по чувствію". И крикнулъ кучеру: „Пошелъ!"

Разсказывали мнѣ еще, что послѣ этаго случая Великій Князь очень расположился къ уланамъ и особенно жаловалъ Лизогуба, который постоянно бывалъ у него во дворцѣ и принималъ участіе въ его самомъ интимномъ обществѣ.—Однажды, въ Стрѣльнѣ или въ Петергофѣ, не знаю навѣрное, узнаётъ Лизогубъ, что одинъ изъ гвардейскихъ уланскихъ офицеровъ, кажется, по фамиліи Строевъ, влюбленъ въ одну дѣвушку, дочь какого-то изъ придворныхъ чиновъ Стрѣленскихъ, или Петергофскихъ, которую родители не хотятъ ему выдать только потому, что весь доходъ отъ своего состоянія онъ употребляетъ на то, чтобъ имѣть возможность служить въ лейбъ-уланахъ, исполняя чрезъ то завѣщаніе отца, служившаго въ этомъ полку съ рядоваго до полковника и умершаго черезъ недѣлю по выходѣ изъ полка.—Лизогубъ получаетъ всѣ эти свѣдѣнія за веселымъ завтракомъ и тутъ же даетъ Строеву и всѣмъ товарищамъ слово уладить это дѣло, при чемъ приказываетъ кучеру закладывать коляску четверкою рядомъ, и, будучи, какъ говаривалось въ старину, въ гостяхъ у Бахуса, несется въ Петербургъ, гдѣ шарахъ прямо во дворецъ и къ его высочеству.—Принятый въ кабинетѣ Великаго Князя, Лизогубъ самымъ жалобнымъ и плаксивымъ голосомъ, свидѣтельствовавшимъ о томъ, что пары уланскаго завтрака еще не прошли, умоляетъ его высочество войти въ положеніе несчастнаго въ сватовствѣ, отличнаго въ полку офицера и быть его сватомъ, при чемъ безпрестанно повторяетъ: „Я вѣдь знаю, вы ваше высочество такіе добрые и мягкосердечные, не откажетесь быть его сватомъ. Вамъ посчастливится лучше, чѣмъ ему, бѣдному".—Великій Князь видитъ, что ничѣмъ отдѣлаться нельзя, говоритъ наконецъ: „Даю тебѣ мое слово устроить его счастье, съ чѣмъ поручаю тебѣ сейчасъ же его поздравить тамъ, гдѣ ты съ нимъ разстался". Заручась словомъ Великаго Князя, Лизогубъ скачетъ сломя голову въ Стрѣльну или въ Петергофъ, и поздравляетъ Строева съ улаженною женидьбою, которая и дѣйствительно вскорѣ, при содѣйствіи Великаго Князя, состоялась къ общей радости, тѣмъ бóльшей, что его высочество изъ своихъ карманныхъ денегъ опредѣлилъ молодымъ тысячу рублей въ годъ, чрезъ что они могли жить семейно, не оставляя службы въ л. гв. уланскомъ полку.

Всѣ эти замѣтки записаны были мною, по городскимъ разсказамъ, въ 1835 году.

АРХИВЪ
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ПЯТАЯ.

XXIII. Письма Вольтера къ графу А. Р. Воронцову.
XXIV. Указъ императрицы Екатерины А. В. Олсуфьеву о Ваньерѣ.
XXV. Письмо графа А. Р. Воронцова къ Рижскому губернатору графу Броуну.
XXVI. Отвѣтъ графа Броуна.
XXVII. Письма Ваньера, секретаря Вольтерова, къ графу А. Р. Воронцову.
XXVIII. Письмо вдовы Ваньера къ графу А. Р. Воронцову.
XXIX. Письмо князя Н. В. Репнина къ княгинѣ Дашковой во время ея ссылки
XXX. Историческое описаніе Императорскаго фарфороваго завода.
XXXI. Историческое описаніе Императорскаго стекляннаго завода.
XXXII. Историческое описаніе Императорской шпалерной мануфактуры.
XXXIII. Азбучный указатель собственныхъ именъ.

ШЕСТАЯ КНИГА

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА

ПЕЧАТАЕТСЯ.

О подпискѣ на

РУССКІЙ АРХИВЪ

1873

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Письма, воспоминанія и бумаги главнѣйшихъ дѣятелей Русской мысли и Русской жизни, преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ. — Жизнеописанія и статьи по Русской исторіи вообще. — Библіографическія замѣтки, некрологи, книжныя вѣсти и мелочи.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1873 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя десять лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1873 года изъ 12 тетрадей какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1873 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу* или *въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева* на Страстномъ бульварѣ.

Въ С-Петербургѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — 2 р., для Франціи и Англіи — 2 р. 50 к., для Швейцаріи и Италіи — 3 р.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ**.